ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

ТОМЪ VIII.

ИЗДАНІЕ

Графа С. Д. Шереметева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр. 2 лин. 7.
—
1883

СТАРАЯ

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр. 2 лин. 7.

1883

Много скучныхъ людей въ обществѣ, но вопрошатели для меня всѣхъ скучнѣе. Эти жалкіе люди, не имѣя довольно ума, чтобы говорить пріятно о разныхъ предметахъ, но въ то же время не желая прослыть и нѣмыми, дождятъ поминутно вопросами къ стати или не къ стати сдѣланными, о томъ ни слова. Не можно-ли ихъ сравнить съ бутошниками, которые ночью спрашиваютъ у всякаго прохожаго: кто идетъ? единственно для того, чтобы показать, что они тутъ. Вольтеръ, встрѣтясь однажды съ извѣстнымъ охотникомъ до пустыхъ вопросовъ, сказалъ ему: очень радъ, что имѣю удовольствіе васъ видѣть; но сказываю вамъ напередъ, что ничего не знаю.

Не понимаю, сказала недавно Селимена, съ которою разговаривали о Петербургскихъ актерахъ, игравшихъ на Московскомъ театрѣ, какъ здѣшняя публика могла осыпать рукоплесканіями А....? — Что же находите въ этомъ удивительнаго? отвѣчалъ ей Оргонъ; всякій готовъ ласкать и обезьяну любимой женщины. Извѣстно, что А... мужъ славной Филисы.

Одинъ остроумный мизантропъ, пишетъ Шанфоръ, разсуждая о развращеніи людей, сказалъ: Богъ послалъ бы намъ и второй потопъ, когда бы увидѣлъ пользу отъ перваго.

Видѣли-ли вы Французскаго Короля? спросилъ однажды Фридрихъ у д'Аламбера.—Видѣлъ, ваше величество, отвѣчалъ философъ.—

Что же онъ вамъ сказалъ? — Онъ со мною не говорилъ. — Съ кѣмъ же онъ говоритъ? спросилъ король съ досадою.

N. смертный сынъ безсмертныя Кліо, то-есть историкъ, и, надобно прибавить, Русскій историкъ, находился однажды въ обществѣ, въ которомъ разсуждали о Вольтерѣ; всякой своимъ образомъ, хвалилъ сего великаго писателя. N. спорилъ со всѣми, наконецъ, сказалъ: согласенъ, государи мои: Вольтеръ писалъ изрядно; вѣрьте однако, что я никогда не простилъ бы себѣ, если бы могъ усомниться, что напишу что-нибудь хуже его. Что же написалъ г. N.? Бредни о Русской Исторіи. Вѣроятно, что книга Іоанна Масона о познаніи самого себя была ему неизвѣстна.

Галкинъ, добрый, но весьма простой человѣкъ, желаетъ прослыть пріятнымъ хозяиномъ—и для того самымъ страннымъ образомъ угощаетъ гостей своихъ. Напримѣръ, не умѣя съ ними разговаривать, онъ наблюдаетъ за каждымъ ихъ движеніемъ: примѣчаетъ-ли, что одинъ изъ присутствующихъ желалъ бы кашлянуть, но не смѣетъ, опасаясь помѣшать поющей тутъ дамѣ,—и тотчасъ начинаетъ, хотя и принужденно, кашлять громко и долго, дабы подать собою примѣръ; видитъ-ли, что нѣкто, уронивъ шляпу, очень отъ того покраснѣлъ, и тотчасъ самъ роняетъ столъ; потомъ подходитъ съ торжественнымъ видомъ къ тому человѣку, для котораго испугалъ все общество стукотнею, и говоритъ ему: видите-ли, что со мною случилась еще бо́льшая бѣда? Но часто онъ ошибается въ своихъ наблюденіяхъ. Напримѣръ, вчерашній вечеръ, когда мы всѣ сидѣли въ кружкѣ, онъ вздумалъ, не знаю почему, что мнѣ хочется встать, и тутъ же отодвинулъ стулъ свой; но видя, что я не встаю, садился и вставалъ по крайней мѣрѣ двадцать разъ, и все по-напрасну. — И я нынѣче услышалъ отъ одного моего пріятеля, что онъ, говоря обо мнѣ, сказалъ: онъ добрый малый; но, сказать между нами, ужъ слишкомъ скроменъ и стыдливъ.

Иные любятъ книги, но не любятъ авторовъ—не удивительно: тотъ, кто любитъ медъ, не всегда любитъ и пчелъ.

Панкратій Сумароковъ, удачный подражатель Богдановича въ каррикатурныхъ изображеніяхъ, коренной принадлежности Русскаго ума. Гдѣ Французъ улыбнется, Русскій захохочетъ. Французская эпиграмма хороша, когда задѣваетъ стрѣлою. Русская, когда хватитъ дубиною или ударитъ топоромъ. Французскіе глаза любятъ цвѣта нѣжные, но съ красивостью переливающіеся; Русскіе радуются краскамъ хотя и грубымъ, но яркимъ. Посмотрите на наши комедіи: тутъ уму нечего догадываться, зрителю дополнять. Все не въ бровь, а въ самый глазъ; все такъ глаза и колетъ; все высказано, выпечатано и перепечатано. То же можно сказать и о комическомъ духѣ Нѣмцевъ, Англичанъ, Испанцевъ, съ тою только разницею, что у насъ одинъ истинный комикъ, Фонъ-Визинъ, и то въ одной комедіи, а у тѣхъ существуетъ театръ народный.

Покойный Жолковскій, лучшій комическій актеръ Варшавскаго театра, на обвиненіе, дѣлаемое ему, что онъ иногда слишкомъ плотно шутитъ, отвѣчалъ: „Вы, живописцы образованные, не знаете ремесла театральныхъ маляровъ; я зрителей своихъ знаю. Мои декораціи слишкомъ грубо писанныя для васъ, глядящихъ на нихъ вблизи или сквозь искусственное стекло, издали только-что въ пору для нихъ“. Многіе изъ читателей нашихъ также читаютъ издали. Излишнія утонченности ускользаютъ отъ нихъ. Они не любятъ блѣдной, воздушной красоты ни въ тѣлесномъ, ни въ духовномъ: давай имъ красоту дородную, кровь съ молокомъ.

Я увѣренъ, что злые поклонники солнца радуются пасмурному дню. При такомъ свидѣтелѣ и судьѣ мудрено пуститься на худое дѣло. Солнце для нихъ тоже, что деревянныя головы, вставленныя въ потолокъ въ Краковскомъ судилищѣ, которыя, какъ разсказываетъ преданіе, взывали къ царю: „Будь справедливъ!“ Хорошо и каждому изъ насъ завести бы у себя хотя по одной такой

головѣ. „На то есть совѣсть“, скажете вы. Конечно, тѣмъ болѣе, что у многихъ она одеревенѣла не хуже деревянной башки.

Мало имѣть хорошее ружье, порохъ и свинецъ; нужно еще умѣть стрѣлять и мѣтко попадать въ цѣль. Мало автору имѣть умъ, свѣдѣнія и охоту писать; нужно еще искусство писать. Писатель безъ слога,—стрѣлокъ, непопадающій въ цѣль. Сколько умныхъ людей, которыхъ умъ притупляется о перо. У иного зубъ остеръ на словахъ; на бумагѣ онъ беззубый. Иной въ разговорѣ уноситъ васъ въ потокѣ живости своей; тотъ же на бумагѣ за душу васъ тянетъ. Шаховской, когда хочетъ васъ укусить, только что замуслитъ.

Слова—условленные знаки мыслей. Иныя имѣютъ въ глазахъ нашихъ цѣну существенную, вѣсовую и утвержденную временемъ и употребленіемъ; другія вводятся въ языкъ насильственно и цѣна ихъ условная. Государство не имѣетъ довольно звонкой монеты; оно прибѣгаетъ къ ассигнаціямъ. Языкъ не имѣетъ довольно коренныхъ словъ; онъ прибѣгаетъ къ словамъ составнымъ или относительнымъ. Для монетъ есть монетный дворъ, для словъ есть Академія; но она не выбиваетъ новыхъ словъ, а только свидѣтельствуетъ и клеймитъ старыя. Академія пробная палатка, но рудники: писатели. Когда годится ассигнація? Тогда, какъ пустившій ее въ ходъ за нее отвѣчаетъ и силою или довѣренностью, или другими средствами убѣждаетъ другихъ почитать ее тѣмъ, чѣмъ онъ ее выдаетъ. Или возьмемъ въ примѣръ марки клубныя, или городскихъ кассъ, употребляемыя въ иныхъ клубахъ и городахъ: внѣ общества, внѣ города, онѣ не имѣютъ никакой цѣны; но въ извѣстномъ кругѣ сіи марки почитаются настоящими представительными знаками денегъ и наравнѣ съ ними въ ходу. Отчего же бы по этому примѣру нельзя новому поколѣнію дополнить неимущество своего языка условленными звуками, преобразовавшими въ слова, долженствующія также, въ свою очередь, образовать глазамъ и ушамъ понятія,

еще не имѣющія выраженія на языкѣ? Въ финансовыхъ производствахъ скудость въ представительныхъ знакахъ, въ соразмѣрности съ потребностью, вознаграждается удвоеніемъ, утроеніемъ знаменованія представителя: то-есть, рубль дѣлается двумя рублями, и такъ далѣе. Въ языкѣ этого дѣлать нельзя, или по крайней мѣрѣ не должно. Слово, имѣющее два, три значенія, не годится ни на одно значеніе. Какъ же помочь? Иностранныхъ словъ брать не велятъ: отъ сего займа терпитъ народная спѣсь. Замѣтимъ, однако же, мимоходомъ, что Голландскіе червонцы у насъ въ ходу: кажется, было бы и слово чистаго золота, то брезговать не къ чему. Хуже отказываться отъ выраженія понятій намъ сродныхъ потому только, что они не приходили въ голову нашимъ предкамъ и чужды были ихъ вѣку. Какъ этимологи ни мучься надъ родословіемъ словъ — но все многія слова—звуки, выраженные на удачу, подкидыши на распутіи ума человѣческаго, которые послѣ того сдѣлались пріемышами, а тамъ уже усыновлены и узаконены порядкомъ. Зачѣмъ же намъ оставаться бездѣтными? Мы боимся подставочнымъ поколѣніемъ оскорбить наслѣдственныя права старшихъ братьевъ, которые, если разбирать строго, можетъ быть, окажутся еще ихъ беззаконнѣе. Въ дипломатикѣ употребляютъ же цыфры произвольныя, не заботясь о томъ, что никакая грамматика, никакой Словарь Академическій не дали знакамъ этимъ права гражданства. Дѣло въ томъ, чтобы понимать другъ друга. Какое же вывести заключеніе изъ всего сказаннаго? То, чтобы въ случаѣ недостатка словъ для выраженія понятій, для наименованія вещей, намъ равно необходимыхъ, равно свойственныхъ, рѣшились бы хотя на какомънибудь съѣздѣ писателей выбить изъ извѣстныхъ словъ и звуковъ новыя слова и безъ околичностей внести ихъ въ общій словарь Русскаго языка. Признаюсь, выведенное заключеніе нѣсколько напугать можетъ и не робкую душу самаго отчаяннаго неолога! Но какъ же помочь въ бѣдѣ? Впрочемъ, обращаюсь къ своему эпиграфу и укрываюсь въ его засадѣ: „Кидаю мысли свои на бумагу, и справляйся онѣ, какъ умѣютъ“.

Я нашелъ у старика Сумарокова прекрасное слово: *заблужденники*, которое тщетно послѣ того искалъ и въ Словарѣ Академическомъ и въ другихъ писателяхъ. Подобныя прилагательно-существительныя—совершенная находка: у насъ въ нихъ недостатокъ, а они выразительны и полновѣсны.

„Витійство лишнее природѣ злѣйшій врагъ“, сказалъ въ отвѣтъ на оду Майкова тотъ же Сумароковъ, у коего вырывались иногда стихи не красивые, но правильные и полные смысла, а особливо въ сатирахъ. Вотъ примѣры:

Предъ низкими людьми свирѣпствуй ты какъ чортъ,
Простой народъ и чтитъ того, кто гордъ.
(Наставленіе сыну).

Мой предокъ дворянинъ, а я неблагороденъ.
(О благородствѣ).

Но чѣмъ увѣрятъ насъ о прабабкахъ своихъ,
Что не было утѣхъ сторонниихъ и у нихъ.

„Сторонниихъ утѣхъ“ забавное и счастливое выраженіе.

Одинъ разсказывалъ: другой замѣтитъ тожъ:
Все мелетъ мельница; но что молола? Ложь.
(О злословіи).

Если издатели *Образцовыхъ Сочиненій* съ умысломъ перемѣнили стихъ Сумарокова о невѣждахъ, въ сатирѣ: *Пиита и его другъ:*

Ихъ тѣсто никогда въ сатирѣ не закиснетъ,

въ стихъ:

Ихъ мѣсто никогда въ сатирѣ не закиснетъ,

то двойною виною провинились они: противъ истины и поэзіи. Выраженіе Сумарокова не щеголевато, но забавно и точно. *Мѣсто* не закиснетъ не имѣетъ никакого смысла. Иногда же онъ въ сатирахъ своихъ просто ругается; иногда, по нынѣшнему, либеральничаетъ и крѣпко нападаетъ на злоупотребленія крѣпостного владѣнія, напримѣръ:

Ахъ! должно-ли людьми скотинѣ обладать?
Не жалко-ль, можетъ быкъ людей быку продать?

„Тѣло врага умершаго всегда хорошо пахнетъ“, сказалъ Вителлій и повторилъ Карлъ IX. Случалось-ли вамъ радоваться паденію соперника, лакомиться чтеніемъ дурнаго сочиненія непріятеля вашего, заслушиваться разсказа подробнаго о непохвальномъ поступкѣ человѣка, который сидитъ у васъ на шеѣ и на сердцѣ? Случалось-ли? Вѣрно: да! Случалось-ли въ томъ признаваться? Вѣрно: нѣтъ! И такъ не гнушайтесь вчужѣ чувствомъ Вителлія и Карла, а только дивитесь ихъ нескромному признанію.

Веревкинъ, сочинитель комедій: *Такъ и должно* и *Точь въ точь*, которая, какъ говорятъ, осмѣивала нѣкоторыхъ изъ Симбирскихъ лицъ и была представлена въ ихъ присутствіи. Переводчикъ *Корана*, издатель многихъ книгъ, напечатанныхъ безъ имени, а только съ подписью деревни его: Михалево, сдѣлался извѣстнымъ императрицѣ Елизаветѣ слѣдующимъ образомъ. Однажды, передъ обѣдомъ, прочитавъ какую-то Нѣмецкую молитву, которая ей очень понравилась, изъявила она желаніе, чтобы перевели ее на Русскій языкъ. „Есть у меня человѣкъ на примѣтѣ“, сказалъ Шуваловъ, „который изготовитъ вамъ переводъ до конца обѣда“, и тутъ же послалъ молитву къ Веревкину. Такъ и сдѣлано. За обѣдомъ принесли переводъ. Онъ такъ полюбился Императрицѣ, что тотчасъ же или вскорѣ за тѣмъ, наградила она переводчика 20,000 рублей. Вотъ что можно назвать успѣшною молитвою. Веревкинъ любилъ гадать въ карты. Кто-то донесъ Петру III о мастерствѣ его: послали за нимъ. Взявъ въ руки колоду картъ, выбросилъ онъ искусно на полъ четыре короля. „Что это значитъ?“ спросилъ Государь. Такъ фальшивые короли падаютъ передъ истиннымъ царемъ, отвѣчалъ онъ. Шутка показалась удачною, а гаданія его произвели сильное впечатлѣніе на умъ Государя. И на картахъ ему посчастливилось. Въ слѣдъ за этимъ отпустили ему долгъ казенный въ 40,000 рублей. Императоръ сказалъ о волшебномъ мастерствѣ Веревкина императрицѣ Екатеринѣ и пожелалъ, чтобы она призвала его къ себѣ. Явился онъ съ колодою картъ въ рукѣ. „Я слышала, что вы человѣкъ умный“, сказала Императрица, „неужели вы вѣруете въ подобныя нелѣпости?“ — Ни мало, отвѣчалъ

Веревкинъ.—„Я очень рада“, прибавила Императрица, „и скажу, что вы въ карты наговорили мнѣ чудеса“. Онъ былъ великій краснобай и разсказчикъ, много живалъ въ деревнѣ, но когда пріѣзжалъ въ Петербургъ, то съ шести часовъ утра прихожая его наполнялась присланными съ приглашеніями на обѣдъ или вечеръ; хозяева сзывали гостей на Веревкина. Отправляясь на вечеринку или на обѣдъ, говорятъ, спрашивалъ онъ у товарищей своихъ: „Какъ хотите: заставить-ли мнѣ сегодня слушателей плакать или смѣяться?“ И съ общаго назначенія то морилъ со смѣха, то приводилъ въ слезы. Это похоже на Французскихъ говоруновъ стараго вѣка. Шамфоръ, Рюльеръ также были артисты рѣчи и разыгрывали свой разговоръ въ Парижскихъ гостиныхъ по приготовленнымъ темамъ. Веревкинъ когда-то написалъ шутку на Суворова, въ которой осмѣивалъ странныя причуды его. Суворовъ зналъ о ней. Веревкинъ былъ въ военной службѣ, а послѣ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ; былъ въ дружеской связи съ Фонъ-Визиномъ и уважаемъ Державинымъ, который былъ ученикомъ въ Казанской гимназіи, когда Веревкинъ былъ ея директоромъ. „Помнишь-ли какъ ты назвалъ меня болваномъ и тупицею?“ говаривалъ потомъ бывшему начальнику своему тупой ученикъ, переродившійся въ статсъ-секретаря и перваго поэта своей націи (Разсказано мнѣ родственникомъ его, генераломъ Веревкинымъ, который послѣ былъ комендантомъ въ Москвѣ).

Напрасно Шлегель говоритъ въ своей драматургіи: „Если Расинъ въ самомъ дѣлѣ сказалъ, что онъ отличается отъ Прадона единственно тѣмъ, что умѣетъ писать, то жестоко былъ къ себѣ несправедливъ“. Конечно, должно дополнить это мнѣніе, но помнить притомъ, что Расинъ сказалъ это во Франціи: слогъ у Французовъ первая необходимость; у Нѣмцовъ, уже по другой крайности, онъ часто послѣднее условіе. Въ искусствахъ нельзя не цѣнить отдѣлки: Нѣмцы же все цѣнятъ на вѣсъ. Поэтому и сужденія Шлегеля о Французскомъ театрѣ часто ошибочны и пристрастны: онъ судилъ о немъ, и вообще Нѣмцы судятъ о Французской литературѣ не какъ знатоки или охотники, но какъ заимодавцы подъ вещи. Фран-

цузы выше всего ставятъ ясность и щегольство слога; Корнель на театрѣ ихъ почти позабытъ. Грубый стихъ, дикое выраженіе, въ глазахъ ихъ грѣхъ неискупимый и переживаетъ, то-есть хоронитъ цѣлую поэму. Лемьеръ, авторъ поэмъ и трагедій, въ которыхъ есть точно существенное достоинство, извѣстенъ у нихъ частою стычкою несладкозвучныхъ согласныхъ, шероховатостью и проч. Нѣтъ Француза, который не зналъ бы этихъ стиховъ его:

Crois—tu d'un tel forfait Manco-Capac capable?
и Opera sur roulette et qu'on porte à dos d'homme.

И никто уже не заглядываетъ въ его творенія, оглашенныя подобными стихами. Уши Нѣмцовъ уживчивѣе. Вообще иностранцу можно, какъ наблюдателю, говорить о словесности чуждаго народа, но никогда не должно позволять себѣ излагать о ней судейскіе приговоры. Въ разсмотрѣніи тяжбы подсудимаго должно держаться уложенія, которому онъ подлежитъ, а нельзя съ своими законами идти на управу въ чужую землю.

Если не признавать цѣны отдѣлки, вкуса, свойственнаго такому-то народу и такому-то вѣку, какъ постигнуть уваженіе древности къ Анакреону? О нашемъ уваженіи уже не говорю: оно суевѣріе и присвоено нами по преданію. Переводить сухою прозою Анакреона, тоже что переложить на Русскія слова каламбуры маркиза Біевра; а Горацій все еще живъ, во Французскомъ переводѣ, какъ ни душитъ его прозаикъ Батте.

Въ той же комнатѣ Англійской гостинницы Варшавской, въ коей Наполеонъ послѣ бѣдственнаго Русскаго похода давалъ свою достопамятную аудіенцію Прадту и нѣкоторымъ Полякамъ, былъ положенъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, трупъ Моро, во время перевоза бренныхъ останковъ его въ Петербургъ. У судьбы много такихъ драмматическихъ выходокъ.

Одно изъ любимыхъ чтеній Кострова было романъ *Вертеръ*. Когда онъ бывалъ на-веселѣ, заставлялъ себѣ читать его и заливался слезами. Однажды въ подобномъ положеніи, послѣ чтенія продиктовалъ онъ любовное письмо, во вкусѣ *Вертера*, къ прежней своей возлюбленной. Жаль, что не сохранился сей любопытный памятникъ переводчика *Иліады*. Костровъ не любилъ стиховъ Петрова: за чашею или послѣ чаши всегда слушалъ ихъ съ удовольствіемъ. Онъ былъ истинный чудакъ, и знавшіе его коротко разсказываютъ о немъ много забавныхъ странностей. Бывало входитъ онъ въ комнату пріятелей своихъ въ шляпѣ трехугольной, сниметъ для поклона и снова надѣнетъ на глаза, сядетъ въ уголъ и молчитъ. Только, когда услышитъ отъ разговаривающихъ рѣчь любопытную или забавную, то приподыметъ шляпу, взглянетъ на говоруна и опять ее насунетъ. Онъ такъ былъ нравами непорочент, что въ домѣ Шувалова отведена была ему комната возлѣ дѣвичьей. Однажды входитъ къ нему Дмитріевъ и застаетъ его на креслахъ передъ столомъ, на коемъ лежитъ Греческій Гомеръ, въ пергаментѣ, возлѣ Кострова горничная дѣвушка, а онъ сшиваетъ разные лоскутки. „Что это вы дѣлаете, Ермилъ Ивановичъ?“— „А вотъ, дѣвчата понадавали мнѣ лоскутья, такъ сшиваю ихъ, чтобы не пропали“. Добродушіе его было плѣнительное. Его вывели на сцену въ одной комедіи, кажется, нынѣ покоющейся на обширномъ кладбищѣ нашего *Россійскаго Θеатра*, и онъ любилъ заставлять при себѣ читать явленія, въ коихъ представленъ онъ былъ въ смѣшномъ видѣ. „Ахъ! онъ пострѣлъ“, говаривалъ онъ объ авторѣ, „да я въ немъ и не подозрѣвалъ такого ума. Какъ онъ славно потрафилъ меня!“ Карамзинъ встрѣтился съ нимъ въ книжной лавкѣ, за нѣсколько дней до кончины его. Онъ былъ измученъ лихорадкою. „Что это съ вами сдѣлалось?“ спросилъ его Карамзинъ.—„Да вотъ какая бѣда“, отвѣчалъ онъ, „всегда употреблялъ горячее, а умираю отъ холоднаго“. Онъ сказывалъ о себѣ, что онъ сынъ дьячка, но на первой одѣ его напечатанной выставлено, что сочинена крестьяниномъ казенной волости (Все сказанное о Костровѣ слышано отъ И. И. Дмитріева).

Скоро наскучишься людьми, у коихъ душею бываетъ умъ: надежны одни тѣ, у коихъ умомъ душа. Вовенаргъ сказалъ: мысли высокія истекаютъ изъ сердца. Можно прибавить: и пріемлются сердцемъ. Слова человѣка съ умомъ цыфры: ихъ должно примѣнять, высчитывать, повѣрять; слова человѣка съ душею дѣянія. Онѣ увлекаютъ воображеніе, согрѣваютъ сердце, убѣждаютъ умъ.

Женщины господствуютъ въ жизни силою слабостей своихъ и нашихъ. Онѣ напоминаютъ изваяніе, представляющее Амура, который обуздалъ льва. Онъ царь; но дитя сѣлъ ему на шею.

О Херасковѣ можно сказать, что онъ сохранилъ до старости холодность, замѣтную въ первыхъ стихахъ его молодости.

Музыка и живопись.

Музыка искусство независимое: живопись подражательное и слѣдовательно подвластное. Послѣдняя говоритъ душѣ посредствомъ глазъ и дѣйствуетъ преимущественно на память, уподобленіемъ съ тѣмъ, что есть и что мы видѣли или могли видѣть. Первая только по условію покорилась опредѣленнымъ формамъ, но по существу своему она всеобъемлюща. Есть музыка безъ нотъ, безъ инструментовъ. Въ живописи все вещественно: отнимите кисть, карандашъ, и она не существуетъ. Живое, въ ней оптическій обманъ. Истинное въ ней: краски, кисти, холстъ, бумага—мертвое. Въ музыкѣ обманъ то, что въ ней есть мертвое. Ноты цыфры ея, соображеніе строевъ, созвучій, математика ихъ, все это условное, безжизненное. Живое въ ней почти не осязается чувствомъ. Живопись была сначала ремесломъ, рукодѣльемъ: уже послѣ сдѣлалась она твореніемъ. Музыка твореніе первобытное и только изъ угожденія прихотямъ, или недостаткамъ человѣческимъ сошла она въ искусство. Шумъ вѣтровъ, ропотъ волнъ, трескъ громовъ, звучные и томные переливы соловья, изгибы человѣческаго голоса, вотъ музыка довременная всѣмъ инструментамъ. Живопись

наука; музыка способность. Искусство говорить наука благопріобрѣтенная; но даръ слова родовое достояніе человѣка. Не будь частей рѣчи, не будь словъ, не менѣе того были бы звуки неопредѣленные, сбивчивые, но все болѣе, или менѣе понятные для употребляющихъ; не будь нотъ, генералъ-баса, а все была бы музыка. Музыка чувство; живопись понятіе. Въ первой чувство родило понятіе; въ другой отъ понятій родилось чувство. Господствующее сродство музыки съ нами: ея переходчивость. Мы симпатизируемъ съ тѣмъ, что также минутно, также неутвердимо, также загадочно, неопредѣленно, какъ мы. Звукъ потрясъ нашу душу и нѣтъ его, наслажденіе обогрѣло наше сердце и нѣтъ его. Въ живописи видны уже разсчетъ разсудка, цѣль, намѣреніе установить преходящее, воскресить минувшее, или будущему передать настоящее. Это уже промышленность. Въ музыкѣ нѣтъ никакихъ хозяйственныхъ распоряженій человѣка, минутнаго хозяина въ жизни. Душа порывается отъ радости или печали; она выливается въ восклицаніе, или стонъ Ей нѣтъ потребности передать свои чувства другому, она просто не могла утаить ихъ въ себѣ. Они въ ней заговорили, какъ Мемнонова статуя, пораженная лучемъ денницы. Вотъ музыка. Есть солнце гармоніи: оно дѣйствуетъ на своихъ поклонниковъ, согрѣваетъ и оплодотворяетъ ихъ гармоническою теплотою. Часто слышишь, что живопись предпочитается какъ упражненіе, болѣе независимое отъ обстоятельствъ, удобнѣе, чтобы провести или, какъ говорится, убивать время, слѣдовательно прибыльнѣе для сбывающихъ съ рукъ его излишество. Тутъ идетъ дѣло о пользѣ, а я и о наслажденіи думать не хочу: говорю о потребности, о необходимости. Горе музыканту или поэту, принимающемуся за пѣсни отъ скуки. Оставимъ это промышленникамъ. Несчастный, уязвленный въ душѣ, какъ бы ни былъ страстенъ къ живописи, возмется ли за кисть въ первую минуту пораженія; развѣ послѣ, когда опомнится и покорится разсудку, предписывающему разсѣяніе. Безъ сомнѣнія музыкантъ и поэтъ, если живо поражены, не станутъ также считать стопы или сводить звуки; но ни въ какое время, какъ въ минуты скорби душевной, душа ихъ не была музыкальнѣе и поэтичнѣе. Однако же и живопись имѣетъ въ насъ природное соотвѣствіе. Мы часто спускаемъ взоры съ подлинной картины при-

роды, и задумчиво заглядываемся на повтореніе ея въ зеркалѣ воды, отражающемъ ее слабо, но съ оттѣнками привлекательными. Человѣкъ по возвышенному назначенію ищетъ совершенства; но по тайной склонности любуется въ несовершенствахъ. Неотразимо чувствуя въ душѣ преимущество музыки надъ живописью, я готовъ почти примѣнить сказанное мною о живописи къ поэзіи, въ сравненіи съ музыкою, признавая, однакожъ, въ поэзіи много свойствъ живописи и музыки. Впрочемъ музыка одна и нераздѣльна (une et indivisible), какъ покойная Французская республика. Въ поэзіи много удѣльныхъ княжествъ: есть поэзія ума, поэзія воображенія, поэзія нравоученія, поэзія живописная, поэзія чувства, которая есть законнѣйшая, ближайшая къ общей родоначальницѣ поэзіи природы, поэзіи вѣчной. Есть же поэзія безъ стиховъ: на стихи безъ поэзіи указывать нечего. Въ условленномъ выраженіи поэзіи есть слишкомъ много примѣси прозаической. Поэзія ангелъ въ одеждѣ человѣческой; музыка прозрачно подернута эфирнымъ покровомъ. Она ничего не представляетъ и все изображаетъ; ничего не выговариваетъ и все выражаетъ; ни за что не отвѣтствуетъ и на все отвѣчаетъ. Языкъ поэзіи, стихотворство, есть языкъ простонародный, облагороженный выговоромъ. Музыка языкъ отдѣльный, цѣльный. Ихъ можно примѣнить къ письменамъ демотическимъ (народнымъ) и гіератическимъ (священно-служебнымъ), бывшимъ въ употребленіи у древнихъ Египтянъ. Музыка усовершенствованные, возвышенные іероглифы: въ нихъ все мірскіе же знаки изображали человѣческія понятія. Въ музыкѣ знаки безтѣлесные возбуждаютъ впечатлѣнія отвлеченныя. Въ поэзіи есть представительство чего-то положительнаго; въ музыкѣ все неизъяснимо, все безотвѣтственно, какъ въ идеальной жизни очаровательнаго и стройнаго сновидѣнія. Что ни дѣлай, а таинственность, неопредѣлимость: вотъ вѣрнѣйшая прелесть всѣхъ наслажденій сердца. Мы прибѣгаемъ къ изящнымъ искусствамъ, когда житейское, мірское уже слишкомъ намъ постыло. Мы ищемъ новаго міра, и вожатый, далѣе водящій по сей тайной области, есть вѣрнѣйшій любимецъ души нашей. Этотъ вожатый, этотъ увлекатель и есть музыка. Ангелы, херувимы, серафимы, въ горнихъ предѣлахъ, не живописуютъ силы Божіей, а воспѣваютъ ее. Если пришлось бы подвести искусства подъ іерархическій по-

рядокъ, вотъ какъ я разпредѣлилъ-бы ихъ: 1-я Музыка, 2-я Поэзія, 3-е Ваяніе, 4-е Живопись, 5-е Зодчество.

Что за страсть, если она не страданіе? Не даромъ на языкѣ христіанскомъ имѣютъ онѣ одно значеніе. Должно пить любовь изъ источника бурнаго; въ чистомъ и тихомъ она становится усыпительнымъ напиткомъ сердца. Счастіе тотъ же сонъ.

Откровенная женщина говаривала: люблю старшаго своего племянника за то, что онъ уменъ; меньшого, хотя онъ и глупъ, за то, что онъ мой племянникъ. Такъ любимъ мы свои способности и неспособности, духовныя силы и немощи, добрыя качества и пороки. Порокъ, каковъ онъ ни есть, все-же нашъ племянникъ.

Опытность не дочь времени, какъ говорится ложно, но событій (Pradt de la Belgique).

Риваролъ говорилъ о союзникахъ въ продолженіе революціонной войны: они всегда отстаютъ одною мыслью, однимъ годомъ и одною арміею (Тутъ-же).

Мнѣ всегда забавно видѣть, какъ издатели и біографы сатириковъ ограждаютъ божбами совѣсть ихъ отъ подозрѣній въ злости и стараются задобривать читателей въ пользу своихъ литтерратурныхъ кліентовъ. Не все-ли равно распинаться за хирурга въ томъ, что онъ не кровожадный истязатель и душегубецъ; но сатирикъ операторъ, срѣзывающій наросты и впускающій щупъ въ заразительныя раны. Къ тому же не часто ли видимъ, что писатель на бумагѣ совершенно другой человѣкъ изустно. Забавный комикъ на сценѣ можетъ въ домашнемъ быту смотрѣть сентябремъ, а трагикъ

быть весельчакомъ. Умъ вольный козакъ и не всегда покоряется дисциплинѣ души и права. Душа всегда таже; умъ разнообразенъ, какъ оборотень. Дидеротъ говоритъ: „зачѣмъ искать автора въ лицахъ, имъ выводимыхъ? Что общаго въ Расинѣ съ *Гвволіею*, въ Мольерѣ съ *Тартюфомъ?*“

Лучшая эпиграмма на Хераскова отпущена Державинымъ безъ умысла въ одѣ: *Ключъ*.

Священный Гребеневскій ключъ!
Пѣвца безсмертной Россіяды
Поилъ водой ты стихотворства.

Вода стихотворства, говоря о поэзіи Хераскова, выраженіе удивительно вѣрное и забавное!

Чтобы твердо выучиться людямъ, не подслушивать, а подмѣчать ихъ надобно. Одни новички проговариваются, но и у самыхъ мастеровъ сердце не рѣдко пробивается на лицѣ, или въ движеніяхъ. Зашедши въ гости, графъ Ростопчинъ забылъ золотую табакерку въ сертукѣ; спохватившись, выходитъ онъ въ переднюю и вынимаетъ ее изъ кармана. Замѣтя это, одинъ изъ лакеевъ поморщился и сдѣлалъ губами безмолвное движеніе, которое выпечатало невольное признаніе: ахъ, если бы я это зналъ!

Филиппъ писалъ Аристотелю: не столько за рожденіе сына благодарю боговъ, сколько за то, что онъ родился въ твое время.

Многіе классики не столько радуются творенію своему, сколько тому, что оно создано по образу и подобію Аристотеля. Одинъ врачъ говорилъ про своего умершаго паціента: онъ не выздоровѣлъ, но, по крайней мѣрѣ, умеръ при всѣхъ условіяхъ и предписаніяхъ науки.

И овцы цѣлы и волки сыты, было въ первый разъ сказано лукавымъ волкомъ, или подлою овцею или нерадивымъ пастухомъ. Счастливо то стадо, вокругъ коего волки околѣваютъ съ голода.

Сколько книгъ, которыя прочитаешь одинъ разъ для очистки совѣсти, чтобы при случаѣ сказать: я читалъ эту книгу! такъ дѣлаешь иные годовые визиты, чтобы карточка твоя была внесена во время въ собраніе приворотника, оттуда въ гостиную и на другой день заброшена въ вазу, а если имя твое въ чести, то воткнута въ зеркальную раму. Видно имя, но не видать человѣка; остается заглавіе, но ничего изъ книги не осталось. Не всѣ книги, не всѣ знакомства въ прокъ и по сердцу. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ насчитаешь много шляпочныхъ связей. Лишнее знакомство вредитъ истинной пріязни, похищаетъ время у дружбы; лишнее чтеніе не обогащаетъ ни памяти, ни разсудка, а только забираетъ мѣсто въ той и другомъ, а иногда и выживаетъ пользу дѣйствительную. Теперь много занимаются составленіемъ изданій сжатыхъ (éditions compactes); но эта экономія относится только до сбереженія бумаги: хорошо, если нашли бы способъ сжимать понятія и свѣдѣнія (впрочемъ безъ прижимки) и такимъ образомъ сберечь время читателя, которое дороже бумаги. Какъ досаденъ гость не въ пору, которому отказать нельзя; какъ досадно появленіе книги, которую непремѣнно должно прочесть сырую со станка, когда вниманіе ваше углубилось въ чтеніе залежавшейся или отвлечено занятіемъ, не имѣющимъ никакой связи съ нею.

По новымъ усовершенствованіямъ типографической промышленности во Франціи, семьдесятъ томовъ Вольтера сжаты въ одинъ томъ. Что будетъ съ нами, если сей способъ стисненія дойдетъ до насъ? Вообразите себѣ на мѣсто дороднаго и высокорослаго Вольтера инаго словесника нашего или ученаго извѣстнаго, извѣстнѣйшаго, почтеннаго, почтеннѣйшаго, достопотченнаго, по техническимъ титуламъ отличія въ табели о рангахъ авторовъ, употреб-

ляемымъ въ языкѣ журнальномъ, газетномъ и книжномъ. Того и смотри, что вдавятъ его въ пять или шесть страницъ.

Ломоносовъ сказалъ: *мокрый амуръ*. Многія изъ элегій и любовныхъ пѣсенъ нашихъ писаны подъ его водянымъ вліяніемъ. На бумагу авторовъ сыпались не искры съ пламенника амура, а дождевыя капли съ крыльевъ его. *Мокрый амуръ*, мокрая крыса, мокрая курица (poule mouillée) все это идетъ одно къ другому.

Никому не весело быть въ дуракахъ, а особливо же дураку. По настоящему одни умные люди могутъ попадаться въ просакъ; другіе отъ природы получили тутъ осѣдлость. Видимъ примѣры, что дураки попадаютъ въ умные люди; какъ тупое копье, брошенное чужою силою, они попадаютъ въ цѣль на мгновеніе, но не имѣя въ себѣ ни цѣпкости, ни остроконечности они своимъ вѣсомъ падаютъ стремглавъ. Подумаешь, что именно для этихъ людей выдумано выраженіе: подымать на смѣхъ.

Смотря на современный литтературный міръ въ Европѣ, можетъ быть, признаешься, что въ немъ пѣтъ богатырей, которые являлись прежде на сценѣ; но читатели нынѣшніе разсудительнѣе и многочисленнѣе прежнихъ. И въ такомъ случаѣ все еще есть перевѣсъ на сторонѣ нашего вѣка. Живописна картина нѣсколькихъ вѣтвистыхъ исполиновъ, уединенно разбросанныхъ по обширной равнинѣ; разсчетливый же хозяинъ дорожитъ болѣе рощею ровною, но дружно усаженною деревьями сочными и матерыми.

Херасковъ гдѣ-то говоритъ:

„Коль можно малу вещь великой уподобить“: и очень можно. Въ уподобленіяхъ именно приличнѣе восходить, чѣмъ спускаться; но Поэтъ сказалъ однако же о лунѣ:

Ядро казалось раскаленно,
и на ту минуту былъ живописцемъ.

Херасковъ чудесное, смѣлое разсказываетъ всегда, какъ дѣти разсказываютъ свои сны съ оговоркою: будто.

И будто трубный гласъ возсталъ вь пещерахъ мрачныхъ,
И будто возгремѣлъ безъ молній громъ въ дали,
И будто бурная свирѣпствуя вода,
Отъ солнечныхъ лучей, какъ будто отъ огня.

Будто это поэзія!

Многихъ изъ стихотворцевъ съ перомъ въ рукѣ можно представить себѣ въ видѣ старухи за чулкомъ: она дремлетъ, а пальцы ея сами собою движутся и чулокъ между тѣмъ вяжется. За то на сколькихъ поэтическихъ ногахъ видимъ чулки со спущенными петлями!

Лафонтенъ, какъ полагаютъ иные, создалъ слово fabuliste; самъ же далъ поводъ къ созданію слова *fablier*, qui porte des fables, comme un pommier des pommes. Основываясь на этомъ словопроизводствѣ, можно сказать о Хемницерѣ или Крыловѣ: онъ *басенникъ*, отъ слова яблоня, а объ иномъ: онъ *баснинка*, отъ слова: осина. Читая притчи же другаго какъ не подумать, что онѣ держатся стариннаго, простонароднаго значенія *притчи*, ошибки, несчастнаго случая. Безъ притчи вѣка не изживешь, говоритъ пословица; а каково же, когда придется весь свой вѣкъ изжить на притчахъ? Не въ добрый часъ ему попритчилось, сказалъ я по прочтеніи собранія извѣстныхъ притчей.

Въ ночь на Ивановъ день изстари зажигались на высотахъ кругомъ Ревеля огни, бочки съ смолою, огромные костры; всѣ жители толпами пускались на ночное пилигримство, собирались, ходили вокругъ огней, и сіе празднество, въ виду живописнаго Ревеля, въ виду зерцала моря, отражающаго прибрежное сіяніе, должно было имѣть нѣчто поэтическое и торжественное. Нынѣ развѣ кое гдѣ блещутъ сиротливые огни, зажигаемые малымъ числомъ поклонниковъ старины. Это жаль. Вездѣ падаютъ народные обычаи, преданія и повѣрья. Народы какъ будто стыдятся держаться привы-

чекъ дѣтства, достигнувъ совершеннолѣтія. Хорошо инымъ; но зачѣмъ отставать отъ поэзіи бабушкиныхъ сказокъ другимъ, все таки еще чуждымъ прозы просвѣщенія? Право, многимъ поребячиться еще не грѣшно. Мы съ своею степенностью и нагою разсудительностью смѣшны, какъ дѣти, которыя важничаютъ въ маскарадахъ, навьюченные парикомъ съ буклями, Французскимъ кафтаномъ и шпагою. Крайности смежны. Истинное, коренное просвѣщеніе возвращаетъ умы къ нѣкоторымъ дѣдовскимъ обычаямъ. Старость падаетъ въ ребячество, говоритъ пословица; такъ и съ народами; но только они заимствуютъ изъ своего ребячества то, что было въ немъ поэтическаго. Это не малодушіе, а набожная благодарность. Старикъ съ умиленнымъ чувствомъ, съ нѣжнымъ благоговѣніемъ смотритъ на дерево, на которое онъ лазилъ въ младенчествѣ, на лугъ, на которомъ онъ рѣзвился. Въ возрастѣ мужества, въ возрастѣ какого-то благоразумнаго хладнокровія, онъ смотрѣлъ на нихъ глазами сухими и въ сердцѣ безмолвномъ не отвѣчалъ на голосъ старины, который подавали ему ея краснорѣчивые свидѣтели. Старость ясная лебединая пѣснь жизни, совершенной во благо, имѣетъ много созвучія съ юностью изящною; поэзія одной сливается съ поэзіей другой, какъ вечерняя заря съ молодымъ разсвѣтомъ. Возрастъ зрѣлости есть душный, сухой полдень; благотворный, ибо въ немъ сосредоточивается зиждительное дѣйствіе солнца, но менѣе богатый оттѣнками, болѣе однообразный, вовсе не поэтическій. Литературы, сіи выраженія вѣковъ и народовъ, подтверждаютъ наблюденіе. Литература, обошедши кругъ общихъ мыслей, занятій, истинъ, выданныхъ намъ счётомъ, кидается въ источники первобытныхъ вдохновеній. Смотрите на литературу Англійскую, Германскую: Шекспиръ, утро; Попъ, полдень; Вальтеръ Скоттъ, вечеръ.

„Когда я началъ учиться Англійскому языку“, говоритъ Вольтеръ о Шекспирѣ, „я не понималъ, какъ могъ народъ столь просвѣщенный уважать автора столь сумасброднаго; но познакомившись короче съ Англійскимъ языкомъ, я увѣрился, что Англичане правы, что невозможно цѣлой націи ошибаться въ чувствѣ своемъ и не знать, чему она радуется (et à tort d'avoir du plaisir)„. Умъ

Вольтера былъ удивительно свѣтелъ, когда не находили на него облака предубѣжденія или пристрастія. Въ словахъ, здѣсь приведенныхъ, есть явное опроверженіе шутокъ и объясненій, устремленныхъ тѣмъ же Вольтеромъ на *пьянаго дикаря*. Будь Шекспиръ пьяный дикарь, то дикарями должны быть и просвѣщенные Англичане, которые поклоняются ему, какъ кумиру ихъ народной славы. Дѣло въ томъ, что должно глубоко вникнуть въ нравы и въ духъ чуждаго народа, совершенно покумиться съ нимъ и отрѣчься отъ всѣхъ своихъ народныхъ повѣрій, мнѣній и узаконеній, готовясь приступить къ сужденію о литературѣ чуждой. Шекспиристы, говоря о трагедіяхъ Расина: „и Французы называютъ это трагедіею?“ похожи на Французскихъ солдатъ, которые, не окрещенные при рожденіи своемъ Русскимъ морозомъ и незванные гости на Руси, восклицали въ 1812 году, страдая отъ голода и холода: „и несчастные называютъ это отечествомъ! (et les malheureux appellent cela une patrie!)“

Слава хороша, какъ средство, какъ деньги, потому что на нее можно купить что-нибудь. Но тотъ, кто любитъ славу единственно для славы, также безуменъ, какъ скупецъ, который любитъ деньги для денегъ. Безкорыстіе славолюбиваго и скупаго — противорѣчія. Счастливъ, кто, жертвуя славѣ, думаетъ не о себѣ, а хочетъ озарить ею могилу отца и колыбель сына.

Бѣда иной литературы заключается въ томъ, что мыслящіе люди не пишутъ, а пишущіе люди не мыслятъ.

Сумароковъ единственъ и удивительно милъ въ своемъ самохвальствѣ; мало того, что онъ выставлялъ для сравненія свои и Ломоносова строфы, и, отдадимъ справедливость его праводушію, лучшія строфы Ломоносова.—Онъ еще далъ другое доказательство въ простосердечіи своего самолюбія. Въ прозаическомъ отрывкѣ: О путешествіяхъ, вызывается онъ за 12,000 рублей, сверхъ его жа-

лованья, объѣздить Европу и выдать свое путешествіе, которое, по мнѣнію его, заплатитъ казнѣ съ излишкомъ; ибо считая, что продастся его шесть тысячъ экземпляровъ, по три рубля каждый, составится 18,000 рублей,—продолжаетъ: „Ежели бы такимъ перомъ, каково мое, описана была вся Европа, не дорого бы стоило Россіи, ежели бы она и триста тысячъ рублевъ на это безвозвратно употребила“.

Стиховъ его по бо́льшей части перечитывать не можно, но отрывки его прозаическіе имѣютъ какой-то о́тпечатокъ странности и при всемъ неряшествѣ своемъ нѣкоторую живость и игривость ума, всегда заманчивыя, если не всегда удовлетворительныя въ глазахъ строгаго суда.

Въ общежитіи былъ онъ, сказываютъ, также живъ и заносчивъ, какъ и въ литтературной полемикѣ; часто не могъ онъ, на зло себѣ, удержаться отъ насмѣшки, и часто крупными и рѣзкими выходками наживалъ себѣ непріятелей.

Онъ имѣлъ тяжебное дѣло, которое поручилъ ходатайству какого-то г-на Чертова. Однажды, написавъ ему письмо по этому дѣлу, заключилъ его такимъ образомъ: „съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть не вамъ покорный слуга, потому что я Чертовымъ слугою быть не намѣренъ, а просто слуга Божій, Александръ Сумароковъ“.

Свидѣтель слѣдующей сцены, Павелъ Никитичъ Каверинъ, разсказалъ мнѣ ее: „Въ какой-то годовой праздникъ, въ пребываніе свое въ Москвѣ, пріѣхалъ онъ съ поздравленіемъ къ Н. П. Архарову, и привезъ новые стихи свои, напечатанные на особенныхъ листкахъ. Раздавъ по экземпляру хозяину и гостямъ знакомымъ, спросилъ онъ о имени одного изъ посѣтителей, ему неизвѣстнаго. Узнавъ, что онъ чиновникъ полицейскій и довѣренный человѣкъ у хозяина дома, онъ и его подарилъ экземпляромъ. Общій разговоръ коснулся до драмматической литтературы; каждый взносилъ свое мнѣніе. Новый знакомецъ Сумарокова изложилъ и свое, которое по несчастью не попало на его мнѣніе. Съ живостью вставъ съ мѣста, подходитъ онъ къ нему и говоритъ: „прошу покорнѣйше отдать мнѣ мои стихи, этотъ подарокъ не по васъ; а завтра для праздника пришлю вамъ возъ сѣна или куль муки“.

Мнѣніе одного государственнаго человѣка, а именно канцлера графа Румянцова, что въ характерѣ Наполеона отзывалось нѣкоторое простодушіе (bonhomie), было въ свое время выдано за мнѣніе несообразное и слишкомъ простосердечное. Не повѣряя онаго характеристиками Наполеона, начертанными многими изъ приближенныхъ его, которые посвятили насъ въ таинство его частной жизни и разоблачили предъ нами героя исторіи, являя просто человѣка, — можно, кажется, по одному нравственному соображенію признать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ истину приведеннаго заключенія. Въ порѣ могущества нечего ему было лукавить; однимъ лукавствомъ не совершилъ бы онъ геркулесовскихъ подвиговъ, ознаменовавшихъ грозное его поприще; тутъ нужны были страсти, а страсти откровенны.

Суворовъ былъ остеръ не одною оконечностью штыка, но и пера; натискъ эпиграммы его былъ также сокрушителенъ. Онъ писалъ однажды объ одномъ генералѣ: „онъ человѣкъ честный, воображаю, что онъ хорошо знаетъ свое ремесло и потому надѣюсь, что когда-нибудь да вспомнитъ, что есть конница въ его арміи“.

О нѣкоторыхъ сердцахъ можно сказать, что они свойства непромокаемаго (imperméable, water-proof). Слезы ближнихъ не пробиваютъ ихъ, а только скользятъ по нимъ.

Отъ чего это мало-по-малу всѣ крадутся въ дверь изъ этой комнаты? Что за гостинная эмиграція? — „Вѣрно N. N. началъ тамъ разсказывать анекдоты“. Это напоминаетъ мнѣ одно острое слово покойника графа Апраксина, котораго, впрочемъ, весь разговоръ былъ фейерверкъ острыхъ словъ. Назвался къ нему однажды обѣдать знакомый, теперь также покойникъ, но который при жизни слылъ не даромъ неутомимымъ и утомительнымъ повѣствователемъ. При большой медленности въ производствѣ мыслей, отличался онъ еще и большою медленностью въ произношеніи словъ. Я пришелъ про-

сить у васъ отпуска на 28 дней, сказалъ Апраксинъ начальнику своему въ день назначеннаго обѣда. Что тебѣ вздумалось, отвѣчали ему: ты знаешь, теперь не время. „Не управлюсь прежде“, отвѣчалъ Апраксинъ, „у меня сегодня обѣдаетъ такой-то“.

Англійскій министръ при Дворѣ Екатерины сказалъ на ея похоронахъ: On enterre la Russie.

Недвижима лежитъ, кѣмъ двигалась вселенна, сказалъ о ней же Петровъ въ одной своей одѣ. Въ царствованіи Екатерины такъ много было обаятельнаго, изумляющаго и величественнаго, что восторженныя выраженія о ней натурально и какъ-то сами собою приходили на умъ. Но за то эта восторженность наводила иногда поэтовъ и на смѣшныя картины. Кажется, Шатровъ сказалъ въ своемъ стихотвореніи на смерть Екатерины:

О ты, которую никто не могъ измѣрить
Теперь измѣрена саженью рукъ моихъ.

Написать бы картину: Шатровъ, на колѣняхъ предъ гробницею императрицы, растягиваетъ руки какъ землемѣръ или сидѣлецъ въ лавкѣ бумажныхъ и шерстяныхъ товаровъ.

Главный порокъ въ *Душенькѣ* есть однообразіе. Нужно было оживить разсказъ игривыми намеками и вставить два-три эпизода. Остроумные, т.-е. сатирическіе или философическіе вымыслы дали бы цѣлому содержанію болѣе замысловатости и заманчивости. А теперь все наведено одной и той же краской. Строгая критика осудитъ также встрѣчающееся иногда смѣшеніе Греческой миѳологіи съ Русскимъ народнымъ баснословіемъ, или сказкословіемъ. Особенное достоинство поэмы заключается въ легкости стихосложенія, разумѣется, относительно времени, въ которое она была написана. Нигдѣ нѣтъ изящности искусства; но за то часто встрѣчается красивость и прелесть небрежности. Въ этомъ онъ нѣсколько сходится съ Хемницеромъ. Жаль также, что съ шутокъ Богдановичъ падаетъ иногда въ шутовство. Говоря безпристрастно, *Душенька* цвѣтокъ свѣжій и красивый, но безъ запаха. Впрочемъ и то сказать, что

обоняніе наше стало взыскательнѣе и причудливѣе, нежели было оно у нашихъ отцовъ. Нелединскій справедливо замѣчаетъ, что извѣстный стихъ *Душеньки*: „И только ты одна прекраснѣе портрета“, не совсѣмъ удовлетворителенъ: для полноты смысла нужно было сказать, что только она прекраснѣе *своего* портрета, а не вообще портрета.

Успѣхъ комедіи *Мизантропъ* — торжество малодушнаго и развратнаго вѣка. Мольеръ хотѣлъ угодить современникамъ и одурачилъ честнаго человѣка; но за то съ какимъ мастерствомъ, искусствомъ и живостью. Краски его не полиняли до нашего времени. Вообще о комедіяхъ его можно сказать, что онъ былъ въ высшей степени портретный живописецъ. Лица его вѣрны и живы, какъ въ главныхъ чертахъ, такъ и въ малѣйшихъ. О цѣлыхъ картинахъ его не всегда тоже скажешь.

Шишковъ, въ своемъ предувѣдомленіи къ Тассовымъ *Бдѣніямъ*, говоритъ: „Впрочемъ, сохранилъ-ли я достоинство оныхъ и умѣлъ-ли погрузить въ нихъ ту высокоумную горячку, тотъ великолѣпный бредъ, какими преисполненъ подлинникъ, о томъ не мнѣ судить, но просвѣщенному читателю“. Униженіе паче гордости, господинъ переводчикъ! Будьте покойны: и горячки и бреда найдется у васъ въ достаточномъ количествѣ. Впрочемъ, извѣстно, что эти *Бдѣнія* подложны и только приписываются Тассу.

Державинъ, кажется, былъ чутокъ къ однимъ современнымъ и наличнымъ вдохновеніямъ. Поэтическая натура его не была воспріимчива въ отношеніи къ минувшему. Въ стихахъ его Петру Великому нѣтъ ни одного стиха, ни одного выраженія, достойнаго героя и поэта. Нѣкоторые изъ воспѣтыхъ имъ современниковъ были счастливѣе; но за то Державинъ былъ несчастнѣе. Похвала недостойному лицу не возвышаетъ хваленаго, а унижаетъ хвалителя. Впрочемъ, не слѣдуетъ заключить изъ этого, что Державинъ только

льстецомъ и былъ, хотя и сказалъ, что *рабъ лишь только можетъ льстить*. Онъ забылъ или не чувствовалъ, что рабъ можетъ молчать. „Если бы вы знали, какъ трудно написать хорошую трагедію“, говорилъ трагикъ, котораго творенія не имѣли успѣха на сценѣ. — „Вѣрю“, отвѣчалъ ему собесѣдникъ его; „но знаю, что очень легко не писать трагедій“. Также легко не писать и похвальныхъ одъ.

Многія изъ второстепенныхъ произведеній Державина, если не по лирическому движенію, живописи и яркости выраженія, то, по крайней мѣрѣ, по мыслямъ и чувствамъ, въ нихъ выраженнымъ, должны оставаться въ памяти читателей. Таковы, напримѣръ, стихи: *Къ Храповицкому*, *Къ графу Валерьяну Зубову*, *Къ Скопихину*, *Ко второму сосѣду*, *Мужество* и нѣкоторыя другія стихотворенія. Читая ихъ, не скажешь, что Державинъ первый нашъ лирикъ, но признаешь въ немъ мыслящаго поэта и поэта-философа.

Знавшимъ лично Оленина, который былъ необыкновенно малаго роста и сухощавъ, нельзя безъ смѣха прочесть стихъ Державина къ нему:

Намъ тѣсенъ всѣхъ другихъ покрой.

Иногда стихи его могутъ соперничествовать со стихами Хвостова. Напримѣръ изъ стихотворенія *Званка*:

Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по брегу пѣшъ, верхомъ,
Качусь на дрожкахъ я, сосѣдей съ вереницей.

По смыслу и теченію словъ выходитъ, что онъ на дрожкахъ сосѣдей катался въ лодкѣ по брегу пѣшъ верхомъ.

Баснописецъ Измаиловъ—подгулявшій Крыловъ.

Критикъ Болтинъ былъ пасынокъ Кроткова, который изъ шалости и отъ долговъ распустилъ слухъ о своей смерти и выѣхалъ изъ Петербурга въ гробѣ, въ свою Симбирскую деревню. Молодой Болтинъ послѣдовалъ за нимъ. Попечительный о воспитаніи его,

вотчимъ заставлялъ его пѣть въ хорахъ, составленныхъ изъ дворовыхъ людей и этимъ утѣшалъ себя на веселыхъ и пріятельскихъ попойкахъ. Природныя склонности боролись въ юношѣ съ силою развратнаго примѣра и побѣдили ее. Урывками отъ пьяныхъ бѣсѣдъ предавался онъ, наединѣ и въ тихомолку, *трезвому пьянству Муз*. Онъ перевелъ два тома Французской Энциклопедіи, которая была тогда въ большой славѣ. Наконецъ обстоятельства его приняли счастливый оборотъ. Онъ возвратился въ Петербургъ и посвятилъ себя любимой своей наукѣ—Исторіи. Любопытно было бы имѣть болѣе біографическихъ свѣдѣній объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

О нашемъ языкѣ можно сказать, что онъ очень богатъ и очень бѣденъ. Многихъ необходимыхъ словъ для изображенія мелкихъ оттѣнковъ мысли и чувства не достаетъ. Наши слова выходятъ сплошь, цѣликомъ и сырьемъ. О бѣдности нашихъ риѳмъ и говорить нечего. Сколько словъ, имѣющихъ важное и нравственное значеніе, никакъ риѳмы себѣ не пріищутъ. Напримѣръ: *жизнь, мужество, храбрость, ангелъ, мыслъ, мудрость, сердце* и т. д. За словомъ *добродѣтель* тянется непремѣнно *свидѣтель;* за словомъ *блаженство* тянется *совершенство*. За словомъ *умъ* уже непременно вьется рой *думъ* или несется *шумъ*. Даже и бѣдная *любовь*, которая такъ часто ложится подъ перо поэта, съ трудомъ находитъ двойчатку, которая была бы ей подъ пару. Все это должно невольно вносить нѣкоторое однообразіе въ наше риѳмованное стихосложеніе. Да и слово *добродѣтель* сложилось неправильно: оно по настоящему ничто иное какъ слово благодѣтель. А слово *доблесть* у насъ какъ-то мало употребляется въ обыкновенномъ слогѣ, да и оно риѳмы не имѣетъ. Иностранныя слова брать заимообразно у сосѣдей не хорошо; а впрочемъ Голандскіе червонцы у насъ въ ходу, и никто ими не брезгаетъ. Въ томъ-то и дѣло, что искусному писателю дозволяется, за неимѣніемъ своихъ, пускать въ ходъ Голандскіе червонцы. Карамзинъ такъ и дѣлалъ. Дѣлаютъ это и Англичане.

Вольтеръ говорилъ и о Французскомъ языкѣ, что онъ тщеслав-

ный нищій, которому нужно подавать милостыню противъ воли его. А мы вздумали, что нашъ языкъ такой богачъ, что всего у него много, и что новыми пособіями только обидишь его.

Прочтите въ *Россійскомъ Θеатрѣ* комедію Крылова *Проказники*, а послѣ нѣкоторыя изъ басней его. Можно-ли было угадать въ первыхъ опытахъ писателя, что̀ изъ него выдетъ въ послѣдствіи времени? Это не развитіе, а совершенное перерожденіе. Въ *Проказникахъ* полное отсутствіе таланта, шутки плоскія и, съ позволенія сказать, прямо холопскія. Впрочемъ, какъ комедіи Княжнина ни далеки отъ совершенства, но въ *Россійскомъ Θеатрѣ* глядитъ онъ исполиномъ. Комедій Фонъ-Визина нѣтъ въ этомъ старомъ собраніи нашихъ драмматическихъ твореній. Вообще комедіи наши ошибочно дѣлятся на дѣйствія. Можно дѣлить ихъ на главы, потому что дѣйствія въ нихъ никакого нѣтъ. И лица въ нихъ участвующія ошибочно называются дѣйствующими лицами, когда они вовсе не дѣйствуютъ; а назвать бы ихъ разговаривающими лицами, а еще ближе къ дѣлу: просто говорящими, потому что и разговора мало. Въ нашихъ комедіяхъ нѣтъ и въ поминѣ той живой огнестрѣльной перепалки рѣчей, которою отличаются даже второстепенныя и третьестепенныя Французскія комедіи. Правда и то, что Французскій языкъ такъ обработанъ, что много тому содѣйствуетъ. Французскія слова заряжены мыслію, или, по крайней мѣрѣ, блескомъ похожимъ на мысль. Тутъ или настоящая перепалка, или фейерверочный огонь.

Люблю ловить въ Херасковѣ хорошіе или, по крайней мѣрѣ, дѣльные стихи. Напримѣръ:

„Ты властенъ все творить“, тебѣ вѣщаетъ лесть;
„Ты рабъ Отечества“, вѣщаютъ долгъ и честь.

Жаль только, что они сказаны спящему Іоанну, который, проснувшись, едва-ли помнилъ ихъ. Входило-ли въ голову Греческимъ граціямъ, Венерѣ, Амуру, что Херасковъ переселитъ ихъ въ Казан-

скіе лѣса, чтобы играть сердцами смуглыхъ Татаръ и Татарокъ? Нашъ поэтъ не заботится въ картинахъ своихъ о мѣстныхъ краскахъ. Но не будемъ упрекать его въ этомъ слишкомъ строго, вспомня, что и Мильтона, и Тасса укоряли въ подобныхъ недоразумѣніяхъ и опечаткахъ. Поэтамъ (но замѣтимъ, однимъ великимъ поэтамъ) дозволяется иногда самовосхваленіе; но надобно, чтобы благородство языка выкупало передъ судьями то, что̀ можетъ быть смѣшнымъ въ самохвальствѣ. Горацій и Державинъ имѣли полное право воспѣть въ прекрасныхъ стихахъ свою апоѳеозу. Восторгъ—открытый листъ поэта; но нужно, чтобы этотъ восторгъ былъ бы звучною волною, прямо изъ свѣжаго и полноводнаго родника. Но гдѣ восторгъ у Хераскова, когда онъ въ *Россіядѣ* заставляетъ пустынника Вассіана, упоминая о Трубецкомъ, говоритъ Іоанну:

Сей родъ со временемъ съ тѣмъ родомъ съединится,
Отъ коего пѣвецъ Казанскихъ дѣлъ родится;
Увидѣть свѣтъ ему судьбина повелитъ,
Гдѣ Польшу бурный Днѣпръ съ Россіею дѣлитъ.
Прости, коль онъ тебя достойно не прославитъ;
Любовь къ Отечеству писать его заставитъ.

Съ какой стати Вассіану ходатайствовать передъ Іоанномъ за *пѣвца Казанскихъ дѣлъ*, словно рѣчь идетъ о Казанскихъ дѣлахъ Гражданской или Уголовной Палаты. Въ другомъ мѣстѣ той же поэмы не менѣе прозаически говоритъ онъ о себѣ:

Вложите плачъ и стонъ въ сказаніе мое,
Дабы Царицѣ сей вѣщалъ я о судьбинѣ,
Какъ бѣдства, страхи, брань умѣлъ вѣщать донынѣ.

Отъ браней ко любви я съ лирой прелеталъ,
Недовершенный трудъ моимъ друзьямъ читалъ.
О, если истину друзья мои вѣщали,
Мои составленны ихъ пѣсни восхищали! и пр.

Мои составленныя пѣсни! То-то и бѣда, что пѣсни въ самомъ дѣлѣ составлены, а вдохновеніе не входило въ ихъ составъ.

Едва-ли не главное дѣйствіе Іоанна въ *Россіядѣ* заключается въ томъ, что онъ *взглянулъ на щитъ*, данный ему нѣкіимъ старцемъ, котораго онъ, впрочемъ, довольно неучтиво и вольнодумно отъ себя отправилъ, сказавъ ему:

Иное быть царемъ, иное жить въ пустынѣ:
Не дѣлай намъ препятствъ и не кажись отнынѣ.

хотя и признавалъ въ немъ мудрость свыше дарованную и говорилъ ему:

Но ты, премудростью исполненный небесной,
О старче, о дѣлахъ предбудущихъ извѣстный.

Безбожіе—серпомъ луна видна среди чела его

— обѣщаетъ Іоанну державы на Востокѣ съ тѣмъ, чтобы онъ отказался отъ Россіи и отъ Христіанства. Магометанская вѣра не есть безбожіе.

Не смотря на нелѣпое предложеніе, Іоаннъ начинаетъ колебаться и уже

Хотѣлъ главу склонить, но вдругъ на щитъ взглянулъ:
Померкнулъ щитъ, и царь о старцѣ вспомянулъ.

N N говоритъ, что главная бѣда литтературы нашей заключается въ томъ, что, за рѣдкими исключеніями, грамотные люди наши мало умны, а умные люди мало грамотны. У однихъ недостатокъ въ мысляхъ, у другихъ недостатокъ въ грамматикѣ. У однихъ нѣтъ огнестрѣльныхъ снарядовъ, чтобы сильно и въ попадъ дѣйствовать своимъ орудіемъ; у другихъ и есть снаряды, но за то у нихъ нѣтъ орудія. Литтература есть выраженіе современнаго общества. Какое же тутъ выраженіе, когда многіе и многіе изъ этого общества чуждаются пера и не умѣютъ имъ владѣть? У насъ была и есть устная литтература. Жаль, что ея не записывали. Часто встрѣчаешь людей, которые говорятъ очень живо и увлекательно, хотя и не совсѣмъ правильно. Нерѣдко встрѣчаешь удачныхъ разскащиковъ, бойкихъ краснобаевъ, замѣчательныхъ и мѣткихъ остряковъ. Но все это выдыхается и забывается, а написанныя пошлости на вѣки вѣковъ прикрѣпляются къ бумагѣ.

Исторія о князѣ Яковѣ Ѳеодоровичѣ Долгоруковѣ. 2 части. Москва. 1807 — 1808 г. Сочиненіе Евдокима Тыртова. Безпоря-

дочная компиляція, начиненная натянутыми сравненіями и формулярнымъ спискомъ всѣхъ древнихъ и новѣйшихъ великихъ мужей. Все историческое почти цѣликомъ извлечено изъ Голикова. Напримѣръ: тутъ напечатаны письма Петра къ Долгорукову, *полученныя* (какъ говоритъ Тыртовъ) *отъ неизвѣстной особы*. Ждешь новаго и только заранѣе сѣтуешь, что историческая достовѣрность этихъ документовъ можетъ быть поколеблена признаніемъ, что они доставлены *отъ неизвѣстной особы*. Но успокойтесь. Далѣе издатель объявляетъ, что бо́льшая часть изъ оныхъ уже издана Голиковымъ; слѣдовательно можно было бы только сослаться на книгу его; но, *зная обязанность за доставленіе, онъ* (т.-е. Тыртовъ) *съ чувствительною и покорнѣйшею благодарностью исполняетъ желаніе почтенной особы*. Невольно спросишь: какъ знаетъ онъ, что ему неизвѣстная особа есть почтенная особа? Разговоръ Людовика XIV есть родъ экзамена, которому профессоръ правъ подчиняетъ студента. Говоря объ путешествіяхъ Петра, сочинитель въ порывѣ краснорѣчія, восклицаетъ: „Какая прекрасная, патріотическая мысль готова прославить кисть нашихъ *Рубенсовъ*!“ О комъ идетъ здѣсь рѣчь? О живописцѣ Рубенсѣ, или о Робинсонѣ на необитаемомъ островѣ? Далѣе, изобразивъ Петра въ Сардамѣ, авторъ продолжаетъ: „Я воображаю себѣ цѣлую коллекцію такихъ картинъ и представляю при нихъ того изъ Китайцевъ“... и пр. (въ выноскѣ Конфуція). Тутъ авторъ влагаетъ въ Китайскія уста Русскую рѣчь собственноустнаго издѣлія и заключаетъ: „Такъ бы говорилъ безпристрастный Китайскій философъ, и кто бы этого не сказалъ?“ Стоило-ли родиться и прослыть въ далекомъ потомствѣ философомъ, чтобы говорить то, что и каждый сказалъ бы на его мѣстѣ? У нашего автора своя риторика и своя логика. Вотъ еще выписка: „Ревностная признательность наша къ герою князю Я. Ѳ. Долгорукову не должна казаться неблагодарностью въ разсужденіи его славныхъ дѣлъ“. Охотникамъ до мудреныхъ загадокъ здѣсь есть надъ чѣмъ поломать себѣ голову. Извѣстный анекдотъ о разодранномъ указѣ разсказывается здѣсь въ нѣсколькихъ варьянтахъ. Сочинитель видѣлъ тетрадку, исписанную собственною рукою Долгорукова и сличалъ ее съ его собственноручными письмами къ роднымъ. Какъ же не печаталъ онъ этой рукописи? И гдѣ она теперь

находится? Въ концѣ второй части помѣщено нѣсколько писемъ Екатерины II къ Долгорукову Крымскому. Въ одномъ изъ нихъ сказано о курьерѣ, присланномъ изъ арміи княземъ: „И какъ его непріятельская батарея привела въ конфузію по вашей реляціи, то ему данъ крестъ“. Но это можетъ быть и опечатка вмѣсто контузіи. Евдокимъ Тыртовъ еще извѣстенъ въ книжномъ мірѣ анекдотами Павла I и похвальнымъ словомъ Шереметеву. Его Исторія Долгорукаго перепечатана была вторымъ изданіемъ. Есть еще начертаніе жизни Долгорукаго, написанное Бороздинымъ.

Картина жизни и военныхъ дѣяній Россійско-императорскаго генералиссимуса князя Александра Даниловича Меньшикова, фаворита Петра Великаго. 3 части. 1803 г. Есть и другое изданіе въ IV частяхъ, 1809 г. Также какъ и предъидущая книга, историческая всякая всячина, историческая окрошка. Нѣтъ критическаго взгляда, нѣтъ разумной и нравственной оцѣнки личности и событій. Но книга, въ отличіе отъ первой, составлена съ нѣкоторымъ порядкомъ и писана слогомъ болѣе сноснымъ. Меньшиковъ — Русскій Мазаринъ: голова государственная, а духъ корыстолюбивый и жадный власти до безграничности. Какъ королева Анна Австрійская благоволила къ одному, такъ Екатерина I-я къ другому. Въ обоихъ замашка сочетать свою кровь съ царскою кровью. Петра нельзя слишкомъ укорять въ слабости къ любимцу своему, хотя онъ часто употреблялъ во зло царское довѣріе и запятналъ себя многими чертами личной корысти и беззаконными поступками. Петръ не утаивалъ отъ суда преступленій любимца своего, что̀ могъ бы онъ, при самодержавіи своемъ, легко исполнить; но послѣ онъ миловалъ его, а впрочемъ и заставлялъ часто расплачиваться и вознаграждать ущербы, отъ него понесенные казною или частными лицами. Петру I-му для его Геркулесовскихъ подвиговъ нужны были богатырскія подмастерья, государственные подгеркулесы. Въ этомъ отношеніи онъ дорожилъ Меньшиковымъ и жертвовалъ иногда государственною нравственностью въ пользу того же государства. Къ тому же онъ зналъ, что, гдѣ нужно, дубинка его распрямитъ въ свое время кривизны и безнравственности предосудительныхъ

дѣйствій. Меньшиковъ не былъ при Петрѣ, какъ было, при другихъ дворахъ и въ другія царствованія, любимцемъ по личной державной прихоти. Нѣтъ, Меньшиковъ былъ въ полномъ смыслѣ сподвижникомъ Петра во всѣхъ его предпріятіяхъ, и держалъ онъ его въ виду предпріятій будущихъ. Законъ, осуждая Меньшикова, дѣлалъ свое дѣло: Петръ, прощая его, пользовался своимъ правомъ помилованія.

Обрученные, романъ Александра Манзони, 5 томовъ. Трудно найти романъ полнѣе этого по твердости созданія и по богатству содержанія. Основаніе романа самое простое, а именно свадьба въ XVII вѣкѣ двухъ обрученныхъ жителей бѣдной Итальянской деревни, а свадьба все далѣе и далѣе отсрочивается силою разныхъ препятствій. И какія же это препятствія? Замѣчательнѣйшія историческія событія, которыя сталкиваются съ этою свадьбою или къ которымъ, господствующею силою обстоятельствъ, прибивается безпрерывно эта свадьба. И все это безъ всякаго насильственнаго напряженія со стороны романиста. Автора, выдумщика нигдѣ не видно: все дѣлается какъ будто само собою; такъ и кажется, что оно иначе совершаться не могло. Тутъ развивается со всѣми послѣдствіями своими живая картина безначальства, господствовавшаго въ Италіи во времена самаго деспотическаго, чуждаго владычества Испанцевъ: картина утѣсненій, чинимыхъ помѣщиками, изъ коихъ многіе безнаказанно и гласно предводительствовали шайками разбойниковъ, такъ называемыхъ *брави*, всегда готовыхъ, по движенію руки, по слову патрона своего, на всякое злодѣйство; картина голода, постигшаго Миланскую область, и чумы, которая вскорѣ за нимъ послѣдовала. Приключенія крестьянки Лучіи и крестьянина Лоренціо протекаютъ среди сихъ величественныхъ и ужасныхъ явленій, но вовсе не поглощаются ими. Вниманіе читателя, сильно и тревожно возбужденное глубокими впечатлѣніями отъ историческихъ событій, предъ нимъ совершающихся, ни на минуту не теряетъ изъ вида обрученниковъ и не остываетъ въ участіи, которое принимаетъ въ судьбѣ этихъ двухъ смиренныхъ личностей. Казалось бы какъ не затеряться имъ въ этомъ бурномъ потокѣ? Нѣтъ,

они вездѣ выплываютъ и сохраняютъ подобающее имъ мѣсто въ этомъ обширномъ повѣствованіи. Искусство автора въ соглашеніи этихъ трудностей превосходно. По справедливому замѣчанію Французскаго критика, „Вальтеръ Скоттъ сквозь исторію пробивается къ роману: Манзони сквозь романъ пробивается къ исторіи“. Итальянскій романистъ не имѣетъ порыва, драматическихъ движеній Шотландскаго. Для итальянца онъ, такъ сказать, мало имѣетъ мимики, мало игры движеній. Въ немъ ничего нѣтъ актерскаго. Онъ болѣе хладнокровный повѣствователь, но за то повѣствованіе его плавно, свѣтло и живо. Вездѣ чувствуешь какую-то глубину и непобѣдимую силу. Драматическихъ выходокъ, которыя одною чертою изображаютъ вамъ дѣйствующее лицо, отъ него не ждите; но за то каждая черта, каждая строка дополняетъ изображеніе. Какъ коротко, какъ близко, хотя и не скоро, знакомишься съ Лучіею, съ Лоренціо, съ монахомъ Христофоромъ, съ пасторомъ Аббондіа, съ Агнезою, съ Донъ-Родригомъ и его кровожадными сателитами, съ Ненарѣченнымъ (Innominato), съ великодушнымъ и человѣколюбивымъ кардиналомъ Боромео. Всѣ эти лица врѣзываются въ память и сердце читателя. Это не мимоходное, не шапочное знакомство, а знакомство навсегда. Какъ хорошъ этотъ добрякъ, простодушный Лоренціо! Онъ вдругъ нечаянно падаетъ какъ съ неба въ возмущеніе Миланское, возбужденное голодомъ; онъ силою обстоятельствъ, такъ сказать, физическихъ, тѣснимый и увлекаемый толпою, выбивается невольно на видъ, и едва не въ предводители возмущенія, которое ему совершенно чуждо. И въ послѣдствіи правительство не даромъ признаетъ въ немъ одного изъ главныхъ зачинщиковъ бунта. И простякъ Лоренціо, не думавъ, не гадавъ о томъ, принужденъ сдѣлаться политическимъ бѣглецомъ, о которомъ державы входятъ въ переговоры между собою. И все это какъ вѣрно, какъ натурально! Нигдѣ не видать слѣдовъ авторской иглы, которая часто сшиваетъ событія, какъ пестрыя лоскутья на живую нитку. Романисты обыкновенно надѣются, что читатель, обольщенный прелестью разсказа, не замѣтитъ искусственной работы. Нѣтъ, у Манзони вездѣ видна твердая и никогда даромъ не двигающаяся рука судьбы. Оно такъ, потому что должно быть такъ, а не иначе. А описаніе чумы! Читая его, воображеніе такъ поддается разсказу, что минутами хочешь

бросить книгу отъ страха самому заразиться, а минутами живымъ и горячимъ участіемъ такъ сближаешься съ бѣдными жертвами, что едва ли не жалѣешь о томъ, что не можешь идти въ лазаретъ, набитый 16,000 больныхъ, чтобы помогать неутомимому *Фра Христофору* и раздѣлять съ нимъ заботы его о больныхъ. Одно, кажется, нѣсколько противорѣчитъ истинѣ, а именно слишкомъ скорое обращеніе на путь благочестія страшнаго *Ненарѣченнаго*, изъ котораго предъ Русскимъ читателемъ выглядываетъ иногда, хотя и не въ чертахъ столь крупно обозначенныхъ, Рязанскій помѣщикъ Измайловъ, страхъ сосѣдей и уѣздныхъ властей, извѣстный въ свое время самоуправствомъ и безчинствами всякаго рода. Но за то какъ умилительно это обращеніе, и что за человѣкъ этотъ Боромео: образецъ христіанской добродѣтели, не идеальной, не мистической, а самой практической и вмѣстѣ съ тѣмъ самой возвышенной.

Красный Корсаръ, романъ Американца Купера. Куперъ — романистъ пустынь, влажной и сухой. (Въ другомъ романѣ описываетъ онъ Американскую степь). Романы его и отзываются немного однообразіемъ пустыни; но за то есть что-то безпредѣльное и свѣжее. Никто, кажется, сильнѣе и вѣрнѣе его не былъ одаренъ чутьемъ пустыни и моря. Онъ тутъ дома и переноситъ читателя въ стихію свою. Вальтеръ Скоттъ вводитъ васъ въ шумъ и бой страстей, человѣческихъ побужденій; Куперъ приводитъ васъ смотрѣть на тѣ же страсти, на того же человѣка, но внѣ очерка, обведеннаго вокругъ насъ общежитіемъ, городами, условіями ихъ и т. д. Съ нимъ какъ-то просторнѣе, атмосфера его свободнѣе, очищеннѣе и прозрачнѣе. Малѣйшее впечатлѣніе, которое въ сферѣ Вальтеръ Скотта ускользнуло бы, здѣсь дѣйствуетъ сильнѣе и раздражительнѣе. Чувство читателя изощряется отъ стихіи, куда авторъ насъ переноситъ. Мы видимъ далѣе и глубже. Въ Куперѣ болѣе эпическаго, въ Вальтеръ Скоттѣ болѣе драматическаго, хотя въ томъ и въ другомъ эти оттѣнки иногда сливаются. Кажется, степной романъ Купера лучше „Корсара“, особливо же конецъ его какъ-то тянется и стынетъ. Въ характерѣ „Корсара“ нѣтъ ничего человѣчески-преступнаго, а по-

тому и ужасъ, который имя его вселяетъ и наказаніе, которое ему готовится, мало возбуждаютъ наше нравственное сочувствіе. Это дѣло морской полиціи, и только. Но за то море—какое раздолье и какая прелесть у Купера! Такъ и купаешься въ этомъ морѣ. Корабль, всѣ морскія принадлежности, вся адмиралтейская часть изображены въ живописномъ совершенствѣ. Петръ I-й осыпалъ бы Купера золотомъ и пожаловалъ бы его въ адмиралы: онъ такъ и вербуетъ морю. Въ романахъ Вальтеръ Скотта въ толпѣ людей не всегда успѣешь разглядѣть человѣка; мимо иныхъ дѣйствующихъ лицъ проходишь иногда безъ вниманія: оно все обращено на лица, особенно выдающіяся впередъ и на вышины, какъ обыкновенно водится и въ житейскомъ быту. На пустомъ и обширномъ горизонтѣ Купера всякое существо рисуется отдѣльно и цѣло, все видимое возбуждаетъ вниманіе, и слѣдишь за нимъ, пока не скроется оно совершенно изъ глазъ. Общежительный человѣкъ скажетъ: должно жить въ мірѣ Вальтеръ Скотта и заглядывать въ міръ Купера. Нелюдимъ (не то что̀ человѣконенавистникъ: нелюдимъ можетъ и не имѣть ненависти къ человѣчеству, а у насъ неправильно то и другое слово принимаются въ значеніи мизантропа) нелюдимъ скажетъ: должно жить (т. е. любо жить) въ мірѣ Купера, а можно для развлеченія заглядывать и въ міръ Вальтеръ Скотта.

Записки Генриха де Ломени, графа Бріенскаго, государственнаго секретаря въ царствованіе Людовика XIV. Въ этихъ запискахъ менѣе всего и менѣе всѣхъ на виду выказывается писавшій оныя. Онъ не имѣетъ болтливаго себялюбія, свойственнаго составителямъ записокъ и автобіографій. Съ высоты почестей, успѣховъ и силы при Дворѣ и въ обществѣ, сей любимецъ счастія кончаетъ жизнь въ темницѣ св. Лазаря послѣ 10-лѣтняго заточенія; и въ запискахъ его ничто не разъясняетъ причинъ крутаго переворота въ судьбѣ его. Впрочемъ, записки занимательны живостью разсказа. Но нигдѣ въ разсказѣ не обозначается глубокости ума въ наблюденіяхъ; не видно въ немъ и государственнаго человѣка. Много любопытнаго о Мазаринѣ: кончина кардинала, драматическая сцена, яркими и живыми красками раскрашенная. Недогадливый ми-

нистръ волочился за знаменитою дѣвицею Лавальеръ, не примѣчая, что имѣлъ онъ при ней соперникомъ Людовика XIV. Когда догадался, онъ пошелъ съ объясненіями къ королю, разнѣжился и расплакался, т.-е. просто струсилъ. Людовикъ принялъ слезы за выраженіе сильной любви и, разумѣется, еще болѣе разгнѣвался. Но авторъ утверждаетъ, что онъ расплакался только потому, что у него есть природная влажность въ глазахъ и въ мозгу (J'ai les yeux et le cerveau fort humides). Къ этимъ запискамъ приложено введеніе отъ издателя Барріера: опытъ о правахъ и обычаяхъ XVII в.—любопытная смѣсь всякаго рода безобразій и безчинствъ хваленнаго, но впрочемъ, во многихъ отношеніяхъ славнаго вѣка. Вотъ нѣсколько извлеченій изъ этого введенія. Во время осады Турина графомъ д'Аркуромъ, городъ страдалъ отъ голода. Испанцы всячески старались, но напрасно, пробиться сквозь Французскія линіи, чтобы подать помощь осажденнымъ. По распоряженію главнаго начальника, Испанцы стали начинять бомбы мукою и пускали ихъ въ городъ чрезъ Французскій станъ. Между прочими бомбами нашли одну съ жирными перепелками и запискою, которую Испанскій офицеръ отправилъ любовницѣ своей въ Туринъ. Вотъ замысловатый и новый способъ любовной почтовой переписки.—Графъ Вилла-Медина, въ Мадридѣ, былъ влюбленъ въ Елисавету, Французскую принцессу, за мужемъ за Филиппомъ IV. Желая видѣть ее въ своемъ домѣ, онъ устроилъ великолѣпный праздникъ, на который былъ приглашенъ и Дворъ. Вмѣстѣ съ праздникомъ устроилъ онъ и пожаръ. Во время пышнаго зрѣлища, которое поглощало общее вниманіе зрителей, домъ загорается. Въ одну минуту все объято пламенемъ, всѣ богатства, украшенія, картины и т. д. Улучивъ время, въ которую каждый бѣжалъ, угрожаемый опасностью, Медина, слѣдящій за каждымъ движеніемъ королевы, схватываетъ ее изъ толпы въ свои объятія и уноситъ сквозь пламень, покупая такимъ образомъ и цѣною фортуны своей счастье прижать на минуту королеву къ своей груди.—Когда назначали маршалу д'Юксель голубую ленту, онъ говорилъ, что отказывается отъ сей блестящей почести, если она должна лишить его права ходить въ кабакъ. Дюкъ де ла Ферте, подъ начальствомъ маршала Катинà, воевалъ въ Савоѣ. Войска принуждены были довольство-

ваться скверным̈ъ туземным̈ъ виномъ. Не смотря на то, дюкъ де ла Ферте потреблялъ его всегда черезъ мѣру. Спросили его однажды, какъ можетъ онъ пить такое вино и особенно же въ такомъ количествѣ? „Что же дѣлать“, отвѣчалъ онъ, „надобно умѣть любить друзей своихъ и съ ихъ погрѣшностями“. Это напоминаетъ, что однажды Американецъ Толстой писалъ изъ Тамбова: „За неимѣніемъ хорошихъ сливокъ, пью чай съ дурным̈ъ ромомъ“.

О многихъ прозаическихъ и стихотворныхъ панегиристахъ можно сказать, что они или лопнутъ, или задушатъ своего героя. „Это божественно!“ — „Что̀ вы говорите? Мало того, это...“ Кто-то прервалъ начатую похвалу и разумѣется запнулся, потому что не могъ подняться выше. Наши лирики съ перваго порыва жалуютъ героя своего въ божество, а тамъ въ продолженіи должны поневолѣ мало по малу разжаловать его, и тѣмъ кончится, какъ сказано поэтомъ:

La masque tombe, l'homme reste,
Et le héros s'évanouit,—

два извѣстные стиха Ж. Б. Руссо, худо переведенные и Ломоносовым̈ъ, и Сумароковым̈ъ въ одѣ *На Счастіе*. Ломоносовъ, говоритъ: „Геройска похвала увянетъ, И смертный будетъ всѣмъ открытъ“. Сумароковъ: „Все геройство увядаетъ, остается человѣкъ.

Напрасно говоритъ Шлегель: „Если Расинъ въ самомъ дѣлѣ сказалъ, что онъ отличается отъ Прадона только тѣмъ, что умѣетъ правильно писать, то жестоко былъ онъ къ себѣ несправедливъ“. Шлегель забываетъ, что Расинъ Французъ и что выразилъ сужденіе свое онъ во Франціи. У Французовъ въ твореніяхъ ума слогъ первая необходимость. Въ противоположной крайности, у Нѣмцевъ, слогъ послѣднее условіе, на которое немногіе обращаютъ вниманіе. Головоломное пониманіе авторовъ не пугаетъ Нѣмецкаго читателя. А Вольтеръ сказалъ въ своемъ опытѣ о различныхъ вкусахъ народовъ: „Французы имѣютъ за себя ясность, точность, изящество (elégance)“ Баратынскій говоритъ, что для Нѣмца мало, „если при

чтеніи книги отзовется она у него въ головѣ, а надобно, чтобы и въ спинѣ отозвалась она, т.-е. чтобы читатель съ трудомъ поработалъ надъ нею“. Въ искусствахъ нельзя не цѣнить отдѣлки, а Нѣмцы все покупаютъ на вѣсъ, потому и сужденія Шлегеля о Французскомъ театрѣ отчасти невѣрны и несправедливы. Онъ также судитъ о немъ не какъ знатокъ, а какъ заимодавецъ подъ вещи, т.-е. по внутренней ихъ цѣнности. Вообще иностранцу можно, какъ наблюдателю, говорить о словесности чужаго народа, но никогда не должно присвоивать себѣ право рѣшать о ней судейскимъ приговоромъ.

Если не признавать цѣны отдѣлки, то какъ постигнуть уваженіе древности къ Анакреону? О нашемъ и говорить нечего: оно перешло къ намъ по школьнымъ преданіямъ. Прозою переводить Анакреона невозможно, переводить его стихами также невозможно. Въ первомъ случаѣ вы сушите цвѣтокъ, который прельстилъ васъ своими красками, блескомъ и свѣжестью; въ другомъ хотите вы перенести карандашемъ на бумагу эту свѣжесть, этотъ блескъ, эти краски. А Горацій все еще живъ во Французскомъ переводѣ, какъ ни душитъ его прозаикъ Бате. Дѣло въ томъ, что поэта переживаютъ его мысли и чувства; но красота и прелесть оболочки ихъ вѣрно оцѣниваются одними современниками.

У насъ жалуются и жалуются по справедливости на водвореніе иностранныхъ словъ въ Русскомъ языкѣ. Но что же дѣлать, когда нашъ умъ, заимствовавшій нѣкоторыя понятія и оттѣнки у чужихъ языковъ, не находитъ дома нужныхъ словъ для ихъ выраженія? Какъ, напримѣръ, выразить по-русски понятія, которыя возбуждаютъ въ насъ слова naif и sérieux, un homme naif, un esprit sérieux? Чистосердечный, просто сердечный, откровенный, все это не выражаетъ значенія перваго слова; важный, степенный не выражаютъ понятія свойственнаго другому; а потому и должны мы поневолѣ говорить *наивный*, *серьозный*. Послѣднее слово вошло въ общее употребленіе. Нельзя терять изъ виду, что западные языки наслѣдники древнихъ языковъ и литературъ, которыя достигли высшей степени образованности и должны были усвоить себѣ всѣ краски, всѣ оттѣнки утон-

ченнаго общежитія. Нашъ языкъ происходитъ, пожалуй, отъ благородныхъ, но бѣдныхъ родителей, которые не могли оставить наслѣднику своему ни литературы, которой они не имѣли, ни преданій утонченнаго общежитія, котораго они не знали. Славянскій языкъ хорошъ для церковнаго богослуженія. Молиться на немъ можно, но нельзя писать романы, драмы, политическія, философскія разсужденія.

Нѣкоторыя выдержки изъ Сумарокова доказываютъ, что у него вырывались иногда стихи правильные и полные смысла. Лучшіе стихи его — сатирическіе. Трагедіи его перечитывать нельзя, а между тѣмъ они въ свое время нравились людямъ образованнымъ и знакомымъ съ иностранными литературами. Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, воспитывавшійся въ Туринскомъ университетѣ, восхищавшійся трагедіями Расина и трагедіями товарища своего по Туринскому университету Альфіери, не менѣе того остается вѣренъ Сумарокову и признаетъ въ немъ великаго трагика, хотя и соглашается, что языкъ его устарѣлъ. „Вотъ бы Пушкину (сказалъ онъ однажды) нѣсколько поправить и подновить языкъ трагедій Сумарокова. И тогда можно бы снова представить ихъ на театрѣ“.

Генералъ Александръ Ламетъ (Lameth), товарищъ Лафаэта и одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ событіяхъ первой Французской революціи, разсказываетъ въ запискахъ своихъ слѣдующее: „У сестры Мирабо назначено было свиданіе между первенствующими лицами Народнаго Собранія для переговоровъ о соглашеніи и примиреніи умовъ, въ виду предстоявшихъ обстоятельствъ. Мирабо разсказалъ тутъ все, что происходило при избраніи его въ Провансѣ въ число депутатовъ. Въ разсказѣ своемъ ничего не утаилъ онъ изъ мѣръ, принятыхъ имъ для достиженія успѣха; даже признался онъ, что, имѣя въ рукахъ своихъ народнаго оратора, который казался ему преданнымъ, но въ которомъ однакоже не могъ онъ быть совершенно увѣренъ, онъ приставилъ къ нему соглядатая, который не долженъ былъ отходить отъ него и заколоть его, если

какъ нибудь измѣнилъ бы онъ своимъ обязательствамъ. Мы всѣ ужаснулись подобному признанію, а Мирабо удивился нашему ужасу. „Какъ, и тотъ убилъ бы его?“ спросили мы.—„Да убилъ бы, какъ убиваютъ“, хладнокровно отвѣчалъ Мирабо.—„Но это было бы ужасное злодѣйство“.—„О, въ революціяхъ“, (возразилъ онъ изрѣченіемъ, которое послѣ того сдѣлалось столь извѣстнымъ) „la petite morale tue la grande (мелкая нравственность убиваетъ большую)“.

Мирабо, прозванный Мирабо-бочка, былъ человѣкъ очень нетрезвый. Старшій братъ дѣлалъ ему однажды упреки за эту слабость. „Помилуйте, на что вы жалуетесь?“ отвѣчалъ онъ смѣясь: „изо всѣхъ возможныхъ пороковъ, которое семейство наше присвоило себѣ, одинъ этотъ оставили вы на долю мою“.

Han d'Islande, романъ Виктора Гюго—родъ Мельмота, но менѣе истины и глубины въ созданіи. Въ прозѣ тѣже пороки, что и въ поэзіи его, т.-е. излишняя высокопарность, надутость и желаніе автора, во что бы ни стало, поразить читателя чѣмъ нибудь удивительнымъ и неожиданнымъ. Но иногда тѣже и красоты. Часто бредъ горячки, но иногда проявляется, что этою горячкою одержимъ поэтъ, а не дюжинный больной. Есть въ романѣ явленія сильныя, живописныя, лица твердыя и хорошо обозначенныя, напримѣръ палача, сторожа труповъ и дочери одного изъ дѣйствующихъ лицъ. Есть и политическій интересъ: бунтъ рудокоповъ, ихъ военный походъ, встрѣча съ королевскимъ войскомъ; все это живо и вѣрно. Тутъ упоминается и о Русскомъ палачѣ. По поводу этого романа князь Меньшиковъ называлъ извѣстнаго посылкою своею на Кавказъ для правительственныхъ преобразованій Гана: Han de Courlande.

В. Л. Пушкинъ сказалъ сегодня стихи на новый годъ, какого-то старинпаго поэта, помнится Политковскаго.

Не правъ ты, новый годъ, въ раздачѣ благостыни;
Ты своенравнѣе и счастія богини.
Инымъ ты далъ чины,
Другимъ мѣста богаты,
А мнѣ лишь новыя заплаты
На старыя мои штаны.

Кажется, эти стихи никогда не были напечатаны.

У насъ довольно много подобной ходячей литтературы: хорошо бы выбрать лучшія изъ нея стихотворенія и напечатать ихъ отдѣльною книжкою. Въ ней сохранились бы и нѣкоторыя черты прежней общественной жизни. До 1812 года, была большая рукопись in-folio, принадлежавшая Храповицкому, статсъ-секретарю Императрицы Екатерины. Это было собраніе всѣхъ возможныхъ стихотвореній, написанныхъ въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ и не вошедшихъ въ печать по тѣмъ или другимъ причинамъ. Разумѣется, главный характеръ этихъ стихотвореній былъ сатирическій, отчасти политическій и отчасти далеко не цѣломудренный. Эта книга затерялась или сгорѣла въ Московскомъ пожарѣ. Тутъ между прочимъ были стихотворенія Карина и за подписью какого-то Панцербитора. Вымышленное это имя или настоящее, не знаю; но въ печати оно, кажется, не извѣстно.

Много еще неизвѣстнаго и темнаго остается въ литтературѣ нашей.

Къ подобной ходячей литтературѣ можно приписать и слѣдующее четверостишіе, которое князь Александръ Николаевичъ Салтыковъ, вовсе не поэтъ, отпустилъ на Козодавлева, тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ:

Министръ нашъ славой бы гремѣлъ
И съ Кольбертомъ его потомство бы сравнило,
Изъ внутреннихъ когда бы дѣлъ
Наружу ничего у насъ не выходило.

* * *

Примите древнія дубравы
Подъ сѣнь свою питомца Музъ!
Не шумны пѣть хочу забавы,
Не сладости Цитерскихъ узъ:
Но да воззрю съ полей широкихъ
На красну, гордую Москву,
Сѣдящу на холмахъ высокихъ,
И въ спящи вѣки воззову.

Въ этихъ стихахъ Дмитріева есть движеніе, звучность, живопись и величавость; но если всмотрѣться въ нихъ прозаическими глазами критики, то найдешь въ нихъ нѣкоторыя несообразности. Начать съ того, что тутъ излишне сжаты топографическія подробности. Тутъ и дубравы, и широкія поля, и холмы высокіе, и городъ. Картины поэта должны быть такъ написаны, чтобы живописецъ могъ кистью своею перенести ихъ на холстину. А въ настоящемъ случаѣ трудно было бы ему соблюсти законы перспективы. Далѣе: нельзя войти однимъ разомъ въ дубравы, можно войти въ дубраву; въ дубравѣ нельзя искать широкихъ полей и съ нихъ смотрѣть на городъ, хотя и сидитъ онъ на высокихъ холмахъ. Дубрава заслоняетъ собою всякую даль, и видишь предъ собою одни деревья.

Положимъ, что подъ древнею дубравой (а все таки не *дубравами*) поэтъ подразумѣвалъ рощу, посвященную Музамъ: все же остается таже сбивчивость въ картинѣ. Другіе стихи изъ того же стихотворенія Дмитріева подали поводъ къ забавному недоразумѣнію. Въ первой книжкѣ *Сына Отечества* была напечатана перевая статья съ эпиграфомъ, взятымъ изъ *Освобожденія Москвы*.

Гдѣ ты, Славянов храбрыхъ сила?
Проснись, возстань, Россійска мочь!
Москва въ плѣну, Москва уныла,
Какъ мрачная осення ночь.

И разумѣется подъ эпиграфомъ выставлено было имя автора. Въ то время Дмитріевъ былъ министромъ юстиціи, а графъ Разумовскій министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ былъ человѣкъ Европейской образованности, но мало свѣдущъ въ Русской литературѣ. Онъ принялъ это четверостишіе за новое произведеніе, написанное Дмитріевымъ *по случаю* занятія Москвы Наполеономъ. При первой встрѣчѣ съ Дмитріевымъ въ Комитетѣ Министровъ, обратился онъ къ нему съ похвалами и съ сожалѣніемъ, что новое прекрасное стихотвореніе его такъ коротко. Дмитріевъ сначала понять не могъ, о чемъ идетъ рѣчь и по щекотливости своей оскорбился предположеніемъ, что онъ, въ своемъ министерскомъ званіи и при современныхъ важныхъ и печальныхъ событіяхъ, могъ еще заниматься стихотворствомъ.

Около того же времени Шишковъ читалъ въ Комитетѣ Министровъ статью свою, предназначенную для обнародованія извѣстія

о взятіи Москвы. Дмитріевъ, съ авторскимъ своимъ тактомъ не могъ сочувствовать порядку мыслей и вообще изложенію этой неловкой статьи, въ концѣ которой кто-то падаетъ на колѣни и молится Богу. Не желая однакоже прямо выразить свое мнѣніе, спросилъ онъ, въ какомъ видѣ будетъ напечатано это сочиненіе: въ видѣ ли журнальной статьи, или офиціальнымъ объявленіемъ отъ правительства. „У насъ нѣтъ правительства“, съ запальчивостью возразилъ ему простодушный государственный секретарь.

Ломоносовъ два раза въ одахъ своихъ говоритъ *о багряной рукѣ зари*. Первый разъ въ одѣ шестой—

И се уже рукой багряной
Врата отверзла въ міръ заря.

другой разъ въ одѣ девятой:

Заря багряною рукою,
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ,
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.

Ломоносова заря хороша, хотя Русская заря не имѣетъ нѣжности и прелести Греческой Авроры съ розовыми пальцами. Въ одѣ десятой:

Когда заря багрянымъ окомъ
Румянецъ умножаетъ розъ.

Багряное око — никуда не годится. Оно, вовсе неподэтически, означаетъ воспаленіе въ глазу и прямо относится до глазного врача.

У Ломоносова въ одахъ много найдется намековъ и подробностей историческихъ, географическихъ, и политическихъ, и относящихся до науки. Въ немъ видѣнъ болѣе академикъ, нежели поэтъ. Но и поэтъ нерѣдко прорывается въ стихахъ твердыхъ и звучныхъ, и живописныхъ. Вотъ примѣръ политической или газетной поэзіи, изъ оды пятнадцатой:

Парящій слыша шумъ орлицы,
Гдѣ пышный духъ твой, Фридерикъ?
Прогнанный за свои границы,

Еще ли мнишь, что ты великъ?
Еще ль, смотря на рокъ Саксоновъ,
Всеобщимъ дателемъ законовъ
Слывешь въ желаніи своемъ! и пр.

Или ода семнадцатая:

Голстинія, возвеселися,
Что отъ тебя цвѣтетъ нашъ кринъ.
Ты къ морю въ празднествѣ стремися,
Цвѣтущій славою Цвѣйтинъ.
Хотя не *силенъ ты водою*,
Но радостью сравнись съ Невою, и пр

Вотъ вамъ и географія, и вотъ еще она же:

Россійскаго пространство свѣта
Собравъ на малы чертежи,
И грады оною спасенны,
И села ею же блаженны,
Географія покажи. (Ода десатая).

Какъ хороши и понынѣ, и какъ поэтически вѣрны, слѣдующіе два стиха изъ оды десятой:

Въ срединѣ жаждущаго лѣта,
Когда томитъ протяжный день.

Выраженія жаждующее лѣто и протяжный день такъ и переносятъ читателя въ знойный Іюльскій день.

Ломоносова, какъ вообще и всякаго поэта не нашего времени, нельзя читать съ требованіями и условіями намъ современными. Ломоносовъ писалъ торжественныя оды потому, что въ его время всѣ болѣе или менѣе писали стихи на торжественные случаи. Нельзя ставить ему въ вину нѣкоторые пріемы, какъ нельзя смѣяться надъ нимъ, что онъ ходилъ не во фракѣ, не въ панталонахъ, а во Французскомъ кафтанѣ, короткихъ штанахъ, съ напудренною головою и съ кошелькомъ на затылкѣ. Онъ всегда съ особеннымъ одушевленіемъ говоритъ о Елизаветѣ. Называя ее Елизаветъ, онъ какъ будто угадалъ выраженіе принца Делиня, который сказалъ: Екатерина Великій. Нелединскій, знатокъ въ любви, убѣжденъ, что кромѣ вѣрноподданическаго чувства въ душѣ Ломоносова было еще и болѣе нѣжное поэтическое чувство.

Когда бы древни вѣки знали
Твою щедроту съ красотой,
Тогда бы жертвой почитали
Прекрасный въ храмѣ образъ твой (Ода 2-я).

Тебя, богиня, возвышаютъ
Души и тѣла красоты;
Что въ многихъ, раздѣлясь, блистаютъ
Едина всѣ имѣешь ты. (Ода 9-я).

Коль часто долы ожидаетъ
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
Когда богиня понуждаетъ
Звѣрей чрезъ трубный гласъ изъ норъ!

Ей вѣтры вслѣдъ не успѣваютъ.
Коню бѣжать не воспящаютъ
Ни рвы, ни частыхъ вѣтвей связь:
Крутитъ главой, звучитъ браздами
И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь (Ода 10-я).

Въ послѣднемъ стихѣ есть въ самомъ дѣлѣ какое-то страстное одушевленіе.

Въ одной изъ своихъ одъ онъ говоритъ объ Елисаветѣ:

Небеснаго очами свѣта
На сродное имъ небо зритъ.

Въ другой:

Щедротъ источникъ, ангелъ мира,
Богиня радостныхъ сердецъ,
На коей какъ заря порфира,
Какъ солнце тихихъ дней вѣнецъ;
О мыслей нашихъ рай прекрасный,
Небесъ безмрачныхъ образъ ясный,
Гдѣ видимъ кроткую весну,
Въ лицѣ, въ очахъ, въ устахъ и нравѣ!

Вотъ строфа, согрѣтая чувствомъ гражданства:

Священны да хранятъ уставы
И правду на судѣ судьи;
И время твоея державы
Да ублажатъ рабы твои.
Сосѣды да блюдутъ союзы и пр.
(Ода девятая.)
Услышьте судіи земные
И всѣ державныя главы:

Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы,
И подданныхъ не призирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу:
То Богъ благословитъ вашт домъ.

Это строфа изъ оды на день восшествія на престолъ Екатерины II. Здѣсь какъ будто уже слышится Державинъ.

У Ломоносова встрѣчаются странныя выраженія и понятія; напримѣръ онъ заставляетъ Ветхаго Деньми говорить:

Я въ гнѣвѣ Россамъ былъ творецъ,
Но нынѣ паки имъ отецъ.

Вообще кажется, по крайней мѣрѣ, неприличнымъ подсказывать Божеству, если не баснословному, свои собственныя мысли и слова. А нерѣдко поэты грѣшатъ этою неприличностью.

И Марсъ вложи свой *шумный мечъ*.

Прилагательное *шумный* вовсе не идетъ къ мечу.

И *полкъ* всѣхъ *нѣжностей* тѣснится.

Полкъ и нѣжности также не ладятъ между собою.

Пучина преклонила волны.

Странно, но вмѣстѣ съ тѣмъ смѣло и поэтически.

О Боже крѣпкій, Вседержитель,
Предѣловъ Росскихъ *расширитель*.

Это также странно и смѣло, но уже вовсе не поэтически и неблагопристойно. Далѣе говоритъ онъ:

Какъ *нынь* Россію *расширилъ*,

а послѣ:

Воззри, коль широка Россія —
Отъ всѣхъ полей и рѣкъ широкихъ.

Взывая къ Богу, поэтъ говоритъ:

По имени Петровой дщери,
Военны запечатай двери.

Здѣсь отзывается какое-то полицейское дѣйствіе.

Моей державы кротка мочь
Отвергнетъ смертной казни ночь.

Когда пучину не смущаетъ
Стремленіе насильныхъ бурь,
Въ *зерцалѣ жидкомъ* представляетъ
Небесной ясности лазурь.

Не забывалъ профессоръ-поэтъ и метеорологическихъ наблюденій:

Наука легкихъ метеоровъ,
Премѣны неба предвѣщай,
И бурный шумъ воздушныхъ споровъ
Чрезъ вѣрны знаки предъявляй:
Чтобъ ратай могъ избрати время,
Когда землѣ повѣрить сѣмя,
И дать когда покой браздамъ;
И чтобы, не боясь погоды,
Съ богатствомъ дальнимъ шли народы
Къ Елисаветинымъ брегамъ.

Труженикъ науки, въ спорѣ съ разными препятствіями, а можетъ быть и нѣсколько безпокойнаго нрава, Ломоносовъ не имѣлъ времени вслушиваться въ вдохновеніе, навѣваемое на него природою и впечатлѣніями внутренней жизни, болѣе спокойной и чуткой. Онъ гдѣ-то сказалъ:

О лѣтѣ я пишу, а имъ не наслаждаюсь,
И радости въ одномъ мечтаніи ищу.

Какъ-то не вѣрится, что Ломоносовъ могъ мечтать. Скорѣе находилъ онъ радости не въ мечтаніяхъ, а въ трудахъ, въ пріобрѣтеніяхъ и преуспѣніяхъ науки и въ академическихъ побѣдахъ своихъ надъ Миллеромъ и другими Нѣмцами.

Разумѣется, что, такъ какъ оды Ломоносова писаны въ разныя царствованія, то онъ долженъ былъ иногда порицать то, что́ восхвалялъ прежде. Но не должно забывать, что онъ писалъ свои оды часто не подъ поэтическимъ вдохновеніемъ, а по обязанностямъ академической службы.

Въ письмѣ своемъ о правилахъ Россійскаго стихотворства Ломоносовъ говоритъ:

„Французы, которые во всемъ хотятъ натурально поступать, „однако почти всегда противно своему намѣренію чинятъ, намъ „примѣромъ быть не могутъ; понеже, надѣясь на свою фантазію, „а не на правила, толь криво и косо въ своихъ стихахъ слова „склеиваютъ, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя. И хотя

„они также, какъ и Нѣмцы, могли бы стопы употреблять, что „сама природа иногда имъ въ ротъ кладетъ, однако нѣжные тѣ „господа, на то не смотря, почти одними риѳмами себя довольст- „вуютъ. Пристойно весьма симболомъ Французскую поэзію нѣкто „изобразилъ, представивъ оную на театрѣ, подъ видомъ нѣкоторой „женщины, что сугорбившись и раскорячившись, при музыкѣ играю- „щаго на скрыпицѣ Сатира танцуетъ. Я не могу довольно о томъ „нарадоваться, что Россійскій нашъ языкъ не токмо бодростью и „героическимъ звономъ Греческому, Латинскому и Нѣмецкому не „уступаетъ, но и подобную онымъ, а себѣ купно природную и „свойственную, версификацію имѣть можетъ“.

Хорошо, но за чѣмъ же онъ не слѣдовалъ своему опредѣленію и самъ не держался этой свойственной намъ версификаціи, а почти исключительно употреблялъ ямбическій стихъ, и довольствовался риѳмами, иногда и довольно бѣдными.

Въ статьѣ *Жизнь Ломоносова*, которая напечатана въ Полномъ Собраніи сочиненій его, изданномъ иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ, въ 1784 г., біографъ, исчисляя всѣ его литтературныя и ученыя заслуги, какъ то: перестройку академической лабараторіи по новѣйшему и лучшему расположенію, многіе эксперименты и новыя открытія, академическія сочиненія, изящныя похвальныя рѣчи Великому Петру и Елисаветѣ Петровнѣ, прекрасные и сильные стихи, трагедіи, книги: Риторику, Россійскую Граматику, Руководство къ горному строенію и заводамъ, Россійскую Исторію, простодушно заключаетъ перечень свою слѣдующими словами: „Все то не суть *анекдоты*, а труды повсюду извѣстные“. Далѣе говоритъ онъ, что „превосходству его учености, важности и красотѣ его пера отдавалъ справедливость и покойный дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ А. П. Сумароковъ, не взирая на всегдашнюю съ нимъ вражду свою“. Впрочемъ, эта послѣдняя черта болѣе относится къ чести дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Сумарокова, нежели къ чести статскаго совѣтника Ломоносова. Если дѣло пошло на чины, оно такъ и быть должно: чинъ чина почитай.

Говорятъ, что когда, преслѣдуя Французовъ, вышедшихъ изъ Москвы, Кутузовъ вступилъ въ Вильну, то городская депутація Поляковъ явилась къ нему и бросилась на колѣни, прося пощады: „Встаньте, встаньте, господа!“ сказалъ имъ князь Смоленскій: „вспомните, что вы снова сдѣлались Русскими!“—Во время отступленія Французовъ, Кутузовъ часто говаривалъ: „надобно строить золотые мосты отступающему непріятелю“. Многіе были противнаго мнѣнія и говорили, что лучше топить и уничтожать непріятеля, нежели вѣжливо и съ почестью провожать его. Кутузовъ, хотя и началъ свое военное поприще подъ начальствомъ Суворова, не былъ полководцемъ, принадлежащимъ къ Суворовской школѣ. Быстрота, натискъ, молодечество штыка не были въ привычкахъ его [1]).

Какъ ни суди о степени воинскихъ способностей его, должно признаться что, такъ или иначе, имя его навсегда нераздѣльно сопряжено съ событіемъ изгнанія непріятелей изъ Россіи и слѣдовательно ея освобожденія и спасенія.

Нельзя же согласиться съ Французами и съ нѣкоторыми изъ нашихъ недоброжелателей Кутузова, что одинъ *генералъ Морозъ* уничтожилъ Французское войско. Морозъ конечно былъ тутъ не лишній, но Кутузовъ не мало способствовалъ его замороженію.

Князь Долгорукій, военный и дипломатъ, участвовавшій въ войнѣ 1812 года, и извѣстный своими каламбурами, уже предсказывалъ, когда взятъ былъ въ плѣнъ генералъ Le Pelletier, что Французы погибнутъ отъ холода, потому что лишились генеральнаго скорняка (pelletier по-французски скорнякъ, мѣховщикъ). Послѣ Тарутинскаго сраженія онъ же выдумалъ за Наполеона слова, будто имъ сказанныя Кутузову: Vieux routier, ta routine m'a déroute.

---

[1]) Извѣстно, что Императоръ Александръ не очень благоволительно расположенъ былъ къ Кутузову: назначивъ его въ 1812 г. главнокомандующимъ, сдѣлалъ онъ уступку общественному мнѣнію. Въ войнѣ, въ самомъ сердцѣ Россіи, и войнѣ сдѣлавшейся народною, нужно было въ Русскомъ имени выставить Русское знамя. Барклай и Бенигсенъ могли предводительствовать Русскими войсками въ Германіи или въ другой землѣ; но на Русской почвѣ былъ необходимъ Русскій плотью, кровью и духомъ.

Польскій генералъ Рожнецкій разсказывалъ, что въ 1812 г. около Гжатска былъ пойманъ крестьянинъ и допрашиваемъ о какой-то дорогѣ. „*Не знаю*“ было единственнымъ отвѣтомъ его, не смотря ни на угрозы, ни на побои, ни на обѣщанныя награды. Вотъ безъимянный герой въ исторіи 1812 г. Эта твердость, это упорство сильно поразили Наполеона и окружающихъ его. Но Наполеонъ не хотѣлъ показать непріятное впечатлѣніе и разбранилъ допрашивающихъ, упрекая ихъ въ томъ, что они не умѣютъ хорошо объясниться съ крестьяниномъ по-русски.

Наполеонъ говорилъ князю Понятовскому въ 1811 году: „Наше дѣло впрокъ не пойдетъ. Я радъ всѣми силами поддерживать васъ, но вы отъ меня слишкомъ далеки, а отъ Россіи слишкомъ близки. Что́ ни дѣлай, а тѣмъ кончится, что она васъ завоюетъ, мало того, завоюетъ всю Европу“. Князь Понятовскій, возвратившись въ Польшу, пересказывалъ эти слова многимъ изъ своихъ соотечественниковъ и, между прочими, Грабовскому, который записалъ ихъ въ своей памятной книжкѣ. Плятеръ, передавая это, сказалъ, что судьба иногда какимъ-то непостижимымъ образомъ предрекаетъ опредѣленія свои нашими устами. И въ самомъ дѣлѣ, не поразительно ли нескромное и какъ будто невольное признаніе Наполеона въ такое время, когда онъ готовился на войну 1812 г. и подымалъ на дыбы Польшу силою несбыточныхъ надеждъ, и поднялъ ее, и вмѣстѣ съ нею того же самаго князя Понятовскаго.

Князь Понятовскій позднѣе другихъ своихъ соотечественниковъ поддался обольщенію Наполеона. Въ 1806 г. выѣзжалъ онъ къ нему на встрѣчу съ Прусскимъ орденомъ на мундирѣ, что́ было непріятно Наполеону и другимъ Полякамъ, которые тѣломъ и душою уже поработились обаянію счастливаго завоевателя.

Крестьяне графа Мостовскаго, министра внутреннихъ дѣлъ въ Польшѣ, говорятъ о его сельскомъ хозяйствѣ: „Мы сѣемъ траву, а покупаемъ хлѣбъ“.

Свѣчина, въ проѣздъ свой чрезъ Варшаву, говорила, что ей все кажется, что она смотритъ на представленіе Лодоиски (извѣстной въ то время оперы Польскаго содержанія). Все ей казалось, даже и бытіе народа, чѣмъ-то обманчивымъ, условленнымъ и театральнымъ.

Князь Сапѣга говоритъ, что мы живемъ въ вѣкѣ конституціи, филантропіи и скуки.

Въ разговорѣ о Польшѣ и о способахъ управлять Поляками, N N сказалъ: „Съ Поляками должно имѣть мягкость въ пріемахъ и твердость въ исполненіи. Подавайте руку Поляку вѣжливо и ласково, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слегка прижмите ее такъ, чтобы онъ могъ догадаться о силѣ вашей. Полякамъ некогда быть благодарными: они легко или упадаютъ духомъ, или увлекаются энтузіазмомъ, хотя часто не по разуму. Главное дѣло: ихъ заговорить и охмѣлить. Такъ поступалъ съ ними и Наполеонъ. Онъ никогда не думалъ возвратить имъ политическую независимость, а только въ льстивыхъ словахъ обольщалъ ихъ легковѣрный патріотизмъ этою независимостью, и они лѣзли за него въ огонь и тысячами погибали.

Наполеонъ въ царствованіе свое надоѣлъ инымъ Французамъ, какъ они ни легкомысленны, и былъ даже въ тягость нѣкоторымъ изъ своихъ приближенныхъ и облагодѣтельствованныхъ имъ людей. Полякъ же никогда не былъ разувѣренъ и разочарованъ въ отношеніи къ Наполеону. И послѣ паденія своего, оставался онъ для него кумиромъ. Одинъ Полякъ говорилъ очень серьезно, что Наполеонъ безразсудно ввѣрилъ себя великодушію Англичанъ: „одни мы умѣли бы отстоять его, если бы прибѣгъ онъ къ намъ“. И точно, Польша дала бы себя разрубить на куски и пролила бы до послѣдней капли кровь свою, но не измѣнила бы Наполеону.

Графъ Остерманъ сказалъ, кажется, маркизу Паулучи въ 1812 году: „Для васъ Россія мундиръ вашъ: вы его надѣли и снимете его, когда хотите. Для меня Россія кожа моя“.

У*** разсказывалъ Алексѣю Михайловичу Пушкину, какъ онъ въ 1814 году ночью взятъ былъ въ плѣнъ Французами. „Они очень невѣжливы“ (говорилъ онъ) „и худо обращались со мной. Я имъ объяснялъ, что я генералъ и что они должны уважать мое званіе. Они отвѣчали мнѣ: „Знаемъ эти сказки: ну похожъ ли ты на генерала?“ — „Что же (перебилъ его Пушкинъ) начинало уже разсвѣтать?“ — „Да немножко“, отвѣчалъ тотъ простодушно и продолжалъ свое повѣствованіе.

Генералъ Чаплицъ, извѣстный своею храбростью, говорилъ очень протяжно, плодовито и съ большими разстановками въ рѣчи своей. Графъ Василій Апраксинъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Васеньки Апраксина, приходитъ однажды къ Великому Князю Константину Павловичу, при которомъ находился онъ на службѣ въ Варшавѣ, и просится въ отпускъ на 28 дней. Между тѣмъ ожидали на дняхъ пріѣзда въ Варшаву Императора Александра. Великій Князь, удивленный этою просьбою, спрашиваетъ его, какая необходимая потребность заставляетъ его отлучаться изъ Варшавы въ такое время. „Генералъ Чаплицъ“, отвѣчаетъ онъ, „назвался ко мнѣ завтра обѣдать, чтобы разсказать мнѣ, какъ попался онъ въ плѣнъ въ Варшавѣ во время первой Польской революціи. Посудите сами, Ваше Высочество, раньше 28 дней никакъ не отдѣлаюсь“.

Разнесся слухъ, что папа умеръ. Многіе старались угадывать, кого на его мѣсто изберетъ новый конклавъ. „О чемъ тутъ и толковать?“ перебилъ рѣчь тотъ же Апраксинъ: „разумѣется, назначенъ будетъ военный“. Это слово, сказанное въ тогдашней Варшавѣ, строго подчиненной военной обстановкѣ, было очень мѣтко и всѣхъ разсмѣшило.

Его же спрашивали о нѣкоторомъ лицѣ, извѣстномъ по привычкѣ украшать свои разсказы краснымъ словцомъ, не ѣдетъ ли онъ въ Россію на винные откупы, которые только что открылись въ Петербургѣ. „Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ, „а ѣдетъ, чтобы снять поставку лжи на всю Россію“.

N N сказалъ о ***, впрочемъ очень добромъ и почтенномъ человѣкѣ: „онъ говоритъ пословицами, а дѣйствуетъ виньетками“.

Кстати о виньеткахъ. Блудовъ сказалъ о новомъ собраніи басенъ Крылова, что вышли новыя басни Крылова, съ свиньею и съ виньетками.

„Свинья на барской дворъ когда-то затесалась“ и пр. Строгій и нѣсколько изысканный вкусъ Блудова не допускалъ появленія Хавроньи въ поэзіи. Какой-то Французскій критикъ, въ такомъ же направленіи, осуждалъ Крылова за то, что онъ выбралъ гребень предметомъ содержанія одной изъ своихъ басенъ, вѣроятно на томъ основаніи, что есть Французская поговорка: грязенъ какъ гребень (sale comme un peigne).

Выходя изъ театра послѣ представленія новой Русской комедіи, чуть ли не Загоскина, въ которой табакерка играла важную роль, Блудовъ сказалъ: „въ этой комедіи болѣе табаку, нежели соли“.

Ему же однажды передали, что какой-то сановникъ худо о немъ отзывался, говоря, что онъ при случаѣ готовъ продать Россію. „Скажите ему, что еслибы вся Россія исключительно была наполнена людьми на него похожими, я не только продалъ, но и даромъ отдалъ бы ее“.

Козодавлевъ, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, очень заботился о развитіи Русской промышленности и о замѣненіи иностранныхъ произведеній своими домашними.

Въ газетѣ *Сѣверная Почта*, издаваемой при министерствѣ и при личномъ наблюденіи и участіи самого министра, часто и много толковали о кунжутномъ маслѣ. Когда Козодавлевъ умеръ, N N спрашивалъ: „правда ли, что его соборовали кунжутнымъ масломъ?“

Великій Князь Константинъ Павловичъ всегда отличалъ графиню Розалію Ржевусскую, по красотѣ и по уму очень достойную его вниманія. Цесаревичъ любилъ шутить надъ ея клерикальностью

и часто обращался къ ней съ священными текстами. Однажды на балѣ она указала Великому Князю на одну даму, называя ее красавицей.—„Вотъ что́ значитъ христіанское смиреніе“, отвѣчалъ онъ ей. Вы видите сучокъ въ глазу у ближняго, а въ своемъ бревна не замѣчаете“.

Князь Юсуповъ (старикъ Николай Борисовичъ) трунилъ надъ графомъ Аркадіемъ Марковымъ по поводу старости его. Тотъ отвѣчалъ ему, что они однихъ лѣтъ. „Помилуй“, продолжалъ князь, “ты былъ уже на службѣ, а я находился еще въ школѣ“.—„Да чѣмъ же я виноватъ“, возразилъ Марковъ, „что родители твои такъ поздно начали тебя грамотѣ учить“.

У Ермолова спрашивали объ одномъ генералѣ, каковъ онъ въ сраженіи. „Застѣнчивъ“, отвѣчалъ онъ.

Дидеро витійствовалъ и гремѣлъ въ кабинетѣ Императрицы Екатеривы противъ льстецовъ, отсылая ихъ прямо въ адъ. Екатерина перемѣнила разговоръ. Спустя нѣсколько времени, спрашиваетъ она у него: „Что́ говорятъ въ Парижѣ о послѣднемъ политическомъ переворотѣ, происходившемъ въ Россіи“? Дидеро запинается, отдѣлывается общими выраженіями, упоминаетъ о случайностяхъ государственной необходимости и т. д. Екатерина, улыбаясь, говоритъ ему: „Берегитесь, господинъ Дидеро: если не прямо въ адъ, то по крайней мѣрѣ идете вы въ чистилище“.

Екатерина долго и съ жаромъ говорила о достоинстахъ Сюлли и о счастіи государя, который имѣлъ подобнаго министра. „Найдись другой Генрихъ, съищется другой Сюлли“, будто сказалъ Панинъ. (Но это невѣроятно, и отвѣтъ только приписанъ былъ Панину; во всякомъ случаѣ не графу Никитѣ, а графу Петру Ивановичу Панину. Вообще должно съ большою осторожностью довѣрять этимъ историческимъ изрѣченіямъ, появляющимся заднимъ числомъ).

Биронъ, какъ извѣстно, былъ большой охотникъ до лошадей. Графъ Остейнъ, Вѣнскій министръ при Петербургскомъ Дворѣ, сказалъ о немъ: „онъ о лошадяхъ говоритъ какъ человѣкъ, а о людяхъ какъ лошадь“.

Суворовъ писалъ князю Потемкину въ 1790 году: „Истинная слава не можетъ быть довольно оцѣнена: она есть слѣдствіе пожертвованія самимъ собою въ пользу общаго блага“.

Въ одно изъ своихъ странствованій по Россіи, Пушкинъ остановился обѣдать на почтовой станціи въ какой-то деревнѣ. Во время обѣда является барышня очень приличной наружности. Она говоритъ ему, что, узнавъ случайно о проѣздѣ великаго нашего поэта, не могла удержаться отъ желанія познакомиться съ нимъ, отпускаетъ различныя привѣтствія, похвальныя и восторженныя.

Пушкинъ слушаетъ ихъ съ удовольствіемъ, и самъ съ нею любезничаетъ. На прощаньи барышня подаетъ ему вязанный ею кошелекъ и проситъ принять его на память о неожиданной ихъ встрѣчѣ. Послѣ обѣда Пушкинъ садится опять въ коляску; но не успѣлъ онъ еще выѣхать изъ селенія, какъ догоняетъ его кучеръ верхомъ, останавливаетъ коляску и говоритъ Пушкину, что барышня проситъ его заплатить ей десять рублей за купленный имъ у нея кошелекъ. Пушкинъ, заливаясь звонкимъ своимъ смѣхомъ, любилъ разсказывать этотъ случай авторскаго разочарованія.

Карамзинъ разсказывалъ, что кто-то изъ мало знакомыхъ ему людей позвалъ его къ себѣ обѣдать. Онъ явился на приглашеніе. Хозяинъ и хозяйка приняли его очень вѣжливо и почтительно и тотъ-часъ же сами вышли изъ комнаты, гдѣ оставили его одного. Въ комнатѣ на столѣ лежало нѣсколько книгъ. Спустя 10 минутъ

или 1/4 часа, являются хозяева, приходятъ и просятъ его въ столовую. Удивленный такимъ пріемомъ, Карамзинъ спрашиваетъ ихъ, зачѣмъ они оставили его? „Помилуйте, мы знаемъ, что вы любите заниматься и не хотѣли помѣшать вамъ въ чтеніи, нарочно приготовили для васъ нѣсколько книгъ“.

Дмитріевъ разсказывалъ, что какой-то провинціалъ, когда заходилъ къ нему и заставалъ его за письменнымъ столомъ съ перомъ въ рукахъ: „Что это вы пишете?“ часто спрашивалъ онъ его, „нынче, кажется, не почтовый день“.

Кто-то однажды навѣстилъ графа Ланжерона: онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ съ перомъ въ рукахъ и писалъ отрывисто, съ размахомъ, какъ многіе подписываютъ имя свое въ концѣ письма. Послѣ каждаго подобнаго движенія повторялъ онъ на своемъ ломаномъ Русскомъ языкѣ: „*Ньe будѣтъ, ньe будѣтъ!*“. Чтоже оказалось? Онъ пробовалъ, какъ бы подписывалъ фельдмаршалъ графъ Ланжеронъ, если когда нибудь пожалованъ бы онъ былъ въ фельдмаршалы, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя, что никогда фельдмаршаломъ ему не бывать. Онъ былъ очень разсѣянъ и часто отъ разсѣянности мыслилъ вслухъ въ присутствіи другихъ, что часто подавало поводъ къ разнымъ комическимъ сценамъ. К... обѣдалъ у него въ Одессѣ во время его генералъ-губернаторства. Общество было преимущественно составлено изъ иностранныхъ негоціантовъ. За обѣдомъ выхвалялъ онъ удовольствія Одесской жизни и, указывая на негоціантовъ, сказалъ, что съ такими образованными людьми можно пріятно провести время. На бѣду его, въ то время былъ онъ особенно озабоченъ просьбою о прибавкѣ ему столовыхъ денегъ. „А не дадутъ мнѣ прибавки, я этимъ господамъ“, сталъ мыслить онъ вслухъ, „и этого не дамъ!“ (схватилъ съ тарелки своей косточку, оставшуюся отъ котлетки). Въ пріѣздъ Императора Александра въ Одессу, былъ приготовленъ для него домъ,

занимаемый Ланжерономъ. Встрѣтивъ Государя и проводивъ его до кабинета, послѣ разговора, продолжавшагося нѣсколько минутъ, откланялся онъ, вышелъ изъ кабинета и по привычкѣ своей заперъ дверь на ключъ. Государь оставался нѣсколько времени въ заперти, но наконецъ застучался, и освободили его отъ заточенія. Ланжеронъ былъ умный и вообще довольно дѣятельный человѣкъ, но ужасно не любилъ заниматься канцелярскими бумагами. Случалось, что когда явятся къ нему чиновники съ докладами, онъ отъ нихъ прятался, выходилъ изъ дому какими нибудь задними дверьми и пропадалъ на нѣсколько часовъ. Кажется, графъ Каменскій (молодой) во время Турецкой войны, объяснялъ ему планы свои для будущихъ военныхъ дѣйствій. Какъ нарочно на столѣ лежалъ журналъ *Французскій Меркурій*. Ланжеронъ машинально раскрылъ его и напалъ на шараду, въ журналѣ напечатанную. Продолжая слушать изложеніе военныхъ дѣйствій, онъ невольно занялся разгадываньемъ шарады. Вдругъ, перебивая рѣчь Каменскаго, вскрикнулъ онъ: „Что за глупость!“ Можно представить себѣ удивленіе Каменскаго; но вскорѣ дѣло объяснилось, когда онъ узналъ, что восклицаніе Ланжерона относилось къ глупой шарадѣ, которую онъ разгадалъ. Въ другой разъ, чуть ли не въ засѣданіи какого-то военнаго совѣта, замѣтилъ онъ собачку подъ столомъ, вокругъ коего сидѣли присутствующіе члены. Сначала, непримѣтно для другихъ, сталъ онъ движеніемъ пальцевъ призывать къ себѣ эту собачку. Она подошла, онъ началъ ее ласкать и вдругъ, причмокивая, обратился къ ней съ ласковыми словами. Разумѣется, всѣ эти выходки не вредили Ланжерону, а только забавляли и смѣшили зрителей и слушателей, которые уважали въ немъ хорошаго и храбраго генерала. Въ арміи извѣстно слово, сказанное имъ во время сраженія подчиненному, который неловко исполнилъ приказаніе ему данное. „Ви пороху нье боитесь, но за то ви его нье видумали“. Однажды во время своего начальства въ Одессѣ, былъ онъ недоволенъ Русскими купцами и собралъ ихъ къ себѣ, чтобы сдѣлать имъ выговоръ. Вотъ начало его рѣчи къ нимъ: „Какой ви негоцьантъ, ви маркитантъ; какой ви купецъ, ви овецъ“ и движеніемъ руки своей выразилъ козлиную бороду. Однажды за обѣдомъ у Императора Александра сидѣлъ онъ между

генералами Уваровымъ и Милорадовичемъ, которые очень горячо разговаривали между собою. Государь обратился къ Ланжерону съ вопросомъ, о чемъ идетъ ихъ живая рѣчь. „Извините, Государь отвѣчалъ онъ, я ихъ не понимаю: они говорятъ по-французски". Извѣстно, что Уваровъ и Милорадовичъ отличались своею несчастною любовью къ Французскому языку. Въ молодости своей, Ланжеронъ писалъ трагедіи, какъ и всѣ мало-мальски грамотные люди во Франціи: у Французовъ тогда была мода на трагедіи, какъ у насъ въ то же время на торжественныя оды. Въ началѣ Французской революціи 1789 года, участвовалъ онъ въ журналѣ *Les actes des Apôtres*, издаваемомъ, разумѣется, въ духѣ монархическомъ и въ защиту королевской власти. Сотрудниками журнала были очень умные и острые люди, такъ что журналъ часто удачно соперничалъ съ опозиціонными періодическими изданіями Въ Одессѣ Ланжеронъ далъ Пушкину трагедіи свои на прочтеніе. Понимается Пушкинъ ихъ не прочелъ и, спустя нѣсколько времени, на вопросъ Ланжерона, которая изъ трагедій болѣе ему нравится, отвѣчалъ ему на угадъ, именуя заглавіе одной изъ нихъ. Въ ней выведенъ бытъ республиканецъ.

Дмиріевъ, жалуясь на скучнаго и усерднаго посѣтителя своего, говорилъ, что приходитъ держать его подъ карауломъ.

„За что многіе не любятъ тебя?," кто-то спрашивалъ Ѳ. И. Киселева.—„За что же всѣмъ любить меня?" отвѣчалъ онъ: „вѣдь я не золотой имперіалъ".

Графъ Толстой, извѣстный подъ прозвищемъ Американца, хотя не всегда правильно, но всегда сильно и мѣтко говоритъ по-русски. Онъ мастеръ играть словами, хотя вовсе не бѣгаетъ за каламбурами. Однажды заходитъ онъ къ старой своей теткѣ. „Какъ ты кстати пришелъ", говоритъ она: „подпишись свидѣтелемъ на этой бумагѣ."—„Охотно, тетушка, отвѣчаетъ онъ и пишетъ: „при сей

вѣрной оказіи свидѣтельствую тетушкѣ мое нижайшее почтеніе“. Гербовый листъ стоилъ нѣсколько сотъ рублей.

Какой-то родственникъ его, ума ограниченнаго и скучный, все добивался, чтобы онъ познакомилъ его съ Денисомъ Давыдовымъ. Толстой подъ разными предлогами все откладывалъ представленіе. Наконецъ, однажды, чтобы разомъ отдѣлаться отъ скуки, предлагаетъ онъ ему подвести его къ Давыдову. „Нѣтъ“, отвѣчаетъ тотъ, „сегодня не ловко: я лишнее выпилъ, у меня немножко въ головѣ“.—„Тѣмъ лучше“, – говоритъ Толстой: „тутъ-то и представляться къ Давыдову“, беретъ его за руку и подводитъ къ Денису, говоря: „представлю тебѣ моего племянника, у котораго немного въ головѣ“.

Князь*** долженъ былъ Толстому по векселю довольно значительную сумму. Срокъ платежа давно прошелъ, и дано было нѣсколько отсрочекъ, но денегъ князь ему не выплачивалъ. Наконецъ Толстой, выбившись изъ терпѣнія, написалъ ему: „Если вы къ такому-то числу не выплатите долгъ свой весь сполна, то не пойду я искать правосудія въ судебныхъ мѣстахъ, а отнесусь прямо къ лицу вашего сіятельства“.

За дуэль или какую-то проказу былъ посаженъ онъ въ Выборгскую крѣпость. Спустя нѣсколько времени, показалось ему, что срокъ содержанія его въ крѣпости уже миновалъ, и началъ онъ рапортами и письмами бомбардировать начальство, то съ просьбою, то съ жалобою, то съ упреками. Это наконецъ надоѣло коменданту крѣпости, и онъ прислалъ ему строгое предписаніе и выговоръ съ приказаніемъ не осмѣливаться впредъ докучать начальство пустыми ходатайствами. Малограмотный писарь, переписывавшій эту офиціальную бумагу, гдѣ-то и совершенно неумѣстно, поставилъ вопросительный знакъ. Толстой обѣими руками такъ и схватился за этотъ неожиданный знакъ препинанія и снова принялся за перо. „Перечитывая (пишетъ онъ коменданту) нѣсколько разъ съ должнымъ вниманіемъ и съ покорностью предписаніе вашего превосходительства, отыскалъ я въ немъ вопросительный знакъ, на который вмѣняю себѣ въ непремѣнную обязанность отвѣтствовать“. И тутъ же сталъ онъ снова излагать свои доводы, жалобы и требованія.

Шепелевъ (генералъ Дмитрій Дмитріевичъ) говоритъ всегда нѣсколько высокопарно. Однажды сказалъ онъ Толстому: „Послушайся, голубчикъ, моего совѣта: если у тебя будетъ сынъ, учи его непремѣнно гидравликѣ.“—„Почему же именно гидравликѣ?“ спрашиваетъ Толстой. — „А вотъ почему. Мы, напримѣръ, гуляемъ съ тобою въ деревнѣ твоей, подходимъ къ ручью, я беру тебя за руку и говорю тебѣ. Толстой, дай мнѣ 100 т. рублей“... „Нѣтъ“, съ живостью прервалъ его тотъ: подведи меня хоть къ морю, такъ не дамъ“.—„Не въ томъ дѣло“, продалжаетъ Шепелевъ, „но я увидѣлъ, что на этой рѣчкѣ можно построить мельницу или фабрику, которая должна дать до 20 и 30 т. р. ежегоднаго дохода“.

Когда появились первые 8 томовъ Исторіи Государства Россійскаго, онъ прочелъ ихъ однимъ духомъ, и послѣ часто говорилъ, что только отъ чтенія Карамзина узналъ онъ, какое значеніе имѣетъ слово Отечество и получилъ сознаніе, что у него Отечество есть. Впрочемъ, недостатокъ этого сознанія не помѣшалъ ему въ 12-мъ году оставить Калужскую деревню, въ которую сосланъ онъ былъ на житье, и явиться на Бородинское поле: тутъ надѣлъ онъ солдатскую шинель, ходилъ съ рядовыми на бой съ непріятелемъ, отличился и получилъ Георгіевскій крестъ 4-ой степени.

Князь Чарторижскій (старикъ, въ концѣ прошлаго столѣтія) распустилъ по Варшавѣ слухъ, что пріѣхалъ знаменитый гадатель, обладающій удивительнымъ дарованіемъ узнавать прошедшее и угадывать будущее, что остановился онъ въ Пражскомъ предмѣстіи, въ такомъ-то домѣ и въ такіе-то часы принимаетъ посѣтителей. Въ эти часы отправлялся онъ самъ въ назначенное мѣсто, переряжался и въ темной комнатѣ давалъ свои ауденціи. Разумѣется, что все общество хлынуло къ нему, и въ особенности дамы. Онъ зналъ всѣхъ жителей Варшавскихъ, болѣе или менѣе всѣ ихъ дѣйствія, желанія и помыслы, а потому и легко было ему удивлять всѣхъ своимъ чудеснымъ всевѣдѣніемъ. Между тѣмъ узналъ онъ и многія новыя тайны, которыя предъ нимъ обнаружились и невольно были высказаны. И жена его попалась въ эту сѣть. Можетъ быть, и она проговорилась, и всевѣдующій магъ узналъ иное,

чего онъ не зналъ. Вотъ хорошій сюжетъ для повѣсти или для оперетки.

Генералъ Лубинскій, Полякъ въ душѣ, но умѣренный и благоразумный либералъ, говорилъ, что Полякамъ не должно забывать, что царь конституціонный въ Польшѣ, есть императоръ самодержавный въ Россіи, и что въ борьбѣ свободы съ властью должно всегда имѣть эту истину передъ глазами.

На вечерѣ у княгини Заіончекъ (жены намѣстника) рѣчь зашла о желаніяхъ каждаго, и каждый изъ присутствующихъ долженъ былъ выразить, чего просилъ бы онъ отъ судьбы, если она взялась бы исполнить желаніе. „Спасти Отечество“, сказалъ П. „Что же“, съ живостью перебила его княгиня Заіончекъ, „вы имѣли бы тутъ общую участь съ гусями Капитолія“. Это слово очень остроумно и очень умѣстно въ офиціальномъ положеніи княгини. Она вообще мало разговариваетъ, но отрывисто и мѣтко отпускаетъ подобные выстрѣлы.

Канцлеръ Румянцовъ когда-то сказалъ, что Наполеонъ не лишенъ какого-то простодушія (bonhomie). Всѣ смѣялись надъ этимъ мнѣніемъ и приписывали его недальновидности ума Румянцова. А можетъ быть онъ былъ и правъ. Въ частныхъ сношеніяхъ Наполеона съ приближенными и подчиненными ему людьми была нѣкоторая простота, какъ оказывается изъ многихъ разсказовъ и отзывовъ. Къ тому же, по горячности своей, онъ былъ нерѣдко не скроменъ и проговаривался. Н. Н. Новосильцевъ разсказывалъ, что за столомъ у Государя, Румянцовъ, по возвращеніи своемъ изъ Парижа, сказалъ слѣдующее: „Въ одномъ изъ моихъ разговоровъ съ Наполеономъ осмѣлился я однажды замѣтить ему: „Неужели, государь, при достиженіи подобнаго величія и высоты, не подумали вы, что, сколь вы ни всемогущи, но законъ природы падетъ и на васъ. Избрали-ли вы достойнаго себя наслѣдника и преем-

ника вашей славы“? — „Повѣрите ли, графъ“, отвѣчалъ Наполеонъ, ударяя себя по лбу, „что мнѣ это и въ голову не приходило! Благодарю. Вы меня надоумили“.—Оставляю на произволъ каждаго рѣшить, не солгалъ ли тутъ кто нибудь изъ трехъ; а на правду что-то не похоже.

Князь Дашковъ, сынъ знаменитой матери, имѣлъ, говорятъ, въ обращеніи и въ пріемахъ своихъ что-то барское и отмѣнно-вѣжливое, что̀ впрочемъ и бываетъ истиннымъ признакомъ человѣка благороженнаго и образованнаго. Въ доказательство этихъ качествъ князя Дашкова, В. Л. Пушкинъ приводитъ слѣдующій случай. Онъ, т.-е. Пушкинъ, и зять его Солнцевъ, были коротко знакомы съ княземъ и могли обѣдать у него, когда хотѣли. Однажды пріѣзжаютъ они къ нему въ часъ обѣда и застаютъ у хозяина все отборное Московское общество, всѣхъ сановниковъ и всѣхъ наличныхъ Андреевскихъ кавалеровъ. Увидя, что на этотъ разъ пріѣхали они не впопадъ, уѣзжаютъ домой. Недѣлю спустя, получаютъ они отъ князя приглашеніе на обѣдъ, пріѣзжаютъ и находятъ то самое общество, которое застали они въ тотъ день.

Въ 1809 или 1810 г. пріѣзжалъ въ Москву, Богъ знаетъ откуда, какой-то чудакъ, который выдавалъ себя за барона Жерамба, носилъ всегда черный гусарскій мундиръ и вмѣсто звѣзды на груди серебряннную мертвую голову. Онъ увѣрялъ, что этотъ мундиръ и эта голова были присвоены полку, который онъ на своемъ иждивеніи поставилъ въ Австріи во время войны. Все это казалось очень баснословно, но самъ былъ онъ очень милъ и любезенъ и хорпо принятъ въ лучшіе Московскіе дома. Сначала жилъ онъ очень широко, разъѣзжалъ по Москвѣ въ щегольской каретѣ цугомъ, игралъ въ карты, проигрывалъ довольно значительныя суммы и т. п. Наконецъ денежныя средства его, повидимому, истощились. Въ подобной крайности написалъ онъ княгинѣ Дашковой письмо такого содержанія: что онъ видѣлъ Родосскій колоссъ, Египетскія пирамиды и подобныя тому чудеса и не умретъ спо-

койно, если не удостоится увидать княгиню Дашкову. Старушка была тронута этимъ лестнымъ привѣтомъ и пригласила его къ себѣ. Въ первое же свое посѣщеніе попросилъ онъ у княгини дать ему взаемъ 25000 рублей. Княгиня, разумѣется, ихъ не дала, и знакомство ихъ на этомъ и кончилось. Когда Русскія войска вступили въ Парижъ, многіе офицеры, знавшіе Жерамба въ Россіи, нашли его трапистомъ въ Парижѣ и подъ именемъ отца Жерамба. Онъ, кажется, нѣсколько былъ извѣстенъ и литературными произведеніями. Во время пребыванія своего въ Москвѣ, обратилъ онъ сердечное вниманіе свое на одну дѣвицу и, не смѣя ей въ томъ признаться, написалъ въ альбомѣ ея брата: Prince, je vous adorerais, si Vous étiez Votre soeur.

За полученіемъ извѣстія о кончинѣ императора Александра полѣдовало въ Варшавѣ политическое и между-царственное затишье, впрочемъ болѣе наружное и офиціальное; а умы, разумѣется, были взволнованы молчаніемъ правительства и не знали, какъ объяснять это молчаніе. Депутація отъ Государственнаго Совѣта и другихъ высшихъ мѣстъ рѣшилась отправиться къ генералу Курутѣ. Онъ спалъ. Поляки убѣдили камердинера разбудить его, потому что пріѣхали по важному и неотлагательному дѣлу. Курута принялъ ихъ въ постели. Они объяснили, что желаютъ представиться новому Императору и спрашиваютъ, когда и какъ могутъ исполнить эту обязанность. „Cela ne cadre pas avec nos combinaisons“ (это несоотвѣтствуетъ нашимъ разсчетамъ), отвѣчалъ имъ Курута, повернулся на другой бокъ и тутъ же заснулъ.

Александръ Голицынъ, извѣстный подъ именемъ Рыжаго, вслѣдствіе какихъ-то неудовольствій по службѣ и непріятныхъ словъ, сказанныхъ ему Великимъ Княземъ, просился въ отставку. Курута назначенъ былъ отъ Цесаревича негоціаторомъ, чтобы убѣдить Голицина отказаться отъ своего намѣренія. „Mon cher“, сказалъ ему благоразумный Улиссъ, „le Grand Duc est un grand prince, c'est le frère de l'Empereur. Il faut être magnanime avec les grands et savoir se survaincre“ (Мой милый, Великій Князь—великая

особа, онъ братъ Императора. Надо быть великодушнымъ съ великими особами и умѣть себя преодолѣвать).

Говоря о нѣкоторыхъ блестящихъ счастливцахъ, NN сказалъ: „Отъ нихъ такъ и несетъ ничтожествомъ“.

Н. Н. Новосильцевъ, человѣкъ умный, хотя и въ нѣкоторомъ размѣрѣ, очень образованный, доброжелательный, способный имѣть благородныя движенія, а иногда и силу выражать ихъ на дѣлѣ. Но при этомъ есть слабости въ умѣ и характерѣ его. Ихъ должно приписывать средѣ, въ которой онъ обращался. Въ нашемъ обществѣ нѣтъ надлежащаго контроля, и общественное мнѣніе не имѣетъ довольно силы, чтобы подчинять нравственной дисциплинѣ дѣйствія и привычки своихъ членовъ. Въ Варшавѣ онъ не умѣетъ обращаться съ Поляками. Онъ любитъ, ласкаетъ, принимаетъ и угощаетъ своими роскошными обѣдами только тѣхъ Поляковъ, которые и безъ того принадлежатъ Россіи, какъ принадлежали бы они всякой другой господствующей державѣ (есть же натуры, которыя, какъ вещи, должны непремѣнно кому нибуть принадлежать). Политика должна дѣлать уступки, заискивать и стараться разными обольщеніями вербовать даже и недоброжелателей. Этого способа завоеванія Новосильцевъ никогда не испытывалъ. Своею невнимательностью, недоступчивостью, онъ только раздражалъ людей, считавшихся въ опозиціи. Нѣмцевичъ, за обѣдомъ у NN, говорилъ сосѣду своему съ слезами на глазахъ: „Вотъ первый кусокъ Русскаго хлѣба, который я ѣмъ въ Варшавѣ“. Но впрочемъ много было въ Новосильцевѣ сочувственнаго и привлекательнаго: большая простота и одинаковость въ обращеніи. Разговоръ его могъ быть разнообразенъ и занимателенъ; но по какой-то лѣни онъ не любитъ упражнять свой умъ, и по большей части разговоръ вертится около мелочей, событій и городскихъ сплетней. Лѣнь его до того доходитъ, что онъ даже не читаетъ газетъ и признается, что узнаетъ о важныхъ Европейскихъ событіяхъ отъ Англичанина, камердинера своего, который прилежный читатель Англійскихъ га-

зетъ, выписываемыхъ Новосильцевымъ. Онъ до того безпеченъ, что однажды, и то нечаянно, отъискалъ въ старой забытой имъ шкатулкѣ многія важныя и драгоцѣнныя бумаги, между прочими собственноручныя на Французскомъ языкѣ письма отъ Англійскаго принца-регента, нынѣшняго короля: одно о Гановерскихъ дѣлахъ, другое съ просьбою исходатайствовать ему позволеніе пріѣхать на твердую землю и принять участіе въ войнѣ противъ Наполеона. Было письмо и отъ Пита. И вмѣстѣ съ этими бумагами отъискались въ шкатулкѣ забытыя ассигнаціи на 2000 р. Въ молодости онъ писывалъ Русскіе стихи и, кажется, особенно эпистолы, которыя въ царствованіе Екатерины были въ большомъ ходу. Но и теперь художественныя привычки отчасти остались при немъ. Можно иногда застать его за переводомъ, бѣлыми стихами, которой нибудь оды Анакреона или за клавикордами, разыгрывающаго сонату. Эти отдыхи и досуги въ жизни офиціальнаго человѣка имѣютъ особенную прелесть.

Новосильцева можно назвать заколоченнымъ колодцемъ многихъ историческихъ достопамятностей.

Князь Голицинъ прозванъ Jean de Paris (названіе современной оперы), потому что онъ въ Парижѣ, во время пребыванія нашихъ войскъ, выигралъ въ одномъ игорномъ домѣ милліонъ франковъ и, спустя нѣсколько дней, проигралъ ихъ такъ, что не съ чѣмъ было ему выѣхать изъ Парижа. Онъ большой чудакъ и находится на службѣ при Великомъ Князѣ въ Варшавѣ въ должности—какъ бы сказать?—забавника. И въ самомъ дѣлѣ онъ очень забавенъ при какой-то сановитости въ постановкѣ и кудреватости въ рѣчахъ. Надобно прибавить, что онъ отъ природы былъ немного трусоватъ. Однажды ѣхалъ онъ въ колескѣ съ Великимъ Княземъ, и скакали они во всю лошадиную прыть. Это Голицину не очень нравилось. „Осмѣлюсь замѣтить“, сказалъ онъ, „и доложить Вашему Императорскому Высочеству, что если малѣйшій винтъ выскочитъ изъ коляски, то отъ Вашего Императорскаго Высочества можетъ остаться только одна надпись на гробницѣ: здѣсь лежитъ тѣло Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Констан-

тина Павловича". „А Михель?" спросилъ Великій Князь (Михель былъ главный вагенмейстеръ при Дворѣ Великаго Князя).— „Пріемлю смѣлость почтительнѣйше повергнуть на благоусмотрѣніе и прозорливое соображеніе Вашего Императорскаго Высочества, что если, къ общему несчастью, не станетъ Вашего Императорскаго Высочества, то и Михель Его Императорскаго Высочества бояться не будетъ".

Въ другой разъ говорилъ онъ Великому Князю: „Вотъ кажется, Ваше Высочество, и нѣсколько привыкли ко мнѣ, и жалуете, и удостоиваете меня своимъ милостивымъ благорасположеніемъ, но все это не надежно. Пришла бы на умъ Государю мысль сказать Вамъ: „Мнѣ хотѣлось бы съѣсть Голицина". Вы только бы и спросили: а на какомъ соусѣ прикажете изготовить его"?

Однажды захотѣлось ему имѣть прибавку къ получаемому имъ содержанію, казенную квартиру и еще что-то подобное въ этомъ родѣ. Передалъ онъ свои желанія генералу Курутѣ. Тотъ имѣлъ привычку никогда и никому ни въ чемъ не отказывать. „Очень хорошо, mon cher", сказалъ онъ Голицину: „въ первый разъ, что́ мы съ вами встрѣтимся у Великаго Князя, я при васъ же ему о томъ доложу". Такъ и случилось. Начался между Великимъ Княземъ и Курутою, какъ и обыкновенно бывало, разговоръ на Греческомъ языкѣ. Голицынъ слышитъ, что нѣсколько разъ было упоминаемо имя его. Слышитъ онъ также, что на предложенія Куруты Великій Князь не разъ отвѣчалъ: „калосъ". Всѣ принадлежащіе Варшавскому Двору довольно были свѣдущи въ Греческомъ языкѣ, чтобы знать, что слово калосъ значитъ по-русски: хорошо. Голицинъ въ восхищеніи. При выходѣ изъ кабинета Великаго Князя, Голицинъ только что собирался изъявить свою глубочайшую благодарность Курутѣ, тотъ съ печальнымъ лицомъ объявляетъ ему: „сожалѣю, mon cher, что не удалось мнѣ удовлетворить вашему желанію; но Великій Князь во всемъ вамъ отказываетъ и приказалъ мнѣ сказать вамъ, чтобы вы впередъ не осмѣливались обращаться къ нему съ такими пустыми просьбами."— Что же оказалось послѣ? Курута, докладывая о ходатайствѣ Голицина, прибавлялъ отъ себя по каждому предмету, что по его мнѣнію Голицынъ не имѣетъ никакого права на подобную милость;

а въ концѣ заключилъ, что слѣдовало бы запретить Голицину повторять свои домогательства. На все это Великій Князь и изъявлялъ свое совершенное согласіе. Надобно видѣть и слышать, съ какимъ драматическимъ и мимическимъ искусствомъ Голицинъ передаетъ эту сцену, которою искусный комическій писатель могъ бы воспользоваться съ успѣхомъ.

На довольно многолюдномъ вечерѣ у Варшавскаго коменданта Левицкаго, Новосильцевъ имѣлъ непріятную стычку съ однимъ изъ адъютантовъ Великаго Князя. Съ горяча далъ онъ ему почувствовать, что власть, которою онъ официально уполномоченъ, можетъ простираться и на него. Разумѣется, это было доведено до свѣдѣнія Цесаревича, который остался очень недоволенъ. Пошли переговоры, Новосильцевъ былъ не прочь и отъ поединка, но дѣло обошлось миролюбиво, хотя, можетъ быть, и болѣе непріятнымъ образомъ для Новосильцева. Вслѣдствіе посредничества со стороны Цесаревича, Новосильцевъ долженъ былъ сказать нѣсколько извинительныхъ словъ адъютанту въ томъ же домѣ и предъ тѣмъ же обществомъ, которое было свидѣтелемъ стычки. Такъ и случилось. Съ этой поры политическое и нравственное значеніе Новосильцева въ Варшавѣ было нѣсколько потрясено, и изъ независимаго положенія перешелъ онъ въ другое, которое подчинило независимость его постороннему вліянію. Спрашивали у Васеньки Апраксина, одного изъ зрителей этой примирительной сцены, какъ обошлось все дѣло. „Очень хорошо“, отвѣчалъ онъ, „Байковъ (старшій и ближайшій къ Новосильцеву чиновникъ) ввелъ его въ комнату и сказалъ ему: Fils de S-t Louis, montez au Ciel“. Извѣстно, что эти слова были сказаны духовникомъ несчастнаго Людовика XVI, когда онъ всходилъ на эшафотъ. Замѣчательна удачная находчивость Апраксина въ подобныхъ случаяхъ. Онъ не зналъ исторіи, ничего никогда не читалъ, вѣроятно, какъ-то мелькомъ слыхалъ про это изрѣченіе и тутъ же примѣнилъ его такъ мѣтко, остроумно и забавно. Кромѣ самороднаго дарованія на острыя слова, Апраксинъ имѣетъ еще и другіе таланты. Никогда не учась музыкѣ, поетъ онъ прекрасно и разъигрываетъ на клавикордахъ лучшія

мѣста изъ слышанныхъ имъ оперъ. Никогда не учась рисованью, онъ мастерски владѣетъ карандашомъ и пишетъ прекрасныя карикатуры. У генерала Сипягина есть большой альбомъ, Апраксинымъ исписанный: тутъ, въ смѣшныхъ и мѣткихъ изображеніяхъ, проходитъ все Петербургское общество. Со временемъ этотъ альбомъ можетъ сдѣлаться историческою достопамятностью.

Въ дневникѣ NN записано: „Мое дѣло не дѣйствіе, а впечатлительная ощутительность; меня хорошо бы держать какъ термометръ: онъ не можетъ ни нагрѣть, ни освѣжить покоя, но ничто скорѣе и вѣрнѣе его не почувствуетъ и не укажетъ настоящую температуру. Часто замѣчалъ я за собою при событіяхъ, что поражали меня иные признаки и свойства, которые ускользали отъ вниманія другихъ“.

Многое можетъ въ прошлой исторіи нашей объясниться тѣмъ, что Русскій, т.-е. Петръ Великій силился сдѣлать изъ насъ Нѣмцевъ, а Нѣмка, т.-е. Екатерина Великая хотѣла сдѣлать насъ Русскими.

Я желалъ бы славы себѣ, но не для себя, а съ тѣмъ, чтобы озарить ею могилу отца и колыбель моего сына.

О Небо! Зачѣмъ при склонностяхъ мирныхъ дало ты мнѣ и порывы мятежные? Тихое забвеніе, тихое убѣжище, тѣнь двухъ-трехъ деревъ, свѣтлый бѣгъ ручья, при васъ мысль моя отдыхаетъ. Вами, кажется, могла бы ограничиться вся алчность моихъ желаній; но страсти, обольщенія свѣта, уносятъ меня далеко отъ васъ. Въ волненіи тоски безпредѣльной я вздыхаю по васъ: на вашемъ безмятежномъ лонѣ порываюсь на новыя движенія. Я въ всегдашней борьбѣ съ самимъ собою и не знаю, что окончательно одержитъ

верхъ. У другихъ для этого тайнаго и глухаго волненія пробуждается вѣчно-бьющій источникъ поэзіи; но не каждому судьбою дается онъ въ удѣлъ. А, кажется, онъ одинъ можетъ утолить жажду души, равнодушной къ такъ называемымъ земнымъ благамъ,— души, которая готова изсохнуть на почвѣ, гдѣ, по преданіямъ толпы, растетъ человѣческое счастье и расцвѣтаютъ житейскія выгоды.

Магницкій зашелъ однажды къ Тургеневу (Александру) и засталъ у него барыню-просительницу, которая объясняла ему свое дѣло. Магницкій сѣлъ въ сторону и ожидалъ конца аудіенціи. Докладывая по дѣлу своему, на какое-то замѣчаніе Тургенева, барыня говоритъ: „Да помилуйте, ваше превосходительство, и въ Евангеліи сказано: на Бога надѣйся, а самъ не плошай“. „Нѣтъ ужъ извините“, вскочивъ со стула и подбѣжавъ къ барынѣ, съ живостью сказалъ ей Магницкій. „Этого, милостивая государыня, въ Евангеліи нѣтъ“. И опять возвратился на свое мѣсто.

Когда въ 1812 году, Магницкій жилъ въ ссылкѣ, въ Вологдѣ, какой-то доморощенный Вологодскій поэтъ написалъ слѣдующіе стихи:

Сперанскій высоко взлетѣлъ,
Россію предать хотѣлъ:
За то сосланъ въ Сибирь
Копать имбирь.
Магницкій сидитъ,
Туда же глядитъ.

Стихи даютъ нѣкоторое понятіе объ общемъ расположеніи къ двумъ политическимъ ссыльнымъ. Слѣдующій случай еще сильнѣе можетъ служить тому признакомъ. Разсказывали, что Магницкій пошелъ въ лавку и, купивъ самоваръ, велѣлъ отнести его къ себѣ на квартиру, сказавъ свою фамилію. Услышавъ ее, купецъ выгналъ его изъ лавки и самовара не продалъ. Этотъ анекдотъ можетъ быть и выдуманъ, но онъ ходилъ по Вологдѣ и слѣдовательно имѣетъ свое значеніе.

Молодой князь Марцелинъ Любомирскій былъ очень хорошо принятъ въ лучшемъ Петербургскомъ обществѣ; но скоро своротилъ съ пути, растерялся, надѣлалъ долговъ и тайно скрылся. Во время расточительной жизни своей, онъ все указывалъ заимодавцамъ на мѣстечко *Дубно*, которое принадлежало отцу его и вскорѣ должно было поступить въ продажу и что тогда выплатитъ онъ всѣ свои долги. NN при этомъ сказалъ: „Заимодавцы Любомирскаго могутъ измѣнить извѣстную пословицу и говорить: „славны *Дубны* за горами“.

Нелединскій говоритъ, что при Дворѣ *сегодня* не есть послѣдствіе вчерашняго дня, и ненадежное указаніе на завтрашній. Каждый день при Дворѣ имѣетъ свою отдѣльную судьбу. Такъ на него и должно смотрѣть. Въ 1812 году, Нелединскій оставилъ Москву за нѣсколько минутъ до вступленія Французовъ и такъ врасплохъ, что выѣхалъ въ своей извощичьей каретѣ, какъ разъѣзжалъ по городу. Въ Ярославлѣ представлялся онъ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. На слова Нелединскаго, который смотрѣлъ довольно мрачно на совершающіяся событія и на послѣдствія, которыми могутъ они отозваться въ Россіи, Великая Княгиня съ живостью возразила ему: „Но однако-же, братъ мой любимъ народомъ“.— „Конечно, отвѣчалъ Нелединскій, Государь любимъ, но любовь поддерживается довѣріемъ, а довѣріе рождается отъ успѣховъ“. Послѣ выхода Французовъ изъ Москвы и водворенія въ ней нѣкотораго порядка, онъ никакъ не могъ рѣшиться оставаться въ ней на житьѣ, какъ прежде. Онъ говорилъ, что въ глазахъ его непріятель опозорилъ Москву. Онъ продалъ свой большой домъ на Мясницкой и переселился на житье и на службу въ Петербургъ. Въ одной изъ залъ его дома была во всю длину стѣна уставлена большими зеркалами. Во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ, онъ говорилъ, что понимаетъ, съ какимъ удовольствіемъ квартирующіе въ домѣ его Французы должны стрѣлять изъ пистолетовъ въ эту зеркальную стѣну.

Во дни процвѣтанія Библейскихъ обществъ, манифестовъ Шишкова и злоупотребленія, часто совершенно не у мѣста, текстами изъ Священнаго Писанія, Дмитріевъ говорилъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ наши свѣтскіе писатели просятся въ духовные, духовные стараются примѣнить языкъ свой къ свѣтскому“. Къ нему ходилъ одинъ Московскій священникъ, довольно образованный и до того свѣдущій во Французскомъ языкѣ, что когда проходилъ по церкви мимо барынь съ кадиломъ въ рукахъ, говорилъ имъ: „Pardon mesdames“. Онъ не любилъ митрополита Филарета и критиковалъ языкъ и слогъ проповѣдей его. Дмитріевъ никогда не былъ большимъ приверженцемъ Филарета, но въ этомъ случаѣ защищалъ его. „Да помилуйте, ваше высокопревосходительство“, сказалъ ему однажды священникъ: „ну такимъ ли языкомъ писана ваша *Модная жена?*

Въ старой Москвѣ живалъ одинъ Левашовъ, очень образованный, пріятнаго обхожденія, славящійся актерскимъ искусствомъ своимъ на домашнихъ театрахъ, но по несчастью до нельзя пристрастный къ пиву. Говорятъ, что онъ передъ концемъ своимъ выпивалъ его по нѣскольку десятковъ бутылокъ въ сутки. Дмитріевъ, который былъ съ нимъ въ пріятельскихъ сношеніяхъ, разсказывалъ, что въ короткихъ ему домахъ онъ не стѣснялся, но все таки немного совѣстился частыхъ требованій любимаго своего напитка; а потому и выражалъ свои требованія разнообразными способами: то повелительнымъ голосомъ приказывалъ слугѣ подать ему стаканъ пива, то просилъ въ полголоса, то мелькомъ и какъ будто незамѣтно въ общемъ разговорѣ. Дмитріевъ примѣняетъ эти различныя интонаціи къ Василію Львовичу Пушкину, большому охотнику твердить и повторять свои стихи. „И онъ“, замѣчаетъ Дмитріевъ, „то восторженно прочтетъ свое стихотвореніе, то нѣсколькими тонами понизитъ свое чтеніе, то ухватится за первый попавшійся предлогъ и прочтетъ стихи свои, какъ будто случайно“.

Въ Москвѣ до 1812 г. не былъ еще извѣстенъ обычай разносить передъ ужиномъ въ чашкахъ бульонъ, который съ Французскаго слова называли *consommé.* На вечерѣ у Василія Львовича Пушкина, который любилъ всегда хвастаться нововведеніями, разносили гостямъ такой бульонъ, по обычаю, который онъ вѣрно вывезъ изъ Петербурга или изъ Парижа. Дмитріевъ отказался отъ него. Василій Львовичъ подбѣгаетъ къ нему, и говоритъ: „Иванъ Ивановичъ, да вѣдь это consommé.—Знаю, отвѣчаетъ Дмитріевъ, съ нѣкоторою досадою, что это не ромашка, а все таки пить не хочу“. Дмитріевъ, при всей простотѣ обращенія своего, былъ очень щекотливъ, особенно когда покажется ему, что подозрѣваютъ его въ незнаніи свѣтскихъ обычаевъ, хотя онъ большаго свѣта не любилъ и никогда не ѣзжалъ на вечернія многолюдныя собранія.

Было какое-то торжественное празднество въ кадетскомъ корпусѣ въ присутствіи Великаго Князя Константина Павловича и многихъ высшихъ сановниковъ. А. Л. Нарышкинъ подходитъ къ Великому Князю и говоритъ: „J'ai aussi un cadet ici“. „Я и не зналъ“, отвѣчаетъ Великій Князь, „представь мнѣ его“. Нарышкинъ отыскиваетъ брата своего Дмитрія Львовича, подводитъ его къ Константину Павловичу и говоритъ: „Voici mon cadet“. Великій Князь расхохотался, а Дмитрій Львовичъ по обыкновенію своему пуще расфыркался и встряхивалъ своею напудренною и тщательно завитою головою *).

А. Л. Нарышкинъ былъ въ ссорѣ съ канцлеромъ Румянцовымъ. Однажды замѣтили, что онъ за нимъ ухаживаетъ и любезничаетъ съ нимъ. Спросили у него объяснить тому причину. Онъ отвѣчалъ, что причина въ баснѣ Лафонтена

Maitre-corbeau sur un arbre perché
Tenait en son bec un fromage:
Maitre-renard par l'odeur alléché
Lui tint á-peu-pré ce langage и пр.

Дѣло въ томъ, что у Румянцова на дачѣ изготовлялись отличные сыры, которые онъ дарилъ своимъ пріятелямъ. Нарышкинъ

*) По французски слово cadet имѣетъ значеніе и младшаго брата.

былъ очень лакомъ и началъ выхвалять сыры его въ надеждѣ, что онъ и его одѣлитъ гостинцемъ.

Нарышкинъ говорилъ про одного скучнаго царедворца: „Онъ такъ тяжелъ, что если продавать его на вѣсъ, то на покупку его не стало бы и Шереметевскаго имѣнія“.

Беклешовъ говорилъ о нѣкоторыхъ молодыхъ государственныхъ преобразователяхъ, въ началѣ царствованія императора Александра I: „Они, пожалуй, и умные люди, но лунатики. Посмотрѣть на нихъ, такъ не надивишься: одинъ ходитъ по самому краю высокой крыши, другой по оконечности крутаго берега надъ бездною; но назови любаго по имени, онъ очнется, упадетъ и расшибется въ прахъ“.

Какимъ долженъ былъ быть поучительнымъ свидѣтелемъ для императора Павла, въ часъ вѣнчанія его на царство, гость его, развѣнчанный и почти плѣнникъ его, король Станиславъ. Впрочемъ во всемъ поведеніи императора Павла въ отношеніи къ Станиславу было много рыцарства и утонченной внимательности. Эти прекрасныя и врожденныя въ немъ качества привлекали къ нему любовь и преданность многихъ достойныхъ людей, чуждыхъ ласкательства и личныхъ выгодъ. Они искупали частые порывы его раздражительнаго или, лучше сказать, раздраженнаго событіями нрава. Нелединскій долго по кончинѣ его говорилъ о немъ съ теплою любовью, хотя и надъ нимъ разражались иногда молніи царскаго гнѣва. Во время государевой поѣздки въ Казань, Нелединскій, бывшій при немъ статсъ-секретаремъ, сидѣлъ однажды въ колескѣ его. Проѣзжая черезъ какіе-то обширные лѣса, Нелединскій сказалъ Государю: „Вотъ первые представители лѣсовъ, которые далеко простираются за Уралъ“.—„Очень поэтически сказано“, возразилъ съ гнѣвомъ Государь, „но совершенно неумѣстно: изволька сейчасъ выйти вонъ изъ коляски“. Объясняется это тѣмъ, что было сказано во время Французской революціи, а слово *представитель*, какъ и круглыя шляпы, было въ загонѣ у Императора.

Въ эту же поѣздку лекарь Вилié, находившійся при великомъ князѣ

Александрѣ Павловичѣ, былъ ошибкою завезенъ ямщикомъ на ночлегъ въ избу, гдѣ уже находился императоръ Павелъ, собиравшійся лечь въ постель. Въ дорожномъ платьѣ входитъ Виліе и видитъ предъ собою Государя. Можно себѣ представить удивленіе Павла Петровича и страхъ, овладѣвшій Виліемъ. Но все это случилось въ добрый часъ. Императоръ спрашиваетъ его, какимъ образомъ онъ къ нему попалъ. Тотъ извиняется и ссылается на ямщика, который сказалъ ему, что тутъ отведена ему квартира. Посылаютъ за ямщикомъ. На вопросъ императора ямщикъ отвѣчалъ, что Виліе сказалъ про себя, что онъ анператоръ. „Врешь дуракъ“, смѣясь сказалъ ему Павелъ Петровичъ, „императоръ я, а онъ операторъ“.— „Извините, батюшка“, сказалъ ямщикъ, кланяясь царю въ ноги: я не зналъ, что васъ двое“ (Разсказано княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ, который былъ адъютантомъ Александра Павловича и сопровождалъ его въ эту поѣздку).

NN говоритъ: „Если, сходно съ поговоркою, говорится, рука руку моетъ, то едва ли не чаще приходится сказать рука руку мараетъ“.

При Павловѣ (Николаѣ Филипповичѣ) говорили объ общественныхъ дѣлахъ и о томъ, что не должно разглашать ихъ недостатки и погрѣшности. „Сору изъ избы выносить не должно“, кто-то замѣтилъ. „Хороша-же будетъ изба“, возразилъ Павловъ, „если никогда изъ нея сору не выносить“.

Похороны Ѳ. П. Уварова (Ноябрь 1824) были блестящіе и со всѣми возможными военными почестями. Императоръ Александръ присутствовалъ при нихъ, отъ самаго начала отпѣванія до окончанія погребенія. „Славно провожаетъ его одинъ благодѣтель“, сказалъ Аракчеевъ Алексѣю Ѳедоровичу Орлову: „каково-то встрѣтитъ его другой благодѣтель?“ Историческое и портретное слово. Кажется, съ этихъ похоронъ Аракчеевъ пригласилъ Орлова сѣсть къ

нему въ карету и довезти его домой. „За что меня такъ не любятъ?“ спросилъ онъ Орлова. Положеніе было щекотливо, и отвѣтъ былъ затруднителенъ. Наконецъ Орловъ все свалилъ на военныя поселенія, учрежденіе которыхъ ему приписывается и неясно понимается общественнымъ мнѣніемъ. „А если я могу доказать,“ возразилъ съ жаромъ Аракчеевъ, „что это не моя мысль, а мысль Государя: я тутъ только исполнитель“. Въ томъ-то и дѣло, каково исполненіе— могъ бы отвѣчать ему Орловъ, но вѣроятно не отвѣчалъ.

Статфордъ *) пріѣзжалъ въ Россію отъ имени Англійскаго правительства для переговоровъ по Греческимъ дѣламъ. Былъ онъ и въ Москвѣ на самую Пасху. Гуляя по Подновинскому, замѣтилъ онъ, что у насъ, въ противность Англійскимъ обычаямъ, полиція вездѣ на виду. „Это не хорошо; нѣкоторые предметы требуютъ себѣ оболочки: природа нарочно, кажется, сокрыла отъ глазъ нашихъ теченіе крови“. Посѣтивъ Московскій военный госпиталь, удивился онъ великолѣпію его и всѣмъ удобствамъ, устроеннымъ для больныхъ. „Если былъ бы я Русскимъ солдатомъ“, сказалъ онъ, „то кажется желалъ бы всегда быть больнымъ“.

Канингъ много уважаетъ Поццо-ди-Борго и политическую прозорливость его. Онъ зналъ его въ Константинополѣ: въ самую пору славы и могущества Наполеона, не отчаявался Поццо въ низверженіи его. Впрочемъ и Петръ Степановичъ Валуевъ, который не былъ никогда глубокомысленнымъ политикомъ, какъ будто носилъ во чревѣ своемъ пророческое убѣжденіе, что Наполеону не сдобровать. Вскорѣ послѣ рожденія Римскаго королька, сказалъ онъ однажды Алексѣю Михаиловичу Пушкину: „Не могу придумать, что́ сдѣлаютъ съ этимъ мальчишкою“ Какой мальчишка?— „Наполеоновъ сынъ!“ „Кажется“, возразилъ Пушкинъ, „Пристроиться ему будетъ не трудно; онъ наслѣдуетъ Французскій престолъ“. „Какой вздоръ! Наполеонъ за живо погибнетъ, и все приведено будетъ въ прежній порядокъ.“

Въ прогулкѣ съ нимъ по Подновинскому, говорили мы о великанѣ, котораго показываютъ въ балаганѣ и который, по замѣчанію врачей,

---

*) Знаменитый Канингъ.

должень умереть, когда перестанетъ расти. Въ тотъ же день за обѣдомъ съ Канингомъ разговорились о Наполеонѣ; вспомнили, что онъ не умѣлъ довольствоваться тѣмъ, что̀ казалось Фридриху верхомъ счастія. „Ничего человѣку“, говаривалъ онъ, „присниться лучшаго не можетъ, какъ быть королемъ Франціи“. Канингъ замѣтилъ, что Наполеону новыя завоеванія были нужны и необходимы, чтобы удержаться на престолѣ. Я примѣнилъ къ нему замѣчаніе, сдѣланное мною о великанѣ: въ натурѣ Наполеона, можетъ быть, была потребность или все расти или умереть.

Канингъ сказывалъ, что читалъ письмо Байрона, въ которомъ онъ писалъ издателю и книгопродавцу своему: „Чтобы наказать Англію, я учусь Итальянскому языку и надѣюсь быть чрезъ нѣсколько лѣтъ въ состояніи писать на немъ, какъ на Англійскомъ. На Итальянскомъ языкѣ напишу лучшее свое произведеніе, и тогда Англія узнаетъ, кого она во мнѣ лишилась“. Онъ думаетъ, что Байронъ не могъ бы играть значительной роли и овладѣть событіями Греціи. По словамъ его, онъ былъ человѣкъ великой души, но слабыхъ нервовъ и слишкомъ подверженъ потрясенію подъ силою внѣшнихъ впечатлѣній. Однажды спросилъ онъ его, когда явится въ свѣтъ книга пріятеля его Гобъ-Гуза, а именно путешествіе его по Греціи. „Гобъ-Гузъ“, отвѣчалъ Байронъ, „одной натуры съ слонихою“.

О Нѣмецкихъ переводахъ съ древнихъ языковъ, гекзаметрами, говоритъ онъ, что какъ они ни вѣрны, но безжизненны. „Предпочтительно (продолжалъ онъ) знавать поэта въ младенчествѣ его, чѣмъ знать черты его“.

Слѣдующее тоже изъ разговора Канинга. Еще до напечатанія книги своей о посольствѣ въ Варшавѣ, Прадтъ изустно и часто упоминалъ о восклицаніи, которое влагалъ онъ въ уста Наполеона: Однимъ человѣкомъ менѣе, и я былъ бы властелиномъ вселенной. При первомъ свиданіи съ Велингтономъ, послѣ первыхъ и лестныхъ привѣтствій касательно военныхъ дѣйствій его въ Испаніи, Прадтъ, въ кружкѣ слушателей около нихъ собравшихся, отпустилъ Велингтону выше упомянутое изрѣченіе Наполеона. Велингтонъ съ достоинствомъ и смиреніемъ опустилъ голову; но тотъ, не давъ ему времени распрямиться, съ жаромъ продолжалъ:

„И этотъ человѣкъ я“. Посудите о coup de théatre и о неожиданности, выразившейся въ лицѣ Велингтона и другихъ слушателей.

Вообще разговоръ Каннинга степененъ, но пріятенъ и разнообразенъ. Рѣчь его похожа на самое лицо его: при первомъ впечатлѣніи оно нѣсколько холодно, но ясно и во всякомъ случаѣ очень замѣчательно. Даже не лишено оно нѣкоторыхъ оттѣнковъ простодушія, если не проникать слишкомъ въ глубь. Впрочемъ, разумѣется, онъ въ Россіи не показывался на распашку. Все же должна была быть нѣкоторая дипломатическая драпировка.

Въ Твери, за столомъ у великой княгини Екатерины Павловны и въ присутствіи Государя, разговорились о Екатеринѣ Великой. Графъ Алексѣй Ивановичъ Пушкинъ, современникъ ея царствованія, говорилъ о ней съ жаромъ и такъ разнѣжился, что прослезился. На этомъ разговоръ пресѣкся. Послѣ обѣда графъ Пушкинъ съ растревоженнымъ лицомъ подходитъ къ Растопчину и говоритъ ему: „Кажется мнѣ, что я за обѣдомъ не кстати заплакалъ“.

Безбородко говорилъ объ одномъ своемъ чиновникѣ: „Родъ человѣческій дѣлится на онъ и она, а этотъ—оно.

Доклады и представленія военныхъ лицъ происходили у Аракчеева очень рано, чуть ли не въ шестомъ или седьмомъ часу утра. Однажды представляется ему молодой офицеръ, пріѣхавшій изъ арміи и мертво-пьяный, такъ что едва держится на ногахъ и слова выговорить не можетъ. Аракчеевъ приказалъ арестовать его и свести на гауптвахту. Въ теченіе дня Аракчеевъ призываетъ къ себѣ адъютанта своего князя Илью Долгорукаго и говоритъ ему: „Знаешь ли, у меня не выходитъ изъ головы этотъ молодой пьяный офицеръ: какъ могъ онъ напиться такъ рано, и еще предъ тѣмъ, чтобы явиться ко мнѣ! Тутъ что-нибудь да кроется. Потрудись съѣздить на гауптвахту и постарайся развѣдать, что̀ это значитъ“. Молодой офи-

церъ, не много отрезвившись, признается Долгорукову: „меня въ полку напугали страхомъ, который графъ Аракчеевъ наводитъ, когда представляются къ нему; увѣряли, что при малѣйшей оплошности могу погубить карьеру свою на всю жизнь, и я, который никогда водки не пью, для придачи себѣ бодрости, выпилъ залпомъ нѣсколько рюмокъ водки. На воздухѣ меня разобрало, и я къ графу явился въ этомъ несчастномъ положеніи. Спасите меня, если можно!“ Долгоруковъ возвратился къ Аракчееву и все ему разсказалъ. Офицера приказано было тотчасъ выпустить изъ гауптвахты и пригласить на обѣдъ къ графу на завтрашній день. Понимается, что офицеръ явился въ назначенный часъ совершенно въ трезвомъ видѣ. За обѣдомъ Аракчеевъ обращается съ нимъ очень ласково. Послѣ обѣда, отпуская его, сказалъ ему: „Возвратись въ свой полкъ и скажи товарищамъ своимъ, что Аракчеевъ не такъ страшенъ, какъ они думаютъ“ (Разсказано княземъ Ильею Долгоруковымъ).

Послѣ нѣкотораго отсутствія, Великій Князь, возвратившись въ Варшаву, былъ на смотру недоволенъ своимъ любимымъ Польскимъ 4-мъ полкомъ: полкъ что-то шагалъ не такъ какъ слѣдуетъ. Послѣ многихъ вспышекъ гнѣва, Великій Князь, отъѣзжая отъ полка, приказалъ Курутѣ заняться имъ и привести все въ надлежащій порядокъ. „Слушаю-съ, ваше императорское высочество“, отвѣчалъ Курута и, вынимая часы изъ кармана, прибавилъ: „черезъ полчаса шагъ будетъ отъисканъ“. Къ означенному времени Цесаревичъ возвратился; ряды шагали какъ слѣдуетъ, и Курутѣ и полку была изъявлена благодарность.

Какой-то шутникъ увѣряетъ, что когда въ придворной церкви при молитвѣ „Отче нашъ“ поютъ: „но избави насъ отъ лукаваго“, то князь Меншиковъ, крестясь, искоса глядитъ на Ермолова, а Ермоловъ дѣлаетъ тоже, глядя на Меншикова.

Лукавство и хитрость очень цѣнятся царедворцами; но впрочемъ это мелкая монета ума: при одной этой мелкой монетѣ ничего крупнаго и цѣннаго не добудешь.

Говорятъ, что Растопчинъ писалъ въ 1814 г. къ женѣ своей: „Наконецъ Его Императорское Величество милостиво согласился на увольненіе мое отъ генералъ-губернаторства въ этомъ негодномъ городѣ“ („cette *coquine* de ville“). Въ всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что *негодница Москва* была довольна увольненіемъ Растопчина. При возвращеніи его въ Москву, освобожденную отъ непріятеля, и когда мало-по-малу начали съѣзжаться выѣхавшіе изъ нея, общественное мнѣніе оказалось къ Растопчину враждебнымъ. Во дни опасности всѣ въ восторженномъ настроеніи патріотическаго чувства были готовы на всѣ возможныя жертвы. Прошла опасность, и на принесенныя жертвы и на понесенныя убытки стали смотрѣть другими глазами. Хозяева сгорѣвшихъ домовъ начали сожалѣть о нихъ и думать, что, можетъ быть, и не нужно было ихъ жечь. Они говорили, что одна изъ причинъ, которая погубила Наполеона, заключается въ томъ, что онъ слишкомъ долго зажился въ Москвѣ. Пожаръ Москвы могъ бы испугать его и вынудить идти по пятамъ отступающей нашей арміи, которая съ трудомъ могла бы устоять предъ его преслѣдованіемъ. Какъ бы то ни было, но разладъ между Растопчинымъ и Москвою доходилъ до высшей степени. Растопчинъ былъ озлобленъ непріязненнымъ и, по мнѣнію его, неблагодарнымъ чувствомъ Московскихъ жителей. Онъ, кажется, сохранилъ это озлобленное чувство до конца жизни своей. На праздникѣ, данномъ въ Москвѣ въ домѣ Полторацкаго послѣ вступленія нашихъ войскъ въ Парижъ, это недоброжелательство къ Растопчину явилось въ слѣдующемъ случаѣ. Когда пригласили собравшихся гостей идти въ залу, гдѣ должно было происходить драматическое представленіе, князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ поспѣшилъ подать руку Маргаритѣ Александровнѣ Волковой, и первый вошелъ съ ней въ залу. Вся публика пошла за нимъ. Графъ Растопчинъ остался одинъ въ опустѣвшей комнатѣ. Когда кто-то изъ распорядителей праздника

пригласилъ его пойти занять приготовленное для него мѣсто, онъ отвѣчалъ: „Если князь Юрій Владиміровичъ здѣсь хозяйничаетъ, то мнѣ здѣсь и дѣлать нечего, и я сейчасъ уѣду“. Наконецъ, послѣ убѣдительныхъ просьбъ и удостовѣренія, что спектакль не начнется безъ него, уступилъ онъ и вошелъ въ залу.

Графъ Ираклій Ивановичъ Марковъ, командовавшій Московскимъ ополченіемъ, носилъ мундиръ ополченца и по окончаніи войны. Растопчинъ говорилъ, что онъ воспользовался войной, чтобы не выходить изъ патріотическаго халата.

Еще до написанія *Дома Сумашедшихъ*, Воейковъ написалъ въ прозѣ *Придворный Парнасскій Календарь*. Въ немъ, между прочимъ, было сказано, что Кокошкинъ состоитъ на службѣ при Мерзляковѣ восклицательнымъ знакомъ.

Кокошкинъ, переводчикъ *Мизантропа*, былъ отъявленный классикъ. Въ то время, когда начали у насъ толковать о романтизмѣ, онъ какъ отъ заразы остерегалъ отъ него литературную молодежь, которая находилась при немъ. Какъ директоръ театра, особенно возставалъ онъ противъ Шекспира и его послѣдователей. „Вѣдь вы знаете меня“, говорилъ онъ молодымъ людямъ, „я человѣкъ честный, и какая охота была бы мнѣ васъ обманывать: увѣряю васъ, честью и совѣстью, что Шекспиръ ничего хорошаго не написалъ и сущая дрянь“ (Разсказано Павловымъ, Николаемъ Филипповичемъ).

Князь Димитрій Владиміровичъ Голицинъ—настоящій Московскій градоначальникъ. Онъ любитъ Москву и съ жаромъ всегда и вездѣ отстаиваетъ ея права. Однажды сказалъ онъ шутя: „Вотъ Петербургъ все хвастается предъ нами, а случись какая-нибудь потребность, онъ къ намъ же обращается. Понадобилось Петербургу имѣть при Дворѣ отличную пѣвицу, и взяли изъ Москвы дѣвицу ***. Понадобился Петербургу искусный врачъ, и вызвали изъ Москвы Мар-

куса. Понадобился вельможа, и переманили у насъ Лазарева“.— Старшій изъ братьевъ Лазаревыхъ, Иванъ Іоакимовичъ, былъ долгое время кореннымъ Москвичемъ, извѣстный своимъ простодушіемъ и хлѣбосольствомъ. Онъ любилъ задавать на славу обѣды Андреевскимъ и Александровскимъ кавалерамъ и прочимъ предержащимъ властямъ, пребывающимъ въ Москвѣ и проѣзжающимъ чрезъ Москву. Къ чести его должно прибавить, что онъ извѣстенъ въ Москвѣ и щедрою заботливостью объ Институтѣ Восточныхъ языковъ, котораго онъ состоялъ попечителемъ. Незадолго предъ тѣмъ переѣхалъ онъ на житье въ Петербургъ.

Шишковъ говорилъ однажды о своемъ любимомъ предметѣ, т. е. о чистотѣ Русскаго языка, который позорятъ введеніями иностранныхъ словъ. „Вотъ, напримѣръ, что̀ можетъ быть лучше и ближе къ значенію своему, какъ слово дневальный? Нѣтъ, вздумали вмѣсто его ввести и облагородить слово дежурный, и выходитъ частенько, что дежурный бьетъ по щекамъ дневальнаго“.

Адмиралъ Чичаговъ, послѣ Березинской передряги, не взлюбилъ Россіи, о которой, впрочемъ, говорятъ, отзывался онъ и прежде съ высока и довольно строго. Петръ Ивановичъ Полетика, встрѣтившись съ нимъ въ Парижѣ и прослушавъ его нареканія всему, что у насъ дѣлается, наконецъ сказалъ ему съ своею квакерскою (а при случаѣ и язвительною) откровенностью: „Признайтесь однакоже, что есть въ Россіи одна вещь, которая также хороша, какъ и въ другихъ государствахъ“.— „А что, напримѣръ?“ спросилъ Чичаговъ.— „Да хоть бы деньги, которыя вы въ видѣ пенсіи получаете изъ Россіи“.

Чичаговъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій пересталъ онъ ѣздить въ Совѣтъ. Доведено было о томъ до свѣдѣнія Государя. Императоръ Александръ очень любилъ Чичагова, но однако же замѣтилъ ему его небреженіе и просилъ быть впередъ точнѣе въ исполненіи обязанности своей. Вслѣдъ за этимъ Чичаговъ нѣсколько разъ присут-

ствовалъ и опять пересталъ. Увѣдомясь о томъ, Государь съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ повторилъ ему замѣчаніе свое. „Извините, Ваше Величество, но въ послѣднемъ засѣданіи, на которомъ я былъ“, отвѣчалъ Чичаговъ, „шла рѣчь объ устройствѣ Камчатки, а я полагалъ, что все уже устроено въ Россіи, и собираться совѣту не для чего“.

Вотъ осьмистишіе, ходившее по рукамъ:

Вдругъ слышенъ шумъ у входа.
Березинскій герой
Кричитъ толпѣ народа:
Раздвинтесь предо мной!
—Пропустимте его, тутъ каждый повторяетъ.
Держать его грѣшно бы намъ.
Мы знаемъ, онъ другихъ и самъ
Охотно пропускаетъ.

Въ какой-то элегіи находятся слѣдующіе два стиха, съ которыми поэтъ обращается къ своей возлюбленной:

Всѣ непріятности по службѣ
Съ тобой, мой другъ, я забывалъ.

Пушкинъ, отъискавши эту элегію, говорилъ, что изо всей Русской поэзіи эти два стиха самые чисто-русскіе и самые глубоко и вѣрно прочувствованные.

Денисъ Давыдовъ спрашивалъ однажды князя К***, знатока и практика въ этомъ дѣлѣ, отчего вечеромъ охотнѣе пьешь вино, нежели днемъ?—„Вечеромъ какъ-то грустнѣе“, отвѣчалъ князь съ меланхолическимъ выраженіемъ въ лицѣ. Давыдовъ находилъ что-то особенно поэтическое въ этомъ отвѣтѣ.

Когда графъ Марковъ былъ посланникомъ въ Стокгольмѣ, назначенъ былъ къ нему секретаремъ Д***, добрый и порядочный человѣкъ, но ума не дальняго. Однажды послѣ обѣда, который Марковъ давалъ въ честь дипломатическаго корпуса, замѣтилъ онъ, что собрался кружокъ дипломатовъ около Д***, который съ большимъ жаромъ твердилъ: „И вотъ такъ, и вотъ этакъ“ (et comme

si et comme ça), и размахивалъ руками. Марковъ почуялъ бѣду. Онъ подошелъ къ кружку и спросилъ одного изъ слушателей, о чемъ идетъ рѣчь. „Господинъ секретарь“, отвѣчалъ тотъ, „изволитъ объяснять намъ, какъ производится сѣченіе кнутомъ въ Россіи“.

Московскій чудакъ К***, отличавшійся высокопарною рѣчью, разсказывалъ, что когда войска наши при отступленіи переходили чрезъ Москву, онъ подошелъ къ одному изъ полковыхъ командировъ и спросилъ его: „Позвольте узнать, что знаменуетъ сіе быстрое движеніе нашихъ войскъ?“ „А то“, отвѣчалъ ему тотъ, „что чрезъ полчаса Французы будутъ въ Москвѣ, и совѣтую вамъ скорѣе убираться прочь“. „Тутъ, признаюсь, продолжалъ К***, опустился масштабъ моихъ тактическихъ понятій, и я не зналъ на что рѣшиться“.

Карамзинъ искренно любитъ и уважаетъ графа Растопчина, но признаетъ въ немъ нѣкоторое легкомысліе (которое такъ противорѣчитъ натурѣ Карамзина) особенно въ критическіе дни, предшествовавшіе сдачѣ Москвы. Онъ жилъ тогда на дачѣ у графа. Однажды разговорились они о событіяхъ, совершающихся въ Россіи и о тѣхъ, которыхъ можно было опасаться въ близкомъ будущемъ. Оба говорили, разумѣется съ жаромъ, и Карамзинъ глубоко сочувствовалъ патріотическимъ убѣжденіямъ Растопчина. Послѣ долгаго разговора графъ ушелъ въ свой кабинетъ; не прошло и пяти минутъ, Карамзинъ слышитъ громкій хохотъ графа. Удивленный такому скорому переходу, идетъ онъ къ графу, чтобы узнать, что могло пробудить въ немъ порывъ этой веселости. Оказалось, что докторъ его Шнаубертъ что-то совралъ по-французски. Карамзинъ удивлялся и тому, что въ эти дни графъ могъ ежедневно ѣздить на вечеръ къ князю Хованскому, у котораго собиралось довольно пустое общество. Вслѣдствіе этого курьеры, безпрестанно пріѣзжавшіе къ нему въ его загородный домъ, должны были иногда далеко за полночь ѣхать изъ-за Красныхъ воротъ отъискивать его на Пречистенкѣ, для передачи бумагъ или словесныхъ сообщеній.

Денисъ Давыдовъ увѣрялъ, что когда Растопчинъ представлялъ Карамзина Платову, атаманъ, подливая въ чашку свою значительную долю рому, сказалъ: „Очень радъ познакомиться; я всегда любилъ сочинителей, потому что они всѣ пьяницы“.

Императрица Екатерина отличалась необыкновенною тонкостью и вѣжливостью въ обращеніи съ людьми. Однажды на балѣ хотѣла она дать приказаніе дежурному камеръ-пажу и сдѣлала знакъ рукою, чтобы подозвать его къ себѣ. Но онъ того не замѣтилъ, а вице-канцлеръ Остерманъ вообразилъ, что этотъ знакъ къ нему обращенъ. Опираясь на свою длинную трость, поспѣшилъ онъ къ ней подойти. Императрица встала съ своихъ креселъ, подвела его къ окну и нѣсколько времени съ нимъ говорила. Потомъ, возвратившись на свое мѣсто, спросила графиню Головину, довольна ли она ея вѣжливостью. „Могла ли я поступить иначе“, продолжала Императрица: „я огорчила бы старика, давши ему почувствовать, что онъ ошибся; а теперь, сказавъ ему нѣсколько словъ, я оставила его въ заблужденіи, что я въ самомъ дѣлѣ его подзывала. Онъ доволенъ, вы довольны, а слѣдовательно довольна и я“.

Въ другой разъ гофмаршалъ князь Барятинскій ошибкою вмѣсто дѣвицы графини Паниной пригласилъ на вечеръ въ Эрмитажъ графиню Фитингофъ, о которой Императрица и не думала. Увидя неожиданную гостью, Императрица удивилась, но не дала этого замѣтить, а только приказала тотчасъ послать приглашеніе графинѣ Паниной; графиню же Фитингофъ велѣла внести въ списокъ лицъ, приглашаемыхъ въ большія эрмитажныя собранія, съ тѣмъ, чтобы не могла догадаться она, что на этотъ разъ была приглашена ошибкою.

Императрица очень любила старика Черткова. Онъ былъ пріятный и задорный игрокъ. Однажды, играя съ нею въ карты и проигравъ отъ нея игру, онъ такъ разсердился, что съ досады бросилъ карты на столъ. Она ни слова не сказала, и какъ вечеръ уже кончался, встала, поклонилась присутствующимъ и ушла въ свои покои. Чертковъ остолбенѣлъ и обмеръ. На другой день въ Воскресенье, былъ обыкновенный во дворцѣ воскресный обѣдъ. Въ

этотъ день обѣдъ былъ въ Царскосельской колонадѣ. Гофмаршалъ князь Барятинскій вызывалъ лица, которыя были назначены Императрицею къ собственному ея столу. Несчастный Чертковъ прятался и стоялъ въ углу, ни живъ, ни мертвъ. Вдругъ слышитъ онъ, что подзываютъ и его, и самъ не вѣритъ ушамъ своимъ. Когда подошелъ онъ, Императрица встала, взяла Черткова за руку и прошла съ нимъ по колонадѣ, не говоря ни слова. Возвратясь къ столу, сказала она ему: „Не стыдно ли вамъ думать, что я могла быть на васъ сердита? Развѣ вы забыли, что между друзьями ссоры не должны оставлять по себѣ никакихъ непріятныхъ слѣдовъ?“

Во время путешествія Императрицы въ южную Россію, она ѣхала въ шестимѣстной каретѣ. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и графъ Кобенцель находились съ нею безсмѣнно. Лордъ Сентъ-Эленсъ и графъ Сегюръ приглашались въ карету поочередно. На Императрицѣ была прекрасная шуба, бархатомъ покрытая. Австрійскій посолъ похвалилъ ее. „Одинъ изъ моихъ камердинеровъ занимается этою частью моего туалета“, сказала Императрица: „онъ такъ глупъ, что другой должности поручить ему не могу“. Графъ Сегюръ, въ минуту разсѣянія, разслышавъ только похвалы шубѣ, поспѣшилъ сказать: „tel maitre, tel valet“ (каковъ баринъ, таковъ и слуга). Общій взрывъ смѣха встрѣтилъ эти слова. За обѣдомъ въ дорогѣ графъ Кобенцель сидѣлъ всегда возлѣ нея. Въ тотъ же день Императрица шутя сказала ему, что онъ, вѣроятно, начинаетъ скучать своей постоянной сосѣдкой. На этотъ разъ нашла и на Кобенцеля минута разсѣянія, подобно разсѣянію графа Сегюра, и онъ отвѣчалъ, вздыхая: „On ne choisit pas ses voisins“ (сосѣдей своихъ не выбираешь.) Эта вторая выходка возбудила такой же смѣхъ, какъ и первая. Наконецъ въ тотъ же день вечеромъ, Императрица привлекла общее вниманіе какимъ-то интереснымъ разсказомъ. Лорда Эленса тогда не было въ комнатѣ. Когда онъ возвратился, Императрица по просьбѣ всего общества соизволила повторить для него свой разсказъ. Лордъ Сентъ-Эленсъ, утомленный съ дороги, началъ, слушая ее, зѣвать и скоро задремалъ. „Il ne manquait plus que cela à votre galanterie, messieurs, сказала Императрица: je suis parfaitement satisfaite“. (Этого только

не доставало, господа, чтобы довершить любезность вашу: я вполнѣ довольна).

Никто не могъ быть величественнѣе Императрицы во время торжественныхъ пріемовъ. Никто не могъ быть ея привѣтливѣе, любезнѣе и снисходительнѣе въ маломъ кругу приближенныхъ къ ней лицъ. Передъ тѣмъ, чтобы садиться за игру въ карты, окидывала она общество взглядомъ, желая убѣдиться, что каждый пристроенъ. Она до того простирала вниманіе, что приказывала опускать сторы, когда замѣчала, что солнце кому нибудь непріятно свѣтитъ въ глаза. Однажды играла она на биліардѣ съ кѣмъ-то изъ приближенныхъ царедворцевъ. Въ это время вошелъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Императрица низко ему присѣла. Присутствующіе почли это насмѣшкою и засмѣялись принужденнымъ и угодливымъ смѣхомъ. Императрица приняла серьозный видъ и сказала: „Вотъ уже сорокъ лѣтъ, что мы друзья съ господиномъ оберъ-камеръ-геромъ, а потому намъ очень извинительно шутить между собою“.

Всѣ эти подробности о Императрицѣ Екатеринѣ собраны изъ разсказовъ графини Головиной.

Князь Юсуповъ говоритъ, что Императрица любила повторять слѣдующую поговорку: „Ce n'est pas tout que d'être grand seigneur, il faut encore être poli“ (не довольно быть вельможею, нужно еще быть учтивымъ).

Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ говоритъ, что Императрица имѣла особенный даръ приспособлять къ обстоятельствамъ выраженіе лица своего. Часто послѣ вспышки гнѣва въ кабинетѣ, подходила она къ зеркалу, такъ сказать углаживала, прибирала черты свои и являлась въ пріемную залу съ свѣтлымъ и царственно привѣтливымъ лицемъ. Такъ, сказываютъ, было когда она получила извѣстіе о революціонномъ движеніи и кровавомъ событіи въ Варшавѣ. Императрицѣ доложили о пріѣздѣ курьера. Она пошла въ свой кабинетъ, прочла доставленныя ей донесенія и выслушала разсказы пріѣзжаго. Можно представить себѣ, какъ все это ее взволновало. Она очень вспылила и топала ногой. Пробывъ нѣсколько времени въ кабинетѣ, возвратилась она въ комнату, гдѣ оставила свое общество, съ Великимъ Княземъ Константиномъ

Павловичемъ подъ руку и, смѣясь, сказала: „Не осуждайте меня, что являюсь съ молодымъ человѣкомъ“. Она досидѣла весь вечеръ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, и никто не могъ догадаться, что у нея было на умѣ и на душѣ.

Вотъ еще любопытные очерки изъ разсказовъ той же графини Головиной: „Въ 1790 году, мужъ мой, въ чинѣ полковника, получилъ полкъ и отправился въ армію. Вскорѣ за тѣмъ поѣхала я къ нему. Квартира была въ Бендерахъ. Тутъ нашла я княгиню Долгорукую и г-жу Виттъ, бывшую въ послѣдствіи графинею Потоцкою. Мужъ мой, по распоряженію начальства, отправился къ осажденной Киліи. Онъ командовалъ конным полкомъ, но на этотъ разъ дали ему пѣхотный полкъ. Я была очень огорчена отъѣздомъ его: мнѣ было какъ-то неловко оставаться въ этомъ военномъ лагерѣ, гдѣ съ часу на часъ ожидали князя Потемкина. Я отстала отъ общества и заперлась дома, чтобы избѣжать волненій и суматохи, которыя обыкновенно бывали въ ожиданіи князя. Наконецъ онъ пріѣхалъ и прислалъ приглашеніе мнѣ къ себѣ на вечеръ. Мнѣ совѣтовали быть особенно внимательной и почтительной съ княземъ, который здѣсь едва ли не царствуетъ. „Я знакома съ нимъ“, отвѣчала я, „и встрѣчалась у дяди моего (Ивана Ивановича Шувалова); не знаю, почему мнѣ быть съ нимъ иначе, какъ и прежде бывала“. Князь встрѣтилъ меня съ отмѣнною вѣжливостью. Большая комната полна была генералами, между коими замѣтила я князя Рѣпнина: онъ держался такъ почтительно, что это непріятно меня удивило. Вечеринки у князя Потемкина часто возобновлялись. Роскошь и великолѣпіе всей обстановки доходили до высшей степени. Это было азіатское волшебство. Въ тѣ дни, когда не было бала, собирались обыкновенно въ диванной комнатѣ. Мебели обиты были тканью серебряной и розовой; такимъ же ковромъ былъ обитъ и полъ. На красивомъ столѣ стояла филигранная курильница, въ которой горѣли Аравійскія благовонія. Князь обыкновенно носилъ платье съ собольею опушкою, алмазную звѣзду и ленты Георгіевскую и Андреевскую. За столомъ служили великорослые кирасиры, одѣтые въ красные колеты. На головахъ были черныя мѣховыя шапки съ султаномъ. Перевязи ихъ были посеребряны. Они шли попарно и напоминали театральныхъ

солдатовъ. Въ продолженіи ужина, прекрасно устроенный оркестръ, при пятидесяти роговыхъ инструментахъ, исполнялъ лучшія симфоніи. Но все это меня не веселило и не занимало, и жила я одною надеждою вырваться изъ этого круга. Однажды пушечная пальба возвѣстила взятіе Киліи. Я не помня себя отъ радости, узнавъ, что мой мужъ живъ и здоровъ, поспѣшила къ молебствію. Тутъ просила я князя приказать мужу моему возвратиться. Князь обѣщалъ исполнить мою просьбу и въ самомъ дѣлѣ тотчасъ же отправилъ ордеръ спросить графа Головина, хочетъ ли онъ того или нѣтъ. Мужъ былъ только въ ста верстахъ отъ насъ и пріѣхалъ верхомъ на другой день. Мнѣ хотѣлось немедленно возвратиться въ Петербургъ. Но вскорѣ должны были праздновать день Св. Екатерины. Князь Потемкинъ былъ всегда такъ привѣтливъ и благосклоненъ ко мнѣ, что неловко было бы намъ уѣхать до празднества, и мы выѣздъ свой отсрочили. Въ день празднества повезли насъ въ линейкахъ мимо двухъ-сотъ-тысячной арміи, разставленной по обѣимъ сторонамъ дороги. Войска намъ салютовали. Подъѣхали мы къ обширной подземной залѣ, богато и роскошно убранной. Въ верхней галлереѣ были музыканты. Звуки инструментовъ, раздававшіеся въ подземельѣ, были нѣсколько глухи, но это самое придавало имъ какую-то плѣнительную таинственность. На возвратномъ пути сопровождала насъ непрерывная пальба. Бочки съ зажженною смолою, разставленныя по дорогѣ, служили намъ фонарями“. Читая эти описанія, нельзя не вспомнить, что Державинъ мѣтко сказалъ про Потемкина: „Великолѣпный князь Тавриды“.

Князь Платонъ Степановичъ Мещерскій былъ при Екатеринѣ намѣстникомъ въ Казани, откуда пріѣхалъ онъ съ разными проэктами и бумагами для представленія ихъ на благоусмотрѣніе Императрицы. Бумаги были ей отданы, и Мещерскій ожидалъ приказанія явиться къ Императрицѣ для доклада. Однажды на куртагѣ Императрица извиняется предъ нимъ, что еще не призывала его. „Помилуйте, Ваше Величество, я Вашъ, дѣла Ваши, губерніи Ваши; хоть меня и вовсе не призывайте, это совершенно отъ Васъ

зависитъ". Наконецъ день назначенъ. Мещерскій является къ Императрицѣ и предъ начатіемъ доклада кладетъ шляпу свою на столикъ ея, запросто подвигаетъ стулъ себѣ и садится. Государыня сначала была нѣсколько удивлена такою непринужденностью, но потомъ, разобравъ его бумаги и выслушавъ его, осталась имъ очень довольна и оцѣнила его умъ. Павелъ Петровичъ, будучи еще Великимъ Княземъ, полюбилъ его. Однажды былъ назначенъ у Великаго Князя балъ въ Павловскѣ или Гатчинѣ. Племянникъ Мещерскаго, графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, встрѣтясь съ нимъ, говоритъ ему, что надѣется видѣться съ нимъ въ такой-то день. „А гдѣ же?"—Да у Великаго Князя: у него балъ, и вы вѣрно приглашены.—„Нѣтъ", отвѣчаетъ Мещерскій, „но я все таки пріѣду".—„Какъ же такъ? Великій Князь приглашаетъ, можетъ быть, только своихъ приближенныхъ." „Все равно, я такъ люблю Великаго Князя и Великую Княгиню, что не стану ожидать приглашенія". Румянцовъ для предупрежденія бѣды счелъ за нужное доложить о томъ Великому Князю, который, много смѣявшись тому, велѣлъ пригласить Мещерскаго.

Поговорка: *старамъ стала, плохамъ стала*, ведется отъ этого Мещерскаго. Эти слова сказаны о немъ Казанскимъ Татариномъ.— При проѣздѣ Мещерскаго чрезъ какой-то городъ Казанской губерніи, городничій, не велѣвъ растворять ворота какого-то зданія, хотѣлъ провести его чрезъ калитку. „Это что?" говоритъ намѣстникъ: „Я то пролѣзу, но чинъ мой не пролѣзетъ". Императоръ Павелъ, собираясь ѣхать въ Казань, сказалъ ему: „Смотри, Мещерскій, не проводи меня чрезъ калитку: мой чинъ еще повыше твоего" (Разсказано Петромъ Степановичемъ Молчановымъ).

А право напрасно закидали у насъ бѣднаго Тредьяковскаго такою грязью: его правила о стихосложеніи вовсе не дурны. Его мысль, что нашъ языкъ долженъ образоваться употребленіемъ, что *научатъ насъ имъ говорить благоразумные министры* и проч. очень справедлива. Онъ чувствовалъ, что одинъ письменный языкъ есть языкъ мертвый. Здѣсь онъ какъ будто предчувствуетъ и предугадываетъ Карамзина. Но какъ Моисей, онъ самъ не успѣлъ и не умѣлъ

достигнуть обѣтованной земли. Надобно когда нибудь сличить Тредьяковскаго и Хвостова въ переводѣ ихъ поэмы Буало: L'art poetique.

Досужныхъ дней труды, или трудовъ излишки,
О малыя мои, двѣ собранныя книжки,
Вы знаете, что вамъ у многихъ быть въ рукахъ.

сказалъ Тредьяковскій въ предисловіи къ одному изъ своихъ сочиненій. Чѣмъ же это не нашего времени стихи? Въ нихъ и ясность, и простота. *Наперстничество* употреблено у него въ смыслѣ *соперничество*. Жаль, что въ нашихъ словаряхъ не приводятъ примѣровъ различнаго употребленія словъ и выраженій, какими являются они въ разныхъ литературныхъ эпохахъ и у разныхъ писателей. Наши словари до-нынѣ болѣе или менѣе полное собраніе словъ, а не указатели языка, какъ Французскіе словари, по коимъ можно пройти почти полный курсъ исторіи Французскаго языка и Французской литературы.

Кажется, мало извѣстна эпиграмма Крылова на переведенную Хвостовымъ поэму Буало:

„Ты-ль это Буало? Скажи, что за нарядъ?
Тебя узнать нельзя, конечно ты вздурился?“
—Молчи, нарочно я въ Хвостова нарядился:
Я ѣду въ маскарадъ.

Говорили о поколѣнномъ портретѣ О*** (отличающагося малорослостью, писанномъ живописцемъ Варнекомъ. „Лѣнивъ же долженъ быть художникъ“, сказалъ NN: „немного стоило бы труда написать его и во весь ростъ“.

Гречъ гдѣ-то напечаталъ, что Булгаринъ въ мизинцѣ своемъ мѣетъ болѣе ума, нежели всѣ его противники. Жаль сказалъ NN., что онъ въ такомъ случаѣ не пишетъ однимъ мизинцемъ своимъ“.

Бенкендорфъ (отецъ графа Александра Христофоровича) былъ очень разсѣянъ. Проѣзжая чрезъ какой-то городъ, зашелъ онъ на почту провѣдать, нѣтъ ли писемъ на его имя. „А какъ ваша фамилія?“ спрашиваетъ его почтовой чиновникъ. — „Моя фамилія?“ — повторяетъ онъ нѣсколько разъ и никакъ не можетъ ее вспом-

нить. Наконецъ говоритъ, что придетъ послѣ и уходитъ. На улицѣ встрѣчается онъ съ знакомымъ. „Здравствуй Бенкендорфъ“. „Какъ ты сказалъ? Да, да, Бенкендорфъ“, и тутъ же побѣжалъ на почту.

Однажды онъ былъ у кого-то на балѣ. Балъ довольно поздно окончился, гости разъѣхались. Остались другъ передъ другомъ только хозяинъ и Бенкендорфъ. Разговоръ шелъ плохо: тому и другому хотѣлось отдохнуть и спать. Хозяинъ, видя, что гость его не уѣзжаетъ, предлагаетъ, не пойти ли имъ въ кабинетъ. Бенкендорфъ поморщившись, отвѣчаетъ: „пожалуй пойдемъ“. Въ кабинетѣ было имъ не легче. Бенкендорфъ, по своему положенію въ обществѣ, пользовался большимъ уваженіемъ. Хозяину нельзя же было объяснить на прямикъ, что пора бы ему ѣхать домой. Прошло еще нѣсколько времени, наконецъ хозяинъ рѣшился сказать: „Можетъ быть экипажъ вашъ еще не пріѣхалъ, не прикажете ли, я велю заложить вамъ свою карету“. — „Какъ вашу карету? Да я хотѣлъ предложить вамъ свою“. — Дѣло объяснилось тѣмъ, что Бенкендорфъ вообразилъ, что онъ у себя дома и сердился на хозяина, который у него такъ долго засидѣлся.

Бенкендорфъ былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ людей при дворѣ Ихъ Высочествъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны. Отношенія эти никогда не измѣнялись. Въ послѣдніе годы жизни своей переѣхалъ онъ на житье въ Ригу. Ежегодно въ день имянинъ и въ день рожденія Императрицы Маріи Ѳеодоровны писалъ онъ ей поздравительныя письма. Но онъ былъ чрезвычайно лѣнивъ на письма, и, не смотря на всю преданность свою и на свои сердечныя чувства, очень тяготился этою обязанностью. Когда подходили сроки, мысль написать письмо безпокоила и смущала его. Онъ часто говаривалъ: „Нѣтъ, лучше самъ отправлюсь въ Петербургъ съ поздравленіемъ. Это будетъ легче и *скорѣе*“.

Графъ Остерманъ, братъ вице-канцлера, тоже славился своею разсѣянностью. Однажды шелъ онъ по паркету, по которому было разостлано по срединѣ полотно. Онъ принялъ его за свой носовой платокъ, будто выпавшій и началъ совать его въ свой карманъ. Наконецъ общій хохотъ присутствующихъ далъ ему опомниться.

Въ другой разъ пріѣхалъ онъ къ кому-то на большой званый обѣдъ. Передъ тѣмъ какъ взойти въ гостинную, зашелъ онъ въ особую комнатку. Тамъ оставилъ онъ свою складную шляпу и вмѣсто ея взялъ деревянную крышку и, держа ее подъ руку, явился съ нею въ гостинную, гдѣ уже собралось все общество. За этимъ обѣдомъ или за другимъ, зачесалась у него нога, и онъ, принимая ногу сосѣдки своей за свою, началъ тереть ее.

Въ наше время отличается разсѣяніями своими графъ Михаилъ Вьельгорскій. Противъ воли своей, но по необходимой обязанности, отправился онъ къ кому-то съ визитомъ. И когда лакей, возвратясь къ дверцамъ кареты, сказалъ ему, что принимаютъ, поспѣшно выговорилъ онъ ему: „скажи, что меня дома нѣтъ“.

Къ Державину навязался сочинитель прочесть ему произведеніе свое. Старикъ, какъ и многіе другіе, часто засыпалъ при слушаніи чтенія. Такъ было и въ этотъ разъ. Жена Державина, возлѣ него сидѣвшая, поминутно толкала его. Наконецъ сонъ такъ одолѣлъ Державина, что, забывъ и чтеніе и автора, сказалъ онъ ей съ досадою, когда она разбудила его: „Какъ тебѣ не стыдно: никогда не даешь мнѣ порядочно выспаться“.

Толковали о несчастной привычкѣ Русскаго общества говорить по-французски. „Что же тутъ удивительнаго?“ замѣтилъ кто-то. „Какому же артисту не будетъ пріятнѣе играть на усовершенствованномъ инструментѣ, хотя и заграничнаго привоза, чѣмъ на своемъ домашнемъ, стараго рукодѣлья?“ Французскій языкъ обработанъ вѣками для устнаго и письменнаго употребленія. Богатое родовое Латинское наслѣдство еще обогатилось многими благопріобрѣтенными сокровищами, открытіями и удобствами дѣятельной умственной промышленности, доведенной и развитой до роскоши. Не даромъ Французы слывутъ говорунами: имъ и даръ слова, и книги въ руки. Французы преимущественно народъ разговорчивый.

Языкъ ихъ преимущественно языкъ разговорный. На другихъ языкахъ говорятъ, а не разговариваютъ. Слово causerie исключительно Французское слово: оно не имѣетъ равнозначительнаго выраженія на другихъ языкахъ. Шатобріанъ говоритъ гдѣ-то, что Французскіе переселенцы въ Американскихъ пустыняхъ ходятъ за 30 и 40 миль и болѣе, чтобы наговориться досыта съ своими единоземцами, поселенными въ другихъ мѣстахъ. Подобное преимущество Французскаго языка рождаетъ и владычество его. Пожалуй, оно и грустно и досадно, а пока дѣлать нечего. Тутъ кстати примѣнить довольно непонятную Русскую пословицу: нужда научитъ калачи ѣсть.—Французскій языкъ—калачъ образованнаго и высшаго нашего общества.

Извѣстно, что не только Бонапартъ, но и Наполеонъ на вершинѣ могущества своего, не пренебрегалъ журналистикою. И она была въ рукахъ его броненоснымъ орудіемъ, которое онъ обращалъ на противниковъ своихъ, готовясь ихъ поработить или застращать. Онъ и самъ нерѣдко писалъ газетныя статьи или заставлялъ писать другихъ подъ своимъ вдохновеніемъ. Въ Англіи издавалась газета *Лондонскій Курьеръ*, вѣроятно на Французскія деньги. Въ № 14, въ Парижской корреспонденціи, отъ 18 Февраля 1802 г., напечатана статья противъ графа Маркова, бывшаго тогда посланникомъ въ Парижѣ. Изъ этой статьи видно, что какой-то Фульо (Foilleau) разсылалъ по Европѣ скорописныя вѣсти (nouvelles à la main), неблагопріятныя первому консулу и Французскому правительству. Онъ былъ арестованъ. Въ министерствѣ полиціи производили слѣдствіе надъ нимъ. По слѣдствію оказалось, что онъ получалъ денежныя пособія за эти бюллетени, и справедливо или нѣтъ, но Французское правительство подозрѣвало, что тутъ замѣшаны и Марковскія деньги. Изложивъ ходъ всего дѣла, Лондонская газета прибавляетъ, что „никто не могъ ожидать, что „имя графа Маркова будетъ упомянуто по этому дѣлу. Смѣшно было „бы серьезно опровергать подобныя небылицы и смотрѣть на нихъ, „какъ на государственныя дѣла. Но нужно указывать на долж„ность посла соблюдать большую осторожность, строгое приличіе

„и достоинство во всѣхъ поступкахъ своихъ, чтобы не нарушить „уваженія и довѣренности правительства, при коемъ онъ аккреди-„тованъ“. Тутъ же расказывается, что вскорѣ послѣ этого дѣла, первый консулъ, встрѣтясь съ Марковымъ, спросилъ его: не по бюллетенямъ ли даетъ онъ Двору своему свѣдѣнія о положеніи Франціи? Марковъ, смущенный и пристыженный, не могъ отъ замѣшательства ничего сказать на выходку Бонапарта. Спустя нѣсколько секундъ, собирался онъ что-то сказать, но улыбка перваго консула показала ему, что онъ не придаетъ никакой важности этому дѣлу.

Графа Маркова обвиняютъ нѣкоторые въ недостаткѣ твердаго и самобытнаго характера. Онъ очень уменъ и остеръ, но въ дипломатіи и вообще въ государственныхъ дѣлахъ этого недостаточно. Главное дѣло: способность умно вести себя, что́ гораздо мудренѣе и рѣже встрѣчается, чѣмъ способность умно говорить. Маркова еще въ царстованіе Екатерины обвиняли въ неудачѣ переговоровъ съ Шведскимъ королемъ, предъ помолвкою его съ Великою Княжною Александрой Павловной. Во время посольства его въ Парижѣ упрекали его, что онъ иногда слишкомъ мирволитъ Бонапарту, то досаждаетъ ему вздорными и задорными выходками, вслѣдствіе коихъ и вынужденъ онъ былъ выѣхать изъ Парижа и за что, впрочемъ, награжденъ былъ Андреевскою лентою.

Стакельбергъ, старикъ царствованія Екатерины, сказалъ о немъ: „C'est un fat d'orgueil et de méchanceté“ (Онъ нахалъ надменности и злости).

Меттернихъ говорилъ въ Вѣнѣ, во время конгресса, что онъ былъ бы совершенно счастливъ, когда бы не долгіе обѣды Стакельберга и не широкіе шаровары лорда Стюарта. Гнѣвъ Меттерниха не былъ ли въ немъ безсознательнымъ предчувствіемъ, что изъ всего, что̀ было и дѣлалось на Вѣнскомъ конгрессѣ, едва ли не одни широкіе панталоны Стюарта удержатся, получатъ авторитетъ и войдутъ въ законную силу и въ общее употребленіе. (Должно знать, что тогда панталоны не были еще въ употребленіи, что не иначе старики и молодежь являлись въ общество, какъ въ ко-

роткихъ штанахъ. Общее уничтоженіе головной пудры тоже состоялось уже послѣ Вѣнскаго конгресса).

Кстати о пудрѣ. Андріе былъ плохой актеръ и мужъ знаменитой по дарованію актрисы и пѣвицы Филисъ Андріе. Императоръ Александръ и Петербургская публика очень къ ней благоволили, а потому были снисходительны и къ мужу. Назначенъ былъ спектакль въ Эрмитажѣ. Утромъ того дня Андріе, встрѣтясь съ Государемъ на Дворцовой набережной, спросилъ его, можетъ ли онъ вечеромъ явиться на сценѣ ненапудренный. „Дѣлайте, какъ хотите“, отвѣчалъ Государь. „Oh! je sais bien, Sire, que Vous êtes bon enfant; mais que dira la maman? (о, я знаю, Государь, вы добрый малый, но что скажетъ маменька?).

„Вы готовите себѣ печальную старость“, сказалъ князь Талейранъ кому-то, кто хвастался, что никогда не бралъ карты въ руки и надѣется никогда не выучиться никакой карточной игрѣ. Если опредѣленіе Талейрана справедливо, то нигдѣ не можетъ быть такой веселой старости, какъ у насъ. Мы съ малолѣтства пріучаемся и готовимся къ ней окружающими насъ примѣрами и собственными попытками. Нигдѣ карты не вошли въ такое употребленіе какъ у насъ: въ Русской жизни карты одна изъ непреложныхъ и неизбѣжныхъ стихій. Вездѣ болѣе или менѣе встрѣчается въ отдѣльныхъ личностяхъ страсть къ игрѣ, но къ игрѣ, такъ называемой азартной. Страстные игроки были вездѣ и всегда. Драматическіе писатели выводили на сценѣ эту страсть со всѣми ея пагубными послѣдствіями. Умнѣйшіе люди увлекались ею. Знаменитый Французскій писатель и ораторъ Бенжаменъ-Констанъ былъ такой же страстный игрокъ, какъ и страстный трибунъ. Пушкинъ, во время пребыванія своего въ южной Россіи, куда-то ѣздилъ за нѣсколько сотъ верстъ на балъ, гдѣ надѣялся увидѣть предметъ своей тогдашней любви. Пріѣхавъ въ городъ, онъ до бала сѣлъ понтировать и проигралъ всю ночь до поздняго утра, такъ что прогулялъ и всѣ деньги свои, и балъ, и любовь свою. Богатый графъ Сергѣй Петро-

вичъ Румянцовъ, блестящій вельможа временъ Екатерины, человѣкъ отмѣннаго ума, большой образованности, любознатель по всѣмъ отраслямъ науки, былъ до глубокой старости подверженъ этой страсти, которой предавался, такъ сказать, запоемъ. Онъ запирался иногда дома на нѣсколько дней съ игроками, проигрывалъ имъ баснословныя суммы и переставалъ играть впредь до новаго запоя. Подобная игра, родъ битвы на жизнь и смерть, имѣетъ свое волненіе, свою драму и поэзію. Хороша и благородна ли эта страсть и эта поэзія, это другой вопросъ. Одинъ изъ такихъ игроковъ говаривалъ, что послѣ удовольствія выигрывать, нѣтъ большаго удовольствія какъ проигрывать. Но мы здѣсь говоримъ о мирной, такъ называемой комерческой игрѣ, о карточномъ времяпровожденіи, свойственномъ у насъ всѣмъ возрастамъ, всѣмъ званіямъ и обоимъ поламъ. Одна Русская барыня говорила въ Венеціи: „Конечно климатъ здѣсь хорошъ; но жаль, что не съ кѣмъ сразиться въ преферансикъ“. Другой нашъ соотечественникъ, который провелъ зиму въ Парижѣ, отвѣчалъ на вопросъ, какъ доволенъ онъ Парижемъ: „очень доволенъ, у насъ каждый вечеръ была своя партія“. Карточная игра въ Россіи есть часто оселокъ и мѣрило нравственнаго достоинства человѣка. „Онъ пріятный игрокъ“—такая похвала достаточна, чтобы благопріятно утвердить человѣка въ обществѣ. Примѣты упадка умственныхъ силъ человѣка отъ болѣзни, отъ лѣтъ, не всегда у насъ замѣчаются въ разговорѣ или на различныхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности; но начни игрокъ забывать козыри, и онъ скоро возбуждаетъ опасеніе своихъ близкихъ и состраданіе общества. Карточная игра имѣетъ у насъ свой родъ остроумія и веселости, свой юморъ съ различными поговорками и прибаутками. Можно бы написать любопытную книгу подъ заглавіемъ: физіологія колоды картъ. Впрочемъ значительное потребленіе картъ имѣетъ у насъ и свою хорошую, и нравственную сторону: на деньги, вырученныя отъ продажи картъ, основаны у насъ многія благотворительныя и воспитательныя заведенія.

Послѣ несчастныхъ событій 14 Декабря, разнеслись и по Москвѣ слухи и страхи возмущенія. Назначили даже ему и срокъ, а именно

день, въ который вступитъ въ Москву печальная процессія съ тѣломъ покойнаго императора Александра I. Многіе принимали мѣры, чтобы оградить дома свои отъ нападенія черни; многіе хозяева домовъ просили знакомыхъ имъ военныхъ начальниковъ назначить у нихъ на этотъ день постоемъ нѣсколько солдатъ. Эти опасенія охватили всѣ слои общества, даже и низшія. Въ это время, какая-то старуха шла по улицѣ и несла въ рукѣ что-то съѣстное. Откуда ни возьмись мальчикъ, пробѣжалъ мимо ея и вырвалъ припасы изъ рукъ ея. „Ахъ ты бездѣльникъ, ахъ ты головорѣзъ“, кричитъ ему старуха въ слѣдъ: „еще тѣло не привезено, а ты уже начинаешь бунтовать“.

Дмитріевъ съѣхался гдѣ-то на станціи съ бариномъ, котораго провожалъ жандармскій офицеръ. Улучивъ свободную минуту, Дмитріевъ спросилъ его, за что ссылается проѣзжій?

— Въ точности не могу доложить вашему высокопревосходительству, но кажется худо отзывался на счетъ холеры.

По какому-то вѣдомству высшее начальство представляло нѣсколько разъ одного изъ своихъ чиновниковъ то къ повышенію чиномъ, то къ денежной наградѣ, то къ кресту и каждый разъ императоръ Александръ I вымарывалъ его изъ списка. Чиновникъ не занималъ особенно значительнаго мѣста, и ни по какимъ даннымъ онъ не могъ быть особенно извѣстенъ Государю. Удивленный начальникъ не могъ рѣшить свое недоумѣніе и наконецъ осмѣлился спросить у Государя о причинѣ неблаговоленія его къ этому чиновнику. „Онъ пьяница“, отвѣчалъ Государь. „Помилуйте, Ваше Величество, я вижу его ежедневно, а иногда и по нѣскольку разъ въ теченіи дня; смѣю удостовѣрить, что онъ совершенно трезваго и добронравнаго поведенія и очень усерденъ къ службѣ; позвольте спросить, что могло дать вамъ о немъ такое неблагопріятное и, смѣю сказать, несправедливое понятіе“.—А вотъ что, сказалъ Государь: Однимъ лѣтомъ, въ прогулкахъ своихъ я почти всякій

день проходилъ мимо дома, въ которомъ у открытаго окошка былъ въ клѣткѣ попугай. Онъ безпрестанно кричалъ: „Пришелъ Гаврюшкинъ—подайте водки“.

Разумѣется Государь кончилъ тѣмъ, что далъ болѣе вѣры начальнику, чѣмъ попугаю и что опала съ несчастнаго чиновника была снята (Слышано отъ Петра Степановича Молчанова; но, можетъ быть, фамилія чиновника немножко искажена).

У многихъ любовь къ отечеству заключается въ ненависти ко всему иноземному. У этихъ людей и набожность, и религіозность, и православіе заключается въ одной безсознательной и безцѣльной ненависти ко власти паши.

Иной и не прямо лжетъ, и лжецомъ слыть не можетъ, но мастерски умѣетъ обходить правду. Нѣкотораго рода обходы иногда нужны для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли; но опасно слишкомъ вдаваться въ эти обходы: кончишь тѣмъ, что запутаешься въ проселкахъ и на прямую дорогу никогда не выйдешь.

Одинъ баринъ не имѣлъ денегъ, а очень хотѣлось ему деньги имѣть. Говорятъ, — голь на выдумки хитра. Нашъ баринъ запасся двумя или тремя подорожными для разъѣзда по дальнимъ губерніямъ и на этихъ подорожныхъ основывалъ онъ свои денежныя надежды. Пріѣдетъ онъ въ селеніе, по виду довольно богатое, отдаленное отъ большого тракта и, вѣроятно, не имѣвшее никакого понятія о почтовой гоньбѣ и о подорожныхъ; пойдетъ къ старостѣ, объявитъ, что онъ чиновникъ, присланный отъ правительства, велитъ священнику отпереть церковь и созвать мірскую сходку. Когда всѣ соберутся, онъ начнетъ важно и громко читать подорожную: „По указу Его Императорскаго Величества“, при этихъ словахъ онъ совершитъ крестное знаменіе, а за нимъ крестится и весь народъ. Когда же дойдетъ до словъ: *выдавать ему столько-то почтовыхъ лошадей за указные прогоны, а гдѣ оныхъ нѣтъ, то брать изъ обывательскихъ*. Тутъ скажетъ онъ, что у него именно *оныхъ*-то и нѣтъ, т.-е. прогоновъ, т.-е. денегъ, а потому и требовалъ отъ

обывателей такую-то сумму, которую назначалъ онъ по усмотрѣнію своему. Получивъ такую подать, отправляется онъ далѣе въ другое селеніе, гдѣ повторяетъ ту же продѣлку.

Когда побываешь въ Англіи, то убѣдишься, что въ нравахъ, обычаяхъ и условіяхъ Англійскаго общества и общежитія есть довольно много *гнилыхъ посадовъ*, буквальный переводъ Rotten-Boroughs, что впрочемъ и у Французовъ переводится bourg pourri *). Легкомысленно было бы признавать за несомнѣнное слѣдствіе образованности все, что здѣсъ видишь. Напротивъ, много узкользнуло отъ образованности и осталось въ первобытной своей неуклюжести и дикости: потому что Англичане упрямы, самолюбивы и сознательно, и умышленно односторонни. Они преимущественно консерваторы въ домашнемъ быту и во внутренней политикѣ. Позволяютъ они себѣ ломать и очень смѣлы въ ломкахъ своихъ только во внѣшней политикѣ. Французскій писатель Сюаръ гдѣ-то разсказываетъ, что на Гебридскихъ островахъ присутствіе иностраннаго путешественника заражаетъ воздухъ и даетъ кашель всѣмъ обывателямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и присутствіе иностранца въ Англійскомъ обществѣ, пока онъ себя не совершенно *выанглизируетъ*, должно производить въ Англичанахъ раздраженіе, какъ присутствіе разнородной и даже противуродной стихіи. Кашель, не кашель, а должно кожу ихъ морозомъ подирать: такъ всѣ привычки жизни и весь день ихъ тѣсно вложены въ законную и тѣсную мѣрку и рамку. Оттого въ Англійской жизни нѣтъ ничего нечаяннаго (imprévu), скоропостижнаго. Оттого общій результатъ долженъ быть скука. Не даромъ сказано: l'ennui naquit un jour de l'uniformité **). Нечего и говорить, что нѣкоторыхъ словъ и выраже-

---

*) Гнилымъ посадомъ до избирательной реформы въ Англіи называлась мѣстность, которая пользовалась старыми избирательными привилегіями, хотя народонаселеніе этой мѣстности и значительно убавилось: такимъ образомъ ограниченное число обывателей, поддаваясь вліянію или подкупу, располагало назначеніемъ члена въ нижнюю палату.

**) Скука нѣкогда родилась отъ единообразія.

ній нѣтъ ни на Англійскомъ языкѣ, ни въ Англійскихъ понятіяхъ. Напримѣръ: *какъ-нибудь, покуда, по домашнему, по дорожному, запросто* и т. п. Въ Англіи все вылито въ одну форму или въ извѣстныя формы. Англичанинъ въ извѣстные часы входитъ въ эти формы, которыя переноситъ съ собою или, лучше сказать, благодаря общему благоустройству въ Англіи, находитъ готовыми изъ одного края Англіи до другого: дóма, въ Лондонѣ, у себя въ деревнѣ, въ гостяхъ, на большихъ дорогахъ, въ гостинницахъ. Между Парижемъ и провинціею лежатъ столѣтія. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вся Англія есть продолженіе Лондона. Англичане никогда не скажутъ: Чтó же намъ теперь дѣлать? За что приняться? Давнымъ давно уже внесено въ общее уложеніе что дѣлать въ такой-то часъ и въ такое-то время года. „Прошу васъ, не безпокойтесь“—для меня континентальное выраженіе, которое иностранцу не приведется и не придетъ на умъ сказать Англичанину: ибо Англичанинъ ни для кого не безпокоится и не *женируется*; а если онъ чтó и сдѣлаетъ похожее на учтивость, на уступчивость и общежитейское жертвоприношеніе, то вовсе не для васъ, а для себя, какъ исполненіе обязанности и потому, чтó такъ заведено и такъ быть должно. Ваша личность предъ нимъ всегда въ сторонѣ, и если вздумается вамъ ее выставить, то Англичанинъ вытаращитъ глаза на васъ и васъ не пойметъ. Англичанина никакъ не собьешь съ родной почвы, какъ не переноси его на чужую, въ Парижъ, Римъ, Петербургъ. Французъ податливѣе и сговорчивѣе. Русскій, съ легкой руки Петра I, легко поддается чужимъ обычаямъ, гдѣ бы онъ ни былъ. Англичанинъ вездѣ одѣвается, завтракаетъ, ходитъ и мыслитъ по-англійски. Это почтенно, но вчужѣ досадно и обидно. Смотря на Англичанина, особенно въ Англіи, чувствуешь его нравственное достоинство и силу. И этимъ, хотя и съ грустью пополамъ, объясняешь себѣ превосходство и тяжеловѣсность Англійской политики въ дѣлахъ Европы и всего міра. Англійскій деспотизмъ обычаевъ превосходитъ всякое понятіе. Въ оперную залу не впустятъ иностранца, если у него сѣрая шляпа въ рукахъ. Если ѣдешь въ омнибусѣ и поклонишься знакомому на улицѣ, онъ приметъ это за неприличіе и за обиду. За обѣдомъ ѣсть не какъ ѣдятъ другіе, ставить рюмку не на ту сторону гдѣ должно, рѣзать а не ломать свой ломоть хлѣба: все это

можетъ погубить человѣка въ общественномъ мнѣніи; и какъ ни будь онъ уменъ и любезенъ, а прослыветъ дикаремъ.

Что за прелесть Англійская ѣзда! Катишься по дорогѣ какъ по бархату, не зацѣпишься за камушекъ. Колесъ и не слыхать. Дорожную четырехмѣстную карету, въ которой покойно сидятъ шесть человѣкъ, везетъ пара лошадей, но за то какихъ? Около 35 верстъ проѣзжаешь въ 2 часа съ половиною. У насъ ѣздятъ скорѣе, но часто позднѣе доѣзжаешь до мѣста. Здѣсь минута въ минуту пріѣзжаешь въ извѣстный часъ. Здѣсь на дѣлѣ сбывается пословица: тише ѣдешь, дальше будешь. Къ тому же нѣтъ мучительства для лошадей. Не слыхать кучерскаго ругательства и голоса. Бичемъ своимъ онъ лошадей не погоняетъ, лошади пользуются также личными и гражданскими правами. Огромная машина словно катится сама собою.

Изъ Брайтона ѣздили мы въ близкій городокъ Левисъ. Послѣ моря и голыхъ Брайтонскихъ береговъ глаза отдыхаютъ на зелени пригорковъ, деревьевъ и луговъ, окружающихъ Левисъ. Въ Англіи зелень имѣетъ особую свѣжесть и прелесть. Мы попали на скотскій рынокъ или ярмарку. Коровы, бараны, свиньи и мясники всѣ были на лицо и въ движеніи. Англійскій скотъ имѣетъ также свое особенное дородство и достоинство. Во время нашего luncheon (завтрака) въ гостинницѣ, подъѣзжаетъ къ крыльцу четвероместная карета очень красивая, пара хорошихъ лошадей, кучеръ одѣтъ порядочно. Вылѣзаютъ четыре человѣка также весьма пристойной наружности по виду и по одеждѣ. Кто это? Джентльмены ли они, или поселяне, т.-е. по нашему мужики? Зашелъ о томъ споръ между нами. На повѣрку вышло мужики, но мужики вольные хлѣбопашцы, т.-е. *фермеры*. Выпивъ по стакану портера, отправились они на свой скотскій базаръ. Эти господа могли намъ дать мѣрку и образчикъ всего того, чѣмъ Англія отличается отъ другихъ государствъ.

Когда и видишь солнце въ Англіи, то не иначе, какъ сквозь туманъ и дымъ: словно парная и испаряющаяся рѣпа.

Извлеченія въ переводѣ изъ неизданныхъ на Французскомъ языкѣ собственноручныхъ записокъ Польскаго короля Станислава Понятовскаго.

1) *Мой портретъ* *).

Вотъ что авторъ говоритъ въ началѣ: „Писалъ я его въ 1756 году, перечиталъ въ 1760 году. Тогда прибавилъ я къ нему нѣсколько словъ, записанныхъ подъ этимъ числомъ. Въ продолженіи моихъ записокъ укажу откровенно читателю моему на тѣ измѣненія, которыя годы и обстоятельства внесли въ мой портретъ, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько дано человѣку познавать себя“.

Начитавшись много портретовъ, я захотѣлъ написать и свой. Былъ бы я доволенъ наружностью своею если былъ бы ростомъ нѣсколько повыше, если бы нога моя (la jambe) была стройнѣе, носъ менѣе орлиный, зрѣніе не столь близорукое, зубы болѣе на виду. Ни мало не думаю, что и при исправленіи этихъ недостатковъ вышелъ бы я красавцемъ; но не желалъ бы быть пригожѣе, потому что признаю въ физіономіи своей благородство и выразительность; полагаю, что въ осанкѣ, движеніяхъ (jestes) моихъ есть что-то изящное и отличительное, которое можетъ вездѣ обратить вниманіе на меня. Моя близорукость даетъ мнѣ однакоже и не рѣдко видъ нѣсколько смущенный и мрачный (embarassé et sombre), но это не надолго. Послѣ минутнаго ощущенія неловкости (долженъ сознаться и въ погрѣшности) часто въ осанкѣ (contenance) моей обнаруживается излишняя гордость. Отличное воспитаніе, полученное мною, много содѣйствовало мнѣ къ прикрытію недостатковъ моихъ какъ внѣшнихъ, такъ и ума моего. Оно помогло мнѣ извлечь возможную пользу изъ моихъ способностей и выказать ихъ несоразмѣрно съ ихъ истиннымъ достоинствомъ! Достаточно имѣю ума, чтобы быть въ уровень съ каждымъ предметомъ разговора; но умъ мой не довольно плодовитъ, чтобы на долго овладѣть разговоромъ и направить его, развѣ рѣчь зайдетъ о такомъ предметѣ, въ которомъ могутъ принять участіе чувство и

---

*) Въ прошломъ вѣкѣ, а особенно во Франціи, такіе портреты были въ большой модѣ и служили свѣтскою забавою въ высшемъ и литературномъ обществѣ.

живой вкусъ, которымъ одарила меня природа ко всему, что̀ относится до художествъ. Скоро подмѣчаю и схватываю все смѣшное (le ridicule) и ложное и всѣ людскія странности и кривизны (travers). Часто даваль я людямъ это чувствовать слишкомъ скоро и рѣзко. По врожденному отвращенію, ненавижу дурное общество. Большая доля лѣни не дала мнѣ возможности развить, сколько бы слѣдовало, мои дарованія и познанія. Принимаюсь ли за работу, то не иначе какъ по вдохновенію; дѣлаю много за одинъ разъ и вдругъ, или же ничего не дѣлаю. Я не легко выказываюсь и высказываюсь (je ne me compromets pas aisément), и вслѣдствіе того кажусь я искуснѣе, нежели бываю на самомъ дѣлѣ. Что же касается до управленія дѣлами (la condute des affaires), то прилагаю къ нимъ обыкновенно слишкомъ много поспѣшности и откровенности, а потому не рѣдко впадаю въ промахи (des pas de clerc). Я могъ бы хорошо судить о дѣлѣ, замѣтить ошибку въ проэктѣ или недостатокъ въ томъ, кто долженъ привести этотъ проэктъ въ исполненіе; но мнѣ къ тому нужны еще и совѣтъ посторонняго, и узда, чтобы самому не впасть въ ошибку. Я чрезмѣрно чувствителенъ, но живѣе чувствую скорбь, нежели радость. Горе слишкомъ сильно овладѣвало бы мною, еслибъ въ глубинѣ сердца не таилось предчувствіе великаго счастія въ будущемъ. Рожденный съ пламеннымъ и обширнымъ честолюбіемъ, питаю въ себѣ мысли о преобразованіяхъ, о пользѣ и славѣ отечества моего: эти мысли сдѣлались какъ бы канвою всѣхъ дѣйствій моихъ и всей жизни моей. Я не считалъ себя пригоднымъ къ женскому обществу. Первые опыты сближенія моего съ женщинами казались мнѣ случайными и условными. Наконецъ позналъ я нѣжность любви: люблю такъ страстно, что малѣйшая неудача въ любви моей сдѣлала бы изъ меня несчастнѣйшаго человѣка въ мірѣ и повергла бы меня въ совершенное уныніе. Обязанности дружбы для меня священны: простираю ихъ далеко. Если мой другъ провинится предо мною, то готовъ я сдѣлать все возможное, чтобы отвратить разрывъ между нами; долго послѣ оскорбленія, имъ мнѣ нанесеннаго, помню только то, чѣмъ былъ я ему нѣкогда обязанъ. Я признаю себя добрымъ и вѣрнымъ другомъ. Правда, друженъ я не со многими, но всегда безгранично благодаренъ за всякое добро мнѣ оказанное. Хотя очень скоро

подмѣчаю недостатки ближняго, но очень охотно прощаю ихъ, вслѣдствіе разсужденія, къ которому часто прибѣгалъ, а именно: какъ ни почитай себя добродѣтельнымъ, но если безпристрастно всмотришься въ себя, то отыщешь въ себѣ тайныя соотношенія (affinités) весьма унизительныя съ величайшими преступленіями, которымъ недостаетъ только случая и сильнаго давленія, чтобы распуститься. Бѣда, если не будешь строго сторожить за собою. Люблю давать, ненавижу скряжничество, но за то не очень умѣю распоряжаться тѣмъ, что́ имѣю. Не такъ крѣпко храню тайны свои, какъ тайны чужія, на которыя я очень совѣстливъ. Я очень сострадателенъ. Мнѣ такъ пріятно видѣть себя любимымъ и одобряемымъ, что самолюбіе мое возросло бы до крайности, еслибъ опасеніе казаться смѣшнымъ (la crainte du ridicule) и навыкъ свѣтскихъ приличій не научили бы меня умѣнію обуздывать себя въ этомъ отношеніи. Впрочемъ я не лгу, столько же по нравственнымъ правиламъ, сколько и по врожденному отвращенію ко всякому лицемѣрію. Не могу сказать о себѣ, что я набоженъ, по общему значенію этого слова, и далекъ я отъ того; но смѣю сказать, что люблю Бога и часто молитвою обращаюсь къ Нему. Я не чуждъ утѣшительнаго убѣжденія, что Онъ оказываетъ намъ милость Свою, когда мы о томъ просимъ Его. Мнѣ еще даровано счастіе любить родителей моихъ, какъ по склонности, такъ и по обязанности. Хотя, подъ первымъ движеніемъ досады, мысль объ отомщеніи и могла бы придти мнѣ въ голову, но полагаю, что не могъ бы я осуществить ее на дѣлѣ: жалость взяла бы верхъ. Случается, что прощаешь по слабости, также часто, какъ и по великодушію. Опасаюсь, что по этой причинѣ многимъ изъ моихъ предположеній на будущее время не дано будетъ обратиться въ дѣйствительность. Охотно размышляю и достаточно надѣленъ воображеніемъ, чтобы не скучать наединѣ и безъ книги, особенно съ тѣхъ поръ, что я люблю (1756 годъ).

Долженъ я нынѣ прибавить, что могу долго и постоянно желать одного и того же (les mêmes choses). Наблюдая за собою, пришелъ я къ заключенію, что, находясь уже три года среди людей отвратительныхъ и гнусныхъ (détestables), которыя навлекли на меня ужасныя страданія, я сдѣлался менѣе способнымъ нена-

видѣть (moins haineux). Не знаю, истощился ли мой запасъ ненависти, или кажется мнѣ, что видалъ я и хуже этого. Если буду когда нибудь счастливъ, то желалъ бы я, чтобы всѣ были счастливы, и никому не было бы повода сожалѣть о счастіи моемъ“ (1760 годъ).

Исторія можетъ, конечно, отказать несчастному Понятовскому въ государственныхъ качествахъ, которыми долженъ обладать правитель народа; но, прочитавъ сей портретъ, который нельзя заподозрить въ несходствѣ и въ недостаткѣ чистосердечія, нельзя, забывая вѣнценосца, не сочувствовать человѣку. Да и всѣ современныя свидѣтельства соглашаются въ похвальномъ и лестномъ отзывѣ о немъ. Сочувствуя, нельзя и не пожалѣть объ игралищѣ и жертвѣ какихъ-то обольстительныхъ и счастливыхъ обстоятельствъ, которыя, почти мимо воли его, вознесли его на блестящую вершину, а потомъ низринули въ смутныя столкновенія, заперли въ безъисходную засаду и устремили къ окончательному паденію. Впрочемъ, и при большей твердости духа и при лучшемъ умѣніи вести державныя дѣла, едвали могъ-бы Понятовскій или кто другой усидѣть на шаткомъ Польскомъ престолѣ. Историческія, географическія и сосѣдственныя сервитюды и давленія влекли роковою силою Польшу къ неминуемой гибели и, такъ сказать, политическому самоубійству. Можно сказать, что внѣшнія тяготѣнія ослабили и *ампутировали* Польшу; но и Польша сама собою дѣятельно работала въ смыслѣ окончательнаго разложенія своего. Мы упомянули о географическихъ условіяхъ Польши, заимствуя мысль у князя Паскевича. Его спрашивали, почему Поляки всегда раболѣпствуютъ или бунтуютъ. „Такова уже ихъ географія“, отвѣчалъ намѣстникъ.

Пойдемъ далѣе въ выпискахъ своихъ.

2) *Порученіе, данное Ностицу въ Варшавѣ. Сдѣланное мнѣ предложеніе.*

Вскорѣ по кончинѣ Августа III-го, курфирстъ, старшій сынъ его, сдѣлалъ въ Польшѣ попытки, чтобы наслѣдовать ему. Супруга его частнымъ образомъ дѣйствовала подъ рукою въ этомъ же

смыслѣ. Камергеръ Ностицъ присланъ былъ въ Варшаву съ этою цѣлью. Саксонскій дворъ вздумалъ, между прочимъ, предложить мнѣ денежную сумму и много другихъ обѣщаній, съ тѣмъ чтобы я отказался отъ подобнаго соискательства. Совѣтникъ Шмидтъ, на котораго возложены были эти переговоры, самъ смѣялся, все это мнѣ передавая и угадывая заранѣе мой отвѣтъ. Но всѣ эти Саксонскіе проэкты уничтожены были оспою, отъ которой курфирстъ умеръ, и никто не хотѣлъ замѣнить его однимъ изъ братьевъ.

3) *Важное предложеніе, сдѣланное мнѣ Кейзерлингомъ.*

Около половины 1764 года, когда затруднительности къ моему избранію на престолъ, повидимому, болѣе и болѣе скоплялись, посолъ Кейзерлингъ, который всегда оказывалъ мнѣ самую пріязненную довѣренность, спросилъ меня однажды: „Что скажете вы о мысли, которая пришла мнѣ въ голову и о которой желалъ бы я знать мнѣніе ваше, а именно: нельзя ли было бы, вмѣсто васъ, призвать къ престолу дядю вашего, Русскаго палатина, князя Чарторыскаго? Скажите мнѣ искренно, что было бы полезнѣе для Польши? Вы дадите мнѣ на это отвѣтъ чрезъ три дня“. Въ этотъ промежутокъ времени тысяча различныхъ мыслей выказали мнѣ вопросъ сей со всѣхъ сторонъ. Главнѣйшая мысль, болѣе всѣхъ меня озаботившая, была та, что рано или поздно Императрица можетъ обвѣнчаться со мною, если буду я королемъ; а если королемъ не буду, то и браку этому никогда не бывать. Съ другой стороны, три человѣка, которыхъ я тогда наиболѣе любилъ, были: старшій братъ мой, Ржевускій (въ то время писаржъ, а послѣ маршалъ) и Браницкій, съ которымъ дружественно сблизился я въ Россіи. Нужно сказать, что дядя мой палатинъ явилъ этимъ тремъ лицамъ чувствительныя доказательства недоброжелательства своего. Наконецъ зналъ я деспотическій и неукротимый нравъ моего дяди. Все это, по истеченіи трехъ дней, побудило меня сказать: „Какой ни имѣлъ бы я поводъ полагать, что дядя лично дружески расположенъ ко мнѣ, но не могу не сознаться, что по мнѣнію моему царствованіе дяди моего было бы крутымъ и жесткимъ, и по этой причинѣ думаю, что для блага народа

лучше было бы мнѣ быть королемъ, а не ему". Какъ скоро Кейзерлингъ выслушалъ мой отвѣтъ, онъ воскликнулъ съ живостью: „Боже упаси насъ отъ жестокосерднаго царствованія", и прибавилъ, чтобы не было впредь и въ поминѣ о томъ.

Это обстоятельство, столь важное въ жизни моей, болѣе всего утвердило меня въ убѣжденіи, что изъ всѣхъ человѣческихъ заблужденій менѣе всѣхъ простительное есть гордость. Тотъ кто хвалится тѣмъ, что онъ въ такомъ или другомъ случаѣ хорошо сказалъ или хорошо дѣйствовалъ, не принимаетъ въ соображеніе, что человѣкъ не въ силахъ дать себѣ мысль, что всѣ мысли и преимущественно тѣ, которыя впослѣдствіи наиболѣе обольщаютъ насъ одержанным успѣхомъ, исходятъ отъ Того, Кому благоугодно было намъ ихъ ниспослать. Только спустя восемь лѣтъ послѣ этого отвѣта, представился уму моему тотъ, который надлежало бы мнѣ сдѣлать, а именно: „Не хочу быть королемъ безъ увѣренности, что буду супругомъ Императрицы. Если будетъ мнѣ въ томъ отказано, то прошу одного удостовѣренія въ благорасположеніи будущаго короля къ тремъ друзьямъ моимъ; я же останусь частнымъ лицемъ. Корона безъ Императрицы не имѣетъ для меня никакой прелести". Такимъ образомъ все примирилъ бы я. Въ первомъ случаѣ, до какой степени блеска и благоденствія возвысилась бы Польша! Въ другомъ случаѣ снискалъ бы я себѣ новое право на уваженіе и признательность Императрицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечилъ бы я фортуну трехъ друзей моихъ, а равно могъ бы я быть увѣреннымъ въ особой ко мнѣ милости дяди моего и во всѣхъ возможныхъ выгодахъ и пріятностяхъ, коими пользоваться можетъ частный человѣкъ. Я отвратилъ бы отъ себя всѣ скорби и отъ отечества моего всѣ бѣдствія, на которыя будетъ указано въ продолженіи сихъ Записокъ. А первоначальная причина всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ послѣдствій заключается въ томъ, что дядя мой никогда простить не могъ, что не онъ, а я сдѣлался королемъ. Я увѣренъ, что доходило до свѣдѣнія его (если не самъ онъ внушилъ его) предложеніе, сдѣланное мнѣ Кейзерлингомъ. Сужу о томъ потому, что, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, когда рѣчь зашла о противодѣйствіяхъ, даже до пролитія крови, которыя можетъ встрѣтить избраніе мое на престолъ и я отвѣчалъ, что скорѣе от-

кажусь отъ короны, нежели потерплю, чтобы избраніе мое стоило единой капли Польской крови, то княгиня Стражница (Straznik?), въ послѣдствіи маршальша, горячо сказала немногія слѣдующія слова: „Да вѣдь зависѣло только отъ...“ (mais il n'a dépendu que...), и тутъ въ смущеніи прервала рѣчь свою и обратила разговоръ на другіе предметы“.

Почти тоже повторилось, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, при назначеніи Императоромъ Александромъ въ намѣстники Зайончека, тогда же пожалованнаго въ княжеское достоинство. Это назначеніе было для всѣхъ совершенно неожиданное и всѣхъ удивило. Второй князь Адамъ Чарторыскій и вся Пулавская *) партія желали и полагали, что выборъ Императора падетъ на него. Зайончекъ былъ храбрый генералъ (какъ почти и всѣ Поляки храбры на войнѣ), лишился ноги въ сраженіи, ходилъ на костыляхъ, былъ человѣкъ честный, но вовсе не былъ на виду и не имѣлъ тѣхъ блестящихъ качествъ, которыя вызываютъ на честолюбіе. Онъ не имѣлъ ни партіи, ни клевретовъ, ни трубачей за себя; мало имѣлъ даже и связей въ Варшавскомъ аристократическомъ обществѣ. По старости лѣтъ своихъ не имѣлъ и поклонницъ и усердныхъ ходатайницъ въ прекрасномъ полѣ (а въ Польшѣ непремѣнно нужно имѣть свою партію и свой вспомогательный летучій женскій отрядъ). По всему этому Императоръ именно и обратилъ вниманіе свое на него. Однажды въ Варшавѣ призываетъ онъ генерала Зайончека въ свой кабинетъ и спрашиваетъ мнѣнія его, кого бы назначить намѣстникомъ царства. Выслушавъ его, Государь говоритъ ему: „А мой выборъ уже сдѣланъ: я васъ назначаю“. Старикъ, никогда о томъ и не мечтавшій, не менѣе публики удивленъ былъ, когда, вошедши въ царскій кабинетъ рядовымъ генераломъ, вышелъ онъ изъ него царскимъ намѣстникомъ. Разумѣется, не одно это назначеніе посѣяло въ обществѣ сѣмена раздора и оппозиціи; но по всѣмъ соображеніямъ оно не мало могло тому и содѣйствовать. Впрочемъ, для соблюденія истины, должно прибавить, что по общему мнѣнію сильно разыгралось тутъ не столько обманутое честолюбіе князя

---

*) Пулавы—великолѣпное, недалеко отъ Варшавы, помѣстье Чарторыскихъ, посѣщаемое путешественниками и воспѣтое поэтами.

Чарторыскаго, сколько дѣятельное и суетливое честолюбіе семейства его.

4) *Отрывокъ изъ письма Императрицы 2-го Августа (1762).*

Согласно съ желаніемъ его, отправляю графа Кейзерлинга посломъ въ Польшу, чтобы сдѣлать васъ королемъ (pour vous faire roi). А если онъ въ томъ не успѣетъ, то пусть будетъ избранъ князь Адамъ (Чарторыскій).

Зимою 1763—1764 годовъ писалъ я Императрицѣ: „Не дѣлайте меня королемъ, а снова призовите къ себѣ“. Не одни сердечныя чувства побуждали меня выразить эту просьбу. Я былъ убѣжденъ, что могу принесть въ такомъ случаѣ болѣе пользы отечеству моему, какъ частное лицо при ней, нежели здѣсь, какъ король. Но просьбы мои не получили удовлетворенія.

5) *Анекдотъ, касающійся до избранія моего.*

За нѣсколько недѣль до дня, назначеннаго для моего избранія, въ Императрицѣ возникло сильное опасеніе, что избраніе мое можетъ вовлечь ее въ большія задрудненія и даже въ войну съ Портою. Вопреки Панину, писала она къ Кейзерлингу, что, опасаясь многихъ неудобствъ за Россію и за себя отъ слишкомъ упорнаго настаиванія на избраніе мое въ короли, она повелѣваетъ ему не доходить до формальнаго предстательства за меня (de ne pas risquer une recommandation formelle), но ограничиться дѣйствіемъ, которое онъ почтетъ влекущимъ за собою наименѣе худыхъ послѣдствій (les conséquences les moins facheuses). Панинъ осмѣлился написать Кейзерлингу: „Не знаю что̀ пишетъ вамъ Императрица; но послѣ всего что̀ мы донынѣ сдѣлали, честь Императрицы и государства нашего такъ связана съ этимъ вопросомъ, что, отступая отъ него, мы много повредили бы себѣ. И такъ продолжайте какъ слѣдуетъ, чтобы довершить это дѣло. Смѣло вамъ это высказываю“ (C’est moi qui vous le dis hardiment). И Кейзерлингъ не побоялся ослушаться своей Государыни и послѣдовалъ совѣту ея перваго министра. Онъ изложилъ формальный актъ предста-

тельства за меня отъ имени Императрицы. А какъ былъ онъ въ то время боленъ и не могъ лично представить его примасу (какъ то обыкновенно дѣлалось въ прежнихъ избраніяхъ), то и представилъ бумагу свою чрезъ посольскаго секретаря, барона Аша. Избраніе мое совершилось единогласно и въ такомъ порядкѣ и мирѣ, что большое число дамъ присутствовало на избирательномъ полѣ, посреди дворянскихъ эскадроновъ Только и былъ при этомъ одинъ несчастный случай: лошадь лягнула въ господина Трояновскаго и раздробила ему ногу. Многія дамы сливали голоса свои съ избирательными кликами воеводствъ, когда примасъ на колесницѣ своей проѣзжалъ и собиралъ отъ маршаловъ воеводскихъ конфедерацій избирательныя записки за скрѣпою тѣхъ, которые состояли на лицо. По общему мнѣнію, около 25 тысячъ человѣкъ окружало избирательное поле, и въ этомъ числѣ ни одинъ голосъ не возсталъ противъ меня.“

Чтó ни говори, а если смотрѣть безпристрастно, то въ этой отрывочной исповѣди не обрисовывается пошлый и своекорыстный честолюбецъ. Тутъ честолюбіе есть, но оно очищено и облагорожено болѣе возвышенными побужденіями; оно питается двойною любовью. Въ исповѣдникѣ видимъ, хотя и грѣшника, но честнаго человѣка; видимъ здравый умъ, который хорошо и вѣрно судитъ о настоящемъ положеніи и также вѣрно предвидитъ опасенія въ будущемъ. Онъ раскаевается въ томъ, что увлекся, что не слѣдовалъ видамъ, которые самъ исчислилъ и оцѣнилъ; но раскаевается поздно. Впрочемъ, когда же въ дѣлахъ житейскихъ раскаяніе не бываетъ позднею добродѣтелью? Вмѣстѣ съ тѣмъ виденъ здѣсь и Полякъ-мечтатель. Польская политика всегда сбивается на фантазію. Романтической литтературы еще и въ поминѣ не было, а благодаря Полякамъ была уже романтическая политика, пренебрегающая единствами времени мѣста и дѣйствія. У нихъ нѣтъ классическаго воззрѣнія на вещи и событія. Все предъ ними освѣщается фальшфейерами, которые принимаютъ они за маяки. Въ своей романтической мечтательности, въ своей *галлюсинаціи* Понятовскій строитъ свой воздушный замокъ, свой воздушный престолъ на несбыточномъ бракѣ съ Императрицею. Его не пугаетъ, не отрезвляетъ вся несообразность подобной надежды; его не про-

буждаетъ отъ сновидѣнія вся историческая, политическая и Русско-народная невозможность такого событія. Для романтической политики нѣтъ ни граней, ни законовъ: для нея нѣтъ никакихъ невозможностей. Въ покушеніяхъ своихъ, въ политическихъ стремленіяхъ Поляки не признаютъ роковой силы слова: невозможность. Не видали ли мы много примѣровъ тому и послѣ Понятовскаго? Кому изъ Поляковъ не грезилось хотя разъ въ жизни, что Европа почтетъ для себя обязанностью и удовольствіемъ предложить ему руку и сердце свое и принести въ приданое всѣ силы и войска свои? И легковѣрный и несчастный Полякъ, разсчитывая на это будущее, губитъ свое настоящее. Онъ пускается во вся тяжкая, ставитъ ребромъ свой послѣдній *злотый*, свои послѣднія усилія и надежды, и окончательно разоряется впредь до новаго самообольщенія, до новаго марева и новыхъ жертвоприношеній неисправимой мечтѣ своей. Разумѣется, государственной политикѣ должно, при такихъ періодическихъ увлеченіяхъ и припадкахъ, быть всегда на-сторожѣ. Это періодико-хроническое расположеніе угрожаетъ спокойствію и безопасности сосѣдовъ. Все это такъ; но сердиться на Поляковъ не за что, а ненавидѣть мечтателей и подавно. Вспомнимъ слово князя Паскевича: вся ихъ романическая политика грѣшитъ роковыми условіями непреложной географіи.

Странная и какая-то таинственно-роковая игра запечатлѣла судьбу Понятовскаго. Будущее царствованіе его случайно возродилось въ Петербургѣ: въ Петербургѣ же и погасло это посмертное царствованіе. По движенію великодушія и рыцарства Императора Павла, развѣнчанный вѣнценосецъ былъ призванъ въ Петербургъ. Царской тѣни его воздаваемы были почести, подобающія неизгладимому величію царскаго достоинства. Онъ жилъ въ Мраморномъ дворцѣ, окруженный придворнымъ штатомъ. На всѣхъ праздникахъ, во всѣхъ торжествахъ, Императоръ Павелъ удѣлялъ ему царское мѣсто. Онъ постоянно былъ къ нему внимателенъ и привѣтливъ, съ тою врожденною и утонченною вѣжливостью, которая отличала Императора Павла, когда онъ къ кому благоволилъ и не былъ подъ раздраженіемъ непріятныхъ впечатлѣній. Однимъ словомъ, Понятовскій жилъ и умеръ въ Петербургѣ Польскимъ ко-

ролемъ, но только безъ Польскаго королевства. Впрочемъ, едва ли въ Варшавѣ владѣлъ онъ этимъ королевствомъ.

Какъ много драматическихъ движеній и неожиданностей въ этой участи; какъ много глубокаго историческаго и нравственнаго смысла! Здѣсь исторія въ романѣ, и романъ въ исторіи.

„Какое несчастіе пошло у насъ на баснописцевъ“,— говорилъ графъ Сакенъ: „давно ли мы лишились Крылова, а вотъ теперь умираетъ Данилевскій!“ (сочинитель военной исторіи 12-го и послѣдовавшихъ годовъ).

Извѣстно, что императоръ Александръ Павловичъ въ послѣдніе годы царствованія своего совершалъ частыя и повсемѣстныя поѣздки по обширнымъ протяженіямъ Россіи. Въ это время дорожная дѣятельность и повинность доходили до крайности. Ежегодно и по нѣскольку разъ въ годъ дѣлали дороги, передѣлывали ихъ и все-таки не додѣлывали, развѣ подъ проѣздъ Государя; а тамъ опять начнется землекопаніе, ломка, прорытіе канавъ и прочее. Эти работы, на которыя сгонялись деревенскія населенія, возрастали до степени народнаго бѣдствія. Разумѣется, къ этой тягости присоединялись и злоупотребленія земской администраціи, которая пользовалась, промышляла и торговала дорожными повинностями. Народъ кряхтѣлъ, жаловался и приписывалъ всѣ невзгоды Аракчееву, который тутъ ни душой, ни тѣломъ не былъ виноватъ. Но въ этомъ отношеніи Аракчеевъ пользовался большою *популярностью*: онъ былъ всеобщимъ козломъ отпущенія на каждый черный день. Въ Саратовской губерніи деревенскія бабы пѣвали въ хороводахъ:

Аракчеевъ дворянинъ
Аракчеевъ.....,
Всю Россію разворилъ,
Всѣ дорожки перерылъ.

Въ Московской губерніи, въ осеннюю и дождливую пору, дороги были совершенно недоступны. Подмосковные помѣщики за 20 и 30 верстъ отправлялись въ Москву верхомъ. Такъ ѣзжалъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій изъ Суханова; такъ ѣзжали и другіе. Такъ однажды въѣхалъ въ Москву и фельдмаршалъ Сакенъ.

Утомленный, избитый толчками, онъ на послѣдней станціи приказалъ отпречь лошадь изъ подъ форейтора, сѣлъ на нее и пустился въ путь. Когда явились къ нему Московскія власти съ изъявленіемъ почтенія, онъ обратился къ губернатору и спросилъ его, былъ ли онъ уже губернаторомъ въ 1812 году; и на отвѣтъ, что не былъ, графъ Сакенъ сказалъ: „А жаль что не были! При васъ Наполеонъ никакъ нѣ могъ бы добраться до Москвы“.

Карамзинъ говорилъ, что если бы отвѣчать однимъ словомъ на вопросъ: что дѣлается въ Россіи, то пришлось бы сказать: *крадутъ*. Онъ былъ непримиримый врагъ Русскаго лихоимства, расточительности, какъ частной, такъ и казенной. Самъ былъ онъ не скупъ, а бережливъ; совѣтовалъ бережливость друзьямъ и родственникамъ своимъ; желалъ бы имѣть возможность совѣтовать ее и государству. Ничего такъ не боялся онъ какъ долговъ, за себя и за казну. Если никогда не бывалъ онъ что называется въ нуждѣ, то всегда долженъ былъ ограничиваться строгою умѣренностью, впрочемъ (какъ сказано выше) чуждою скупости: напротивъ, онъ всегда держался правила, что если ужъ нужно сдѣлать покупку, то должно смотрѣть не на цѣну, а на качество и покупать что есть лучшее. Въ первыя времена письменной дѣятельности его, да и позднѣе, литтература наша не была выгоднымъ промысломъ. Цѣны на заработки стояли самыя низкія. Журналы, сборники, имъ издаваемые (*Аониды* и пр.) не представляли ему большаго барыша и едва давали возможность сводить концы съ концами. Въ молодости, въ теченіи двухъ трехъ лѣтъ, прибѣгалъ онъ, какъ къ пособію, къ карточной коммерческой игрѣ. Игралъ онъ умѣренно, но съ разсчетомъ и съ умѣньемъ. Можно сказать, что до самой кончины своей онъ не жилъ на счетъ казны. Скромная пенсія въ 2000 р. ассигнаціями, выдаваемая исторіографу, не была для казны обременительна. Впослѣдствіи времени близкія отношенія къ Императору Александру, милостивое, дружеское вниманіе, оказываемое ему Монархомъ, не измѣнили этого скромнаго положенія. Въ сношеніяхъ своихъ съ Государемъ, онъ дорожилъ своею нравственною независимостью, такъ сказать боялся утратить

и затронуть чистоту своей безкорыстной преданности и признательности. Онъ страшился благодарности вещественной и обязательной. Можно подумать, что и Государь, съ обычною ему мечтательностью, не хотѣлъ придать сношеніямъ своимъ съ Карамзинымъ характеръ официальный, характеръ относительности Государя къ подданному. Впрочемъ, приближенные къ Императору Александру замѣчали не разъ, что онъ не имѣлъ яснаго понятія о цѣнности денегъ: иногда вспоможеніе милліономъ рублей частному лицу не казалось ему чрезвычайнымъ; въ другое время онъ задумывался надъ выдачею суммы незначительной. Карамзинъ за себя не просилъ; другіе также не просили за него, и Государь, хотя и довольно частый свидѣтель скромнаго домашняго быта его, могъ и не догадываться, что Карамзинъ не пользуется даже и посредственнымъ довольствомъ. Какъ уже сказано, Карамзинъ заботился не о себѣ. Но въ меланхолическомъ настроеніи духа, къ которому склоненъ онъ былъ даже и во дни относительнаго счастія, не могъ онъ внутренно не думать съ грустію о томъ, что не успѣлъ онъ обезпечить матеріально участь довольно многочисленнаго и нѣжно и горячо любимаго имъ семейства. Провидѣніе, въ Которое онъ покорно и безгранично вѣровалъ, оправдало эту вѣру и между тѣмъ поберегло безкорыстіе и добросовѣстность его. Пока бодрствовалъ онъ духомъ и тѣломъ, обстоятельства не искушали его и не приводили въ опасеніе быть въ противорѣчіи съ самимъ собою. Только на смертномъ одрѣ и за нѣсколько часовъ до кончины, получилъ онъ по истинѣ царскую награду, возмездіе за чистую и доблестную жизнь, за долгую и полезную дѣятельность и за заслуги его предъ Отечествомъ. Это была, такъ сказать, за живо, но уже посмертная награда. Оказалъ ее не Императоръ Александръ, а въ память его достойный и великодушный преемникъ его. Глубоко, умилительно растроганный подобною милостію, Карамзинъ оставался вѣренъ правиламъ и убѣжденіямъ своимъ: онъ находилъ, что милость чрезмѣрна и превышаетъ заслуги его. Послѣднія строки, написанныя его ослабѣвшею и уже остывающею рукою, рукою, которая нѣкогда такъ дѣятельно и бодро служила ему, были выраженіемъ глубокой благодарности

тому, который прояснилъ предсмертные часы его. Онъ умиралъ спокойно, зная, что участь дѣтей его обезпечена.

Какъ по проѣзжимъ дорогамъ, такъ и въ свѣтѣ, на поприщѣ почестей и успѣховъ, человѣкъ ѣдущій съ богатою внутренней кладью часто обгоняемъ тѣми, которые ѣдутъ порожнемъ. Это напоминаетъ четверостишіе, найденное въ какой-то тетради:

Съ нимъ звѣздословію не трудно научиться,
Честей имъ крайняя достигнута межа:
До этихъ почестей какъ могъ онъ дослужиться?
— А очень просто: не служа.

Въ этой же тетради записаны довольно забавные стихи Марина:

Не Дмитрій ты Донской,
Не Дмитрій ты Ростовской,
А Дмитрій ты простой:
Ты Дмитрій Павлиновской

Маринъ былъ въ свое время гвардейскимъ поэтомъ и острословомъ. Пріятное и не слишкомъ взыскательное время! Тогда жилось легко и въ свое удовольствіе. Умъ безъ притязаній на геніальность былъ въ чести и вездѣ гостепріимно встрѣченъ. Маринъ не отличался стихотворческимъ дарованіемъ: оно не выходило изъ предѣловъ гвардейскаго и свѣтскаго объема. Въ особенномъ ходу были пародіи его на стихи Ломоносова: „О ты, что въ горести напрасно“ и на стихотвореніе Державина: „Съ бѣлыми Борей власами“. Замѣчательно и странно, что при такой наклонности къ легкимъ стихамъ онъ принадлежалъ не къ новой школѣ, а къ староязыческой школѣ Шишкова. Онъ былъ большой поклонникъ Хераскова и зналъ наизустъ цѣлыя страницы *Россіады*. Французскій языкъ былъ ему мало знакомъ, если и не вовсе, что впрочемъ не помѣшало ему перевести трагедію Вольтера *Меропу*. Перевелъ онъ ее довольно плохо съ подстрочнаго Русскаго перевода, довольно плохою прозою. Красота, слава и талантъ Семеновой,

трагической актрисы, увлекали въ то время многихъ на трагическое поприще. Эта была своего рода поэзія бенефисовъ.

Гнѣдичъ, съ дарованіемъ, разумѣется, неизмѣримо выше дарованія Марина, но также не сильный въ знаніи Французскаго языка, перевелъ также около того времени и тоже ради прекрасныхъ глазъ Семеновой, другую трагедію Вольтера *Танкредъ*.

Пушкинъ имѣлъ всегда на очереди какой нибудь стихъ, который любилъ онъ твердить. Въ года молодости его и сердечныхъ припадковъ, было время, когда онъ часто повторялъ стихъ изъ этого перевода:

Быть можетъ нѣкогда восплачешь обо мнѣ!

Странные бываютъ люди! Есть напримѣръ такіе, которые на томъ основаніи, что они переносятся изъ мѣста въ далекое мѣсто по желѣзнымъ дорогамъ, а Лейбницъ и Вольтеръ медленно тащились по выбоинамъ и рытвинамъ въ неуклюжихъ почтовыхъ рыдванахъ, твердо убѣждены, что они выше и умнѣе Лейбница и Вольтера. При каждомъ удобномъ, а часто и неудобномъ случаѣ, они на лету и съ высоты вагона своего смѣются надъ этими жалкими недорослями, выражаютъ презрѣніе къ минувшему времени, рисуются и любуются собою въ настоящемъ. Какъ бы растолковать этимъ господамъ, что хотя вѣкъ нашъ матеріально и обогатился многими изобрѣтеніями и вспомогательными средствами, но все-же не дошелъ еще до того, что выдумалъ паровой аппаратъ, который придавалъ-бы ума тѣмъ, которые ума не имѣютъ. Терпѣніе! Пускай обождутъ они немного; можетъ быть такой аппаратъ и осуществится, и тогда разрѣшается имъ смѣяться надъ Лейбницемъ и Вольтеромъ.

А. М. Пушкинъ спрашивалъ путешествующаго Англичанина: правда ли, что изобрѣли въ Англіи машину, въ которую вводятъ живаго быка, и полтора часа спустя подаютъ изъ машины выдѣланныя кожи, готовыя бифстексы, гребенки, сапоги и проч.— „Не слыхалъ“, простодушно отвѣчалъ Англичанинъ: „при мнѣ еще не

было; вотъ уже два года, что я разъѣзжаю по твердой землѣ: можетъ быть, эта машина изобрѣтена безъ меня“.

Пріятель князя Дашкова выражалъ ему удивленіе, что онъ ухаживаетъ за госпожею ***, которая не хороша собою, да и не молода.—„Все это такъ“, отвѣчалъ князь, „но если бы ты зналъ, какъ она благодарна!“

Княгиня Ц. говорила, что она не желала бы овдовѣть, а желала бы родиться вдовою.

N. N. говоритъ: „Жаль, что нѣтъ третьяго пола для третейскаго и мироваго суда въ тяжбѣ между мужскимъ и женскимъ поломъ; а то судятъ и рѣшатъ между собою дѣло сами подсудимые“.

Въ одномъ изъ сраженій 1813 г., Бернадотъ поручалъ старому генералу (Нѣмцу или Шведу, не помнится), занять одно возвышеніе. Тотъ худо понималъ, что Бернадотъ говорилъ ему на Французскомъ языкѣ, а Бернадотъ не понималъ разспросовъ генерала. Выведенный изъ терпѣнія, обратился онъ къ князю Василію Гагарину, состоявшему при немъ ординарцемъ и сказалъ своимъ Гасконскимъ выговоромъ: Ayez la complaisance, prince, d'expliquer au général ce que c'est qu'une montagne, тутъ пришпорилъ лошадь и ускакалъ.

Денисъ Давыдовъ во время сраженія докладываетъ князю Багратіону, по порученію начальствующаго отдѣльнымъ отрядомъ, что непріятель на носу.—„Теперь“, говоритъ князь Багратіонъ, „нужно знать, на какомъ носу: если на твоемъ, то откладывать нечего, и должно идти на помощь; если на моемъ, то спѣшить еще не къ чему“.

Е*** говоритъ, что въ жизни должно рѣшиться на одно: на жену, или на наемную карету. А если имѣть ту и другую, то придется сидѣть одному цѣлый день дома безъ жены и безъ кареты.

Р. любилъ выражаться округленными фразами и облекать ихъ въ форму афоризмовъ. Пріятель его Киселевъ (Павелъ Дмитріевичъ) сказалъ ему однажды: „Знаешь ли что? Когда напишу книгу, обѣщай мнѣ, что ты изготовишь эпиграфы на каждую главу“.

Дядѣ Киселева (Ѳедору Ивановичу) предлагали, во время оно, войдти въ масонское общество. „Благодарю, отвѣчалъ онъ; знаю, что общество дѣлится на двѣ ступени: на одной *датусы*, на другой *биратусы*. *Датусомъ* быть не хочу, а *биратусомъ* не способенъ“.

Новые порядки—дѣло хорошее и естественное явленіе въ ходу и постепенномъ развитіи общества. Но есть люди, которые хотятъ и требуютъ новыхъ порядковъ во что бы то ни стало и не справляясь, есть ли подъ рукою матеріалы и зачатки для устройства новыхъ порядковъ. Это лица такого рода, что они не усомнились бы взять на себя формировку конныхъ полковъ въ Венеціи.

Проѣзжающій поколотилъ станціоннаго смотрителя. Подобнаго рода путевыя впечатлѣнія не новость. Смотритель былъ съ амбиціей. Онъ пріѣхалъ къ начальству просить дозволенія подать на обидчика жалобу и взыскать съ него безчестіе. Начальство старалось убѣдить его бросить это дѣло и не давать ему огласки. „Помилуйте, ваше превосходительство“, возразилъ смотритель: „одна пощечина конечно въ счетъ не идетъ, а нѣсколько пощечинъ въ сложности чего нибудь да стоятъ“.

На одномъ изъ придворныхъ собраній, Императрица Екатерина обходила гостей и къ каждому обращала привѣтливое слово. Между

присутствующими находился старый морякъ. По разсѣянію случилось, что, проходя мимо его, Императрица три раза сказала ему: „Кажется, сегодня холодно?“ — „Нѣтъ, матушка; Ваше Величество, сегодня довольно тепло“, отвѣчалъ онъ каждый разъ. „Ужъ воля Ея Величества“, сказалъ онъ сосѣду своему: „а я на правду чортъ“.

„Никогда я не могла хорошенько понять, какая разница между пушкою и единорогомъ“, говорила Екатерина II-я какому-то генералу. — „Разница большая“, отвѣчалъ онъ: „сейчасъ доложу Вашему Величеству. Вотъ изволите видѣть: пушка сама по себѣ, а единорогъ самъ по себѣ“.

— А, теперь понимаю, сказала Императрица.

Слѣпой Молчановъ (Петръ Степановичъ) слышитъ однажды у себя за обѣдомъ, что на концѣ стола плачетъ его маленькій внучекъ и что мать бранитъ его. Онъ спрашиваетъ причину тому. „А вотъ капризничаетъ“, говоритъ мать: „не хочетъ сидѣть тутъ, гдѣ посадили его, а просится на прежнее мѣсто“ — „Помилуй“, отвѣчаетъ Молчановъ: „да вся Россія плачетъ о мѣстахъ. Какъ же ему не плакать? Посади его, куда онъ просится“.

Я не зналъ Молчанова, когда онъ былъ, какъ говорится, въ случаѣ и силѣ. Слышно было, что онъ считался всемогущимъ дѣльцомъ при князѣ Н. И. Салтыковѣ; а князь, въ пребываніе Императора за границею во время войны, былъ чуть ли не регентомъ въ Россіи. Касательно этой эпохи ничего положительнаго о Молчановѣ сказать не могу: я вовсе не зналъ его, а худого по наслышкѣ ничего сказать не хочу. Сблизился я съ нимъ уже позднѣе, когда былъ онъ въ отставкѣ и слѣпъ. Нашелъ я въ немъ человѣка умнаго, обхожденія самаго вѣжливаго и пріятнаго. Отставку и слѣпоту переносилъ онъ бодро и ясно. Былъ словоохотливъ, говорилъ и разсказывалъ съ большою живостью и увлекательностью. Многое и многихъ зналъ онъ вблизи; зналъ хорошо и сцену свѣта, и актеровъ, и закулисныя таинства, и все сохранилъ онъ въ своей твердой и зеркальной памяти. Искалъ онъ бесѣды съ людьми по-

чему нибудь извѣстными и достойными вниманія. Съ ними онъ, такъ сказать, кокетствовалъ, заискивая ихъ доброе къ себѣ расположеніе. Онъ говаривалъ, что можно всѣмъ прикинуться, и богатымъ, и знатнымъ, но умнымъ ужъ никакъ не прикинешься, если нѣтъ ума.

Между прочими разсказами его особенно значителенъ одинъ. Онъ свидѣтельствуетъ о недоброжелательномъ и недовѣрчивомъ расположеніи Императора Александра къ Кутузову и поэтому принадлежитъ исторіи. Когда Наполеонъ въ 1812 г. шелъ къ Москвѣ, Петербургъ также былъ не очень покоенъ и безопасенъ. Въ немъ также принимались правительствомъ мѣры, чтобы заблаговременно вывезти изъ столицы всѣ драгоцѣнности, государственныя дѣла и проч. Не былъ забытъ и памятникъ Петра Великаго: и онъ предназначался къ упаковкѣ и отправленію въ безопасное мѣсто водою. И подлинно, слишкомъ было бы грустно старику видѣть, какъ чрезъ *прорубленное имъ окно* влѣзли въ домъ его недобрые люди. Государь поручилъ спасеніе памятника особенной распорядительности Молчанова: секретно выдана ему на то изъ казначейства и надлежащая сумма. Когда, по выходѣ Наполеона изъ Москвы, дѣйствія наши приняли благополучный оборотъ и непріятель преслѣдуемъ былъ нашими войсками, Молчановъ при одномъ докладѣ Государю напомнилъ о ввѣренной ему суммѣ и спросилъ не прикажетъ ли Его Величество отдать ее обратно въ казначейство.— „Ты Кутузова не знаешь“, съ живостью прервалъ его Государь: „было бы у него все хорошо, а о другихъ заботиться онъ не станетъ. Держи деньги пока у себя на всякій случай“.

Когда Дмитріевъ былъ министромъ юстиціи, онъ часто бывалъ недоволенъ Молчановымъ за противодѣйствіе его по дѣламъ, которыя Дмитріевъ вносилъ въ Комитетъ Министровъ. Оно было такъ для него чувствительно, что онъ отпросился въ отпускъ во время отсутствія Государя. Позднѣе, когда онъ снова поступилъ въ управленіе министерствомъ, а Государь возвратился изъ Парижа, эти неудовольствія отразились на холодномъ пріемѣ, оказанномъ ему Императоромъ Приближенная къ Государю особа выразила ему сожалѣніе по этому поводу, замѣтя, что Дмитріевъ честный человѣкъ и пользуется общимъ уваженіемъ. Государь, вѣроятно преду-

бѣжденный княземъ Салтыковымъ, сказалъ на это: „Онъ слишкомъ гордъ: не худо дать ему урокъ“. Вскорѣ послѣ того прекратились и личные министерскіе доклады Государю. Дмитріевъ тогда вышелъ въ отставку.

Много лѣтъ спустя, когда Молчановъ и Дмитріевъ, то есть временный побѣдитель и побѣжденный, были въ отставкѣ, случай свелъ ихъ въ Москвѣ. Жихаревъ, нѣкогда служившій при Молчановѣ и преданный Дмитріеву, далъ имъ примирительный обѣдъ, при проѣздѣ перваго чрезъ Москву. По крайней мѣрѣ при послѣднемъ порогѣ жизни очистились они другъ предъ другомъ отъ непріязненныхъ чувствъ, которыя, можетъ быть, пережили въ сердцахъ ихъ и самую пору, и самыя причины взаимнаго недоброжелательства: политическія и даже просто служебныя разномыслія и пререканія гораздо злопамятнѣе, нежели сердечныя и любовныя размолвки. Въ то время холера начинала разыгрываться. Молчановъ очень боялся ея. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, онъ на глухо заперся въ своемъ домѣ, какъ въ крѣпости, осажденной непріятелемъ. Но крѣпость не спасла. Непріятель ворвался въ нее и похитилъ свою жертву.

Страхъ холеры дѣйствовалъ тогда на многихъ; да впрочемъ, по замѣчанію Д. П. Бутурлина, едва ли на какое другое чувство и могла бы она надѣяться. Графъ Ланжеронъ, столько разъ видавшій смерть предъ собою во многихъ сраженіяхъ, не оставался равнодушнымъ предъ холерою. Онъ такъ былъ пораженъ мыслію, что умретъ отъ нея, что, еще пользуясь полнымъ здоровьемъ, написалъ онъ духовное завѣщаніе, такъ начинающееся: умирая отъ холеры и проч.

На низшихъ общественныхъ ступеняхъ холера не столько страха внушала, сколько недовѣрчивости. Простолюдинъ, вѣрующій въ благость Божію, не примиряется съ дѣйствительностью естественныхъ бѣдствій: онъ приписываетъ ихъ злобѣ людской, или какимъ нибудь тайнымъ видамъ начальства. Думали же въ народѣ, что холера есть докторское или Польское нашущеніе.

При первомъ появленіи холеры въ Москвѣ, одинъ подмосков-

ный священникъ, впрочемъ благоразумный и далеко не безграмотный, говорилъ: „Воля ваша, а по моему мнѣнію эта холера ничто иное какъ повтореніе 14 Декабря“.

Мы говорили о недовѣріи Императора Александра къ Кутузову: вотъ еще разительный тому примѣръ. По назначеніи его главнокомандующимъ надъ войсками Государь приказалъ ему пріѣхать къ себѣ въ такой-то часъ въ Каменно-Островскій дворецъ. Назначенный часъ пробилъ, а Кутузова нѣтъ. Проходитъ еще минутъ пять и болѣе. Государь нѣсколько разъ спрашиваетъ, пріѣхалъ ли онъ? А Кутузова все еще нѣтъ. Разсылаются фельдъегеря во всѣ концы города, чтобы отыскать его. Наконецъ получается свѣдѣніе, что онъ въ Казанскомъ соборѣ слушаетъ заказанный имъ молебенъ. Кутузовъ пріѣзжаетъ. Государь принимаетъ его въ кабинетѣ и остается съ нимъ наединѣ около часа. Отпуская, провожаетъ его до дверей комнаты, слѣдующей за кабинетомъ. Тутъ прощается съ нимъ. Возвращаясь, проходитъ онъ мимо графа Комаровскаго, дежурнаго генералъ-адъютанта, и говоритъ ему: Le public a voulu sa nomination; je l'ai nommé: quant à moi, je m'en lave les mains (публика хотѣла назначенія его; я его назначилъ: что до меня касается, умываю себѣ руки). Этотъ разсказъ со словъ самого графа Комаровскаго былъ переданъ мнѣ Д. П. Бутурлинымъ. Правдивость того и другого не подлежитъ сомнѣнію. Какъ подобный отзывъ ни можетъ показаться сухъ, страненъ и предосудителенъ, но не должно останавливаться на внѣшности его. Проникнувъ въ смыслъ его внимательнѣе и глубже, отыщешь въ этихъ словахъ чувство тяжелой скорби и горечи. Когда поставленъ былъ событіями вопросъ „быть или не быть Россіи“, когда дѣло шло о государственной судьбѣ ея, и слѣдовательно о судьбѣ самаго Александра, нельзя же предполагать въ государѣ и человѣкѣ безсознательное равнодушіе и полное отсутствіе чувства, врожденнаго въ каждомъ, чувства самохраненія. Государь не довѣрялъ ни высокимъ военнымъ способностямъ, ни личнымъ свойствамъ Кутузова. Между тѣмъ онъ превозмогъ въ себѣ предубѣжденіе и ввѣрилъ ему судьбу Россіи и свою судьбу, ввѣрилъ единственно потому, что Россія вѣро-

вала въ Кутузова. Тяжела должна была быть въ Александрѣ внутренняя борьба; великую жертву принесъ онъ Отечеству, когда, подавляя личную волю свою и безграничную царскую власть, покорилъ онъ себя общественному мнѣнію.

Можно обвинять Кутузова въ нѣкоторыхъ стратегическихъ ошибкахъ, сдѣланныхъ имъ во время отечественной войны; но это подлежитъ разбирательству и суду военныхъ авторитетовъ. Это вопросъ науки и критики. Отечество и народъ не входятъ въ подобныя изслѣдованія. Они видятъ въ Кутузовѣ освободителя родной земли отъ иноплеменнаго нашествія: весь судъ свой о немъ заключаютъ въ одномъ чувствѣ благодарности. Нѣтъ сомнѣнія, что окончательно и Александръ не отказалъ ему въ этомъ чувствѣ. Государю не было повода раскаяться, что онъ послушался народнаго голоса, который на этотъ разъ, и можетъ быть не въ примѣръ другимъ, былъ точно голосъ Божій. Еще задолго до 12-го года, Императоръ, разговаривая о Наполеонѣ съ сестрою своею Великою Княгинею Маріей Павловной, сказалъ эти замѣчательныя слова: Il n'y a pas de place pour nous deux en Europe: tôt ou tard, l'un ou l'autre doit se retirer (намъ обоимъ нѣтъ мѣста въ Европѣ: одному изъ насъ, рано или поздно, должно отступить). Это доказываетъ, что народная Русская война не была случайностью. Государь носилъ въ себѣ предчувствіе ея неминуемости. Всѣ мелкія событія, ей предшествовавшія и будто ее вынудившія, были только побочными принадлежностями, каплею, которою переполняется сосудъ. Въ людскихъ сужденіяхъ часто останавливаются на этихъ капляхъ, забывая о сосудѣ, который уже полонъ. Кутузовъ содѣйствовалъ Императору Александру выдти побѣдителемъ изъ перваго дѣйствія того поединка на жизнь и смерть, который Александръ предвидѣлъ. Вотъ мѣсто, которое долженъ занять Кутузовъ въ исторіи и въ благодарной народной памяти.

Графъ Растопчинъ разсказываетъ, что въ царствованіе Императора Павла, Обольянииновъ поручилъ Сперанскому изготовить проэктъ указа о какихъ-то земляхъ, которыми завладѣли Калмыки, или которыя у нихъ отнимали (въ точности не помню). Дѣло въ томъ,

что Обольянииновъ остался недоволенъ редакціей Сперанскаго. Онъ приказалъ ему взять перо, листъ бумаги и писать подъ диктовку его. Самъ началъ ходить по комнатѣ и наконецъ проговорилъ,— пишите: „По поводу Калмыковъ и по случаю оныя земли“; тутъ остановился, продолжалъ молча ходить по комнатѣ и заключилъ диктовку слѣдующими словами: „Вотъ, сударь, какъ надобно было начать указъ. Теперь подите и продолжайте“.

Вполнѣ ли вѣренъ сей разсказъ, или немного разукрашенъ воображеніемъ разсказчика, рѣшить трудно. Въ правдивости графа Растопчина нѣтъ повода сомнѣваться; но извѣстно, что анекдотисты, рапсоды, изустные хроникеры не рѣдко увлекаются словоохотливостью своею: они раскрашиваютъ первобытный рисунокъ, импровизируютъ варіаціи на заданную тему. Обольянииновъ могъ быть небольшой грамотѣй, но, какъ слышно, былъ онъ человѣкъ благоразумный и не лишенный хорошихъ свойствъ.

Генералъ Головинъ и баронъ Розенъ говорили однажды въ Москвѣ А. П. Ермолову, что они собираются въ Петербургъ. „Знаете ли что, любезнѣйшіе“, сказалъ онъ: „не обождать ли Нейгардта? Онъ вѣроятно не замедлитъ пріѣхать: тогда наймемъ четверомѣстную карету, и такъ вчетверомъ и отправимся въ Петербургъ“.

При немъ же говорили объ одномъ генералѣ, который во время сраженія не въ точности исполнилъ данное ему приказаніе и этимъ повредилъ успѣху дѣла. „Помилуйте“, возразилъ Ермоловъ, „я хорошо и коротко зналъ его. Да онъ, при личной отмѣнной храбрости, былъ такой человѣкъ, что приснись ему во снѣ, что онъ въ чемъ нибудь ослушался начальства, онъ тутъ-же во снѣ съ испуга-бы и умеръ.“

При преобразованіи главнаго штаба и назначеніи начальника главнаго штаба, въ царствованіе Императора Александра, онъ же сказалъ, что отнынѣ военный министръ долженъ бы быть переименованъ въ министра провіантскихъ и коммиссаріатскихъ силъ.

Въ концѣ минувшаго столѣтія сдѣлано было распоряженіе Колегіей Иностранныхъ Дѣлъ, чтобы впредь депеши нашихъ заграничныхъ министровъ писаны были исключительно на Русскомъ языкѣ. Это переполошило многихъ изъ нашихъ посланниковъ, болѣе знакомыхъ съ Французскимъ дипломатическимъ языкомъ, нежели съ Русскимъ. Одинъ изъ нихъ, въ разгаръ Фраицузской революціи, писалъ: гостиницы гозбятъ безштанниками, что должно было соотвѣтствовать Французской фразѣ: les auberges abondent en sansculotе. Кстати. Одинъ изъ нашихъ посланниковъ писалъ: J'ai jeté ma sonde dans l'océan de la politique (я бросилъ свой лотъ въ океанъ политики). Графъ Растопчинъ былъ тогда главноуправляющимъ по иностраннымъ дѣламъ; онъ отвѣчалъ ему: A la suite de votre dépèche, j'ai l'honneur de vous annoncer, monsieur, que l'Empereur me charge de vous ordonner de retirer votre sonde et de rentrer dans la coquille du repos (Въ слѣдствіе донесенія вашего, имѣю честь увѣдомить васъ, милостивый государь, что Его Величествомъ поручено мнѣ повелѣть вамъ вытащить свой лотъ и возвратиться въ раковину спокойствія). (Слышано отъ графа Растопчина).

Кѣмъ то было сказано: „Стихи мои, обрызганные кровью". „Что жъ, кровь текла у него изъ носу, когда писалъ онъ ихъ?" спросилъ Дмитріевъ.

Хвостовъ сказалъ: „Суворовъ мнѣ родня, и я стихи плету".— „Полная біографія въ нѣсколькихъ словахъ", замѣтилъ Блудовъ: „тутъ въ одномъ стихѣ все, чѣмъ онъ гордиться можетъ, и стыдиться долженъ".

Графиня Толстая, урожденная Протасова, была женщина умная, образованная, но особенно извѣстна своими причудами и оригинальностью. Эти своеобразныя личности болѣе и болѣе стираются съ общественнаго полотна. Жаль: онѣ придавали картинѣ блескъ и оживленіе. Новое поколѣніе смотритъ съ презрѣніемъ на эти остатки

Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма.

Оно замыкается въ однообразной важности своей и слышать не хочетъ о частныхъ исключеніяхъ, не подходящихъ подъ опредѣленную мѣру и раму. Что же изъ этого выходитъ? По большой части одна плоская скука, и только. Графиня Толстая говорила, что не желала умереть скоропостижною смертью: какъ неловко явиться передъ Богомъ запыхавшись. По словамъ ея, первою заботою ея на томъ свѣтѣ будетъ развѣдать тайну о желѣзной маскѣ и о разрывѣ свадьбы графа В. съ графинею С., который всѣхъ удивилъ и долго былъ предметомъ догадокъ и разговоровъ Петербургскаго общества. Наводненіе 1824 года, произвело на нее такое сильное впечатлѣніе и такъ раздражило ее противъ Петра I, что еще за долго до славянофильства, дала она себѣ удовольствіе проѣхать мимо памятника Петра и высунуть предъ нимъ языкъ! Когда была воздвигнута колонна въ память Александру I, она крѣпко запретила кучеру своему возить ее въ близости колонны: „неровенъ часъ (говорила она), пожалуй, и свалится она съ подножія своего“. Такъ равно, за много лѣтъ до учрежденія обществъ покровительства животнымъ, она на дѣлѣ выражала имъ свою любовь и дѣятельное покровительство. Дома окружена она была множествомъ кошекъ и собакъ. Наконецъ онѣ такъ расплодились, что уже не было имъ достаточнаго помѣщенія въ домашнемъ ковчегѣ. Тогда размѣстила она излишество своего народонаселенія по городскимъ будкамъ, уплачивая будочникамъ извѣстную мѣсячную плату на содержаніе и харчъ переселенцевъ. Въ прогулкахъ своихъ объѣзжала она свои колоніи, приказывала вносить въ карету къ себѣ колонистовъ, и когда казалось ей, что они не довольно чисто и сытно содержаны, она будочникамъ дѣлала строгій выговоръ и грозила имъ, что переведетъ своихъ пріемышей на другую застольщину.

Мужъ ея, Графъ Варѳоломей Васильевичъ, былъ не такъ оригиналенъ, какъ жена, но тоже чудакъ въ своемъ родѣ. Онъ имѣлъ для пріятелей и вообще для слушателей своихъ несчастную страсть къ віолончелю; а впрочемъ, человѣкъ не злой и необидчивый. Имѣлъ онъ привычку просыпаться всегда очень поздно. Такъ было и 7 Ноября 1824 года. Вставъ съ постели гораздо за полдень, подходитъ онъ къ окну (жилъ онъ въ Большой Морской), смотритъ и

вдругъ страннымъ голосомъ зоветъ къ себѣ камердинера, велитъ смотрѣть на улицу и сказать, что̀ онъ видитъ на ней. „Графъ Милорадовичъ изволитъ разъѣзжать на 12-ти весельномъ катерѣ“, отвѣчаетъ слуга.—„Какъ на катерѣ?“—„Такъ-съ, ваше сіятельство: въ городѣ страшное наводненіе“. Тутъ Толстой перекрестился и сказалъ: „Ну слава Богу, что такъ; а то я думалъ, что на меня дурь нашла“.

Одно время жилъ въ Москвѣ Полякъ-піанистъ. Запасъ музыкальныхъ способностей его былъ не великъ; за то неистощимъ запасъ анекдотовъ. Каждое слышанное имъ слово ловилъ онъ на лету, чтобы кстати, а часто и вовсе не кстати, подвернуть подъ него анекдотъ. Сначала это насъ забавляло, но подъ конецъ сдѣлалось утомительнымъ. Мицкевичъ, жившій тогда въ Москвѣ и, помнится, наградившій насъ землякомъ своимъ, рѣшился однажды сдѣлать ему предостереженіе и присовѣтовать воздержать себя отъ своей анекдотоманіи. Тотъ принялъ совѣтъ смиренно и съ благодарностью; потомъ помолчавъ немного, сознался, что чувствуетъ самъ слабость свою и обѣщаетъ преодолѣть ее: „тѣмъ болѣе (продолжаетъ онъ), что это кстати напоминаетъ мнѣ“.....—„Ну“, прервалъ его тутъ Мицкевичъ, „я вижу любезнѣйшій, что вы неизлѣчимы. Дѣлать нечего: продолжайте!“

Всегда и вездѣ сталкиваются старое и новое поколѣніе. Къ сожалѣнію, люди не подобны древеснымъ листьямъ, которые почти одновременно падаютъ и снова почти одновременно распускаются.

На деревѣ жизни являются рядомъ желтыя и засохшія листья и другія, свѣжія, зеленыя и едва начинающіяся прозябать. Такъ ведется со временъ Адама. Вѣроятно, между нимъ и сыновьями его возникали разногласія по дѣламъ домашнимъ и по вопросамъ о молодомъ мірозданіи: политическихъ, національныхъ и церковныхъ вопросовъ, благодаря Бога, тогда, вѣроятно, не было. Единообразія въ понятіяхъ и чувствахъ быть не можетъ; краски и оттѣнки мнѣній различны. Есть истины общія, вѣчныя, врожден-

ныя человѣку: искони и до нашего времени онѣ свойственны и присущи всѣмъ благоразумнымъ и честнымъ людямъ. Онѣ такъ сказать основные государственные законы всего человѣчества. Но при нихъ есть еще много временныхъ и прилагательныхъ истинъ или узаконеній, которыя измѣняются съ обстоятельствами, ихъ порождшими. Тутъ-то умы и мнѣнія выходятъ въ рукопашный бой. Старость обыкновенно ворчитъ на молодежь; молодость смѣется надъ стариками или обращается къ нимъ спиною. Но при этомъ не должно бы забывать, что старость, т.-е. долговременная жизнь, если не выжила она изъ ума, имѣетъ за себя опытность. Опытность также наука, добытая часто многими трудами и страданіями. Молодость дорожитъ наукою и свѣдѣніями: почему же пренебрегать ей наукою жизни? Какъ указано выше, разумѣется, рѣчь можетъ здѣсь идти только о тѣхъ, которые чему нибудь научились отъ жизни, а не о тѣхъ, которые прошли сквозь нее, такъ сказать, безграмотно. Но вѣдь и въ молодости не всѣ орлы, не всѣ родятся Пикъ-Мирандолями; да и эти скороспѣлки и скорознайки не рѣдко увядаютъ до поры умственной зрѣлости: преждевременно-пышно нальются и расцвѣтутъ, да и остановятся на половинѣ дороги, ничего новаго болѣе не пріобрѣтаютъ, а опошляютъ то, что имѣли. Часто между пожилыми людьми встрѣчается упрямство мнѣній, пожалуй нѣкоторая окостенѣлость; въ молодежи выказывается самонадѣянность, какое-то воспаленіе убѣжденій. То и другое вредно; но свойства послѣдняго возраста, можетъ быть, вреднѣе. Приверженность къ прежнимъ мнѣніямъ, коренная осѣдлость въ нихъ можетъ затормазить ходъ новой мысли, новыхъ порядковъ; но это не на долго: время и мысль, если она здравая, зиждительная, возметъ свое: она ускользнетъ изъ подъ тормаза и пойдетъ дорогою своею. Испытанія молодой самонадѣянности начинаютъ прежде всего разрушеніемъ; успѣетъ ли она выстроить изъ развалинъ своихъ нѣчто новое, полное и прочное — на этотъ вопросъ бабушка, т.-е. опытность или исторія, отвѣчаетъ пока на двое.

Генералъ Костенецкій почитаетъ Русскій языкъ родоначальникомъ всѣхъ Европейскихъ языковъ, особенно Французскаго. Напримѣръ *domestique* явно происходитъ отъ Русскаго выраженія *домъ мести*. *Кабинетъ* не означаетъ ли *какъ бы нѣтъ*: человѣкъ запрется въ комнату свою, и кто ни пришелъ бы, хозяина какъ бы нѣтъ дома. И такъ далѣе. Послѣдователь его, а съ нимъ и Шишкова, говорилъ, что слово *республика* ничто иное какъ *рвжь публику*.

Шамфоръ въ своихъ *Анекдотахъ и Характерахъ*, разсказываетъ между прочими слѣдующее. Императрица Екатерина пожелала имѣть въ Петербургѣ знаменитую пѣвицу Габріелли. Та запросила пять тысячъ червонцевъ на два мѣсяца. Императрица велѣла сказать ей, что она подобнаго жалованья не даетъ ни одному изъ фельдъ-маршаловъ своихъ. „Въ такомъ случаѣ“, отвѣчаетъ Габріелли, „пускай Ея Величество своихъ фельдъ-маршаловъ и заставляетъ пѣть“.

„Почему не напишите вы романа?—спрашивали NN. „Вы имѣли столько случаевъ узнать коротко свѣтъ, жизнь и людей, ознакомились съ обществомъ на разныхъ ступеняхъ; имѣете наблюдательность и сметливость“.—„А не пишу романа“, отвѣчалъ NN., „потому что я умнѣе многихъ изъ тѣхъ, которые пишутъ романы. Мой умъ не столько произрастительный, сколько сознательный и отрицательный. Подобные умы знаютъ положительно, чего сдѣлать они не могутъ“.

Умъ и умѣнье двѣ вещи розныя. У одного лежатъ дома ткани, но онъ не умѣетъ кроить, и ткани остаются безъ употребленія. Другой кое-какъ набилъ руку и сдѣлался закройщикомъ; но у него нѣтъ подъ рукой ткани, и онъ забираетъ въ лоскутномъ ряду всякую ветошь, сшиваетъ ее на живую нитку и изготовляетъ пестрыя платья, которыя ни на что не похожи и никому не въ пору.

Дельвигъ говаривалъ съ благородною гордостью: „Могу написать глупость, но прозаическаго стиха никогда не напишу“.

„Нѣтъ, круглыхъ дураковъ“, говорилъ генералъ Курута; „посмотрите напримѣръ на В.: какъ умно играетъ онъ въ вистъ!“

А. Л. Нарышкинъ не любилъ государственнаго канцлера графа Румянцова и часто трунилъ надъ нимъ. Сей послѣдній носилъ до конца своего косу въ прическѣ своей. „Вотъ ужъ подлинно скажешь“, говорилъ Нарышкинъ: „нашла коса на камень“.

Въ царствованіе Императора Павла, когда графъ Паленъ былъ Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, онъ обыкновенно ссужалъ двумя тремя бутылками портъ-вейна высылаемыхъ изъ столицы въ дальній путь, такъ что въ домашнемъ кругу его, это вино было прозвано: Vin des voyageurs (вино путешественниковъ). Однажды за обѣдомъ Государь предлагаетъ ему рюмку портъ-вейна и говоритъ, что это вино очень хорошо въ дорогѣ. Паленъ внутренно смутился, подозрѣвая въ этихъ словахъ намекъ и предсказаніе. Но дѣло обошлось благополучно. Слова сказаны были случайно. Отправка портъ-вейна продолжалась по прежнему и, къ сожалѣнію, слишкомъ часто. (Слышано отъ графа Петра Петровича Палена).

Я. А. Дружининъ, долговременно извѣстный по министерству финансовъ, былъ въ ранней молодости и почти въ отрочествѣ чѣмъ-то въ родѣ кабинетнаго секретаря при Павлѣ Петровичѣ. Онъ каждый день и цѣлый день дежурилъ въ комнатѣ передъ царскимъ кабинетомъ. Эмигрантъ изъ королевской фамиліи, принцъ де-Конде пріѣхалъ въ Петербургъ. Однажды, на праздникѣ Рождества, Императоръ пригласилъ его въ сани для прогулки по городу. Молодой Дружининъ на свободѣ задремалъ на стулѣ. Вдругъ съ про-

сонья слышитъ онъ знакомый голосъ Императора, который кричитъ: „Подайте мнѣ сюда эту свинью“! Сердце Дружинина дрогнуло. Онъ побоялся бѣды за свой неумѣстный и неприличный сонъ, но и тутъ обошлось благополучно. Оказалось, что Павелъ Петровичъ возилъ принца на рынокъ, чтобы показать ему выставку разной замороженной живности, купилъ большую мерзлую свинью и велѣлъ привезти ее во дворецъ. (Слышано отъ самаго Дружинина).

Одинъ директоръ департамента дѣлилъ подчиненныхъ своихъ на три разряда: одни могутъ не брать, другіе могутъ брать, третьи не могутъ не брать. Замѣчательно, что на общепринятомъ языкѣ у насъ глаголъ *брать* уже подразумѣваетъ въ себѣ взятки. Секретарь въ комедіи Ябеда поетъ:

Бери, тутъ нѣтъ большой науки;
Бери, что только можешь взять:
На что-жъ привѣшены намъ руки,
Какъ-не на то, чтобы брать, брать, брать?

Тутъ дальнѣйшихъ объясненій не требуется: извѣстно, о какомъ браньѣ рѣчь идетъ. Глаголъ *пить* также самъ собою равняется глаголу *пьянствовать*. Эти общеупотребляемыя у насъ подразумѣванія не лишены характерическаго значенія. Другой начальникъ говорилъ, что когда приходится ему подписывать формулярные списки и вносить въ опредѣленныя графы слова *достоинъ* и *способенъ*, часто хотѣлось бы ему прибавить: „способенъ ко всякой гадости, достоинъ всякаго презрѣнія“.

Когда назначили умнаго Тимковскаго Бессарабскимъ губернаторомъ, кто-то совѣтовалъ ему беречься чумы. „При мнѣ чумы не будетъ“, отвѣчалъ онъ, „чума любитъ раздавать ленты и аренды; а мнѣ ни лентъ, ни арендъ не нужно“. NN говорилъ про него, что въ Петербургѣ есть Тимковскій Катонъ-ценсоръ, а этотъ просто Тимковскій-Катонъ.

Говоруны (не болтуны, это другое дѣло, а разговорщики, разказчики) выводятся не только у насъ, гдѣ ихъ всегда было не

много, но и вездѣ. Даже во Франціи, которая была ихъ родиной и обѣтованною землею, бываютъ они рѣдки. Un bon conteur, un aimable causeur были тамъ прежде въ большемъ почетѣ. Предъ ними раскрывались настежъ двери всѣхъ аристократическихъ и умныхъ салоновъ; вездѣ тѣснился около нихъ кружокъ отборныхъ и внимательныхъ слушателей. Раскройте Французскіе мемуары послѣдней половины минувшаго столѣтія, и вы увидите, какою славою, въ придачу къ ихъ литературной извѣстности, пользовались въ Парижскихъ салонахъ Дидеро, Дюкло, Шамфоръ и др. Талейранъ говорилъ, что кто не зналъ Парижскихъ салоновъ за пятнадцать и двадцать лѣтъ до революціи, тотъ не можетъ имѣть понятія о всей прелести общежитія. Талейранъ и самъ былъ корифеемъ въ этомъ кругу представителей 18 вѣка. У насъ, въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго, даромъ слова и живостью разсказа отличался и славился князь Бѣлосельскій. Вотъ одинъ изъ его разсказовъ.

Проѣздомъ чрезъ Ліонъ въ Туринъ, куда былъ назначенъ онъ посланникомъ, пошелъ онъ бродить по городу. Въ прогулкѣ своей заплутался онъ въ городскихъ улицахъ и никакъ не могъ отыскать гостинницу, въ которой остановился. Не зная ни имени гостинницы, ни имени улицы, на которой она стоитъ, не могъ онъ даже справиться у прохожихъ, какъ бы до нея добраться. Усталый и раздосадованный, остановился онъ передъ домомъ, блистательно освѣщеннымъ, откуда долетали до него звуки рѣчей, хохотъ и музыка оркестра. Онъ рѣшился войти въ домъ, назвалъ себя и просилъ дозволенія участвовать въ веселомъ торжествѣ. Хозяинъ, высокаго роста и дюжій мужчина, вѣжливо принялъ его и сказалъ ему, что очень радъ неожиданному посѣщенію его. Князь принялъ участіе въ танцахъ, а послѣ приглашенъ былъ сѣсть за ужинъ между хозяиномъ и другими гостями такого же плотнаго сложенія. Посреди самой веселости въ этомъ обществѣ отзывалось что-то суровое и тяжелое. Невольно сдавалось, что собесѣдники силятся развлечь себя отъ какихъ-то мрачныхъ думъ и непріязненныхъ воспоминаній: казалось, они не веселятся, а стараются временно позабыться изъ подъ гнета вчерашняго и завтрашняго дня. Все это подстрекало любопытство князя и занимало его. Добродушно чо-

кался онъ рюмками съ сосѣдами своими и внутренно радовался, что случайно набрелъ на такую картину.

Между тѣмъ провожатый его или лонъ-лакей, который гдѣ-то потерялъ его изъ виду и долго искалъ, напалъ, наконецъ, на слѣды его. Онъ вошелъ въ домъ и показался въ дверяхъ столовой. Началъ онъ дѣлать князю разные знаки, но князь не замѣчалъ ихъ. Наконецъ, все стоя въ дверяхъ, провожатый громко просилъ князя выйдти къ нему. „Ваше сіятельство!“ сказалъ онъ ему съ разстроеннымъ лицомъ и дрожащимъ голосомъ. „Вы не знаете, гдѣ вы находитесь!... Этотъ человѣкъ, который сидитъ рядомъ съ вами, по правую руку, онъ...“

— Кто же онъ?

„Ліонскій палачъ“.

Князь отскочилъ отъ него. „А другой, сидящій на лѣво...“, продолжалъ лонъ-лакей.

— Ну, а онъ кто?

„Палачъ изъ Монпелье. Эти два исполнителя закона обвѣнчали дѣтей своихъ и празднуютъ ихъ свадьбу“.

Хотя это было и ночью, но князь, добравшись до гостинницы, велѣлъ тотчасъ запрячь лошадей въ свой дормезъ и поспѣшно выѣхалъ изъ города. Но долго еще послѣ того мерещились ему два сосѣда его и обезглавленныя тѣни несчастныхъ, которыхъ они на своемъ вѣку казнили. (Разсказъ этотъ помѣщенъ въ Запискахъ графа Далонвиля).

Что-то подобное случилось въ Петербургѣ съ Н. И. Огаревымъ, котораго любили и уважали Карамзинъ и Дмитріевъ, назначившій его оберъ-прокуроромъ въ Правительствующій Сенатъ. Онъ былъ не богатъ и очень скроменъ въ образѣ жизни своей. По утрамъ отправлялся онъ къ должности своей, нанявъ перваго извозчика, который попадалъ ему на встрѣчу. Однажды, во время такого проѣзда, на поворотѣ улицы, прохожій человѣкъ что-то закричалъ извозчику, который тотчасъ остановился. Прохожій, не говоря ни слова, сѣлъ на дрожки и приказалъ ѣхать далѣе. Огаревъ, большой флегма и къ тому же разсѣянный, еще немного посторонился, чтобы дать ему возможность покойнѣе усѣсться. Проѣхавъ нѣкоторое разстояніе, незнакомецъ остановилъ извозчика и слѣзъ съ дро-

жекъ. Тутъ Огаревъ, опомнившись, спросилъ извозчика: „какъ смѣлъ ты безъ спроса взять еще сѣдока?“

— Помилуйте, ваше благородіе, отвѣчалъ ванька, нельзя же было не взять его: вѣдь это заплечной мастеръ!

Русскій языкъ похожъ на человѣка, у котораго лежатъ золотые слитки въ подвалѣ, а часто нѣтъ двугривенника въ карманѣ, чтобы заплатить за извозчика. Поневолѣ займешь у перваго встрѣчнаго знакомца.

По занятіи Москвы Французами, графъ Мамоновъ перешелъ въ Ярославскую губернію съ казацкимъ полкомъ, который онъ сформировалъ. Пошли тутъ требованія болѣе или менѣе непріятныя, и кляузныя сношенія, и переписка съ мѣстными властями, по части постоя, перевозки нижнихъ чиновъ и другихъ полковыхъ потребностей. Дошла очередь и до губернатора. Тогда занималъ эту должность князь Голицынъ (едва-ли не сводный братъ князя Александра Николаевича). Губернаторъ въ оффиціальномъ отношеніи къ графу Мамонову, написалъ ему: „Милостивый государь мой!“ Отношеніе взорвало гордость графа Мамонова. Не столько непріятное содержаніе бумаги задрало его за живое, сколько частичка *мой*. Онъ отвѣчалъ губернатору рѣзко и колко. Въ концѣ письма говоритъ онъ: „Послѣ всего сказаннаго мною выше, предоставляю вашему сіятельству самому заключить, съ какимъ истиннымъ почтеніемъ остаюсь я, милостивый государь мой, мой, мой (на нѣсколькихъ строкахъ) вашимъ покорнѣйшимъ слугою“. — Графъ Мамоновъ былъ человѣкъ далеко недюжиннаго закала, но избалованный рожденіемъ своимъ и благопріятными обстоятельствами. Говорили, что онъ даже приписывалъ рожденію своему значеніе, котораго оно не имѣло и по разсчету времени имѣть не могло. Дмитріевъ, который всегда отличалъ молодыхъ людей со способностями и любилъ давать имъ ходъ, опредѣлилъ оберъ-прокуроромъ въ одинъ

изъ Московскихъ департаментовъ Сената графа Мамонова, которому было не съ большимъ двадцать лѣтъ. Мамоновъ принадлежалъ въ Москвѣ обществу такъ-называемыхъ Мартинистовъ. Онъ былъ въ связи съ Кутузовымъ (Павломъ Ивановичемъ), съ Невзоровымъ и съ другими лицами этого кружка. Въ журналѣ послѣдняго печаталъ онъ свои духовныя оды. Вообще въ свѣтѣ видали его мало и мало что знали о немъ. Впрочемъ, вѣроятно, были у него свои нахлѣбники и свой маленькій дворикъ. Наружности былъ онъ представительной и замѣчательной: гордая осанка и выразительность въ чертахъ лица. Внѣшностью своею онъ нѣсколько напоминалъ портреты Петра I-го.—По пріѣздѣ въ Москву императора Александра въ 1812 году, онъ предоставлялъ свой ежегодный доходъ (и доходъ весьма значительный) на потребности государства во все продолженіе войны; себѣ выговаривалъ онъ только десять тысячъ рублей на свое годовое содержаніе. Вмѣсто того было предложено ему чрезъ графа Растопчина сформировать на свой счетъ конный полкъ. Переведенный изъ гражданской службы въ военную, переименованъ онъ былъ въ генералъ-маіоры и назначенъ шефомъ этого полка. Все это обратилось въ бѣду ему. Онъ всегда былъ тщеславенъ, а эти отличія перепитали гордость его. Къ тому же онъ никогда не готовился къ военному дѣлу и не имѣлъ способностей, потребныхъ для командованія полкомъ. Пошли безпорядки и разныя недоразумѣнія. Еще до окончательнаго образованія полка, онъ дрался на поединкѣ съ однимъ изъ своихъ штабъ-офицеровъ, кажется, Толбухинымъ. Сформированный полкъ догналъ армію нашу уже въ Германіи. Тутъ возникли у графа Мамонова непріятности съ генераломъ Эртелемъ. Вслѣдствіе уличныхъ безпорядковъ и драки съ жителями Нѣмецкаго городка, учиненныхъ нижними чинами, полкъ былъ переформированъ: Мамоновскіе казаки были зачислены въ какой-то гусарскій полкъ. Такимъ образомъ патріотическій подвигъ Мамонова затерянъ. Жаль! Полкъ этотъ, подъ именемъ Мамоновскаго, долженъ бы сохраниться въ нашей арміи въ память 1812 года и патріотизма, который одушевлялъ Русское общество. Нѣтъ сомнѣнія, что уничтоженіе полка должно было горько подѣйствовать на честолюбіе графа Мамонова; но онъ продолжалъ свое воинское служеніе и былъ, ка-

жется, прикомандированъ къ генералъ-адъютанту Уварову. По окончаніи войны, онъ буквально заперся въ подмосковномъ домѣ своемъ, въ прекрасномъ помѣстьѣ, селѣ Дубровицахъ, Подольскаго уѣзда. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ не видалъ никого, даже изъ прислуги своей. Все для него потребное выставлялось въ особой комнатѣ; въ нее передавалъ онъ и письменныя свои приказанія. Въ спальной его были развѣшены по стѣнамъ странныя картины, кабалистическаго, а частью соблазнительнаго содержанія. Одинъ Михаилъ Орловъ, пріятель его, имѣлъ смѣлость и силу, свойственную породѣ Орловыхъ, выбить однажды дверь кабинета его и вломиться къ нему. Онъ пробылъ съ нимъ нѣсколько часовъ, но не смотря на всѣ увѣщанія свои, не могъ уговорить его выдти изъ своего добровольнаго затворничества. По управленію имѣніемъ его оказались безпорядки и притѣсненія крестьянамъ, разумѣется не со стороны помѣщика-невидимки, а развѣ со стороны управляющихъ. Разсказываютъ, что одинъ изъ дворовыхъ его, больно высѣченный приказчикомъ и знавшій, что графъ обыкновенно въ такой-то часъ бываетъ у окна, выставилъ на показъ ему, въ видѣ жалобы, если не совсѣмъ *поличное*, то очевидное доказательство нанесеннаго ему оскорбленія. Неизвѣстно, какое послѣдовало рѣшеніе на эту оригинальную жалобу; но вскорѣ за тѣмъ крестьяне и дворовые жаловались высшему начальству на претерпѣваемыя ими обиды. Наряжено было и пошло слѣдствіе; надъ имѣніемъ его и надъ нимъ самимъ назначена была опека. Его перевезли въ Москву. Тутъ прожилъ онъ многіе годы въ бѣдственномъ и болѣзненномъ положеніи. Такъ грустно тянулась и затмилась жизнь, которая зачалась такимъ блистательнымъ и многообѣщающимъ утромъ. Есть натуры, которыя, при самыхъ благопріятныхъ и лучшихъ задаткахъ и условіяхъ, какъ будто не въ силахъ выдерживать и, такъ-сказать, переваривать эти задатки и условія. Самая благопріятность ихъ обращается во вредъ этимъ исключительнымъ и загадочнымъ натурамъ. Кого тутъ винить? Недоумѣваешь и скорбишь объ этихъ несчастныхъ счастливцахъ.

Говорили однажды о неудобствѣ и неприличности выставлять цѣликомъ въ исторіи, особенно отечественной, событія, которыя могутъ породить въ читателяхъ и въ обществѣ невыгодныя впечатлѣнія и заключенія, напримѣръ судъ Петра Великаго надъ сыномъ во всей обстановкѣ и со всѣми подробностями. „Конечно“, сказалъ NN, „исполненіе исторической обязанности можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ быть тяжело для добросовѣстнаго и мягкосердечнаго историка. Но что же дѣлать! Что̀ было, то было, а слѣдовательно и есть. Нельзя же очищать, полоть исторію какъ засѣянную гряду. Предъ нами примѣръ Библіи. Конечно, очень прискорбно для человѣчества, что, такъ сказать, на другой день міросозданія, когда всего было только четыре человѣка на землѣ, въ числѣ четырехъ уже нашелся братоубійца; но однакоже первый лѣтописецъ человѣческаго рода не призналъ нужнымъ утаить это событіе отъ свѣдѣнія потомства“.

Американецъ Толстой говоритъ о ***: „Кажется, онъ довольно смуглъ и черноволосъ, а въ сравненіи съ душею его онъ покажется *блондинкою*“.—Однажды, въ Англійскомъ клубѣ сидѣлъ предъ нимъ баринъ съ красносизымъ и цвѣтущимъ носомъ. Толстой смотрѣлъ на него съ сочувствіемъ и почтеніемъ; но, видя, что во все продолженіе обѣда баринъ пьетъ одну чистую воду, Толстой вознегодовалъ и говоритъ: „Да это самозванецъ! Какъ смѣетъ онъ носить на лицѣ своемъ признаки имъ незаслуженные?“

Г-жа Б. не любила, когда спрашивали ее о здоровьѣ. „Ужъ увольте меня отъ этихъ вопросовъ“, отвѣчала она: „у меня на это есть докторъ, который ѣздитъ ко мнѣ и которому плачу 600 р. въ годъ“.

На берегу Рейна предлагали А. Л. Нарышкину взойдти на гору, чтобы полюбоваться окрестными живописными картинами.—„Покорнѣйше благодарю“, отвѣчалъ онъ: „съ горами обращаюсь всегда какъ съ дамами: пребываю у ихъ ногъ“.

Въ старые годы, одинъ иностранный министръ былъ отъ двора своего акредитованъ при Гамбургскомъ Сенатѣ. Ему понадобились деньги. Онъ просилъ отъ Сената дать ему въ займы довольно круглую сумму. Сенатъ отказалъ. „Да какое же я при васъ акредитованное лицо“, сказалъ онъ съ упрекомъ президенту Сената, „если не пользуюсь никакимъ кредитомъ?“

Чудакъ, но умный и образованный чудакъ, Балкъ-Полевъ былъ министромъ нашимъ при Бразильскомъ дворѣ. Онъ разсердился на сапожника своего, который подалъ ему несообразный счетъ. Вслѣдъ за тѣмъ просилъ онъ аудіенціи у императора, явился къ нему, изложилъ свою жалобу и хотѣлъ вручить императору счетъ сапожника для разсмотрѣнія. Счетъ, разумѣется, не былъ принятъ. Тогда раздосадованный Балкъ швырнулъ императору счетъ въ ноги и вышелъ изъ кабинета. Вскорѣ за тѣмъ былъ онъ отозванъ и уволенъ въ отставку. Вотъ что можно назвать приключеніемъ à propos de bottes. Онъ былъ очень горячъ съ прислугою своею и доходилъ съ нею до рукоприкладства. Однажды на балѣ его въ Москвѣ, у Григорія Корсакова пошла кровь изъ носу. Онъ отправился въ буфетъ, чтобы омыться. Одинъ изъ прислуги сказалъ ему: „Что это съ вами? Или и васъ баринъ приколотилъ?“

Англичане романъ разсказываютъ, Французы сочиняютъ его; многіе изъ Русскихъ словно переводятъ романъ съ какого-нибудь неизвѣстнаго языка, которымъ говоритъ невѣдомое общество. Гумбольдтъ (разумѣется, шутя) разсказываетъ, что въ Американскихъ лѣсахъ встрѣчаются вѣковые попугаи, которые повторяютъ слова изъ нарѣчій давно исчезнувшаго съ лица земли племени. Читая иные Русскіе романы, такъ и сдается, что они писаны со словъ этихъ попугаевъ.

Выраженіе *квасной патріотизмъ* шутя пущено было въ ходъ и удержалось. Въ этомъ патріотизмѣ нѣтъ большой бѣды. Но есть

Digitized by Google

и сивушный *патріотизмъ;* этотъ пагубенъ: упаси Боже отъ него! Онъ помрачаетъ разсудокъ, ожесточаетъ сердце, ведетъ къ запою, а запой ведетъ къ бѣлой горячкѣ. Есть сивуха политическая и литтературная, есть и бѣлая горячка политическая и литтературная.

Есть у насъ грамотѣи, которые печатно распинаются за геніальность Бѣлинскаго. Нѣтъ повода сомнѣваться въ добросовѣстности ихъ, а еще менѣе заподозрѣвать ихъ смиренномудріе; стараться же вразумить ихъ и входить съ ними въ преніе — дѣло лишнее: имъ и книги въ руки, то-есть книги Бѣлинскаго. Бѣлинскій здѣсь въ сторонѣ; онъ умеръ и успокоился отъ тревожной, а можетъ быть и трудной жизни своей. Онъ служилъ литературѣ, какъ могъ и какъ умѣлъ. Не онъ виноватъ въ славѣ своей, и не ему за нее отвѣтствовать. Глядя на посмертныхъ почитателей его, нельзя не задать себѣ вопроса: до какихъ безконечно-малыхъ крупинокъ должны снисходить умственныя способности этихъ господъ, которые становятся на ципочкахъ и карабкаются на подмостки, чтобы съ благоговѣніемъ приложиться къ кумиру, изумляющему ихъ своею величавою высотою. Это напоминаетъ шутку князя Я. И. Лобанова. Въ старой Москвѣ была замѣчательно малорослая семья; изъ рода въ родъ она все мельчала. „Еще два-три поколѣнія“, говорилъ онъ, „и надобно будетъ, помочивъ палецъ, поднимать ихъ съ полу какъ блестки“.

Великій Князь Константинъ Павловичъ, до переселенія своего въ Варшаву, живалъ обыкновенно по лѣтамъ въ Стрѣльнѣ своей. Тамъ квартировали и нѣкоторые гвардейскіе полки. Однимъ изъ нихъ, кажется, конногвардейскимъ, начальствовалъ Раевскій (не изъ фамиліи извѣстной по 1812 году). Онъ былъ краснобай и балагуръ; былъ въ нѣкоторомъ отношеніи лингвистъ, по крайней мѣрѣ обогатилъ гвардейскій языкъ многими новыми словами и выраженіями, которыя долго были въ ходу и въ общемъ употребленіи, напримѣръ: *пропустить за галстукъ, немного подшефе* (chauffé), *фрамбуазъ* (framboise—малиновый) и пр. Все это по словотолко-

ванію его значило, что человѣкъ линнее выпилъ, подгулялъ. Ему же, кажется, принадлежитъ выраженіе: *въ тонкомъ*, т.-е. въ плохихъ обстоятельствахъ. Слово *хрипъ* также его производства; оно означало какое-то хватовство, соединенное съ высокомѣріемъ и выражаемое насильственною хриплостью голоса. Великій Князь забавлялся шутками его. Часто, во время пребыванія въ Стрѣльнѣ, заходилъ онъ къ нему въ прогулкахъ своихъ. Однажды засталъ онъ его въ халатѣ. Разумѣется, Раевскій бросился бѣжать, чтобы одѣться. Великій Князь остановилъ его, усадилъ и разговаривалъ съ нимъ съ полчаса. Въ продолженіи лѣта нѣсколько разъ заставалъ онъ его въ халатѣ, и мало по малу попытки облечь себя въ мундирную форму и извиненія, что онъ застигнутъ въ расплохъ, выражались все слабѣе и слабѣе. Наконецъ сталъ онъ въ халатѣ принимать Великаго Князя, уже за просто, безъ всякихъ оговоровъ и околичностей. Однажды, когда онъ сидѣлъ съ Великимъ Княземъ въ своемъ утреннемъ нарядѣ, Константинъ Павловичъ сказалъ: „Давно не видалъ я лошадей. Отправимся въ конюшни!“ — „Сейчасъ“, отвѣчалъ Раевскій, „позвольте мнѣ одѣться!“ — „Какой вздоръ! Лошади не взыщутъ, можешь и такъ явиться къ нимъ. Поѣдемъ! Коляска моя у подъѣзда“. Раевскій просилъ еще позволенія одѣться, но Великій Князь такъ твердо стоялъ на своемъ, что дѣлать было нечего. Только что усѣлись они въ колескѣ, какъ Великій Князь закричалъ кучеру: „Въ Петербургъ!“ Коляска помчалась. Доѣхавъ до Невскаго Проспекта, Константинъ Павловичъ приказалъ кучеру остановиться, а Раевскому сказалъ: „теперь милости просимъ, изволь выходить!“ Можно представить себѣ картину: Раевскій въ халатѣ, пробирающійся пѣшкомъ сквозь толпу многолюднаго Невскаго Проспекта.

Какую мораль вывести изъ этого разсказа? А вотъ какую: не должно никогда забываться предъ высшими и слѣдуетъ строго держаться этого правила вовсе не изъ порабощенія и низкопоклонства, а напротивъ изъ уваженія къ себѣ и изъ личнаго достоинства. Маіоръ стараго времени дивился въ началѣ нынѣшняго столѣтія развязности молодыхъ офицеровъ въ отношеніи къ начальству. „Въ наше время (говорилъ онъ) было не такъ. Однажды представлялся я фельдмаршалу графу Румянцову-Задунайскому. Что

скажешь новенькаго? спросилъ онъ меня; а я поклонился и молчу. Графъ, чѣмъ-то повидимому озабоченный, изволилъ задумчиво ходить по комнатѣ. Проходя мимо меня, онъ нѣсколько разъ повторялъ тотъ же вопросъ, а я все по прежнему: поклонюсь да и молчу. Наконецъ онъ сказалъ: если будешь все молчать, то можешь и убираться прочь. Я поклонился и вышелъ".

Примѣръ этого маіора и примѣръ Раевскаго вдаются въ крайности; но если непремѣнно выбирать одинъ изъ двухъ, то лучше слѣдовать первому, чѣмъ второму: въ поклонахъ и молчаніи маіора болѣе благоразумія, даже личнаго достоинства, нежели въ халатной безцеремонности Раевскаго.

Великій Князь Константинъ Павловичъ очень любилъ театръ. Охотно и часто присутствовалъ онъ въ Варшавѣ на спектакляхъ Польскихъ и Французскихъ. Какъ на одной, такъ и на другой сценѣ были превосходные актеры. Великій Князь особенно благоволилъ къ нимъ и вообще милостиво съ ними обращался. Французскій комикъ Мерѐ (Mairet) былъ увлекателенъ: нельзя было быть умнѣе и глупѣе его въ роляхъ простачковъ. Онъ часто смѣшилъ своею важностью и серьезностью. Шутка его никогда не доходила до шутовства и скоморошества. Онъ схватывалъ натуру живьемъ и передавалъ ее зрителямъ въ истинномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и высоко-художественномъ выраженіи. Вотъ настоящее искусство актера: быть истиннымъ до обмана, или обманчивымъ до истины. Великій Князь очень цѣнилъ дарованіе Мерѐ и любилъ его личность. Однажды бѣдный Мерѐ, по недогадкѣ, очутился между рядами солдатъ на Саксонской площади, во время парада, въ присутствіи Великаго Князя. На парадномъ плацу и во время развода Его Высочеству было не до шутки. Всеобъемлющимъ взглядомъ своимъ усмотрѣлъ онъ Мерѐ и, какъ нарушителя военнаго благочинія, приказалъ свести его на гауптвахту. Разумѣется, задержаніе продолжалось не долго: послѣ развода Великій Князь велѣлъ выпустить его. На другой день Мерѐ разыгрывалъ въ какомъ-то водевилѣ роль солдата національной гвардіи, которому капитанъ грозитъ арестомъ за упущеніе по службѣ. „Нѣтъ, это уже

черезъ чуръ скучно (говоритъ Мерѐ, разумѣется отъ себя): вчера на гауптвахтѣ, сегодня на гауптвахтѣ; это ни на что не похоже!“ Константинъ Павловичъ смѣялся этой шуткѣ, но встрѣтясь съ актеромъ сказалъ ему: „ты, кажется, напрашиваешься на третій арестъ“.

Жулкѣвскій былъ отличный актеръ. Особенно удавались ему роли старопольскія. Онъ съ осебеннымъ, національнымъ выраженіемъ носилъ кунтушъ и шапку, напримѣръ въ комедіи Schkoda waçow *(Жаль усовъ)*. Игра его въ этихъ роляхъ доходила почти до политическаго заявленія. На Польской сценѣ не только въ разговорахъ, но и въ одеждѣ, въ ухваткахъ, въ танцахъ, напримѣръ Польскомъ, мазуркѣ, прорываются иногда сами собою преданія, отголоски Рѣчи Посполиты; между представленіями на сценѣ и зрителями пробѣгаютъ таинственные, неуловимые токи національнаго электричества. Все это одушевляетъ сцену и даетъ сценическому представленію самобытный, народный характеръ. Жулкѣвскій, актеръ сочувственный Варшавской публикѣ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ сочувственнымъ ей издателемъ маленькой газетки, шутливой и сатирической. Тутъ, разумѣется, труднѣе было ему пропускать свою *народовую* струю; но изрѣдка освѣжалъ онъ ею свою жаждущую газетку. Однажды напечаталъ онъ, что „Польша погибнетъ безъ Познанья“, т.-е. безъ Прусской Познани (игра словъ). Великій Князь призвалъ его къ себѣ и цензурно помылъ ему голову, хотя цензуры тогда въ Царствѣ Польскомъ, по буквальному значенію конституціи, не было. Отпуская его, внушилъ онъ ему впередъ не задирать сосѣдей. Когда послѣ спросили Жулкѣвскаго, за чѣмъ призывалъ его Великій Князь, тотъ отвѣчалъ: „Мы имѣли переговоры о Познани; Великій Князь предлагалъ мнѣ въ замѣнъ Кіевъ (опять игра словъ: т.-е. kòiw, палокъ), но сдѣлка не состоялась, и все кончилось миролюбиво“ (Polska zginie bez Poznania. Wielki Xiąże ofiarował mi Kijów za Poznanie. Nie mogliśmy się porozumieć i na tem dobrowolnie rzecz się skonczyła).

Однажды донесли Великому Князю, что какой-то Французскій актеръ произнесъ гдѣ-то въ *кавѣ* (кофейномъ домѣ) или *огрудкѣ* (публичномъ саду) предосудительныя политическія слова. Его Высочество посылаетъ за нимъ, дѣлаетъ ему порядочную и на будущее время предостерегательную нотацію и съ тѣмъ и отпускаетъ его. Тотъ, вышедши, возвращается чрезъ нѣсколько секундъ и высовываетъ голову въ дверь. „Чего тебѣ еще надобно?“ спрашиваетъ Великій Князь. „А не можете ли Ваше Высочество сказать мнѣ имя негодяя, который донесъ на меня?“—„А за чѣмъ тебѣ знать?“—„Чтобы могъ я дать ему хорошую потасовку“ (pour que je puisse lui donner une bonne râclée).

Умъ Великаго Князя склоненъ былъ къ шутливости. Онъ самъ бойко и остро говорилъ на Русскомъ языкѣ и на Французскомъ. Онъ понималъ шутку и охотно принималъ ее, даже и тогда когда была обращена она къ нему самому. Въ прежнее время дежурные адъютанты всегда бывали приглашаемы къ обѣду его. Послѣ эти приглашенія прекратились. Въ числѣ Польскихъ адъютантовъ его былъ Мицѣльскій, образованный и умный молодой человѣкъ, неистощимый на меткія и забавныя слова. Великій Князь очень цѣнилъ умъ его и любезность. „Нѣтъ ли у тебя, Мицѣльскій, чего нибудь новенькаго? Разскажи!“—„Есть, Ваше Высочество; но долго разсказывать: ужо за обѣдомъ сообщу“. Великій Князь расхохотался и позвалъ его обѣдать.

Когда графъ Бенкендорфъ явился въ первый разъ къ Великому Князю въ жандармскомъ мундирѣ, онъ встрѣтилъ его вопросомъ: Savary ou Fouché?—Savary, honnête homme, отвѣчалъ Бенкендорфъ. Ah, ça ne varie pas! — сказалъ Константинъ Павловичъ. (Непереводимая игра словъ. Савари и Фуше были оба министрами полиціи при Наполеонѣ I. Савари пользовался общимъ уваженіемъ, Фуше напротивъ).

Польскій генералъ Гельгудъ носилъ стеклянный глазъ. Передъ какимъ-то праздникомъ, Васинька Апраксинъ говоритъ, что ему пожалуютъ глазъ съ вензелемъ. При этомъ же случаѣ говорилъ онъ, что Курутѣ будетъ пожаловано прекрасное изданіе въ великолѣпномъ переплетѣ *Жизней* знаменитыхъ мужей Плутарха.

Женское сердце—темная книга; какъ ни читай, ни перечитывай ее въ разныхъ и многочисленныхъ изданіяхъ, а до всего не дочитаешься. Все, кажется, идетъ и читается просто; вдругъ встрѣтятся такія неожиданности, такія неправдоподобія, что разомъ срѣжетъ: становишься въ тупикъ, и перевертываются верхъ дномъ всѣ прежнія испытанія и нажитыя свѣдѣнія. Была въ Петербургѣ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, красивая, богатая, высоко рожденная невѣста, яркая звѣзда на свѣтскомъ небосклонѣ. Влюбился въ нее молодой человѣкъ, принадлежавшій также высшему обществу. Онъ сталъ ухаживать за нею и, казалось, не совсѣмъ безуспѣшно: молодая дѣвица отличала его между другими. На балахъ долгіе танцы, какъ безконечный котильонъ, о которомъ графъ Фикельмонъ сказалъ:

Cette image mobile
De l'immobile éternité *)

почти всегда ихъ соединяли. Частые котильоны двухъ молодыхъ людей были въ своемъ родѣ предварительныя помолвки. Однажды весною, теплою ночью, окна въ одной большой залѣ были открыты на улицу. Счастливая чета сидѣла у одного изъ этихъ оконъ. Можетъ быть, этотъ балъ былъ рѣшительный, и близокъ уже былъ обмѣнъ признаній и сердечныхъ завѣреній. Вдругъ проѣзжаетъ по улицѣ ночная колесница, которой приближеніе еще скорѣе угадывается обоняніемъ, нежели слухомъ. На лицѣ дѣвушки скоропостижно выразились смущеніе и непріятное чувство. Съ этой минуты разговоръ съ ея стороны постепенно падалъ и впалъ въ совершенное молчаніе. Въ изумленіи своемъ молодой человѣкъ не могъ истолковать себѣ причину подобной перемѣны. Спрашивать объясненія у нея онъ не смѣлъ. Въ слѣдующіе дни онъ грустно убѣдился, что

*) Стихи Ж. Б. Руссо о времени: это подвижное изображеніе недвижной вѣчности.

эта перемѣна совершилась безвозвратно. Она все болѣе и болѣе чуждалась его, и наконецъ всѣ отношенія между ними какъ на отрѣзъ прекратились. Пріятельница ея, которая слѣдила за первыми главами романа, спросила ее съ удивленіемъ, чему должно приписать такой неожиданный и крутой перерывъ. — Брезгливости и впечатлительности обонянія моего, отвѣчала она смѣясь. Тутъ разсказала она ночной проѣздъ злосчастной колесницы. „Что же мнѣ дѣлать, прибавила она, если съ той самой минуты образъ его и воспоминаніе о немъ неразлучно связались съ запахомъ, который такъ непріятно поразилъ меня въ тотъ вечеръ?“ Года два спустя, вышла она замужъ, разумѣется, за другого; но вскорѣ послѣ того скончалась во цвѣтѣ лѣтъ и въ полномъ блескѣ высокой свѣтской обстановки. Онъ умеръ гораздо позднѣе холостякомъ, не зная до самой кончины своей, что именно разстроило счастіе, которое ему такъ привѣтливо улыбалось. Будетъ ли ему загробная разгадка? Не уповательно. Если и вѣрить, что нѣкоторымъ земнымъ тайнамъ будетъ разъясненіе за рубежемъ земнымъ, какъ-то трудно предполагать, что двумъ дѣйствующимъ лицамъ недоконченнаго романа придется войти въ объясненіе по такому неблаговидному и неблагодушному вопросу.

А вотъ причуда мужского сердца. Молодой Полякъ, принадлежавшій образованной общественой средѣ, проѣзжалъ чрезъ Валдай. Въ то блаженное время не было еще ни желѣзной дороги, ни даже шоссе, не было ни дилижансовъ, ни почтовыхъ каретъ. Коляску проѣзжаго обступила толпа женщинъ и дѣвицъ и назойливо навязывала свои баранки. Полякъ влюбился въ одну изъ продавицъ. Не думавъ долго, рѣшился онъ остановиться въ Валдаѣ. Медовый мѣсяцъ любви его продолжался около двухъ лѣтъ. Родные, не получая писемъ его, начали безпокоится и думали, что онъ безъ вѣсти пропалъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, писали они ему съ увѣщеваніями возвратиться домой. Письма не дѣйствовали. Наконецъ пріѣхали за нимъ родственники и силою вырвали его изъ объятій этой Валдайской Калипсо. Вотъ любовь такъ любовь: романъ на большой дорогѣ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ приключеній. При

встрѣчахъ моихъ съ нимъ въ Варшавѣ, я всегда смотрѣлъ на него съ особеннымъ уваженіемъ и сочувствіемъ.

Есть лгуны, которыхъ совѣстно называть лгунами: они своего рода поэты, и часто въ нихъ болѣе воображенія, нежели въ присяжныхъ поэтахъ. Возьмите напримѣръ князя Ц. Во время проливного дождя является онъ къ пріятелю. „Ты въ каретѣ?“ спрашиваютъ его. „Нѣтъ, я пришелъ пѣшкомъ“. — „Да какъ же ты вовсе не промокъ?“ — „О (отвѣчаетъ онъ), я умѣю очень ловко пробираться между каплями дождя“.

Императрица Екатерина отправляетъ его курьеромъ въ Молдавію къ князю Потемкину съ собольей шубою. Нечего уже и говорить о быстротѣ, съ которою проѣхалъ онъ это пространство: подобные курьерскіе разсказы впадаютъ въ обыкновенную и пошлую прозу. Онъ пріѣхалъ, подалъ Потемкину письмо Императрицы. Прочитавъ его, князь спрашиваетъ: „А гдѣ же шуба?“ — „Здѣсь, ваша свѣтлость!“ И тутъ вынимаетъ онъ изъ своей курьерской сумки шубу, которая такъ легка была, что уложилась въ видѣ носового платка. Онъ встряхнулъ ее раза два и подалъ князю.

Въ трескучій морозъ идетъ онъ по улицѣ. На встрѣчу ему нищій, весь въ лохмотьяхъ, проситъ у него милостыни. Онъ въ карманъ, анъ денегъ нѣтъ. Онъ снимаетъ съ себя бекешь на мѣху и отдаетъ ее нищему, самъ же идетъ далѣе. На перекресткѣ чувствуетъ онъ, что кто-то ударилъ его по плечу. Онъ оглядывается. Господь Саваоѳъ предъ нимъ и говоритъ ему: „Послушай, князь, ты много согрѣшилъ; но этотъ поступокъ твой одинъ искупитъ многіе грѣхи твои: повѣрь мнѣ, я никогда не забуду его!“

Польскій графъ Красинскій былъ также вдохновеннымъ и замысловатымъ поэтомъ въ разсказахъ своихъ. Рѣчь его была жива и увлекательна. Видимо, онъ самъ наслаждался своими импровизаціями. Бываютъ лгуны, какъ-то добросовѣстные, боязливые; они запинаются, краснѣютъ, когда лгутъ. Эти никуда не годятся. Какъ говорится, что *надобно имѣть смѣлость мнѣнія своего* (le courage de son opinion), такъ нужно имѣть и смѣлость своей лжи; въ такомъ только случаѣ она удается и обольщаетъ. Двѣ пріятельницы

(разсказывалъ Красинскій) встрѣтились послѣ долгой разлуки гдѣ-то неожиданно на улицѣ. Та и другая ѣхали въ каретахъ. Одна изъ нихъ, не замѣтивъ, что стекло поднято, опрометью кинулась къ нему, пробила стекло головою, но такъ, что оно насквозь перерѣзало ей горло, и голова скатилась на мостовую передъ самою каретою ея искренней пріятельницы.

Одного умершаго положили въ гробъ, который заколотили и вынесли въ склепъ въ ожиданіи отправленія куда-то на семейное кладбище. Чрезъ нѣсколько времени гробъ открывается. Чтоже тому причиною?—„Волоса, отвѣчаетъ графъ Красинскій, и борода такъ разрослись у мертвеца, что вышибли покрышку гроба“.

Графъ былъ блестящей храбрости, но вдохновеніе было еще храбрѣе самого дѣйствія. Послѣ удачнаго и смѣлаго нападенія на непріятеля, совершеннаго коннымъ полкомъ, подъ его командою, прискакиваетъ къ нему на мѣстѣ сраженія Наполеонъ и говоритъ: Vincent je te dois la couronne, и тутъ же снимаетъ съ себя звѣзду Почетнаго Легіона и на него надѣваетъ. — „Какъ же вы никогда не носите этой звѣзды?“, спросилъ его одинъ простодушный слушатель. Опомнившись, Красинскій сказалъ: „Я возвратилъ ее Императору, потому что не признавалъ дѣйствія моего достойнымъ подобной награды“.

Однажды занесся онъ въ разсказѣ своемъ такъ далеко и такъ высоко, что, не умѣя какъ выпутаться, сослался для дальнѣйшихъ подробностей на Вылежинскаго, адъютанта своего, тутъ же находившагося.—„Ничего сказать не могу (замѣтилъ тотъ): вы, графъ, вѣроятно забыли, что я былъ убитъ при самомъ началѣ сраженія“.

Въ старину Лунинъ (Петръ Михайловичъ) былъ извѣстенъ въ Москвѣ и Петербургѣ своимъ краснословіемъ, тоже никому не обиднымъ, а только каждому забавнымъ. Но этотъ къ слову прилагалъ иногда и дѣло. Послѣ многолѣтняго пребыванія за границею возвращается онъ въ Москву. Генералъ-губернаторъ, давнишній пріятель его, князь Д. В. Голицынъ приглашаетъ его на большой и нѣсколько официальный обѣдъ. Передъ обѣдомъ кто-то замѣчаетъ хозяину дома, что у Лунина какая-то странная орденская пряжка

на платьѣ. Князь Голицынъ, очень близорукій, подходитъ къ нему и, приставя лорнетку къ глазу, видитъ, что на этой пряжкѣ звѣзды всѣхъ Россійскихъ орденовъ, не исключая и Георгіевской. „Чѣмъ это ты себя, любезнѣйшій, разукрасилъ?“ спросилъ его князь съ своимъ извѣстнымъ отрывистымъ смѣхомъ.—„Ахъ, это дуракъ Николашка, камердинеръ мой, все это мнѣ пришпилилъ“.— „Хорошо (сказалъ князь), но все же лучше снять“. Разумѣется, такъ и было сдѣлано.

Левъ Пушкинъ (братъ Александра) разсказывалъ, что однажды зашла у него рѣчь съ Катенинымъ о Крыловѣ. Катенинъ сильно нападалъ на баснописца и почти отрицалъ дарованіе его. Пушкинъ, разумѣется, опровергалъ нападки. Катенинъ, извѣстный самолюбіемъ своимъ и заносчивостію рѣчи, все болѣе и болѣе горячился. „Да у тебя, вѣрно, какая нибудь личность противъ Крылова“.— „Нисколько. Сужу о немъ и критикую его съ одной литтературной точки зрѣнія“. Споръ продолжался. „Да онъ и не хорошій человѣкъ (сорвалось у Катенина съ языка): при избраніи моемъ въ Академію, этотъ подлецъ, одинъ изо всѣхъ, положилъ мнѣ черный шаръ“.

Александръ Пушкинъ былъ во многихъ отношеніяхъ внимательный и почтительный сынъ. Онъ готовъ былъ даже на нѣкоторыя самопожертвованія для родителей своихъ; но не въ его натурѣ было быть хорошимъ семьяниномъ: домашній очагъ не привлекалъ и не удерживалъ его. Онъ во время разлуки, рѣдко писалъ къ родителямъ; рѣдко и бывалъ у нихъ, когда живалъ съ ними въ одномъ городѣ. „Давно ли видѣлъ ты отца?“ спросилъ его однажды NN.— „Недавно“.— „Да какъ ты понимаешь это? Можетъ быть ты недавно видѣлъ его во снѣ?“. Пушкинъ былъ очень доволенъ этою увертkою и смѣясь сказалъ, что для успокоенія совѣсти усвоитъ ее себѣ.

Отецъ его, Сергѣй Львовичъ, былъ также въ своемъ родѣ нѣжный отецъ, но нѣжность его черствѣла въ виду выдачи денегъ. Вообще былъ онъ очень скупъ и на себя, и на всѣхъ домашнихъ. Сынъ

его Левъ, за обѣдомъ у него, разбилъ рюмку. Отецъ вспылилъ и цѣлый обѣдъ проворчалъ. „Можно ли (сказалъ Левъ) такъ долго сѣтовать о рюмкѣ, которая стоитъ 20 копѣекъ“?—Извините, сударь (съ чувствомъ возразилъ отецъ), не двадцать, а тридцать-пять копѣекъ!“

Я не даромъ презираю людей (говорилъ кто-то): это стоитъ мнѣ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, которыя роздалъ я неблагодарнымъ.

Графиня Хотекъ бабушка нынѣшняго принца Клари, который владѣетъ Теплицемъ и женатъ на нашей полу-соотечественницѣ графинѣ Фикельмонъ, оставила по себѣ записки. Главнѣйшее содержаніе ихъ относится до поѣздки изъ Вѣны въ Венецію въ 1782 г. Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, или графа и графини Сѣверныхъ. Графъ Хотекъ былъ назначенъ Австрійскимъ императоромъ къ Ихъ Высочествамъ, а жена его послѣдовала за нимъ. Извлекаемъ изъ этихъ доселѣ остающихся въ рукописи записокъ (сообщенныхъ намъ принцемъ Клари) нѣкоторыя подробности, не лишенныя занимательности. Къ сожалѣнію, въ этихъ запискахъ мало нескромностей, которыми прилакомили насъ новѣйшія лѣтописи, въ этомъ родѣ изданныя. Вообще въ старое время было болѣе совѣстливости, застѣнчивости и опасенія проговориться; чѣмъ выше было поставлено лицо, тѣмъ осторожнѣе и сдержаннѣе отзывались о немъ даже и въ дневникахъ, не писанныхъ для публики, а единственно для себя. Вотъ тому примѣръ. „Не помню названія того мѣстечка, гдѣ мы обѣдали (говоритъ между прочимъ графиня Хотекъ), но очень помню замѣчательный разговоръ нашъ съ Великою Княгинею. Я была удивлена довѣренностью, съ которою она обращалась ко мнѣ послѣ осьмидневнаго знакомства. Довѣренность эта не будетъ обманута: слышанное мною въ этотъ день никогда не выйдетъ изъ памяти моей и никому другому извѣстно не будетъ (jamais ce que j'entendis ce jour-là ne sortira de ma mémoire, ni ne sera su que

de moi). Это очень почтенно, но и очень досадно. Открывается обширное поле догадкамъ, но нигдѣ нельзя съ достовѣрностью остановиться.

Графиня Хотекъ съ большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ говоритъ о Великомъ Князѣ и особенно о Великой Княгинѣ, съ которою она и чаще была и ближе имѣла случай ознакомиться.

„Великій Князь благоволилъ прочесть намъ нѣсколько отрывковъ изъ дневника своего, замѣчательно хорошо написанныхъ“.

„Однажды Великая Княгиня прервала, по счастью, чтеніе газетъ и разсказала намъ много въ высшей степени занимательныхъ подробностей о своей молодости, воспитаніи, о своемъ образѣ мыслей, о легкости и понятливости своей, такъ что девяти лѣтъ она знала геометрію.“

„Передъ ужиномъ Великая Княгиня читала намъ вслухъ нѣкоторыя мѣста Похвальнаго Слова Плинія Траяну. Выборъ отрывковъ и выразительность, съ которою она читала, равно говорили въ пользу ума ея и сердца“.

Въ Россіи Императрица оставила по себѣ память о своей благотворительности и строгой точности, съ которою исполняла она добровольно принятыя ею на себя обязанности по управленію воспитательными и богоугодными заведеніями; она была администраторъ въ высшемъ и полномъ значеніи этого слова, примѣръ и образецъ всѣмъ администраторамъ. Но мы мало знаемъ частныя свойства ума ея, образованность его и богатыя начала, на которыя этотъ умъ опирался. Приведенныя замѣтки нѣсколько пополняютъ этотъ пробѣлъ. Лести здѣсь быть не можетъ.

„За обѣдомъ сидѣла я возлѣ Великаго Князя: рѣчь зашла о жизни и разныхъ возрастахъ ея. „Затвердите въ памяти своей слова мои (сказалъ онъ мнѣ): я не достигну до сорока пяти лѣтъ“. Въ словахъ его, думаю, не было никакого намека и задней мысли, а просто имѣлъ онъ въ виду слабость сложенія своего.

„Послѣ обѣда заговорили о музыкѣ. Императоръ Австрійскій и Великій Князь пропѣли дилеттантами (dilettants de qualité) арію изъ оперы Орфей и Альцеста“.

Не знаемъ, что за голосъ былъ у Іосифа II-го, но по преданіямъ голосъ Великаго Князя былъ вѣроятно не очень музыкаленъ.

Въ свитѣ Ихъ Высочествъ находились маіоръ Плещеевъ, Бенкендорфъ съ женою, докторъ Крузе, дѣвица Teodossi Basilio (вѣроятно, какая нибудь Ѳедосья Васильевна), Брюнетта (Brunette), камеръ-юнфера Бертоме, парикмахеръ, фрейлины Нелидова и Борщова. Къ свитѣ принадлежали, но отправлялись всегда днемъ позже Салтыковъ съ женою, князья Куракинъ и Юсуповъ, и Вадковскій.

Изъ словъ графини Хотекъ можно предполагать, что Великая Княгиня не очень жаловала эту дополнительную свиту, со включеніемъ Нелидовой и Борщовой. Вотъ что говоритъ графиня Хотекъ: „Пріѣздъ ихъ (т.-е. выше-поименованныхъ лицъ) видимо былъ непріятенъ Великой Княгинѣ. Она всегда хотѣла быть съ одною г-жею Бенкендорфъ. Не желая ужинать съ ними, она велѣла подать себѣ что нибудь закусить, сказавъ, что за ужинъ не сядетъ. Но ѣсть не было никакой возможности: мы обѣдали въ три часа, а было не позднѣе шести часовъ, такъ что я въ этотъ день легла въ постель голодная".

Вотъ нѣсколько подробностей о пребываніи въ Венеціи.

„Рано отправилась я къ графинѣ Сѣверной, чтобы имѣть честь сопровождать ее въ Арсеналъ. Мы пробыли въ немъ шесть часовъ, осматривая въ подробности все достойное замѣчанія. Болѣе всего поразила насъ кузница. Она очень обширна и при насъ была озарена сіяніемъ раскаленнаго якоря въ 5000 фунтовъ, на который врѣзывали крестъ. Работами въ Арсеналѣ занимаются ежедневно 2000 человѣкъ. Они рѣдко выходятъ изъ арсенальной ограды, задѣльную плату получаютъ умѣренную, но за то вдоволь вина, смѣшаннаго съ двумя третями воды. Раздача эта дѣлается въ большомъ порядкѣ: что нечаянно перейдетъ черезъ край, спускается въ большой чанъ и тоже выпивается. Большія залы были украшены трофеями, орудіями, прекрасными и рѣдкими свѣжими цвѣтами въ честь Великой Княгини, которая очень ихъ любитъ. Кавалеру Эмо было поручено объяснять Ихъ Высочествамъ всѣ предметы, возбуждавшіе любознательность ихъ. Онъ—во главѣ морскаго управленія и очень уважаемъ въ Венеціи за познанія свои по этой части. Послѣ спустили въ воду бученторе, на которомъ мы находились. Движеніе было чуть замѣтное, такъ что одни крики и восклицанія народа дали намъ почувствовать, что мы сдвинулись

съ мѣста. Бученторе покрытъ позолотою и ваяніями. На краю корабля изображенъ св. Марко, покровитель и угодникъ Венеціи. Противъ него, на другой сторонѣ, кресло, на которомъ возсѣдаетъ дожъ въ праздникъ Вознесенія Господня; спинка спускается, и оттуда дожъ бросаетъ кольцо въ море. При насъ кидали одинъ устричныя раковины, потому что угощали насъ арсенальскими устрицами, пользующимися общею извѣстностью. Особенно удивило меня въ тотъ день уваженіе, которое внушаетъ толпѣ каждый служитель полиціи. Въ ту минуту, когда мы взошли на бученторе пробѣжалъ по толпѣ шумъ, который Итальянцы называютъ sussuro (шушуканье). Одинъ изъ fanti dell'inquisitione надѣлъ на голову красный колпакъ, украшенный червонцемъ и вынутый изъ кармана, и мгновенно воцарилась такая тишина, что можно бы услышать полетъ мухи."

Праздники, данные для высочайшихъ гостей, отличались роскошью и пышностью, а по мѣстнымъ условіямъ Венеціи и поразительною своеобразностью. Венеція городъ декораціонный, словно нарочно выстроенный для празднествъ, особенно ночныхъ. Синее небо, вода, палаццы, храмы, подвижное, пестрое народонаселеніе такъ и просятся въ эту роскошную раму волшебной картины. Былъ великолѣпный балъ въ театрѣ святаго Венедикта. Въ Италіи и театры сооружаются подъ покровомъ святыхъ. Что сказалъ бы высокопреосвященный Филаретъ, если бы въ Москвѣ обозначили новое зданіе театра именемъ, взятымъ изъ святцевъ? Онъ, который не хотѣлъ освятить тріумфальные ворота, потому что на нихъ изображены какія-то аллегорическія баснословныя фигуры, и ходатайствовалъ о запрещеніи оперы *Моисей* и о снятіи съ магазина надписи на вывѣскѣ: au pauvre diable (извѣстной Французской поговорки), такъ что на вывѣскѣ долго оставалось au pauvre и точки. Была регата, гонка гондолъ и легкихъ судовъ. Венеціанская аристократическая молодежь снаряжаетъ щегольскія, красивыя осмивесельныя лодки. Матросы одѣты съ большимъ разнообразіемъ и вкусомъ; хозяинъ барки—на колѣняхъ на подушкахъ или лежитъ на нихъ. Въ рукахъ имѣютъ они маленькіе луки, изъ которыхъ стрѣляютъ катышками теста, чтобы удалять барки, не принадлежащія къ регатѣ. Для Ихъ Императорскихъ Высочествъ (раз-

сказываетъ графиня Хотекъ) устроена была особенная крытая лодка, которую называютъ peotte, очень красиво убранная. Вдоль большаго канала всѣ окна домовъ были обвѣшаны богатыми коврами; изъ всѣхъ оконъ выглядывали лица. Народа вездѣ было множество; на крышахъ стояли люди въ красныхъ плащахъ. Гондолы и барки, наполненныя дамами въ маскахъ, скользили и шмыгали вдоль и поперекъ. Веселость народа, восклицанія, крики мальчишекъ-шалуновъ, гулъ, гамъ, все это вмѣстѣ порождаетъ впечатлѣніе, которое выразить нельзя: нужно самому быть зрителемъ такой живой и одушевленной картины, чтобы понять всю ея самобытную и странную прелесть.

Оригинальнѣйшій изъ всѣхъ былъ праздникъ, устроенный на площади св. Марка, мѣстѣ единственномъ въ своемъ родѣ. Ни величавый Римъ, ни живописный Царьградъ не имѣютъ ничего подобнаго. Зала, обведенная стѣнами стройныхъ и высокихъ зданій подъ открытымъ небомъ, а въ глубинѣ ея величественная громада храма св. Марка. Впрочемъ эта площадь, начиная съ вечера и далеко за полночь, имѣетъ ежедневно праздничный видъ. Это сборное мѣсто всѣхъ Венеціанскихъ полуночниковъ и полуночницъ. Тутъ и высшая аристократія, и полуодѣтая чернь, аббаты и красавицы со всѣхъ ступеней общественной лѣстницы, и строгая мать съ цѣломудренною дочерью, и всѣ возможныя дочери безъ матерей и безъ цѣломудрія. Эта площадь можетъ сказать съ Державинымъ:

А я, проспавши до полудня,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою.

Но возвратимся къ графинѣ Хотекъ. Вотъ что говоритъ она объ этомъ вечернемъ и ночномъ праздникѣ. „Предъ зданіемъ прокураторовъ построили прекрасное деревянное помѣщеніе съ тремя комнатами, богато убранными, съ позолотою и зеркалами, какъ будто все это построено на продолжительное время, а не на нѣсколько часовъ. Остальная часть площади была обстановлена амфитеатромъ и приготовлена для иллюминаціи и фейерверка. Праздникъ начался проѣздомъ пяти аллегорическихъ колесницъ. Послѣ былъ бѣгъ быковъ, преслѣдуемыхъ собаками. Это продолжалось

довольно долго и было довольно посредственно и скучно; но нужно было чѣмъ нибудь занять зрителей до темноты, т.-е. до освѣщенія и сожженія потѣшныхъ огней. Видъ площади былъ очаровательный и восхитительный. Въ извѣстный часъ народъ былъ впущенъ на арену; въ теченіи нѣсколькихъ минутъ нахлынуло до пятнадцати тысячъ человѣкъ. Всѣ они гуляли, не толпясь, не тѣсняясь, безъ малѣйшаго шума, ни мало не безпокоя сидящихъ на скамейкахъ. Непонятно было при подобномъ наплывѣ и движеніи, какъ могли обойтись безъ солдатъ, чтобы сдерживать такую толпу. Венеціанцы очень гордятся этимъ добровольнымъ порядкомъ, свидѣтельствующимъ о кротости правительства; но подобныя тишина и спокойствіе въ народѣ, который отъ природы такъ подвиженъ и живъ, могутъ быть и слѣдствіемъ страха, и въ такомъ случаѣ служитъ свидѣтельствомъ совершенно противоположнымъ. Великая Княгиня уѣзжала домой ужинать. Въ отсутствіе ея былъ данъ великолѣпный ужинъ всему дворянству. Когда Великая Княгиня возвратилась, начались танцы. Вообще съ трудомъ можно привыкнуть къ манерамъ и кокетству (чтобы не сказать болѣе) Венеціанскихъ дамъ. Особенно же въ танцахъ разныя ихъ ужимки и ухватки таковы, что и на театрѣ показались бы очень неумѣстными. Но со стороны смотрѣть на это очень любопытно и забавно. Въ особенности есть у нихъ національная пляска furlana, которая не очень благопристойна. На этомъ балѣ имѣла я честь откланяться Ея Высочеству. Она и Великій Князь удостоили меня самыми лестными и ласковыми выраженіями. Великой Княгинѣ очень хотѣлось, чтобы я оставалась при ней во время дальнѣйшаго путешествія, и она намѣревалась писать о томъ императору; но обстоятельства не дозволяли мнѣ согласиться на это предложеніе. Графъ и Графиня Сѣверные отправились въ Падую“.

Дуэтъ, пропѣтый Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ и Австрійскимъ Императоромъ (о которомъ говорено выше) напоминаетъ мнѣ другой дуэтъ, еще болѣе оригинальный и который отклонилъ отъ Россіи войну противъ Англіи. Слѣдующій разсказъ передается со словъ графа Растопчина, лично слышанныхъ. Импе-

раторъ Павелъ очень прогнѣвался однажды на Англійское министерство. Въ первую минуту гнѣва посылаетъ онъ за графомъ Растопчинымъ, который завѣдывалъ въ то время внѣшними дѣлами. Онъ приказываетъ ему изготовить немедленно манифестъ о войнѣ съ Англіею. Растопчинъ, пораженный какъ громомъ такою неожиданностью, начинаетъ, со свойственною ему откровенностью и смѣлостью въ отношеніяхъ къ Государю, излагать передъ нимъ всю несвоевременность подобной войны, всѣ невыгоды и бѣдствія, которымъ можетъ она подвергнуть Россію. Государь выслушиваетъ возраженія, но на нихъ не соглашается и имъ не уступаетъ. Растопчинъ умоляетъ Императора по крайней мѣрѣ нѣсколько обождать, дать обстоятельствамъ возможность и время принять другой, болѣе благопріятный оборотъ. Всѣ попытки, всѣ усилія министра напрасны: Павелъ, отпуская его, приказываетъ ему поднести на другой день утромъ манифестъ къ подписанію. Съ сокрушеніемъ и скрѣпя сердце, Растопчинъ вмѣстѣ съ секретарями своими принимается за работу. На другой день отправляется онъ во дворецъ съ докладомъ. Пріѣхавъ, спрашиваетъ онъ у приближенныхъ, въ какомъ духѣ Государь. Не въ хорошемъ, отвѣчаютъ ему. Входитъ онъ въ кабинетъ Государя. При дворѣ хотя тайны повидимому и хранятся герметически закупоренными, но все же частичками онѣ выдыхаются, разносятся по воздуху и слѣдъ свой въ немъ оставляютъ. Всѣ приближенныя къ Государю лица, находившіяся въ пріемной предъ кабинетомъ комнатѣ, ожидали съ взволнованнымъ любопытствомъ и трепетомъ исхода этого доклада. Онъ начался. По прочтеніи нѣкоторыхъ бумагъ, Государь спрашиваетъ: А гдѣ же манифестъ?—Здѣсь, отвѣчаетъ Растопчинъ (онъ уложилъ его на дно портфеля, чтобы дать себѣ время осмотрѣться и, какъ говорятъ, ощупать почву). Дошла очередь и до манифеста. Государь очень доволенъ редакціей. Растопчинъ пытается опять отклонить царскую волю отъ мѣры, которую признаетъ пагубною; но краснорѣчіе его также безуспѣшно, какъ и наканунѣ. Императоръ беретъ перо и готовится подписать манифестъ. Тутъ блеснулъ лучъ надежды зоркому и хорошо изучившему Государя главу Растопчина. Обыкновенно Павелъ скоро и какъ-то порывисто подписывалъ имя свое. Тутъ онъ подписываетъ

медленно, какъ бы рисуетъ каждую букву. Затѣмъ говоритъ онъ Растопчину: А тебѣ очень не нравится эта бумага?—Не умѣю и выразить, какъ не нравится.—Что̀ готовъ ты сдѣлать, чтобы я ее уничтожилъ?—А все что̀ будетъ угодно Вашему Величеству, например пропѣть арію изъ Итальянской оперы. (Тутъ онъ называетъ арію, особенно любимую Государемъ, изъ оперы, имя которой не упомню).—Ну такъ пой! говоритъ Павелъ Петровичъ. И Растопчинъ затягиваетъ арію съ разными фіоритурами и колѣнцами. Императоръ подтягиваетъ ему. Послѣ пѣнія онъ раздираетъ манифестъ и отдаетъ лоскутки Растопчину. Можно представить себѣ изумленіе тѣхъ, которые въ сосѣдней комнатѣ ожидали съ тоскливымъ нетерпѣніемъ, чѣмъ разразится этотъ докладъ.

Въ одномъ маленькомъ Французскомъ журналѣ разсказываются два слѣдующіе анекдота изъ царствованія Павла.

Пажъ Копьевъ бился объ закладъ съ товарищами, что онъ тряхнетъ косу Императора за обѣдомъ. Однажды, будучи при немъ дежурнымъ за столомъ, схватилъ онъ государеву косу и дернулъ ее такъ сильно, что Государь почувствовалъ боль и гнѣвно спросилъ кто это сдѣлалъ. Всѣ въ испугѣ. Одинъ пажъ не смутился и спокойно отвѣчалъ: „Коса Вашего Величества криво лежала, я позволилъ себѣ выпрямить ее“.—Хорошо сдѣлалъ, сказалъ Государь, но все же могъ бы ты сдѣлать это осторожнѣе“. Тѣмъ все и кончилось.

Въ другой разъ Копьевъ бился объ закладъ, что онъ понюхаетъ табаку изъ табакерки, которая была украшена бриллiантами и всегда находилась при Государѣ. Однажды утромъ подходитъ онъ къ столу возлѣ кровати Императора, почивающаго на ней, беретъ табакерку, съ шумомъ открываетъ ее и, взявъ щепотку табаку, съ усиленнымъ фырканьемъ суетъ въ носъ. „Что̀ ты дѣлаешь, пострѣлъ?“, съ гнѣвомъ говоритъ проснувшійся Государь.—„Нюхаю табакъ, отвѣчаетъ Копьевъ. Вотъ восемь часовъ что дежурю; сонъ начиналъ меня одолѣвать. Я надѣялся, что это меня освѣжитъ и подумалъ лучше провиниться передъ этикетомъ, чѣмъ передъ служебною обязанностью“.—„Ты совершенно правъ, говоритъ Павелъ, но какъ эта табакерка мала для двухъ, то возьми ее себѣ“.

Анекдотъ о косѣ извѣстенъ въ Россіи; но, кажется, смѣлую шалость эту приписывали князю Александру Николаевичу Голицыну. Другой анекдотъ не очень правдоподобенъ, но вѣроятно и онъ перешелъ къ Французамъ изъ Россіи. Не ими же выдуманъ онъ. Откуда имъ знать Копьева? Копьевъ былъ большой проказникъ, это извѣстно. Что онъ не сробѣлъ бы выкинуть такую штуку, и это не подлежитъ сомнѣнію; но былъ ли онъ въ томъ положеніи, чтобы подобная проказа была доступна ему? Вотъ вопросъ. И отвѣтъ, кажется, долженъ быть отрицательный. Сколько намъ извѣстно, Копьевъ никогда не былъ камерпажемъ и по службѣ своей не находился вблизи ко Двору.

Копьевъ былъ столько же извѣстенъ въ Петербургѣ своими остротами и проказами, сколько и худобою своей крѣпостной и малокормленной четверни. Однажды ѣхалъ онъ по Невскому Проспекту, а Сергѣй Львовичъ Пушкинъ (отецъ поэта) шелъ пѣшкомъ по тому же направленію. Копьевъ предлагаетъ довести его. „Благодарю (отвѣчалъ тотъ), но не могу: я спѣшу“.

Уваровъ (Ѳедоръ Петровичъ) иногда удачно поражалъ Французовъ на полѣ сраженія, но еще удачнѣе и убійственнѣе поражалъ французскій языкъ въ разговорѣ. Охота была смертная, а участь горькая. Извѣстенъ отвѣтъ его, Наполеону, когда тотъ спросилъ его кто командовалъ Русской конницей въ блестящей атакѣ въ какомъ-то сраженіи:—Je, sire.

Графъ Головкинъ, родившійся и воспитавшійся за-границею, плохо говорилъ по-русски, но любилъ иногда щеголять своимъ отечественнымъ языковѣдѣніемъ. Когда собирался онъ ѣхать посломъ въ Китай, кто-то подслушалъ разговоръ двухъ этихъ личностей. *Уваровъ*: Je vous en prie, mon neveu à la Kitay. *Графъ Головкинъ*: Непремѣнно, непремѣнно приму его на Хину.

Нелединскій не былъ исключителенъ въ оцѣнкѣ человѣческихъ побужденій и въ разрѣшеніи психическихъ задачъ. Однажды говорили о лихоимствѣ и взяткахъ. Разумѣется, никто ихъ не защи-

щалъ; но вотъ что сказалъ Нелединскій: „Мнѣ часто бываетъ совѣстно, когда, допрашивая себя, приговариваю къ законному наказанію подсудимаго взяточника. Я имѣю твердое и сознательное убѣжденіе, что милліонами рублей не подкупить ни въ какомъ дѣлѣ голоса моего въ Сенатѣ; но приди ко мнѣ красавица и умоляй она меня со слезами подать голосъ въ пользу ея, по дѣлу, подлежащему разсмотрѣнію Сената: я неувѣренъ, что могу всегда устоять противъ сердечнаго обольщенія. А такое обольщеніе не та же ли уступка совѣсти и посягательства на правосудіе?“

Въ царствованіе Императора Павла, вслѣдствіе какого-то безпорядка при разъѣздѣ каретъ, графъ Кутайсовъ требовалъ, чтобы кучеръ Неѣлова былъ немедленно отправленъ въ полицію. „Помилуйте, ваше сіятельство, возразилъ Неѣловъ, дайте мнѣ хотя домой доѣхать; а послѣ отдамъ кучера въ полное ваше распоряженіе: можете, пожалуй, ему и лобъ *забрить*.

Говорили въ Москвѣ (въ началѣ 1820 годовъ) о полицмейстерѣ, и кто-то замѣтилъ, что онъ не знаетъ Французскаго языка.—Какъ не знаетъ, знаетъ очень хорошо, сказалъ Неѣловъ. Каждое утро, когда соберутся у него полицейскіе чиновники, и даетъ онъ имъ приказанія свои, онъ всегда оканчиваетъ Французскимъ романсомъ и поетъ имъ:

Vous mé quittez pour aller à la gloire.
Mon tendre coeur suivra partout vos pas.
Allez, volez au temple de mémoire:
Allez, volez, mais ne m'oubliez pas.

Неѣловъ—основатель стихотворческой школы, послѣдователями коей были Мятлевъ и Соболевскій; только вообще онъ былъ скромнѣе того и другаго. Въ теченіи едва ли не полувѣка, малѣйшее житейское событіе въ Москвѣ имѣло въ немъ присяжнаго пѣснопѣвца. Шуточные и сатирическіе стихи его были почти всегда неправильны, но за то всегда забавны, остры и метки. Въ обще-

ствѣ, въ Англійскомъ клубѣ, на балахъ, онъ по горячимъ слѣдамъ импровизировалъ свои четверостишія. Жаль, что многія, лучшія изъ нихъ не укладываются въ печатный станокъ. Попробуемъ выручить у своевольной Музы его хоть что нибудь, чтобы дать незнавшимъ ея понятіе о томъ, чѣмъ забавляла она современниковъ. Вотъ что писалъ онъ родственницѣ, у которой намѣревался остановиться по пріѣздѣ своемъ въ Москву:

Племянница моя, княгиня Горчакова,
Которая была всегда страхъ безтолкова,
Пожалуста найми меня ты въ первый разъ
И на стихи мои ты вытаращи глазъ.
Пріѣду я одинъ, безъ моего семейства,
Квартира мнѣ нужна не какъ адмиралтейство;
Но комната одна, аршина въ три длины,
Гдѣ бъ могъ я ночью спать, не корчивши спины.

А вотъ и любовные его стихи:

Если Лёля взглянетъ,
Изъ жилета тянетъ
Мое сердце вонъ.

Солнцевъ былъ представленъ Юсуповымъ въ камергеры. Въ Петербургѣ нашли, что по чину его достаточно ему и званія камеръ-юнкера. Но Солнцевъ, кромѣ того, что уже былъ въ степенныхъ лѣтахъ, пользовался еще вдоль и поперекъ такимъ объемистымъ туловищемъ, что юношеское званіе камеръ-юнкерства никакъ не подходило ни къ лицу его, ни къ росту. N N говорилъ, что онъ не только сановитъ, но и *слоновитъ*. Князь Юсуповъ сдѣлалъ новое представленіе на основаніи физическихъ уваженій, которое и было утверждено: Солнцевъ наконецъ пожалованъ ключемъ. Вся эта продѣлка не могла ускользнуть отъ лѣтописца, подобнаго Нѣлову. Онъ записалъ въ свой Московскій Временникъ слѣдующее четверостишіе:

Чрезъ дядю, брата или друга
Иной по службѣ дастъ скачекъ;
Другаго вывезетъ сестра или супруга.
Но онъ сталъ камергеръ чрезъ собственный пупокъ.

Отъ чего, послѣ несчастнаго приключенія своего, Х. сталъ еще спѣсивѣе и болѣе думаетъ о себѣ, чѣмъ прежде?—На основаніи Русской пословицы, сказалъ N N: за битаго двухъ небитыхъ даютъ.

Въ старыхъ комедіяхъ Французскихъ встрѣчаются благотворительные дяди изъ Америки, которые ножиданно падаютъ золотымъ дождемъ на бѣдныхъ родственниковъ и тѣмъ даютъ имъ возможность соединяться браками съ предметами ихъ любви. Въ старой Москвѣ являлись подобные благодѣтельные дяди: неизвѣстные дотолѣ богатые помѣщики, которые какъ снѣгъ на голову падали изъ какой нибудь дальней губерніи. Они поселялись въ Москвѣ и угощали ее своимъ хлѣбосольствомъ, увеселеніями и праздниками. Одинъ изъ послѣднихъ таковыхъ дядей былъ Позняковъ. Онъ пріѣхалъ въ первопрестольную столицу потѣшать ее своими рублями и крѣпостнымъ театромъ. Онъ купилъ домъ на Никитской (нынѣ принадлежащій князю Юсупову) устроилъ въ немъ зимній садъ, театральную залу съ ложами и зажилъ что называется домомъ и барином: пошли обѣды, балы, спектакли, маскарады. Спектакли были очень недурны, потому что въ доморощенной труппѣ находились актеры и пѣвцы не безъ дарованій. Часто смѣялись и смѣются и нынѣ надъ этими полубарскими затѣями. Они имѣли свою и хорошую сторону. Ужъ если есть законное крѣпостное состояніе, то устройство изъ дворни своей пѣвческихъ хоровъ, инструментальныхъ оркестровъ и актеровъ не есть еще худшее самовластительное злоупотребленіе помѣщичьяго права. Эти затѣи прививали дворнѣ нѣкоторое просвѣщеніе, по крайней мѣрѣ грамотность; если не любовь къ искусствамъ, то по крайней мѣрѣ ознакомленіе съ ними. Это все-таки развивало въ простолюдинахъ человѣческія понятія и чувства, смягчало нравы и выводило дворовыхъ людей на Божій свѣтъ; они затверживали наизустъ слова и мысли Фонъ-Визина или Коцебу, сливались хотя на минуту съ лицами изъ другой среды, на минуту воплощали въ себя лица, такъ сказать, другого міра. Отъ этого скоморошества должны были неминуемо западать въ нихъ нѣкоторыя благія сѣмена, которыя въ иныхъ

оставались не произрастительными, а въ другихъ хотя и рѣдко, отзывались впослѣдствіи плодоносною жатвою. Эти полубарскія затѣи могли имѣть и на помѣщиковъ благодѣтельное вліяніе: музыка, театральныя представленія отвлекали ихъ отчасти отъ псовой охоты, картъ и попоекъ. Но пора возвратиться къ Познякову. Нечего и говорить, что на балахъ его, спектакляхъ и маскарадахъ не было недостатка въ посѣтителяхъ: вся Москва такъ и рвалась и называлась на приглашенія его.

Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?

говоритъ Чацкій. Только напрасно сваливаетъ онъ это исключительно на голову Москвы.

Таковъ, Фелица, я развратенъ,
Но на меня весь свѣтъ похожъ,

сказалъ Державинъ, котораго взглядъ на свѣтъ и на людей былъ безпристрастнѣе и разсудительнѣе взгляда Чацкаго. Какъ бы то ни было, Позняковъ самодовольно угощалъ Москву въ своихъ покояхъ и важно на маскарадахъ своихъ расхаживалъ наряженный не то Персіяниномъ, не то Китайцемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что о немъ говорится въ *Горе отъ Ума:*

На лбу написано: театръ и маскарадъ.

Не забылъ Грибоѣдовъ и бородача, который во время бала, въ тѣни померанцевыхъ деревьевъ *щелкалъ соловьемъ*:

Пѣвецъ зимой погоды лѣтней.

Все это очень забавно, но что же тутъ худаго?

Если кому Богъ даровалъ способность свистать и щелкать соловьемъ, почему же ему не пользоваться этимъ даромъ, какъ пѣвцу голосомъ своимъ, скрипачу смычкомъ? Но вотъ что ускользнуло отъ эпиграммъ и злорѣчія Чацкаго, а въ этомъ есть высоко-комическая черта. Къ Московскому хлѣбосолу и увеселителю добровольно прикомандировалъ себя нѣкто г-нъ Лунинъ (не изъ фамиліи извѣстныхъ Луниныхъ). Онъ былъ при немъ въ родѣ гофмаршала или камергера: хозяйничалъ при дворѣ его, приглашалъ на празднества и пр. Въ Москву ожидали Турецкаго или Персидскаго посла. Разумѣется, Позняковъ не могъ пропустить

эту *вѣрную оказію* и занялся приготовленіями къ великолѣпному празднику, въ честь именитаго восточнаго гостя. Къ сожалѣнію смерть застала его въ приготовленіяхъ къ этой тысячи и одной ночи. Посолъ пріѣзжаетъ въ Москву и Лунинъ къ нему является. Онъ докладываетъ о предполагаемомъ праздникѣ и о томъ, что Позняковъ извиняется передъ посломъ: за приключившеюся смертью его праздникъ состояться не можетъ.

Когда передъ 1812-мъ годомъ былъ выстроенъ въ Москвѣ большой театръ, графъ Растопчинъ говорилъ, что это хорошо но недостаточно: нужно купить еще 2000 душъ, приписать ихъ къ театру и завести между ними родъ подушной повинности, такъ чтобы по очереди высылать по вечерамъ народъ въ театральную залу: на одну публику надѣяться нельзя.— Страсть къ театру развилась въ публикѣ позднѣе; но и тогда уже были театралы и страстные сторонники то Русскихъ актеровъ, то Французскихъ. Въ числѣ первыхъ былъ нѣкто Гусятниковъ, человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ и вообще очень скромный. Онъ вышелъ изъ купеческаго званія, но мало по малу приписался къ лучшему Московскому обществу и получилъ въ немъ осѣдлость. Онъ былъ большой поклонникъ пѣвицы Сандуновой. Она тогда допѣвала въ Москвѣ аріи, пѣтыя ею еще при Екатеринѣ II, и увлекала сердца, какъ во время оно она заколдовала сердце старика графа Безбородки, такъ что даже вынуждена была во время придворнаго спектакля жаловаться императрицѣ на любовныя преслѣдованія сѣдаго волокиты. Гусятниковъ былъ обожатель болѣе скромный и менѣе взыскательный. Въ то время, о которомъ говоримъ, пріѣхала изъ Петербурга въ Москву на нѣсколько представленій извѣстная Филисъ-Андріе. Русская театральная партія взволновалась отъ этого иноплеменнаго нашествія и вооружилась для защиты родного очага. Поклонникъ Сандуновой, Гусятниковъ, сталъ, разумѣется, во главѣ оборонительнаго отряда. Однажды пріѣзжаетъ онъ во Французскій спектакль, садится въ первый рядъ креселъ, и только что начинаетъ Филисъ рулады свои, онъ всенародно затыкаетъ себѣ уши, встаетъ съ креселъ и съ заткнутыми ушами торжественно проходитъ всю залу, кидая на-право и на-лѣво взгляды

презрѣнія и негодованія на недостойныхъ французолюбцевъ (какъ насъ тогда называли съ легкой руки Сергѣя Глинки, добраго и пламеннаго издателя *Русскаго Вѣстника*).

Мужъ Сандуновой былъ тоже актеръ, публикою любимый. Одновременно братъ его былъ извѣстный оберъ-секретарь. Братья были дружны между собою, что не мѣшало имъ подтрунивать другъ надъ другомъ. „Что это давно не видать тебя?“ говоритъ актеръ брату своему. — „Да меня видѣть трудно“, отвѣчалъ тотъ: „утромъ сижу въ Сенатѣ, вечеромъ дома за бумагами; вотъ тебя, дѣло другое, каждый, когда захочетъ, можетъ увидѣть тебя за полтинникъ“. — „Разумѣется“, говоритъ актеръ, „къ вашему высокородію съ полтинникомъ не сунешься“.

Кто-то говорилъ, что онъ желаетъ умереть не въ надеждѣ, что будетъ лучше, а что по крайней мѣрѣ будетъ иначе. Молодой стихотворецъ приноситъ къ опытному критику два стихотворенія свои съ просьбою сказать ему, которое изъ нихъ можно напечатать. По выслушаніи перваго стихотворенія, критикъ не обинуясь говоритъ стихотворцу: печатайте второе!

Австрійскій посолъ при Оттоманской Портѣ (бывшій товарищъ нашего графа Бальмена на островѣ Святой Елены) графъ Стюрмеръ разсказывалъ, что однажды явился къ нему въ Константинополѣ Австрійскій подданный, очень хорошей фамиліи и зажиточный помѣщикъ. Въ разговорѣ объяснилъ онъ, что намѣренъ поселиться въ Турціи, принять Турецкое подданство и обратиться въ Магометанскую вѣру. На это графъ Стюрмеръ сказалъ ему, что не считаетъ себя въ правѣ противодѣйствовать намѣренію его; но, какъ соотечественникъ, признаетъ обязанностью предостеречь его, что если онъ покушается на подобную мѣру изъ видовъ честолюбія, то можетъ крѣпко ошибиться въ разсчетѣ своемъ: рѣдко удается ренегатамъ достигнуть желанной цѣли; правительство мало имъ

довѣряетъ, а Турки ревнуютъ къ нимъ и смотрятъ на нихъ непріязненно.—Да я и не ищу честолюбивой цѣли, отвѣчаетъ пріѣзжій; я даже въ службу вступать не думаю.—Изъ чего же затѣваете вы все это дѣло?—Изъ религіознаго убѣжденія.—Противъ этого возражать мнѣ нечего, сказалъ посолъ.

Можно родиться поэтомъ, ораторомъ; но родиться критикомъ нельзя. Поэзія, краснорѣчіе—дары природы, критика—наука; ее слѣдуетъ изучать. И у дикихъ народовъ есть своя пѣсня и свое краснорѣчіе, но критическаго изслѣдованія у нихъ не найдешь. У насъ есть критики или критиканы, но критики нѣтъ. Рѣдкія попытки, рѣдкія исключенія въ счетъ не входятъ. У насъ завелись и развелись критиканы, потому что, по примѣру Европейской журналистики, понадобилось и въ нашихъ журналахъ имѣть отдѣленіе критики. Вотъ издатели и вербуютъ на эту работу горячихъ борзописцевъ, которымъ и море, и наука по колѣно. А на дѣлѣ выходитъ, что они почти ничего не знаютъ, мало читали не только изъ иностранной литтературы, но равно и изъ своей, кромѣ текущей, и то съ исключеніями смотря по погодѣ и приходу, къ которому они принадлежатъ. Лучшіе писатели наши еще не изслѣдованы, не оцѣнены. О нихъ идетъ говоръ, но рѣшающаго, окончательнаго голоса нѣтъ.

Кромѣ науки и многоязычнаго чтенія, для критика нуженъ еще вкусъ. Это свойство и врожденное, родовое и благопріобрѣтенное. Вкусъ, изящное чувство, какое-то тайное чутье, своего рода литтературная совѣсть. Въ иномъ она болѣе чутка и впечатлительна; въ другомъ черства и огрубѣла. Впрочемъ и вкусъ изощряется, совершенствуется ученіемъ, сравненіемъ и опытностію. Теперь ставятъ ни во что критики Мерзлякова; въ полномъ самодовольствѣ невѣжества пренебрегаютъ ими, смѣются надъ ними. Можно и должно не порабощаться суевѣрно критическимъ взглядамъ и законамъ Мерзлякова; но все же нельзя не признать въ немъ критика образованнаго, который говоритъ не на обумъ. Въ голосѣ и мнѣніяхъ его отзывается изученіе образцовъ, съ которыми знакомился онъ въ самомъ источникѣ. Есть чему научиться отъ

него, потому что и самъ онъ учился. Во Франціи Лагарпъ, какъ критикъ, устарѣлъ, но *Курсъ Литтературы* его какъ лѣтопись, какъ справочная классическая книга, несовершенно утратилъ свое значеніе и достоинство. У насъ теперь знаютъ о немъ по отзывамъ литературныхъ выскочекъ, которые на лабазномъ языкѣ своемъ, какъ говоритъ Дмитріевъ, или вѣрнѣе на холопскомъ, толкуютъ съ презрѣніемъ о *лагарповщинѣ*. Во Франціи, въ нѣкоторомъ отношеніи, критика ушла впередъ отъ Лагарпа; у насъ она до Лагарпа еще не дошла.

Луи Филиппъ часто сѣтовалъ съ огорченіемъ о нерасположеніи къ нему одного изъ могущественнѣйшихъ Европейскихъ владыкъ. Тьеръ старался успокоивать его и наконецъ сказалъ ему: Да дѣлайте то, что академикъ Сюаръ дѣлалъ съ женою своею. — А что же онъ дѣлалъ?—Она была очень брюзглива и часто изыскивала средства тормошить и мучить его. Бывало ночью, когда онъ спитъ, она разбудитъ его и скажетъ: Сюаръ, я не люблю тебя.—Ничего, отвѣчалъ онъ, полюбишь послѣ; перевернется на бокъ и тутъ же заснетъ. Часа два спустя, она снова будитъ его и говоритъ: Сюаръ, я другаго люблю.—Ничего, отвѣчаетъ онъ, послѣ разлюбишь; перевернется на бокъ и опять засыпаетъ.

Кто-то спрашивалъ у сельскаго священника, отъ чего воспрещается отцу быть при крещеніи ребенка своего. Священникъ немного призадумался и наконецъ сказалъ: Полагаю отъ того, что совѣсть убиваетъ.

Дмитріевъ много читаетъ и большой скопидомъ на книги свои. Когда которой изъ нихъ не окажется, и онъ не помнитъ, кто зачиталъ ее, онъ посылаетъ слугу по списку всѣхъ своихъ знакомыхъ, къ каждому изъ нихъ, съ настойчивымъ требованіемъ возвратить взятую у него книгу. При поголовномъ обыскѣ виноватый отыщется.

Другой библіофилъ и библіоманъ, графъ Бутурлинъ, котораго библіотека въ Москвѣ до 1812 года пользовалась Европейскою извѣстностью, держался другаго правила: онъ никогда не выпускалъ изъ дома ни единой книги. Когда, по какимъ-либо уваженіямъ, онъ не признавалъ возможнымъ отказать лицу, просившему его одолжить книгою для прочтенія, онъ покупалъ другой экземпляръ этой книги и отдавалъ на жертву ситителю, свято соблюдая неприкосновенность своего книгохранилища. Въ страсти его къ книгамъ была и другая отличительная черта: онъ самъ читалъ ихъ и на разныхъ языкахъ. Книжная память его была изумительна: онъ помнилъ, на какой страницѣ находились мало-мальски любопытныя и замѣчательныя слова. До 1812 года, онъ не выѣзжалъ изъ Россіи и зналъ твердо разнообразныя мѣстныя нарѣчія Итальянскаго и Французскаго народонаселенія, зналъ наизустъ, до малѣйшей подробности, топографію Рима, Неаполя, Парижа. Онъ удивлялъ иностранцевъ своимъ энциклопедическимъ всевѣдѣніемъ: слушая его, они думали, что онъ много времени прожилъ въ той или другой мѣстности, и едва вѣрили, когда графъ признавался имъ, что онъ не выѣзжалъ еще изъ Россіи.

Изъ дорожнаго дневника одного путешественника выписываемъ слѣдующее:

1) На цѣлебныхъ водахъ, на берегу извѣстныхъ озеръ въ Швейцаріи, на всѣхъ лѣтнихъ пребываніяхъ, посѣщаемыхъ праздношатающимися Европейцами, мѣстная полиція, обязанная унимать шумъ и безчинства на улицѣ, должна бы обращать вниманіе и на домашніе шумы и безчинства, коимъ предаются Англичанки и Американки, употребляя во зло данныя имъ неуклюжія руки и фальшивые голоса. Нигдѣ нѣтъ спасенія отъ этихъ *злосчастныхъ Лауръ за клавесиномъ* (Смотри злосчастное стихотвореніе Державина). Съ утра до вечера, цѣлый день, гдѣ ни живи, по какой улицѣ ни ходи, вездѣ слышишь, какъ пищатъ, мяучатъ, скрыпятъ, дребезжатъ эти голоса и нестройно прыгаютъ и перестукиваются зазубренные клавиши. Воля ваша, а это прямое и нестерпимое посягательство на общественное спокойствіе и личную безопасность: это неминуемо

вредитъ здоровью, за которымъ обыкновенно съѣзжаются изъ разныхъ и дальнихъ странъ въ эти благодатныя убѣжища, осчастливленныя солнцемъ и ласкою природы.

2) Нѣмецкіе кучера удивительные мастера отыскивать горы тамъ, гдѣ на взглядъ простаго смертнаго никакой горы въ виду не имѣется. Если почва подымается на дюймъ, то они уже заблаговременно везутъ шагомъ; а если придется спуститься на одинъ дюймъ, тормазъ начинаетъ уже дѣйствовать. Какъ все это далеко отъ Русскаго крика: Съ горки на горку! Катай-валяй!

Il nous faut la guerre, il nous faut la guerre, mon cher Dénis, говоритъ Давыдову генералъ Эммануель: voyez un peu, en temps de paix, Vitt même, devient colossal (намъ нужна война, намъ нужна война, мой любезный Денисъ: въ мирное время, посмотри, и Виттъ становится колоссальнымъ).

Глубокая характеристическая черта выражается въ крутомъ переносѣ одного мѣстоимѣнія на другое. Въ разгаръ холеры въ Петербургѣ Л. говорилъ пріятелю своему: „А скверная вещь эта холера! Неожиданно нагрянетъ и все покончитъ. Того и смотри, что завтра зайдешь ты ко мнѣ, и скажутъ тебѣ, что я... то есть, я зайду къ тебѣ завтра и скажутъ мнѣ, что ночью умеръ ты отъ холеры“. Но этотъ предохранительный, грамматическій поворотъ не спасъ бѣднаго Л... Нѣсколько дней спустя послѣ сказанныхъ словъ, былъ онъ холерою похищенъ.

При А. М. Пушкинѣ говорили о деревенскомъ повѣріи, что тараканы залѣзаютъ въ ухо спящаго человѣка, пробираются до мозга и выѣдаютъ его. Какъ я этому радъ, прервалъ Пушкинъ: теперь не буду говорить про человѣка, что онъ глупъ, а скажу: обидѣлъ его тараканъ.

Необразованный человѣкъ особенно выдается въ высокомѣріи и самохвальствѣ своемъ. Бываютъ самолюбивы и люди съ умомъ и дарованіемъ; но они изъ благоприличія стараются сдерживать себя. Воспитаніе, обхожденіе съ людьми, принадлежащими высшей средѣ, въ умственномъ и общественномъ отношеніи, умѣряютъ и обуздываютъ эти дикіе порывы собственнаго идолопоклонства. Восточные народы самохвальны, потому что они невѣжественны. Литература, которая съ презрѣніемъ и свысока отзывается о литературахъ иностранныхъ, принадлежитъ, по этнографическимъ условіямъ, къ восточной полосѣ земнаго шара.

Одинъ отецъ, весьма остроумный и практическій, говорилъ съ умиленіемъ и родительскимъ самодовольствомъ: „Мой сынъ именно на столько глупъ, на сколько это нужно, чтобы успѣть и на службѣ, и въ жизни: менѣе глупости было-бы недостаткомъ, болѣе было-бы излишествомъ. Во всемъ нужны мѣра и середка, а сынъ мой на нихъ и напалъ.

Однажды Пушкинъ между пріятелями сильно руссофильствовалъ и громилъ Западъ. Это смущало Александра Тургенева, космополита по обстоятельствамъ, а частью и по наклонности. Онъ горячо оспаривалъ мнѣнія Пушкина; наконецъ не выдержалъ и сказалъ ему: „А знаешь-ли что, голубчикъ, съѣзди ты хоть въ Любекъ“. Пушкинъ расхохотался, и хохотъ обезоружилъ его.

Нужно при этомъ напомнить, что Пушкинъ не бывалъ никогда за границею, что въ то время Русскіе путешественники отправлялись обыкновенно съ Любскими пароходами и что Любекъ былъ первый иностранный городъ, ими посѣщаемый.

Одинъ Французскій писатель, помнится Жофре (Jauffret), въ книгѣ: Екатерина II и царствованіе ея, разсказываетъ слѣдующее: Екатерина часто повторяла: „Глазъ хозяина откармливаетъ лошадей (l'oeil du maître engraisse les chevaux). Она умѣла распрашивать и выслушивать. Разговоръ съ невѣждами, говорила она,

иногда болѣе научитъ, нежели разговоръ съ учеными. Этимъ господамъ стыдно было-бы не дать отвѣта и по такимъ вопросамъ, о которыхъ они понятія не имѣютъ. Они никогда не рѣшатся выговорить эти два слова, столь удобныя намъ невѣждамъ: не знаю“.

Однажды, путешествуя по берегамъ Волги, она спросила жителей: довольны-ли они своимъ положеніемъ? Бо́льшая часть изъ нихъ были рыбаки. „Мы очень были-бы довольны заработками своими, отвѣчали они, если бы не обязаны были отсылать въ конюшни Вашего Величества значительное количество стерлядей, а стерляди очень дороги“. — Хорошо сдѣлали вы, отвѣчала Императрица улыбаясь, что увѣдомили меня объ этомъ; а я до сей поры и не знала, что лошади мои ѣдятъ стерлядей. Постараемся это дѣло поправить“.

Вотъ и другой случай подъ стать стерлядямъ. У кого-то изъ царской фамиліи, кажется у Великаго Князя Павла Петровича, былъ сильный насморкъ. Ему присовѣтовали помазать себѣ носъ на ночь саломъ, и была приготовлена сальная свѣча. Съ того дня было въ продолженіи года, если не долѣе, отпускаемо ежедневно изъ дворцовой конторы по пуду сальныхъ свѣчей — „на собственное употребленіе Его Высочества“.

Кажется, А. А. Нарышкинъ разсказывалъ, что кто-то преслѣдовалъ его просьбами о зачисленіи въ дворцовую прислугу. Нѣтъ вакансіи, отвѣчали ему. — Да пока откроется вакансія, говоритъ проситель, опредѣлите меня къ смотрѣнію хотя за какою-нибудь канарейкою.—Что-же изъ этого будетъ? спросилъ Нарышкинъ. — Какъ что? Все таки будетъ при этомъ чѣмъ прокормить себя, жену и дѣтей.

Онъ же разсказывалъ, что одинъ камеръ-лакей, при выходѣ въ отставку, просилъ, за долговременную и честную службу отставить его „не въ примѣръ другимъ“ Арапомъ.

Въ противоположность Американскимъ республикамъ, во дворцѣ выгоднѣе быть чернымъ, чѣмъ бѣлымъ. Ради Бога, не ищите здѣсь ни игры словъ, ни косвенной эпиграммы: здѣсь просто сказано, что жалованіе, получаемое Арапами, превышаетъ жалованіе прочей прислуги.

Ермоловъ разсказывалъ, что въ Турецкую войну, старикъ князь Прозоровскій, уже и послѣ Аустерлицкаго похода, все еще считалъ Кутузова мальчикомъ, а этотъ мальчикъ (прибавилъ Алексѣй Петровичъ) и самъ уже ходилъ какъ на лыжахъ.

По мнѣнію Ермолова, наши двѣ арміи, отдѣльно дѣйствующія въ началѣ войны 1812 года, не иначе какъ чудомъ успѣли соединиться подъ Смоленскомъ. При всемъ уваженіи къ храбрости и блистательнымъ воинскимъ дарованіямъ Багратіона, Ермоловъ полагаетъ, что нельзя было поручить ему предводительство всѣми войсками. Онъ того мнѣнія, что и послѣ соединенія двухъ армій, мы не въ силахъ были предпринять наступательныя дѣйствія. При малочисленности нашей въ виду большихъ силъ непріятеля, была на нашей сторонѣ еще одна невыгода: несогласіе и даже непріязнь (по крайней мѣрѣ въ Багратіонѣ) двухъ начальниковъ. Ермоловъ писалъ о томъ къ Государю откровенное и смѣлое письмо.

На одномъ изъ военныхъ совѣтовъ Ермоловъ предлагалъ какую-то рѣшительную мѣру. На это, кажется, Тучковъ, замѣтилъ, что не лучше ли обождать до вечера. Хорошо, возразилъ Ермоловъ, если ваше превосходительство заключите съ Наполеономъ условіе, что онъ васъ оставитъ въ живыхъ до вечера.

Каждый разговоръ съ Ермоловымъ есть историческая, анекдотическая, военная лекція. Не говоримъ уже о вставочныхъ, острыхъ и рѣзкихъ словахъ, которыми онъ обстрѣливаетъ, ни о характеристикѣ многихъ государственныхъ лицъ, о вѣрномъ взглядѣ его на вещи и событія. Въ домѣ своемъ на Пречистенкѣ, принималъ онъ посѣтителей обыкновенно вечеромъ. Въ кабинетѣ своемъ сидѣлъ онъ передъ столомъ. Въ разсказахъ своихъ выдвигалъ онъ ящикъ стола и вынималъ изъ него, смотря по предмету рѣчи, доказательные и объяснительные акты: письма Великаго Князя Константина Павловича, Багратіона и проч. Самою внѣшностью своею, нѣсколько суровою и величавою, головою львообразною, складомъ ума, рѣчью, сильно отчеканенною, онъ былъ рожденъ дѣйствовать надъ народными массами, увлекать ихъ за собою и господствовать ими. Ему было бы мѣсто въ древней Римской исторіи. Въ исторіи новѣйшей омногосложенной, подчиняющейся строю административнаго порядка, онъ иногда сбивался съ надлежащей почвы. Въ послѣдніе годы

служенія своего онъ сдѣлалъ нѣсколько промаховъ. Главнѣйшій состоялъ въ томъ, что онъ, въ выраженіяхъ уничиженія паче гордости, просилъ о увольненіи своемъ отъ званія члена Государственнаго Совѣта. Это званіе ни въ чемъ его не обязывало, онъ могъ даже оставаться на жительствѣ въ Москвѣ; но въ минуты рѣшенія важныхъ государственныхъ вопросовъ, имѣлъ бы онъ возможность подавать свой голосъ. Но совсѣмъ тѣмъ, если, подъ раздраженіемъ неблагопріятныхъ и щекотливыхъ обстоятельствъ, могъ онъ быть въ рядахъ опозиціи и даже казаться стоящимъ въ главѣ ея, то это было одно внѣшнее явленіе, которое многихъ обманывало; въ сущности онъ былъ человѣкомъ власти и порядка. Въ немъ была замѣчательная тонкость и даже хитрость ума; но подъ конецъ онъ слишкомъ перетонилъ и перехитрилъ. Этимъ самымъ далъ онъ противъ себя оружіе противникамъ своимъ. Но какъ бы то ни было онъ отдѣляется высокимъ историческимъ лицемъ въ числѣ сверстниковъ своихъ. Будущему историку, художнику такая личность будетъ драгоцѣнною находкою въ изображеніи Русской картины дѣйствій и дѣятелей и закулисныхъ продѣлокъ на театрѣ текущаго столѣтія.

Милорадовичъ и Багратіонъ были не только сослуживцы, но и совмѣстники еще со временъ Суворовскихъ. Милорадовичъ не любилъ Багратіона и не скрывался въ томъ. Во время отечественной войны, графиня Орлова-Чесменская вышила хоругвь и отправила ее въ подарокъ къ Милорадовичу. Онъ, какъ извѣстно, былъ рыцарь и сердечкинъ. Когда въ 1815 г., пріѣхалъ онъ въ Москву, NN. шутя сказалъ ему: Конецъ дѣло вѣнчаетъ; вы геройски дрались, теперь воспользуйтесь миромъ и предложите сердце и руку графинѣ Орловой, которая помнила васъ, когда вы были на поляхъ сраженія.—Никогда, отвѣчалъ онъ съ нѣкоторою досадою: я не Багратіонъ.

Графиня Скавронская была невѣста знатнаго происхожденія и очень богатая. Багратіонъ женился на ней. Бракъ этотъ не былъ счастливъ. Вскорѣ супруги разъѣхались. Княгиня жила постоянно за границею: славилась въ Европейскихъ столицахъ красотою,

алебастровою бѣлизною своею, причудами, всегда не только простительными, но особенно обольстительными въ прекрасной женщинѣ, романическими приключеніями и умѣньемъ держать салонъ, какъ говорятъ Французы. Умѣнье это преимущественно принадлежитъ Французскому, то есть Парижскому общежитью; а потому нужно оставить за нимъ и Французскую терминологію.

Это умѣнье или искусство переходитъ въ преданія. Замѣчательно, что послѣдними представительницами этого искусства въ Европѣ, едва ли по преимуществу не были Русскія дамы: княгиня Ливенъ, княгиня Багратіонъ, Свѣчина. Салонъ первой былъ политическій: многіе Европейскіе вопросы, сдѣлки, преобразованія, сближеніе дипломатическихъ личностей тутъ наметывались на живую нитку разговора съ тѣмъ, чтобы позднѣе обратиться въ плотную ткань событія. Салонъ второй нашей соотечественницы былъ салонъ болѣе чисто-свѣтскій, такъ сказать эклектическій безъ исключительнаго характера, а такъ, всего хорошаго по немножку. Свѣчина предсѣдательствовала въ салонѣ духовномъ съ оттѣнкомъ догматическимъ, но и литтературнымъ.

При всей безкорыстности своей, Милорадовичъ былъ ужасный губитель денегъ: расточительность и щедрость его доходили до крайности; отъ того и былъ онъ всегда въ долгахъ. Во время генералъ-губернаторства его въ Петербургѣ, въ одинъ изъ пріемныхъ дней, подходитъ къ нему, между прочими, француженка.— Monsieur le comte, говоритъ она, je viens vous supplier.—Madame, перебиваетъ онъ ее, c'est à vous d'ordonner et á moi d'obéir (я пришла къ вашему сіятельству, умоляя васъ... Вамъ, милостивая государыня, повелѣвать, а мнѣ повиноваться). Дѣло такъ объяснилось, что эта барыня приходила къ Милорадовичу съ просьбою заплатить давно взятыя имъ у нея деньги въ займы. Оборачиваясь тогда къ адъютанту своему, говоритъ онъ при просительницѣ: Arrangez moi, je vous prie, cette affaire (Устройте мнѣ, прошу васъ, это дѣло)—и вѣжливо откланивается дамѣ.

Князь Иванъ Голицынъ (Jean de Paris) разсказывалъ слѣдующее слышанное имъ отъ князя Платона Зубова. Императрица Ека-

терина была недовольна Англійскимъ министерствомъ за нѣкоторыя непріязненныя изъявленія противъ Россіи въ парламентѣ. Въ это время Англійскій посолъ просилъ у нея аудіенціи и былъ призванъ во дворецъ. Когда вошелъ онъ въ кабинетъ, собачка Императрицы съ сильнымъ лаемъ бросилась на него, и посолъ немного смутился. Не бойтесь, милордъ, сказала Императрица: собака, которая лаетъ, не кусается и неопасна.

Вотъ и другой разсказъ изъ того же источника. Въ день воспествія на престолъ Екатерины II, прискакала она въ Измайловскую церковь для принятія присяги. Въ торопяхъ забыли объ одномъ: о изготовленіи манифеста для прочтенія предъ присягою. Не знали что и дѣлать. При такомъ замѣшательствѣ кто-то въ числѣ присутствующихъ, одѣтый въ синій сюртукъ, выходитъ изъ толпы и предлагаетъ окружающимъ Царицу помочь этому дѣлу и произнести манифестъ. Соглашаются. Онъ вынимаетъ изъ кармана бѣлый листъ бумаги и, словно по писанному, читаетъ экспромптомъ манифестъ, точно заранѣе изготовленный. Императрица и всѣ офиціальные слушатели въ восхищеніи отъ этого чтенія.

Подъ синимъ сюртукомъ былъ Волковъ, въ послѣдствіи знаменитый актеръ. Екатерина въ признательность пожаловала импровизатору значительную пенсію съ обращеніемъ ея и на все потомство Волкова. Императоръ Павелъ прекратилъ эту пенсію.

Нужно удостовѣриться въ истинѣ этого разсказа. Я большой Ѳома невѣрный въ отношеніи къ анекдотамъ. Люблю слушать и читать ихъ, когда они хорошо пересказаны; но не довѣряю имъ до законной пробы. Анекдоты, даже и настоящіе, часто оказываются не безъ лигатуры и лживаго чекана. Анекдотисты, когда и не лгутъ, рѣдко придерживаются буквальной и математической вѣрности. Анекдоты ихъ, въ продолженіи времени, являются въ новыхъ изданіяхъ, исправленныхъ или измѣненныхъ и значительно умноженныхъ. Въ исторіи люблю одни анекдоты, говоритъ Просперъ-Мериме. Наша Русская исторія, къ сожалѣнію, мало анекдотична, особенно съ тѣхъ поръ, что хотятъ демократизировать исторію. Полевой думалъ, что онъ создаетъ новую Русскую исторію, потому что назвалъ худо сваренное твореніе свое: Исторіей Русскаго народа; на дѣлѣ все же являются отдѣльныя лица. Народъ въ исто-

ріи тоже, что хоры въ древней Греческой трагедіи; дѣйствіе и содержаніе сосредоточиваются въ дѣйствующихъ лицахъ, которыя возвышаются надъ народомъ и господствуютъ надъ нимъ, хотя-бы изъ него истекали.

NN говоритъ, что писатель X. дарованіемъ своимъ напоминаетъ Русскую пѣсню:

Бѣлый, кудреватый,
Холостъ, не женатый.

Умъ его бѣлый, слогъ кудреватый, стрѣляетъ онъ холостыми зарядами, а о потомствѣ и помину быть не можетъ.

Нѣкто говорилъ о комъ-то: онъ моя правая рука.—Хороша же, въ такомъ случаѣ, должна быть его лѣвая, сказалъ на это ѣдкій графъ Аркадій Морковъ.

Дмитріевъ безпощадный подглядатай (почему не вывести этого слова изъ соглядатай?) и ловецъ всего смѣшнаго. Своими замѣтками дѣлится онъ охотно съ пріятелями. Строгая физіономія его придаетъ особое выраженіе и, такъ сказать, пряность малѣйшимъ чертамъ мастерскаго разсказа его. Однажды заѣхалъ онъ къ больному и любезному нашему Василію Львовичу Пушкину. У него засталъ онъ провинціала. Разговоръ со мною, говоритъ онъ, обратился, разумѣется, на литературу. Провинціалъ молчалъ. Пушкинъ совѣстясь, что гость его остается какъ-бы забытый, вдругъ выпучилъ глаза на него и спрашиваетъ: а почемъ теперь овесъ?— Тутъ-же обернулся онъ ко мнѣ и, глядя на меня, хотѣлъ какъ будто сказать: не правда-ли, что я находчивъ и, какъ хозяинъ, умѣю приноровить къ каждому рѣчь свою?

Кто не слыхалъ Дмитріева, тотъ не знаетъ, до какого искусства можетъ быть доведенъ Русскій разговорный языкъ. Впрочемъ, и онъ при случаѣ употреблялъ Французскія слова. Можно полагать, что говорилъ онъ исключительно по-русски не изъ принципа, а изъ опасенія не имѣть довольно правильный и чистый Французскій выговоръ.

Д. П. Бутурлинъ разсказывалъ, что въ отроческихъ лѣтахъ ѣзжалъ онъ съ отцемъ своимъ по сосѣдству въ деревню къ извѣстному Новикову. У него былъ въ родѣ секретаря молодой человѣкъ изъ крѣпостныхъ, которому далъ онъ нѣкоторое образованіе. Онъ и при гостяхъ всегда обѣдалъ за однимъ столомъ съ бариномъ своимъ. Въ одно лѣто старикъ Бутурлинъ, пріѣхавъ къ Новикову, замѣтилъ отсутствіе молодого человѣка и спросилъ, гдѣ же онъ? Онъ совсѣмъ избаловался, отвѣчаетъ Новиковъ, и я отдалъ его въ солдаты.

Вотъ вамъ и либералъ, мартинистъ, передовой человѣкъ! А нѣтъ сомнѣнія, что Новиковъ въ свое время, во многихъ отношеніяхъ, былъ передовымъ либераломъ въ значеніи нынѣшняго выраженія. Что же слѣдуетъ изъ того вывести? Ничего особеннаго и необыкновеннаго. Поступокъ Новикова покажется чудовищнымъ, а потому и невѣроятнымъ нынѣшнимъ поколѣніямъ либераловъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ неблаговиденъ и бросаетъ нѣкоторую тѣнь „на личность Новикова“. Но въ свое время, подобная расправа была и законна, и очень просто вкладывалась въ раму тогдашнихъ порядковъ и обычаевъ. Дѣло въ томъ, что можно быть передовымъ человѣкомъ по тому или другому вопросу, каковымъ былъ Новиковъ, напримѣръ, по вопросу печати и журналистики, а вмѣстѣ съ тѣмъ быть, по инымъ вопросамъ, строгимъ охранителемъ и сторонникомъ порядковъ и учрежденій не только нынѣшнихъ, но и вчерашнихъ. Подобные примѣры почасту встрѣчаются въ Англіи, въ сей странѣ законной и общедоступной свободы. Тори, напримѣръ, стоитъ за такое-то либеральное преобразованіе; а Вигъ отстаиваетъ законную мѣру старую, именно потому, что она старая. Многіе этого не понимаютъ, и имъ кажется, что уже если быть передовымъ, то надобно захватывать на лету каждую новизну и пускаться съ нею или за нею въ скачку съ препятствіями, безъ оглядки и безъ отдышки. Ужъ если быть либераломъ, говорятъ они, то быть круглымъ либераломъ. Мы думали до сей поры, что только можно быть круглымъ дуракомъ, а что круглыхъ умниковъ не видать. Человѣческій умъ не бываетъ со всѣхъ сторонъ правильно обточенъ, все же гдѣ нибудь отыщется угловатость или зазубрина.

Вотъ еще примѣръ того, что каждая медаль имѣетъ свою оборотную сторону, каждая лицевая свою изнанку.

Лопухинъ (Иванъ Владиміровичъ), мартинистъ, пріятель и сподвижникъ Новикова, былъ также въ свое время передовымъ человѣкомъ. Чувство благочестія и человѣколюбія было ему сродно. Онъ былъ милостивъ и щедролюбивъ до крайности, именно до крайности. Одною рукою раздавалъ онъ милостыню, другою занималъ онъ деньги направо и налѣво и не платилъ долговъ своихъ; облегчая участь иныхъ семействъ, онъ разорялъ другія. Онъ не щадилъ и пріятелей своихъ, и товарищей по мартинизму. Вдова Тургенева, мать извѣстныхъ Тургеневыхъ, долго не могла выручить довольно значительную сумму, которую Лопухинъ занялъ у мужа ея. Нелединскій, товарищъ его по Сенату и ѣздившій съ нимъ на ревизію въ одну изъ южныхъ губерній, такъ объяснялъ нравственное противорѣчіе, которое оказывалось въ характерѣ его. По мистическому настроенію своему, Лопухинъ вообразилъ себѣ, что онъ свыше посланъ на землю для уравновѣшенія общественныхъ положеній: онъ бралъ у одного и давалъ другому.

А. М. Пушкинъ, острый, образованный человѣкъ, былъ плохой стихотворецъ, но при томъ на столько умент, что не былъ смѣшонъ при этой слабости. Вообще былъ онъ очень парадоксаленъ и думалъ, что можно всякому писать стихи и безъ особеннаго призванія. Онъ говорилъ, что Расинъ скотина (любимое его выраженіе, которое, въ устахъ и голосѣ его и при выразительной мимикѣ, имѣло особенное смѣхотворное дѣйствіе на слушателей), а между тѣмъ перевелъ *Аталію* и принимался за переводъ *Федры*. Однофамилецъ и пріятель его, Василій Львовичъ (тоже особнякъ въ своемъ родѣ), отличавшійся правильнымъ и плавнымъ стихомъ, не лишеннымъ иногда изящности и художественности, смотрѣлъ съ гордою жалостью на риѳмокропаніе родственника своего и только пожималъ плечами въ классическомъ пренебреженіи; но тотъ сокрушалъ его своимъ метким и безпощаднымъ словомъ. А если искать въ памяти это сокрушительное и вызывающее общій хохотъ слово, то едва ли найдешь что припомнить и передать любопыт-

ному вниманію. Послѣ Пушкина нельзя собрать бы Пушкиніаны; надобно было собственными ушами и глазами слѣдить за нимъ, какъ за игрою актера на сценѣ, чтобы вполнѣ понять и оцѣнить дѣйствіе его. Игры, художества великаго комическаго актера, даже и въ незначительныхъ роляхъ, не разскажешь. Такъ и шутокъ Пушкина не повторишь съ вѣрностью и свойственною имъ живостью. Еще одна замѣтка. Это слово *скотина*, которое не сходило у него съ языка, или, правильнѣе, поминутно сходило, можетъ дать подумать незнавшимъ его, что онъ былъ нѣсколько грубой и цинической натуры. Вовсе нѣтъ: онъ во всемъ прочемъ отличался изящною вѣжливостью, могъ быть бы образцовымъ маркизомъ при старомъ Версальскомъ дворѣ. Эти противоположности придавали заманчивое своеобразіе всей постановкѣ его. Въ то время, то есть до 1812 года, политическія событія не поглощали еще общественнаго вниманія: люди были болѣе на виду, болѣе было общежительности и обмѣна понятій, характеровъ и личныхъ свойствъ; малѣйшіе оттѣнки личности выдавались на показъ и были оцѣнены. А. М. Пушкинъ перевелъ *Тартюфа*, подъ именемъ *Ханжеева*. Этотъ переводъ комедіи Мольера едва-ли не былъ первый, по крайней мѣрѣ въ стихахъ. Переводъ, конечно, былъ плоховатъ; но знаменитость подлинника, извѣстность переводчика, за недостаткомъ дарованія, придавали готовящемуся представленію на сценѣ прелесть любопытной новизны. Зала Петровскаго театра была полна. Комедія кое-какъ сошла. Пріятели и знакомые Пушкина рукоплескали и по окончаніи представленія дружно и громко стали вызывать его. Благодарно кланяясь, явился онъ передъ публикою въ директорской ложѣ. Вслѣдъ за тѣмъ и неизбѣжный Нефловъ подалъ свой голосъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Не тотъ герой, кто вѣкъ сражался,
Разилъ Отечества враговъ,
Побѣды лавромъ увѣнчался
И къ славѣ велъ ряды полковъ.
Но тотъ, кто исказилъ Мольера
И смѣло предъ судомъ партера,
Признался сей слабый трудъ за свой:
Вотъ мой герой, вотъ мой герой!

Другой пріятель Пушкина привѣтствовалъ переводъ его такимъ образомъ:

„Тартюфа видѣлъ я“. — Что-жъ много-ли смѣялся? —
„Ахъ нѣтъ, мнѣ Пушкинъ другъ: слезами заливался“.

Наша публика довольно шумна въ театрѣ, но не отличается, подобно Парижской, остроумными и забавными выходками. Вотъ исключеніе. Роль *Тартюфа* или *Ханжеева* разыгрывалъ Зловъ, актеръ съ большимъ дарованіемъ. При вызовахъ раздались изъ партера голоса: Злова Пушкина! и дружный хохотъ заявилъ, что каламбуръ былъ понятъ.

На пріятельскихъ и военныхъ попойкахъ Денисъ Давыдовъ, встрѣчаясь съ графомъ Шуваловымъ, предлагалъ ему всегда тостъ въ память Ломоносова и съ бокаломъ въ рукѣ говорилъ:

Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ.

Онъ же разсказывалъ, что у него былъ пріятель и сослуживецъ, большой охотникъ до чтенія, но книгъ особеннаго рода. Бывало, зайдетъ онъ къ нему и проситъ, нѣтъ-ли чего почитать. Давыдовъ дастъ ему первую книжку, которая попадется подъ руку. — „А что это запрещенная книга?“ спроситъ онъ. — „Нѣтъ, я купилъ ее здѣсь въ книжной лавкѣ“. — Ну, такъ лучше я обожду, когда получишь запрещенную. — Однажды приходитъ онъ съ взволнованнымъ и торжественнымъ лицомъ. Что за книгу прочелъ я теперь, говоритъ онъ: просто чудо! — А какое названіе? — Мудреное, не упомню. — Имя автора? — Также забылъ. — Да о чемъ она толкуетъ? — Обо всемъ, такъ на повалъ все и всѣхъ ругаетъ. Превосходная книга! — Изъ-за этого потребителя безцензурнаго товара такъ и выглядываетъ толпа читателей. Кто не встрѣчалъ ихъ? Хороша-ли, дурна-ли контрабанда, имъ до того дѣла нѣтъ. Главное обольщеніе ихъ контрабанда сама по себѣ. Одна зрѣлая дѣва изъ русскихъ нѣмокъ также принадлежала къ разряду исключительныхъ читателей. Она все требовала книгъ, гдѣ есть про любовь. Приходитъ она однажды къ знакомой и застаетъ ее за чтеніемъ. — Что вы читаете? — Древнюю исторію. А тутъ есть про любовь? — Есть, но только въ послѣднемъ томѣ, а ихъ всего двадцать. — Все равно, дайте мнѣ, я на досугѣ ихъ прочту.

Одинъ пасторъ вѣнчалъ двухъ молодыхъ весьма невзрачной и непривлекательной наружности. По совершеніи обряда сказалъ онъ имъ напутственную рѣчь и, между прочимъ, слѣдующее: „Любите другъ друга, мои дѣти, любите крѣпко и постоянно, потому что если не будетъ въ васъ взаимной любви, то кой чортъ можетъ васъ полюбить“. Это привѣтствіе мнѣ всегда приходитъ на мысль, когда Z выхваляетъ X., а X выхваляетъ Z.

Карамзинъ говоритъ о В. В. Измайловѣ, что онъ и письменно также шепеляетъ, какъ устно.

У меня изъ ума не выходитъ... (кто-то началъ такъ свой разсказъ).—Ты хочешь сказать изъ головы, перебилъ его NN.

Князь А. Ѳ. Орловъ (тогда еще графъ) былъ посланъ въ Константинополь съ дипломатическимъ порученіемъ. Наканунѣ аудіенціи у великаго визиря доводятъ до свѣдѣнія его, что сей Турецкій сановникъ намѣревается принять его сидя. Состоящіе чиновники при князѣ предполагаютъ войти по этому предмету въ объясненіе съ Портою, чтобы отвратить это неприличіе. Нѣтъ, отвѣчаетъ Орловъ, никакихъ предварительныхъ сношеній не нужно: дѣло само собою какъ нибудь обдѣлается.—На другой день онъ отправляется къ визирю, который въ самомъ дѣлѣ не трогается съ мѣста при входѣ нашего уполномоченнаго посла. Алексѣй Ѳедоровичъ знакомъ былъ съ нимъ и прежде. Будто не замѣчая сидѣнія его, онъ подходитъ къ нему, дружески здоровается съ нимъ и, какъ будто шутя, мощною своею Орловскою рукою приподнимаетъ старика съ креселъ и тутъ же опять опускаетъ его на кресла. Вотъ что называется практическая и положительная дипломатія. Другой пустился-бы въ переговоры, въ письменныя сношенія по пустому вопросу церемоніала. Всѣ эти переговоры, переписки могли бы не достигнуть до желанной цѣли, а тутъ просто и прямо все рѣшила рука-владыка. Орловъ никогда не готовился къ дипломатической дѣятельности. Поприще его было военная и придворная служба.

Позднѣе обстоятельства и царская воля облекли его дипломатическимъ званіемъ. Конечно, не явилъ онъ въ себѣ ни Талейрана, ни Меттерниха, ни Нессельрода; но свѣтлый и смѣтливый умъ его, тонкость и уловчивость, сродныя Русской натурѣ и какъ-то дружно сливающіяся съ какимъ то простосердечіемъ, впрочемъ не поддающимся обману, замѣняли ему преданія и опытность дипломатической подготовки. Прибавьте къ тому глубокое чувство народнаго достоинства, унаслѣдованное имъ отъ орла изъ стаи той высокой, котораго воспѣлъ Державинъ, и отмѣнно красивую и богатырскую наружность, которая, что ни говори, всегда обольстительно дѣйствуетъ на другихъ, и можно будетъ придти къ заключенію, что все это вмѣстѣ возмѣщало пробѣлы, которые остались отъ воспитанія и ученія недостаточно развитыхъ. Графъ Фикельмонъ съ особымъ уваженіемъ отзывался о способностяхъ, изворотливости и мудрой осторожности дипломата-самоучки. По мнѣнію его, онъ при случаѣ могъ заткнуть за поясъ присяжныхъ и заматерѣлыхъ дипломатовъ, какъ онъ впрочемъ въ свое время и заткнулъ великаго визиря. Дипломація все-же еще придерживается какого-то педантства въ пріемахъ своихъ. Сырая сила простого здравомыслія можетъ иногда съ успѣхомъ озадачить ее.

Орловъ зналъ, такъ сказать, наизусть царствованія императоровъ Александра I и Николая I; зналъ онъ коротко и великаго князя Константина Павловича, при которомъ былъ нѣкогда адъютантомъ. Свѣдѣнія его были историческія и преимущественно анекдотическія, общія, гласныя, частныя и подноготныя. Жаль, если кто изъ приближенныхъ къ нему не записывалъ разсказовъ его. Онъ разсказывалъ мастерски и охотно, даже иногда на распашку. Ни записокъ, ни дневника по себѣ онъ, вѣроятно, не оставилъ: онъ для того былъ слишкомъ лѣнивъ и не довольно литтературенъ.

Поццо ди Борго, въ тридцатыхъ годахъ, спрашивалъ пріѣзжаго изъ Петербурга, что дѣлается новаго въ Русской правительственной средѣ. Въ то время были на очереди учрежденія министерства государственныхъ имуществъ и всѣ преобразованія, которыя ожидались отъ него.—„Это все очень хорошо“, сказалъ нашъ

посолъ, „но боюсь торопливости, съ которою покушаются у насъ на государственныя нововведенія. На все нужно (говорилъ онъ) законное и плодотворное содѣйствіе времени; иначе будешь походить на человѣка, которому желательно быть отцемъ и который говорилъ-бы беременной женѣ своей, воля твоя, у меня не станетъ терпѣнія выжидать девяти-мѣсячнаго срока; сдѣлай милость, постарайся родить по ранѣе“. — Поццо очень скучалъ пребываніемъ въ Лондонѣ. Онъ на старости никакъ не могъ свыкнуться и ужиться съ Англійскими обычаями и обществомъ. Въ Англіи все высшее общество живетъ много въ помѣстьяхъ своихъ, или кочуетъ по Европейскому материку. Англичане и большіе домосѣды, и большіе туристы и космополиты. Въ Лондонъ, что называется high-life съѣзжаются только на сезонъ, который продолжается нѣсколько лѣтнихъ недѣль. Осенью всѣ лорды, весь fashion отправляется опять путешествовать, или въ помѣстья на охоту. Лондонъ пустѣетъ. Особенно эта пора тяжела для Поццо: ему нуженъ Парижъ съ его гостепріимными салонами подъ предсѣдательствомъ умной и образованной хозяйки. Поццо былъ, что называется, un aimable et brillant causeur, любезный и блестящій разговорщикъ. Ему нужна Парижская аудиторія, онъ по ней тосковалъ и напрасно искалъ ее въ Лондонѣ. Утромъ занимался онъ Европейскими дѣлами (а можетъ быть и своими, но не въ ущербъ Россіи). Вечеромъ же не находилъ онъ салона, въ которомъ могъ-бы дать волю своей живой и остроумной рѣчи; не находилъ слушателей, которые понимали бы его и своими отзывами умѣли подстрекать его и выкликать воспоминанія изъ его богатой и словоохотливой памяти. Лишенный всего этого, говорилъ онъ съ меланхолическою забавностью: хоть козу одѣли-бы въ женское платье и засадили въ салонъ; я зналъ бы, по крайней мѣрѣ, куда дѣваться съ вечерами своими. Съ горя игралъ онъ по вечерамъ въ вистъ по самой ничтожной цѣнѣ и забавно сердился, когда проигрывалъ. — Однажды сданныя карты показались ему такъ плохи, что онъ бросилъ ихъ на столъ, говоря, что проигралъ партію. Николай Киселевъ (совѣтникъ при посольствѣ) сказалъ, что карты вовсе не такъ худы, и что даже легко леве останется за нимъ. Надобно было видѣть, съ какою

дѣтскою радостью и торопливостью кинулся онъ подбирать разбросанныя по столу карты и продолжалъ игру.

Онъ очень былъ любимъ своими подчиненными: обращался съ ними просто и дружелюбно, никакихъ начальническихъ пріемовъ и повадокъ у него не было. Въ жизни своей онъ болѣе дѣлалъ дѣло, чѣмъ исправлялъ службу, а потому мало и зналъ онъ канцелярскіе порядки и вообще официальную обстановку съ ея обрядами и буквальными принадлежностями. Однажды приглашенъ онъ былъ къ обѣду во дворецъ съ Киселевымъ, только что поступившимъ въ посольство. Не зная Лондонскихъ обычаевъ, Киселевъ спросилъ графа, какъ слѣдуетъ ему одѣться? Черный фракъ, бѣлый галстухъ, отвѣчаетъ онъ, и съ орденской лентой по жилету.— Да у меня никакой ленты нѣтъ, возразилъ Киселевъ. Ну, такъ что-же, сказалъ Поццо, все таки надѣньте какой-нибудь орденъ (une décoration quelconque).

Это напоминаетъ одного богатаго американца, который въ 1830-хъ годахъ пріѣзжалъ въ Петербургъ съ дочерью-красавицею. Красота ея открыла имъ доступъ въ высшее общество. Это было лѣтомъ: въ это время года законы этикета ослабѣваютъ. Отецъ и дочь приглашаемы были и на Петергофскіе балы. Въ особенныхъ официальныхъ случаяхъ являлся онъ въ морскомъ американскомъ мундирѣ; поэтому когда изъ вѣжливости обращались къ нему, то говорили о морѣ, о флотахъ Соединенныхъ Штатовъ и такъ далѣе. Отвѣты его были всегда уклончивы, и отвѣчалъ онъ какъ будто неохотно. Наконецъ наскучили ему морскіе разговоры, и онъ кому-то сказалъ: Почему вы меня все разспрашиваете о морскихъ дѣлахъ? Все это до меня не касается, я вовсе не морякъ. — Да какъ-же носите вы морской мундиръ?—Очень просто; мнѣ сказали, что въ Петербургѣ нельзя обойтись безъ мундира. Собираясь въ Россію, я на всякій случай заказалъ себѣ морской мундиръ; вотъ въ немъ и щеголяю, когда требуется.

Послѣ перваго представленія оперы *Жизнь за Царя*, спрашивали Д. П. Татищева (бывшаго посла нашего въ Вѣнѣ), что скажетъ онъ о новой оперѣ?—Ничего сказать не могу, отвѣчалъ

онъ; знатоки увѣряютъ, что нужно прослушать ее нѣсколько разъ, чтобы понять и оцѣнить достоинство ея; а мною такая скука овладѣла при первомъ представленіи, что слуга покорный, на второе меня не заманятъ. Профаны, не посвященные въ таинства музыкальной науки, чувствуютъ, любятъ ее, но не даютъ себѣ отчета въ своемъ наслажденіи. Магистры, доктора музыки разбираютъ ее какъ алгебраическую задачу. Грамотѣи музыкальной рѣчи разлагаютъ, разсѣкаютъ ее съ граматической точки слуха. Въ нихъ душа не поетъ съ Моцартомъ и Россини, а вычисляетъ звуки созвучія, головоломно провѣряетъ правила и законное развитіе контрапункта и, если нѣтъ грамматической ошибки, нѣтъ пропуска въ музыкальномъ исчисленіи, профессора контрапункта и разставщики кавыкъ и звучныхъ препинаній остаются очень довольны, потому что все обстоитъ благополучно.

Д. В. Дашковъ говорилъ въ 1830-хъ годахъ объ одномъ государственномъ человѣкѣ: c'est un ministre sans souci et un philosophe sans le savoir. (Онъ министръ безъ заботы и философъ самъ, того не вѣдая).—Фридерикъ Великій печаталъ произведенія свои подъ именемъ: le philosophe sans souci. Французскій комикъ Седенъ написалъ комедію: *Le philosophe sans le savoir*.

Графъ Канкринъ говорилъ: порицаютъ такого-то, что встрѣчаешь его на всѣхъ обѣдахъ, балахъ, спектакляхъ, такъ что мало времени ему заниматься дѣлами. А я скажу: слава Богу! Другаго хвалятъ: вотъ настоящій государственный человѣкъ, нигдѣ не встрѣтите его, цѣлый день сидитъ онъ въ кабинетѣ, занимается бумагами. А я скажу: избави Боже!

NN. говоритъ, что ему жалки люди, которые книгу жизни прочитываютъ отъ доски до доски съ напряженнымъ вниманіемъ и добросовѣстнымъ благоговѣніемъ: они обыкновенно остаются въ дуракахъ. Жизнь надобно слегка перелистывать, ловко и во время

выхватывать изъ нея, что найдешь въ ней хорошаго и по вкусу; а прочее пропускать, не задумываясь на немъ.

Наталья Кириловна Загряжская, урожденная графиня Разумовская, по всѣмъ принятымъ условіямъ общежитейскимъ и по собственнымъ свойствамъ своимъ, долго занимала въ Петербургскомъ обществѣ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Въ ней было много своеобразія; обыкновенной принадлежности людей (а въ особенности женщинъ) стараго чекана. Кто не зналъ этихъ барынь минувшаго столѣтія, тотъ не можетъ имѣть понятія объ обольстительномъ владычествѣ, которое присвоивали онѣ себѣ въ обществѣ и на которое общество отвѣчало сознательнымъ и благодарнымъ покорствомъ. Иныхъ баръ стараго времени можно предать на судъ демократической исторіи, которая съ каждымъ днемъ все выше и выше подымаетъ голосъ свой; но не трогайте старыхъ барынь! Вашъ демократизмъ не понимаетъ ихъ. Вамъ чужды ихъ утонченныя свойства; ихъ языкъ, ихъ добродѣтели, самыя слабости ихъ недоступны вашей грубой оцѣнкѣ.

Во многихъ отношеніяхъ Н. К. Загряжская не чужда была современности, но въ другихъ сохранила отпечатокъ своей старины, отпечатокъ, такъ часто и легко сглаживаемый у другихъ дѣйствіемъ общественныхъ преобразованій и просвѣщенія, или того, что называется просвѣщеніемъ. Упорная, упрямая натура не хороша, но нельзя не любоваться натурами, которыя, при законныхъ и нужныхъ уступкахъ господству времени, имѣютъ въ себѣ довольно силъ и живучести, чтобы отстоять и спасти свою внутреннюю личность отъ требованій и самовластительныхъ притязаній того, что называется новыми порядками или просто модою. Въ новомъ обществѣ, въ домѣ родственниковъ своихъ, князя и княгини Кочубеевыхъ, у которыхъ жила, Загряжская была какою-то историческою представительницею временъ и царствій давно прошедшихъ. Она была, какъ эти старые семейные портреты, писанные кистью великаго художника, которые украшаютъ стѣны салоновъ новѣйшаго поколѣнія. Наряды, многія принадлежности этихъ изображеній давнымъ давно отжили; но черты лица, но сочувственное выраженіе физіо-

номіи, обаяніе творчества, которое создало и передало потомству это изображеніе, все вмѣстѣ пробуждаетъ вниманіе и очаровываетъ васъ. Вы съ утонченнымъ и почтительнымъ чувствомъ удовольствія вглядываетесь въ эти портреты; вы засматриваетесь на нихъ; вы, такъ-сказать, ихъ заслушиваетесь. Такъ и Пушкинъ заслушивался разсказовъ Натальи Кириловны: онъ ловилъ при ней отголоски поколѣній и общества, которыя уже сошли съ лица земли; онъ въ бесѣдѣ съ нею находилъ необыкновенную прелесть историческую и поэтическую, потому что и въ исторіи много истинной и возвышенной поэзіи, и въ поэзіи есть своя доля исторіи. Нѣкоторыя драгоцѣнныя частички этихъ бесѣдъ имъ сохранены; но самое сокровище осталось почти непочатымъ. Всѣ мы, люди стараго поколѣнія, грѣшили какою-то беззаботностью, отсутствіемъ скопидомства. Мы проживали, тратили вещественныя наслѣдства нашихъ отцевъ: не умѣли сберечь и умственныя наслѣдства, ими намъ переданныя. Сколько капиталовъ устной литтературы пропустили мы мимо ушей! Мы любили слушать стариковъ, но не умѣли записывать слышанное нами, то-есть не думали о томъ, чтобы записывать. По неволѣ и приходится сказать, съ пословицею: глупому сыну не въ помощь богатство. Теперь и рады бы мы записывать текущую жизнь; но, по выраженію типографическому, не хватаетъ оригиналу, или не хватаетъ оригиналовъ по житейскому значенію.

Въ числѣ старинныхъ примѣтъ, отличавшихъ покойную Загряжскую, можно привести и отношенія ея къ прислугѣ своей. Она очень боялась простуды и, въ прогулкахъ ея пѣшкомъ по городу, старый лакей несъ за нею нѣсколько мантилій, шалей, шейныхъ платочковъ: смотря по температурѣ улицы, по переходу съ солнечной стороны на тѣнистую и по ощущеніямъ холода или тепла, она надѣвала и скидывала то одно, то другое. Однажды, возвратясь домой съ прогулки, она смѣясь разсказала разговоръ свой съ лакеемъ. Этотъ, на требованіе ея, какъ-то замѣшкался въ подачѣ того, что она просила. „Да подавай же скорѣе!“ сказала она съ досадою. „Какъ надоѣлъ ты мнѣ“.—„А если бы знали вы, матушка, какъ вы мнѣ надоѣли“, проворчалъ старый слуга, перебирая гардеробъ, которымъ былъ онъ навьюченъ.

Мы знали Загряжскую уже сгорбленною старушкою; не ду-

маемъ, чтобы и въ молодости своей была она красавицею; но не менѣе того и она могла воспламенять сердца. Графъ Андрей Шуваловъ, блестящій царедворецъ двора Екатерины, пріятель Вольтера и Лагарпа (Французскаго писателя), который и самъ писалъ Французскіе стихи, часто приписываемые лучшимъ Французскимъ современнымъ поэтамъ, былъ ея почтительнымъ обожателемъ. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ стиховъ его, къ ней обращенныхъ. Въ нихъ много страсти и вмѣстѣ съ тѣмъ много сдержанности и рыцарской преданности. Кажется, нигдѣ не были они напечатаны и сохранились только переданные изъ памяти въ память однимъ поколѣніемъ въ другое. Вонъ они:

Cet invincible amour que je porte en mon sein,
Dont je ne parle pas, mais que tout Vous atteste,
Est un sentiment pur, une flamme céléste,
Que je nourris, hèlas, mais c'est en vain.
De la séduction je ne suis pas l'apôtre:
Je serai fortuné possédant Vos appas,
Je vivrai malheureux, si Vous ne m'aimez pas,
Je mourrai de douleur, si Vous aimez un autre.

Нелединскій, этотъ нашъ Петраркъ, своими пѣснями, дышащими нѣжностью глубокаго и тонкаго чувства, особенно восхищался постепенностью и вѣрностью трехъ послѣднихъ стиховъ. Кажется, стихи Шувалова не переводимы на Русскій языкъ стихами. Доказательствомъ тому, между прочимъ, служитъ и то, что Нелединскій, такъ сочувствовавшій этимъ стихамъ и такъ набившій руку на переводы, не пытался ихъ перевести. Можно приблизительно передать слѣдующимъ образомъ смыслъ этихъ стиховъ (повторяемъ, смыслъ, а не душу, не прелесть).

Эта непобѣдимая любовь, которую ношу въ груди, о которой не говорю, но о которой все вамъ свидѣтельствуетъ, есть чувство чистое, пламень небесный. Питаю ее въ себѣ, но увы! напрасно. Не хочу быть апостоломъ обольщенія: я былъ бы благополученъ, встрѣчая вашу взаимность *); проживу свой вѣкъ несчастнымъ, если вы меня не полюбите; умру со скорби, если полюбите другаго.

Иностранные біографическіе словари обыкновенно смѣшиваютъ

*) Posséder vos appas, по-французски какъ-то не ловко, а по-русски было бы уже черезъ-чуръ матеріально.

этого графа Андрея Шувалова съ Иваномъ Ивановичемъ, который не былъ графомъ. Случается эта ошибка и у насъ. Во Французской литературѣ особенно славилось его *Epître à Ninon* (посланіе къ извѣстной Нинонѣ де-Ланкло). Она умерла въ 1706 г., а посланіе написано въ 1774. Оно теперь мало извѣстно и сдѣлалось литературною рѣдкостью. Не худо было бы перепечатать его въ одномъ изъ нашихъ сборниковъ. Оно все же изъявленіе Русской умственной дѣятельности, такъ-сказать, барометрическое указаніе на температуру общества ей современную. Мы нынче смотримъ свысока на эти игрушки старыхъ дѣтей стараго времени; но игрушки игрушкамъ рознь, и если на игрушкѣ есть отпечатокъ мысли и художества, то слѣдуетъ хранить ее въ музеѣ, какъ хранятъ мельчайшія утвари и бездѣлки, выгребаемыя изъ подъ Помпейскихъ развалинъ. По этимъ бездѣлкамъ судятъ объ исторической и общественной обстановкѣ того времени. Что́ же касается до того, что Шуваловъ писалъ Французскіе, а не Русскіе стихи, то по мнѣ хорошая Французская поэзія Русскаго человѣка гораздо сочувственнѣе и даже болѣе ласкаетъ мое народное самолюбіе, нежели пошлые Русскіе стихи, написанные уроженцемъ одной изъ наиболѣе Великороссійскихъ губерній. Патріотизмъ есть чувство, которое многіе понимаютъ по своему. Надобно быть *патріотомъ своего отечества*, говорилъ одинъ почтенный старичекъ; другой говорилъ, что въ Парижѣ порядочному человѣку жить нельзя, потому что въ немъ нѣтъ ни кваса, ни калачей. Еще одна замѣтка о графѣ Андреѣ Шуваловѣ. Извѣстно, что императрица Екатерина очень умно и своеобразно писала и по-французски, и по-русски; равно извѣстно, что она писала очень неправильно на томъ и другомъ языкѣ. Храповицкій часто обмывалъ ея Русское черное бѣлье, или черновую бумагу. Графъ Шуваловъ былъ такой же прачкой по части Французскаго бѣлья, по крайней мѣрѣ, одною изъ прачекъ. Между прочимъ исправлялъ онъ грамматическія письма императрицы къ Вольтеру. Даже когда бывалъ онъ въ отсутствіи, напримѣръ въ Парижѣ, получалъ онъ черновую отъ Императрицы, очищалъ ошибки, переписывалъ исправленное и отправлялъ въ Петербургъ, гдѣ Екатерина, въ свою очередь, переписывала письмо, и такимъ образомъ, въ третьемъ изданіи посылала его въ Ферней. Это ска-

зывалъ Сперанскій, который одно время занимался дѣлами по имѣніямъ покойнаго графа Шувалова. Онъ же разсказывалъ слѣду ющія подробности про редакціонныя занятія Государыни: она обыкновенно писала на бумагѣ большого формата, рѣдко зачеркивая написанное; но если приходилось ей замѣнить одно слово другимъ, или исправить выраженіе, она бросала написанное, брала другой листъ бумаги и заново начинала редакцію свою.

Въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія, можно было видѣть визитную карточку слѣдующаго содержанія: такой-то (Нѣмецкая фамилія) временный главнокомандующій бывшей второй арміи.

О немъ же разсказывали и это: онъ былъ очень добрый человѣкъ, любилъ подчиненныхъ своихъ и особенно приласкивалъ молодыхъ офицеровъ, которые поступали подъ начальство его, но слабъ и сбивчивъ былъ онъ памятью. Напримѣръ: явится къ нему вновь назначенный юноша, изъ кадетскаго корпуса. Онъ спроситъ фамилію его. — „Павловъ“. — „А не сынъ-ли вы истиннаго друга моего Петрова? Вы на него и очень похожи“. — „Нѣтъ, ваше превосходительство: я Павловъ“.—„А, извините, теперь припоминаю; вѣроятно батюшка вашъ, мой старый сослуживецъ и другъ, Павелъ Никифоровичъ Сергѣевъ?“ И такимъ образомъ, въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, переберетъ онъ пять или шесть фамилій, и кончитъ тѣмъ, что реченнаго Павлова пригласитъ, подъ именемъ Алексѣева, къ себѣ откушать за-просто, чѣмъ Богъ послалъ.

Кстати о визитныхъ карточкахъ. За границею попадаются такія съ вольными или невольными ошибками; напримѣръ: какой-нибудь *надворный совѣтникъ* переводитъ на Французскій языкъ чинъ свой: *conseiller de la cour de Russie*, вмѣсто conseiller de cour. И добрые Французы привѣтствуютъ въ немъ совѣтователя императорскаго двора, или государственнаго кабинета, и нерѣдко съ большою наивностью говорятъ ему: по возвращеніи вашемъ въ Россію, вы должны были бы присовѣтовать правительству такую-то или другую мѣру. *Губернскій секретарь* непремѣнно возводитъ себя въ *secrétaire du gouvernement*, и такъ далѣе! Поди объясняй иностранцамъ весь условный и кабалистическій языкъ нашей табели о рангахъ.

Фельдмаршалъ графъ Гудовичъ крѣпко стоялъ за свое званіе. Во время генералъ-губернаторства его въ Москвѣ пріѣзжаетъ къ нему иностранный путешественникъ. Графъ спрашиваетъ его, гдѣ онъ остановился. — „Au pont des Maréchaux“. — Des maréchants ferrants, vous voulez dire, перебиваетъ графъ довольно гнѣвно: en Russie, il n'y a de maréchal que moi.

Онъ говаривалъ, что, съ полученіемъ полковничьяго чина, онъ пересталъ метать банкъ сослуживцамъ своимъ. Не прилично, продолжалъ онъ, старшему подвергать себя требованію какого-нибудь молокососа-прапорщика, который, понтируя противъ васъ, почти повелительно вскрикиваетъ: *аттанде!* Въ Москвѣ былъ онъ настойчивый гонитель очковъ и троечной упряжи. Никто не смѣлъ являться къ нему въ очкахъ; даже и въ постороннихъ домахъ, случалось ему, завидя очконосца, посылать къ нему слугу съ наказомъ: нечего вамъ здѣсь такъ пристально разглядывать; можете снять съ себя очки. Пріѣзжавшіе въ городъ изъ подмосковныхъ на дрожкахъ, въ телѣгахъ или въ легкихъ коляскахъ, запряженныхъ тройками, должны были, подъ опасеніемъ попасть въ полицію, выпрягать у заставы одну лошадь и, привязывая ее сзади, ѣхать такимъ образомъ по улицамъ, что̀ было очень некрасиво и неудобно для пѣшеходовъ, въ которыхъ эти лошади могли свободно лягать. Но вотъ наступилъ 1812 годъ. Мѣры благочинія, принимаемыя противъ злоупотребленія очковъ и третьей лошади, показались правительству недостаточными. Оно признало нужнымъ вызвать въ Москву новую, свѣжую, болѣе энергическую силу. Графъ Ростопчинъ замѣнилъ графа Гудовича, при которомъ, между прочимъ, былъ домашній врачъ, кажется, Сальваторе. Этого послѣдняго подозрѣвали въ неблагонадежности и въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ съ непріятелемъ. Графъ Гудовичъ гналъ очки, а графъ Ростопчинъ говорилъ въ одной изъ своихъ газетъ, что *онъ смотритъ въ оба*, что̀ впрочемъ не помѣшало ему просмотрѣть Москву, хотя и по обстоятельствамъ, отъ него не зависившимъ.

Одинъ изъ Московскихъ полицмейстеровъ того времени говорилъ предъ вступленіемъ непріятеля въ бѣлокаменную: „Вотъ

оказія! Сколько уже лѣтъ нахожусь я на службѣ въ этой должности. Мало-ли чего не было! Но ничего подобнаго этому не видалъ я“.

При переводѣ К Я. Булгакова изъ Московскихъ почтдиректоровъ въ Петербургскіе, оберъ-полицмейстеръ Шульгинъ говорилъ брату его Александру: „Вотъ мы и братца вашего лишились. Все это комплотъ противъ Москвы. Того гляди и меня вызовутъ. Ну ужъ если не нравится Москва, такъ скажи прямо: я берусь выжечь ее не по-французски и не по-растопчински, а по своему, такъ что послѣ меня не отстроятъ ее во сто лѣтъ“.

Онъ же говорилъ: „Французы ужасные болтуны и очень многословны. Напримѣръ, говорятъ они: *Команъ ву портѐ ву?* Къ чему эти два *ву?* Не простѣе ли сказать: *Команъ портѐ?* И такъ каждый пойметъ“.

При выборахъ въ Московскомъ дворянскомъ собраніи князь Д. В. Голицынъ въ рѣчи своей сказалъ о выбранномъ совѣстномъ судіи: сей, такъ сказать, неумытный судія. Ему хотѣлось высказать Французское значеніе: la conscience est un juge inéxorable и сказать *неумолимый* судья; но Мерзляковъ не одобрилъ этого слова и предложилъ *неумытный*. „И по неволѣ неумытный“, сказалъ Дмитріевъ: „онъ умываться не можетъ, потому что краситъ волоса свои“.

Русскій, пребывающій за границею, спрашивалъ земляка своего, прибывшаго изъ Россіи: „А что дѣлаетъ литература наша?“ — „Что сказать на это? Буду отвѣчать, какъ отвѣчаютъ купчихи одного губернскаго города на вопросъ объ ихъ здоровьѣ: не такъ, чтобы такъ, а такъ, что не такъ, что не оченно такъ“.

Полевой написалъ въ альбомѣ г-жи Карлгофъ стихи подъ заглавіемъ: „Поэтическій анахронизмъ, или стихи въ родѣ Василія

Львовича Пушкина и Ивана Ивановича Дмитріева, писанные въ 19-мъ вѣкѣ“. И какія же это стихи въ родѣ Дмитріева! Вотъ образчикъ:

Гостиная — альбомъ,
Паркетъ и зала съ позолотой
Такъ пахнутъ скукой и зѣвотой.

Паркетъ *пахнетъ зѣвотой*! Что за галиматья! А какое отсутствіе вкуса и приличія, литературное безстыдство въ глумленіи подобными стихами надъ изящными и образцовыми стихами Дмиріева. А есть люди, которые смотрѣли, есть такіе, которые смотрятъ и нынѣ на Полевова какъ на критика и на литературнаго судію. Полевой былъ просто смышленный Русскій человѣкъ. Онъ завелъ литературную фабрику на авось, какъ завелъ бы ситцевую или всякую другую мастерскую. Не очень искусный и совѣстливый въ работѣ своей, онъ выказывалъ товаръ лицемъ людямъ, не имѣющимъ никакого понятія о достоинствѣ товара. Опять какъ Русскій человѣкъ, надувалъ онъ ихъ немножко, какъ слѣдуетъ надувать Русскихъ потребителей. Почему же и нѣтъ? Это въ порядкѣ и шло благополучно. Товаръ по мастеровому, и покупщикъ по товару. Такъ вообще идутъ двѣ трети всякой торговли.

Когда Магницкій второю ссылкою своею былъ сосланъ въ Ревель, Сперанскому были приписаны слѣдующія слова: „Какъ можно посылать Магницкаго въ Ревель? Туда ѣздятъ за здоровьемъ, а онъ присутствіемъ своимъ и воздухъ заразитъ“.

Вотъ какъ нерѣдко развязываются политическія дружбы и связи!

Неизвѣстно, до какой степени Магницкій способенъ былъ заразить воздухъ; но по слухамъ несомнѣнно, что онъ въ ссылочныхъ пилигримствахъ своихъ затронулъ не одно женское сердце. Онъ и въ Ревелѣ былъ еще видный, статный и красивый мужчина. Черты лица правильныя, лицо выразительное, взглядъ уклончивый и вмѣстѣ съ тѣмъ вкрадчивый. Внѣшніе пріемы его отличались изящностью, щегольствомъ, вѣжливостью и навыкомъ къ избранному обществу. Какіе ни были бы политическіе замыслы его, наружность и обра-

щеніе его постоянно носили отпечатокъ аристократическій, свойственный всѣмъ благовоспитаннымъ людямъ того времени. Однимъ словомъ, былъ видѣнъ въ немъ свѣтскій человѣкъ, въ хорошемъ и полномъ значеніи, чего не было въ Сперанскомъ ни въ первой порѣ возвышенія, ни во второй порѣ возстановленія его. Родовая оболочка Сперанскаго всегда болѣе или менѣе выказывалась. Впрочемъ, должно замѣтить, что по крайней мѣрѣ въ послѣднемъ періодѣ своемъ онъ былъ отмѣнно вѣжливъ и предупредителенъ. Съ людьми, отличающимися умственными способностями или дарованіями, пускалъ онъ въ ходъ даже нѣкоторое искусное заискиваніе и обольщеніе. Во время первой силы его, говорили, что при разговорѣ о вельможахъ Екатерининскихъ временъ, сказалъ онъ: „Въ наше время вельможъ нѣтъ и быть не можетъ. Вельможа развѣ одинъ я“. Сказалъ ли онъ это или нѣтъ, ни утвердительно, ни отрицательно рѣшить теперь нельзя; но во всякомъ случаѣ можно признать за истину, что школа испытанія, чрезъ которую онъ прошелъ, была ему въ пользу, что впрочемъ и весьма естественно въ человѣкѣ умномъ и отрезвившемся отъ хмѣля счастія и фортуны.

Магницкаго не зналъ я на поприщахъ государственной дѣятельности: ни въ Петербургѣ, гдѣ онъ вращался спутникомъ или отблескомъ свѣтила, то есть Сперанскаго, ни въ Симбирскѣ, гдѣ былъ онъ губернаторомъ, ни въ Казани, гдѣ управлялъ онъ университетомъ и учебнымъ округомъ. Узналъ я только Магницкаго сосланнаго, и то видѣлъ его всего два раза, или точнѣе одинъ разъ: первый, мелькомъ въ постороннемъ домѣ, другой у себя, наканунѣ отъѣзда моего изъ Вологды. Посѣщеніе его продолжалось около двухъ часовъ. Онъ показался мнѣ человѣкомъ умнымъ и образованнымъ, съ нѣкоторыми оттѣнками литературы, хотя, впрочемъ, не знаю почему, *Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ*, который тогда присланъ мнѣ былъ изъ Петербурга, напоминалъ, по мнѣнію его, Англійскаго поэта Драйдена въ его *Торжествѣ Александра*. Говорилъ онъ правильно и бойко какъ по-русски, такъ и по-французски. Озлобленія и желчи въ немъ я не замѣтилъ, а также и чванства прежняго блеска и чванства паденія своего. (Есть люди, которые, такъ сказать, щеголяютъ и пыль пускаютъ въ глаза опалою своею. Это худшее чванство). Ничего не было въ

немъ ссыльнаго: онъ казался, какъ и всѣ мы, Москвичи, временно выселенными изъ Москвы, по независимымъ отъ насъ обстоятельствамъ. И только! На первыхъ порахъ знакомства, и, такъ сказать, при первой встрѣчѣ со мною, онъ былъ довольно откровенъ, хотя, разумѣется, не вполнѣ разоблачилъ таинства дѣятельности Сперанскаго, котораго былъ онъ подмастерьемъ и, такъ сказать, приказчикомъ. Не объяснилъ онъ подробно и причинъ крутаго паденія обоихъ. Общее впечатлѣніе, оставшееся во мнѣ послѣ этой бесѣды, слѣдующее. Въ замыслахъ Сперанскаго не было ничего преступнаго и, въ юридическомъ смыслѣ, государственно-измѣническаго; но было что-то предательское въ личныхъ отношеніяхъ Сперанскаго къ Государю. Неограниченная довѣренность Александра не встрѣчала въ любимцѣ и сподвижникѣ его полной взаимности. Напротивъ могла встрѣтить она поползновеніе употребить, если не во зло, то нерѣдко, черезъ край, эту царскую довѣренность. Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что въ окончательныхъ цѣляхъ не было единства между Императоромъ и министромъ: сей послѣдній хотѣлъ идти далѣе и въ особенности скорѣе. Съ другой стороны, въ пріятельскихъ разговорахъ, чуть-ли даже не въ перепискѣ, пускаемы были шутки, насмѣшливыя прозвища, заимствованныя, между прочимъ, изъ сказокъ Вольтера. Все это, когда сдѣлалось извѣстнымъ, не могло не имѣть прискорбнаго отголоска въ чувствахъ Государя. Нѣсколько мнительный, и при всей кротости своей, самолюбивый Александръ чувствовалъ себя нравственно и лично оскорбленнымъ въ этомъ тайномъ неуваженіи къ нему Сперанскаго. Въ этомъ могъ онъ видѣть даже предательство и, во всякомъ случаѣ, имѣлъ полную причину признать это неблагодарностью. Прибавьте къ тому почти общее недовольство при оглашеніи государственныхъ мѣръ, вымышляемыхъ Сперанскимъ, неудовольствіе, имѣвшее въ Карамзинѣ краснорѣчиваго обличителя, а въ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, въ графахъ Ростопчинѣ и Армфельдтѣ, въ Балашовѣ и можетъ быть во многихъ другихъ, дѣятельныхъ и сильныхъ и уже не просто теоретическихъ поборниковъ; примите при томъ въ соображеніе, что на Россію надвигалась туча, разразившаяся грозою 1812 года, и извѣстны были Наполеоновскія и вообще Французскія сочувствія Сперанскаго; со-

вокупите всѣ эти обстоятельства, подведите ихъ подъ одинъ итогъ, и тогда, если еще не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ нѣсколько объяснится и оправдается неожиданное и всѣхъ изумившее паденіе могучаго счастливца.

Въ разсказѣ своемъ Магницкій живописно изображалъ нѣкорыя подробности этого паденія и роковой аудіенціи, на которой совершился разрывъ. Сперанскій прямо изъ дворца отправился къ Магницкому, чтобы увѣдомить его о случившемся; но у подъѣзда дома, имъ занимаемаго, узналъ онъ, что Магницкій вывезенъ былъ подъ полицейскимъ надзоромъ. Не мудрено было догадаться ему, что та же участь ожидаетъ и его. Подъѣхавъ къ себѣ и выходя изъ кареты, увидѣлъ онъ, чрезъ окно, *силуэтку Балашова, которая рисовалась на стѣнѣ кабинета его*: подлинныя слова, сказанныя Магницкимъ, который, вѣроятно, передавалъ ихъ изъ письма къ нему Сперанскаго.

Изо всего разговора моего съ Магницкимъ осталось во мнѣ впечатлѣніе, что въ немъ не было основы государственнаго человѣка. Впрочемъ, едва ли и самъ Сперанскій былъ таковымъ въ полномъ значеніи этого выраженія. Нечего и говорить, что онъ былъ человѣкъ значительно возвышающійся надъ уровнемъ человѣческихъ рядовъ. Стóитъ только прочесть послужной списокъ его и провѣрить нѣкоторыя вѣхи, значащіяся на пути имъ пройденномъ отъ сельскаго священническаго дома до высшихъ государственныхъ должностей и почестей, чтобы убѣдиться, что предъ нами натура избранная, сильная, живучая. Тутъ однимъ счастіемъ не объяснишь подобнаго перерожденія и преобразованія. Разумѣется, счастіе нужно и тутъ, и очень нужно; но притомъ нужны еще умъ честолюбивый, врожденныя способности и дарованія, напряженная сила воли, ничѣмъ не развлекаемая и постоянно бьющая въ одну цѣль. Талеранъ сказалъ о Тьерѣ: il n'est pas un parvenu, il est un arrivé Можно сказать и о Сперанскомъ: онъ не выскочилъ, а дошелъ. Если хорошенько вглядѣться въ жизнь, способности и сокровенныя свойства подобныхъ государственныхъ счастливцевъ, то убѣдишься, что ихъ счастіе не есть одно прихотливое созданіе самовластительнаго произвола; убѣдишься, что въ нихъ самихъ уже и ранѣе таились зародыши и залоги успѣховъ ихъ и

возвышенія. Разумѣется, выборы власти, какъ и всѣ человѣческія дѣйствія, могутъ оказаться ошибочными; но власть вообще прозорлива: на сторонѣ ея, и при выборахъ, не совсѣмъ удачныхъ, встрѣчаются, при тщательномъ изысканіи и дознаніи, побужденія и причины, которыя могутъ въ нѣкоторой степени оправдывать эти выборы.

Сперанскій былъ умъ свѣтлый, гибкій, воспріимчивый, можетъ быть, слишкомъ воспріимчивый; но съ другой стороны, умъ его былъ болѣе объемистый, нежели глубокій, умъ болѣе сообразительный, нежели заключительный. При всей наклонности своей къ нововведеніямъ, онъ мало имѣлъ въ себѣ почина и творчества. Въ нововведеніяхъ своихъ былъ онъ болѣе подражатель, часто трафарельщикъ. Можетъ быть, по свойствамъ своимъ и характеру, по быстротѣ перехода изъ положенія болѣе чѣмъ скромнаго къ положенію почти господствующему надъ всѣми, онъ, при всемъ умѣ своемъ, при всей сметливости, не успѣлъ опомниться, осмотрѣться и хладнокровно оцѣнить счастіе свое. Онъ слѣпо и съ упоеніемъ предался ему. Во время силы своей и лихорадочной преобразовательной дѣятельности, онъ, разумѣется, находилъ въ людяхъ усердныя и порабощенныя орудія себѣ: въ ласкателяхъ, въ потакальщикахъ также недостатка не было и быть не могло. Но ни въ средѣ правительственной, ни въ средѣ общественной, не имѣлъ онъ ни чистосердечныхъ союзниковъ, ни единомышленниковъ. Онъ ни на что и ни на кого опереться не могъ. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ опорѣ, которую онъ имѣлъ въ самомъ Государѣ: опорѣ, разумѣется, чрезъ-чуръ достаточной, чтобы поддержать и вполнѣ застраховать его. Но по стеченію и по роковой силѣ обстоятельствъ наконецъ и эта опора измѣнила ему. Онъ палъ, никѣмъ не оплаканный; развѣ одинъ Государь искренно и прискорбно сочувствовалъ паденію, котораго былъ онъ, такъ сказать, невольнымъ виновникомъ. Есть свидѣтельства, на это указывающія. Нѣтъ сомнѣнія, что Государь любилъ Сперанскаго болѣе, нежели Сперанскій любилъ его. Есть и на это неопровержимыя свидѣтельства.

Кѣмъ-то сказано, что Сперанскій былъ преимущественно *чиновникъ огромнаго размѣра.*

Есть люди, которые вѣруютъ во всемогущество и всетворчество редакціи. Они въ перѣ своемъ видятъ рычагъ Архимеда, а въ листѣ бумаги точку опоры, о которой онъ тосковалъ. Едва-ли не приближается Сперанскій къ этому разряду людей. Онъ оставилъ по себѣ много письменныхъ памятниковъ: проекты, уложенія, регламентаціи, издательскіе, многотомные и весьма полезные, какъ справки, труды по части кодификаціи. Все это вообще, если не строго и придирчиво вникать въ подробности, незабвенныя и многоцѣнныя заслуги. Но все это могъ оставить по себѣ и ученый профессоръ, не выходившій изъ кабинета своего. Государственной личности все еще тутъ не выказывается. Какъ-бы то ни было, Сперанскій займетъ видное мѣсто въ нашей современной гражданственной исторіи. Но существенныхъ, прочныхъ, вполнѣ государственныхъ слѣдовъ его отыщется немного на отечественной почвѣ. Не говоримъ уже о Пензѣ, гдѣ онъ просто милостиво, дружелюбно губернаторствовалъ по обыкновеннымъ порядкамъ и общепринятому покрою; кругъ дѣйствія его въ этихъ предѣлахъ былъ слишкомъ ограниченъ, слишкомъ тѣсенъ для властолюбиваго ума его, требующаго болѣе простора и привыкшаго къ большему простору. Но какъ могла Сибирь не возбудить государственной дѣятельности его? Какъ эта земля обѣтованная, эта новь обѣщающая такую богатую и плодоносную жатву рукѣ трудолюбивой и зиждительной, которая посвятила бы себя обработкѣ ея, какъ не прилѣпила она его къ себѣ? Какъ не овладѣла она всѣми его умственными способностями и сочувствіями, чтобы онъ на ней, на почвѣ ея, въ самыя нѣдра этой почвы, а не только на бумагѣ, поселилъ и водворилъ свои государственныя понятія и мысли, если они въ самомъ дѣлѣ были ему присущи? Тутъ разстилалось предъ нимъ безконечное и безпрепятственное поприще для многихъ дѣйствительныхъ, а не только канцелярскихъ преобразованій. Какъ не высказалъ, не выказалъ себя тутъ истинный нововводитель, прокладыватель новыхъ путей, зачинщикъ новыхъ порядковъ? Вотъ вопросы, которые, къ сожалѣнію нашему, напрасно возникаютъ въ умѣ при разсмотрѣніи и оцѣнкѣ государственныхъ способностей и призваній Сперанскаго. Истинный государственный человѣкъ (а впрочемъ, такого рода люди и у самой всеобщей исторіи на счету)

полюбилъ-бы Сибирь, подавилъ-бы въ себѣ сѣтованія мелочной суетности, и посвятилъ бы охотно нѣсколько лѣтъ жизни своей обработкѣ и возсозданію этой страны. Сибирь разскрывалась предъ нимъ, какъ предъ новымъ Ермакомъ. Сперанскій могъ вторично завоевать ее и покорить Россіи. Но нѣтъ: онъ скучалъ Сибирью, онъ тяготился обязанностями и мыслью о подвигѣ, который предстоялъ ему, онъ на скорую руку отдѣлывался бумажною дѣятельностью. Какъ изгнанный Овидій писалъ въ Римъ свои Черноморскія элегіи, такъ Сперанскій отправлялъ по почтѣ въ свой Римъ, въ Петербургъ, свои Сибирскія Tristia. Онъ суетно рвался въ Петербургъ. Ему нужна была кипучая, въ обширныхъ размѣрахъ, писчебумажная, скороспѣлая канцелярская производительность. Канцелярія была форумъ его. Приложительная, полезная дѣятельность, въ опредѣленномъ кругѣ дѣйствія, была не по немъ.

При началѣ возвышенія своего, онъ чувствовалъ, и въ этомъ отношеніи совершенно единомысленно съ Императоромъ Александромъ, что многое у насъ не такъ и что многое требуетъ исправленія и подновленія. Но одно сознавать недостатки и зло, а третье замѣщать эти недостатки правильными силами, а зло надежнымъ добромъ. Не даромъ вошелъ въ общую пословицу стихъ Буало: Критика легка, но искусство мудрено. Крыловъ говорилъ о Шишковѣ, какъ литтераторѣ: слѣдовать примѣрамъ его не должно, а пользоваться иными критиками его можетъ быть полезно. Крыловъ обычно одѣвалъ мысль свою обликомъ аполога. Шишковъ въ этомъ отношеніи, продолжалъ онъ, похожъ на человѣка. который доказывалъ бы, какъ опасно употреблять недостаточно луженую кухонную посуду, и сталъ бы совѣтовать чаще лудить ее сурикомъ. Мы видимъ изъ общей исторіи, что встрѣчаются преобразователи, къ которымъ можно вполнѣ примѣнить апологъ Крылова.

По нашему мнѣнію, Сперанскій, при другихъ порядкахъ, при другихъ, или иначе условленныхъ обстоятельствахъ, могъ бы сдѣлаться очень полезнымъ дѣятелемъ на гражданскомъ поприщѣ: напримѣръ, при Екатеринѣ. Онъ былъ бы для нея драгоцѣнная находка. Она любила реформы, но постепенныя; преобразованія, но не крутыя. Ломки не любила она. Она была умъ свѣтлый и смѣлый, но положительный. Любимый внукъ ея былъ ума болѣе отвле-

ченнаго и нѣсколько романическаго; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ натуры отмѣнно-доброжелательной и благонамѣренной. Надежды, виды его на преобразовательное воспитаніе Россіи и на благоденствіе ея были чисты и возвышенно-благородны. Онъ предавался имъ съ любовью. Но, можетъ быть, не всегда изыскивалъ онъ твердую и благонадежную почву, чтобы положить прочную основу подъ предпринимаемыя имъ постройки. Сперанскій не имѣлъ въ себѣ ничего романическаго: вѣроятно было въ немъ мало и филантропическаго, въ общемъ значеніи этого слова. Онъ былъ то, что позднѣе стали называть *идеалогомъ* и *доктринеромъ*, то-есть человѣкомъ, который крѣпко держится нѣсколькихъ предвзятыхъ понятій и правилъ и хочетъ безъ разбору подчинять имъ дѣйствительность, а не ихъ согласовать съ нею и съ условіями и требованіями ея.

Въ этихъ оттѣнкахъ и сошелся съ нимъ Александръ. Не желая быть только *счастливымъ случаемъ*, какъ выразился онъ въ разговорѣ съ м-мъ Сталь, но, по чувствамъ своимъ и внутреннему обѣту, рѣшившійся упрочить на твердомъ и законномъ основаніи благоденствіе и могущество Россіи, онъ обрадовался, встрѣтя Сперанскаго. Онъ ухватился за него, какъ за свѣжую силу, новое орудіе, посланное ему Провидѣніемъ для осуществленія завѣтныхъ думъ и желаній, которыя озабочивали и волновали его въ юношескія лѣта. Многія свойства и качества Сперанскаго были таковы, что вполнѣ оправдывали сочувствіе и пристрастіе Александра.

Сперанскій былъ ловкій и скорый редакторъ и пріятный, то-есть свѣтлый и вразумительный докладчикъ. Началась спѣшная работа. Государь увлекался благовидно-либеральными предначертаніями, которыхъ смыслъ и духъ носилъ онъ долго въ груди своей. Съ другой стороны Сперанскій увлекался своею *редакціонною* легкостью и способностью. Настоящія нужды Россіи, истинныя выгоды ея, то что̀ въ нововведеніяхъ могло оказать вредное вліяніе на эти выгоды, все это, за скоростью работы, за *вѣрою въ редакцію*, о которой мы говорили выше, все это болѣе или менѣе оставлялось безъ надлежащаго и испытующаго вниманія. Между тѣмъ наступающій 12-й годъ, съ своимъ предыдущимъ и опасеніями за будущее, круто пресѣкъ всѣ эти попытки и почины. Что̀ вышло бы

изъ нихъ, если бы Сперанскій, такъ или иначе, не утратилъ бы довѣренности Государя и не разразилась бы надъ Россіею Наполеоновская гроза, гроза, которая перенесла заботы, дѣятельность и честолюбивыя цѣли Александра на совершенно иную почву? Что вышло бы? На сей вопросъ отвѣчать трудно. О томъ знаетъ развѣ одинъ Русскій Богъ. Судьбы Россіи поистинѣ неисповѣдимы. Можно полагать, что у насъ и выдуманъ Русскій Богъ, потому что многое у насъ творится совершенно внѣ законовъ, коими управляется все прочее мірозданіе. Какъ знать, можетъ быть и Сперанскому суждено было оставить по себѣ память не только какъ издателя Полнаго Собранія Законовъ и Свода Законовъ, какъ нынѣ, но и главнаго сотрудника въ дѣлѣ кореннаго государственнаго преобразованія Россіи. Но точно также, какъ Русскій Богъ выдвинулъ Сперанскаго впередъ, такъ онъ и отодвинулъ его. Исторія паденія Сперанскаго остается въ лѣтописи нашей одною изъ загадокъ, и едва-ли не останется и навсегда загадкою. По возможности навели мы здѣсь нѣкоторые проблески свѣта на нее; но, разумѣется, далеко не достаточны они, чтобы вполнѣ объяснить всѣ таинственныя стороны возвышенія, могущества и паденія Сперанскаго.

Для конца очерка нашего сберегли мы одно обстоятельство: оно вовсе не поясняетъ дѣла, можетъ быть и пуще еще запутываетъ его; но оно указываетъ, между прочимъ, на личныя отношенія Александра къ Сперанскому, которыя пережили и разрывъ съ нимъ и паденіе его. Это обстоятельство, кажется, мало извѣстно; можетъ быть, извѣстно развѣ двумъ или тремъ лицамъ. „Мы ѣхали (говорилъ князь Петръ Михаиловичъ Волконскій графу Павлу Дмитріевичу Киселеву) съ Государемъ изъ Москвы въ Петербургъ. На переѣздѣ отъ одной станціи къ другой, по Новгородской губерніи, Императоръ вдругъ приказалъ ямщику своротить въ сторону. Я удивился этому приказанію и обратился лицомъ къ нему. Онъ замѣтилъ удивленіе мое и спросилъ меня, знаю-ли я, куда мы ѣдемъ? На отвѣтъ мой, что не знаю, онъ улыбаясь сказалъ мнѣ: „Ну, недальновиденъ же ты, любезнѣйшій мой; сколько времени ты при мнѣ могъ бы, кажется, успѣть узнать меня, а не догадываешься, что ѣдемъ къ Сперанскому“. Этотъ разсказъ, переданный мнѣ Киселевымъ изъ устъ самого князя Волконскаго, имѣетъ,

въ глазахъ моихъ и по убѣжденію моему, историческую достовѣрность. Правдивость обоихъ лицъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Слышалъ я это отъ Киселева въ 1818 или 1819-мъ году: слѣдовательно, какъ полагать должно, вскорѣ послѣ событія. Свѣжая память не могла измѣнить Киселеву. Въ историческихъ и анекдотическихъ разсказахъ должно, сколько есть возможности, по Французской поговоркѣ ставить les points sur les i: то-есть всякое лыко въ строку.

Возвратимся на нѣсколько минутъ къ Магницкому, который, одно время, былъ отблескомъ, отраженіемъ Сперанскаго. Многіе привыкли видѣть въ немъ только лѣшаго Казанскихъ лѣсовъ, или Казанскаго университета. Какъ бы то ни было, но имѣлъ онъ нѣкоторыя и человѣческія черты. Зачѣмъ же не приводить и ихъ въ извѣстность? Онъ, кажется, былъ воспитанникомъ благороднаго пансіона при Московскомъ университетѣ, и воспитанникомъ, кончившимъ курсъ свой съ блестящимъ успѣхомъ. Вообще въ немъ было много блеска и представительности. Въ началѣ своей служебной дѣятельности, проходилъ онъ чрезъ дипломатическія должности при посольствахъ нашихъ въ Вѣнѣ и въ Парижѣ. Въ молодости писалъ онъ стихи, которые Карамзинъ печаталъ въ *Аонидахъ* своихъ. Въ нѣкоторыхъ поэтическихъ попыткахъ его прорывается стремленіе усвоить себѣ иныя лирическія замашки Державина. Вообще эти попытки могли быть задатками, надеждами на будущее. Долго была въ ходу пѣсня его:

Измѣнилъ и признаюся,
Виноватъ передъ тобой:
Но утѣшься: я влюблюся,
Измѣню еще и той.

Кончалась она слѣдующими стихами:

Лучше, лучше не влюбляться,
Понемножку всѣхъ любить,
Всѣхъ обманывать стараться,
Чтобъ обманутымъ не быть.

Пѣсенка эта, видите вы, не отличается строгимъ правоученіемъ. Вѣроятно, попадись она писанная студентомъ во времена Казанскаго попечительства, кураторъ торжественно предалъ бы ее публичному костру.

Въ первыхъ годахъ столѣтія, Нелединскій написалъ ему шуточное и пріятельское посланіе. Нелединскій былъ старше его годами и выше по общественному положенію; онъ вообще былъ разборчивъ и воздержанъ въ сношеніяхъ своихъ съ людьми. Это обстоятельство также служитъ благопріятнымъ свидѣтельствомъ въ пользу обвиненнаго, то-есть Магницкаго, qui depuis... mais alors il etait vertueux *).

Ну, если и не совсѣмъ vertueux, то по крайней мѣрѣ въ то время былъ онъ человѣкъ, какъ водится, не только *такъ себѣ*, какъ говорится, но и въ нѣкоторомъ отношеніи отличающійся отъ толпы и даже сочувственный. Честолюбіе и одностороннее стремленіе, доводящее до фанатизма, могутъ исказить и подавить лучшія внутреннія качества, умственныя и нравственныя. Съ другой стороны развиваютъ они и воплощаютъ недобрые зародыши, которые, въ томъ или другомъ видѣ, въ той или другой степени силы, гнѣздятся въ глубокомъ тайникѣ каждаго человѣка. Вотъ, кажется, исторія и Магницкаго. Мы, вообще, очень любимъ бичевать и добивать забитыхъ. Мы злорадствуемъ, когда безотвѣтственно и безнаказанно предаютъ намъ кого-нибудь на заѣденіе. Вотъ, напримѣръ, Магницкій. Онъ уже при жизни своей испыталъ кару власти и общественнаго мнѣнія. Зачѣмъ еще предавать его и загробнымъ пыткамъ? Не требуемъ, чтобы прикрывали молчаніемъ и забвеніемъ все темное и недоброе въ минувшемъ; но можно и должно требовать суда хладнокровнаго, нелицепріятнаго. Ужъ если гдѣ должны быть принимаемы въ соображеніе les causes atténuantes (облегчающія обстоятельства), то именно въ судѣ и приговорахъ надъ дѣятелями минувшаго времени, уже сошедшими съ лица земли. Они не могутъ оправдывать себя, не могутъ пояснить многое, которое, можетъ быть, не вполнѣ оправдало бы ихъ, но, по крайней мѣрѣ, уменьшило бы ихъ вину, часто плодъ обстоятельствъ, общественной температуры и другихъ трудно одолѣваемыхъ условій. Предъ виновными или надъ виновными людьми бываютъ и виновны обстоятельства и вліянія. Обязанность и дѣло судіи распутывать и опредѣлять эти сложные и нерѣдко многосложные узлы. Наши судіи часто лицепріятны; они выдвигаютъ на отдѣльную скамью обвиненія лицо,

*) Который потомъ... но тогда онъ былъ добродѣтеленъ.

которое они подозрѣваютъ, или котораго не возлюбили, и устремляютъ на него всѣ улики, всѣ возможныя натяжки, не возлагая на себя труда провѣрить, прочистить среду, окружавшую его.

Мы говорили о романическихъ оттѣнкахъ свойствъ и характера Императора Александра. Это приводитъ на память сказанное намъ Н. Н. Новосильцевымъ. Извѣстно изъ разныхъ источниковъ и изъ писемъ самого Александра, что въ молодости своей питалъ онъ намѣреніе отречься отъ предстоящаго ему престола и поселиться гдѣ-нибудь внѣ Россіи, въ тихомъ и уединенномъ пристанищѣ. Тогдашніе друзья его, Новосильцевъ, графъ Строгановъ, Кочубей, не одобряли въ немъ подобнаго направленія, нерѣдко, въ разговорахъ, оспоривали его, но переубѣдить его не могли. Наконецъ, положили они между собою прибѣгнуть къ слѣдующей уловкѣ. Они рѣшились приступить письменно къ этой задачѣ и распорядились въ перепискѣ своей такимъ образомъ: въ первомъ письмѣ изъявлялось почти согласіе съ мнѣніемъ Александра Павловича и одобрялось намѣреніе его; во второмъ письмѣ допускались нѣкоторыя сомнѣнія о правильности и нравственномъ достоинствѣ подобнаго поступка; въ слѣдующихъ письмахъ, постепенно, разбиралась подлежащая тема все крещендо и крещендо въ томъ же духѣ отрицанія. Наконецъ, въ послѣднемъ письмѣ вопросъ былъ разобранъ со всею возможною строгостью съ воззрѣнія нравственнаго и государственнаго. Молодые оппоненты со всѣхъ баттарей логики и краснорѣчія своего открыли огонь и громили засаду, въ которой упорно держался противникъ. Побѣда осталась за ними: осажденный сдался. Въ наше время, этотъ способъ убѣжденія и вся эта письменная продѣлка могутъ показаться странными, если даже не смѣшными. Эти пріемы отзываются школьною скамьею, на которой ученики, по задачѣ магистра, разработываютъ разныя реторическія хріи. Но покорнѣйше просимъ отступить за многіе десятки лѣтъ и смотрѣть на минувшее глазами минувшаго, а не настоящаго. Этотъ способъ былъ, такъ сказать, въ нравахъ этого времени. Тогда писатели любили писать *диссертаціи*, а читающая публика не пугалась этой схоластики, не скучала ею. Два величайшіе писатели

того вѣка, Ж. Ж. Руссо и Дидеро, были большіе диссертаторы, что́ не мѣшало имъ быть краснорѣчивыми и увлекательными писателями.

Любопытно отыскать эти письма. Вѣроятно, были они преимущественно писаны Новосильцевымъ, который былъ и грамотнѣе, и литературнѣе товарищей своихъ.

Несправедливо было бы, хотя и довольно правдоподобно, обвинять наставника Лагарпа въ привитіи этихъ идиллическихъ наклонностей своему царскому воспитаннику. Лагарпъ, хотя и землякъ знаменитаго Сенъ-Пре́ (Новая Гелоиза), былъ натуры вовсе не романической. Онъ былъ человѣкъ степеннаго и холоднаго темперамента, человѣкъ преимущественно политическій. Онъ могъ, пожалуй, недостаточно знать Россію; но онъ былъ уменъ, образованъ и честенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ, сколько могъ и умѣлъ, велъ воспитанника своего не къ царской хижинѣ, а къ престолу одного изъ могущественнѣйшихъ государствъ въ Европѣ. Отдадимъ ему заслуженную имъ и полную справедливость. Его, такъ сказать, нравственная опека надъ державнымъ отрокомъ, вліяніе на него сколько преподаваніемъ, столько и постояннымъ сообщеніемъ, много, безъ сомнѣнія, содѣйствовали развитію тѣхъ врожденныхъ и прекрасныхъ качествъ, коими позднѣе любовались современники, какъ въ Россіи, такъ и въ чужихъ странахъ. Мечтательныя думы Александра образовались въ немъ, можетъ быть, изъ другаго и собственнаго его источника. Темныя и, вѣроятно, довольно зыбкія желанія Александра отречься отъ престола едва-ли не возродились въ глубокомъ тайникѣ нравственной организаціи его. Онъ съ ранней молодости своей пламенно, искренно, но, можетъ быть, не совсѣмъ сознательно любилъ добро. Положеніе его, окружавшая его атмосфера, не могли содѣйствовать раннему и полному созрѣнію понятій, правилъ и характера его. При этомъ, по другимъ мягкимъ свойствамъ его, по недостатку твердой воли, нѣкоторой постылости къ постоянному и напряженному труду, онъ, можетъ быть, не признавалъ въ себѣ достаточныхъ способностей и силъ, чтобы править такою державою какъ Россія. Много лѣтъ спустя, говорилъ онъ графинѣ Софьѣ Владиміровнѣ Строгановой: notre éducation avec mon frére Constantin a été mal emmanchée. (Наше

воспитаніе съ братомъ Константиномъ было худо прилажено, *завинчено;* трудно передать буквально Французское выраженіе: корень его вѣроятно рукоятка — худо принялись за рукоятку воспитанія нашего).

Онъ въ молодости своей, такъ сказать, не предвидѣлъ, не предчувствовалъ въ себѣ Александра 12-го года, Александра Москвы и Парижа. Тутъ явились въ немъ и сила, и постоянство воли. Не слѣдуетъ также забывать, что эта *мечтательность* была тоже въ нравахъ вѣка того. Вездѣ господствовала нѣкоторая *философическая сентиментальность*: Отрицательные умы и вожди Энциклопедіи поддавались обаянію этой сентиментальности. Съ одной стороны важнѣйшіе общественные вопросы были на очереди: ихъ перевертывали на всѣ стороны, ставили ихъ, такъ сказать, на дыбы. Дѣло шло о томъ: быть или не быть порядкамъ закрѣпленнымъ, освященнымъ многими столѣтіями. Испаренія, подымающіяся отъ этихъ столкновеній, спибокъ мнѣній и страстей сгущали въ атмосферѣ пока еще не видимыя, но уже зрѣющія грозы, которыя должны были, въ скоромъ времени, разразиться надъ Европейскимъ обществомъ. А между тѣмъ, въ тоже время, умы любили отдыхать въ сентиментальномъ самозабвеніи. Только и говорили, только и толковали что о природѣ, о счастіи сельской уединенной жизни. Опять тотъ же Ж. Ж. Руссо, краснорѣчивый и повелительный оракулъ вѣка своего, былъ и Самсономъ, потрясающимъ столпы общественнаго зданія, и чуть-ли не пастушкомъ, который созываетъ всѣхъ идти за нимъ въ новую Аркадію пасти овечекъ и восхищаться восхожденіемъ и закатомъ солнца. Не думая, не гадая, Руссо создалъ по себѣ многихъ кровожадныхъ метафизиковъ Французской революціи и многихъ Шаликовыхъ съ посошкомъ въ рукѣ и полевыми цвѣтами на шляпѣ, непорочно питающихся однимъ медомъ и молокомъ.

Странная, но любопытная, занимательная и поучительная эпоха. Въ томъ или другомъ видѣ, значеніи и направленіи, всѣ послѣдовавшія за нею поколѣнія—ея чада и носятъ наслѣдственное родимое пятнышко ея.

Не мудрено, что въ то время еще живая эпоха эта отразилась на впечатлительной натурѣ Александра. Съ другой стороны

чистая юношеская душа его, въ сочувствіи съ возвышенною душою избранной имъ подруги, какъ это видно изъ писемъ, возмущалась зрѣлищемъ, окружавшимъ его. Онъ еще мало зналъ людей: онъ думалъ, что нравственныя немощи и прискорбныя явленія, которыя пугали внутреннее и еще не испытанное чувство его, исключительно принадлежали той средѣ, которая вращалась предъ глазами его. Онъ думалъ, что стоитъ только выйти за дверь, чтобы освѣжиться и насытиться вольнымъ воздухомъ. Ему было тутъ душно: онъ въ лѣсъ хотѣлъ. Вотъ, вѣроятно, разгадка стремленій его въ Швейцарію. Все это внутреннее броженіе отвлекало его отъ людей, отъ желанія господствовать надъ ними: все это было въ разрѣзъ съ правильнымъ и болѣе практическимъ воззрѣніемъ на жизнь и на частныя и общественныя условія ея. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всего этого вѣетъ свѣжею поэзіею, которая тѣмъ упоительнѣе и милѣе, что распустилась она и благоухаетъ подъ кровлею царскаго дворца.

Позднѣе, новыя впечатлѣнія, не менѣе тяжкія и прискорбныя, должны были все болѣе и болѣе нарушать и приводить въ смущеніе душевныя и нравственныя настроенія его.

Трудно найти въ исторіи личность болѣе величественную, сочувственную и во многомъ болѣе загадочную, чѣмъ личность Александра. Но для изслѣдованія подобнаго характера нужны свойства ума высокаго и безпристрастнаго, нужна психическая проницательность глубокаго сердцевѣдца. Тутъ журнальными статейками не отдѣлаешься, не совершишь подобной задачи. Особенно промахнешься, если примешься за него съ узкой точки зрѣнія такъ называемаго автократизма, или такъ называемаго либерализма. Нѣтъ, для этого нужно стать на болѣе чистую и широкую высоту. Нужно отречься отъ пошлыхъ и дюжинныхъ соображеній, почерпнутыхъ изъ перваго попавшагося на глаза учебника или букваря. Тутъ является человѣкъ, и слѣдуетъ судить его по человѣчески, то есть судомъ живымъ, а не по мертвой буквѣ политическаго требника.

Александръ началъ Лагарпомъ, а кончилъ Аракчеевымъ. (Спѣшу заявить при семъ, что по моей личной судебной системѣ, я не одержимъ безусловною Аракчеевофобіей, которою страждутъ мно-

гіе; считаю, что и Аракчеева должно всецѣло изслѣдовать и безъ пристрастія судить, а не то что прямо начать съ четвертованія его. Но во всякомъ случаѣ совѣстливость моя и оптимизмъ мой не доходятъ до того, чтобъ не видать разности между Лагарпомъ и Аракчеевымъ). Эти два имени, двѣ противоположности, двѣ крайности, такъ сказать, обставливаютъ имя Александра. Надобно изучить того и другаго. Ихъ нельзя смѣшивать, но слѣдуетъ объяснить ихъ взаимнымъ сопоставленіемъ, и если тотъ, кто примется за этотъ трудъ движимъ независимыми побужденіями и свободною любовью къ истинѣ, тотъ и въ первоначальномъ періодѣ, и въ заключительномъ, можетъ быть, отыщетъ того-же вѣрнаго себѣ Александра. Такой біографъ, такой судія, разберетъ оттѣнки; если не совсѣмъ согласуетъ измѣненія, то, по крайней мѣрѣ, прослѣдуетъ ихъ и объяснитъ тѣми испытаніями, которымъ подвергался Александръ въ трудномъ подвигѣ жизни своей.

Подобный трудъ могъ бы совершить Карамзинъ. Онъ всегда желалъ и надѣялся, по доведеніи Исторіи своей до воцаренія Дома Романовыхъ, окинуть взоромъ новѣйшую нашу исторію до нашихъ дней въ сжатомъ, но полномъ очеркѣ. Смерть не дозволила ему достигнуть и первой грани предпринятаго имъ труда. Онъ былъ подъ очарованіемъ высокихъ и любезныхъ свойствъ Александра, но онъ не былъ имъ ослѣпленъ. Онъ судилъ его и не скрывалъ отъ него суда своего. Онъ говорилъ ему смѣлую правду прямо въ глаза. Къ тому же, Государь, которому приписывали нѣкоторую скрытность, былъ, по всѣмъ вѣроятіямъ и по многимъ свидѣтельствамъ, болѣе откровененъ съ Карамзинымъ, чѣмъ съ другими. Карамзинъ, и по обстоятельствамъ, и по характеру своему, всегда находился предъ нимъ въ независимомъ положеніи. Сношенія Царя и подданнаго могли быть и были нравственно свободны и безкорыстны. Разслѣдованія Карамзина были бы тѣмъ безпристрастнѣе, что онъ часто опоривалъ мнѣнія, которыя могли быть посѣяны въ Государѣ раннимъ вліяніемъ Лагарпа и, разумѣется, не могъ сочувствовать крутымъ мѣрамъ Аракчеева и его, такъ сказать, механическому способу вести государственныя дѣла и управлять людьми. Не смотря на эти разногласія, Карамзинъ глубоко, нѣжно и сознательно любилъ Александра. Слѣдовательно, сквозь оттѣнки двухъ личностей, противо-

рѣчащихъ другъ другу, какъ личности Лагарпа и Аракчеева, которыя отражались на немъ, отдѣлялась свѣтлая, самородная и высокосочувственная личность Александра.

Анекдотъ о Иванѣ Эрнестѣ герцогѣ Биронѣ (Anecdote sur le sieur Jean Ernest duc de Biron). Подъ этимъ названіемъ, въ бумагахъ графа Никиты Ивановича Панина, управлявшаго внѣшними дѣлами при Екатеринѣ II, найденъ слѣдующій на Французскомъ языкѣ разсказъ. Подлинникъ поступилъ въ собственность графа Ивана Григорьевича Чернышова, и списокъ съ него переданъ мнѣ сыномъ его графомъ Григоріемъ Ивановичемъ. Достовѣренъ-ли разсказъ, или вымышленъ, или по крайней мѣрѣ искаженъ, рѣшить не беремся. Во всякомъ случаѣ, онъ не согласуется съ извѣстными свѣдѣніями и преданіями о происхожденіи Бирона. Съ другой стороны думать, что разсказъ совершенно вымышленъ, также не правдоподобно: найденный въ бумагахъ графа Панина, онъ имѣетъ за себя нѣкоторый дипломатическій авторитетъ. Во всякомъ случаѣ онъ любопытенъ по содержанію и, можетъ быть, наведетъ на затерянные слѣды для объясненія и опредѣленія истины.

Сей столь извѣстный мужъ, который игралъ такую значительную роль въ царствованіе императрицы Анны, былъ сынъ золотыхъ дѣлъ мастера. Отецъ готовилъ его къ званію нотаріуса. Онъ пріобрѣлъ всѣ знанія, нужныя для исполненія этой должности. Но онъ соскучился пребываніемъ въ маленькомъ городкѣ. Вскорѣ представился ему случай предложить услуги свои барону Гёрцу (baron de Goertz), который пробылъ нѣсколько времени въ этомъ мѣстечкѣ, за скоропостижною смертью секретаря своего. Молодому Бирону, благодаря приличной наружности и ловкости, удалось снискать согласіе барона опредѣлить его на упраздненное мѣсто. Онъ поѣхалъ съ нимъ въ Стокгольмъ. Знакомство его съ разными языками и умѣніе разбирать и списывать всѣ возможные почерки вскорѣ оправдали выборъ и довѣріе, ему оказанное.

По привычкѣ его съ дѣтства имѣть въ рукахъ старые договоры и документы, писанные большею частью на пергаментѣ, онъ незамѣтно повадился, переписывая подлинники, держать во рту оторванные съ полей ихъ лоскутки, такъ что, наконецъ, онъ находилъ въ этомъ особенное удовольствіе, подобно тѣмъ, которые пріучаютъ себя жевать табакъ. Эта привычка обратилась въ страсть: онъ постоянно имѣлъ во рту такіе бумажные отрѣзки, которые тщательно отдѣлялъ отъ листа; а какъ занятія его по письменной части заключались въ обращеніи со множествомъ бумагъ, то онъ могъ лакомствомъ своимъ вдоволь наслаждаться.

Однажды, въ кабинетѣ начальника, онъ задержанъ былъ долѣе обыкновеннаго по работѣ важной и спѣшной. Изъ побужденія аппетита своего, онъ открылъ ветхую и закопченную бумагу, которая лежала на краю стола. Безсознательно и, такъ сказать, машинально положилъ онъ ее въ ротъ и началъ сосать. Весь погруженный въ занятіе свое и единственно озабоченный работою, онъ такъ разлакомился находкой, что не подумалъ о томъ, чего долженъ былъ опасаться. Только послѣ четырехъ часовъ усидчиваго труда, опомнился онъ и замѣтилъ, что бумага не только все еще во рту его, но что она вся изжевана, такъ что совершенно обезображена. Изумленіе его еще возросло, когда онъ поспѣшилъ развернуть ее и кѣе-какъ разобралъ по оставшимся въ цѣлости словамъ, что содержаніе ея было особенной важности и относилось до спорнаго дѣла, которое горячо отстаивалось съ одной стороны Шведскимъ правительствомъ, съ другой императоромъ Петромъ I. Онъ почувствовалъ, что погибъ безотмѣнно. Ничего не могъ придумать онъ къ оправданію своему. Отчаяніе овладѣло имъ, и въ туже минуту вошелъ баронъ. Онъ нашелъ его съ этою злополучною бумагою въ рукѣ и съ перваго взгляда замѣтилъ въ глазахъ его и на всемъ лицѣ признаки необычайнаго смущенія. Достаточно было одного любопытства, чтобы возбудить въ баронѣ желаніе развѣдать эту тайну. Но что́ было съ нимъ, когда, взглянувъ на бумагу, онъ убѣдился, что она нужнѣйшая и драгоцѣннѣйшая изъ всѣхъ дѣловыхъ документовъ, хранившихся въ кабинетѣ его. Въ первомъ порывѣ гнѣва онъ не далъ себѣ времени разобрать дѣло, не слушалъ никакихъ оправданій и объясненій: онъ не сом-

нѣвался въ измѣнѣ и вѣроломствѣ секретаря своего, будто бы подкупленнаго Русскимъ посланникомъ. Тутъ-же приказалъ онъ отправить несчастнаго въ тюрьму и держать его подъ строжайшимъ присмотромъ.

Въ заточеніи своемъ, молодой человѣкъ какъ ни разсматривалъ бѣду свою со всѣхъ сторонъ и какъ ни чувствовалъ себя невиннымъ, а все приходилъ къ тому заключенію, что для оправданія его нѣтъ никакого средства, потому что всѣ наружныя улики противъ него. Въ подобномъ расположеніи духа, онъ менѣе думалъ о защитѣ своей, нежели о приготовленіи себя къ смерти. Однакоже, какъ объясненіе обстоятельствъ неумышленной вины его не могло ни въ какомъ случаѣ быть для него предосудительнымъ, то онъ рѣшился разсказать откровенно все что было, хотя мало надежды имѣлъ убѣдить судей въ чистосердечіи признаній своихъ. Вскорѣ призвали его къ допросу. Четверо изъ важнѣйшихъ Стокгольмскихъ сенаторовъ обвиняли его въ преступленіи и вынуждали сознаться въ тайныхъ сношеніяхъ съ Россіею. Онъ отвѣчалъ имъ со слезами на глазахъ однимъ изложеніемъ обстоятельствъ, которыя вкоренили въ немъ привычку жевать бумагу и старый пергаментъ. Какъ ни слаба могла казаться такая защита, но простота, съ которою онъ выразилъ ее, произвела особое впечатлѣніе на одного изъ старыхъ сенаторовъ: долгая опытность въ судебныхъ дѣлахъ давала ему возможность угадывать признаки правоты и невинности. Всматриваясь болѣе и болѣе въ подсудимаго, сенаторъ замѣтилъ, что пока писалъ онъ свои показанія и былъ углубленъ въ чтеніе допросныхъ пунктовъ и въ обдуманное изложеніе отвѣтовъ, онъ часто протягивалъ руку къ чернильницѣ бывшей на столѣ, вырывалъ кусочки пергамента, коимъ была она обита и явно, по невольному движенію, бралъ въ ротъ эти обрывки *).

Это наблюденіе заставило сенатора находить нѣкоторое правдоподобіе въ показаніяхъ подсудимаго. Онъ обратился къ нему съ вопросами о зачатіи и постепенномъ усиленіи привычки его. Онъ

---

*) Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ отъ себя, что эта продѣлка могла-бы быть и умышленной уловкой, чтобы убѣдить судей своихъ въ непобѣдимой привычкѣ, которою онъ оправдывалъ свой поступокъ.

потребовалъ оправдывающихъ доказательствъ. По счастію подсумаго, въ нихъ недостатка не было; онъ вытащилъ изъ кармана множество маленькихъ бумажныхъ и пергаментныхъ свертковъ. Складъ ихъ, запахъ, все согласовалось съ его показаніями. Сенаторъ изъ судіи сдѣлался защитникомъ; другія собранныя справки о поведеніи и связяхъ его были всѣ ему благопріятны. Баронъ первый исходатайствовалъ возвращеніе ему свободы. Не смотря на то, опасеніе, что снисхожденіе можетъ вовлечь его въ новыя непріятности, или что огласка, данная этому событію, можетъ обратиться ему во вредъ и во всякомъ случаѣ должна измѣнить отношенія его къ секретарю: онъ уволилъ его съ выдачею ему приличнаго вознагражденія.

Мало было вѣроятія, что человѣкъ почти выключенный изъ службы самимъ министромъ, могъ найти случай опредѣлиться къ новому мѣсту въ Швеціи. Несчастный Бирон рѣшился выѣхать изъ нея и перебраться въ Курляндію, гдѣ приключеніе его не было извѣстно. Онъ поступилъ къ первому дѣловому человѣку, который согласился принять его. Фортуна, которая вела Бирона за руку, приблизила его къ главному сборщику податей въ Митавѣ. Это былъ человѣкъ преданный развлеченіямъ и удовольствіямъ, давно искавшій смышленаго дѣльца, который могъ-бы освободить его отъ бремени занятій и трудовъ, лежавшихъ на немъ по должности. Одаренный необычайнымъ умомъ и прилежностію новый секретарь оказалъ способности, которыхъ отъ него требовали. Онъ скоро снискалъ любовь начальника своего, но не могъ отучиться отъ привычки, которая угрожала ему гибелью въ Швеціи. Главный сборщикъ, покончивъ счеты, возвратился домой съ роспискою, собственноручно подписанною герцогомъ Курляндскимъ. Онъ очень дорожилъ этою роспискою, потому что недоброжелатели, пользуясь извѣстною молвою о немъ, что онъ преданъ сладострастію и мотовству, готовы были обвинить его и въ недобросовѣстномъ соблюденіи общественныхъ денегъ. Потому и отдалъ онъ росписку секретарю съ наказомъ хранить ее бережно и тщательно. Эта бумага не имѣла свойствъ, которыя могли-бы возбудить обыкновенный позывъ его на ѣду: это не былъ лакомый ему пергаментъ; но по силѣ привычки, Бирон неотлагательно приблизилъ ее къ

губамъ своимъ. Къ тому же, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ немъ ослабло впечатлѣніе, оставшееся отъ прежней невзгоды. Какъ бы то ни было, онъ по несчастью предалъ бумагу эту прожорливости зубовъ своихъ, и вскорѣ они врѣзались до того, что уничтожили вовсе подпись герцога, подпись которая составляла всю важность помянутаго документа. Не долго спустя, убѣдился онъ въ бѣдѣ, но бѣда была уже неисправима. Она показалась ему еще опаснѣе послѣдствіями своими, чѣмъ Стокгольмская, и онъ вообразилъ себѣ, что ему предстоитъ таже гибель. Наконецъ обдумавъ хорошенько положеніе свое, онъ немного успокоился. Подозрѣніе въ измѣнѣ и предательствѣ не могло въ этомъ случаѣ пасть на него; а въ этомъ подозрѣніи была-бы сильнѣйшая для него опасность.

Потому и рѣшился онъ заблаговременно предувѣдомить начальника своего о своей неосторожности и, чтобы задобрить и разжалобить его, онъ началъ разсказомъ про свое Стокгольмское приключеніе, которое вынудило его оставить Швецію. Послѣ того съ трепетомъ обратилъ онъ рѣчь на новую бѣду свою. Сборщикъ податей хорошо понялъ смущеніе и страхъ его; но надѣясь поправить дѣло безъ большаго затрудненія, онъ далъ себѣ удовольствіе продлить сцену и забавлялся тревогою подчиненнаго своего. Наконецъ отъ шутокъ перешелъ онъ къ успокоенію и утѣшенію провинившагося и увѣрилъ его въ продолженіи благорасположенія своего. Между тѣмъ принялъ онъ нужныя мѣры, чтобы обезпечить себя въ отношеніи къ придворнымъ разсчетамъ. Герцогу разсказалъ онъ откровенно всѣ обстоятельства настоящаго дѣла и съ такою похвалою отозвался о способностяхъ и достоинствахъ секретаря своего, что возбудилъ въ герцогѣ желаніе лично узнать его. Наружность его и нѣсколько минутъ разговора съ нимъ достаточны были, чтобы расположить герцога въ пользу его. Милость, оказываемая ему, возрастала съ каждымъ днемъ: онъ былъ уже на очереди сдѣлаться любимцемъ его. Сборщикъ, оцѣняя отличныя качества его, видя, что привязанность къ нему герцога лишитъ его хорошаго помощника и опасаясь, что съ другой стороны несчастная и укрѣпившаяся привычка можетъ вовлечь его въ новый просакъ, рѣшился испытать средство для исцѣленія его отъ этой слабости.

Онъ вообразилъ себѣ, что эта привычка, родъ недуга. заключалась въ жилкахъ нёба во рту и въ губахъ, привыкшихъ къ нѣкоторому раздраженію; въ слѣдствіе того онъ намѣревался устранить это предрасположеніе, пріучивъ секретаря своего къ другому ощущенію болѣе сильному, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе пріятному, которое надѣялся возбудить въ немъ хмѣльнымъ напиткомъ. Придумавъ этотъ способъ, рѣшился онъ привести его въ дѣйствіе въ тотъ же день. Онъ пригласилъ секретаря своего съ нимъ отужинать; примѣромъ своимъ побуждалъ онъ его къ осушенію такого числа бокаловъ, что съ перваго раза поставилъ его въ невозможность помышлять во всю ночь о пергаментѣ. Въ слѣдующіе дни возобновлялъ онъ испытанія свои сколько собственныхъ силъ его на то хватало. Лучшія вина смѣнялись сильнѣйшими ликерами. По исходѣ нѣсколькихъ недѣль, пергамента не было уже въ поминѣ: вкусъ и потребность новыхъ ощущеній рѣшительно взяли верхъ. Но что было еще и того счастливѣе для секретаря, застольная свобода и благотворное дѣйствіе увеселительнаго вина развязывали умъ и языкъ его. Онъ явилъ въ себѣ способности, которыхъ въ немъ и не подозрѣвали. Молва о совершившемся чудѣ дошла до герцога. Онъ захотѣлъ лично убѣдиться въ достовѣрности доходящихъ до него слуховъ, и такимъ образомъ секретарь сдѣлался предметомъ общаго вниманія. Положеніе его совершенно измѣнилось; фортуна его постепенно возрастала по мѣрѣ благопріятныхъ впечатлѣній, которыя онъ производилъ на всѣхъ, оправдывая и утверждая мнѣніе о умѣ своемъ и ловкой смышленности. Сдѣлавшись фаворитомъ герцога, Бирон не замедлилъ еще болѣе понравиться герцогинѣ. Эта привязанность, которая продлилась до кончины герцога, еще болѣе обнаружилась и усилилась послѣ смерти его. И вотъ первыя ступени, которыя вознесли Бирона на высоту, которую онъ занялъ впослѣдствіи.

Въ девятомъ или десятомъ году нынѣшняго столѣтія была издана на Французскомъ языкѣ книга: Les petites misères de la vie humaine (Бѣдушки человѣческой жизни). Кажется, переведена она съ Англійскаго, да и носитъ на себѣ отпечатокъ Англійскаго юмора.

Тутъ, въ двухъ большихъ томахъ, исчислены и изложены всѣ промахи, которые можетъ сдѣлать человѣкъ, всѣ просаки, въ которые можетъ онъ попасть, всѣ возможные недочеты и перечеты, ошибки, недосмотры, однимъ словомъ всѣ маленькія придирки, притѣсненія, которыми враждебная и лихая судьбина можетъ въ расплохъ озадачить, одурачить и вывести человѣка изъ терпѣнія. N. N. говорилъ, что эта книга списана съ него и что онъ могъ-бы еще значительно пополнить ее имъ испытанными и автору не пришедшими на умъ разнаго рода дрязгами и булавочными уколами. Онъ говорилъ, что судьба приставила къ нему безсмѣннаго чиновника по особымъ порученіямъ, а эти порученія заключаются въ безпрестанномъ киданіи камушекъ подъ ноги ему и палокъ въ колеса его, въ осѣчкѣ разныхъ предпріятій, отъ большихъ до мельчайшихъ. Всего не исчислить, а вотъ два примѣра. Онъ, т. е. чиновникъ по особымъ порученіямъ, дернулъ его однажды идти любезничать съ молодою дамою. Между тѣмъ N. N. страдалъ жестокимъ насморкомъ. Въ самомъ пылу нѣжныхъ разговоровъ, сидя на диванѣ рядомъ съ молодою и свѣтскою красавицею, онъ расчихался со всѣми послѣдствіями насморочнаго чиханія и только тутъ догадался, что дома забылъ онъ свой носовой платокъ. Вотъ картина! — Въ другой разъ, онъ же дернулъ его съѣздить изъ Рима въ Неаполь единственно съ тѣмъ, чтобы услышать Малибранъ, которой онъ еще не слыхалъ. Пріѣхавъ въ Неаполь, онъ, при выходѣ изъ коляски, узнаетъ, что пѣвица наканунѣ переломила руку себѣ и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль не будетъ въ состояніи явиться на сценѣ. И дня не проходитъ, говоритъ N. N., чтобы сей *онъ* не сыгралъ съ нимъ какой нибудь шутки и штуки.

Онъ же, N. N., говоритъ, что судьбу иныхъ людей и участь многихъ жизней иначе объяснить себѣ не можно, какъ съ помощью легенды о добрыхъ и злыхъ феяхъ. Первыя приносятъ къ колыбели новорожденнаго, на зубокъ ему, многіе прекрасные дары, каждая изъ нихъ по своей части. Такъ и кажется, что только стóитъ пользоваться этими дарами. Но подъ конецъ раздачи подкрадывается лихая фея и исподтишка подрѣзываетъ всѣ эти дары, такъ что впослѣдствіи ни одинъ изъ нихъ вполнѣ развиться не можетъ. Или, пожалуй, вслѣдъ за добрыми феями, приходитъ кривая,

кривобокая и злая старая вѣдьма. Она оставляетъ дары неприкосновенными, но изувѣчиваетъ, разслабляетъ въ новорожденномъ и на всю жизнь волю его, такъ что такой господинъ, со всѣми способностями своими, остается на всегда во всемъ и вездѣ *дилетантe*, а въ виртуозы ему ни на какомъ инструментѣ не попасть. N. N. добавлялъ, что онъ могъ бы въ примѣръ тому указать на подобнаго человѣка; но какъ-то совѣстно ему назвать его.

Денисъ Давыдовъ, говоря съ Меншиковымъ о различныхъ поприщахъ службы, которыя сей послѣдній проходилъ, сказалъ: „Ты впрочемъ такъ умно и такъ ловко умѣешь приладить умъ свой ко всему по части дипломатической, военной, морской, административной, за что́ ни возмешься, что поступи ты завтра въ монахи, въ шесть мѣсяцевъ будешь ты митрополитомъ.

Шведскій посланникъ Пальменштернъ многіе годы занималъ въ Петербургѣ мѣсто свое. Онъ былъ умный и образованный человѣкъ. Въ сравненіи съ другими сослуживцами его, акредитованными при Русскомъ дворѣ, можно сказать, что онъ довольно обрусѣлъ. Онъ очень порядочно выучился нашему языку, ознакомился съ литературою нашею и со вниманіемъ слѣдилъ за движеніями ея. За такую внимательность, литература наша, не избалованная (особенно въ то время) ухаживаніемъ иностранцевъ за нею, должна помянуть его добромъ и признательностію. На его дипломатическіе обѣды бывалъ даже приглашаемъ Гречъ, что́ совершенно внѣ посланническихъ обыкновеній и дипломатическихъ преданій. Пальменштернъ былъ очень вѣжливъ и общежителенъ, хотя и пробивалась въ немъ нѣкоторая Скандинавская угловатость и суровость. Но вѣжливость совершенно измѣняла ему за игорнымъ столомъ. Карты, особенно когда онъ проигрывалъ, пробуждали въ немъ страсти, воинственность и свирѣпость поклонниковъ Одина. Одно время, домъ графини Гурьевой (тещи графа Нессельроде) былъ по вечерамъ любимымъ сборнымъ мѣстомъ Петербургскаго избраннаго общества и, разумѣется, дипломатическаго корпуса. Однажды, при

постоянно-дурныхъ картахъ и по проигрышѣ нѣсколькихъ робертовъ виста, онъ поэтически воскликнулъ, во всеуслышаніе: „Да этотъ домъ былъ навѣрно построенъ на кладбищѣ бѣшеныхъ собакъ!“ Можно представить себѣ дѣйствіе подобнаго лирическаго порыва на салонныхъ слушателей. Въ другой разъ заѣзжаетъ онъ къ той же графинѣ Гурьевой съ визитомъ. Швейцаръ докладываетъ ему, что графиня очень извиняется, но принять его не можетъ, потому что она нездорова. Между тѣмъ нѣсколько каретъ стояло у подъѣзда. Пальменштернъ отправляется въ Англійскій клубъ, а оттуда въ разные знакомые дома и всюду разглашаетъ, что графиня Гурьева больна и вѣроятно опасно больна, потому что у нея консиліумъ докторовъ, которыхъ кареты видѣлъ онъ передъ домомъ ея. Вѣсть разнеслась по городу. Со всѣхъ сторонъ съѣзжаются къ подъѣзду навѣдаться о здоровьи графини, пишутъ ей и приближеннымъ ея записочки съ тѣмъ же вопросомъ. Половина города лично или посланными перебывала у нея въ теченіи сутокъ. Графиня понять не можетъ, какимъ образомъ и совершенно напрасно подняла она такую тревогу въ городѣ. Наконецъ узнали, что это была отплата Пальменштерна за отказъ принять его.— Вотъ еще одна отличительная черта его. Въ гостяхъ, при выходѣ изъ салона, онъ постоянно сбивался дверьми. Будь ихъ три или четыре въ комнатѣ, онъ не преминуетъ стукнуться во всѣ прежде, нежели попадетъ въ настоящую дверь. Онъ очень любилъ Итальянскую оперу, но не любилъ восторженныхъ, шумныхъ изъявленій Петербургской публики. Когда, бывало, при громкихъ рукоплесканіяхъ и вызовахъ Рубини, или г-жи Віардо, нетерпѣливые и горячіе зрители начинали топать ногами, онъ съ злою насмѣшкою говорилъ: вотъ и конница наступаетъ!

Одному знатному и богатому Польскому пану пеняли, что онъ мало денегъ даетъ сыновьямъ своимъ на прожитокъ. „Довольно и того“, отвѣчалъ онъ, „что я далъ имъ свое имя, которое имъ не слѣдуетъ“.

Кто-то говорилъ молодой графинѣ X.: „Понимаю, что связь ваша съ Z продолжается, но не понимаю, какъ могла она на-

чаться“.—„А я“, отвѣчала она, „понимаю, что началась она, но не понимаю, какъ можетъ она продолжаться“.

Вдовый, чадолюбивый отецъ говорилъ о заботахъ, которыя прилагаетъ къ воспитанію дочери своей. „Ничего не жалѣю, держу при ней двухъ гувернантокъ, Француженку и Англичанку; плачу дорогія деньги всѣмъ возможнымъ учителямъ: ариѳметики, географіи, рисованія, исторіи, танцевъ, — да бишь Закона Божія. Кажется, воспитаніе полное. Потомъ повезу дочь въ Парижъ, чтобъ она *каналъски схватила Парижскій прононсъ*, такъ чтобы не могли распознать ее отъ Парижанки. Потомъ привезу въ Петербургъ, начну давать балы и выдамъ ее замужъ за генерала“. (Все это исторически достовѣрно изъ Московской старины).

Другой отецъ, также Москвичъ, жаловался на необходимость ѣхать на годъ за границу. Да зачѣмъ же ѣдете вы? спрашивали его.—Нельзя, для дочери! — Развѣ она нездорова?—Нѣтъ, благодаря Бога, здорова; но видите ли, теперь ввелись на балахъ долгіе танцы, напримѣръ котильонъ, который продолжается часъ и два. Надобно, чтобы молодая дѣвица запаслась предметами для разговора съ кавалеромъ своимъ. Вотъ и хочу показать дочери Европу. Не все же болтать ей о Тверскомъ бульварѣ и Кузнецкомъ мостѣ“. (И это исторически вѣрно). Есть же отцы, которые пекутся о воспитаніи дочерей своихъ.

Принцъ де Конти (братъ великаго Конде) долженъ былъ жениться на одной изъ двухъ племянницъ кардинала Мазарина и не хотѣлъ самъ выбрать изъ нихъ невѣсту себѣ. Онъ говорилъ: Мнѣ все равно та или другая; вѣдь я женюсь на кардиналѣ, а вовсе не на племянницѣ его.

Л. спрашивалъ Ф., видѣлъ-ли онъ невѣсту его. — Видѣлъ. — Какъ нравится тебѣ она? — Очень мила: вѣдь ты на младшей женишься?—Нѣтъ, помолвленъ я на средней сестрѣ. А что же, ты

думаешь, что меньшая лучше? Зачѣмъ же прежде не сказалъ ты мнѣ? Я посватался бы за нее. А впрочемъ, перемѣнить еще можно.

А. М. Пушкинъ забавно разсказываетъ одинъ анекдотъ изъ своей военной жизни. Въ царствованіе императора Павла командовалъ онъ коннымъ полкомъ въ Орловской губерніи. Главнымъ начальникомъ войскъ, расположенныхъ въ этой мѣстности, былъ лицо, высоко-поставленное по тогдашнимъ обстоятельствамъ и Нѣмецкаго происхожденія. Пушкинъ былъ съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, какъ по службѣ, такъ и по условіямъ общежительности. Однажды и совершенно неожиданно получаетъ онъ, за подписью начальника, строжайшій выговоръ, изложенный въ выраженіяхъ довольно оскорбительныхъ. Пушкинъ тутъ же пишетъ рапортъ о сдачѣ полка по болѣзни своей, старшему по немъ штабъ-офицеру и проситъ о совершенномъ своемъ увольненіи. Начальникъ посылаетъ за нимъ и спрашиваетъ о причинѣ подобнаго поступка. „Причина тому, говоритъ Пушкинъ, кажется, довольно ясно выражена въ бумагѣ, которую я отъ васъ получилъ“.— „Какая бумага?“ Пушкинъ подаетъ ему полученный выговоръ. Начальникъ прочитываетъ его и говоритъ: „Такъ эта-то бумага васъ огорчила? Удивляюсь вамъ! Служба одно, а канцелярія другое. Какую бумагу подастъ мнѣ она, я ту и *подпишу*. Службою вашею я совершенно доволенъ и впередъ прошу васъ, любезнѣйшій Пушкинъ, не обращать никакого вниманія на подобныя глупости“.

Въ одно изъ пребываній Александра Павловича въ Москвѣ, онъ удостоилъ частное семейство обѣщаніемъ быть у него на балѣ. За нѣсколько дней до бала, хозяинъ дома простудился и совершенно потерялъ голосъ. „Само Провидѣніе, говорилъ тотъ же Пушкинъ, благопріятствуетъ этому празднику: хозяинъ не можетъ выговорить ни одного слова, и Государь избавляется отъ скуки слушать его“.

N. N. говоритъ: „Я ничего не имѣлъ бы противъ музыки *будущаго*, если не заставляли бы насъ слушать ее въ настоящемъ“.

Вводить реализмъ въ музыку тоже что вводить поэзію въ алгебру.

Кто-то сказалъ: царедворцы вообще ближе и тверже изучаютъ нравственные немощи и недостатки владыкъ своихъ, чѣмъ благородныя и доблестныя свойства ихъ. Это понятно и въ порядкѣ вещей. Они подобны врачамъ: и этимъ отъ здоровья и отъ здоровыхъ ожидать нечего; они промышляютъ и наживаются болѣзнями. Какъ болѣзни для врачей, такъ и царскія слабости для царедворцевъ составляютъ благонадежныя *доходныя статьи.*

С., говоря объ одномъ изъ подобныхъ царедворцевъ мѣтко и счастливо сказалъ: „Онъ знаетъ государя своего, какъ піанистъ знаетъ свой инструментъ. Одинъ изучилъ звукъ каждаго клавиша, другой изучилъ каждое чувство, каждый нервъ господина своего: онъ знаетъ напередъ, какой отголосокъ отзовется отъ прикосновенія къ нему“.

Пріятель нашъ Лазаревъ женитьбою своею вошелъ въ свойство съ Талейраномъ. Возвратясь въ Россію, онъ не рѣдко говаривалъ: Мой дядя Талейранъ.—Не ошибаешься ли ты любезнѣйшій? сказалъ ему князь Меншиковъ. Ты вѣроятно хотѣлъ сказать: Мой дядя Тамерланъ.

Извѣстно, что когда пріѣхалъ въ Россію Рубини, онъ еще сохранялъ всѣ плѣнительное искусство и несравненное выраженіе пѣнія своего, но голосъ его уже нѣсколько измѣнялъ ему. Спрашивали князя Меншикова, почему не поѣдетъ онъ хоть разъ въ оперу, чтобы послушать Рубини.—Я слишкомъ близорукъ, отвѣчалъ онъ: не разглядѣть мнѣ пѣнія его.

У князя Меншикова съ графомъ Клейнмихелемъ была что́ называется или называлось *контра;* по службѣ ли, или по другимъ поводамъ, сказать трудно. Въ шуткахъ своихъ князь не ща-

дилъ вѣдомства путей сообщенія. Когда строились Исаакіевскій соборъ, постоянный мостъ чрезъ Неву и Московская желѣзная дорога, онъ говорилъ: „Достроенный соборъ. мы не увидимъ, но увидятъ дѣти наши; мостъ мы увидимъ, но дѣти наши не увидятъ; а желѣзной дороги ни мы ни дѣти наши не увидятъ“. Когда же скептическія пророчества его не сбылись, онъ при самомъ началѣ ѣзды по желѣзной дорогѣ, говорилъ: „Если Клейнмихель вызоветъ меня на поединокъ, вмѣсто пистолета или шпаги, предложу ему сѣсть намъ обоимъ въ вагонъ и прокатиться до Москвы. Увидимъ, кого убьетъ!“

Онъ же разсказывалъ. „Я ѣздилъ во внутреннія губерніи и заболѣлъ въ одномъ уѣздномъ городѣ. Плохо становилось, и я думалъ, что приходитъ мой конецъ. Посылаю за священникомъ. Онъ исповѣдуетъ меня и подъ конецъ спрашиваетъ: А нѣтъ ли еще какого нибудь грѣшка на душѣ? Отвѣчаю, что, кажется, ничего не утаилъ и все чистосердечно высказалъ. Онъ настаиваетъ и все съ большимъ упорствомъ и съ какимъ-то таинственнымъ значеніемъ допытывается, не умалчиваю ли чего.—Да что вы еще узнать отъ меня хотите? спросилъ я.—Вотъ напримѣръ на счетъ казенныхъ интересовъ...—Какъ? Казенныхъ интересовъ! Что́ вы этимъ сказать хотите?—То есть, по просту сказать, не грѣшны ли вы въ лихоимствѣ?—О, въ этомъ отношеніи я совершенно чистъ, и совѣсть моя спокойна.—Я выздоровѣлъ и поѣхалъ далѣе въ деревню свою. На возвратномъ пути, проѣзжая черезъ тотъ же уѣздный городокъ, вспомнилъ я священника, исповѣдь его и хотѣлъ добраться, почему такъ напиралъ онъ на своемъ духовномъ допросѣ.—Великодушно простите меня, ваша свѣтлость: не знаю съ чего взялъ я, что вы офицеръ путей сообщенія“.

При одномъ многочисленномъ производствѣ генералъ-лейтенантовъ въ слѣдующій чинъ (полнаго генерала) Меншиковъ сказалъ: „Этому можно порадоваться; такимъ образомъ многіе худые генералы наши пополнѣютъ“.

Настасья Дмитріевна Офросимова была долго въ старые годы воеводою на Москвѣ, чѣмъ-то въ родѣ Марфы Посадницы, но безъ

малѣйшихъ оттѣнковъ республиканизма. Въ Московскомъ обществѣ имѣла она силу и власть. Силу захватила, власть пріобрѣла она съ помощью общаго къ ней уваженія. Откровенность и правдивость ея налагали на многихъ невольное почтеніе, на многихъ страхъ. Она была судомъ, предъ которымъ докладывались житейскія дѣла, тяжбы, экстренные случаи. Она и рѣшала ихъ приговоромъ своимъ. Молодые люди, молодыя барышни, только что вступившіе въ свѣтъ, не могли избѣгнуть осмотра и, такъ сказать, контроля ея. Матери представляли ей дѣвицъ своихъ и просили ее, мать-игуменью, благословить ихъ и оказывать имъ и впредь свое начальническое благоволеніе. Что ни говори, это имѣло свою и хорошую сторону. Въ обществѣ нужна нѣкоторая подчиненность чему нибудь и кому нибудь. Многіе толкуютъ о равенствѣ, котораго нѣтъ ни въ природѣ, ни въ человѣческой натурѣ. Ничего нѣтъ скучнѣй и томительнѣй плоскихъ равнинъ: глазъ непремѣнно требуетъ, чтобы что нибудь, пригорокъ, дерево, отдѣлялось отъ видимаго однообразія и нѣсколько возвышалось надъ нимъ. Равенство передъ закономъ дѣло другое. Но равенство на общественныхъ ступеняхъ—нелѣпость. Тутъ, для самой пользы общества и даже для пріятности его, необходимы неровности, преимущества, въ слѣдствіе прихоти судьбы, рожденія, случайныхъ, но узаконенныхъ условій и обстоятельствъ. Для водворенія этого равенства, о которомъ многіе толкуютъ и тоскуютъ, за невозможностію сдѣлать всѣхъ умными, надлежало-бы сдѣлать всѣхъ глупыми, чего впрочемъ многіе безсознательно и прямо *инстинктивно*, можетъ быть, и добиваются. Въ старой Москвѣ *живали* и *умирали* тузы обоего пола. Фамусовъ правъ былъ, когда гордился ими. Неужели лучше имѣть въ игрѣ своей однѣ двойки да тройки? У Офросимовой былъ умъ не блестящій, но разсудительный и отличающійся Русскою врожденною сметливостію. Когда генералъ Закревскій назначенъ былъ Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, она сказала: „Да какъ же будетъ онъ тамъ управлять и объясняться? Вѣдь онъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ Русскаго, не въ состояніи даже попросить у кого бы то ни было табачку понюхать!“

Она имѣла нѣсколько сыновей. Всѣ они истые и кровные Москвичи. Одинъ изъ нихъ, Александръ Павловичъ, кажется стар-

шій изъ братьевъ, былъ большой чудакъ и очень забавенъ. Онъ въ мать былъ честенъ и прямодушенъ. Рѣчь свою пестрилъ онъ разными Русскими прибаутками и загадками. Напримѣръ говорилъ онъ: „Я человѣкъ безсчасный, человѣкъ безвинный, но не бездушный“.—А почему такъ?—„Потому что часовъ не ношу, вина не пью, но духи употребляю“. Онъ прежде служилъ въ гвардіи, потомъ былъ въ ополченіи и въ офиціальные дни любилъ щеголять въ своемъ патріотическомъ зипунѣ съ крестомъ непомѣрной величины Анны второй степени. Впрочемъ, когда онъ бывалъ и во фракѣ, онъ постоянно носилъ на себѣ этотъ крестъ въ родѣ иконы. Проѣздомъ черезъ Варшаву отправился онъ посмотрѣть на разводъ. Великій Князь Константинъ Павловичъ замѣтилъ его, узналъ и подозвалъ къ себѣ.—Ну, какъ нравятся тебѣ здѣшнія войска? спросилъ онъ его. – Превосходны, отвѣчалъ Офросимовъ. Тутъ ужъ не видать клавикордничанья?—Какъ? Что ты хочешь сказать?—Здѣсь не прыгаютъ клавиши одна за другою, а все движется стройно, цѣльно, какъ будто каждый солдатъ сплочечъ съ другими.—Великому Князю очень понравилась такая оцѣнка, и смѣялся онъ примѣненію Офросимова.

Въ 18-мъ или 19-мъ году, въ числѣ многихъ революцій въ Европѣ, совершилась революція и въ мужскомъ туалетѣ. Были отмѣнены короткіе штаны при башмакахъ съ пряжками, отмѣнены и узкіе въ обтяжку пантолоны съ сапогами сверхъ пантолоновъ; введены въ употребленіе и законно-утверждены либеральные широкіе пантолоны съ гульфикомъ впереди, сверхъ сапогъ или при башмакахъ на балахъ. Эта благодѣтельная реформа въ то время еще не доходила до Москвы. Пріѣзжій N. N. первый явился въ Москву въ такихъ *невыразимыхъ*, на балъ М. И. Корсаковой. Офросимовъ, замѣтя его, подбѣжалъ къ нему и сказалъ: „Что ты за штуку тутъ выкидываешь? Вѣдь тебя приглашали на балъ танцовать, а не на мачту лазить; а ты вздумалъ нарядиться матросомъ“.

Говорили о комъ-то: Что́ ему за охота ухаживать всегда за дѣвчонками, вѣдь изъ этого ничего не выдетъ, и смѣшно. — Ничуть не смѣшно, перебилъ Офросимовъ; онъ хочетъ быть министромъ, онъ смотритъ и мѣтитъ въ даль. Дѣвчонки выйдутъ за-

мужъ и вспомнятъ тогда, что онъ обращалъ на нихъ вниманіе, да и отблагодарятъ его.

Онъ уморительно-смѣшно разсказывалъ о сношеніяхъ своихъ съ Кокошкинымъ (Ѳ. Ѳ.). У нихъ была общая родственница, старая дѣва. Была она при смерти больна. Та и другая сторона имѣли въ виду наслѣдовать ей. Проживала она у Кокошкина. Офросимовъ отправляется къ нему. Едва вошелъ онъ въ комнату явился и Кокошкинъ. Больная лежала на кровати, выпуча глаза и не давала почти никакихъ признаковъ жизни.

Офросимовъ. Матушка моя прислала меня къ вамъ узнать о здоровьѣ.

Больная протяжно хрипитъ.

Кокошкинъ. Сестрица очень благодаритъ матушку вашу и васъ за вниманіе къ ней.

Офросимовъ еще ближе подходитъ къ кровати больной и говоритъ:

Матушка приказала мнѣ спросить васъ не желаете-ли вы и ненужно-ли вамъ, чтобы она васъ навѣстила.

Больная еще протяжнѣе хрипитъ.

Кокошкинъ. Сестрица очень благодаритъ матушку вашу за доброе предложеніе, но проситъ ее заѣхать къ ней попозже, когда ей будетъ легче.

Офросимовъ. Да помилуйте, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, что это переводите вы мнѣ по своему мычаніе и хрипѣніе сестрицы? Она ничего не слышитъ и не понимаетъ, и ни одного слова выговорить не можетъ, а вы сочиняете за нее отвѣты.

Сестрица вскорѣ за тѣмъ скончалась, а между наслѣдниками началась тяжба.

Разсказъ Офросимова, цѣликомъ въ лицахъ переданный на сценѣ, могъ-бы придать живое и мастерское явленіе комедіи нравовъ.

Онъ говорилъ оригинально, чистымъ, крѣпко отчеканеннымъ Русскимъ словомъ, говорилъ нѣсколько отрывисто и съ особеннымъ удареніемъ, такъ сказать, подчеркивалъ выраженія, которымъ хотѣлъ дать усиленное значеніе и выпуклость.

Старая Москва была богатая руда подобныхъ оригиналовъ-самородковъ. Когда живалъ я въ ней, я ихъ всегда отыскивалъ и привязывался къ нимъ.

На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ. То-то и бѣда, что не на всѣхъ, а только на нѣкоторыхъ. И за то спасибо! Оригинальность, когда она не напускная, не изученная, не поддѣльная, не подкрашенная, есть всегда болѣе или менѣе признакъ независимости характера; а подобная независимость есть своего рода мужество, своего рода доблесть. Донъ Кихотъ можетъ быть смѣшенъ, но прежде всего онъ рыцарски-благороденъ. Иногда уже и то вмѣняется въ достоинство, что бываешь не похожъ на другихъ. Мы не касаемся здѣсь историческихъ оригиналовъ, этихъ почтенныхъ обломковъ другаго вѣка, другаго славнаго царствованія. Они на почвѣ Москвы, хотя и старой, но которую все же начинало уже провѣтривать свѣжее вліяніе новыхъ временъ, составляли, такъ сказать, особый, заматерѣлый слой: онъ не смѣшивался съ другими. Для изображенія подобныхъ археологическихъ оригиналовъ надобно приступить къ начертанію исторической картины. Здѣсь довольствуемся тѣмъ, что накидываемъ бѣглымъ карандашемъ отдѣльные очерки, рисунки для альбома или политипажи.

Вотъ еще нѣсколько отдѣльныхъ лицъ, которыя выглядываютъ изъ памяти моей.

Старикъ Приклонскій, едва ли не единый на твердой землѣ, добросовѣстно и по глубокому убѣжденію, не признавалъ за Наполеономъ императорскаго титла. До конца жизни своей честилъ онъ его не иначе какъ первымъ консуломъ, къ которому питалъ сочувствіе. Онъ горячо отстаивалъ мнѣніе свое и не менѣе горячо негодовалъ на слабодушіе правительствъ и журналовъ, которые величали Наполеона императоромъ.

Былъ еще оригиналъ, повсемѣстный, всюду являющійся, вездѣ встрѣчаемый. Онъ не былъ оригиналъ тонкой и примѣчательной грани; все было въ немъ довольно грубо и аляповато; со всѣмъ тѣмъ всѣ любили его. Онъ вхожъ былъ во всѣ лучшіе дома. Дамскій угодникъ, онъ находился въ свитѣ то одной, то другой Московской красавицы. Откуда былъ онъ? Какое было предыдущее его? Какія родственныя связи? Никто не зналъ, да никто и не любопытствовалъ узнать. Знали только, что онъ дворянинъ Сибилевъ и довольно. Аристократическая, но преимущественно гостепріимная Москва не наводила генеалогическихъ справокъ, когда

дѣло шло о томъ, чтобы за обѣдомъ имѣть готовый приборъ для того и для другаго. Сибилевъ имѣлъ въ Москвѣ вѣроятно двадцать или тридцать такихъ ежедневно готовыхъ для него приборовъ. Хотя и нахлѣбникъ, не былъ онъ, такъ сказать, дворовымъ ни въ одномъ домѣ, а держалъ себя пристойно и даже съ нѣкоторою независимостью. Бѣдный или по крайней мѣрѣ весьма ограниченный въ средствахъ своихъ, никогда не былъ онъ подлипалою предъ богатою знатью. Еще одно достоинство: не смотря на проживанье его то тамъ, то здѣсь, или тамъ и здѣсь, онъ не былъ сплетникомъ и не переносилъ сору изъ одного дома въ другой. Вообще былъ онъ нрава веселаго и большой хохотунъ. У него были кошачьи ухватки. Онъ часто лицо свое словно облизывалъ носовыми платками, которыхъ носилъ въ карманахъ по три и по четыре. Князь Юсуповъ говорилъ про него: онъ не только московскій ловеласъ, но и московскій ложелазъ. Такъ прозвалъ онъ его потому, что, бывая во всѣхъ спектакляхъ, онъ никогда ничего не платилъ за входъ, а таскался по ложамъ знакомыхъ своихъ барынь.

Забавно, что, не зная Французскаго языка и не понимая на немъ ни полслова, онъ попался въ театральную Французскую исторію, которая въ свое время надѣлала много шуму въ Москвѣ, какъ сама по себѣ, такъ и по своимъ послѣдствіямъ. Русская барыня *) содержала нѣкоторое время труппу Французскихъ актеровъ. Лучшее Московское общество охотно посѣщало ея театръ. По какимъ-то закулиснымъ или внѣкулиснымъ обстоятельствамъ, содержательница не возлюбила молодой актрисы, которая была любимицею публики. Однажды въ ея ролѣ на сцену явилась другая актриса. Публика встрѣтила ее дружнымъ шиканьемъ: не давали ей пикнуть. Вслѣдъ за тѣмъ стали требовать прежней актрисы. Шумъ и разныя наступательныя заявленія поминутно разростались. Публика начала вызывать къ отвѣту директрису театра. Завелась гласная и крупная полемика между креслами и сценою. Пересылались съ одной стороны къ другой колкости и разные поджигательные вызовы. Полиція была въ недоумѣніи и не знала на что рѣшиться, тѣмъ болѣе, что спектакль не принадлежалъ императорской дирек-

*) Карцева.

ціи, а совершенно частной. Казусъ выходилъ неслыханный въ лѣтописяхъ полиціи и театра. Разумѣется, донесли о немъ въ Петербургъ, и, вѣроятно, съ нѣкоторыми преувеличеніями и вышивками. Изъ Петербурга не замедлило приказаніе арестовать зачинщиковъ театральнаго скандала и разсадить военныхъ или военно-отставныхъ по гауптвахтамъ, а статскихъ по съѣзжимъ домамъ. Нашъ бѣдный *ложеласъ*, не повинный тутъ не единымъ словомъ, попалъ въ сей послѣдній разрядъ. Въ числѣ временныхъ жильцовъ съѣзжей былъ и богатый графъ Потемкинъ. Сей *великолѣпный* Потемкинъ, если не *Тавриды*, а просто Пречистенки, на которой имѣлъ онъ свой домъ, перенесъ изъ него въ съѣзжій домъ всю роскошную свою обстановку. Здѣсь давалъ онъ намъ лакомые и веселые обѣды. Въ осьмой день заточенія пріѣхалъ, во время обѣда, оберъ-полицмейстеръ Шульгинъ 2-й и объявилъ узникамъ, что они свободны. Все это было довольно драматически и забавно, и замоскворѣцкій съѣзжій домъ долго не забудетъ своихъ неожиданныхъ и необычайныхъ арестантовъ. Сибилевъ получилъ новый оттѣнокъ извѣстности своимъ въ чужомъ пиру похмѣльемъ.

Въ числѣ оригиналовъ какъ не помянуть Новосильцова, пріятеля графа Растопчина! Онъ слылъ какимъ-то таинственнымъ нелюдимомъ, запертымъ въ своемъ недоступномъ домѣ. Москва только и знала его какъ какого нибудь Стамбульскаго пашу. Съ трубкою во рту разъѣзжалъ онъ по городскимъ улицамъ на красивомъ конѣ, покрытомъ богатымъ и золотомъ вышитымъ чепракомъ и увѣшанномъ богатою цѣпочною сбруею. Народъ, встрѣчаясь съ нимъ, снималъ шапки, недоумѣвая, какъ величать его.

Развѣ все это не живописно? Встрѣчаются ли еще подобные оригиналы-самородки въ нашей бѣлокаменной, или и они переплавлены въ общемъ литейномъ горнилѣ въ одну сплошную и безличную массу? Жаль, если такъ!

Вскорѣ послѣ учрежденія жандармскаго вѣдомства, Ермоловъ говорилъ объ одномъ генералѣ: „Мундиръ на немъ зеленый, но если хорошенько поискать, то навѣрно въ подкладкѣ найдешь голубую заплатку“.

„Что́ значитъ это выраженіе *Армяшка*, которое вы часто употребляете?“ спросилъ Ермолова князь Мадатовъ.—„По нашему, отвѣчалъ Ермоловъ, это означаетъ обманщика, плута“.—„А понимаю, подхватилъ Мадатовъ, это то, что́ мы по-армянски называемъ Алексѣй Петровичъ“.

Во время Польской кампаніи 1831 года, и неудачныхъ съ той и другой стороны спибокъ между барономъ Розеномъ и генераломъ мятежниковъ Розмарино, Денисъ Давыдовъ говорилъ, что они между собою дѣтски разыгрываютъ какую-то жалкую басню: Розанъ и Розмаринъ.

Онъ же говорилъ о генералѣ, который претерпѣлъ въ морѣ ужасную бурю: Pauvre homme, comme il a du souffrir, lui qui craint l'eau, comme le feu. (Бѣдняжка, что́ онъ долженъ былъ выстрадать; онъ, который боится воды, какъ огня).

Въ числѣ невинныхъ шалостей и шутокъ Арзамаса находится и слѣдующая:

Шишковъ не даромъ корнесловъ;
Теорію въ себѣ онъ съ практикою вяжетъ:
Писатель, вкусу *шишъ* онъ кажетъ,
А логикѣ онъ строитъ *ковъ*.

Въ старой тетради одного изъ покойныхъ Молчалиныхъ отыскались нижезаписанные стихи.

I.

ПОСЛѢ ОТСТАВКИ.

Друзья, опять я вашъ! Я больше не служу.
Въ отставку чистую и чистъ я выхожу.
Одинъ изъ множества рукой судьбы избранный,
Я чести дѣвственной могу идти въ примѣръ.
Я даже и святыя Анны
Не второкласный кавалеръ.

II.

Княжнинъ! Къ тебѣ былъ строгъ судебъ уставъ,
И надъ тобой спутилъ онъ необычно:
Вадимъ твой былъ сожженъ публично,
А публику студитъ холодный твой Росславъ.

Вотъ и шарада, относящаяся также къ старой нашей литературной эпохѣ.

Что *первое* мое? Пожалуй, родъ мѣшка,
Въ который всунула, про насъ, судьбы рука
Послѣднихъ множество и всѣхъ возможныхъ качествъ;
А въ *цѣломъ* смотришь: бичъ пороковъ и дурачествъ.

Когда въ нѣкоторыхъ журналахъ нашихъ встрѣчаются (а встрѣчаются часто) Французскія слова и поговорки вкривь и вкось употребляемыя, это всегда приводитъ мнѣ на память разсказъ Толстаго. Онъ ѣхалъ на почтовыхъ по одной изъ внутреннихъ губерній. Однажды послышалось ему, что ямщикъ, подстегивая кнутомъ коней своихъ, приговариваетъ: Ой вы, Вольтеры мои! Толстому показалось, что онъ обслушался; но ямщикъ еще раза два проговорилъ тѣ же слова. Наконецъ Толстой спросилъ его: да почемъ ты знаешь Вольтера? — Я не знаю его, отвѣчалъ ямщикъ. — Какъ же могъ ты затвердить это имя? — Помилуйте, баринъ: мы часто ѣздимъ съ большими господами, такъ вотъ кое-чего и понаслушались отъ нихъ.

Была и царствовала въ Варшавѣ знакомая и Петербургу женщина, отъ природы и отъ обстоятельствъ поднятая на высокую общественную ступень. Она не была красавица ни по Греческому образцу, ни по какимъ другимъ пластическимъ образцамъ. Живописецъ и ваятель, можетъ быть, не захотѣли бы посвятить ей ни кисти своей; ни рѣзца: могущество и очарованіе прелестей ея остались бы для нихъ неуловимыми. Можно сказать, что красота сама по себѣ, а прелесть сама по себѣ. Есть яркіе, роскошные цвѣты безъ благоуханія; есть цвѣты, не бросающіеся въ глаза, не поражающіе своею стройностью, своимъ блескомъ, но привлекающіе къ себѣ и пропиты-

вающіе кругомъ себя воздухъ невыразимымъ благоуханіемъ. Приближаясь къ нимъ, уже ощущаешь силу очарованія ихъ, и чѣмъ долѣе остаешься въ этой атмосферѣ, тѣмъ болѣе чувствомъ, умомъ, душою проникаешься ею и предаешься ей. Даже заочно, даже вдали, и по пространству и по времени, это вліяніе, это таинственное наитіе не совершенно теряетъ силу свою. Перебирая въ памяти былое время, случайно наткнешься на одинъ изъ этихъ знакомыхъ образовъ, и вдругъ обдастъ тебя душистымъ вѣяніемъ. Такъ въ старой шкатулкѣ своей найдешь неожиданно забытую, но завѣтную вещицу, женскую записочку, женскую перчатку, платокъ, еще сохранившій запахъ духовъ, употребляемыхъ тою или другою владычицею твоею, и при этомъ запахѣ восколеблется и воскреснетъ цѣлый міръ воспоминаній и преданій сердечныхъ. Есть Польское выраженіе, которымъ вознаграждается въ женщинѣ недостатокъ полновластной красоты, а именно говорятъ о ней, что она bardzo zgrabna: и многія Полячки довольствуются, и хорошо дѣлаютъ, что довольствуются этою примѣтою, особенно и почти исключительно свойственною Польской женской натурѣ. Эта примѣта господствующимъ и очаровательнымъ образомъ выдавалась въ княгинѣ и графинѣ, о которой завели мы рѣчь. Говоримъ княгинѣ и графинѣ, могли бы сказать и шляхтянкѣ, потому что она перебывала, не на долгомъ вѣку своемъ, подъ этими тремя видами. По общей молвѣ, или, что называется, въ свѣтѣ, знали ее по тремъ мужьямъ, которыхъ послѣдовательно носила она имя, по романическимъ приключеніямъ жизни ея, вообще вполнѣ независимой, нѣсколько своевольной и не рѣдко шедшей наперекоръ и перерѣзъ нѣкоторымъ статьямъ устава объ общественномъ благочиніи. Но кто зналъ ее ближе, видѣлъ въ ней и другія свойства, искупающія, по крайней мѣрѣ въ глазахъ посторонняго, отступленія отъ общественной дисциплины. Она была отмѣнно добрая, благотворительная и честная, если не жена, то женщина, даже набожная въ своемъ родѣ. И набожность ея, не смотря на ея увлеченія и, скажемъ прямо, слабости, не была въ ней ни ханжествомъ, ни обманомъ, ни лицемѣріемъ. Она была набожна, потому что въ слабости своей имѣла нужду въ опорѣ, въ убѣжищѣ покаянія, можетъ быть и скоротечнаго, но не менѣе того, на данную минуту, успо-

коительнаго и освѣжающаго. *Ригористы*, строгіе духовные законоучители не могутъ признавать подобную набожность за настоящую и требуемую церковнымъ и нравственнымъ уставомъ, и они вполнѣ правы съ своей точки зрѣнія и съ точки зрѣнія самой истины. Но мы не предпринимаемъ здѣсь ѳеологическаго разсужденія на эту тему. Мы просто списываемъ или фотографируемъ подлинникъ, который имѣли подъ глазами, и подлинникъ, не смотря ни на что, особенно сочувственный. И такъ, какъ бы то ни было, она имѣла про себя набожность мягкосердечную, такъ сказать, общедоступную, домашнюю, ручную, къ которой прибѣгала она во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и въ которой находила минутное успокоеніе волненію своему, а можетъ быть и минутное очищеніе своей внутренней атмосферы. Какъ бы ни провела она день свой наканунѣ, ей нужно, ей было необходимо ѣхать утромъ въ церковь. Такъ начинала она день свой. Какъ проводила и кончала его, это не наше дѣло. Она разсказывала мнѣ, что въ молодости ея, молитва, на всякій обиходъ дня, была ей такъ нужна и такъ привычна, что, готовясь быть вечеромъ на балѣ, она поутру молила Бога въ косціолѣ, чтобы такой-то кавалеръ, который занималъ ея думы, пригласилъ ее на котильонъ. Это странная молитва; но не страннѣе той, которую два воинскіе враждебные стана возсылаютъ къ небу предъ сраженіемъ съ тѣмъ, чтобы удалось тому и другому положить на мѣстѣ поболѣе ближнихъ своихъ по человѣчеству и предъ Небомъ, которое призывается въ союзники къ этому побіенію. Въ Варшавѣ разсказывали про нее слѣдующій случай изъ первой молодости ея. Въ это время обладателемъ сердца ея или воображенія (въ точности опредѣлить трудно) былъ князь Р. Они ѣхали верхами по мосту надъ Вислою. Не знаемъ, по какому поводу, а князь сказалъ ей: „Вотъ вы говорите, что любите меня, а въ воду для меня не броситесь“. Не отвѣчая на то ни слова, она тутъ же ударила хлыстомъ коня своего и перескочила съ нимъ перила моста, прямо въ рѣку. Въ достовѣрности этого разсказа ручаться не могу, какъ-то не случалось мнѣ провѣрить его собственнымъ свидѣтельствомъ ея, къ тому же не зналъ я лошади ея и ея способностей; но что сама всадница была способна, въ данную минуту, совершить подобный скачекъ, въ томъ никакого сомнѣнія не

имѣю и имѣть не могу. Къ довершенію портрета ея, скажемъ, что, по собственному признанію ея, въ физическомъ организмѣ ея не было врожденныхъ свойствъ, объясняющихъ ея увлеченія. Зародыши этихъ увлеченій прозябали въ сердцѣ ея, выростали и созрѣвали въ головѣ и окончательно развивались на почвѣ Польской натуры.

Клочки разговоровъ, мимоходомъ схваченныхъ.

Х. Въ этомъ человѣкѣ нѣтъ никакихъ убѣжденій.

С. Какъ никакихъ? Есть одно неизмѣнимое и несокрушимое убѣжденіе, что *всегда* должно плыть по теченію, куда несла бы тебя волна, всегда быть на сторонѣ силы къ какой цѣли не была бы она направлена, всегда угождать тому или тѣмъ, отъ котораго и отъ которыхъ можно ожидать себѣ пользы и барыша.

Х. Можно ли было предвидѣть, что онъ такъ скоро умретъ! Еще третьяго дня встрѣтился я съ нимъ; онъ показался мнѣ совершенно здоровымъ.

Р. А я уже нѣсколько времени безпокоился о немъ. Онъ былъ не по себѣ, какъ говорятъ, не въ своей тарелкѣ.

Х. Что же вы замѣтили что́ по дѣламъ, въ присутствіи?...

Р. Нѣтъ, тутъ не замѣчалъ я ничего особеннаго. Все шло какъ слѣдуетъ, и никакой перемѣны въ немъ не оказывалось. Онъ слушалъ и подписывалъ бумаги безостановочно; но въ послѣдніе три-четыре дня онъ дѣлалъ такія ошибки въ вистѣ, по которымъ можно было заключить, что начинается какое-то разстройство во внутреннемъ его механизмѣ.

Г. (хозяинъ за обѣдомъ): А вы любите хорошее вино?

N. N. Да, люблю.

Г. У меня въ погребѣ отличное вино, еще наслѣдственное: попотчую васъ, въ первый разъ, что пожалуете ко мнѣ обѣдать.

N. N. (меланхолически и въ полголоса): Зачѣмъ же въ первый разъ, а не въ этотъ?

---

*Князь**** (хозяинъ за ужиномъ): А какъ вамъ кажется это вино?

Пушкинъ (запинаясь, но изъ вѣжливости): Ничего, кажется, вино порядочное.

*Князь****. А повѣрите ли, что, тому шесть мѣсяцевъ, нельзя было и въ ротъ его брать.

Пушкинъ. Повѣрю.

Другой хозяинъ (за обѣдомъ). Вы меня извините, если обѣдъ не совсѣмъ удался. Я пробую новаго повара.

Графъ Михаилъ Вьельгорскій (наставительно и нѣсколько гнѣвно): Впередъ, любезнѣйшій другъ, покорнѣйше прошу звать меня на испробованные обѣды, а не на пробные.

Третій хозяинъ. Теперь поднесу вамъ вино историческое, которое еще отъ дѣда хранится въ нашемъ семейномъ погребѣ.

Графъ Михаилъ Вьельгорскій. Это хорошо, но то худо, что и поваръ вашъ, кажется, употребляетъ на кухнѣ масло историческое, которое хранится у васъ отъ дѣда вашего.

N. N. говоритъ о Вьельгорскомъ: Personne n'est plus aimable que lui, mais à un mauvais diner il devient féroce. (Нельзя быть любезнѣе его, но за дурнымъ обѣдомъ онъ становится свирѣпымъ).

Зрѣлая дѣвица (гуляя по набережной въ лунную ночь): Максимъ, способенъ ли ты восхищаться луною?

Слуга. Какъ прикажете ваше превосходительство.

Политическій разговоръ.

X. Сами признайтесь, вѣдь Пальмерстонъ не глупъ; вотъ, что онъ на это скажетъ.

NN. (перебивая его). Нѣтъ, позвольте, если Пальмерстонъ, что нибудь скажетъ, то рѣшительно не то, что вы скажете.

Вальтеръ-Скоттъ основалъ въ свое время не только историко-романическую школу, но школу эпиграфовъ. Каждая глава романа его носила приличный, а иногда и замысловатый и остроумный ярлычекъ. Разумѣется, и у насъ бросились на историческіе романы и особенно на эпиграфы. Вальтеръ-Скоттъ бралъ свои изъ старыхъ народныхъ легендъ и старыхъ комедій. У насъ мало этого запаса. Вообще эпиграфы носятъ болѣе или менѣе индивидуальный характеръ, а у насъ и въ литературѣ есть какое-то общинное начало. Просматривая старый *Россійскій Θеатръ*, я отыскалъ кое гдѣ отдѣльныя изреченія, которыя могли бы пригодиться въ эпиграфы. Напримѣръ, въ комедіи *О время*! (Императрицы Екатерины): „Чудно! нашлась и въ Москвѣ молчаливая дѣвица“.

Имянины г-жи Ворчалкиной (тоже сочиненіе Екатерины). Тутъ есть роль прожектера Некопѣйкина, который предлагаетъ проектъ *о употребленіи крысьихъ хвостовъ съ пользою*. Тутъ много забавныхъ выходокъ и поживовъ для эпиграфиста. „Казна только что грабитъ, и я съ нею никакого дѣла имѣть не хочу“. Кто тутъ не узнаетъ царскаго пера, которое не страшится цензуры?

„Тьфу, пропасть какая! Да какъ тебѣ не скучно столько бѣдную бумагу марать чернилами?“

„Только позвольте мнѣ всегда, когда захочу, ѣздить въ комедіи, на маскарады, на балы, гдѣ бы они не были: въ этомъ только дайте мнѣ свободу, и не прекословьте никогда; впрочемъ, я вѣкъ ни за кого не хочу, и съ вами не разстанусь“.

Олимпіада матери своей Ворчалкиной: „Пропустимъ чрезъ кого нибудь слухъ, что скоро выйдетъ отъ правительства запрещеніе десять лѣтъ не вѣнчать свадебъ, и что въ это время, слѣдственно, никто ни замужъ выдти, ни жениться не можетъ“.

„Да и указъ есть такой, чтобъ дураковъ и дуръ не вѣнчать, да этотъ указъ изъ моды вышелъ.“ (*Пустая Ссора* Сумарокова).

„Я его еще не *защипнулъ*“ (говоритъ Дорантъ въ комедіи Сумарокова: *Лихоимецъ*).

Изяславъ: „Что ты въ домѣ здѣсь лакей или шутъ?“

(*Три брата-совмьстника* Сумарокова).

Много еще можно было бы выкопать эпиграфовъ изъ старыхъ нашихъ комедій и старыхъ сатирическихъ журналовъ. Но кому

теперь охота и время рыться въ нихъ? Подавай намъ все изготовленное à la minute, все прямо съ журнальной сковороды.

DONNA SOL.

Oh! je voudrais savoir, ange au Ciel réservé,
Ou vous avez marché, pour baiser le pavé *).
Драма В. Гюго, Эрнани.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ драма Гюго *Эрнани* надѣлала много шуму въ Парижѣ. Этотъ шумъ откликнулся и въ Петербургѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней много свѣжей поэзіи, движенія и драматическихъ нововведеній, въ которыхъ, можетъ быть, нуждалась старая Французская трагедія, не Расиновская, не Вольтеровская, имѣвшія достоинство свое, а трагедія временъ Наполеона. Стихи изъ новаго произведенія поэта переходили изъ устъ въ уста и дѣлались поговорками. Въ то самое время расцвѣтала въ Петербургѣ одна дѣвица, и всѣ мы, болѣе или менѣе, были военноплѣнными красавицы; кто болѣе или менѣе уязвленный, но всѣ были задѣты и тронуты. Кто-то изъ насъ прозвалъ смуглую, южную, черноокую дѣвицу *Donna Sol*, главною дѣйствующею личностью Испанской драмы Гюго. Жуковскій, который часто любитъ облекать поэтическую мысль выраженіемъ шуточнымъ и удачнопошлымъ, прозвалъ ее *небеснымъ дьяволенкомъ*. Кто хвалилъ ее черные глаза, иногда улыбающіеся, иногда огнестрѣльные; кто—стройное и маленькое ушко́, эту аристократическую женскую примѣту, какъ ручка и какъ ножка; кто любовался ея красивою и своеобразною миловидностью. Иной готовъ былъ, глядя на нее, вспомнить старые, вовсе незвучные стихи Востокова и воскликнуть:

О, какая гармонія
Въ рѣдкій сей ансамбль влита!

И замѣтимъ мимоходомъ, что она очень бы смѣялась этимъ стихамъ: не смотря на свое общественное положеніе, на свѣтскость свою, она любила Русскую поэзію и обладала тонкимъ и вѣрнымъ поэтическимъ чутьемъ. Она угадывала (болѣе того, она вѣрно по-

---

*) О, ангелъ, предоставленный Небу! Желалъ бы я знать, гдѣ ты ходила, чтобы цѣловать ту землю.

нимала) и все высокое, и все смѣшное. Изящное стихотвореніе Пушкина приводило ее въ восторгъ. Переряженная и масляничная поэзія пѣвца Курдюковой находила въ ней сочувственный смѣхъ. Обыкновенно женщины худо понимаютъ плоскости и пошлости; она понимала ихъ и радовалась имъ, разумѣется, когда онѣ были не плоско-плоски и не пошло-пошлы. Женщины брезгливы и въ дѣлѣ искусства; у нихъ во вкусѣ есть своя исключительность, свой педантизмъ, свой чинъ-чина почитай. Наша красавица умѣла постигать Рафаэля, но не отворачивалась отъ Теньера, ни отъ карикатуры Гогарта и даже Кома. Вообще увлекала она всѣхъ живостью своею, чуткостью впечатлѣній, остроуміемъ, нерѣдко поэтическимъ настроеніемъ. Прибавьте къ этому, въ противоположность не лишенную прелести, какую-то южную лѣнивость, усталость. Въ ней было что-то Севильской женственности. Вдругъ эта мнимая безстрастность расшевелится или теплымъ сочувствіемъ всему прекрасному, доброму, возвышенному, или (да простятъ мнѣ барыни выраженіе), *ощетинится* скептическимъ и язвительнымъ отзывомъ на жизнь и на людей. Она была смѣсь противорѣчій, но эти противорѣчія были какъ музыкальныя разнозвучія, которыя, подъ рукою художника, сливаются въ какое-то странное, но увлекательное созвучіе. Въ ней были струны, которыя откликались на всѣ вопросы ума и на всѣ напѣвы сердца. Были, можетъ быть, струны, которыя звучали пронзительно и просто-непріятно; но это были звуки отдѣльные, обрывистые, мимолетучіе. Впрочемъ и эта разноголосица имѣетъ свою раздражительную прелесть: когда сердишься на женщину, это несомнѣнный знакъ, что ее любишь.

Хотя не было въ чулкахъ ея ни малѣйшей синей петли, она могла прослыть у нѣкоторыхъ *академикомъ въ чепцѣ*. Свѣдѣнія ея были разнообразныя, чтенія поучительныя и серьезныя, впрочемъ не въ ущербъ романамъ и газетамъ. Даже богословскіе вопросы, богословскія пренія были для нея заманчивы. Профессоръ духовной академіи могъ быть не лишнимъ въ дамскомъ кабинетѣ ея, какъ и дипломатъ, какъ Пушкинъ или Гоголь, какъ гвардейскій любезникъ, молодой левъ Петербургскихъ салоновъ. Она выходила иногда въ пріемную комнату, гдѣ ожидали ее свѣтскіе посѣтители, послѣ урока Греческаго языка, на которомъ хотѣла изучить восточ-

ное богослуженіе и святыхъ отцевъ. Прямо отъ бесѣды съ Григоріемъ Назіанзиномъ или Іоанномъ Златоустымъ влетала она въ свой салонъ и говорила о дѣлахъ Парижскихъ съ старымъ дипломатомъ, о Петербургскихъ сплетняхъ, не безъ нѣкотораго оттѣнка дозволеннаго и всегда остроумнаго злословія, съ пріятельницею, или обмѣнивалась съ однимъ изъ своихъ поклонниковъ загадочными полусловами, т. е. по-англійски *flirtation* или *отношеніями*, какъ говорилось въ то время въ нашемъ кружкѣ. Однимъ словомъ, въ запасѣ любезности ея было, если не всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, то всѣмъ братьямъ по *сердечной заводжѣ*, какъ сказалъ бы Жуковскій. Молодой Русскій врачъ С. былъ также въ числѣ прихваченныхъ гвоздемъ. Когда говорили о ней и хвалили ее, онъ всегда прибавлялъ: „А замѣтьте, какъ она славно кушаетъ! Это вѣрный признакъ здоровой натуры и правильнаго пищеваренія“. Каждый смотрѣлъ на нее съ своей точки зрѣнія: Пушкинъ увлекался прелестью и умомъ ея; врачъ. С. исправностью ея желудка.

Вотъ шуточные стихи, которые были ей поднесены:

Вы—Донна Соль, подъ часъ и Донна Перецъ!
Но все намъ сладостно и лакомо отъ васъ,
И каждый мыслями и чувствами изъ насъ
Вашъ вѣрноподданный и вашъ единовѣрецъ.
Но всѣхъ счастливѣй будетъ тотъ,
Кто къ сердцу вашему надежный путь проложитъ
И радостно сказать вамъ можетъ:
О, Донна-Сахаръ! Донна-Медъ!

Выше привели мы довольно нестройные и смѣшные стихи Востокова; но спѣшимъ оговориться. Кромѣ того, что онъ искупилъ ихъ, а можетъ быть и другіе стихотворные промахи, своею глубокою и многополезною ученостью, онъ и какъ поэтъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, явилъ несомнѣнные признаки дарованія. Онъ былъ нерѣдко поэтомъ мысли и чувства. Если ухо не могло заслушиваться музыкальности стиха, то стихъ его часто поражалъ читателя внутреннимъ достоинствомъ. Недостатокъ мелодіи происходилъ у него вѣроятно отъ непомѣрнаго косноязычія его: онъ только глазами могъ слѣдить за стихомъ своимъ, а слухомъ не могъ провѣрять его. Сильное заиканіе мѣшало ему судить даже и прибли-

зительно, плавенъ ли и пѣвучъ ли или нѣтъ стихъ, вырвавшійся изъ груди его. Поэтическое чувство было въ немъ богато развито, но инструментъ его былъ разстроенъ. *Не додань мнѣ языкъ смертныхъ, но данъ языкъ боговъ*, сказалъ онъ гдѣ то. Въ поэзіи Востокова отзывается Нѣмецкое происхожденіе его. Въ ней преобладаетъ Германская стихія, хотя почти вездѣ выражающая себя правильною Русскою рѣчью. Онъ часто и нерѣдко удачно покорялъ Русскую просодію разнообразнымъ метрамъ древнихъ языковъ. Жуковскій высоко цѣнилъ одно изъ стихотвореній его, кажется *Майское видѣніе*, и внесъ его въ *Образцовыя стихотворенія*, имъ изданныя. Дмитріевъ разсказывалъ, что однажды, при докладѣ, императоръ Александръ, не знаю по какому поводу, припомнилъ два или три философскіе стиха Востокова изъ стихотворенія его на новый годъ, или на окончаніе стараго.

На всѣхъ никто и ничто не угодитъ. Вотъ и весна напла хулителя своего.

Весна, весна, душа природы,
Какъ нѣкогда сказалъ поэтъ;
А если слѣзть съ высокой оды:
То грязь вездѣ, что мочи нѣтъ,
Насморки отъ гнилой погоды
И ломка дрожекъ и каретъ.
Вотъ въ прозаическомъ объемѣ,
Какъ Май рисуется глазамъ:
И въ кузницахъ, и въ каждомъ домѣ
Идетъ починка, здѣсь и тамъ.
Май ненавистный всѣмъ! О, кромѣ
Каретникамъ и докторамъ.

---

16 Іюня 1853 г., узналъ я о смерти Льва Пушкина. Съ нимъ, можно сказать погребены многія стихотворенія брата его неизданныя, можетъ быть даже и не записанныя, которыя онъ одинъ зналъ наизустъ. Память его была та же типографія, частію потаенная и контрабандная. Въ ней отпечатлѣвалось все, что попадало въ ящикъ ея. Съ нимъ сохранялись бы и сдѣлались бы извѣстными нѣкоторыя драгоцѣнности, оставшіяся подъ спудомъ; и онъ же могъ бы изобличить въ подлогѣ другія стихотворенія, которыя

невѣжественными любителями соблазна несправедливо приписываются Пушкину. Странный обычай чтить память славнаго человѣка, навязывая на нее и то, отъ чего онъ отрекся и то, въ чемъ часто не повиненъ онъ душою и тѣломъ. Мало ли что исходитъ изъ человѣка! Но неужели сохранять и плевки его во вѣки вѣковъ, въ золотыхъ и фарфоровыхъ сосудахъ?

Пушкинъ иногда сердился на брата за его стихотворческія нескромности, мотовство, нѣкоторую невоздержность и распущенность въ поведеніи; но онъ нѣжно любилъ его родственною любовью брата, съ примѣсью родительской строгости. Самъ Пушкинъ не былъ ни схимникóмъ, ни пуританиномъ; но онъ никогда не хвастался своими уклоненіями отъ торной дороги и не рисовался въ мнимомъ молодечествѣ. Не разъ бунтовалъ онъ противъ общественнаго мнѣнія и общественной дисциплины; но, по утишеніи въ себѣ временнаго бунта, онъ сознавалъ законную власть этого мнѣнія. Какъ единичная личность, какъ часть общества, онъ понималъ обязанности по крайней мѣрѣ внѣшне приноровляться къ ней и ей повиноваться гласною жизнью своею, если не всегда своею жизнью внутреннею, келейною. И это не была малодушная уступчивость. Всякая свобода какою нибудь стороною ограничивается тою или другою обязанностію, нравственною, политическою или взаимною. Иначе не быть обществу, а будетъ дикое своеволіе и дикая сволочь. Левъ Пушкинъ, храбрый на Кавказѣ противъ Чеченцевъ, любилъ иногда и самъ, въ мирномъ житіи, гарцовать Чеченцемъ и нападать въ расплохъ на обычаи и условія благоустроеннаго и взыскательнаго общества. Пушкинъ старался умѣрять въ младшемъ братѣ эти порывы, эти избытки горячей натуры, столь противоположные его собственной аристократической натурѣ: принимаемъ это слово и въ общепринятомъ значеніи его, и въ первоначальномъ этимологическомъ смыслѣ. Не во гнѣвъ демократамъ будь сказано, а слово *аристократія* соединяетъ въ себѣ понятія о *силѣ* и о чемъ-то *избранномъ* и *лучшемъ*, т.-е о *лучшей силѣ*.

Левъ или, какъ слылъ онъ до смерти, Левушка питалъ къ Александру нѣкоторое восторженное поклоненіе. Въ любовь его входила, можетъ быть, и частичка гордости. Онъ гордился тѣмъ,

что былъ братомъ его и такая гордость не только простительна, но и естественна и благовидна. Онъ чувствовалъ, что лучи славы брата нѣсколько отсвѣчиваются и на немъ, что они освѣщаютъ и облегчаютъ путь ему. Пріятели Александра, Дельвигъ, Баратынскій, Плетневъ, Соболевскій, скоро сдѣлались пріятелями Льва. Эта связь тѣмъ легче поддерживалась, что и въ немъ были нѣкоторые литературные зародыши. Не будь онъ такимъ гулякою, такимъ *гусаромъ коренным*ъ, или драгуномъ, которому Денисъ Давыдовъ не сталъ бы попрекать, что у него на умѣ *все Жомини да Жомини*, можетъ быть и онъ внесъ бы имя свое въ лѣтописи нашей литературы. А можетъ быть, задерживала и пугала его слава брата, который забралъ весь маіоратъ дарованія. Какъ бы то ни было, но въ немъ поэтическое чувство было сильно развито. Онъ былъ совершенно грамотенъ, вкусъ его въ дѣлѣ литературы былъ вѣренъ и строгъ. Онъ былъ остеръ и своеобразенъ въ оборотахъ рѣчи, живой и стремительной. Какъ братъ его, былъ онъ нѣсколько смуглый Арабъ, но смахивалъ на бѣлаго Негра. Тотъ и другой были малаго роста, въ отца. Вообще въ движеніяхъ, въ пріемахъ ихъ было много отцовскаго. Но Африканскій отпечатокъ матери видимымъ образомъ отразился на нихъ обоихъ. Другаго сходства съ нею они не имѣли. Одна сестра ихъ, Ольга Сергѣевна, была въ мать, и кстати гораздо благообразнѣе и красивѣе братьевъ своихъ.

Первые годы молодости Льва, какъ и Александра, были стѣснены, удручены неблагопріятностью окружающихъ или подавляющихъ обстоятельствъ. Отецъ, Сергѣй Львовичъ, былъ не богатъ, плохой хозяинъ, не распорядительный помѣщикъ. Къ тому же, по натурѣ своей, былъ онъ скупъ. Что ни говори, какъ строго ни суди молодежь, а должно сознаться, что не хорошо молодому человѣку, брошенному въ водоворотъ свѣта, не имѣть по крайней мѣрѣ нѣсколько тысячъ рублей ежегоднаго и вѣрнаго дохода, хотя бы на ассигнаціи. Деньги обезпечивающія положеніе въ обществѣ, это необходимый балластъ для правильнаго плаванія. Сколько колебаній, потрясеній, крушеній бываетъ отъ недостатка въ уравновѣшивающемъ и охранительномъ балластѣ. Когда-то Баратынскій и Левъ Пушкинъ жили въ Петербургѣ на одной

квартирѣ. Молодости было много, а денегъ мало. Они вездѣ задолжали, въ гостинницахъ, лавочкахъ, въ булочной: нигдѣ ничего въ долгъ имъ болѣе не отпускали. Одинъ только лавочникъ, торговавшій вареньями, довѣрчиво отпускалъ имъ свой товаръ; да гдѣ-то промыслили они три-четыре бутылки малаги. На этомъ сладкомъ пропитаніи продовольствовали они себя нѣсколько дней.

Послѣдніе годы жизни своей Левъ Пушкинъ провелъ въ Одессѣ, состоя на службѣ по таможенному вѣдомству. Подъ конецъ одержимъ онъ былъ водяною болѣзнью, отправился по совѣту врачей въ Парижъ для исцѣленія, возвратился въ Одессу почти здоровый, но скоро принялся опять за прежній образъ жизни; болѣзнь возвратилась, усилилась, и онъ умеръ.

Послѣ смерти брата, Левъ, сильно огорченный, хотѣлъ ѣхать во Францію и вызвать на роковой поединокъ барона Геккерена, урожденнаго Дантесъ; но пріятели отговорили его отъ этого намѣренія.

Водяная бѣднаго Льва напоминаетъ сказанное Костровымъ Карамзину, не задолго до смерти. Костровъ страдалъ перемежающейся лихорадкою. „Странное дѣло, замѣтилъ онъ, пилъ я, кажется все горячее, а умираю отъ озноба“.

Кто-то сказалъ про Давыдова: „Кажется, Денисъ начинаетъ выдыхаться.“—“Я этого не замѣчаю“, возразилъ NN., „а можетъ быть, у тебя носъ залегъ“.

Когда Михаилъ Орловъ, посланный въ Копенгагенъ съ дипломатическимъ порученіемъ, возвратился въ Россію съ орденомъ Даненброга, кто-то спросилъ его въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ: Что-же ты очень радуешся салфеткѣ своей?—„Да, отвѣчалъ Орловъ, она мнѣ можетъ пригодиться, чтобы утереть носъ первому, кто осмѣлится позабыться передо мною“.

Графиня Радолинска говоритъ о людяхъ, промышляющихъ чу-

жими мыслями: „Умъ ихъ занимается каботажнымъ (прибрежнымъ) судоходствомъ, un esprit de cabotage. Она же говорила: écrire c'est délayer, т.-е. писать значитъ разжижать.

Свѣчина называетъ записочки, написанныя карандашомъ, разговоромъ въ полъ-голоса.

NN. говоритъ: „Есть люди, которые, чтобы доказать тонкость своего умственнаго и политическаго чутья, часто пронюхиваютъ въ высоко-поставленныхъ лицахъ какія-то заднія мысли; а я часто ищу въ нихъ переднихъ, и за неимѣніемъ переднихъ, хотя среднихъ, но и тѣхъ не нахожу. Заднія мысли могутъ еще выпрямиться и пригодиться къ дѣлу, а отъ голаго безмыслія ожидать нечего".

Батюшковъ говорилъ объ А. С. Хвостовѣ: „онъ сорокъ лѣтъ тому сочинилъ книгу ума своего и до нынѣшняго дня все еще читаетъ по ней."—Впрочемъ А. С. Хвостовъ былъ остеръ, и нѣкоторыя изъ его шутокъ были весьма удачны. Видя на балѣ, какъ графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ проходилъ въ польскомъ неловко и неуклюже, онъ сказалъ:

Однофамилецъ мой, сказать-то не въ укоръ,
Танцуетъ какъ Вольтеръ, а пишетъ какъ Дюпоръ.

Дюпоръ, знаменитый Французскій танцоръ, былъ тогда въ составѣ Петербургскаго балета.

Иные боятся ума, говоритъ NN., а я какъ-то все больше боюсь глупости. Во первыхъ она здоровеннѣе и отъ того сильнѣе и смѣлѣе; во вторыхъ чаще встрѣчается. Къ тому же умъ часто одинокъ, а глупости стоитъ только свиснуть, и къ ней прибѣжитъ на помощь цѣлая артель товарищей и однокашниковъ.

NN., въ одномъ письмѣ, говоритъ: „Думаемъ пробыть здѣсь еще недѣли двѣ, потомъ?" Неминуемый и темный вопросительный

знакъ, со многими знаками восклицанія!!!! Человѣкъ знаетъ одно слово: *здѣсь*, и то знаетъ плохо и невѣрно. *Тамъ*—слово не человѣческое, а Божіе.

Кто-то говорилъ аббату Терре (Terray), генеральному контролеру (тоже что министру финансовъ) во Франціи, въ послѣдней половинѣ минувшаго столѣтія: „Да вы хотите брать деньги даже изъ нашихъ кармановъ!“ — „А откуда же мнѣ брать ихъ, какъ не изъ кармановъ?“ отвѣчалъ онъ простодушно.

Николай Ѳедоровичъ Арендтъ былъ не только искусный врачъ, но и добрѣйшій и безкорыстнѣйшій человѣкъ. Со многихъ изъ своихъ паціентовъ, даже достаточно зажиточныхъ, онъ не бралъ денегъ, а лечилъ и вылечивалъ ихъ изъ дружбы. Одинъ изъ нихъ писалъ ему однажды: „Въ болѣзнь мою, я поручилъ женѣ моей передать вамъ послѣ моей смерти мои Брегетовы часы; но вы умереть мнѣ не дали, и я нахожу гораздо приличнѣе и пріятнѣе еще за живо просить васъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Николай Ѳедоровичъ, принять ихъ отъ меня и хранить на память о вашихъ искусныхъ и дружескихъ обо мнѣ попеченіяхъ и на память о неизмѣнной благодарности тѣлесно и душевно вамъ преданнаго и обязаннаго NN“. На другой день Арендтъ пріѣхалъ къ нему, торопливо (какъ дѣлалъ онъ все) всунулъ ему въ руки часы и просилъ о дозволеніи удержать одну записку. Выздоравливающихъ онъ не баловалъ. „Вамъ лучше“, говаривалъ онъ, „я къ вамъ болѣе ѣздить не буду: у меня есть другой, опасно больной, который меня теперь гораздо болѣе интересуетъ, чѣмъ вы. Прощайте!“

На бѣдный Русскій чиновный людъ пало нареканіе во взяточничествѣ. Это любимый конекъ нашей безсребренной публицистики и журналистики. Онѣ на этомъ конькѣ разъѣзжаютъ, гарцуютъ, рисуются, подбоченясь, съ презрѣніемъ и отвагою. Оно, пожалуй и такъ: грѣха таить нечего. Взяточничество у насъ одинъ изъ способовъ пропитанія, а пропитать себя нужно, потому что каж-

дому жить хочется и дать жить женѣ и дѣтямъ. Но что́ же въ самомъ дѣлѣ взяточничество? Одинъ изъ видовъ недуга, извѣстнаго подъ именемъ *любостяжанія* и *сребролюбія*. Но развѣ этотъ недугъ исключительно Русскій? Не есть ли онъ повѣтріе, общее всѣмъ народамъ и всѣмъ обществамъ; да и болѣзнь-то не новая, не плодъ испорченности новыхъ нравовъ и распущенности. Еще Апостолъ сказалъ: „корень бо всѣмъ злымъ сребролюбіе есть“. При Адамѣ денегъ еще не было, а были яблоки, и Адамъ, искусившись яблокомъ, былъ первый взяточникъ.

NN говоритъ, что дипломація дѣло хорошее и нужное; но она хороша, пока о ней, какъ о Кесаревой женѣ, ничего не говорятъ; а заговоритъ ли она въ слухъ или о ней громко заговорятъ, то ужъ быть бѣдѣ: значитъ, собираются громовыя тучи, а дипломація рѣдко бываетъ благонадежный громовой отводъ. Часто перья дипломатовъ приводятъ къ войнѣ, а пушки къ миру. Первыя иногда такъ запишутся, что иначе разнять ихъ нельзя, какъ допустивъ руки до драки; другія до того выпалятся и такъ много перебьютъ народа на той и другой сторонѣ, что и побѣжденные, и побѣждающіе нуждаются въ мирѣ.

Руссо употребляетъ гдѣ-то выраженіе mal-être, въ противуположность bien-être. И у насъ можно бы допустить слово *злосостояніе* по примѣру *благосостояніе*. Какой-то шутникъ въ Москвѣ переводилъ Французское выраженіе bien-être général en Russie слѣдующимъ образомъ: хорошо быть генераломъ въ Россіи. Въ Москвѣ много ходячаго остроумія, этого ума, qui court la rue, какъ говорятъ Французы. Въ Москвѣ и вообще въ Россіи, этотъ умъ не только бѣгаетъ по улицамъ, но вхожъ и въ салоны; за то какъ-то рѣдко заглядываетъ онъ въ книги. У насъ болѣе устнаго ума, нежели печатнаго.

Многія человѣческія возвышенности, извѣстности, знаменитости, какъ и высшія горы, бываютъ величественнѣе и поразительнѣе,

когда смотришь на нихъ издали, а не вблизи. Это также своего рода декораціи, которыми должно любоваться изъ партера, а не въ кулисахъ. Бѣлая гора (Mont-Blanc) плѣняла меня болѣе и приковывала мои глаза, когда глядѣлъ я на не изъ Женевы, нежели когда глядѣлъ изъ долины Шамуни.

Талейранъ, во время посольства своего въ Лондонѣ, былъ очень любимъ и уважаемъ. Онъ умѣлъ поддѣлаться подъ Англичанъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ, умомъ и прославленнымъ острословіемъ своимъ, внушалъ имъ почтительный страхъ. Однажды на вечерѣ у леди Пальмерстонъ, собрался онъ уѣхать ранѣе обыкновеннаго. Куда же вы такъ спѣшите? спросила хозяйка.—Мнѣ хочется завернуть къ леди Гохландъ.—За чѣмъ?—Pour savoir se que vous pensez (чтобы узнать, что́ у васъ на умѣ). Талейранъ не только высказалъ свое знаменитое слово: La parole a été donnée à l'homme pour déguiser sa pensée (даръ слова данъ былъ человѣку, чтобы прятать и переряжать мысль свою), но видно, что онъ примѣнялъ его и на практикѣ въ отношеніи къ другимъ.

Талейранъ подарилъ Пальмерстону собственноручную записку Наполеона (разумѣется I-го), которою предписывалось уполномоченному отъ него, во время Аміенскихъ переговоровъ (1802 года), *что* и буквально *какъ* сказать въ такомъ или другомъ случаѣ, и въ томъ и другомъ принять за оскорбленіе все, что́ ни сказалъ бы Англійскій министръ; послѣ того, встать со стула, откланяться, подойти къ дверямъ и, взявшись за ручку, остановиться и сказать: мнѣ приходитъ въ голову мысль; не знаю, будетъ ли она одобрена и утверждена моимъ правительствомъ, но беру на себя отвѣтственность.

(Разсказано мнѣ въ Баденъ-Баденѣ Бунсеномъ, который былъ долгое время Прусскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, а познакомился я съ нимъ въ Римѣ въ 1834—1835 годахъ).

Бунсенъ, дипломатъ, теологъ и нѣмецкій ученый, не имѣлъ ни чопорности и потаенности перваго, ни сухости и проповѣдничества втораго, ни глубокомысленной и каѳедральной скуки третьяго. Онъ просто былъ пріятный собесѣдникъ, занимательный и часто поучительный.

Между прочимъ говорилъ онъ мнѣ, что Герценъ съ своею пропагандою и съ своимъ журналомъ не пользовался въ Лондонѣ не только уваженіемъ, но даже и извѣстностью.

Кто-то говорилъ объ одной барынѣ, которой онъ не видалъ: она должно быть лицомъ дурна, потому что пріятели ея говорятъ о ней, что она очень стройна. Это напоминаетъ слово князя Козловскаго. Чадолюбивая мать показывала ему малолѣтнихъ дѣтей своихъ, которыя были одно некрасивѣе другаго, и спрашивала его: какъ они ему кажутся. Они должны быть очень благонравныя дѣти, отвѣчалъ онъ.

Когда Карамзинъ былъ назначенъ исторіографомъ, онъ отправился къ кому-то съ визитомъ и сказалъ слугѣ: если меня не примутъ, то запиши меня. Когда слуга возвратился и сказалъ, что хозяина дома нѣтъ, Карамзинъ спросилъ его: „а записалъ ли ты меня?“—Записалъ.—„Что же ты записалъ?“—Карамзинъ, графъ исторіи.

Коллегія докторовъ, въ которой избираются, то есть испытываются, въ Китаѣ лица, назначаемыя на высшія государственныя должности, именуется кажется *Ганъ-Линъ*, то есть лѣсъ чернильницъ. NN говоритъ, что когда онъ входитъ въ свой департаментъ, ему всегда сдается, что онъ входитъ въ Китайскую коллегію докторовъ, то есть въ дремучій лѣсъ чернильницъ.

Мятлевъ, Гомеръ Курдюковской Одиссеи, служилъ нѣкогда по министерству финансовъ. Директора одного изъ департаментовъ прозвалъ онъ *цѣловальникомъ*, и вотъ почему: бывало, что графиня Канкрина ни скажетъ, онъ сейчасъ: Ахъ, какъ это мило, графиня! Позвольте за то поцѣловать ручку вашу.

Когда Сабуровъ опредѣленъ былъ совѣтникомъ въ Банкъ, Мятлевъ сказалъ:

Канкринъ нашъ, право, молодецъ!
Онъ не министръ, родной отецъ:
Сабурова онъ держитъ въ банкѣ.
Ich danke, батушка, ich danke.

Извѣстно, что Ермоловъ любилъ отпускать шутки на Нѣмцевъ. Проѣзжая чрезъ Могилевъ, онъ говорилъ, что въ главной квартирѣ Барклая онъ нашелъ только одного чужестранца, и то Безроднаго.

Князь Меншиковъ не любилъ графа Канкрина. Во время опасной болѣзни сего послѣдняго, кто-то встрѣчаетъ князя на Невскомъ проспектѣ и говоритъ ему: сегодня извѣстіе о болѣзни Канкрина гораздо благопріятнѣе.—А до меня, отвѣчаетъ князь, дошли самыя худыя вѣсти: ему, говорятъ, лучше.

Александръ Тургеневъ былъ довольно разсѣянъ. Однажды обѣдалъ онъ съ Карамзинымъ у графа Сергѣя Петровича Румянцова. Когда за столомъ Карамзинъ подносилъ къ губамъ рюмку вина, Тургеневъ сказалъ ему вслухъ: „Не пейте, вино прескверное, это настоящій уксусъ“. Онъ вообразилъ себѣ, что обѣдаетъ у канцлера графа Румянцова, который за глухотою своею ничего не разслышитъ.

Другой забавный случай по поводу глухоты Канцлера. Графъ***, разсудительный, многообразованный, благородный, но до высшей степени разсѣянный, пріѣзжаетъ однажды къ графу Николаю Петровичу, уже страдавшему почти совершенною глухотою. На первыя слова посѣтителя Канцлеръ какъ-то случайно отвѣчаетъ правильно. „Мнѣ особенно пріятно замѣтить (говоритъ графъ), что ваше сіятельство изволите лучше слышать“.

Канцлеръ: Что?

Графъ ***: Мнѣ особенно пріятно замѣтить, что ваше сіятельство изволите лучше слышать.

Канцлеръ: Что?

Графъ: Мнѣ особенно пріятно замѣтить...

Канцлеръ: Что?

Такимъ образомъ перекинулись они еще раза два тѣми же словами съ одной и другой стороны. Канцлеръ, указывая на аспидную доску, которая всегда лежала передъ нимъ на столѣ, проситъ написать на ней сказанное. И графъ *** съ невозмутимымъ спокойствіемъ пишетъ на доскѣ: „мнѣ особенно пріятно замѣтить, что ваше сіятельство изволите лучше слышать“.

Графъ Сергѣй Румянцовъ говорилъ о до-пожарной Москвѣ, что въ ней жить нельзя, и не знаешь, гдѣ провести вечеръ. „Куда ни пріѣдешь, только и слышишь: барыня очень извиняется, что принять не можетъ“, или потому, что полы моютъ, или потому, что служатъ мефимоны.

Въ какомъ-то губернскомъ городѣ дворянство представлялось императору Александру, въ одно изъ многочисленныхъ путешествій его по Россіи. Не разслышавъ порядочно имени одного изъ представлявшихся дворянъ, обратился онъ къ нему: „Позвольте спросить, ваша фамилія? „Осталась въ деревнѣ, ваше величество,“ отвѣчаетъ онъ, „но, если прикажите, сейчасъ пошлю за нею“.

Въ холодный зимній день при рѣзкомъ вѣтрѣ, Александръ Павловичъ встрѣчаетъ г-жу Д***, гуляющую по Англійской набережной. „Какъ это не боитесь вы холода?“ спрашиваетъ онъ ее.— „А вы, государь?“ — „О, я, это дѣло другое: я солдатъ.“ — „Какъ! Помилуйте, Ваше Величество, какъ! Будто вы солдатъ?“.

N. N. писалъ къ пріятелю своему, который былъ на одной изъ высокихъ ступеней общественной лѣстницы: „Въ свѣтѣ и чѣмъ выше подымаешься, тѣмъ болѣе человѣку, признающему за собою призваніе къ дѣлу, выходящему изъ среды обыкновенныхъ дѣлъ, должно быть неуязвимымъ съ ногъ до головы, непроницаемымъ, непромокаемымъ, несгараемымъ, герметически закупореннымъ, и къ тому же еще имѣть способность проглатывать лягушекъ и при

случаѣ переваривать ужей. Воля ваша, но я не полагаю, что ваше сложеніе и вашъ желудокъ достаточно крѣпки для подобнаго испытанія“.

Тоже изъ письма. „Въ старой Европѣ говорили: poli comme un grand seigneur, insolent comme un laquais (вѣжливъ какъ вельможа; наглъ, нахаленъ какъ холопъ). Старой Европы уже нѣтъ: она приказала долго жить, и мы живемъ въ новой Европѣ. Нынѣ многіе вельможи говорятъ: Ce n'est pas tout que d'être grand seigneur; il faut être encore insolent. (Мало быть вельможею, нужно еще быть наглымъ). Ничто такъ не служитъ вывѣскою ума ограниченнаго и пошлаго, какъ высокомѣріе и невѣжливость, возрастающія постепенно съ возрастаніемъ чиновъ и почестей. Въ такомъ высокомѣріи есть и большое уничиженіе. Въ этомъ случаѣ человѣкъ какъ будто сознаетъ, что, какъ личность, онъ ничтоженъ, а придаетъ себѣ вѣсъ только по благопріобрѣтеннымъ, а часто злопріобрѣтеннымъ внѣшнимъ принадлежностямъ своимъ.

Откровенные и исповѣдные разговоры.

I) *Чиновникъ полицейскаго вѣдомства* (въ началѣ 20-хъ годовъ, или ранѣе, въ Петербургѣ): Начальство поручило мнѣ объясниться съ вами. Оно замѣтило, что живете вы не по средствамъ своимъ, что издерживаете много денегъ, ведете даже жизнь роскошную, а по собраннымъ справкамъ оказывается, что не имѣете ни деревень, ни капиталовъ, ни родственниковъ, которые помогали бы вамъ. Начальство желаетъ знать, какіе источники доходовъ вашихъ.

Страт.*** *(съ нѣкоторою запинкою):* Если начальству непремѣнно нужно знать, какіе источники доходовъ моихъ, то обязываюсь откровенно признаться, что пользуюсь женскими слабостями.

II) *Барыня Г****: Какой несносный у меня духовникъ съ любознательностію своею! Настоящая пытка!

N. N.: Какъ это?

Барыня. Да, мало ему того, что приносишь чистосердечное покаяніе во грѣхахъ своихъ: онъ еще допытывается узнать, какъ, когда и съ кѣмъ. Всего и всѣхъ не припомнишь. Тутъ еще невольно согрѣшишь неумышленнымъ умалчиваніемъ.

Въ тетрадкѣ одного изъ Молчалиныхъ записана слѣдующая выходка, вспышка (жаль, что не имѣемъ на Русскомъ языкѣ слова boutade, которое такъ выразительно на Французскомъ и было бы здѣсь кстати):

Природа всѣмъ намъ мать родная,
Слыхалъ и я. Но для чего жъ,
Дѣтей дарами надѣляя,
Не ровенъ такъ ея дѣлежъ.

Тамъ миртъ и виноградъ, и розы,
Тамъ солнце, вѣчная весна:
А здѣсь туманы, да морозы,
Капуста, рѣдька и сосна.

Есть люди, которые огорчаются чужою радостью, обижаются чужимъ успѣхомъ и больны чужимъ здоровьемъ. Добро бы еще, еслибъ дѣйствовали въ нихъ соперничество, ревность, совмѣстничество, что̀ Французы называютъ jalousie de métier. Нѣтъ, это плантоническая, безкорыстная зависть. Они нисколько не желали бы поступить на мѣсто, которое занялъ другой. Нѣтъ, имъ безцѣльно и просто досадно, что этотъ другой занялъ это мѣсто или получилъ такую-то награду. Я зналъ подобнаго барина, несчастно впечатлительнаго и раздражительнаго. Онъ былъ молодъ, красивъ собою, богатъ, не былъ на службѣ и не хотѣлъ служить, могъ пользоваться всѣми пріятностями блестящей независимости. Въ добавокъ не былъ онъ и авторъ и даже былъ достаточно безграмотенъ. Когда же Карамзину, въ чинѣ статскаго совѣтника, была пожалована Анна первой степени, его взорвало. „Вотъ, говорилъ онъ въ изступленіи, прямо сбывается Русская пословица: не родись ни уменъ, ни пригожъ, а родись счастливъ!“ У него была и другая равнохарактерная особенность, но эта прямо по его части. Онъ ревновалъ ко всѣмъ женщинамъ, даже и къ тѣмъ, къ которымъ не чувствовалъ никакого сердечнаго влеченія. Подмѣтитъ ли онъ, что молодая дама какъ-то особенно нѣжно разговариваетъ съ молодымъ мущиною, онъ сейчасъ заподозритъ, что тутъ снуется завязка романической тайны; онъ вспылитъ и готовъ подбѣжать къ дамѣ съ угрозою, что тотчасъ пойдетъ къ мужу ея и все ему от-

кроетъ. Не ручаюсь, чтобъ такая угроза не была иногда приводима въ дѣйствіе.

Былъ еще въ Петербургѣ субъектъ той же породы: умный, образованный не изъ Русскихъ, но вполнѣ обрусѣвшій по этой части. Онъ самъ былъ довольно высоко поставленъ на лѣстницѣ, извѣстной подъ именемъ табели о рангахъ, а потому и не смущался онъ отъ мелочныхъ служебныхъ скачковъ. Его вниманіе обращено было выше. Отъ этихъ астрономическихъ и звѣздочетныхъ наблюденій случались съ нимъ приливы крови къ головѣ. Особенно были для него трудны и пагубны для здоровья дни Новаго Года, Пасхи, Высочайшихъ тезоименитствъ. Это было хорошо извѣстно семейству его: въ эти роковые дни, по возвращеніи изъ дворца, ожидали уже его на дому докторъ и фельдшеръ и, по размѣру розданныхъ Александровскихъ и Андреевскихъ лентъ и производствъ въ высшіе чины, ставили ему соотвѣтственное количество піявокъ, или рожковъ.

Былъ еще мнѣ хорошо и пріятельски знакомъ третій образчикъ этого физіологическаго недуга; но онъ былъ такъ простосердеченъ, такъ откровененъ въ исповѣданіи слабостей своихъ, что обезоруживалъ всякое осужденіе. Онъ не только не таилъ ихъ подъ лицемѣрнымъ прикрытіемъ равнодушія и презрѣнія къ успѣхамъ и почестямъ; но охотно обнаруживалъ ихъ съ самоотверженіемъ и, что́ всего лучше, съ особенною забавностью и на этотъ случай съ особенною выразительностью и блистательностью рѣчи. И онъ состоялъ всегда подъ лихорадочнымъ впечатлѣніемъ приказовъ какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, но преимущественно военныхъ. Онъ былъ уже въ отставкѣ, но и отставной сохранилъ онъ всю свѣжесть и всю чувствительную раздражительность служебныхъ столкновеній и мѣстничества. „Какъ хорошо знаетъ меня графъ Закревскій“, говорилъ онъ мнѣ однажды. Разъ зашелъ я къ нему въ Парижѣ.—Что ты такъ разстроенъ и въ дурномъ духѣ? спросилъ онъ меня. — Ничего, отвѣчалъ я.— „Какъ ничего, ты не въ духѣ и скажу тебѣ, отъ чего: ты вѣрно, шутъ гороховый, прочелъ приказъ въ *Инвалидѣ*, сегодня пришедшемъ. Не такъ ли?“ И точно я только что прочелъ военную газету и былъ пораженъ извѣстіемъ о производствѣ бывшаго сверстника моего по службѣ.

Онъ когда-то состоялъ при князѣ Паскевичѣ; но по неосторожности, или по другимъ обстоятельствамъ, лишился благорасположенія его, которымъ прежде пользовался, и вынужденъ былъ удалиться. Этотъ эпизодъ служебныхъ приключеній его бывалъ частою темою его драматическихъ, эпическихъ, лирическихъ и особенно въ высшей степени комическихъ разсказовъ. Мы уже замѣтили, что раздражительность давала блестящій и живой оборотъ всѣмъ рѣчамъ его. Онъ тогда становился и устнымъ живописцемъ, и ораторомъ, и актеромъ, и импровизаторомъ. Между прочимъ, разсказывалъ онъ свиданіе свое съ княземъ Паскевичемъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ размолвки ихъ. „Въ одинъ изъ пріѣздовъ князя въ Петербургъ, повстрѣчавшись съ братомъ моимъ, спрашиваетъ онъ его, почему онъ меня не видитъ. Узнавъ объ этомъ, почелъ я обязанностью явиться къ нему. Принялъ онъ меня отмѣнно благосклонно и въ продолженіи разговора вдругъ спросилъ меня: А что выиграли вы, не умѣвши поладить со мною и потерявши мое довѣріе? Остались бы вы при мнѣ, вы были бы теперь генералъ-лейтенантомъ, можетъ быть генералъ-адъютантомъ, кавалеромъ разныхъ орденовъ.—Каково же было мнѣ все это слышать? И съ какою жестокостью, вонзивъ въ сердце мое ножъ, поворачивалъ онъ его въ ранѣ моей. Вѣроятно для этого закланія и желалъ онъ видѣть меня“. Сцена въ высшей степени драматическая.

Былъ у меня пріятель докторъ, иностранецъ, водворившійся въ Россіи и если не обрусѣвшій (отъ инокровнаго и иновѣрнаго никогда ожидать не можно и не должно совершеннаго обрусѣнія), то, по крайней мѣрѣ, вполнѣ *омосквичившійся*. Онъ былъ врачемъ и пріятелемъ всего нашего Московскаго кружка, до 1812 года и долго послѣ того. Онъ былъ врачъ не изъ ученыхъ, хотя и питомецъ Итальянскихъ медицинскихъ факультетовъ, когда то очень знаменитыхъ; но онъ былъ изъ тѣхъ врачей, которые не рѣдко исцѣляютъ трудно-больныхъ. Глазъ его былъ вѣренъ, сметливъ и опытенъ. Если не было въ немъ много глубокихъ теоретическихъ и книжныхъ познаній, но за то не было и тѣни шарлатанства и бѣганья, во чтобы то ни стало и часто ни на животъ, а на смерть,

за всѣми хитросплетенными новыми системами. Онъ не пренебрегалъ ими, знакомился съ ними, но не подчинялся имъ слѣпо и суевѣрно; онъ надъ больнымъ не развертывалъ ихъ знамени, чтобы доказать, что и онъ докторъ передовой, докторъ-либералъ, отрекшійся отъ стараго ученія и преданій стараго авторитета. Къ тому же (что еще кромѣ науки нужно врачу) онъ имѣлъ душу, сердоболіе, неутомимое вниманіе за ходомъ и разносторонними видоизмѣненіями болѣзни, веселые пріемы и совершенно свѣтское обращеніе. Могу говорить о немъ съ достовѣрностью и досконально, потому что два раза, въ труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ болѣзняхъ, былъ я въ рукахъ его, и оба раза я, какъ говаривалъ К. (по словамъ Сонцова), *оттолкнулъ мрачную дверь гроба и остался, какъ вы видите, на землѣ, чтобы прославлять имя моего земнаго спасителя.* Онъ былъ не лишній и у постели больного, и за пріятельскимъ обѣденнымъ столомъ. Во всякомъ случаѣ, мы выпили съ нимъ болѣе вина, нежели микстуръ, имъ прописанныхъ. Одинъ изъ его больныхъ, страдавшій болѣе внѣшнею болью, чѣмъ внутреннею, настойчиво требовалъ, чтобы онъ прописалъ ему какое нибудь лекарство. Врачъ отказывался, говоря, что не нужно, и что боль скоро сама собою пройдетъ. Наконецъ, чтобы отдѣлаться отъ докучливыхъ требованій, сѣлъ онъ за письменный столъ и началъ писать рецептъ. Тутъ больной испугался и сталъ просить, чтобы онъ далъ ему лекарство, не слишкомъ крѣпкое. „Будьте покойны, отвѣчалъ онъ: пропишу такое лекарство, которое ничего вамъ не сдѣлаетъ“.

Однажды жаловался онъ мнѣ на свои домашнія невзгоды съ женою. „Сами виноваты вы, сказалъ я ему. Доктору никогда не должно вступать въ бракъ: каждый день и цѣлый день не сидитъ онъ дома, а рыскаетъ по городу; случается и ночью: жена остается одна, скучаетъ, а скука совѣтница коварная“.—„Нѣтъ, совсѣмъ не то, что вы думаете, перебилъ онъ рѣчь мою“. „Во всякомъ случаѣ, повторяю: что за охота была вамъ жениться?—„Какая охота? сказалъ онъ. Тутъ охоты никакой не было; а вотъ какъ оно случилось. Дѣвица N., помѣщица С-кой губерніи, пріѣхала въ Москву лечиться отъ грудной болѣзни. Я былъ призванъ, мнѣ удалось помочь ей и поставить ее на ноги. Изъ благодарности влю-

билась она въ меня: начала преслѣдовать неотвязною любовью своею, такъ что я не зналъ, куда дѣваться отъ нея и какъ отдѣлаться. Наконецъ расчелъ я, что лучшее и единственное средство освободиться отъ ея гонки за мною есть женитьба на ней. По моимъ докторскимъ соображеніямъ и разсчетамъ, я пришелъ къ заключенію, что, хотя, повидимому, здоровье ея нѣсколько поправилось, но болѣе года прожить ей нельзя. Я подумалъ: такъ и быть, годъ кое-какъ вытерплю; вотъ я и рѣшился на самопожертвованіе и женился. А на мѣсто того, она изволитъ здравствовать уже пятнадцатый годъ и мучитъ меня своимъ непріятнымъ и вздорнымъ характеромъ. Поди, полагайся, послѣ на всѣ патологическія и діагностическія указанія науки нашей! Вотъ и останешься въ дуракахъ". Докторъ и докторша давно почіютъ въ мирѣ.

Одинъ перчаточникъ развѣсилъ передъ лавкою своею огромную красную ручищу. Онъ просилъ у городского начальства позволенія выписать на вывѣскѣ извѣстный стихъ, изъ трагедіи Димитрій Донской:

Рука Всевышняго Отечество спасла. Неизвѣстно, разрѣшена ли была просьба его.

Праздничная поэзія имѣетъ также свою прозаическую и будничню изнанку. Когда знаменитая трагическая актриса Жоржъ (похищенная у Парижскаго театра и привезенная въ Россію, молодымъ тогда гвардейскимъ офицеромъ, Бенкендорфомъ) пріѣхала въ Москву, я, тоже тогда молодой и впечатлительный, совершенно былъ очарованъ величествомъ красоты ея, и не менѣе величественною игрою художницы въ роляхъ Семирамиды и Федры. Я до того времени никогда еще не видѣлъ олицетворенія искусства въ подобномъ блескѣ и подобной величавости. Греческій, ваяльный, царственный обликъ ея и станъ поразили меня и волновали. Воспользовавшись объявленіемъ бенефиса ея, отправился я къ ней за билетомъ. Мнѣ, разумѣется, хотѣлось полюбоваться ею вблизи и познакомиться съ нею. Она жила на Тверской у Француженки мадамъ Шеню, которая содержала и отдавала комнаты въ наймы съ обѣдомъ, въ такое время, когда въ Москвѣ не имѣлось *ни*

отелей, ни ресторановъ. Взобравшись на лѣстницу и прикоснувшись къ замку дверей, за которыми таился мой кумиръ, я чувствовалъ, какъ сердце мое прытче застукало, и кровь сильнѣе закипѣла. Вхожу въ святилище и вижу предъ собою высокую женщину, въ зеленомъ, увядшемъ и нѣсколько засаленомъ капотѣ; рукава ея высоко засучены; въ рукѣ держитъ она не классическій, Мельпоменовскій кинжалъ, а просто большой кухонный ножъ, которымъ скоблитъ она деревянный столъ. Эта была моя Федра и моя Семирамида. Нисколько не смущаясь моимъ посѣщеніемъ врасплохъ и удивленіемъ, которое должно было выражать мое лицо, сказала она мнѣ: „Вотъ въ какомъ порядкѣ содержатся у васъ въ Москвѣ помѣщенія для пріѣзжихъ. Я сама должна заботиться о чистотѣ мебели своей“. Тутъ, понимается, было мнѣ уже не до поэзіи, кухонный ножъ выскоблилъ ее съ сердца до чистѣйшей прозы.

Въ издаваемомъ имъ въ то время *Вѣстникѣ Европы* Жуковскій печаталъ мастерскіе и превосходные отчеты о представленіяхъ *Дѣвицы Жоржъ*, какъ онъ называлъ ее. Въ этихъ бѣглыхъ статьяхъ, является онъ тонкимъ и проницательнымъ критикомъ, какъ литературнымъ, такъ и сценическимъ; нѣтъ въ нихъ ни сухости, ни пошлой журнальной болтовни, ни учительскаго важничанія. Это просто живая передача живыхъ и глубокихъ впечатлѣній, провѣренныхъ образованнымъ и опытнымъ вкусомъ. Перечитывая ихъ и читая новѣйшія оцѣнки театральнаго искусства и движенія, нельзя не сознаться, что журналы и газеты наши, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи, ушли далеко, но только не впередъ.

Лѣтъ тридцать спустя, въ Парижѣ, захотѣлось мнѣ подвергнуть испытанію мои прежнія юношескія ощущенія и сочувствія. Дѣвица Жоржъ уже не царствовала на первой Французской сценѣ, сценѣ Корнеля, Расина и Вольтера: она спустилась на другую сцену мѣщанско-мелодраматическую. Я отправился къ ней. Увидя ее, я внутренно ахнулъ и почти пожалѣлъ о зеленомъ, измятомъ капотѣ и кухонномъ ножѣ; во всякомъ случаѣ, тогда была, по крайней мѣрѣ, обоюдная молодость. Теперь предстала предо мною какая-то старая баба-яга, плотно оштукатуренная бѣлилами и румянами, пестро и будто заново подмалеванная древняя развалина,

обезображенный памятникъ, изуродованный временемъ обломокъ зданія, нѣкогда красиваго и величественнаго. Грустно мнѣ стало за нее, и вѣроятно за себя. Она увѣряла, что очень хорошо помнитъ и Москву, и меня. Спасибо за добрую память! Но отъ того было не легче. Вотъ новый ударъ по головѣ поэзіи моей.

Die schönen Tagen von Aranjuez
Sind nun vorbei.

Въ виду одна печальная прозаическая изнанка. Можно ли было, глядя на эту безобразную массу, угадать въ ней ту, которая какъ будто еще не такъ давно, двойнымъ могуществомъ искусства и красоты оковывала благоговѣйное вниманіе многихъ тысячъ зрителей, поражала ихъ, волновала, приводила въ умиленіе, трепетъ ужасъ и восторгъ? Какъ! (говорилъ я, печально отъ нея возвращаясь) эта баба-яга именно та самая, которая въ сіяніи самовластительной красоты передавала намъ такъ вѣрно и такъ впечатлительно великолѣпные стихи Расина, еще и нынѣ звучащіе въ памяти:

Dieux, que ne suis-je assise à l'ombre des forêts!
Quand pourrai-je au travers d'une noble poussiére
Suivre de l'oeil un char fuyant dans la carrière?

Она произносила эти стихи, какъ будто въ забытьи, протяжно, словно невольно и безсознательно. При первыхъ двухъ стихахъ она сидѣла на креслахъ; при третьемъ она немного привставала и наклонялась съ движеніемъ рукъ, чтобы выразить, что она *слѣдитъ за колесницею.*

Помню, что при всемъ восторгѣ и юношеской неопытности моей, мнѣ не нравилась эта матеріальная подражательность, эта художественная жеманность.

Вотъ кстати, или некстати, маленькая историческая сплетня. Во время-оно говорили, что при одномъ изъ первыхъ свиданій двухъ императоровъ, Александра I и Наполеона I, была у нихъ, между прочимъ, рѣчь и о *дѣвицѣ Жоржъ.*

По поводу этихъ историческихъ и императорскихъ свиданій, припоминаю довольно забавную и замѣчательную черту нашего простого народа. Дѣло идетъ о первомъ свиданіи и первой встрѣчѣ Александра съ Наполеономъ на плоту на рѣкѣ Нѣманѣ, въ 1807 году. Въ это время ходила въ народѣ слѣдующая легенда. Несчастныя наши войны съ Наполеономъ грустно отозвались во всемъ государствѣ, живо еще помнившемъ побѣды Суворова при Екатеринѣ и при Павлѣ. Отъ этого уныніа до суевѣрія простонароднаго, что тутъ дѣйствуетъ нечистая сила, недалеко, и Наполеонъ прослылъ Антихристомъ. Церковныя увѣщанія и проповѣди распространяли и укрѣпляли эту молву. Когда узнали въ Россіи о свиданіи императоровъ, зашла о томъ рѣчь у двухъ мужичковъ. Какъ же это (говоритъ одинъ) нашъ батюшка, православный царь, могъ рѣшиться сойтись съ этимъ окаяннымъ, съ этимъ нехристемъ. Вѣдь это страшный грѣхъ! —Да, какъ же ты, братецъ (отвѣчаетъ другой) не разумѣешь и не смекаешь дѣла? Развѣ ты не знаешь, что они встрѣтились на рѣкѣ? Нашъ батюшка именно съ тѣмъ и повелѣлъ приготовить плотъ, чтобы сперва окрестить Бонапартія въ рѣкѣ, а потомъ уже допустить его предъ свои свѣтлыя, царскія очи.

Въ теченіе войны 1806 г. и учрежденія народной милиціи, имя Бонапарта (немногіе называли его тогда Наполеономъ), сдѣлалось очень извѣстнымъ и *популярнымъ* во всѣхъ углахъ Россіи. Народъ какъ будто предчувствовалъ, угадывалъ въ немъ Бонапартія 12-го года. Одна старая барыня временъ Екатерины, привыкшая къ могуществу и славѣ ея, иначе не называла его какъ *Бонапартиха*, судя по аналогіи, что онъ непремѣнно не императоръ, а императрица. По поводу милиціи всюду были назначены областные начальники, отправлены генералы, сенаторы для обмундированія и наблюденія за порядкомъ, вооруженіемъ ратниковъ, и такъ далѣе. Воинская дѣятельность охватила всю Россію. Эта дѣятельность была нѣсколько платоническая; она мало дала знать себя врагу на дѣлѣ, но могла бы надоумить его, что въ народѣ есть глубокое чувство ненависти къ нему, и что разгорится она во всей ярости своей, когда вызоветъ онъ ее на родной почвѣ и на рукопашный бой. Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, состоявшій по

милиціонной службѣ при князѣ Юріѣ Владиміровичѣ Долгорукомъ, разсказывалъ слѣдующее. На почтовой станціи одной изъ отдаленныхъ губерній замѣтилъ онъ въ комнатѣ смотрителя портретъ Наполеона, приклеенный къ стѣнѣ. За чѣмъ держишь ты у себя этого мерзавца?—А вотъ за тѣмъ, ваше превосходительство (отвѣчаетъ онъ), что если не равно, Бонапартій, подъ чужимъ именемъ, или съ фальшивою подорожною, пріѣдетъ на мою станцію, я тотъ часъ по портрету признаю его, голубчика, схвачу, свяжу, да и представлю начальству.

— А это дѣло другое!—сказалъ Пушкинъ.

Вотъ еще милиціонное воспоминаніе и милиціонная легенда. Въ началѣ столѣтія были извѣстны въ Москвѣ два брата С. Они въ своемъ родѣ и въ нѣкоторыхъ кружкахъ пользовались даже знаменитостью. Оба были видные и красивые мужчины. Въ нихъ выражался нѣкоторый разгулъ, нѣкоторое молодечество, довольно обыкновенные въ царствованіе Екатерины, обузданные и прижатые при императорѣ Павлѣ и снова очнувшіеся, на нѣкоторое время, съ воцареніемъ Александра. Собственно не принадлежали они аристократическому кругу; но, если вѣрить соблазнительнымъ хроникамъ, красивая наружность и отвага растворяли передъ ними, мелкотравчатыми дворянами—особенно предъ однимъ изъ нихъ—потаенныя двери въ нѣкоторые аристократическіе будуары. Одинъ изъ нихъ кропалъ стихи. Была извѣстная пѣсня его съ припѣвомъ:

Тьфу, какъ счастливъ тотъ, кто скотъ!

Но вотъ замѣчательнѣйшая черта изъ ихъ біографіи. Въ 1806 году находились они ополченцами въ одномъ отдаленномъ губернскомъ городѣ. Въ самое то время, передъ 12-мъ декабря, днемъ рожденія императора Александра, губернаторъ входитъ съ представленіемъ къ высшему начальству, испрашивая дозволенія пить на предстоящемъ оффиціальномъ обѣдѣ, за здравіе государя императора, малагою, а не шампанскимъ, потому что все шампанское, имѣвшееся въ губернскомъ городѣ и въ уѣздахъ, выпито братьями С.

Тутъ есть что-то гомерическое, напоминающее богатырскія пиршества, воспѣтыя Греческимъ пѣснопѣвцемъ.

Про одну изъ барынь прошлаго вѣка, ѣхавшую за-границу, вскорѣ послѣ Наполеоновскихъ войнъ, графъ Растопчинъ говорилъ: „Напрасно выбрала она это время: Европа еще такъ истощена“.

Съ N. N. была непріятность или бѣда, которая огорчала его. Пріятель, желая успокоить его, говорилъ ему: Напрасно тревожишься, это просто случай. — Нѣтъ, отвѣчалъ N. N., въ жизни хорошее случается, а худое сбывается.

Однажды, при чтеніи въ частномъ обществѣ нѣсколькихъ главъ неизданнаго романа, одинъ изъ слушателей Т. заснулъ. Il est le seul, сказала дѣвица B., qui ait eu le courage de son opinion (онъ одинъ имѣлъ смѣлость заявить мнѣніе свое).

При другомъ случаѣ N. N. сказалъ: Il est bon d'avoir le courage de son opinion, mais il est inutile d'avoir le courage de sa sottise? А это бываетъ чаще. Смѣлость, откровенность убѣжденія, то-есть безстрашіе, съ которымъ высказываешь и поддерживаешь убѣжденіе свое противъ вѣтра и прилива, какъ говорятъ Французы, конечно, дѣло честное и мужественное: это своего рода Θермопильская битва. Но жаль, что нерѣдко, самыя безобразныя и нелѣпыя мнѣнія провозглашаются и защищаются съ наибольшимъ ожесточеніемъ. Глупость, именно потому, что она глупость, и придаетъ человѣку свою врожденную смѣлость. Умъ можетъ, при случаѣ, задуматься, замяться, совершить даже образцовое и достохвальное отступленіе, какъ совершали его иные великіе полководцы; глупость, очертя голову, никогда не отступаетъ, а все лѣзетъ впередъ и на проломъ.

Говорили, что Платовъ вывезъ изъ Лондона, куда ѣздилъ онъ въ 1814 году въ свитѣ Александра, молодую Англичанку въ качествѣ компаньонки. Кто-то, — помнится, Денисъ Давыдовъ, — выразилъ ему удивленіе, что, не зная по-англійски, сдѣлалъ онъ подобный выборъ. Я скажу тебѣ, братецъ, отвѣчалъ онъ: это совсѣмъ

не для *хфизики*, а больше для *морали*. Она добрѣйшая душа и дѣвка благонравная; а къ тому же такая бѣлая и дородная, что ни дать ни взять *Ярославская* баба.

Изъ дорожнаго дневника въ окрестностяхъ Карлсбада. По берегамъ рѣчки нѣсколько мельницъ. На мельницахъ промышленность дружится съ поэзіей. Это не то, что фабрика или мастерская: тамъ духота физическая и нравственная, подобіе тюрьмы, родъ вольной, а на дѣлѣ невольной каторги. Мельницы обыкновенно строятся въ живописныхъ мѣстоположеніяхъ. Движеніе, шумъ мельницы оду-шевляютъ картину. Мельникъ вообще какая-то особенная личность. Народная молва приписываетъ ему то лукавство, то колдовство съ примѣсью поэзіи. Аблесимовъ не даромъ выбралъ его въ герои оперы своей. Вѣтреныя мельницы могутъ быть очень полезны, но нѣтъ въ нихъ привлекательности мельницы водяной. Безобразны эти *огромныя руки*, которыя махаютъ въ воздухѣ и вертятся. Да и нѣтъ главной прелести, души мельницы: нѣтъ воды, этой вѣчно живой, вѣчно движущейся, вѣчно говорливой, поющей стихіи.

Сегодня здѣшній праздникъ Петра и Павла. Ѣздили въ Эльбогенъ. По дорогѣ встрѣчали богомольцевъ. Передъ селеніями кукольныя изображенія святыхъ имянинниковъ въ цвѣточныхъ вѣнкахъ, съ распущенными хоругвями и проч. Православнымъ глазамъ какъ-то странны и даже дики эти грубыя изваянія. Но вѣдь привыкли же мы къ грубой живописи нашихъ богомазовъ. Эти высокіе кресты, изображенія Дѣвы Пресвятой, которыя встрѣчаешь по дорогамъ, имѣютъ что-то народное и легендарное. Они напоминаютъ какое нибудь событіе, совершившееся на этомъ мѣстѣ. Рѣдкія наши часовни, которыя находимъ также на большихъ дорогахъ, имѣютъ свою религіозную и поэтическую прелесть. Помню, что, въ странствованіяхъ моихъ по неизмѣримымъ пространствамъ нашей матушки-Россіи, я всегда радовался подобной находкѣ и съ умиленіемъ останавливался предъ нею. Все же это было выраженіе мысли и чувства, живое преданіе чего-то, сочувственное, хотя и темное общеніе съ кѣмъ-то. Кто-нибудь да построилъ же эту часовню въ память былой радости или былой скорби. Молча совер-

шаешь крестное знаменіе, поклоняешься этому безъименному памятнику и ѣдешь далѣе дорогою своею. Но минута взяла свое: она впечатлѣлась въ тебя, и ты откликнулся на голосъ далекаго, незнакомаго и чуждаго тебѣ брата. Помню двѣ или три такихъ часовни, построенныя при источникахъ. Это переноситъ въ знойныя пустыни мусульманскаго Востока. Тамъ также сооружены фонтаны, можно сказать, священные; на камнѣ вырѣзано изреченіе изъ Алькорана; подъ нимъ струится прохладная вода, Божія роса въ этой раскаленной степи.

Мѣстоположеніе Эльбогена очень красиво. Живописны его цѣпной мостъ и древній рыцарскій замокъ. О времена, о нравы! О насмѣшка судьбы! Замокъ служитъ теперь острогомъ для заключенныхъ преступниковъ. Впрочемъ, если хорошенько вникнуть въ дѣло, то выйдетъ разница небольшая: вѣроятно многіе благородные рыцарскіе обитатели этого замка были въ свое время и въ своемъ родѣ такіе же разбойники, какъ и нынѣшніе жильцы его.

NN. говоритъ о X., писателѣ расплывчатомъ: „онъ чернилами не пишетъ, а его чернилами слабитъ“.

Первая жена гр. Л. была женщина немолодая, некрасивая, ужасно худощавая, плоская, досчатая. Однажды, читая какую-то реляцію, спрашиваетъ она, что значитъ Французское слово *gorge* на военномъ языкѣ. „Это значитъ входъ въ укрѣпленіе, отвѣчаетъ онъ. Говорятъ: attaquer une demi-lune par la gorge. Voyez-vous, ma chère, si, par exemple, vous étiez une forteresse, vous seriez imprenable“ *). Кажется и у насъ, по части фортификаціи, употребляется слово *горжа*, какъ входъ въ бастіонъ. Другое значеніе Французскаго слова gorge, которое къ графинѣ было непримѣнимо, покорнѣйше просимъ отыскать въ словарѣ.

Графъ Л. застаетъ эту же сожительницу свою въ *преступномъ разговорѣ* (также и здѣсь отсылаемъ читателя или читательницу

*) Атаковать полумѣсяцъ горжею. Вотъ видите, моя милая: если бы вы, напримѣръ, были крѣпостью, васъ нельзя было бы взять.

къ Англійскому словарю) съ однимъ изъ своихъ адъютантовъ. „Поздравляю васъ, любезнѣйшій, говоритъ онъ ему. Я хотѣлъ представить васъ къ Аннѣ на шею, а теперь представлю васъ къ шпагѣ за храбрость“.

Мужъ и жена были очень скупы; они жили въ домѣ на двухъ половинахъ. Вечеромъ, общая пріемная комната ихъ никогда не была освѣщена. Когда докладывали имъ о пріѣздѣ кого-нибудь, онъ или она, смотря по пріѣзжему, т -е. его-ли это гость или ея, выходилъ или выходила изъ внутренней комнаты со свѣчею въ рукѣ. Когда же гость могъ быть *обоюдный*, то мужъ и жена, являясь въ противоположныхъ дверяхъ и завидя другъ друга, спѣшили задуть свѣчу свою, такъ что гость оставался въ совершенныхъ потьмахъ.

Другой гр. Л... былъ также извѣстенъ скопидомствомъ своимъ и большимъ богатствомъ. Передъ кончиною своею послалъ онъ за патеромъ, чтобы пріобщиться святыхъ таинствъ. У Римскихъ католиковъ сей обрядъ совершается съ нѣкоторою торжественностью. Графъ приказалъ засвѣтить всѣ люстры, канделябры и подсвѣчники въ комнатахъ, чрезъ которыя долженъ былъ проходить священникъ съ священными дарами. Тотчасъ, по исполненіи обряда и уходѣ патера, приказалъ онъ немедленно погасить всѣ свѣчи, по этому случаю зажженныя. Таково было послѣднее его хозяйственное распоряженіе, и едва-ли не таковы были послѣднія предсмертныя слова.

Веронъ, Французскій писатель и содержатель Парижской оперы, разсказываетъ въ Запискахъ своихъ, что онъ посѣтилъ кн. Тюфякина въ день смерти его. Князь очень страдалъ и страданіями былъ ослабленъ. Завидя Верона, онъ съ трудомъ выговорилъ: „А Плонкетъ (извѣстная танцовщица) танцуетъ-ли сегодня?“

Вотъ, можно сказать, автонагробное слово, которое произнесъ надъ собою нашъ соотечественникъ, впрочемъ, человѣкъ любезный, бывшій нѣкогда директоромъ императорскихъ театровъ въ Россіи.

Онъ провелъ послѣдніе годы жизни своей въ Парижѣ. Когда Русскимъ приказано было выѣхать изъ Парижа, Поццо-ди-Борго исходатайствовалъ у императора Николая позволеніе ему оставаться въ немъ, по причинѣ болѣзни. Впрочемъ, онъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, здоровья очень плохаго. Посолъ приглашаетъ его однажды на обѣдъ. Князь находитъ подъ салфеткою прибора своего высланное изъ Петербурга разрѣшеніе оставаться безсрочно въ Парижѣ. Князь такъ и вскочилъ со стула отъ удивленія и радости. Домъ его Парижскій былъ очень гостепріименъ для туземцевъ и для заѣзжихъ земляковъ, что не всегда бываетъ, и часто не безъ причины: и Англичане, которые большіе патріоты, на твердой землѣ осторожно обѣгаютъ наплыва соотечественныхъ туристовъ.

А вотъ еще историческое предсмертное слово. „Какъ скученъ Катенинъ!“ воскликнулъ В. Л. Пушкинъ умирающимъ голосомъ. Это исповѣдь и лебединая пѣснь литтератора старыхъ временъ, т.-е. литтератора присяжнаго, литтератора прежде всего и выше всего.

Племянникъ гр. Литты, кн. Владиміръ Голицынъ, спросилъ его: А знаете-ли вы, какая разница между вами и Бегровымъ? Вы графъ Литта, а онъ литографъ.

Вслѣдствіе какой-то проказы за-границею, тотъ же Голицынъ получилъ приказаніе немедленно возвратиться въ Россію, на жительство въ деревнѣ своей безвыѣздно. Возвратившись въ отечество, онъ долгое время колесилъ его во всѣ направленія, переѣзжая изъ одного города въ другой. Такимъ образомъ пріѣхалъ онъ, между прочимъ, въ Астрахань, гдѣ пріятель его Тимирязевъ былъ военнымъ губернаторомъ. Сей послѣдній немало удивился появленію его. „Какъ попалъ ты сюда, спрашивалъ онъ, когда повелѣно тебѣ жить въ деревнѣ?“ — „Въ томъ-то и дѣло, отвѣчаетъ Голицынъ, что я все ищу, гдѣ можетъ быть моя деревня: объѣздилъ я почти всю Россію, а все деревни моей нѣтъ какъ нѣтъ, куда ни заѣду, кого ни спрошу“. Онъ былъ очень остеръ, краснобай, мастеръ

играть словами и веселый разсказчикъ. Московскій и Англійскій клубъ 20-хъ и 30-хъ годовъ не разъ забавлялся его неожиданными и затѣйливыми выходками.

Графъ Гейнрихъ Ржевускій, Польскій писатель, извѣстный и прославившійся своими историческими романами, въ которыхъ воскрешалъ онъ нравы и бытъ старой Польши, былъ самъ кровный и *щирый* Полякъ. Онъ принадлежалъ старой *ойчизнѣ* душою, преданіями и убѣжденіями, пожалуй, и предубѣжденіями, ложно-историческими и клерикально-религіозными. Но все же эти убѣжденія, смѣшанныя съ предубѣжденіями, входили въ плоть и кровь его. Воля ваша, должно умѣть мириться и съ подобными людьми, а не забрасывать ихъ укоризнами и каменьями риторическаго патріотизма. Можно быть политическимъ противникомъ ихъ, но и въ борьбѣ должно уважать честнаго врага. Въ этой средѣ Ржевускій былъ единомышленникомъ собратій своихъ, но и отличался отъ нихъ. Въ немъ были патріотическія сожалѣнія и скорби, но не было безумныхъ упованій и самонадѣянныхъ требованій. Разсудокъ его не щетинился предъ силою вещей и приговоромъ совершившихся событій. Помимо страстей и закоренѣлыхъ сочувствій, онъ нерѣдко ясно и мѣтко вглядывался въ вещи и видѣлъ ихъ такими, какими были онѣ въ самомъ дѣлѣ. У него было помѣстье въ южно-западной Россіи. Однажды съѣхались къ нему сосѣди. Скоро рѣчь зашла о томъ, чѣмъ была Польша нѣкогда и чѣмъ она теперь. Разговоръ, разумѣется, дошелъ до того, что такъ или иначе, а Польша въ свой урочный часъ возстанетъ и сплотится на старый ладъ. Хозяинъ, наскучившись этимъ вѣчнымъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, сказалъ имъ: „А знаете-ли, господа, какъ правительство могло бы совершенно *обрусить* деревню, въ которой имѣю нынѣ честь видѣть васъ и угощать? Стоило бы ему только вывезти отсюда меня, эконома моего и ксендза: за отсутствіемъ насъ троихъ, деревня сдѣлалась бы сплошь чисто-Русская“.

Въ другой разъ вбѣгаетъ къ нему въ Петербургѣ Полякъ-студентъ, взволнованный и восторженный. Въ то время гдѣ-то въ Польшѣ возникли политическіе безпорядки, которые, по Польскому

обычаю, могли возрости до кровавой смуты. „Что-же, графъ?“ спрашиваетъ онъ: „скоро выѣзжаете вы изъ Петербурга?“ — „Зачѣмъ и куда?“ говоритъ графъ. „Какъ куда и зачѣмъ? Да развѣ не знаете вы, что въ Польшѣ зашевелились?“ — „Нѣтъ, знаю, но именно потому въ Польшу и не ѣду, а остаюсь въ Петербургѣ“. — „Помилуйте, графъ, вамъ въ ваши лѣта не должно терять такой удобный случай: можетъ быть, это въ послѣдній разъ на-вѣку вашемъ приходится быть свидѣтелемъ возстанія и принять въ немъ участіе. Я—дѣло другое: я еще молодъ, могу подождать; впереди мало-ли что еще будетъ, а вамъ ждать нечего“. Ржевускій въ тотъ же день разсказалъ мнѣ этотъ разговоръ.

Въ то же время отправился онъ въ почтамтъ и объявилъ, что онъ ни съ кѣмъ переписки не имѣетъ и имѣть не хочетъ, и что, въ случаѣ полученія писемъ на имя его, онъ покорнѣйше проситъ почтовое начальство истреблять эти письма.

О пребываніи своемъ въ Петербургѣ Ржевускій забавно замѣчалъ: „Здѣсь всѣ любятъ быть при комъ-нибудь, или при чемъ-нибудь. Каждому нужно такъ или иначе числиться *состоящимъ;* единичныхъ личностей нѣтъ. Когда я бываю въ обществѣ, или гуляю по улицамъ, я, не принадлежащій никакому вѣдомству, никакому персоналу, могу вообразить себѣ, что вся эта административная махина, все это поголовное чиновническое ополченіе учреждены, бодрствуютъ, дѣйствуютъ только для меня, для личнаго охраненія личной моей безопасности и для моего удовольствія. Всѣ прочія—звенья, взаимно сопряженныя въ одну цѣпь, которою держится общій порядокъ. Всѣ другъ дружкѣ помогаютъ, каждый дежурствомъ своимъ и поденнымъ трудомъ. Я одинъ не дежурю, никому не помогаю, ничего не дѣлаю, а пользуюсь усиленными трудами всеобщей бдительности и дѣятельности“.

„Полячка же (говорилъ онъ), напротивъ, любитъ всегда имѣть при себѣ кого-нибудь, а сама быть не при чемъ. Русскіе, хотя иногда и безъ выгодъ, ищутъ быть безкорыстными кліентами; Полячка любитъ имѣть при себѣ чиновниковъ по особеннымъ порученіямъ, добровольныхъ невольниковъ. Полячка, гдѣ бы ни было, употребитъ всѣ усилія, всѣ уловки Польской своей натуры, чтобы завербовать подъ власть свою одну изъ мѣстныхъ предержащихъ

властей: въ столицѣ — министра, въ губернскомъ городѣ — губернатора, или начальника внутренней стражи, въ уѣздномъ — городничаго, въ деревнѣ — квартирующаго съ отрядомъ своимъ армейскаго прапорщика. Въ этомъ выражается и общая женская потребность нравиться, и особенно Польская потребность имѣть при себѣ и всенародно угодника, приживала, болѣе или менѣе оффиціальнаго, болѣе или менѣе титулованнаго. Какъ сосѣди ни раздѣляли Польши, еще все не могли они приступить къ *раздѣлу* этой женской національной силы".

Какъ Ржевускій ни любовался и ни хвастался своею единичною независимостью, а кончилъ тѣмъ, что состоялъ, если не оффиціально, то оффиціозно, при князѣ Паскевичѣ въ Варшавѣ. Фельдмаршалъ (и ставимъ ему это въ число не послѣднихъ отличій его) чувствовалъ также потребность имѣть постоянно при себѣ умнаго человѣка. Такъ были при немъ Старынкевичъ, потомъ Козловскій, подъ конецъ Ржевускій. Ему нуженъ былъ разговорчивый и просвѣщенный собесѣдникъ, далеко заполуночный. Въ бесѣдахъ этихъ былъ онъ искрененъ, словоохотливъ и въ высшей степени занимателенъ. Но необходимъ былъ для такой бесѣды человѣкъ, умѣвшій давать *реплику*, какъ говорится на театральномъ языкѣ. Ржевускій имѣлъ въ себѣ что-то и Старынкевича, и Козловскаго: трудно опредѣлить это неуловимое что-то, но оно угадывалось, чувствовалось. Первый, окромѣ того, что былъ очень уменъ и рѣчистъ, имѣлъ еще неистощимый запасъ всевозможныхъ воспоминаній, государственныхъ и біографическихъ свѣдѣній о событіяхъ, закулисныхъ и заканцелярскихъ тайнахъ и лицахъ царствованія Александра. Между прочими зналъ онъ наизустъ князя Багратіона, Чичагова, Новосильцева. Самъ не игралъ онъ въ дѣлахъ видной роли, даже и второстепенной; но умѣлъ пронюхивать источники, доискиваться ихъ, приближаться къ нимъ и черпать изъ нихъ ловкою и объемистою рукою. Сверстники и пріятели прозвали его: политическимъ Фигаро. Ржевускій не обладалъ, быть можетъ, вполнѣ изящными и сочувственными свойствами, которыми такъ богато и почти исключительно предъ другими былъ одаренъ Козловскій. Онъ не имѣлъ за собою, какъ Козловскій, и Европейской извѣстности, и Европейскаго авторитета. Но и онъ въ обществѣ, на вечерѣ, мало-по-

малу забиралъ первенствующее мѣсто въ разговорѣ: всѣ охотно слушали его, забавлялись парадоксами, смѣялись остроумнымъ выходкамъ его, иногда фантазіямъ воображенія, въ которыхъ правдивый историкъ уступалъ мѣсто романисту, и слушатель не долженъ былъ ставить всякое лыко въ строку.

Кривцовъ, Николай Ивановичъ, возвратясь изъ Лондона, въ которомъ прожилъ онъ довольно долгое время, по службѣ при нашемъ посольствѣ, явился къ намъ большимъ англоманомъ. Онъ вывезъ изъ Англіи съ собою и въ себѣ многіе тамошніе обычаи, вкусы, повадки. Императоръ Александръ I очень благоволилъ къ нему и любилъ въ немъ молодого безногаго ветерана послѣдней отечественной войны. Вскорѣ по возвращеніи своемъ назначенъ онъ былъ Тульскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Туда перевезъ онъ и свою Англійскую обстановку. Тулякамъ это не нравилось. Они, то-есть привычки и желудки ихъ, не могли переваривать поздніе обѣды его, и у себя дома, и въ частныхъ домахъ, гдѣ давались обѣды въ честь его. Туляки мало обращали вниманія на то, что онъ былъ дѣятеленъ, правосуденъ, само собою разумѣется, и безкорыстенъ: къ небрежности въ дѣлахъ они приглядѣлись; къ взяткамъ они, по прежнимъ порядкамъ, успѣли попривыкнуть. Все это дѣло житейское и обыкновенное; но обѣдать въ шестомъ часу, но смотрѣть, какъ г. губернаторъ въ концѣ обѣда прохлаждается изюмомъ, орѣхами и медленно запиваетъ ихъ рюмкою портъ-вейна, вотъ уже чего никакъ не могла спокойно вынести ихъ домашняя и гражданская натура. Послѣ Тулы перешелъ онъ въ Воронежъ, изъ Воронежа поступилъ онъ губернаторомъ въ Нижній-Новгородъ. Внѣшняя англоманія его, а можетъ быть и нѣкоторая внутренняя неуступчивость и особливость въ нравѣ, попробуемъ сказать *особнячество* (жить особнякомъ) въ провинціальной средѣ, вездѣ вредили ему. Пошли служебныя пререканія, жалобы, доносы. Наконецъ, долженъ онъ былъ сойти съ губернаторскаго поприща. Жаль, что гражданская дѣятельность его не долѣе продолжалась. Онъ могъ сначала, по неопытности, по малому знакомству съ административными Русскими порядками, иногда ошибаться и дѣлать легкіе про-

махи; но въ немъ были всѣ залоги хорошаго хозяина губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ вышелъ бы изъ него образцовый губернаторъ. Онъ часто говаривалъ: когда сужу себя, бываю собою недоволенъ; когда себя сравниваю со многими другими, я примиряюсь съ собою.

Но возвратимся къ Голицыну по поводу Кривцова. Между привычками, вывезенными имъ изъ Англіи, была и та, что за завтракомъ его стояла на столѣ хрустальная чаша съ вареньемъ. Когда онъ до нея дотрогивался, Голицынъ говорилъ ему: „Сдѣлай милость, не принуждай себя, не неволь себя; я и такъ буду всѣхъ увѣрять, что видѣлъ собственными глазами, какъ ты ѣшь варенье послѣ утренняго чая“.

Дополнимъ еще нѣсколькими почерками пера изображеніе Кривцова, слегка уже нами набросанное. Есть лица, которыхъ портреты во весь ростъ не попадаютъ въ историческія выставки. Исторія ихъ не выдаетъ; но не менѣе того силуэты ихъ имѣютъ полное право занять мѣсто въ пріятельскомъ альбомѣ, или въ перечневой вѣдомости современныхъ личностей.

Послѣ своихъ губернаторскихъ неудачъ, Кривцовъ поселился въ Тамбовской деревнѣ Любичи. Рѣдко выѣзжалъ онъ изъ нея въ Москву на нѣсколько недѣль; еще рѣже являлся въ Петербургѣ, и то на время еще короче. Разумѣется, построилъ онъ въ деревнѣ каменную, готическую Англійскую башню. Но вмѣстѣ съ тѣмъ построилъ и большой деревянный домъ, красивый, хорошо расположенный и со всѣми возможными удобствами, какъ для себя и для своихъ, такъ и для гостей, навѣщавшихъ его. Изъ сосѣдей своихъ преимущественно сблизился онъ съ семействомъ князя Григорія Сергѣевича Голицына (котораго помѣщичья жизнь и домашняя обстановка ожидаютъ живописца для вѣрной и достойной обрисовки всей ея своеобразности), съ Баратынскими, съ Чичериными. Отъ другихъ сосѣдей онъ уклонялся; а если необходимость вынуждала его принимать кого изъ нихъ, то онъ вымещалъ скуку свою на голодающемъ ихъ желудкѣ и обѣдалъ еще позднѣе обыкновеннаго: сосѣди, измученные долгимъ отощаніемъ, не возвращались на дальнѣйшія пытки. Онъ усердно занимался сельскимъ хозяйствомъ; но съ прибылью-ли, это неизвѣстно, да и сомнительно. Впрочемъ, онъ

не англизировалъ ни полей своихъ, ни хлѣбопашцевъ, а кажется, держался отцовскихъ порядковъ въ обработываніи полей и въ прочемъ домостроительствѣ. Онъ вообще не былъ человѣкомъ ни увлеченія, ни утопіи. Былъ онъ болѣе человѣкомъ разсудка, разбора, анализа. Можно было признать въ немъ нѣкоторую холодность, нѣкоторый скептицизмъ. Не знаю, былъ-ли онъ способенъ къ дружбѣ въ полномъ значеніи этого слова, то-есть съ ея откровенностью, горячностью, самопожертвованіями; но онъ питалъ въ себѣ чувства искренней пріязни и уваженія къ нѣкоторымъ исключительнымъ лицамъ и остался имъ вѣренъ до конца. Онъ не былъ записанъ въ Арзамасскомъ штатѣ, но былъ пріятелемъ почти всѣхъ Арзамасцевъ. Учиться началъ онъ поздно и самъ собою, то-есть чтеніемъ. Первоначальное образованіе его было, вѣроятно, слабо и поверхностно. Рано вступилъ онъ въ военную службу: тутъ было тогда не до ученія, а до ученій. Изъ первыхъ серьезныхъ книгъ, имъ прочитанныхъ, была кажется исторія вѣка Людовика XIV-го, написанная Вольтеромъ. Подъ новостью и свѣжестью впечатлѣній своихъ, онъ, кстати и не кстати, все говорилъ объ этой эпохѣ. Кто-то изъ пріятелей его, — чуть-ли не Блудовъ, сказалъ: Кривцовъ воображаетъ, что онъ открылъ вѣкъ Людовика XIV-го. Деревенская жизнь, съ своимъ спокойствіемъ, съ независимостью своею, годъ отъ году все болѣе привязывала его къ себѣ. Въ этой жизни было также что-то Англійское, частью можетъ быть и привитое, но прививка попала на хорошій и родственный грунтъ. Англичане живутъ въ помѣстьяхъ своихъ: въ Лондонѣ они только гостятъ. Кривцовъ одичалъ къ обществу, которое, впрочемъ онъ, кажется, и въ молодости умѣренно любилъ; но пріѣзду пріятеля онъ всегда былъ радъ. Бывало, предъ обѣдомъ спроситъ онъ его: какое вино хочетъ онъ пить? И спустившись въ погребъ, котораго ключъ носилъ онъ всегда въ карманѣ, вынесетъ онъ, по желанію гостя, бутылку хорошаго бордо, рейнъ-вейна или шампанеи, какъ говаривалъ Американецъ Толстой. Хотя деревянная нога его была образцовая, щегольская, такъ что мудрено было разглядѣть, которая сдѣлана изъ дерева и пружинъ и которая изъ костей и мяса, но все же не могъ онъ много ходить. У подъѣзда деревенскаго дома его стояла постоянно таратайка, запряженная въ дежурную до-

шадь. Въ этомъ экипажѣ нѣсколько разъ въ день объѣзжалъ онъ поля свои и осматривалъ хозяйственныя работы, и каждый вечеръ староста являлся къ нему съ докладомъ о трудахъ и событіяхъ дня.

Эти аудіенціи имѣли свой особый характеръ. Кабинетъ его, какъ и всѣ комнаты, содержались въ примѣрной, опять-таки Англійской, чистотѣ. Полы обиты были мягкими, пушистыми коврами, мало удобными для гвоздями обитой обуви Русскаго мужика. И вотъ что придумано было помѣщикомъ. Онъ велѣлъ прорубить родъ окна въ стѣнѣ, выдающейся въ сѣни. Въ извѣстный часъ староста высовывалъ чрезъ это отверстіе голову свою, опушенную густою бородою, совершалъ свои доклады и принималъ приказанія и распоряженія барина на слѣдующій день. Въ послѣднее время онъ нѣсколько обрюзгъ тѣломъ, вѣроятно вслѣдствіе увѣчья своего, но не обрюзгъ умомъ. Въ осенніе и зимніе вечера, послѣ поздняго обѣда, садился онъ въ кресла передъ каминомъ и дремалъ. Такъ въ одинъ вечеръ, неожиданная скоропостижная смерть тихо застигла его. Замѣчательно, что любимый братъ его, Павелъ, пріѣхавшій послѣ смерти брата изъ Рима въ Любичи, умеръ въ той же комнатѣ, предъ тѣмъ же каминомъ и чуть-ли не въ самыхъ тѣхъ креслахъ.

Шведскій наслѣдственный принцъ Оскаръ (впослѣдствіи король), во время пребыванія своего въ Петербургѣ, сказалъ Жуковскому, какъ жалѣетъ онъ, что обстоятельствами и требованіями званія своего былъ онъ брошенъ на сцену свѣта и въ дѣятельность, прежде, нежели успѣлъ порядочно довершить образованіе свое и научиться всему, что̀ необходимо знать. Офиціальное лицо, назначенное у насъ находиться при особѣ принца, вмѣшалось въ разговоръ и сказало: Monseigneur, vous m'encouragez; maintenant, je n'aurai plus honte d'être un ignorant, en apprenant que vous l'étes aussi (Ваше высочество, вы придаете мнѣ смѣлости; теперь не буду стыдиться невѣжества своего, зная, что и вы невѣжда). Скромно и чистосердечно высказано, но не совсѣмъ ловко.

Принцъ имѣлъ много успѣха въ Петербургѣ, и фрейлины Двора находили его очень любезнымъ. Многіе говорили, что въ немъ есть нѣкоторое сходство съ знаменитымъ княземъ Багратіономъ.

Графъ Фикельмонтъ разсказывалъ мнѣ странное, и повидимому, мелкое обстоятельство, которое возвело Французскаго маршала Бернадота на Шведскій престолъ. Графъ Фикельмонтъ былъ нѣкогда Австрійскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ и слышалъ эти подробности отъ многихъ достовѣрныхъ и государственныхъ людей. Во время Наполеоновскихъ нашествій на Европу, въ числѣ разнородныхъ плѣнниковъ былъ и Шведскій офицеръ. Бернадотъ всегда обращался съ плѣнными внимательно и кротко. Онъ отличался отъ своихъ сослуживцевъ, Французскихъ военачальниковъ, уваженіемъ къ личному достоинству человѣка, безкорыстіемъ и, по возможности, облегченіемъ повинностей и пожертвованій, возлагаемыхъ на жителей тѣхъ мѣстъ, которыя подвергались военному постою. Когда, вслѣдствіе разныхъ событій и переворотовъ, Шведскій сеймъ разсуждалъ о избраніи наслѣдника престола и колебался между разными именами, помянутый Шведскій офицеръ вспомнилъ о Бернадотѣ и сообщилъ мысль свою одному пастору. Онъ говорилъ: „Швеціи не знать спокойствія и не оградить себя отъ Русскаго вліянія, если не прибѣгнетъ она къ Французскому покровительству и не приметъ изъ рукъ Франціи наслѣдника престола: Сей наслѣдникъ на лицо, и неминуемо быть долженъ Бернадотъ“. Пасторъ подался на это мнѣніе. Оно разошлось по городамъ и селамъ. Сказано и сдѣлано. Молодой офицеръ скачетъ въ Парижъ и является къ Бернадоту, удостовѣряя, что Швеція желаетъ имѣть его будущимъ властителемъ своимъ. Маршалъ отвѣчаетъ, что дѣлаемое ему предложеніе очень лестно для него, но что онъ желалъ бы видѣть свидѣтельство уполномочія, даннаго ему его согражданами на подобное предложеніе. Офицеръ, убѣдившись въ согласіи Бернадота, обращается къ Шведамъ изъ знатнѣйшихъ фамилій и сообщаетъ имъ дѣло, которое онъ затѣялъ. Большинство одобряетъ это предположеніе. Наконецъ Шведская депутація отправляется къ Бернадоту и приглашаетъ его принять титулъ наслѣдника Шведскаго престола. Отселѣ начинаются официальные и дипломатическіе переговоры, и вотъ Французъ, сынъ адвоката, является впослѣдствіи Карломъ XIV-мъ (не далеко по счету отъ Карла XII), основателемъ новой династіи, — единственный уцѣлѣвшій обломокъ отъ огромнаго революціоннаго корабля, который былъ послѣ окрещенъ име-

немъ Наполеона. Онъ пережилъ и событія, въ которыхъ участвовалъ, и порядокъ, который они устроили. Послѣ онъ самъ содѣйствовалъ сокрушенію этого порядка. Впрочемъ, онъ никогда вполнѣ не ладилъ ни въ началѣ съ Бонапартомъ, ни позднѣе съ императоромъ Наполеономъ. Оба они другъ друга опасались.

Приписка, сдѣланная въ 1850-хъ годахъ.

Послѣ того всплылъ обломокъ изъ того же корабля и подъ тѣмъ же роковымъ именемъ. Впрочемъ, однимъ Французамъ могла присниться мысль возстановить этотъ забытый остатокъ забытой династіи. Можно заботиться о возстановленіи принципа; реставрація имени, нѣкогда славнаго, но окончательно погубившаго славу свою и къ тому же реставрація личности, не имѣющей сама по себѣ никакого нравственнаго и политическаго значенія, есть одно политическое ребячество. Французская исторія, съ послѣдняго десятилѣтія минувшаго вѣка до нашихъ дней, есть ничто иное, какъ фантасмагорія, то кровавая и звѣрская, то жалкая и смѣшная, въ которой, по какому-то сумасбродному треволненію, лихорадочно передвигаются и перебѣгаютъ неожиданныя событія и лица.

Нѣсколько разъ говорили мы о кн. Бѣлосельскомъ, принадлежавшемъ вѣку Екатерины и царствованію Александра I-го. Онъ столько же былъ извѣстенъ устною любезностью, сколько эксцентричностью пера своего. Вотъ примѣръ изъ многихъ, а именно надпись его къ портрету кн. Багратіона:

Si Souvoroff, si grand, si fortuné,
Est le père de la victoire,
Bagration en est le fils afné:
Il joue avec la mort et couche avec la gloire.

(Если Суворовъ, столь великій, столь одаренный счастіемъ, есть отецъ побѣды, то Багратіонъ — старшій сынъ ея. Онъ играетъ со смертью и ночуетъ со славою).

Впрочемъ, иногда вырывались у него и дѣльные стихи. Говоря объ одномъ историческомъ лицѣ, сказалъ онъ:

D'autres ont fait le mal: il a mal fait le bien.

(Другіе дѣлали худое, а онъ худо дѣлалъ хорошее).

В. Л. Пушкинъ разсказывалъ, что князь Бѣлосельскій читалъ ему однажды стихи, написанные имъ на смерть камердинера своего:

Подъ камнемъ симъ лежитъ признательный Василій:
Миръ и покой ему отъ всѣхъ земныхъ насилій...
И что есть человѣкъ? — Горсть пыли и водицы.

J'aime cette *водица*, прерывая чтеніе, сказалъ съ умиленіемъ князь Бѣлосельскій. Не правда ли, такъ кажется, и видишь, какъ протекаютъ ваши дни?

В. Л. Пушкинъ любилъ добродушно оказывать вниманіе и поощреніе молодымъ новичкамъ на поприщѣ литературномъ. Онъ по вечерамъ угощалъ ихъ чаемъ, а нерѣдко приглашалъ ихъ къ себѣ и обѣдать. Одинъ изъ такихъ новобранцевъ былъ въ Москвѣ частымъ посѣтителемъ его. „А къ какому роду поэзіи чувствуете вы въ себѣ болѣе склонности?“ вопросилъ его однажды Пушкинъ съ участіемъ и нѣкоторою классическою важностью. „Признаюсь“, отвѣчалъ тотъ смиренно, „любилъ бы и писать сатирическіе стихи, да родственники отсовѣтовали, говоря, что такими стихами могу нажить враговъ себѣ и повредить карьерѣ своей по службѣ“.—„А скажите мнѣ что нибудь изъ вашихъ сатирическихъ стиховъ“. — „Вотъ, напримѣръ, эпитафія:

«Подъ камнемъ симъ лежатъ два друга:
Колбасникъ и его супруга».

Въ пріятельскомъ кружкѣ говорили о многихъ благихъ мѣрахъ, предпринимаемыхъ правительствомъ, которыя, по обстоятельствамъ и по силѣ вещей (какъ говорятъ Французы), по внутреннимъ причинамъ, по личнымъ особенностямъ, не достигаютъ указанной и желаемой цѣли. На это Жуковскій сказалъ: „Нашъ фарватеръ годенъ только пока для мелкихъ судовъ, а не для большихъ кораблей. Мы часто жалуемся, что корабль, пущенный на воду, не подвигается, не замѣчая, что онъ попалъ на мель“. Вотъ Крылову прекрасная канва для басни.

Въ хорошемъ и дѣльномъ журналѣ Revue Britannique 1825 г. есть статья о Русской литературѣ. Встрѣчаются обыкновенные и неизбѣжные промахи, но вообще статья порядочная. Въ ней, между прочимъ, сказано: „Сибирскій бардъ, слѣпой *Эросъ*, бросилъ въ публику томъ игривыхъ и веселыхъ стихотвореній“. Отгадайте, кто этотъ бардъ и что́ это за бардъ! А я отгадалъ. Рѣчь идетъ о маленькой поэмѣ: *Эросъ, лишенный зрѣнія,* которую написалъ сосланный въ Сибирь несчастный Панкратій Сумароковъ, издававшій, между прочимъ, журналъ подъ названіемъ *Иртышъ превращающійся въ Ипокрену*. Французскій критикъ окрестилъ поэта именемъ поэмы его. Вотъ вамъ и слѣпой Сибирскій бардъ, и вотъ какъ пишется исторія.

Въ минуты хандры своей N. N. говаривалъ въ Швейцаріи: „Ну что́ же есть такого особеннаго и плѣнительнаго въ Женевскомъ озерѣ? *Огромнаго размѣра* лоханъ воды, вотъ и только!“

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ разсказывалъ о двухъ дядяхъ своихъ, также Голицыныхъ. Послѣ многолѣтней разлуки условились они съѣхаться въ Петербургѣ, между прочимъ и для объясненій по важнымъ семейственнымъ и хозяйственнымъ дѣламъ. Съѣхавшись, рѣшились они отобѣдать вдвоемъ и тутъ приступить къ предстоящимъ переговорамъ. Когда сѣли они за столъ, и подали супъ, они отослали прислугу и велѣли ей явиться только по призыву ихъ: такъ заботливо хотѣли они оставаться одни, чтобы ничто не могло помѣшать ихъ откровенной бесѣдѣ. Сначала слышенъ былъ безпрерывный и оживленный разговоръ; мало по малу голоса начали утихать, вскорѣ совсѣмъ затихли. Молчаніе продолжалось съ часъ. Наконецъ дворецкій, удивленный и испуганный такимъ продолжительнымъ затишьемъ, рѣшился войти въ столовую: оба братья, съ повисшими на грудь головами, погружены были въ глубокій сонъ.

Тургеневъ, Александръ Ивановичъ, былъ тоже мастеръ по этой части. Однажды Карамзинъ читалъ молодымъ пріятелямъ своимъ нѣкоторыя главы изъ Исторіи Государства Россійскаго, тогда еще неизданной. Посреди чтенія и глубокаго вниманія слушателей вдругъ раздался трескучій храпъ Тургенева. Всѣ какъ будто съ испуга вздрогнули. Одинъ Карамзинъ спокойно и хладнокровно продолжалъ чтеніе. Онъ зналъ Тургенева: духъ бодръ, но плоть немощна. Впрочемъ, склонность его къ засыпанію, въ продолженіи дня, была естественна. Онъ вставалъ рано и ложился поздно. Цѣлый день былъ онъ въ безпрестанномъ движеніи, умственномъ и матеріальномъ. Утромъ занимался онъ служебными дѣлами по разнымъ отраслямъ и вѣдомствамъ официальныхъ обязанностей своихъ. Остатокъ дня рыскалъ онъ по всему городу, часто ходатаемъ за пріятелей и знакомыхъ своихъ, а иногда и за людей совершенно ему постороннихъ, но прибѣгавшихъ къ посредничеству его; рыскалъ часто и по собственному влеченію, потому что въ натурѣ его была потребность рыскать. Одинъ изъ пріятелей его говорилъ о немъ: il n'est pas le grand agitateur (извѣстный Ирландскій великій агитаторъ Оконель), mais le grand agité (не великій волнователь, но великій волнующійся). Дмитріевъ прозвалъ его *маленькимъ Гриммомъ*, а потомъ *пилигримомъ*, потому что онъ былъ дѣятельнымъ литературнымъ корреспондентомъ и разносителемъ въ обществѣ всѣхъ новыхъ произведеній Жуковскаго, Пушкина и другихъ. (Въ половинѣ минувшаго столѣтія, Нѣмецъ, баронъ Гриммъ поселился въ Парижѣ, сблизился и подружился со всѣми такъ называемыми философами и велъ обширную литературную переписку со многими владѣтельными особами, Екатериною II, герцогомъ Саксъ-Гота и другими).

Александръ Тургеневъ былъ *типичная*, самородная личность, хотя и не было въ немъ цѣльности ни въ характерѣ, ни въ умѣ. Онъ былъ натуры эклектической, сборной или выборной. Въ немъ встрѣчались и Нѣмецкій педантизмъ, и Французское любезное легкомысліе: все это на чисто-Русскомъ грунтѣ, съ его блестящими свойствами и качествами и, можетъ быть, частью и недостатками его. Онъ былъ умственный космополитъ; ни въ какомъ участкѣ человѣческихъ познаній не былъ онъ, что называется, дома, но ни

въ какомъ участкѣ не былъ онъ и совершенно лишнимъ. Въ немъ была и маленькая доля милаго шарлатанства, которое было какъ-то къ лицу ему. Упоминаемъ о томъ не въ укоръ любезной памяти его: онъ самъ первый смѣялся своимъ добродушнымъ и заливнымъ хохотомъ, когда другъ его Жуковскій, или другіе близкіе пріятели, ловили его на мѣстѣ преступленія и трунили надъ замашками и выходками его. Въ долгое пребываніе свое въ Парижѣ, сошелся онъ съ Шатобріаномъ по салону *милой* Рекамье (какъ назвалъ ее Дмитріевъ въ написанномъ имъ шуточномъ путешествіи Вас. Львов. Пушкина, и какъ съ легкой руки Дмитріева Тургеневъ постоянно называлъ ее въ письмахъ своихъ). Тургеневъ сообщилъ Шатобріану много Германскихъ свѣдѣній, нужныхъ ему для предпринятаго имъ сочиненія, и совершенно недоступныхъ и тарабарскихъ ему (какъ и подобаетъ истому Французу, будь онъ Шатобріанъ и геній семи пядей во лбу). Французскій писатель въ предисловіи своемъ изъявляетъ благодарность Тургеневу за просвѣщенныя указанія и содѣйствіе его въ трудѣ, который онъ совершилъ, и говоритъ между прочимъ: M-r le comte Tourgueneff, çi-devant ministre de l'instruction publique en Russie, homme de toutes sortes de savoir etc. (г. Тургеневъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія въ Россіи, человѣкъ всякаго рода познаній).

„Угораздился-же Шатобріанъ“, сказалъ Блудовъ, прочитавъ эти строки, „выразить въ нѣсколькихъ словахъ три неправды и три нелѣпости: Тургеневъ не графъ, не бывалъ никогда министромъ просвѣщенія и далеко не всевѣдущъ“. Отъ ранней молодости до 1826 года, Тургеневъ и Блудовъ были большими пріятелями, чуть не братьями; Жуковскій скрѣплялъ эту пріязнь дружбою своею къ тому и другому. Политическія событія навлекли тѣни на эту пріязнь, то есть пріязнь, связывавшую Тургенева и Блудова, и обратили ее въ непримиримый разрывъ. Жуковскій же оставался до конца другомъ того и другого, а въ отношеніи къ братьямъ Тургеневымъ былъ онъ нерѣдко горячимъ ходатаемъ ихъ предъ верховною властью. Не станемъ входить въ разборъ и оцѣнку самой сущности тяжбы, которая, разумѣется, негласнымъ и несудебнымъ порядкомъ, но не менѣе того прискорбно возникла между пріятелями, до того единовѣрцами и единомышленниками. Александръ Тургеневъ почи-

талъ себя въ правѣ быть недовольнымъ отзывомъ Блудова о братѣ его Николаѣ, въ докладѣ слѣдственной коммиссіи по дѣлу 14 Декабря и по дѣламъ къ нему прикосновеннымъ. Давно политическія вражды, которыя волновали Русское общество до воцаренія Екатерины II, не проявлялись у насъ. Могли быть политическія разногласія, соперничества, совмѣстничества, столкновенія; но язва нѣкоторыхъ западныхъ обществъ, политическая вражда вслѣдствіе открытой борьбы мнѣній, паденія одного или торжества другого изъ нихъ, не раздирала общества нашего и не раздѣляла его на два непріятельскіе стана. Однимъ изъ прискорбныхъ явленій и послѣдствій злополучнаго 14 Декабря и событій ему соотвѣтственныхъ, должно, безъ сомнѣнія, признать и это насильственное раздвоеніе общества нашего, раздвоеніе, которое между прочимъ такъ сильно выразилось въ честныхъ, уваженія и сочувствія достойныхъ личностяхъ, каковы Тургеневъ и Блудовъ.

Тургеневъ имѣлъ прекрасныя, глубокія, внутреннія качества; но, какъ бываетъ вообще и съ другими, имѣлъ свои слабости (не скажемъ недостатки), которыя любилъ онъ выставлять на показъ, а иногда и на заказъ, не зная (какъ тоже бываетъ со многими) что̀ именно у него есть и чего нѣтъ, въ чемъ таится настоящая сила его и гдѣ слабыя и уязвимыя его стороны. Напримѣръ, онъ хотѣлъ выдавать себя и таковымъ себя ложно признавалъ, за человѣка способнаго сильно чувствовать и предаваться увлеченіямъ могучей страсти. Ничего этого не было. Онъ, напротивъ, былъ отъ природы человѣкъ мягкой, довольно легкомысленный и готовый уживаться съ людьми и обстоятельствами. Когда-же онъ, бывало, упрется на какое-нибудь мнѣніе, заупрямится, то, по Французскому выраженію—un poltron révolté — онъ выказывалъ въ себѣ взбунтовавшееся, озлобившееся добродушіе. Тутъ запылитъ онъ, закричитъ, выйдетъ изъ себя, и буквально выйдетъ: потому что у себя и въ себѣ вовсе не чувствовалъ онъ подобнаго пыла, и никакая гроза въ немъ не бушевала. Однажды, въ припадкѣ притязанія на таковую страстность, бѣсновался онъ предъ Жуковскимъ. „Послушай, любезнѣйшій, сказалъ ему другъ его: ты напоминаешь мнѣ людей, которые разчесываютъ малѣйшій пупырышекъ, вскочившій на ихъ лицѣ и растравляютъ его до настоящей болячки. Такъ и

ты, работалъ, работалъ, ковырялъ въ сердцѣ своемъ, да и раскопырялъ себѣ страсть".

Во время другой сердечной разработки, когда онъ ухаживалъ за одною барышнею въ Москвѣ, въ знакъ страсти своей похитилъ онъ носовой платокъ ея. Чрезъ нѣсколько дней, опомнившись и опасаясь, что это изъявленіе можетъ показаться слишкомъ обязательнымъ, онъ возвратилъ платокъ, проговоря съ чувствомъ два стиха изъ Французскаго водевиля, который былъ тогда въ большомъ ходу въ Москвѣ:

Il troublerait ma vie entière,
Reprenez le, reprenez le.

Однажды долженъ онъ былъ жениться. Свадьба разстроилась и, кажется, по его почину. Невѣста, во всѣхъ отношеніяхъ и по высокому положенію въ обществѣ, отвѣчала условіямъ счастливаго и выгоднаго брака. Карамзинъ, питавшій къ Тургеневу чувства, такъ сказать, отцовскія и братскія, былъ огорченъ этимъ разрывомъ и просилъ его объяснить ему причины того. Тургеневъ пустился въ длинныя и подробныя объясненія, путался, болѣе часа держалъ Карамзина въ ожиданіи окончательнаго объясненія и ничего не объяснилъ, такъ что Карамзинъ былъ самъ не радъ, что вызвалъ его на исповѣдь.

Въ пользу искренности его должно замѣтить, какъ указали мы выше, что хотя и любилъ онъ иногда *позировать* и рисоваться, но онъ самъ предъ друзьями не щадилъ себя и выдавалъ имъ себя живьемъ. Вотъ одно доказательство тому изъ многихъ. Въ Англіи познакомился онъ съ В. Скоттомъ, который пригласилъ его къ себѣ въ Абботсфордъ. Дорогою къ нему, говорилъ онъ, вспомнилъ я, что не читалъ ни одной строки В. Скотта. Въ слѣдующемъ городѣ купилъ онъ первый попавшійся ему на глаза романъ его. Поспѣшно и вскользь пробѣжалъ онъ его, чтобы имѣть возможность, продолжалъ онъ, при удобномъ случаѣ намекнуть хозяину о романѣ, или ввернуть въ разговорѣ какую нибудь цитату изъ него. Вообще онъ былъ мастеръ и удачливъ на цитаты. На ловца и звѣрь бѣжитъ! Мало знавшіе его могли предполагать, что онъ всю жизнь корпѣлъ надъ книгами и глубоко рылся въ нихъ. Напротивъ, онъ мало читалъ, да и некогда было читать ему. Но

съ удивительно-острымъ умомъ, съ смѣтливостью и угадчивою проницательностью, онъ схватывалъ сливки съ книги: онъ пронюхивалъ ее, смыслъ ея, содержаніе и самъ, бывало, окурится и пропитается запахомъ и испареніями ея. Другой до поту лица и до головной боли займется книгою, а Тургеневъ однимъ чутьемъ опередитъ его. Будь онъ болѣе положителенъ, усидчивъ и въ занятіяхъ своихъ, и въ дѣйствіяхъ своихъ, онъ могъ-бы достигнуть до цѣлей немногимъ доступныхъ; могъ-бы онъ оставить по себѣ память и отличнаго дѣятеля на поприщѣ государственномъ и литературномъ. Конечно такъ! Но за то лишились-бы мы того Тургенева, котораго мы знали и любили за добродѣтели его и за милыя ребячества. Въ средѣ публичной дѣятельности было-бы однимъ почетнымъ лицомъ болѣе; но въ средѣ пріятельской, но въ избранномъ кругу любезныхъ и увлекательныхъ праздношатающихся, которые усвоили себѣ девизомъ: „*скользите, смертные, не напирайте!*“ было бы мѣсто пустое и теперь незамѣстимое.

Будемъ довольствоваться и тѣмъ, что онъ былъ dilettante по службѣ, наукѣ и литературѣ. Подобныя личности худо оцѣниваются педантами и строгими нравоучителями, а между тѣмъ прелесть общества, прелесть общежительности и условій на нихъ основанныхъ, держатся ими. Спеціальности, виртуозности, преподавательные и проповѣдническіе пріемы и обычаи хороши въ свое время и на своемъ мѣстѣ; постоянное-же ихъ присутствіе и деспотизмъ, съ которымъ хотятъ они насильственно и безпрекословно овладѣть общимъ вниманіемъ и покорствомъ, есть сущая язва въ обыденномъ потребленіи и во взаимныхъ отношеніяхъ людей, собравшихся вмѣстѣ въ силу аксіомы: „не добро быть человѣку едину“. Вотъ почему, мимоходомъ будь сказано, лицо въ обществѣ, каковъ Чацкій на сценѣ, былъ-бы со всѣмъ остроуміемъ и велерѣчіемъ своимъ, невыносимо тяжелъ и скученъ. Наши плечистые и коренастые критики тяжести этой не чувствуютъ и о ней не догадываются; скукою-же ихъ не удивишь и не испугаешь: эта прилипчивая оспа съ самаго рожденія ихъ была имъ привита.

Дилетантизмъ Тургенева проглядывалъ и въ политическихъ убѣжденіяхъ его. Когда обстоятельства, не столько его личныя, сколько братнины, произвели крутой переворотъ въ положеніи его

и поставили преграды на служебномъ его поприщѣ, онъ, по счастью и къ чести его, очутился dilettant» и въ рядахъ такъ называемой оппозиціи. Вся оппозиція его сосредоточивалась и волновалась въ страстной любви его къ двумъ братьямъ своимъ. Можетъ быть и тутъ расковыривалъ онъ, по выраженію Жуковскаго, болячку свою; но побужденіе, которымъ онъ увлекался, было по существу своему такъ чисто, такъ благородно, что и въ крайностяхъ своихъ оно внушаетъ сочувствіе и уваженіе. Можно сказать, что несчастію, которому подвергъ себя братъ его Николай, онъ принесъ въ жертву всѣ матеріальныя и общежительскія выгоды и преимущества. Онъ не поколебался ни на минуту разорвать дружескія связи свои съ людьми, подобными Блудову и Дашкову, который впрочемъ былъ тутъ не при чемъ. Онъ покинулъ родной отечественный очагъ, съ которымъ онъ свыкся и который любилъ. Онъ предалъ себя жизни скитальческой, вопреки благоразумнымъ и теплымъ увѣщаніямъ друга своего Карамзина, такъ сказать, пастыря и патріарха избраннаго тѣснаго кружка, къ которому, еще по родительскимъ преданіямъ, принадлежалъ и Тургеневъ, съ самыхъ отроческихъ лѣтъ. Все матеріальное и денежное благосостояніе свое перевелъ онъ за-живо въ собственность брата своего Николая. Самъ онъ жилъ болѣе чѣмъ экономически, ограниченными средствами, которыя за собою оставилъ. Вотъ, повторяемъ, дѣятельный кругъ оппозиціи, въ которомъ онъ вращался. Для соблюденія историческаго безпристрастія внесемъ въ этотъ кругъ оппозиціи и нѣкоторые рѣзкіе отзывы о событіяхъ и людяхъ и устныя эпиграммы, которыя мимолетно срывались съ языка его и часто съ просонья. Въ немъ не было ни капли желчи, и если оказывалось что нибудь похожее на злопамятливость, то эта была скорѣе дань, приносимая имъ принципу: потому что и онъ, какъ многіе изъ людей характера болѣе уживчиваго, чѣмъ упорнаго, любилъ иногда облекать себя во всеоружіе неприступности и непреклонности. Многіе или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые видѣли въ немъ человѣка опаснаго для общественнаго спокойствія и гражданскаго благочинія; они приписывали ему тайные помыслы и виды. Близко знавшимъ его, эти опасенія были до крайности забавны и смѣшны. Не было человѣка болѣе безвреднаго и безобиднаго, какъ онъ. Карамзинъ говаривалъ о немъ,

что доброта, благодушіе его испаряются изо всѣхъ его потовыхъ скважинъ (sortent par tous les pores). Можетъ быть, ему самому иногда нравилось казаться и слыть такимъ пугаломъ. Какъ-бы то ни было, вотъ забавный случай, породившійся отъ этихъ опасеній. Онъ пріѣхалъ въ Москву, помнится, 30 или 31 года. Къ московскому пріятелю его ходилъ въ то время несчастный мелкій чиновникъ, служившій въ такъ называемой тайной полиціи: онъ желалъ перемѣнить родъ службы и просилъ помянутаго пріятеля исходатайствовать ему другое мѣсто служенія. Однажды приходитъ онъ къ нему и говоритъ: „Вы всегда были такъ милостивы ко мнѣ, окажите и нынѣ особую и великую милость. Вы хорошо знакомы съ А. И. Тургеневымъ и въ обществѣ встрѣчаетесь съ нимъ не рѣдко. Мнѣ по начальству поручено надсматривать и слѣдить за нимъ и ежедневно доставлять репортичку о выѣздахъ и дѣйствіяхъ его. А какъ мнѣ услѣдить за нимъ? Онъ съ утра до поздней ночи колеситъ по всему городу изъ конца въ конецъ. Да такимъ образомъ въ три дня на однихъ извозчиковъ растрачу все свое мѣсячное жалованье. Помогите мнѣ: дайте мнѣ матеріала для моихъ репортичекъ“. Вотъ пріятель Тургенева и обратился въ шпіона и въ соглядатая его. Были продиктованы слѣдующія бюллетени: такого-то числа Тургеневъ два раза завтракалъ, разъ на Кузнецкомъ мосту, другой на Плющихѣ у того-то и того-то, три раза былъ у С-ой, два раза отвозилъ письма свои въ почтамтъ почтдиректору А. Я. Булгакову, обѣдалъ въ Англійскомъ клубѣ, вечеромъ пилъ чай у митрополита Филарета, а во второй разъ позднѣе у Ив. Ив. Дмитріева. Такого-то числа: прятался въ сѣновалѣ манежа, чтобы смотрѣть, какъ дѣвица Ш. ѣздитъ верхомъ, былъ на двухъ лекціяхъ въ университетѣ, отвозилъ письма къ Булгакову, вечеромъ на Трехъ Горахъ у К., вальсировалъ и любезничалъ съ дѣвицами Г. и Б. Такого-то числа пилъ чай вечеромъ у г-жи * (именующейся въ полицейскихъ спискахъ *извѣстной* *), а вечеромъ на балѣ у П. въ Петровскомъ, опять любезничалъ и вальсировалъ съ помянутыми дѣвицами Б. и Г.

Такимъ образомъ съ малыми измѣненіями были, въ продолженіи двухъ недѣль, составляемы кондуитные и явочные списки Тургенева. Всего чаще встрѣчались въ нихъ имена .....ой и митропо-

лита Филарета. Съ послѣднимъ былъ онъ въ близкихъ отношеніяхъ и по сочувствію, и уваженію къ нему, а равно и по прежнему служенію своему при князѣ А. Н. Голицынѣ.

Кто-то охарактеризовалъ слѣдующимъ образомъ пребываніе Тургенева въ Москвѣ:

Святоша вѣчный онъ и вѣчный волокита,
У ногъ .....ой или митрополита.

Мы назвали Тургенева многостороннимъ dilettante. Но былъ одинъ кругъ дѣятельности, въ которомъ являлся онъ далеко не *дилетантомъ*, а развѣ пламеннымъ виртуозомъ и неутомимымъ труженикомъ. Это—кругъ добра. Онъ не только дѣлалъ добро по вызову, по просьбѣ: онъ отыскивалъ случаи помочь, обезпечить, устроить участь меньшей братіи, гдѣ ни была-бы она. Онъ былъ провидѣніемъ забытыхъ, а часто обстоятельствами и судьбою забитыхъ чиновниковъ; провидѣніемъ сирыхъ, безпріютныхъ, безпомощныхъ. По близкимъ отношеніямъ своимъ къ князю Голицыну, пользовался онъ болѣе или менѣе свободнымъ доступомъ ко всѣмъ власть имѣющимъ, а по личнымъ свойствамъ своимъ былъ онъ также болѣе или менѣе въ связи, въ соприкосновеніи съ людьми какъ нибудь значущими во всѣхъ слояхъ и на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Въ ходатайствѣ за другихъ былъ онъ ревностенъ, упоренъ, неотвязчивъ. Онъ смѣло, горячо заступался за всѣ нужды и оскорбленія противу неправдъ, ратовалъ противъ произволовъ, беззаконностей начальства. Помню, какъ за обѣдомъ у графини Потоцкой живо схватился онъ съ гр. Милорадовичемъ, бывшимъ тогда С.-Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, и упрекалъ его за нерасположеніе къ одному изъ чиновниковъ, при немъ служившихъ. „Вы сами“, говорилъ онъ, „честный и благородный человѣкъ, а хотите удалить отъ себя единственнаго честнаго чиновника, чрезъ котораго могутъ обращаться къ вамъ порядочные люди. Нѣтъ, графъ, стыдно будетъ вамъ, если не оставите его при себѣ“. Милорадовичъ оправдывался, какъ могъ и какъ умѣлъ; многочисленные гости за столомъ въ молчаніи и съ удивленіемъ присутствовали при этой тяжебной распрѣ. Правда, что Тургеневъ, какъ ловкій военачальникъ, призвалъ въ союзницы себѣ двухъ красавицъ-дочерей хозяйки, и побѣда осталась за нимъ.

Списокъ всѣхъ людей, которымъ помогъ Тургеневъ, за которыхъ вступался, которыхъ возстановилъ, во время служенія своего, могъ-бы превзойти длинный списокъ любовныхъ побѣдъ, одержанныхъ Донъ-Жуаномъ, по свидѣтельству Лепорелло въ оперѣ Моцарта. Русская литература, Русскіе литераторы, нуждавшіеся въ покровительствѣ, въ поддержкѣ, молодые новички, еще не успѣвшіе проложить себѣ дорогу, всегда встрѣчали въ немъ ходатая и умнаго руководителя. Онъ былъ, такъ сказать, долгое время посредникомъ, агентомъ, по собственной волѣ уполномоченнымъ и акредитованнымъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Русской литературы при предержащихъ властяхъ и образованномъ обществѣ. Одна эта заслуга, мало извѣстная, нынѣ забытая, даетъ ему почетное мѣсто въ литературѣ нашей, особенно когда вспомнишь, что онъ былъ другомъ Карамзина и Жуковскаго.

Позднѣе, когда сошелъ онъ съ служебнаго поприща и кругъ вліятельной дѣятельности его естественно съузился, онъ съ тѣмъ же усердіемъ, съ такимъ-же напряженнымъ направленіемъ, сдѣлался въ Москвѣ ходатаемъ, заступникомъ, попечителемъ несчастныхъ, пересылаемыхъ въ Сибирь. Острогъ и Воробьевы горы были театромъ его мирныхъ и человѣколюбивыхъ подвиговъ, а иногда и скромныхъ, но благочестивыхъ побѣдъ, когда удавалось ему спасти или, по крайней мѣрѣ, облегчить участь того или другого несчастнаго. Смерть, такъ сказать, неожиданно застигла его въ исполненіи усиленныхъ и добровольно принятыхъ имъ обязанностей. Жизнь его, свѣтскую, разсѣянную, но всегда согрѣтую любовью къ добру, смерть прекрасно увѣнчала и запечатлѣла безкорыстнымъ и всепреданнымъ служеніемъ скорби, а можетъ быть и пробужденіемъ умиленія и раскаянія не въ одномъ изъ сердецъ, возмущенномъ страстью и порокомъ. Послѣ тревожной жизни, платившей по временамъ дань суетности, умственнымъ и нравственнымъ немощамъ человѣчества, онъ, такъ сказать, отрезвился, смирился и на закатѣ своемъ, отрѣшась отъ всего блестящаго, что̀ даетъ намъ свѣтъ, сосредоточилъ всѣ свойства и стремленія свои въ одномъ чувствѣ любви и состраданія къ ближнему. Это чувство никогда не было ему чуждо, но здѣсь оно очистило, заглушило и поглотило всѣ другія побужденія, замыслы и ненасытныя желанія. При-

мѣромъ, который онъ добровольно подалъ сверстникамъ и товарищамъ, Тургеневъ могъ-бы въ Россіи быть предтечею и основателемъ общины братьевъ милосердія.

Для пополненія очерка нашего нельзя не упомянуть о другой страсти его. Она, и говорить нечего, маловажнѣе первой; даже, пожалуй, она и не страсть, а укоренившаяся повадка, то, что́ на патологическомъ языкѣ можно было-бы назвать маніей (manie). Но, впрочемъ, и эта манія имѣла свою хорошую сторону и пользу. Полагаемъ, что не было никогда и нигдѣ *борзописца* ему подобнаго. Онъ могъ сказать съ поэтомъ: „Какъ много я въ свой вѣкъ бумаги исписалъ“. Но ни друзья его, ни потомство, если оно захватитъ его, не ставили и не ставятъ того ему въ упрекъ. Дѣятельность письменной переписки его изумительна. Она поборола нѣсколько лѣнивую натуру его, разсѣяніе и разсѣянность. Спрашиваешь: когда успѣвалъ онъ писать и разсылать свои всеобщія и всемірныя грамоты? Онъ переписывался и съ просителями своими, и съ братьями, и съ друзьями, и съ знакомыми, и часто съ незнакомыми, съ учеными, съ духовными лицами всѣхъ возможныхъ исповѣданій, съ дамами всѣхъ возрастовъ, *различныхъ лѣтъ и поколѣній* былъ въ перепискѣ со всею Россіею, съ Франціей, Германіей, Англіей и другими государствами. И письма его—бо́льшею частью, образцы слога, живой рѣчи. Они занимательны по содержанію своему и по художественной отдѣлкѣ, о которой онъ не думалъ, но которая выражалась, изливалась сама собою подъ неутомимымъ и беззаботнымъ перомъ его. Русскимъ языкомъ въ особенности владѣлъ онъ, какъ немногимъ изъ присяжныхъ писателей удается имъ владѣть. Этого еще мало: при обширной, разнообразной перепискѣ, онъ еще велъ про себя одного подробный дневникъ. Въ фоліантахъ переписки и журнала его будущій историкъ нашего времени, отъ первыхъ годовъ царствованія Александра Павловича до 1845 года, найдетъ безъ сомнѣнія содержаніе и краски для политическихъ, литтературныхъ и общественныхъ картинъ прожитаго періода.

Еще была у него маленькая страстишка. Онъ любилъ, а иногда и съ грѣхомъ пополамъ, присвоивать себѣ, натурою или списываньемъ, всѣ возможныя бумажныя рѣдкости и драгоцѣнности.

Не даромъ говорили въ Арзамасѣ, что онъ не только *Эолова Арфа* (прозваніе, данное ему, съ позволенія сказать, по обычному бурчанію въ животѣ его), но что онъ и *Двѣ огромныя руки*, какъ сказано въ одной изъ балладъ Жуковскаго. Въ самомъ дѣлѣ, это не двѣ, а сотни бріарейскихъ рукъ захватывали на право и на лѣво, вверху и внизу, всѣ мало-мальски замѣчательныя рукописи, историческія, политическія, административныя, литературныя и т. д. Въ архивѣ его, или въ архивахъ (потому что многое перевезено имъ къ брату въ Парижъ, а многое оставалось въ Россіи) должны храниться сокровища, достойныя любопытства и вниманія всѣхъ просвѣщенныхъ людей. О письменной страсти его достаточно, для убѣжденія каждаго, разсказать слѣдующій случай. Послѣ ночного, бурнаго, томительнаго и мучительнаго плаванія изъ Булони въ Фолькстонъ, онъ и пріятель его, въ первый разъ тогда посѣщавшій Англію, остановились въ гостинницѣ по указанію и выбору Тургенева и, признаться (вслѣдствіе экономическихъ опасеній его) въ гостинницѣ весьма неблаговидной и далеко *нефешьонабельной*. Пріятель на первый разъ обрадовался и этому: разстроенный переѣздомъ, усталый, онъ бросился на кровать, чтобъ немножко отдохнуть. Тургеневъ сейчасъ переодѣлся и какъ встрепанный побѣжалъ въ Русское посольство. Спустя четверть часа, онъ запыхавшись возвращается, и на вопросъ, почему онъ такъ скоро возвратился, отвѣчаетъ, что узналъ въ посольствѣ о немедленномъ отправленіи курьера и поспѣшилъ домой, чтобы изготовить письмо. „Да кому же хочешь ты писать?“ Тутъ Тургеневъ немножко смутился и призадумался. „Да въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, я обыкновенно переписываюсь съ тобою, а ты теперь здѣсь. Но все равно: напишу одному изъ почтдиректоровъ, или Московскому Булгакову, или Петербургскому“. И тутъ же сѣлъ къ столу и настрочилъ письмо въ два или три почтовые листа.

Мы уже замѣтили, что, не смотря на свой темпераментъ нѣсколько лѣнивый, на расположеніе къ тучности, на сонливость свою (онъ могъ засыпать утромъ, только что встанетъ съ постели, въ полдень и вечеромъ, за проповѣдью и въ театрѣ, за чтеніемъ книги и въ присутствіи обожаемаго предмета), онъ былъ чрезвычайно подвиженъ и легокъ на подъемъ. Въ разговорѣ, когда рѣчь

коснется до струны, на этотъ часъ болѣе въ немъ натянутой, онъ, бывало, вспыхнетъ, горячится и становится, безъ всякой желчи, безъ озлобленія, противникомъ не всегда умѣреннымъ и разборчивымъ и, какъ говорится, не всегда деликатнымъ. Можетъ быть, иногда горячка эта была частью и напускная, тоже изъ уваженія къ принципу; но вообще недоброжелательства и озлобленія въ немъ не было, развѣ за исключеніемъ нѣкоторыхъ лицъ. Эти лица, также по принципу, ставилъ онъ себѣ въ обязанность ненавидѣть. Впрочемъ, если онъ что и скажетъ обиднаго въ сердцахъ, то это бывало вспышкою: сердце его скоро остывало.

Относительно рысканій его намъ приходитъ на память одинъ случай. Пріятель его изъ Москвы отправилъ къ нему, черезъ К. Я. Булгакова, письмо съ слѣдующею подписью на пакетѣ: „Безпутному Тургеневу гдѣ нибудь на распутіи“. Въ то время онъ, на поклоненіе сердечному кумиру своему, очень часто ѣздилъ въ Царское Село. Булгаковъ,ославъ почтальона съ письмомъ на Пулковскую гору, приказалъ ему сторожить Тургенева въ проѣздъ его, остановить коляску и передать письмо по адресу буквально.

По матеріальной части сдѣлаемъ еще отмѣтку. Онъ былъ не гастрономъ, не лакомка, а просто обжорливъ. Вмѣстимость желудка его была изумительная. Однажды, послѣ сытнаго и сдобнаго завтрака у церковнаго старосты Казанскаго собора, отправляется онъ на прогулку пѣшкомъ. Зная, что вообще не былъ онъ охотникъ до пѣшеходства, кто-то спрашиваетъ его: Что это вздумалось тебѣ идти гулять?—„Нельзя не пройтись, отвѣчалъ онъ: мнѣ нужно проголодаться до обѣда“.

Въ послѣднихъ годахъ жизни своей, онъ не рѣдко наѣзжалъ въ Москву и проживалъ въ ней по нѣсколькимъ мѣсяцамъ. Онъ въ Москвѣ, какъ и въ Парижѣ, былъ дома. Онъ Москву любилъ: она была для него, такъ сказать, неутральнымъ мѣстомъ. Петербургъ могъ напоминать ему и прежніе успѣхи его, и послѣдовавшіе за ними недочеты и непріятности; въ гостепріимной и неучаствовавшей во всемъ этомъ Москвѣ было ему льготнѣе. Тогда Московское общество или, по крайней мѣрѣ, часть его была раздѣлена на два стана, которые прозвали себя или были прозваны Славянофилы и Западники. Тургеневъ, по складу своего ума, по

привычкамъ и убѣжденіямъ, разумѣется, принадлежалъ болѣе къ послѣднимъ; но и съ первыми, по крайней мѣрѣ съ вожатыми ихъ, былъ онъ въ пріятельской связи, основанной на сочувствіи и на уваженіи къ ихъ личностямъ. Признакъ возвышенныхъ натуръ есть уживчивость и терпимость въ отношеніи къ мнѣніямъ противнымъ: эти два вооруженные стана сходились часто, едва ли не ежедневно, на полѣ діалектической битвы. Они маневрировали оружіями своими, живо нападали другъ на друга и потомъ мирно расходились, не оставляя увѣчныхъ и плѣнныхъ на полѣ сраженія, потому что весь бой заключался скорѣе въ ловкомъ фехтованіи, нежели въ дракѣ на животъ и на смерть. Каждый противникъ, думая, что побѣда за нимъ, возвращался съ торжествомъ въ свой станъ; на другой день возобновлялась та же холостая битва, и такъ далѣе, пожалуй, до скончанія вѣковъ. Много ума, много выстрѣловъ его расточено было въ этихъ словесныхъ сшибкахъ; но завоеваній, кажется, никакихъ не было ни съ одной, ни съ другой стороны. Но все же эти военныя упражненія не остались совершенно безплодными. Нѣкоторые умы въ нихъ изощрились и окрѣпли; въ самомъ обществѣ, не принимавшемъ въ нихъ постояннаго и дѣятельнаго участія, отголоски этихъ преній отзывались, зарождали мимоходомъ въ умахъ новыя понятія и бросали въ почву ежедневной жизни сѣмена, отличающіяся отъ обыкновеннаго и общимъ порядкомъ заведеннаго посѣва. Слѣдовательно польза была, но польза нѣсколько отвлеченная: много сѣялось, но мало пожиналось. Дѣло, по мнѣнію нашему, въ томъ, что какъ Западники, такъ и Славянофилы, а въ особенности послѣдніе, не имѣли твердой почвы подъ ногами. Тѣ и другіе вращались въ какомъ-то туманѣ и часто витали въ облакахъ. Они увлекались силою, прелестью и соблазнами слова. Дѣло у нихъ было въ сторонѣ; а если они и гонялись за дѣломъ, то за несбыточнымъ. Русскій умъ есть умъ преимущественно практическій; Русскій простолюдинъ, крестьянинъ можетъ быть круглымъ невѣждою, но у него врожденное практическое чутье, которымъ онъ пробавляется и дѣлаетъ свое дѣло. Русскія головы, которыя, хотя Нѣмцевъ и не любятъ, но нѣсколько германизируются и отвѣдываютъ плодовъ съ Нѣмецкаго древа познаній, философіи и различныхъ умозрѣній, обыкновенно утрачи-

ваютъ практическую трезвость свою. Хмель зашибаетъ ихъ. И выходитъ, что шумитъ у нихъ въ головѣ и не порусски, и не понѣмецки. Нѣкоторыя журнальныя и полемическія статьи, пущенныя изъ этого лагеря, особенно при началѣ, такъ были писаны (хотя и Русскими буквами), что невольно хотѣлось попросить кого нибудь перевести ихъ съ Нѣмецкаго на общеупотребляемый Русскій языкъ. Такимъ образомъ и самое руссофильство не имѣло ни запаха, ни смака произведеній Русской почвы, а отзывалось или подражаніемъ, или плодомъ, выхоженнымъ въ чужой теплицѣ. Хлестаковъ говоритъ о какомъ-то захолустьѣ, изъ котораго скачи хоть три года, а никуда не доѣдешь. Есть тоже и вопросы, которые поднимай, про которые толкуй и спорь хоть двадцать лѣтъ, а ни до какого разрѣшенія не дойдешь. Встрѣчаются умы, которые любятъ охотиться за подобными вопросами, благо есть время, есть свора рѣзвыхъ и прытких собакъ: почему же не пуститься, въ веселой компаніи, въ безконечное отъѣзжее поле? Есть ли тамъ звѣрь, будетъ ли пожива, о томъ наши безкорыстные охотники не заботятся.

Какъ бы то ни было, Тургеневу было готовое мѣсто въ этихъ увеселительныхъ словесныхъ упражненіяхъ. Онъ и самъ былъ Нимродомъ, великимъ ловцомъ слова предъ Господомъ Богомъ и предъ людьми. Въ томъ и другомъ станѣ, какъ сказано нами, были у него пріятели. Онъ не былъ завербованъ ни подъ однимъ изъ знаменъ, развѣвавшихся съ Кремлевскихъ стѣнъ, а вольнымъ наѣздникомъ переѣзжалъ съ одного рубежа на другой. Западники были, разумѣется, современнѣе и слѣдовательно опирались болѣе твердою ногою на почву, которую избрали они себѣ. Славянофилы или Руссофилы были какіе-то археологическіе либералы. Французскаго писателя, сподвижника Жозефа-де-Местра, прозвали пророкомъ минувшаго; въ ученіи Славянофильскомъ отзывались сѣтованія и надежды подобнаго пророчества. Сколько намъ извѣстно, Тургеневъ, по мѣрѣ ума и дарованій тѣхъ и другихъ, сочувствовалъ имъ, охотно съ ними бесѣдовалъ, иногда препирался съ ними, но не увлекался ихъ умозрѣніями и заносчивыми стремленіями ни вспять, ни впередъ. Онъ слишкомъ долго жилъ за границею, слишкомъ наслушался преній во Франціи, въ Германіи и

Англіи, преній и политическихъ, и соціальныхъ, литературныхъ и философическихъ, чтобы придавать особенную важность Московскимъ опытамъ въ этой умственной дѣятельности.

Тургеневъ сошелся въ Москвѣ съ прежнимъ Петербургскимъ пріятелемъ Чадаевымъ. Они были пріятели, но вмѣстѣ съ тѣмъ во многихъ отношеніяхъ и противоположно расходились. Однѣ точки соприкосновенія, существовавшія между ними, были умъ, образованность, благородство, честная независимость, вѣжливость (не только въ смыслѣ учтивости, а болѣе въ смыслѣ благовоспитанія, однимъ словомъ, цивилизаціи понятій, воззрѣній, правилъ, обхожденія, цивилизаціи, которая, мимоходомъ будь сказано, прививается и развивается въ одной благопріятной и временемъ разработанной средѣ. Этихъ условій, этихъ свойствъ сродства достаточно, чтобъ, и при нѣкоторомъ разнорѣчіи въ мнѣніяхъ и разности въ характерахъ, порядочные люди группировались на одной сторонѣ и сходились на неутральной почвѣ общихъ сочувствій. Вотъ несомнѣнные признаки людей, воспитавшихся въ школѣ истинно-высшаго и избраннаго общества. Этихъ условій и держались Чадаевъ и Тургеневъ. Во всемъ прочемъ были они прямые антиподы. Тургеневъ жилъ болѣе жизнью открытою и внѣшнею; хотя и онъ (грѣха таить нечего) любилъ иногда пускать пыль въ глаза, но ничего не было въ немъ подготовленнаго, заранѣе придуманнаго. Скажемъ напрямикъ: шарлатанскія выходки его были, по легкомыслію его, невинно-забавны и даже милы. Чадаевъ рисовался серьезно и съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ смотрѣлъ на подлинникъ, въ который преображался. Онъ былъ гораздо умнѣе того, чѣмъ онъ прикидывался. Природный умъ его былъ чище того систематическаго и поучительнаго ума, который онъ на него нахлобучилъ. Не будь этой слабости, онъ остался бы замѣчательнымъ человѣкомъ и дѣятелемъ на томъ или на другомъ поприщѣ. Чадаевъ, особенно въ Москвѣ, предначертилъ себѣ планъ *особничества* и ни на волосъ, ни на іоту отъ него не отступалъ. Тургеневъ былъ разсѣянъ, обмолвливался иногда нечаянно, иногда умышленно, но всегда забавно и часто остроумно. Чадаевъ былъ всегда погруженъ въ себя, погруженъ въ созерцаніе личности своей, пребывалъ во внимательномъ прислушиваніи къ тому, что́ самъ скажетъ. Онъ былъ доктринеръ,

преподаватель съ подвижной каѳедры, которую переносилъ изъ салона въ салонъ. Тургеневъ былъ увлекательный собесѣдникъ, вмѣшивался въ толпу и сгоряча и на обумъ говорилъ все, что̀ родится и мелькнетъ въ головѣ его. Чадаевъ былъ ума и обхожденія властолюбиваго. Онъ хотѣлъ быть основателемъ чего-то. Онъ готовъ былъ сказать и вѣроятно говорилъ себѣ, въ подражаніе Людовику XIV-му: моя философія, это я! Между тѣмъ, если онъ имѣлъ довольно слушателей (потому что говорилъ хорошо и что въ Москвѣ, на досугѣ, любятъ слушать), онъ, кажется, не создалъ себѣ адептовъ и единовѣрцевъ. Развѣ между дамами имѣлъ онъ нѣсколько крылошанокъ и неофитокъ. Тургеневъ былъ ручнѣе, общедоступнѣе его. И положеніе его въ обществѣ было, такъ сказать, блистательнѣе. Чадаевъ, при всей пріязни своей, смотрѣлъ на него свысока. Пуританизмъ его смущался развязностью Тургенева; онъ осуждалъ нѣкоторое легкомысліе его и отсутствіе въ немъ всякаго формализма и обряднаго священнодѣйствія. Тютчевъ забавно разсказываетъ о письмѣ Чадаева къ Тургеневу. Онъ однажды замѣнилъ къ себѣ Тютчева и прочелъ ему длинную, нравоучительную и нѣсколько укорительную грамоту. Прочитавъ ее, Чадаевъ спросилъ: не правда ли, что это напоминаетъ письмо Ж. Ж. Руссо къ Парижскому архіепископу? — „А что же, вы послали это письмо къ Тургеневу?“ спросилъ Тютчевъ. — „Нѣтъ, не посылалъ“, отвѣчалъ Чадаевъ. Это характеристическая черта. А вотъ и другая. Чадаевъ очень дорожилъ своимъ литографированнымъ портретомъ и прислалъ Тютчеву десятка два экземпляровъ для раздачи въ Петербургѣ и разсылки по Европѣ. Нашелъ же онъ человѣка для исполненія подобнаго порученія. Эти экземпляры, кажется, такъ и остаются нерозданными и нетронутыми у безпечнаго посредника и комиссіонера. Чадаевъ назначилъ одинъ день въ недѣлѣ для пріема знакомыхъ своихъ въ предобѣденное время, т.-е. отъ часа до четырехъ, въ домѣ, имъ занимаемомъ на Басманной. Туда съ поспѣшностью и съ нетерпѣніемъ стекались представители различныхъ мнѣній и нравовъ. Бывали тутъ и простые слушатели или зрители даваемыхъ даровыхъ представленій. Иные, чтобы сказать, что и они были въ спектаклѣ, другіе потому, что сочувствовали развлеченіямъ подобнаго лицедѣйствія. Утренній салонъ или каби-

нетъ Чадаева, этого *Перикла*, по выраженію друга его, Пушкина, былъ въ нѣкоторомъ и сокращенномъ видѣ *Лицей*, перенесенный изъ Аѳинъ за Красные ворота. Тутъ показывались иногда и пріѣзжіе изъ Петербурга, бывшіе товарищи и сослуживцы Чадаева, нынѣ попавшіе уже въ люди, какъ говорится. Хозяинъ бывалъ очень радъ и польщенъ этими иногородными посѣщеніями. Въ положеніи своемъ, если не совсѣмъ опальномъ, то по крайней мѣрѣ нѣсколько двусмысленномъ, онъ вѣроятно доволенъ былъ показать Москвичамъ, что и онъ что-нибудь да значитъ въ возвышенныхъ общественныхъ сферахъ. Однажды, въ день посѣщенія одного столичнаго гостя, постоянный изъ туземныхъ посѣтителей его пріѣхалъ какъ-то позднѣе и уже не засталъ почетнаго гостя. „Что это вы такъ опоздали?“ сказалъ ему Чадаевъ: „уже всѣ почти разъѣхались“. — „Какъ всѣ?“ возразилъ опоздавшій гость, „у васъ еще много“. — „Да, отвѣчалъ Чадаевъ, но такой-то *** только сейчасъ уѣхалъ“. — „Выходка для насъ присутствующихъ не очень лестная“, замѣтилъ Н. Ф. Павловъ, разсказавшій мнѣ этотъ разговоръ. Много ходило по городу подобныхъ анекдотовъ. Нѣкоторая суетность, можно сказать, нѣкоторое слабодушіе встрѣчаются иногда въ людяхъ, и одаренныхъ впрочемъ твердостью и независимостью самобытности. Что же тутъ дѣлать! Человѣкъ вообще сложное, а не цѣльное созданіе. Онъ не мѣдная статуя, которая выливается сразу и въ полномъ составѣ.

Можно вообразить себѣ, какою жизненностью, какимъ движеніемъ и разнообразіемъ подобныя личности одушевляли Московское общество или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ кружковъ его. Тутъ нельзя было подмѣтить красокъ и Московскихъ *отпечатковъ* Фамусовской Москвы, въ которую Грибоѣдовъ упряталъ своего Чацкаго.

Къ именамъ Тургенева и Чадаева причислимъ еще нѣкоторыя имена, придерживаясь однихъ покойниковъ. Умный, образованный, прямодушный Михаилъ Орловъ; Хомяковъ, діалектикъ, облеченный во всеоружіе слова, всегда неутомимаго и не притупляющаго; Константинъ Аксаковъ, мыслитель заносчивый, но прямодушный, съ которымъ можно было не соглашаться, но котораго нельзя было не уважать и не любить; отецъ его С. Т. Аксаковъ, который подъ старость просвѣтлѣлъ и ободрился силою и свѣжестью прелестнаго

дарованія; Кирѣевскій, который началъ *Европейцемъ*, и какими-то волнами былъ закинутъ на анти-европейскій берегъ, но и тутъ явилъ какую-то дѣвственную чистоту и цѣломудріе новыхъ своихъ убѣжденій; Павловъ, который при остромъ и легкопостигающемъ умѣ, могъ бы сдѣлаться лучшимъ и первымъ журналистомъ нашимъ и полемическимъ писателемъ, если бы одаренъ былъ способностью прилежать къ труду, а не довольствоваться рѣдкими и случайными взрывами, показывая, какъ много таилось и глухо кипѣло въ немъ дарованій и зиждительныхъ силъ. Еще нѣкоторыя лица просятся въ этотъ перечень; но пока довольно и поименованныхъ, чтобы дать понятіе объ этомъ словесномъ факультетѣ, который изъ любви къ искусству для искусства и къ слову для слова расточительно преподавалъ свое ученіе.

Впрочемъ, нельзя не упомянуть здѣсь еще объ одномъ свѣтломъ имени. Баратынскій никогда не бывалъ пропагандистомъ слова. Онъ, можетъ быть, былъ слишкомъ лѣнивъ для подобной дѣятельности, а во всякомъ случаѣ слишкомъ скроменъ и сосредоточенъ въ себѣ. Едва ли можно было встрѣтить человѣка умнѣе его, но умъ его не выбивался наружу съ шумомъ и обиліемъ. Нужно было допрашивать, такъ сказать, буровить этотъ подспудный родникъ, чтобы добыть изъ него чистую и свѣтлую струю. Но за то попытка и трудъ бывали богато вознаграждаемы. Умъ его былъ преимущественно способенъ къ разбору и анализу. Онъ не любилъ возбуждать вопросы и выкликать пренія и словесныя состязанія; но за то, когда случалось, никто лучше его не умѣлъ вѣрнымъ и мѣткимъ словомъ порѣшать сужденія и выражать окончательный приговоръ и по вопросамъ, которые, болѣе или менѣе, казались ему чужды, какъ напр. вопросы внѣшней политики или новой Нѣмецкой философіи, бывшей тогда Русскимъ конькомъ нѣкоторыхъ изъ Московскихъ коноводовъ. Во всякомъ случаѣ, какъ былъ онъ сочувственный, мыслящій поэтъ, такъ равно былъ онъ мыслящій и пріятный собесѣдникъ. Аттическая вѣжливость, съ нѣкоторыми пріемами Французской остроты и любезности, отличавшихъ прежнее Французское общество, плѣнительная мягкость въ обращеніи и въ сношеніяхъ, нѣкоторая застѣнчивость при умѣ самобытномъ, твердо и рѣзко опредѣленномъ, всѣ эти качества, всѣ эти прелести

придавали его личности особенную физіономію и утверждали за нимъ особенное мѣсто среди блестящихъ современниковъ и совмѣстниковъ его.

Пріятно въ картинной галлереѣ памяти своей наткнуться на близко знакомыя лица, остановиться передъ ними, заглядѣться на нихъ, и при этомъ задуматься грустно, но и сладостно. Вотъ кстати сказать:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

И точно, вѣрится съ трудомъ, чтобы лѣтъ за двадцать или тридцать встрѣчались на бѣломъ свѣтѣ личности, подобныя Тургеневу и нѣкоторымъ изъ сверстниковъ его, нами здѣсь упомянутыхъ. Какая была въ нихъ мягкость, привлекательная сила, какая *гуманность* въ то время, какъ это понятіе и выраженіе не были еще опошлены и почти опозорены неумѣстнымъ употребленіемъ! Какъ чистъ и свѣтелъ былъ ихъ либерализмъ, истекающій еще болѣе изъ души, нежели изъ сухихъ политическихъ соображеній, рабскихъ заимствованій, а часто и лжеумствованій. Либерализмъ этихъ избранныхъ людей былъ чувство, а не формальность. Самыя слабости ихъ облекались въ какую-то умиротворяющую прелесть, которая вызывала снисхожденіе. Эти слабости, немощи, свойственныя человѣческой натурѣ, не избѣгали строгой оцѣнки и суда, но и не отталкивали сочувствія къ нимъ. Тургеневъ, какъ и многіе, принадлежалъ къ либераламъ, желающимъ улучшеній въ гражданскомъ быту, а не къ либераламъ, желающимъ ниспроверженія и революціи, во что бы ни стало. Къ сожалѣнію, встрѣчаются люди, въ которыхъ есть что-то претительное, возбуждающее почти враждебное противодѣйствіе, при изъявленіи ими началъ, повидимому честныхъ и благонамѣренныхъ: такъ изъявленія эти грубы, наглы и исключительно-самовластительны. Въ подобныхъ людяхъ такая личность, какъ Тургеневъ, доживи онъ до настоящаго времени, не возбудила бы ни малѣйшаго сочувствія. Да и не поняли бы его, какъ лишенные чувства обонянія не догадываются объ ароматныхъ испареніяхъ благоуханнаго растенія. Одно, можетъ статься, и способно нынѣ обратить вниманіе ихъ на такую личность, а именно то, что Тургеневъ въ свое время слылъ либераломъ. Слѣ-

довательно онъ нашъ, говорятъ эти господа. Нѣтъ, милостивые государи, совсѣмъ не вашъ, и съ вами ничего сходнаго онъ не имѣетъ.

Есть цѣховые и положительные либералы, которые положительную посредственность свою (чтобы не сказать положительную ничтожность) расцвѣчиваютъ либеральными узорами и виньетками, заимствованными изъ дешевыхъ иностранныхъ изданій. Чтобы подкрѣпить и усилить себя, они охотно вербуютъ заднимъ числомъ въ артель свою лица, которыхъ либерализмъ есть явное опроверженіе ихъ ремесленнаго либерализма. Эти господа, на числахъ невѣрныхъ, на лживыхъ данныхъ, берутся разрѣшать общественныя задачи. Они выводятъ категоріи, раздуваютъ системы, въ которыхъ нѣтъ ни достовѣрности, ни даже правдоподобія. Стóитъ только дотронуться до нихъ булавкой исторической и практической критики, и всѣ эти неловко и насильственно надутые пузыри тутъ же прокалываются, свертываются и скомкиваются. Суворовъ говорилъ, кажется, Каменскому: „Объ императрицѣ Екатеринѣ можетъ говорить Репнинъ всегда, Суворовъ иногда, а Каменскій не долженъ говорить никогда“. Можно бы вывести такое правило и для многихъ журнальныхъ Несторовъ, которые, зря и *мудрствуя лукаво*, пишутъ общественныя лѣтописи про общество, котораго они не знаютъ, про людей совершенно имъ чуждыхъ, съ которыми они ни сблизиться, ни даже сойтись не могли, про событія, которыя доходятъ до нихъ изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ. И эти лица и событія перекладываютъ они на свой ладъ, развиваютъ или суштатъ въ жарко натопленной теплицѣ своихъ сочувствій, благопріятныхъ или враждебныхъ. Хороши выходятъ ихъ разсказы и картины, съ коими потомству придется справляться для полнаго изображенія минувшей эпохи! Не къ одному изъ нихъ, а къ многимъ прилично примѣнить стихъ:

Живетъ онъ въ Чухломѣ, а пишетъ о Парижѣ.

Въ записной книжкѣ Русскаго путешественника, прошлаго столѣтія, записано: un bonheur passé est un malheur présent (счастіе минувшее есть несчастіе настоящее).

Онъ же разсказываетъ, что въ молодости своей, путешествуя въ Португаліи, онъ разсердился на почтаря, который везъ его очень медленно. Въ старые годы отъ Русской досады до Русской ручной управы было не далеко: Русскій путешественникъ потузилъ Португальца. Тотъ, не говоря ни слова, ушелъ и оставилъ путешественника посреди дороги съ коляскою и лошадьми. Тутъ этотъ послѣдній догадался и заключилъ, что есть нѣкоторая разница между Португальскою и Русскою ѣздою.

Русскіе люди выводятся. Выражаемъ здѣсь сѣтованіе и укоризну вовсе не-славянофильскія. Напротивъ, мы говоримъ о средневѣковомъ поколѣніи нашего общества, о современникахъ Екатерины, которые носили еще отпечатокъ предыдущихъ царствованій и которыхъ духомъ и вліяніемъ пропитались нѣкоторыя лица позднѣйшаго времени. Ничего нѣтъ тяжелѣ и скучнѣе Русскихъ по обязанности, Русскихъ, сдѣлавшихся Русскими вслѣдствіе и на основаніи какой нибудь исторической или философической системы: подъ гнетомъ системы стирается, убивается вся свѣжесть, вся краска, вся поэтическая своеобразность Русской натуры. То-ли дѣло чисто-кровный Руссакъ, который не добивается казаться Русскимъ, не хвастается тѣмъ, что онъ Русскій и даже будто не догадывается, что онъ Русскій. Ѳедоръ Петровичъ Опочининъ былъ одна изъ этихъ личностей. Онъ былъ еще не старъ, а на немъ какъ будто легли многіе слои Русскихъ преданій. Онъ безсознательно закалилъ себя въ Русскомъ горнилѣ, заматерѣлъ въ Русской закваскѣ. Разумѣется, все это понимаемъ мы и принимаемъ въ хорошемъ значеніи. Есть худая закваска, но есть и вкусная, и лакомая. Умъ Опочинина былъ совершенно Русской складки и Русскаго содержанія. Въ немъ были и тонкость, и сметливость, и наблюдательность; была Русская шутливость, которая вообще отличается отъ иноземной. По-русски говорилъ онъ превосходно, мастеръ былъ разсказывать, а запасъ разсказовъ его былъ неистощимъ. Разсказы, когда они кстати-умѣстны и удачны, имѣютъ особенную прелесть. Они драматизируютъ разговоръ. Они жизнь и дѣйствіе его. Философическія, отвлеченныя бесѣды хороши въ кабинетѣ, съ глазу на

глазъ, или съ каѳедры, но въ пріятельскомъ, откровенномъ кружкѣ онѣ утомительны. Однимъ лѣтомъ сошлись мы съ нимъ въ Ревелѣ. Тогда записалъ я нѣкоторыя изъ сказаній его. Вотъ между прочимъ слѣдующія.

Какой-то бояринъ посланъ былъ, помнится, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Китай съ дипломатическимъ порученіемъ и сворою отличныхъ собакъ, лягавыхъ и борзыхъ, въ подарокъ правителю Небесной имперіи. Однажды проситъ онъ одного приближеннаго къ царю мандарина узнать, какъ понравились собаки его величеству.— „Собаки были очень вкусны“. получилъ онъ въ отвѣтъ, „особенно зажаренныя на касторовомъ маслѣ“. „Злодѣй!“ воскликнулъ ошеломленный бояринъ: „онъ съѣлъ царемъ пожалованныя ему собаки. И охота нашему государю связываться съ такимъ поганымъ народомъ“.

Предъ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ 1812 г. и во время приготовленій къ ней, частые курьеры пріѣзжали къ губернатору одной изъ губерній, прилежащихъ къ будущему театру войны. Эти посланныя отъ военнаго министра, или отъ главнокомандующихъ войсками, привозили предписанія и ордера о немедленномъ заготовленіи или высылкѣ провіанта, о заготовленіи подводъ и о прочихъ воинскихъ потребностяхъ. Эти предписанія постоянно ссылались на статьи извѣстной *желтой книжки* (полевой уставъ), по которымъ, въ случаѣ замедленія, или неточнаго исполненія данныхъ приказаній, виновникъ подвергается всей строгости законовъ: тутъ были опять ссылки на какія-то статьи. Эти курьеры какъ-то обыкновенно пріѣзжали по вечерамъ. Въ эти часы губернаторъ отдыхалъ отъ своихъ дневныхъ подвиговъ и предавался за карточнымъ столомъ мирному занятію бостона. Получивъ пакетъ, онъ торопливо распечатывалъ его, кидалъ на содержаніе бумаги бѣглый и разсѣянный взглядъ и отдавалъ ее правителю канцеляріи для надлежащаго исполненія.

Въ теченіи двухъ-трехъ недѣль курьеры наѣзжали, и все обходилось и сходило съ рукъ благополучно. Однажды подобный военный гонецъ пріѣхалъ утромъ. Губернаторъ на досугѣ прочиталъ

бумагу, заключающую въ себѣ постоянныя ссылки на какія-то таинственныя статьи. „Да, бишь, теперь кстати скажи мнѣ, сказалъ онъ правителю канцеляріи, какія это статьи, на которыя они все указываютъ? Давно собирался я спросить тебя, но все времени не было“. — „Эти статьи, отвѣчалъ чиновникъ, относятся до военнаго суда, по которому виновные подвергаются иногда смертному приговору, особенно въ военное время“. — „Ого, вскричалъ опеломленный губернаторъ; здѣсь видно не до шутки: слуга покорный, и Богъ съ ними со всѣми!“ Тутъ, отъ испуга, занемогъ-ли онъ въ правду, или сказался больнымъ, но въ тотъ же день сдалъ должность свою вице-губернатору, а мѣсяцъ спустя вышелъ, по совершенно разстроенному здоровью, въ чистую отставку. Съ той поры онъ, безпрепятственно и не смущаясь духомъ, могъ вполнѣ предаваться мирнымъ упражненіямъ своимъ по части бостона.

Мы говорили объ одномъ баринѣ, пріѣхавшемъ въ Ревель. Кажется, этотъ баринъ (сказалъ Опочининъ) ума твердаго, но не *быстраго* (забавно ударяя на послѣдніе слоги). Нельзя шутливѣе и вѣжливѣе высказать, что человѣкъ туповатъ.

Опочининъ былъ одинъ изъ близкихъ людей къ Великому Князю Константину Павловичу, который удостоивалъ его своею особенною довѣренностью и любилъ умъ и бесѣду его. Въ Константинѣ Павловичѣ также била чистая Русская струя.

Упомянутое выше посольство въ Китай напоминаетъ другое посольство, также замѣчательное, по елѣдующему обстоятельству. Бояринъ съ какимъ-то порученіемъ отправленъ былъ изъ Москвы къ одному изъ Европейскихъ дворовъ. Онъ прибылъ къ назначенію своему, когда король былъ боленъ. Пріема быть не могло. Проходятъ дни, недѣли, а король все нездоровъ. Потерявъ терпѣніе, бояринъ объявляетъ, что онъ далѣе ждать не можетъ и что получилъ приказаніе возвратиться въ Россію. На настоятельныя и упорныя требованія его имѣть предъ отъѣздомъ аудіенцію, даютъ ему знать, что король приметъ его, но въ постелѣ, съ которой, по бо-

лѣзни своей, онъ встать не можетъ. — „Хорошо, отвѣчаетъ бояринъ, но въ такомъ случаѣ, приготовьте и мнѣ кровать, возлѣ королевской. Мнѣ, уполномоченному представителю Русскаго царя, неприлично было бы стоять или сидѣть, когда король лежитъ“.

Нѣкто, пріѣхавшій съ Дону, только что и говорилъ о своихъ Донскихъ похожденіяхъ и подвигахъ. Это было въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Мицѣльскій, въ Варшавѣ, сказалъ на это: „S'il n'a pas le don de la parole, il a du moins la parole du Don. (Игра словъ, непереводимая на Русскій языкъ).

Говорили однажды о звукоподражательности, о *собраніи* нѣкоторыхъ словъ на разныхъ языкахъ, такъ что и незнающему языка можно угадать приблизительно, по слуху, къ какой категоріи то или другое слово должно принадлежать. Въ Москвѣ пріѣзжій Итальянецъ принималъ участіе въ этомъ разговорѣ. Для пробы спросили его: „Что по вашему должны выражать слова: любовь, дружба, другъ?“ — „Вѣроятно, что нибудь жесткое, суровое, можетъ быть, и бранное“, отвѣчалъ онъ. — „А слово телятина?“ — „О, нѣтъ сомнѣнія, это слово ласковое, нѣжное, обращаемое къ женщинѣ“.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

1. Политическаго.

Х. Сомнѣваться нечего: Пальмерстонъ вѣдь не глупъ, и вотъ что на это сказалъ бы онъ...

Д. (прерывая его). Нѣтъ, воля твоя, если на то пошло, то Пальмерстонъ не можетъ никогда сказать то, что ты скажешь.

2. Литературнаго.

Н. Все же нельзя не удивляться изумительной дѣятельности его: посмотрите, сколько книгъ издалъ онъ въ свѣтъ!

N. N. Нѣтъ, не издалъ въ свѣтъ, а развѣ пустилъ по міру.

3. Служебнаго.

Чиновникъ. Я пришелъ всепокорнѣйше просить ваше превосходительство уволить меня на годъ въ заграничный отпускъ.

Директоръ Департамента. Что это вамъ вздумалось?

Чиновникъ. Да такъ-съ; нынѣшній годъ не хорошъ для чиновниковъ.

Директоръ. Какъ не хорошъ?

Чиновникъ. Въ нынѣшній годъ почти всѣ табельные дни приходятъ на воскресенья, такъ что мало остается неприсутственныхъ дней. Поэтому и желаю я воспользоваться этимъ годомъ.

4.

Докладчикъ. Такой-то чиновникъ проситъ о дозволеніи ему вступить въ законный бракъ.

Министръ Вронченко, письменно изъявляя согласіе, говоритъ: „Не имѣю чести знать его, а долженъ быть большой дуракъ“. Эта формула неизмѣнно и стереотипно повторялась въ продолженіи многихъ лѣтъ при каждомъ подобномъ докладѣ.

5.

Директоръ Департамента. А ваша невѣста хороша собой.

Женихъ-чиновникъ. Совсѣмъ не гнусна, ваше превосходительство. Съ позволенія вашего, она нѣсколько похожа на вашу супругу.

6. Филантропическаго.

Л. Подпишитесь на выдачу какой нибудь ежегодной суммы въ пользу заведенія для раскаявшихся грѣшницъ.

М. Покорнѣйше благодарю! Я и такъ уже издержалъ довольно денегъ въ пользу ихъ до раскаянія, а теперь ни денегъ, ни охоты нѣтъ на новыя издержки.

7. Супружескаго.

Жена (въ провинціи). Ты вѣрно забудешь меня въ Петербургѣ.

Мужъ. Какъ не стыдно тебѣ подозрѣвать меня: ты знаешь, что я тебя безъ памяти люблю.

8. Дружескаго.

Въ Таврическомъ дворцѣ, въ прошломъ столѣтіи, князь Потемкинъ, въ сопровожденіи Левашева и князя Долгорукова, проходитъ чрезъ уборную комнату мимо великолѣпной ванны изъ серебра.

Левашевъ. Какая прекрасная ванна!

Князь Потемкинъ. Если берешься ее всю *наполнить* (это въ письменномъ переводѣ, а въ устномъ текстѣ значится другое слово), я тебѣ ее подарю.

Левашевъ (обращаясь къ Долгорукову). Князь, не хотите ли попробовать по-поламъ?

Князь Долгоруковъ слылъ большимъ обжорою.

9. Министерскаго.

Графъ Канкринъ. А по какимъ причинамъ хотите вы уволить отъ должности этого чиновника?

Директоръ Департамента. Да стóитъ, ваше сіятельство, только посмотрѣть на него, чтобы получить къ нему отвращеніе: длинный, сухой, неуклюжій Нѣмецъ, физіономія суровая, рябой...

Графъ Канкринъ. Ахъ, батюшка, да вы это мой портретъ рисуете! Пожалуй, вы и меня захотите отрѣшить отъ должности.

Ш. говоритъ кудревато, высокопарно и съ какою-то заведенною торжественностью. Въ началѣ 20-хъ годовъ толковали въ одномъ пріятельскомъ кружкѣ о какой-то правительственной мѣрѣ, которая была вопросомъ дня. Каждый выражалъ мнѣніе свое. Ш. вмѣшался въ разговоръ и сказалъ: „Если имѣлъ бы я высокую честь засѣдать въ Государственномъ Совѣтѣ, я позволилъ-бы себѣ сказать....“ — „Какую нибудь глупость“, перебилъ его и выстрѣлилъ въ него какъ изъ пистолета генералъ Бороздинъ.

Имя графа Александра Ивановича Остермана-Толстаго принадлежитъ военной лѣтописи царствованія императора Александра

Перваго, богатой многими блестящими именами. Почти всѣ они, болѣе или менѣе, вышли изъ военной школы, имѣвшей преподавателями своими Румянцова, Суворова, Реннина, Долгорукаго-Крымскаго. Въ числѣ своихъ знаменитыхъ сверстниковъ и сослуживцевъ графъ Остерманъ умѣлъ себя выказать. Рыцарское безстрашіе въ сраженіи, отвага, когда была она нужна, и неодолимая стойкость, когда дѣйствіе требовало упорно отстаивать оспариваемое мѣсто, были, по словамъ свѣдущихъ людей, отличительными принадлежностями военныхъ способностей его. Но здѣсь намъ дѣло не до воина. Въ далеко неполномъ очеркѣ мы хотимъ припомнить здѣсь отрывочныя черты, которыя могутъ дать понятіе объ этой замѣчательной и своеобразной личности; хотимъ передать впечатлѣнія, которыми врѣзалась она въ памяти нашей.

Графъ Остерманъ-Толстой былъ высокаго роста, худощавъ; смуглое лицо его освѣщалось выразительными глазами и добродушіемъ, которое пробивалось сквозь темный оттѣнокъ наружной холодности и даже суровости. Ядро, оторвавшее руку его до плеча, запечатлѣло внѣшній видъ его еще бо́льшимъ благородствомъ и величавостью. Что ни думай о войнѣ и о ужасахъ этого человѣческаго самоуправства, но раненые ветераны, эти живые памятники народныхъ событій, опаленные и раздробленные грозою, всегда поражаютъ зрителей почтительнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ. Нравственныя качества его, болѣе другихъ выступавшія, были прямодушіе, откровенность, благородство и глубоко-врѣзанное чувство Русской народности, впрочемъ, не враждебной иноплеменнымъ народностямъ. Тогда было время уживчивое. Враговъ знали только на полѣ битвы; въ мирное время люди не умудрялись, какъ-бы питать и поддерживать между-племенныя предубѣжденія и недоброжелательства. Воинское рыцарство имѣло въ графѣ Остерманѣ и нѣжный оттѣнокъ средневѣковаго рыцарства. Онъ всегда носилъ въ сердцѣ цвѣта возлюбленной госпожи своей (la dame de ses pensées). Правда, и цвѣта и госпожи по временамъ смѣнялись другими; но чувство, но сердечное служеніе оставались неизмѣнными посреди радужныхъ переливовъ и измѣненій. Это рыцарство, это кумиро-поклоненіе предъ образомъ любимой женщины было одною изъ отличительныхъ примѣтъ Русскаго или, по крайней мѣрѣ, Пе-

тербургскаго общества въ первые годы царствованія императора Александра. Оно придало этому обществу особый колоритъ вѣжливости и свѣтской утонченности. Были, разумѣется, и тогда матеріалисты въ любви, но много было и сердечныхъ идеалоговъ. Это былъ золотой вѣкъ для женщины и золотой вѣкъ для образованнаго общества. Женщина царствовала въ салонахъ не однимъ могуществомъ тѣлесной красоты, но еще болѣе тайнымъ очарованіемъ внутренней, такъ сказать, благоухающей прелести своей.

Нелединскій былъ первосвященнымъ жрецомъ этого платоническаго служенія. Остерманъ, въ свое время, былъ усерднымъ причастникомъ этого прихода. Говоря просто по-русски, онъ былъ сердечкинъ. Однимъ изъ предметовъ поклоненія и обожанія его была Варшавская красавица, княгиня Тереза Яблоновска, милое, свѣжее созданіе. Натура вообще, и Польская натура въ особенности, богато одѣлила ее своими привлекательными дарами. Польша много издержала, растратила силъ своихъ невоздержностью по части политической гигіены; но двѣ силы, если не политическія, то поэтическія, два неотъемлемыя сокровища, два побѣдоносныя орудія остались при ней, а именно, женщина и мазурка. У графа Остермана былъ прекрасный во весь ростъ портретъ княгини Терезы. Онъ всегда и всюду развозилъ его съ собой, и это дѣлалось посреди бѣла-дня общественнаго и не давало никакой поживы сплетнямъ злословія. Во первыхъ, графъ былъ уже не молодъ, и рыцарское служеніе его красотѣ было всѣмъ извѣстно; во-вторыхъ, княгиня принимала клятву его въ нѣжномъ подданствѣ съ признательностью, свойственною женщинамъ въ этихъ случаяхъ, но и съ спокойствіемъ привычки ко взиманію подобныхъ даней. Нужна еще одна краска для полноты картины. Замѣтимъ, что въ то время графъ былъ женатъ; но не слышно было, чтобы романическія похожденія его слишкомъ возмущали миръ домашняго его очага. Вотъ, впрочемъ, образчикъ супружескихъ отношеній его. Графиня была болѣзненнаго сложенія и пріѣхала однажды въ Парижъ искать облегченія у Французскихъ врачей. Мужъ былъ тогда въ Италіи; но, по непредвидимымъ сердечнымъ обстоятельствамъ, вынужденъ былъ и онъ пріѣхать въ Парижъ въ то самое время, какъ и графиня. Онъ скрывался въ отдаленной части города, подъ чужимъ именемъ

и въ своей потаенной засадѣ продолжалъ переписываться съ женою *изъ Италіи.*

Послѣ всего сказаннаго, не для чего прибавлять, что Остерманъ былъ великій оригиналъ, или чудакъ во всѣхъ дѣйствіяхъ и пріемахъ своихъ. Нѣкоторые боялись оригинальности его; многіе сочувствовали ей и любовались ею. Оригинальныя личности бываютъ и анекдотическія. Человѣкъ, за которымъ нельзя закрѣпить ни одного анекдота, есть человѣкъ пропадшій: это лицо безъ образа, по выраженію поэта. Онъ тонетъ въ толпѣ. Мы говорили, что Остерманъ разъѣзжалъ съ портретомъ красавицы. Иногда разъѣзжалъ онъ и съ другими предметами своей приверженности: позднѣе, когда командовалъ онъ корпусомъ, кажется гренадерскимъ, въ дорогѣ слѣдовали за нимъ два или три медвѣженка, которые имѣли свою особенную повозку и свои приборы за столомъ, когда графъ останавливался обѣдать на станціи. Можно представить себѣ переполохъ станціонныхъ смотрителей, когда графъ наѣзжалъ съ своими попутчиками.

Однажды явился къ нему по службѣ молодой офицеръ. Графъ спросилъ его о чемъ-то по-русски. Тотъ отвѣчалъ на Французскомъ языкѣ. Графъ вспылилъ и началъ выговаривать ему довольно жестко, какъ смѣетъ забываться онъ предъ старшимъ и отвѣчать ему по-французски, когда начальникъ обращается къ нему съ Русскою рѣчью. Запуганный юноша смущается, извиняется, оправдывается, но не преклоняетъ графа на милость. Наконецъ отпускаетъ онъ его; но офицеръ едва вышелъ за двери, графъ отворяетъ ихъ и говоритъ ему очень вѣжливо по-французски: „У меня танцуютъ по Пятницамъ; надѣюсь, что вы сдѣлаете мнѣ честь посѣщать мои вечеринки“.

Одинъ новопожалованный генералъ говорилъ безрукому герою: „А вамъ, графъ, должно быть страшно въ толпѣ; неравно, кто нибудь толкнетъ васъ, и вамъ будетъ больно“.—„Меня не толкнетъ“, отвѣчалъ онъ хладнокровно и сурово и тутъ же спиною обратился къ нему.

Графу понадобился кучеръ; на вызовъ явился къ нему парень видный собою съ хорошими рекомендаціями, съ окладистою рыжею бородою. „Охотно взялъ бы я тебя, сказалъ Остерманъ, но я ры-

жихъ терпѣть не могу“.—„Чѣмъ-же виноватъ я, говорилъ кучеръ, что я рыжимъ родился, и что-же мнѣ тутъ дѣлать?“ — „А идти къ генералу С**, который чернитъ себѣ волосы, продолжаетъ графъ, и попросить его научить тебя, какъ себя очерноволосить“. — Кучеръ, принимая буквально эти слова, отправляется къ помянутому генералу и докладываетъ ему: „Графъ Остерманъ приказалъ кланяться вашему превосходительству и пожаловать мнѣ рецептъ для крашенія волосъ“. Легко понять, какъ генералъ принялъ эту просьбу и досадовалъ на Остермана, подозрѣвая его въ умышленной насмѣшкѣ.

Съ царствованіемъ императора Александра кончилась, такъ сказать, и Русская жизнь графа Остермана. Съ этой поры онъ исчезаетъ для Россіи. Прискорбныя-ли недоразумѣнія, дѣйствительныя-ли непріятности по службѣ, или просто причудливость нрава его, рѣшить положительно не беремся; но какъ бы то ни было, что-то совратило его со стези и положенія, на которомъ занималъ онъ видное и почетное мѣсто. Говорили (но не всегда *говореному* можно безусловно вѣрить), что, въ противность обязанности своей и даже приличію, не явился онъ къ торжественному обряду, при которомъ долженъ былъ присутствовать по званію генералъ-адъютанта и какъ одинъ изъ старѣйшихъ и почетнѣйшихъ генераловъ Русской арміи. Говорили, что вмѣсто того, чтобы пріѣхать въ Москву въ назначенное время, онъ отправился въ Италію, „куда влекла его могущая любовь“. Если все это такъ, то разумѣется послѣдствія должны были нѣсколько неблагопріятно отразиться на высшія отношенія къ нему. Какъ-бы то ни было, и какія бы обстоятельства не оторвали его отъ Россіи, но съ того времени онъ въ ней уже не живалъ. Онъ много путешествовалъ, объѣздилъ, кажется, Востокъ, и только изрѣдка доходили о немъ до Отечества отдѣльные и смутные слухи. Когда праздновалась годовщина Кульмской битвы, императоръ Николай, желая видѣть на этомъ историческомъ празднествѣ Кульмскаго героя, повелѣлъ пригласить его къ назначенному торжеству. Но онъ, подъ разными предлогами, отказался отъ приглашенія. Не обращая вниманія на странность подобнаго поступка, но помня и признавая однѣ боевыя заслуги и блестящее участіе его въ знаменитомъ Кульмскомъ дѣлѣ, Государь прислалъ

ему знаки ордена Св. Андрея Первозваннаго: прекрасная черта и благородное, такъ сказать, отмщеніе за выходку довольно неприличную. Увѣряютъ, что пакетъ, заключавшій въ себѣ эти знаки отличія, остался у него до кончины нераспечатаннымъ.

Послѣдніе годы жизни своей провелъ Остерманъ въ Женевѣ или въ предмѣстіи города. Тутъ увидѣлся я съ нимъ, лѣтъ 20 и болѣе спустя послѣ прежнихъ свиданій нашихъ. „Что дѣлаете вы, графъ, въ Женевѣ?“ спросилъ я его. Je tourne le dos au Mont-blanc“, отвѣчалъ онъ (оборачиваюсь спиною къ Монблану). И въ самомъ дѣлѣ, кресло, на которомъ сидѣлъ онъ цѣлый день почти неподвижно, упиралось въ простѣнокъ между двухъ оконъ, изъ которыхъ былъ великолѣпный видъ на Бѣлую Гору. Онъ былъ уже утомленъ жизнью и дряхлъ, но память его была еще бодра и свѣжа. Впрочемъ и о памяти его можно сказать, что она остановилась на исторической страницѣ, которою замыкается царствованіе императора Александра Павловича; далѣе не шла она, какъ остановившіеся часы. Новѣйшія Русскія событія не возбуждали вниманія его. Онъ о нихъ и не говорилъ и не разспрашивалъ что дѣлается въ Россіи. Не слыхать было отъ него ни слова теплаго участія, ни слова сожалѣнія, ни слова укора. Какая ни была причина размолвки, если въ немъ не было христіанскаго смиренія и прощенія дѣйствительнымъ или мнимымъ оскорбленіямъ, то не было и тѣни злопамятства, по крайней мѣрѣ на словахъ. Онъ просто въ отношеніи къ Россіи заживо замеръ и похоронилъ себя во днѣ 19-го Ноября 1825 года.

Въ прежніе годы, рыцарь красоты, нынѣ принесъ онъ обѣтъ рыцарской вѣрности памяти Александра. Кабинетъ его въ Женевѣ былъ какъ-бы усыпальницею покойнаго Императора. Всѣ возможные портреты его, во всѣхъ видахъ и объемахъ, бюсты, статуетки, медали, все что́ только могло напоминать его, было развѣшено по стѣнамъ, разставлено на столахъ. Онъ былъ окруженъ этими воспоминаніями; онъ хранилъ ихъ съ нѣжнымъ благоговѣніемъ. Онъ жилъ въ нихъ и въ минувшемъ, которое они изображали. На столѣ его постоянно лежало собраніе стихотвореній Державина. „Вотъ моя Библія“, говорилъ онъ. Жаль, если Лажечниковъ, бывшій долгое время при немъ адъютантомъ, не собиралъ и не запи-

сывалъ по горячимъ слѣдамъ любопытныя проявленія этой своеобразной личности: она и вездѣ была бы на виду, а у насъ, при нѣкоторой блѣдности общаго колорита, она поражала яркостью красокъ своихъ и выпуклостью очертаній.

Мы пользовались пріязнью графа, но никогда не были съ нимъ въ короткихъ и постоянныхъ сношеніяхъ. Встрѣчались мы урывками, время отъ времени, и опять на долго разставались. А потому, сказанное здѣсь о немъ далеко не портретъ, развѣ легкій очеркъ; ближе знающіе его могутъ пополнить этотъ черновой набросокъ.

Мы упомянули выше о положеніи женщины въ началѣ нынѣшняго столѣтія и нѣсколько позднѣе. Въ Петербугскомъ, а частью и въ Московскомъ обществѣ женщина обладала силою и властью. Женщины на Западѣ завидовали ей и оплакивали свое лишеніе всѣхъ правъ состоянія. Это лишеніе было неминуемымъ слѣдствіемъ политическихъ, общественныхъ и нравственныхъ переворотовъ. Тьеръ выдумалъ аксіому, которою погубилъ монархію во Франціи: le roi règne et ne gouverne pas (король царствуетъ, а не управляетъ). На выворотъ этому опредѣленію, можно-бы сказать, что западная женщина, если иногда такъ или сякъ управляетъ, то уже не царствуетъ, а женщины любятъ царствовать. Женщины, синія чулочницы или красныя чулочницы, или женщины политическія, парламентарныя, департаментскія—какія-то выродки, перестающія быть женщиной и неспособныя быть мущиною. Нелединскій, Пушкинъ, Остерманъ не любили этихъ кунсткамерныхъ уклоненій отъ природнаго порядка. Нерѣдко слыхалъ я отъ свѣтскихъ дамъ за границею, что только у Русскихъ еще сохранилось поклоненіе женщинѣ (le culte de la femme). Однажды на балѣ въ Парижѣ разговаривалъ я съ дамою, которой только что былъ представленъ. Она сидѣла, а я стоялъ у кресла ея. Вблизи былъ стулъ, и стояло нѣсколько дамъ. Она предложила мнѣ взять стулъ и сѣсть для продолженія разговора. Я отказывался, говоря, что не сяду, когда при мнѣ дамы стульевъ не имѣютъ.—Сдѣлайте одолженіе, сказала она улыбаясь, бросьте ваши Петербургскія вѣжливости: здѣсь никто

ихъ не поймет.—Разумѣется, въ старину бывали женщины аристократическія и демократическія, женщины избранныя и женщины общедоступныя. Нерѣдко (нечего грѣха таить) тѣ-же платоническіе жрецы, пожалуй, можетъ быть, тотъ-же Нелединскій, тотъ-же Остерманъ, при чистомъ служеніи обожаемой Лаурѣ, совращались иногда съ цѣломудреннаго и свѣтлаго пути своего и спускались потаенно на битую и торную дорогу. Изысканія и разслѣдованія этихъ противорѣчій и противочувствій принадлежатъ психологіи, или просто мужской натурѣ. Не нужно забывать притомъ и эпоху, и современные ей нравы. Какъ бы то ни было, аристократическая женщина, то-есть аристократка не только по рожденію, но и по другимъ преимуществамъ, жила въ то время особнякомъ, опираясь на возвышенное подножіе, сидѣла на тронѣ посреди двора своего. Женское разночинство тайкомъ оспаривало иногда власть такой женщины, стараясь перенимать ея моды, пріемы, осанку; но все это было ничто иное, какъ внѣшнія попытки, а на дѣлѣ глубокая бездна отдѣляла однѣхъ отъ другихъ. Нынѣ перекинутъ мостъ чрезъ эту бездну, и на немъ сходятся и смѣшиваются порубежныя населенія, такъ что со стороны не скоро разглядишь, гдѣ кончается аристократическая, гдѣ начинается плебейская любовь.

Что ни говори, а Молчалины народъ въ литературѣ драгоцѣнный. Въ тетрадкахъ ихъ сохранилось многое, что́ безъ нихъ пропало-бы безъ вѣсти. Вотъ, напримѣръ, одна изъ подобныхъ находокъ. Стихи писаны давно, но по содержанію едва-ли не примѣнимы они ко многимъ эпохамъ:

Всѣхъ обращиковъ, всѣхъ красокъ
Онъ живой лоскутный рядъ:
Нѣтъ лица, но много масокъ,
Всюду взятыхъ на прокатъ.

—

Либералъ, чиновъ поклонникъ,
Чрезполосная душа,
Съ правымъ онъ его сторонникъ,
Съ лѣвымъ онъ и самъ лѣвша.

—

Въ трехъ строкахъ—его вся повѣсть:
И торгашъ, и арлекинъ,
На вѣсъ продаетъ онъ совѣсть,
Убѣжденья на аршинъ.

Старикъ Бенкендорфъ постоянно пользовался особеннымъ благоволеніемъ и, можно сказать, пріязнью Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны, что́ не всегда бываетъ при Дворѣ одновременно и совмѣстно: развновѣсіе дѣло трудное въ жизни, а въ придворной тѣмъ паче. Онъ расказывалъ барону Будбергу (бывшему послѣ Эстляндскимъ губернаторомъ, отъ котораго я это слышалъ) о забавномъ и затруднительномъ положеніи, въ которое онъ однажды попалъ въ Павловскомъ или Гатчинскомъ дворцѣ. Это было въ самый разгаръ платонической и рыцарской привязанности Павла Петровича къ фрейлинѣ Нелидовой. Бенкендорфъ нечаянно входитъ въ одинъ изъ покоевъ дворца и застаетъ Павла Петровича, сидящаго на диванѣ рядомъ съ Нелидовой. Предъ ними столикъ съ двумя свѣчами; въ глубинѣ комнаты догораетъ огонь въ каминѣ. Разговоръ слышится живой, но въ полъ-голоса. Третьему лицу тутъ мѣста нѣтъ: оставаться неловко, уйти неприлично. Бенкендорфъ въ недоумѣніи пересеменивается съ ноги на ногу. Въ рѣдкія секунды молчанія пытается онъ вставить какое нибудь малозначительное слово; но на попытки его отвѣта нѣтъ. Наконецъ Великій Князь говоритъ ему: Eh bien, monsieur de Benkendorff, vous ne vous occupez plus de politique?—Pourquoi pas, votre altesse, отвѣчаетъ онъ“. — „Voici sur la cheminée la dernière gazette de Hambourg, et vous n'en prenez pas connaissance? (какъ это, г-нъ Бенкендорфъ, вы политикою уже не занимаетесь?—Почему-же нѣтъ, ваше высочество. — Вонъ на каминѣ лежитъ послѣдній нумеръ Гамбургской газеты, а вы ея не читаете?) Бенкендорфъ обрадовался этому поводу къ честному отступленію. Онъ идетъ къ камину и при слабомъ мерцаніи догорающаго камина готовится углубиться въ чтеніе газеты. Что-же оказывается? Самой газеты нѣтъ, а есть одно прибавленіе къ ней съ объявленіями о разныхъ продажахъ, вызовѣ прислуги, отысканіи сбѣжавшей собаки и пр. Дѣлать нечего: надобно было предаться чтенію, и оно продолжалось около часа.

Этотъ случай наводитъ на два слѣдующіе разсказа.

Позднѣе, нѣжное вниманіе императора Павла было обращено на другую фрейлину, жившую во дворцѣ. Въ такъ называемомъ фрейлинскомъ коридорѣ Императоръ встрѣчаетъ однажды гвардейскаго офицера, помнится Каблукова, и говоритъ ему: „Милостивый государь, по этому коридору ходить одному изъ насъ, вамъ или мнѣ“.

Во время Суворовскаго похода въ Италію, Государь, въ присутствіи фрейлины княжны Лопухиной, читаетъ вслухъ реляцію, только что полученную съ театра войны. Въ сей реляціи упоминалось, между прочимъ, что князь Гагаринъ (Павелъ Гавриловичъ) раненъ; при этихъ словахъ Императоръ замѣчаетъ, что княжна Лопухина поблѣднѣла и совершенно измѣнилась въ лицѣ. Онъ на это не сказалъ ни слова, но въ тотъ-же день посылаетъ Суворову повелѣніе, чтобы князь Гагаринъ былъ немедленно отправленъ курьеромъ въ Петербургъ. Курьеръ пріѣзжаетъ. Государь принимаетъ его въ кабинетѣ своемъ, приказываетъ ему освободиться отъ шляпы, сажаетъ и разспрашиваетъ его о военныхъ дѣйствіяхъ. По окончаніи аудіенціи Гагаринъ идетъ за шляпою своею и на прежнемъ мѣстѣ находитъ генералъ-адъютанскую шляпу. Разумѣется, онъ не беретъ ея и продолжаетъ искать своей.

„Что вы, сударь, тамъ ищете?“ спрашиваетъ Государь. — Шляпы моей. — „Да вотъ ваша шляпа“, говоритъ онъ, указывая на ту, которою, по приказанію Государя, была замѣнена прежняя. Такимъ замысловатымъ образомъ князь Гагаринъ узналъ, что онъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Вскорѣ за тѣмъ была помолвка княжны и князя, а потомъ и свадьба ихъ.

Князь Гагаринъ не совсѣмъ чуждъ литературѣ нашей. Онъ писалъ Русскіе стихи, которые печаталъ Жуковскій, временный издатель Вѣстника Европы. Вѣроятно писалъ онъ и Французскіе стихи. На Французскомъ языкѣ была напечатана имъ брошюра о поѣздкѣ въ Финляндію, куда онъ, въ должности генералъ-адъютанта, провожалъ императора Александра Павловича.

Французскій поэтъ сказалъ:

La patrie est aux lieux où l'âme est enchainée *). Шутникъ

*) Отечество тамъ, гдѣ душа закрѣпощена.

замѣтилъ, что если такъ, то Россія есть отечество по преимуществу, что въ ней встрѣчаются души и крѣпостныя, и заложенныя. Шутка эта, по счастью, выдохлась, откупоренная положеніемъ 19-го февраля. (Примѣчаніе переписчика).

Вотъ портретъ изъ старинной картинной галлереи:

Онъ весь приглаженъ, весь прилизанъ,
Съ иголки умъ его и фракъ;
И фракъ крестами весь унизанъ,
И умъ подъ канцелярскій лакъ.

—

Онъ чопоренъ, онъ накрахмаленъ,
На разговоръ онъ тупъ и скупъ,
И глупо онъ офиціаленъ,
И то-жъ официально глупъ.

Выше, говоря о нашихъ критикахъ, привели мы стихъ: „Живетъ онъ въ Чухломѣ, а пишетъ о Парижѣ“. Про иного можно сказать: если не о Парижѣ, такъ о Петербургѣ. Иной авторъ, романистъ, публицистъ, пишетъ, пожалуй, на Мойкѣ, или на Фонтанкѣ, а такъ и сдается, что на статьѣ его красуется Чухломскій почтовый штемпель. Провинціализмъ сильно одолѣваетъ литературу нашу. Этого прежде не было. Авторы, съ непривычки и незнакомые со средою, въ которой они очутились, смотрятъ на все, на людей и на вещи, глазами мутными и напуганными: точно провинціалъ, изъ глуши своей перенесенный въ блестящій столичный салонъ. У него рябитъ въ глазахъ и въ головѣ. Скромный, благоразумный провинціалъ цѣломудренно сидитъ себѣ и молчитъ, или отвѣчаетъ на вопросы о уѣздѣ своемъ, который онъ хорошо знаетъ; но провинціалъ удалой, провинціалъ-сорванецъ, хотя и сидитъ на стулѣ развязно, скрестя ногу на ногу, какъ подобаетъ фешьонабельному джентельмену, но нагло вмѣшавшись въ разговоръ, вдругъ брякнетъ такое слово, что всѣхъ съ ногъ сшибаетъ, или уморитъ со смѣху. Мы не желаемъ оскорбить провинціаловъ; охотно соглашаемся, что многіе изъ нихъ люди добропорядочные, разсудительные, что иногда даже отъ нихъ многому и научиться можно; но провинціалъ оставайся въ провинціи и не залетай въ

высокіе хоромы. Писатель, не знающій аза въ глаза изъ той свѣтской или политической грамоты, которую онъ берется толковать, можетъ, по своей самонадѣянности и самоувѣренности, только раздосадовать или разсмѣшить другихъ своими провинціальными промахами.

Есть еще одно слабое и больное мѣсто въ литературѣ нашей. Творенія прежнихъ писателей отзывались болѣе или менѣе личностью ихъ; слогъ ихъ было чистое зеркало, которое отражало ихъ самихъ внѣшне и внутренно. Нынѣ слогъ причисляется къ какимъ-то предубѣжденіямъ и слабоуміямъ упорной старины. Хотятъ-ли порицать сочиненіе, по какимъ-нибудь поводамъ не соотвѣтственное понятіямъ и направленіямъ критиковъ, не находятъ болѣе оскорбительнаго, болѣе убійственнаго приговора, какъ слѣдующій: сочиненіе писано Карамзинскимъ слогомъ. Вотъ до чего утрачены всякое чувство изящнаго, вкусъ и всякое художественное пониманіе письменнаго искусства. А между тѣмъ, искусство существуетъ. Дарованія, призванныя оставить по себѣ слѣдъ въ исторіи литературы, будутъ изучать это искусство въ твореніяхъ Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина. Они ознакомятся съ ними, пропитаются ими. У каждаго будетъ свой складъ, своя, такъ сказать, физіономія; каждый внесетъ въ общее дѣло долю личности своей, не будетъ рабскимъ сколкомъ, а останется самимъ собой и только далѣе и глубже разработаетъ поле, перешедшее ему въ наслѣдство. Но все же эти лица сохранятъ черты сродства съ образцами своими, будутъ члены одной избранной семьи, сыновья и внуки знаменитыхъ предковъ. И теперь можетъ быть сыщется родственное сходство между многими членами живого поколѣнія; но дѣло въ томъ, что это сходство часто *безобразное;* безобразное въ томъ и другомъ смыслѣ: безобразное, потому, что оно какъ-то неблаговидно, нескладно, или потому, что тутъ нѣтъ никакого образа вполнѣ и рѣзко отчеканеннаго. Часто, что̀ одного автора прочесть, что̀ другого, все равно: всѣ они подстрижены подъ одну гребенку, какъ солдаты одного полка, всѣ одѣты въ одну амуницію, носятъ на груди своей одну и ту же бляху, какъ артельщики одной артели, какъ цеховые одного цеха. Рѣчь вездѣ условная, стереотипная; нѣтъ живого слова, свободно бьющаго изъ живой

груди, какъ свѣжая струя изъ обильнаго родника. Каждый черпаетъ въ свой маленькій сосудецъ воду, уже накаченную изъ уличнаго колодезя; вездѣ раздается однозвучное *слушай* часового, который стоитъ на одномъ мѣстѣ; вездѣ переходитъ изъ устъ въ уста, изъ подъ пера подъ перо, тотъ же *пароль*, обязательно присвоенный въ томъ или другомъ лагерѣ; вездѣ торчитъ и рѣдко развѣвается лоскутокъ хоругви того или другого ополченія. И все это, со всѣмъ тѣмъ, не ратники, не мужественные воины: бойцовъ, въ истинномъ значеніи слова, нѣтъ; а есть одни знаменосцы, полковые барабанщики, флейщики, насвистывающіе все одинъ и тотъ же маршъ: Malbrough s'en va-t'en guerre, Ne sait quand reviendra.

Пушкинъ забавно разсказывалъ слѣдующій анекдотъ. Гдѣ-то шла рѣчь объ одномъ событіи, ознаменовавшемъ начало нынѣшняго столѣтія. Каждый вносилъ свое свѣдѣніе. Да чего лучше, сказалъ одинъ изъ присутствующихъ, академикъ ** (который также былъ на лицо) современникъ той эпохи и жилъ въ томъ городѣ. Спросимъ его, какъ это все происходило. И вотъ академикъ ** начинаетъ свой разсказъ: „Я уже легъ въ постель, и вскорѣ пополуночи будетъ меня сторожъ и говоритъ: извольте надѣвать мундиръ и идти къ президенту, который прислалъ за вами. Я думаю себѣ: что́ за притча такая, но одѣлся и пошелъ къ президенту; а тамъ уже пуншъ“. Пушкинъ говорилъ: „Разсказчикъ далѣе не шелъ; такъ и видно было, что онъ тутъ же сѣлъ за столъ и началъ пить пуншъ. Это значитъ имѣть свой взглядъ на исторію“.

Дмитріевъ гулялъ по Кремлю въ мартѣ мѣсяцѣ 1801 г. Видитъ онъ необыкновенное движеніе на площади и спрашиваетъ стараго солдата, что́ это значитъ? „Да съѣзжаются, говоритъ онъ, присягать Государю“. — Какъ присягать и какому Государю? — „Новому“: — Что́ ты, рехнулся-ли? — „Да императору Александру“. Какому Александру? спрашиваетъ Дмитріевъ, все болѣе и болѣе удивленный и испуганный словами солдата. — „Да Александру Македонскому что-ли!“ отвѣчаетъ солдатъ. (Слышано отъ Дмитріева).

„Отъ высокаго до смѣшного только шагъ одинъ“, сказалъ Наполеонъ, улепетывая изъ Россіи въ жидовскихъ саняхъ. Впрочемъ, Наполеонъ въ эту минуту былъ не столько смѣшонъ, сколько жалокъ; жалокъ по человѣческому чувству сердоболія и состраданія къ бѣдствію ближняго; жалокъ и съ точки философическаго воззрѣнія, суда и осужденія. Какъ могъ человѣкъ съ подобными способностями, частью геніальными, какъ могъ онъ съ такой высоты слетѣть, провалиться стремглавъ въ подобную низменность. Какой историческій и назидательный урокъ! Впрочемъ, если исторія многому учитъ, то она никого не научаетъ. Но здѣсь рѣчь не о Наполеонѣ. Мы только натолкнулись на него по поводу оставленнаго имъ изреченія, которое, въ виду слѣдующаго разсказа, хотѣли мы вотъ какъ перефразировать: отъ смѣшного до трагическаго только шагъ одинъ. Нашъ разсказъ можно бы озаглавить *простая исторія*, и къ сожалѣнію очень обыкновенная исторія.

Во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ былъ въ Москвѣ молодой человѣкъ, сынъ благородныхъ родителей, ни за собою, ни предъ собою ничего не имѣющій. Получилъ онъ образованіе, кажется, въ Московскомъ университетѣ. По окончаніи учебнаго курса поступилъ онъ на службу въ канцелярію одного изъ Московскихъ департаментовъ Сената. Жалованье, разумѣется, было скудное; пропитываться имъ и содержать себя нѣсколько не только прилично, но сносно, было невозможно. Для подмоги себѣ началъ онъ давать уроки дѣтямъ въ частныхъ домахъ по части русскаго языка, географіи, исторіи и рисованія, какъ водится по общепринятой программѣ домашняго обученія. Дѣла его пошли изрядно. Онъ не вдавался въ умствованія, въ нововведенія; да и время было еще не такое. Онъ шелъ и велъ учениковъ по извѣстной колеѣ. Онъ былъ скроменъ, кротокъ, вѣжливъ, прилеженъ, добросовѣстенъ въ исполненіи педагогическихъ занятій своихъ. Ученики полюбили его, родители были къ нему благосклонны и внимательны. Пожалуй, онъ маленько смахивалъ на Молчалина, но вращался въ другой средѣ, которая была образованнѣе и чище; а потому и самъ былъ онъ благоприличнѣе и чище: по собственному-ли влеченію, или по счастливой случайности, онъ не попадалъ въ домъ какого-нибудь Фамусова, ни въ руки какой-нибудь Софьи Павловны. Онъ также

долго былъ *умѣренъ* и *акуратенъ*, но никогда не бывалъ приписнымъ нахлѣбникомъ и приживалкою. Въ строевомъ порядкѣ общежитія занималъ онъ если не блестящее, то безукоризненное и честное мѣсто. Обстоятельства перенесли его изъ Москвы въ Петербургъ. Для людей подобныхъ свойствъ, подобнаго темперамента, климатъ Москвы благопріятнѣе и здоровѣе Петербургскаго. Но впрочемъ и здѣсь продолжалъ онъ свои занятія. Кругъ ихъ даже расширился и на нѣсколько градусовъ поднялся. Онъ былъ принятъ и вхожъ въ нѣкоторые дома, принадлежащіе избранному обществу. Къ учительскимъ упражненіямъ имѣлъ онъ случай прибавить и полу-литтературныя, напримѣръ Д. П. Бутурлинъ, болѣе привыкшій къ письменнымъ занятіямъ на Французскомъ языкѣ, нежели на Русскомъ, давалъ ему на граматическое и на синтаксическое исправленіе рукопись своей Исторіи Смутнаго Времени. Разумѣется, всѣ эти труды были прилично вознаграждаемы. *Умѣренное* и *акуратное* (чего же болѣе?) счастіе улыбалось ему. Онъ даже имѣлъ нѣкоторые свѣтскіе успѣхи. Въ одинъ изъ домовъ, въ которомъ былъ онъ домашнимъ, ѣзжали нерѣдко блестящія придворныя фрейлины того времени. Имъ съ непривычки полюбилась его нѣсколько-простодушная провинціальность. На танцовальныхъ вечеринкахъ онѣ даже избирали его себѣ въ кавалеры. Онъ танцовалъ хорошо и ловко, одѣвался всегда прилично и съ примѣтнымъ притязаніемъ на щегольство. Однимъ словомъ, Молчалинъ Петербургскаго изданія, очищеннаго и исправленнаго, новичекъ въ окружающей его свѣтской средѣ, былъ лицо довольно своеобразное, не только терпимое, но вообще и сочувственное. Веселія и пріятности жизни шли своею чередою, но не забывалась, не пренебрегалась и польза. Онъ ежегодно откладывалъ часть своихъ трудовыхъ доходовъ. Составился маленькій капиталъ, и онъ пустилъ его въ ростъ по знакомымъ и пріятельскимъ рукамъ. И тутъ удавалось ему его невинное ростовщичье ремесло. Но вотъ пришелъ и черный день. Большую часть капитала своего ввѣрилъ онъ однажды за проценты человѣку близко ему знакомому и, повидимому, совершенно благонадежному. Не знаю, какъ, но этотъ человѣкъ со временемъ оказался несостоятельнымъ. Деньги, нажитыя трудомъ, плодъ пота и крови его, безвозвратно пропали. Нашъ капиталистъ пришелъ

въ мрачное и свирѣпое отчаяніе. Молчалинъ обратился въ бѣшенаго Гарпагона, лишившагося своей драгоцѣнной шкатулки. Онъ возненавидѣлъ человѣчество. Не разъ смѣшилъ онъ насъ проклинаніями своими. Въ пламенныхъ порывахъ неистоваго краснорѣчія говорилъ онъ: „Нѣтъ, теперь дѣло кончено: приди ко мнѣ все человѣчество и валяйся у меня въ ногахъ, умоляй дать ему пять рублей въ займы, не дамъ“. На эту тему разыгрывалъ онъ непрестанно новыя и новыя заклинанія и импровизаціи. Хотя намъ было его и жаль, но изступленныя и вмѣстѣ съ тѣмъ комическія выходки его забавляли насъ. А вотъ здѣсь смѣхъ переходитъ въ трагедію. Нѣсколько времени не видали мы его и полагали, что онъ ходитъ по судамъ и пытается возвратить себѣ тяжебнымъ и законнымъ путемъ свои утраченныя деньги. Что же оказалось? До того времени благонравный и трезвый, запершя онъ въ комнатѣ своей и запилъ. Не долго послѣ того умеръ онъ отъ запоя, этого медленнаго и унизительнаго Русскаго самоубійства.

Если хорошенько пошарить въ темныхъ углахъ нашей общественной жизни, то наткнешься не на одну подобную этой обыкновенную исторію и драму домашнюю. Не просится-ли и она въ составъ замышленной нами Россіяды?

Талейранъ, хорошо знающій своихъ соотечественниковъ, говоритъ: Ne vous y trompez pas: Les Français ont été à Moscou; mais gardez-vous bien de croire que les Russes soient jamais venus à Paris (не ошибайтесь: Французы были въ Москвѣ, но Русскіе никогда не вступали въ Парижъ). Другими словами, но въ этомъ-же смыслѣ и духѣ писаны многія Французскія военныя исторіи, особенно же пресловутая книга Тьера.

Въ старой тетради, сборникѣ Русскаго хроникера, отыскалась слѣдующая нагробная надпись:

On le connut fort peu, lui ne connut personne.
Actif, toujours pressé, bouillant, impérieux,
Aimable, séduisan même sous la couronne,
Voulant gouverner seul, tout voir, tout faire mieux,
Il fit beaucoup d'ingrats et mourut malheureux.

(Его знали слишкомъ мало: онъ никого не зналъ. Дѣятельный, всегда торопливый, вспыльчивый, повелительный, любезный, обольстительный даже подъ цар-

скимъ вѣнцомъ, онъ хотѣлъ править одинъ, все видѣть, все дѣлать лучше; онъ породилъ много неблагодарныхъ и умеръ несчастливымъ).

Пріѣзжій изъ Италіи разсказывалъ слѣдующее. Въ какомъ-то казино, что у насъ называется клубомъ, слышитъ онъ Русскія слова, напѣваемыя на итальянскіе мотивы изъ оперъ тогда наиболѣе въ ходу на сценѣ. Подходитъ онъ къ столу, за которымъ сидѣли и играли въ карты Русскіе и одинъ Итальянецъ. Любезные наши земляки мурлыкали и ворковали между собою: поди въ черви, поди въ бубноваго короля, и такъ далѣе, на голосъ i tanti palpiti или: il piu triste de mortali. Добродушный Итальянецъ удивлялся музыкальнымъ способностямъ Русскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и тому, что онъ все проигрываетъ.

Въ одномъ изъ городовъ Италіи, ради какого-то ночнаго безпорядка сдѣлано было полиціею распоряженіе, чтобы позднѣе извѣстнаго часа никто не выходилъ на улицу иначе, какъ съ зажженнымъ фонаремъ. Находящійся тогда въ томъ городѣ нашъ молодой Сенъ-При, отличный каррикатуристъ, котораго карандашъ воспѣтъ Пушкинымъ въ Онѣгинѣ, росписалъ свой фонарь забавными, но схожими изображеніями городскихъ властей. Само-собою разумѣется, что онъ съ фонаремъ своимъ прогуливался по всѣмъ улицамъ наиболѣе люднымъ.

Этотъ молодой человѣкъ, веселый и затѣйливый проказникъ, вскорѣ затѣмъ, въ той-же Италіи, застрѣлилъ себя неизвѣстно по какой причинѣ и, помнится, ночью на Свѣтлое Воскресеніе. Утромъ нашли трупъ его на полу, плавающій въ крови. Вѣрная собака его облизывала рану его. Онъ былъ сынъ графа Сенъ-При, Французскаго эмигранта, братъ котораго съ честью вписалъ свое Французское имя въ лѣтописи Русскаго войска въ ряду лучшихъ генераловъ нашихъ. Мать его, урожденная княжна Голицына, была родная сестра графини Толстой и графини Остерманъ. Отецъ, вѣроятно при герцогѣ де-Ришелье, былъ губернаторомъ въ южной Россіи; онъ былъ человѣкъ образованный, уважаемый и любимый

въ Русскомъ обществѣ. Онъ довольно свободно и правильно говорилъ по-русски. Онъ въ Россіи принадлежалъ административной школѣ герцога де-Ришелье, бывшаго долгое время Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ; Одесса въ особенности много была обязана ему процвѣтаніемъ своимъ. Эта школа, хотя и подъ Французскою фирмою, оставила по себѣ въ Россіи хорошіе и не совсѣмъ безплодные слѣды.

Другой сынъ бывшаго Подольскаго губернатора, графъ Алексѣй, принадлежалъ болѣе Франціи, нежели Россіи, хотя по матери былъ онъ полу-русскій уроженецъ. Природа и судьба какъ будто хотѣли означить это происхожденіе: онъ родился въ Петербургѣ 1805, а умеръ въ Москвѣ 1851 года. Онъ былъ перомъ Франціи, въ царствованіе Филиппа, и членомъ Французской Академіи. Служебная дѣятельность его развилась преимущественно на дипломатическомъ поприщѣ, на которомъ занималъ онъ посланническія должности въ Бразиліи, Португаліи, Даніи. Сверхъ того, извѣстенъ онъ многими историческими и политическими сочиненіями, заслуживающими вниманія и уваженія читателей. Въ нашей литературѣ стóитъ упомянуть о немъ, по содѣйствію его во Французскомъ драматическомъ сборникѣ, появившемся въ Парижѣ подъ названіемъ: Иностранный Театръ. Въ этомъ сборникѣ напечатанъ переводъ, имъ сдѣланный, одного или двухъ русскихъ драматическихъ произведеній. Сестра его была замужемъ за княземъ В. А. Долгоруковымъ. Она извѣстна была въ Петербургскомъ обществѣ умомъ своимъ и привѣтливымъ, хотя нѣсколько страннымъ и отличающимся независимостью характеромъ.

Молодой и несчастный Сенъ-При, съ котораго начали мы рѣчь свою, добылъ себѣ мѣсто въ нашей общественной лѣтописи по своимъ остроумнымъ каррикатурамъ. Замѣчательно, что талантъ его по живописи или рисовкѣ былъ въ немъ нѣкотораго рода наслѣдственный: братъ матери его, извѣстный подъ именемъ князя Егора (Голицына), также въ концѣ минувшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, славился своими забавными и удачными каррикатурами. Въ молодую пору сердечныхъ похожденій своихъ Карамзинъ встрѣтилъ въ немъ счастливаго соперника. Не смотря на свою безобидчивость и свое мягкосердечіе, Карамзинъ, въ одной изъ

своихъ повѣстей, отплатилъ ему за это нѣкоторыми штрихами и своего карандаша.

Мы остановились на семействѣ Сенъ-При, потому что намъ пріятно связать нѣкоторыя наши родныя и общественныя преданія съ преданіями иноплеменными. Но многіе хотѣли бы поставить Русскаго какимъ-то особнякомъ, какимъ-то образцовымъ, пробнымъ членомъ (specimen) въ Европейской семьѣ, на удивленіе и поклоненіе человѣчеству и потомству. Они мысленно и всѣми желаніями сердца ограждаютъ себя отъ чуждаго прикосновенія и повѣтрія, если не совсѣмъ стѣною желтой столицы, то по крайней мѣрѣ Кремлевскою стѣною Московскаго Китай-города. Мы, напротивъ, любимъ отыскивать въ стѣнахъ ворота, черезъ которые, но съ узаконеннымъ видомъ, есть свободный пропускъ изъ города и въ городъ, на основаніи порубежныхъ порядковъ. Мы и сами рады въ гости ходить, да рады и гостямъ.

1.

B. Угадать не могу, кого X. хотѣлъ задѣть въ послѣднемъ своемъ фельетонѣ.

N. N. И я толку не добьюсь: но во всякомъ случаѣ и окончательно задѣлъ онъ самого себя. Онъ въ полемикѣ своей похожъ на бойца, который, въ поединкѣ на шпагахъ, ранитъ ли противника своего, это еще бабушка на-двое ворожила, а что себя, по неловкости, шпагою своею какъ-нибудь и гдѣ-нибудь да приколетъ до крови — это несомнѣнно.

2.

Два пріятеля послѣ долгой разлуки.

Первый. Да, любезнѣйшій; много на вѣку своемъ пришлось мнѣ видѣть и много вынести. Посмотри, какова шея моя! Что ты на это скажешь?

Другой. Что же, ты эти раны получилъ на войнѣ, или на поединкѣ?

Первый. Нѣтъ, отъ золотухи.

3.

Сотрудникъ одного изъ журналовъ. Что ни говорите, а равнодушіе окраинъ нашихъ, т.-е. Остзейцевъ и Поляковъ къ литературѣ нашей не можетъ и не должно быть терпимо.

N. N. Ага! Вы хотѣли бы расширить рынокъ на свой товаръ и умножить число потребителей своихъ. Да, понимаю: это желаніе довольно натуральное.

Сотрудникъ. Нѣтъ, здѣсь не личный разсчетъ, а указаніе на обязанность противодѣйствовать враждебному чувству къ Россіи.

N. N. Что же дѣлать, если Польская образованность и читающая Нѣмецкая публика предпочитаютъ чтеніе своихъ природныхъ книгъ, или Французскихъ и Англійскихъ, чтенію Русскихъ!

Сотрудникъ. Нужно дѣятельнѣе и упорнѣе водворять Русскій языкъ въ этихъ областяхъ грамотнаго отщепенства.

N. N. Но правительство, въ объемѣ своихъ официальныхъ потребностей, это и дѣлаетъ: оно настаиваетъ на томъ, чтобы официальный языкъ въ этихъ областяхъ былъ Русскій. Нельзя же требовать отъ центральнаго правительства, чтобы оно вело дѣла государства на разнородныхъ языкахъ. Говори, пой, молись каждый у собя дома на своемъ родительскомъ и наслѣдственномъ нарѣчіи; но когда имѣешь дѣло до государства, то потрудись, для своихъ же собственныхъ выгодъ, выучиться языку, на которомъ говоритъ, судитъ, обнародываетъ свои законы и постановленія то государство, къ которому ты политически принадлежишь.

Сотрудникъ. Этого мало. Вы довольствуетесь какими-то служебными и дисциплинарными обязанностями; мы требуемъ нравственнаго преобразованія, пересозданія.

N. N. Да, вы хотѣли бы, чтобы къ каждому Поляку и Нѣмцу была, какъ въ *Урокъ Дочкамъ*, приставлена няня Василиса, которая каждому изъ нихъ твердила бы безпрестанно: „Извольте радоваться по-русски, извольте горевать и гнѣваться по-русски, извольте читать по-русски, извольте забавляться по-русски и переводить для вашихъ сценъ Русскія комедіи и драмы“.

Сотрудникъ. Кстати о театрѣ. Въ одномъ Петербургскомъ журналѣ было замѣчено съ справедливымъ негодованіемъ, что напри-

мѣръ въ Ригѣ ничего не знаютъ о Гоголѣ и не даютъ Ревизора на Рижскомъ театрѣ. Что вы скажете на это?

N. N. Скажу, что съ своей стороны я очень благодаренъ Нѣмецкому театральному директору, что онъ не знакомитъ съ Рижскими бюргерами Гоголевскаго Ревизора. Ревизоръ — домашняя Русская комедія и должна дома оставаться. Извѣстны Французская и Русская поговорки: черное бѣлье должно мыть семейно, и сора изъ избы не выносить. Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ приглашать посторонних, встрѣчныхъ и поперечныхъ, къ подобнымъ домашнимъ очищеніямъ и съ какимъ-то самодовольствомъ говорить имъ: „Посмотрите и полюбуйтесь, какъ много у насъ грязнаго бѣлья и какъ много всякаго хлама и сора въ нашей избѣ“.—Разскажу вамъ по этому поводу случай, котораго я былъ свидѣтелемъ. Кажется въ 50-хъ годахъ пріѣхалъ въ Карлсбадъ одинъ изъ нашихъ Нѣмецко-русскихъ или Русско-нѣмецкихъ литераторовъ. Онъ привезъ съ собою Нѣмецкій переводъ Ревизора и хотѣлъ ознакомить съ нимъ Нѣмцевъ на публичномъ чтеніи. Онъ просилъ содѣйствія моего для раздачи билетовъ. Я отвѣчалъ ему, что Русскимъ раздамъ по возможности нѣсколько билетовъ, но вовсе не желаю привлекать иностранцевъ на это чтеніе. По заведенному порядку, рукопись должна была быть представлена на предварительный просмотръ комиссару водъ. Этотъ, по прочтеніи, возвратилъ ее переводчику при слѣдующихъ словахъ: „Какъ могли вы думать, что будетъ вамъ разрѣшено публичное чтеніе подобнаго пасквиля на Россію? Вы вѣроятно забыли, что Австрія находится въ дружественныхъ соотношеніяхъ съ Россіею, и изъ однихъ правилъ приличія и международной вѣжливости я не могу допустить нарушенія этихъ правилъ“. И скажу вамъ откровенно, по мнѣ, комиссаръ былъ правъ. Гоголь, пожалуй, и не писалъ пасквиля; но хорошо, что комедія его показалась пасквилемъ иностранцу, и горе намъ, если бы онъ призналъ въ ней картину дѣйствительности. Нѣтъ, оставимъ Ревизора на народныхъ нашихъ сценахъ. Проницательность публики, любуясь художествомъ автора, будетъ умѣть отдѣлять въ немъ что́ есть истина и что́ плодъ разыгравшейся фантазіи и веселости автора. Признаюсь, я до вашей искусственной и журнальной руссификаціи не охотникъ. Вы метите въ цѣль, и попадаете въ дру-

гую, ей совершенно противную. Того и гляди, вы будете ставить въ вину окраинамъ нашимъ, что у нихъ растутъ тополи и каштановыя деревья и для вящшаго однообразія захотите приневолить ихъ разсаживать у себя поболѣе ельника и ветлы.

N. N. говоритъ, что руссификація на бумагѣ, о которой разглашаютъ и витійствуютъ наши журнальные бумагопотребители или истребители— дѣло очень легкое, но едва ли благонадежное. Герценъ говорилъ, и писалъ, и печаталъ по-русски; но мыслилъ-ли онъ и чувствовалъ-ли по-русски?

Императоръ Александръ Павловичъ говорилъ царскосельскому садовнику: „Гдѣ увидишь протоптанную тропинку, тамъ смѣло прокладывай дорожку: это указаніе, что есть потребность въ ней". Въ садоводственномъ правилѣ Государя можно отыскать и правило политической экономіи и вообще государственнаго домостроительства. Во всякомъ случаѣ это садовое указаніе — признакъ ума свѣтлаго и либеральнаго. Есть садоводство самовластительное, есть и садоводство либеральное. Деревья, подъ куполъ и подъ пирамиду стриженныя, прямыя, регулярныя аллеи, въ струнку вытянутыя, всѣ эти насильственнымъ искусствомъ изувѣченныя созданія природы, которыми знаменитый Ленотръ прославилъ себя и французскіе сады, носятъ отпечатокъ великолѣпнаго и величаваго самовластительства Людовика XIV-го: онъ и въ природу хотѣлъ ввести официальный свой порядокъ и подчинить ее придворному этикету; для него и природа была вспомогательнымъ заведеніемъ (succursale) двора его. Въ свободѣ, въ своенравномъ разнообразіи англійскихъ садовъ отзывается англійская независимость: деревья, на волѣ растущія, какъ и человѣческая личность, пользуются охранительнымъ закономъ habeas corpus.

Досужіе языки, Богъ вѣсть съ чего, прочили кого-то въ министры. C'est un homme de bois, il est vrai, сказалъ NN, mais il n'est pas du bois dont on fait les ministres. (Онъ деревянный, это правда; но не того дерева, изъ коего дѣлаются министры).

Недостатокъ прежней нашей литературы заключается, можетъ быть, въ томъ, что писатели не договаривали, не вполнѣ высказывали себя: они не давали или иногда не могли давать читателямъ все, что́ было у нихъ на умѣ. Недостатокъ литературы настоящей есть излишество́ ея: вообще писатели наши выдаютъ болѣе, чѣмъ выдерживаетъ ихъ умъ. Чувствуется, что у прежнихъ еще оставалось что-то въ запасѣ и на днѣ; проницательный читатель угадываетъ это что-то и дополняетъ написанное мысленнымъ междустрочнымъ чтеніемъ. Въ отношеніи къ новымъ видишь, что хотя они сказали много, но послѣ сказаннаго ничего дома не остается. Заемныя письма выданы, а капитала для уплаты по нимъ нѣтъ.

Отъ слова *заговоръ* вышло слово *заговорщикъ*. Почему же отъ слова *разговоръ* не вывести слова *разговорщикъ* (causeur)? *Говорунъ*— не то; *собесѣдникъ* — какъ-то неумѣстно-важно.

N. N. говоритъ, что жизнь слишкомъ коротка, чтобы имѣть дѣло до X** или завести съ нимъ разговоръ. Нуженъ, иной разъ, битый часъ, чтобы растолковать ему то, что́ другой пойметъ въ двѣ минуты. У него слишкомъ медленное и тугое пищевареніе головы.

У насъ изумительный и неимовѣрный расходъ на геніевъ. Они вездѣ рѣдки, но у насъ пекутся они какъ блины или ассигнаціи, или ростутъ какъ грибы подъ чернильнымъ дождемъ. Кто-то въ старину написалъ шуточное стихотвореніе: Русскій Парнасъ съ разными подраздѣленіями. Объ одномъ изъ этихъ отдѣленій сказано:

«Гдѣ геніевъ нѣтъ первоклассныхъ,
А только просто хороши».

Теперь мы уже не довольствуемся *хорошими геніями*, а трѐбуемъ, и поставляютъ намъ, даже свыше требованій нашихъ, все геніевъ первоклассныхъ. Оно, пожалуй, пріятно и лестно; но то худо, что оно сбиваетъ понятія, роняетъ цѣну на истинныя даро-

ванія и придаетъ славѣ какую-то пошлость. Народный Пантеонъ преобразовывается въ человѣколюбивый домъ дешевыхъ квартиръ.

Кто напишетъ у насъ оперу, картину, драму съ несомнѣнными признаками дарованія, тотъ уже не въ примѣръ другимъ или, напротивъ, очень въ примѣръ другимъ, сейчасъ производится въ геніи и сажается на голову всѣмъ знаменитымъ европейскимъ музыкальнымъ композиторамъ, живописцамъ, драматическимъ писателямъ. Воля ваша, это просто невѣжество. Это значитъ: знай нашихъ!

Любовь къ Отечеству и народная гордость сами по себѣ дѣло прекрасное, но нужно умѣть примѣнять ихъ къ дѣйствительности. Знаменитая Француженка Ролланъ, восходя на революціонный эшафотъ, сказала: „О свобода, сколько преступленій совершается во имя твое!“ Понизивъ діапазонъ, можно бы сказать въ свою очередь: „О патріотизмъ (или, пожалуй, о отечестволюбіе, если у кого хватитъ духу выговорить это слово), сколько глупостей, безтолковщины высказывается, пишется и дѣлается подъ твоей благородной фирмой!“

Можно имѣть нѣкоторыя свойства *геніальности*, но еще не быть геніемъ. Геній есть что-то цѣльное, державное, всемогущее. Мы уже замѣтили, что геніи вездѣ рѣдки. У насъ, по многимъ причинамъ, они еще рѣже. Геній у насъ, можетъ быть, и былъ одинъ — Петръ I-й. Несмотря на слабости и погрѣшности свои, еще болѣе свойственныя времени его, чѣмъ его личности, онъ совершилъ подвигъ геніальный. Вполнѣ ли хорошо, или частью пополамъ съ грѣхомъ, совершилъ онъ его, это другой вопросъ; но отрицать никому нельзя, что онъ былъ запечатлѣнъ могучимъ геніемъ и духомъ преобразованія. Ломоносовъ былъ болѣе геніаленъ, нежели геній: въ немъ было мало творчества; онъ не былъ геніемъ-создателемъ, а развѣ геніемъ-путеводителемъ, указателемъ, Моисеемъ къ обѣтованной землѣ. Какъ другой Христофъ-Коломбъ, онъ внутренно прозрѣлъ, угадалъ, предчувствовалъ новый міръ, составилъ путеводители для достиженія неизвѣстныхъ земель, но Америкою онъ не овладѣлъ Онъ ничего такого по себѣ не оставилъ, что могло бы служить образцомъ; но многое оставилъ, что можетъ служить поученіемъ.

Есть геніи, такъ сказать, пропавшіе, которые родились послѣ

времени, или неумѣстно. Представимъ себѣ, что какой нибудь дикарь на далекомъ и пустынномъ островѣ, не знающій, что часовое мастерство давно на свѣтѣ существуетъ, изобрѣлъ и смастерилъ бы въ юртѣ своей часы. Разумѣется, это было бы дѣло генія; но какая польза вышла бы отъ того для человѣчества? Многіе изъ такихъ геніевъ напоминаютъ добраго Нѣмца, который, не зная, что Телемакъ писанъ Фенелономъ, перевелъ его на Французскій языкъ съ Нѣмецкаго перевода и думалъ, что онъ обогатилъ и осчастливилъ Французскую литературу, познакомивъ ее съ безсмертнымъ твореніемъ.

То же что о Ломоносовѣ, можно бы сказать о Суворовѣ. Онъ былъ геніаленъ. Случай, событія, не дозволили ему утвердить за собою неопровержимое званіе генія. Судьба не свела его грудь съ грудью въ бой съ современнымъ геніемъ войны. Поединокъ между Бонапарте и Суворовымъ рѣшилъ бы окончательно и побѣдоносно, кому изъ двухъ неотъемлемо принадлежатъ честь и слава быть военнымъ геніемъ.

Мало быть или слыть геніемъ въ околоткѣ своемъ; мало быть геніемъ доморощеннымъ. Нужно еще на то и согласіе общее, всенародное. Геній — исключеніе въ семьѣ человѣческой: онъ гражданинъ всемірный. Что такіе за геніи, которымъ выдается плакатный билетъ на жительство въ такой-то мѣстности и на извѣстное время? Будемъ же довольствоваться тѣми избранными и высокими дарованіями, которыми насъ Богъ, если не щедро, то и не скупо наградилъ. Скажемъ и за то спасибо и волѣ, даровавшей ихъ, и имъ, которые таланта своего въ землю не зарыли; но воздержимся отъ напрасной и смѣшной погонѣ за геніями и отъ производства въ геніи тѣхъ, которымъ удалось придти намъ по вкусу. Задоръ этихъ ловцовъ и производителей еще не бѣда: Богъ съ ними! Они себя тѣшатъ и насъ забавляютъ. Прекрасно! Но жаль, что эти поставщики, эти крестные отцы геніевъ вредятъ многимъ изъ крестниковъ своихъ, вовсе неповиннымъ въ такомъ насильственномъ производствѣ. Напримѣръ, Пушкинъ, какъ высокое, оригинальное дарованіе, не сбиваемъ съ законнаго мѣста своего. Какъ геній, онъ подлежалъ бы критической переоцѣнкѣ, сомнѣніямъ и пререканіямъ. О другихъ нашихъ такъ называемыхъ геніяхъ и говорить нечего.

Дарованія ихъ задушены, подавлены почестью, которою ихъ облекаютъ. Все это, на повѣрку, объясняется двумя обстоятельствами: съ одной стороны критика наша не опирается ни на какихъ правильныхъ и законныхъ основаніяхъ; съ другой, ложная народная гордость натираетъ и подкрашиваетъ патріотическою вохрою свою домашнюю утварь.

Ф** не косноязыченъ, а *косноумень*. У него мысль заикается, но съ нѣкоторымъ терпѣніемъ можно иногда дождаться отъ него и путнаго слова.

„Какъ трудно съ жизнью справиться,—говорила молодая***. Счастіе законное, тихое, благовѣрное неминуемо засыпаетъ въ скукѣ. Счастіе бурное, нѣсколько порочное, рано или поздно кончается недочетами, разочарованіемъ, горькими послѣдствіями.

Кто-то замѣтилъ, что профессоръ и ректоръ университета, Антонскій, имѣетъ свойство—полнымъ именемъ своимъ составить правильный шестистопный стихъ:

Антонъ Антоновичъ Антонскій-Прокоповичъ.

О немъ же было сказано:

Тремя помноженный Антонъ,
И на закуску Прокоповичъ.

Пожалуй, оно и такъ; но Россія не должна забывать, что Антонскій умѣлъ первый угадать и оцѣнить нравственныя качества и поэтическое дарованіе своего воспитанника въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ. Этотъ скромный воспитанникъ не обращалъ на себя вниманія и особеннаго благоволенія начальства, какое иногда оказывается по родственнымъ связямъ и положенію въ обществѣ. Нѣтъ, сочувствіе къ неизвѣстному еще Жуковскому было со стороны Антонскаго совершенно безкорыстное и свободное. Это сочувствіе—чистая и неотъемлемая заслуга, которую литтературныя преданія должны сохранить. Когда Жуковскій вышелъ изъ пансіона и былъ безъ средствъ и безъ особенной

опоры, Антонскій, такъ сказать, призрѣлъ его и пріютилъ въ двухъ маленькихъ комнаткахъ маленькаго принадлежащаго университету домика въ Газетномъ переулкѣ. Жуковскій всегда сохранялъ къ нему сердечную признательность, приверженность и преданность.

Дмитріевъ любилъ Антонскаго, но любилъ и трунить надъ нимъ, очень застѣнчивымъ, такъ сказать, пугливымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ легко-смѣшливымъ. Смущеніе и веселость поперемѣнно выражались на лицѣ его подъ шутками Дмитріева. „Признайтесь, любезнѣйшій Антонъ Антоновичъ, говорилъ онъ ему однажды, что вашъ университетъ совершенно безжизненное тѣло: о движеніи его и догадываешься только, когда ѣдешь по Моховой и видишь сквозь окна, какъ профессора и жены ихъ переворачиваютъ на солнцѣ большія бутыли съ наливками“.

Въ одно изъ минувшихъ царствованій, нѣкто (должно замѣтить, плотная и дородная личность) говорилъ: „Государь отмѣнно благоволитъ ко мнѣ. Вотъ еще на дняхъ, на многолюдномъ балѣ, я имѣлъ счастіе стоять близко позади его; онъ обернулся ко мнѣ и изволилъ сказать: „отъ тебя пышетъ какъ отъ печки“. Другой перетолковалъ бы эти слова такимъ образомъ: здѣсь и такъ тѣсно и душно, а ты меня еще подпариваешь; нельзя ли сдѣлать одолженіе и убраться подалѣе? Но мой пріятель имѣлъ способность смотрѣть на все съ выгодной ему стороны. Онъ недѣли двѣ развозилъ съ самодовольствомъ по городу слова, сказанныя Государемъ. Вообще онъ былъ благополучнаго сложенія по плоти и по духу, въ житейскомъ и нравственномъ отношеніи. Комнаты его въ Петербургѣ были на солнцѣ и, кажется, свѣтило оно чаще на улицѣ его, нежели на другихъ. На улицѣ его вѣчный праздникъ, въ домѣ вѣчное торжество торжествъ. На окнахъ стояли горшки съ пышными, благоуханными цвѣтами; на стѣнахъ висѣли клѣтки съ разными птицами пѣвчими; въ комнатахъ раздавался бой стѣнныхъ часовъ съ звонкими курантиками. Однимъ словомъ, все было у него свѣтозарно, оглушительно, охмелительно. Самъ, посреди этого сіянія, этой роскошной растительности и пѣвучести, выставлялъ онъ румяное, радостное лицо, лицо расцвѣтающее какъ ма-

хровый красный піонъ и заливающееся, какъ канарейка пѣніемъ. Мнѣ всегда ужасно было завидно смотрѣть на праздничную обстановку. Впрочемъ, мнѣ никогда не случалось завидовать умнымъ людямъ; зависть забираетъ меня только при видѣ счастливой глупости.

Знаменитый Неккеръ написалъ маленькій трактатъ: Le bonheur des sots (счастіе глупцовъ). Другая знаменитость въ своемъ родѣ, Копьевъ, перевелъ, эту бездѣлку на Русскій языкъ. Неизвѣстно, былъ ли переводъ напечатанъ и сохранился ли въ книжномъ мірѣ.

Талейранъ сказалъ о комъ-то: Ce n'est pas un sot, c'est le sot. Этотъ тонкій, но многознаменательный оттѣнокъ, кажется, невозможно перевести по-русски. *Онъ не глупый человѣкъ, а глупецъ*— не вполнѣ, такъ сказать, не осязательно выражаетъ остроумное опредѣленіе Талейрана. Неимѣніе въ нашемъ языкѣ члена (l'article) тому причина.

Есть люди, которые переплываютъ жизнь; еще есть люди, которые просто въ ней купаются. Къ этому разряду принадлежатъ преимущественно дураки. Однимъ приходится выбирать удобныя мѣста для плаванія, бороться съ волнами, бодро и ловко дѣйствовать мышцами. Другіе сидятъ себѣ спокойно по уши въ глупости своей. Имъ и горя нѣтъ: имъ всегда свѣжо.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія была въ большомъ ходу и пѣвалась въ Москвѣ пѣсня, изъ которой помню только первый куплетъ:

Непостижимой силой
Я приверженъ къ милой.
Господи помилуй
Ее и меня.

Ее приписывали одному важному духовному лицу. Сохранилась ли она гдѣ нибудь? Вотъ вопросъ, который часто задаешь

по поводу литературныхъ и поэтическихъ преданій. Не думаю, чтобы наша литература была радикальная, но во всякомъ случаѣ она не *консервативная:* она не сохраняетъ. У Французовъ не пропадаетъ ни одного нѣсколько замѣчательнаго и удачнаго четверостишія или двоестишія, писаннаго въ минувшемъ столѣтіи. У нихъ, при разнообразіи и богатствѣ во всѣхъ родахъ литературы, не пренебрегается и не затеряется и малѣйшая лепта. Нѣсколько разъ обрушались и мѣнялись правленія, законодательства, весь бытъ государственный и гражданскій, но написаннаго перомъ у нихъ, подлинно, не вырубишь и топоромъ.

Нельзя не пожалѣть у насъ о многихъ литературныхъ бездѣлкахъ стараго времени, которыя или пропали безъ вѣсти, или остались сиротами, непомнящими родства, т.-е. безъ указанія, кто были родители ихъ. Разумѣется, литература наша, по существу, не могла бы въ настоящее время щеголять этими самоцвѣтными каменьями въ старой и нѣсколько грубой оправѣ ихъ; но все же имѣли бы они приличное мѣсто въ семейныхъ и наслѣдственныхъ *доскацахъ* любителей и почитателей старины. Въ однѣхъ пѣсняхъ (не говоря уже о простонародныхъ) можно было бы отыскать много милаго добра. Дмитріевъ издалъ, по возможности, если не полный (едва ли не въ концѣ минувшаго столѣтія), то съ умѣньемъ и разборчивымъ вкусомъ собранный любопытный Русскій пѣсенникъ. Дальнѣйшія подобныя собранія были дѣломъ чистой спекуляціи, и къ тому же довольно невѣжественной. Многіе ли знаютъ теперь, и рѣшительно никто уже не поетъ, прелестной пѣсни князя Хованскаго, котораго оплакивалъ Карамзинъ: „Друзья, Хованскаго не стало!“ Вотъ эта пѣсня:

Я вечоръ въ лугахъ гуляла,
Грусть хотѣла разогнать,
И цвѣточковъ тамъ искала,
Чтобы къ милому послать.

—

Долго, долго я ходила.
Погасалъ ужъ солнца свѣтъ;
Всѣ цвѣточки находила,
Одного лишь нѣтъ, какъ нѣтъ.

—

И цвѣточка голубова
Я въ долинахъ не нашла,
Безъ цвѣточка дорогова
Я домой было пошла.

—

Шла домой съ душой унылой.
Недалеко отъ ручья
Вижу я цвѣточекъ милой,
Вмигъ его я сорвала.

—

Незабудочку сорвала;
Слезы покатились вдругъ.
Я вздохнула и сказала:
Не забудь меня, мой другъ.

Тутъ и слѣдовало бы кончить пѣсню стихомъ, вырвавшимся изъ сердца и прекрасно и вѣрно заключающимъ эту маленькую дѣвическую драму. Но, къ сожалѣнію, авторъ прибавилъ слѣдующій куплетъ:

Не дари меня ты златомъ,
Подари лишь самъ себя.
Что въ подаркѣ мнѣ богатомъ?
Ты скажи: люблю тебя!

Все это лишнее. *Подари лишь самъ себя*—какъ-то изысканно и вмѣстѣ съ тѣмъ пошло. *Златомъ* не соглашается съ простою рѣчью всей пѣсни, хотя часто на простонародномъ языкѣ нашемъ слышатся слова и выраженія, которыя, по правиламъ науки, относятся болѣе къ *высокому слогу*. Но за исключеніемъ послѣдняго куплета, какъ много свѣжести и простосердечія въ этой идилліи! Даже самая безыскусственность и, такъ сказать, *безцеремонность* риѳмъ здѣсь не только позволительны, но кстати и придаютъ прелесть разсказу. Болѣе богатыя и яркія риѳмы были бы непріятною разноголосицею.

Въ старину распѣвалася еще пѣсня (помнится какого-то Салтыкова); и по стихамъ, и по музыкѣ, на которую они были положены, она имѣла большой успѣхъ.

Мѣста тобою украшéнны,
Гдѣ дни я радостьми считалъ,
Гдѣ взоръ тобой обвороженный
Мои всѣ чувства услаждалъ,
Въ пустыню скоро обратятся
Веселья потерявъ свои:
Веселья вслѣдъ тебя стремятся,
Они всѣ спутники твои.

Далѣе не помню; но и въ другихъ куплетахъ встрѣчались стихи сильно прочувствованные, просто и вѣрно выраженные. Гдѣ эти пѣсни, эти сердечныя исповѣди, въ которыхъ изливалось когда-то живое и глубокое чувство? Сердце ввѣряло имъ свое волненіе, свою тоску, свои надежды, и сочувственное ему сердце откликалось на голосъ его. Неужели слезы, проливаемыя въ старину, были хуже тѣхъ, которыя проливаются нынѣ, если еще кое-гдѣ проливаются онѣ? Мы говоримъ о свободѣ своей, о разрѣшеніи мыслей и понятій отъ условныхъ формъ, которымъ подчинялись отцы наши; а сами мы — деспотическіе рабы новыхъ формъ, внѣ коихъ, по мнѣнію нашему, нѣтъ ни удачи, ни спасенія. Старая пѣсня можетъ сказать съ поэтомъ:

Я на землѣ земное совершила:
Я на землѣ любила и жила.

Нѣкоторые изъ нашихъ журнальныхъ корифеевъ какъ будто не догадываются, что могутъ быть *умные консерваторы и глупые либералы*. Но ихъ легкомыслію или, правильнѣе, тупоумію и пустоумію, всѣ консерваторы люди пошлые, всѣ либералы народъ умный, бойкій и на все способный. И въ этомъ отношеніи кто ни попъ, тотъ и батька. У нихъ и Вашингтонъ либералъ, и Сенъ-Жюстъ либералъ, и Мордвиновъ либералъ, что́ не мѣшаетъ быть либералами и Бѣлинскому, и Герцену. Для многихъ изъ нихъ, Полевой, напримѣръ, выше Карамзина, потому что сей послѣдній озаглавилъ твореніе свое: *Исторія государства Россійскаго*, а тотъ *Исторія Русскаго народа*, что́ гораздо либеральнѣе и слѣдовательно умнѣе: государство отзывается старою школою. Государство — назадъ, народъ — впередъ!

ВАРШАВСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Лѣтомъ, въ окрестностяхъ Варшавы, молодыя барыни катались на лодкѣ по большому озеру. Лодка покачнулась и дамы попадали въ воду. Англичанинъ, влюбленный въ одну изъ нихъ, увидя бѣду, тотчасъ кинулся съ берега въ озеро, нырнулъ и вытащилъ одну

барыню; но, замѣтя, что это была не возлюбленная его, бросилъ ее опять въ воду и нырнулъ еще разъ, чтобы спасти настоящую.

Старикъ К**, добросердечный и нѣжный мужъ, но слабопамятный отецъ, бывало, спрашивалъ жену свою: „Скажи мнѣ пожалуста, моя милая, кто-же отецъ нашего меньшаго сына? Я никакъ припомнить не могу“. А въ другой разъ: „У меня вовсе изъ памяти вышло, какъ зовутъ отца нашего второго сына“, и т. д.

Когда маршалъ Давý командовалъ Французскими войсками и проконсульствовалъ въ Варшавѣ, онъ не разъ требовалъ отъ городского начальства, чтобы въ назначенномъ мѣстѣ наведенъ былъ мостъ черезъ Вислу. То за однимъ, то за другимъ предлогомъ все откладывали исполненіе приказанія. Наконецъ маршалъ призвалъ къ себѣ президента города и сказалъ ему: „Если послѣзавтра, въ 12 часовъ по-полудни, моста на Вислѣ не будетъ, вы перейдете черезъ нее, какъ она есть, на другой берегъ“. Не слышно было, чтобы президентъ подвергъ себя простудѣ послѣ такой прогулки.

На сеймѣ, въ царствованіе Станислава Понятовскаго, одинъ нунцій предложилъ собранію присудить начальнику почтоваго вѣдомства народную награду. „По какому поводу и за что?“ спросили разомъ нѣсколько голосовъ. „А за то, отвѣчалъ нунцій, что каждый, расширившій предѣлы государства, заслуживаетъ благодарность согражданъ: донынѣ отъ Варшавы до границы считалось столько-то миль; при новомъ управленіи теперь взимаютъ съ насъ прогонныхъ и портовыхъ денегъ на 20 миль болѣе“.

Нѣкоторая мѣстность Польскаго королевства была раззоряема шайкою разбойниковъ. Одинъ польскій помѣщикъ явился къ полицейскому начальству и объявилъ, что онъ знаетъ, гдѣ разбойничій притонъ и что, если дадутъ ему нѣсколько человѣкъ изъ военной силы, онъ берется переловить всѣхъ мошенниковъ и представить

ихъ въ Варшаву. Получивъ военную команду, отправился онъ съ нею въ одинъ повѣтовый городъ прямо въ зданіе главнаго присутственнаго мѣста, приказалъ солдатамъ схватить и перевязать всѣхъ чиновниковъ и съ тѣмъ вмѣстѣ послалъ рапортъ по начальству съ донесеніемъ, что переловилъ злоумышленниковъ, которые грабили край и ожидаетъ дальнѣйшихъ приказаній.

Еще одно послѣднее сказаніе о старой Польшѣ. Кажется, въ началѣ минувшаго столѣтія, одинъ изъ графовъ Потоцкихъ, въ видахъ патріотическихъ и политическихъ, переселился въ Константинополь и обратился въ Магометанскую вѣру. Онъ совершенно отуречился, и все это въ надеждѣ снискать довѣренность и уваженіе Турецкаго правительства и употребить ихъ въ пользу Польши, во вредъ Россіи. Мысль объ отступничествѣ между тѣмъ тревожила порою набожную совѣсть его. „Знаю, говорилъ онъ въ минуты смущенія, что Господь, по правосудію Своему, сошлетъ меня въ адъ за мой грѣхъ, но съ другой стороны я убѣжденъ, что, видя чистоту побужденій моихъ, Онъ, по безпристрастію Своему, и карая меня, не откажетъ мнѣ въ уваженіи Своемъ“.

Повиновеніе закону и представителямъ его есть нравственно-политическое побужденіе и чувство, а вовсе не порожденіе страха. Страхъ есть тоже, что́ по пословицѣ щука въ морѣ (хотя, кажется, въ морѣ щукъ не бываетъ, и рыба она рѣчная и прудовая). Кто любитъ щуку, заводи ее въ пруду своемъ; но знай, что она переглотаетъ всѣхъ другихъ рыбъ. Одинъ страхъ, посаженный властью въ сердце человѣка, также истребитъ въ немъ всѣ другія благородныя чувства.

NN говорилъ о комъ-то: „Онъ не довольно уменъ, чтобы дозволять себѣ дѣлать глупости“. О другомъ: „А этотъ недостаточно высоко поставленъ, чтобы дозволять себѣ подобныя низости“.

Пушкинъ спрашивалъ пріѣхавшаго въ Москву стараго товарища по Лицею про общаго пріятеля, а также сверстника-лицеиста, отличнаго мимика и художника по этой части: „А какъ онъ теперь лицедѣйствуетъ и что́ представляетъ?“ —Петербургское наводненіе. „И что же?“ — Довольно похоже, отвѣчалъ тотъ. Пушкинъ очень забавлялся этимъ *довольно похоже*.

Кто-то говорилъ: ничего нѣтъ менѣе литературнаго, какъ многіе изъ нашихъ литераторовъ. Они, пожалуй, люди и дѣльные, т.-е. дѣловые и ловкіе, даже бойкіе, но не литераторы въ томъ смыслѣ, который общепринятъ и узаконенъ образованными людьми. Прослушавъ какое-то музыкальное произведеніе, чуть-ли не Вагнера, Россини сказалъ: Si c'était de la musique, ce serait bien mauvais (если это была бы музыка, то это было бы очень плохо). И о многихъ письменныхъ произведеніяхъ нашего времени можно сказать: будь это литература, то оно никуда не годится; но какъ оно не литература, то можетъ быть оно въ своемъ родѣ и недурно. А что́ это за родъ, пока опредѣлить еще трудно. Люди пишутъ, слѣдовательно ихъ читаютъ; а если читаютъ, то и слѣдуетъ, что люди хорошо дѣлаютъ, что пишутъ. Каковъ товаръ, таковъ и спросъ; а каковъ спросъ, таковъ и товаръ. Рыбакъ рыбака далеко въ плёсѣ видитъ; а писатель читателя, и читатель писателя. Такимъ образомъ всѣмъ есть мѣсто подъ Божіимъ солнцемъ. На Французскомъ языкѣ есть очень удобное выраженіе, соотвѣтственное слову литература и, такъ сказать, дополняющее и выясняющее его: les belles lettres. Само собою разумѣется, что слова́ литература и литераторъ происходятъ отъ литтера, т.-е. азбучныхъ знаковъ. Азбука все-таки есть начало всего. Но дѣло въ томъ, что грамота грамотѣ рознь. Одной грамоты недостаточно. Нужно еще, чтобы грамота была изящная. Les belles lettres — прекрасныя письмена. Что́ нужно автору? На этотъ вопросъ чистосердечный отвѣтъ многихъ былъ бы слѣдующій: чернила, перья, бумага и охота смертная писать. Карамзинъ на заданный себѣ вопросъ: что́ нужно автору? отвѣчалъ иначе. Онъ говорилъ, что *таланты и знаніе, острый, проницательный умъ, живое вообра-*

женіе все еще недостаточны. Онъ требуетъ еще, чтобы *душа могла возвыситься до страсти къ добру, могла питать въ себѣ святое, никакими сферами неограниченное желаніе всеобщаго блага.* И мало ли что́ еще находитъ онъ *нужнымъ* автору! Но все это было высказано еще въ 1793 г., слѣдовательно въ эпоху несовершенно-лѣтія человѣческаго разума, когда онъ едва ли ползалъ еще на четвереньках, а теперь онъ не только выросъ и на ногахъ стоитъ, но чуть ли не ходитъ на головѣ, какъ любой плясунъ на канатѣ. Да къ тому же Карамзинъ — извѣстный *риториканъ*. Смѣшно было бы, въ наше время, съ нимъ справляться.

Хвостовъ гдѣ-то сказалъ:

Зимой весну являетъ лѣто.

Вотъ календарная загадка! Впрочемъ, у добраго Хвостова такого рода диковинки были не аномаліи, не уклоненія, а совершенно нормальныя и законныя явленія.

Совѣстно послѣ Хвостова называть Державина, но и у него встрѣчаешь поразительные недосмотры и недочеты. Въ прекрасной картинѣ его:

На темноголубомъ эфирѣ
Златая плавала луна
Въ серебряной своей порфирѣ.
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой озаряла,
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя окна рисовала
На лаковомъ полу моемъ.

Къ чему тутъ серебряная порфира на золотой лунѣ?
А въ другомъ стихотвореніи его:

Изъ-за облакъ мѣсяцъ красный
Всталъ и смотрится въ рѣкѣ.
Сквозь туманъ и *мракъ ужасный*
Путникъ ѣдетъ въ челнокѣ.

Здѣсь что-нибудь да лишнее: или мѣсяцъ красный, или ужасный мракъ.

Поэзія поэзіей, а стихотворчество или стихотвореніе стихотвореніемъ. Истинный поэтъ въ творчествѣ своемъ никогда не собьется съ пути; но въ стихотворческомъ ремеслѣ поэтъ можетъ иногда обмолвиться промахомъ пера. Въ эти промахи онъ незамѣтно для себя и невольно вовлекается самовластительными требованіями риѳмы, стопосложенія и другихъ вещественныхъ условій и принадлежностей стиха. Было же когда-то у Пушкина:

Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость?
Гдѣ вѣчная *къ вамъ* риѳма младость?

А въ превосходномъ своемъ exegi monumentum развѣ не сказалъ онъ: „Я памятникъ себѣ воздвигъ *нерукотворный!*“ А чѣмъ же писалъ онъ стихи свои, какъ не *рукою?* Статуя ваятеля, картина живописца также рукотворны, какъ и написанная пѣснь поэта.

И. И. Дмитріевъ въ милой пѣсенкѣ своей говоритъ:

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ;
Ею только въ полѣ
Взоръ свой веселилъ.

—

Съ каждымъ днемъ алѣе
Все какъ вновь цвѣла,
Съ каждымъ днемъ милѣе
Роза мнѣ была.

—

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь:
Къ розѣ какъ нарочно
Привилась полынь.

—

Роза не увяла,
Тотъ же самый цвѣтъ;
Но не та ужъ стала:
Аромата нѣтъ.

Здѣсь слѣдовало бы и кончить; но пѣсельника соблазнилъ и попуталъ баснописецъ: онъ захотѣлъ вывесть мораль, а тутъ и вышелъ забавный промахъ пера.

Хлоя, какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ!
Такъ, увы, опасенъ
Для красы порокъ.

Это неумѣстное и злосчастное *намъ* причисляетъ, по грамати-ческому смыслу, самого Дмитріева къ Хлоямъ и красавицамъ.

Капнистъ въ одной пѣсенкѣ своей говоритъ:

Хоть хижина убога,
Съ тобой она мнѣ храмъ;
Я въ ней прошу отъ Бога
Здоровья только намъ.

Нечеловѣколюбиво и небратолюбиво это *только* передъ словами *намъ*. Это напоминаетъ молитву эгоиста: „Господи, Ты вѣдаешь, что я никогда не утруждаю Тебя молитвою о ближнемъ: молю только о себѣ и уповаю, что Ты воздашь смиренію моему и невмѣшательству въ чужія дѣла“.

Едва-ли кто изъ поэтовъ древнихъ и новыхъ, Русскихъ или чужестранныхъ, совершенно избѣжалъ подобныхъ промаховъ, обмолвокъ, недосмотровъ, затмѣній. У кого ихъ больше, у кого меньше.

Дмитріевъ разсказывалъ, что однажды допытывались отъ Хвостова объясненія и смысла одного стиха его. Онъ объяснялъ его и такъ и сякъ; но на каждое объясненіе слѣдовало опроверженіе, которое уничтожало толкованіе. Наконецъ, вышедши изъ терпѣнія, сказалъ онъ съ досадою: „Да отстаньте отъ меня; c'est mon cheval de bataille“ (это мой боевой конь—Французская поговорка, выражающая, что на эту вещь, на это мнѣніе опираешься).

Было время, правда давно, когда загадки, шарады, логогрифы служили игрушкою и забавою умнѣйшихъ людей едва ли не умнѣйшаго общества, въ сравненіи съ другими обществами, какъ предъидущими, такъ и послѣдовавшими. Они не пренебрегали этими гимнастическими *играми ума* (jeux d'esprit). Умные люди той эпохи, т.-е. до-революціонной, во Франціи и въ другихъ краяхъ, не стыдились и поребячиться въ часы отдыха отъ дѣла и отъ трудовъ, но за то ничего не было ребяческаго въ ихъ пріемахъ, когда они брались

за дѣло. Философъ, энциклопедистъ, великій математикъ, дѣятельный противникъ всѣхъ злоупотребленій, Даламбертъ не былъ равнодушенъ къ этимъ забавамъ. Разсказываютъ, что на болѣзненномъ одрѣ смерти разгадалъ онъ шараду, отысканную имъ во Французскомъ Меркуріи. Что́ ни говори, а въ этой игрѣ словъ, какъ и въ игрѣ карточной, есть своя доля сметливости, соображенія, а здѣсь и остроумія. Во всякомъ случаѣ, какъ времяпровожденіе, одна игра другой стоитъ. Не понимаю, почему призадуматься надъ разгадкою логогрифа унизительнѣе для человѣческаго достоинства, чѣмъ задуматься надъ задачею: съ чего пойти, съ десятки ли червей, или съ валета пикъ.

Французскій языкъ очень удобенъ для подобнаго разсѣченія и растасовки словъ: въ немъ почти каждое слово заключаетъ въ себѣ нѣсколько словъ, имѣющихъ приблизительно, а нерѣдко и положительно, свое отдѣльное значеніе. Наши слова преимущественно составлены изъ слоговъ, которые ничего не выражаютъ.

Одно общество, въ подмосковной, во время первой Московской холеры, собиралось по осеннимъ и зимнимъ вечерамъ. Для развлеченія оно дѣлало попытки надъ Русскими словами и старалось вытянуть, выжать изъ нихъ что̀ только можно. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ попытокъ. Извѣстно, что подъ логогрифомъ разумѣется загадка, состоящая въ словѣ, котораго разбитыя буквы, сложенныя вмѣстѣ, образуютъ другія, новыя слова.

I.

Немного буквъ во мнѣ: всего четыре.
Есть пятая, но здѣсь прихвостница она
И къ дѣлу вовсе не нужна.
А шумомъ я своимъ извѣстенъ въ Божьемъ мірѣ,
И крѣпко спящаго могу врасплохъ со сна
И разбудить, и напугать тревожно.
Во мнѣ еще таится то, что сплошь,
Коли хватить его неосторожно,
До положенья ризъ мертвецкимъ сномъ заснешь.
Крылова вспомнитъ-ли мой стихъ неугомонный?
На баснь прекрасную тебѣ я укажу.
Изволь разгадывать, читатель благосклонный!
А я ужъ отъ себя ни слова не скажу.
(*Громъ*: буква ъ, *ромъ*, *Моръ* Звѣрей, басня Крылова).

II.

Взять цѣликомъ меня, я пишущая тварь,
Надъ ней комедія не разъ смѣялась встарь;
Но если на клочки меня вы разберете,
Вы многое еще легко во мнѣ найдете.
Хотите-ль утолить вы жажду въ лѣтній зной?
Предъ вами протеку прохладною струей;
Но безъ меня ни пить, ни ѣсть, ни врать не можно.
Исходитъ изъ меня, что́ правда и что́ ложно.
Я дую холодомъ, но дую и тепломъ;
Съ улыбкой, а равно съ зѣвотой я знакомъ;
Цѣлую, но подъ часъ зубастый я кусака,
Не хуже, чѣмъ твоя задорная собака.
А часто, срамъ сказать, беззубый я слюняй;
То отъ меня несетъ—чинъ чина почитай—
Шампанскимъ дорогимъ, *то пошлою* сивухой.
А какъ ужъ тошно мнѣ, какъ захлебнуся мухой!
Гдѣ нѣтъ меня, тамъ нѣтъ и солнца: тьма одна,
И ночи никогда не серебритъ луна.
Безъ помощи моей, возмете-ль книгу въ руки,
Не разберете вы, что азъ, ѳита иль буки.
Когда кого-нибудь посадятъ на меня,
Тотъ корчится, свое сѣдалище казня;
Но все же, какъ ни рвись, а съ мѣста онъ не встанетъ.
Мной узнаете вы, что хлѣбъ иль сахаръ тянетъ.
Я баснословное растенье, чудный плодъ;
Когда поѣшь меня, то память отшибетъ.
А кто жъ, хоть иногда, не радъ и позабыться?
Библейскому лицу не кстати здѣсь явиться,
И только мы его помянемъ стороной.
Я штучнымъ быть могу; а женскій тезка мой
Такія хитрыя выкидываетъ штуки,
Что соблазнитъ тебя и прибираетъ въ руки.
Когда зима сойдетъ и скажешь ей: прощай!
Меня заботливо развертываетъ Май,
Но пасмурный Ноябрь придетъ и обрываетъ.
Здѣсь пошлый врань меня безсовѣстно мараетъ;
Тамъ мною дорожатъ позднѣйшіе вѣка,
Какъ только генія на мнѣ видна рука.
И наконецъ въ моемъ отыщется составѣ
Вамъ имя близкое по всенародной славѣ:
Вы слушали его, иль слышали о немъ,
И вотъ рисуется подъ новымъ образцемъ
Орфей, что не одну въ Европѣ Евридику
Мелодіей своей сбилъ просто съ панталыку.

(Протоколистъ: протокъ, ротъ, око, колъ, лотъ-вѣсъ, лотъ-растеніе (lotus), Лотъ житель Содома, полъ, комнатная настилка, женскій полъ, листъ древесный, листъ бумаги, Листъ-музыкантъ).

Кто-то говорилъ, что скупость есть послѣдняя страсть въ человѣкѣ, которая всѣ другія переживаетъ, когда она въ немъ была зарождена. Оно и понятно. Другія страсти съ годами отъ насъ отказываются, или мы, волею или неволею, отъ нихъ отказываемся. Скупость есть страсть такого свойства, что и юноша, и старикъ, бѣдный и богатый, женщина или мужчина, могутъ безконечно предаваться ей, развивать ее, лелѣять, раздувать до изступленія, часто до звѣрства. Но и скупость имѣетъ свои исключенія и такъ сказать причуды. Есть тому примѣры. Живо памятная Петербургскому обществу своимъ избраннымъ салономъ, своею любовью къ искусствамъ, къ литературѣ, даже къ Русской, N. N. слыла вообще очень скупою. Пожалуй и такъ. Но намъ, напримѣръ, положительно извѣстно, что по ходатайству Жуковскаго за несчастнаго чиновника, который растратилъ десять тысячъ рублей изъ казенныхъ денегъ, она тутъ-же выдала ломбардный билетъ въ означенную сумму. Можно сказать, что при расположеніи къ скупости, подобныя благотворительныя дѣянія возвышаются двойною цѣною и достигаютъ почти героическихъ размѣровъ. А вотъ еще трогательное свидѣтельство смягчившейся и умилившейся скупости.

Княгиня Татьяна Васильевна Юсупова также далеко не слыла расточительницей. Вотъ черта ея, переданная мнѣ невѣсткою ея, Татьяною Борисовною Потемкиною. По извѣстному скопидомству своему, княгиня очень рѣдко возобновляла свои туалетные запасы. Она долго носила одно и то же платье, почти до совершеннаго износа. Однажды, уже подъ старость, пришла ей въ голову слѣдующая мысль: „да, если мнѣ держаться такого порядка, то женской прислугѣ моей немного пожитковъ останется по смерти моей“. И съ самаго этого часа произошёлъ неожиданный и крутой переворотъ въ ея туалетныхъ привычкахъ. Она часто заказывала и надѣвала новыя платья, изъ матерій на выборъ и дорогихъ. Всѣ домашніе и знакомые ея дивились этой перемѣнѣ, поздравляли ее съ щегольствомъ ея и съ тѣмъ, что она какъ будто помолодѣла. — „Вы, которыя знаете загадку этой перемѣны, говаривала она невѣсткѣ своей, вы поймете, на какую мысль наводятъ меня эти поздравленія“. И въ самомъ дѣлѣ, она такъ сказать, наряжалась къ смерти и хотѣла въ пользу прислуги своей пополнить и обогатить

свое духовное завѣщаніе.—Однажды m-elle Noiseville (Нуазевиль) воспитательница княженъ Голицыныхъ, къ которымъ принадлежала и Татьяна Борисовна Потемкина, говоритъ княгинѣ Юсуповой о затрудненіи своемъ пріискать нѣсколько тысячъ рублей, необходимыхъ для пріятеля ея Vaudreuil (Водрёль, вѣроятно бывшій Французскій эмигрантъ), который пропадетъ, если не добудетъ этихъ денегъ. Вскорѣ потомъ г-нъ Водрёль получаетъ, неизвѣстно откуда, неизвѣстно отъ кого, спасительное для него пособіе. Позднѣе узнали, что деньги высланы были княгиней Юсуповой.

Все это было разсказано мнѣ въ Гостилицахъ, помѣстьи, подаренномъ императрицею Елисаветою гр. Разумовскому. Впослѣдствіи было оно куплено за 900,000 рублей Потемкинымъ, но не Таврическимъ. При послѣднемъ гр. Разумовскомъ, кажется Петрѣ Кириловичѣ, крестьяне, выведенные изъ терпѣнія худымъ и притѣснительнымъ управленіемъ приказчика, вышли изъ повиновенія и, какъ говорится, взбунтовались. По этому дѣлу шестьдесятъ изъ нихъ сосланы были въ Сибирь. По переходѣ имѣнія къ Потемкинымъ, Татьяна Борисовна много ходатайствовала и хлопотала о возвращеніи ихъ на родину. Со стороны министерства были къ тому препятствія. Но, по личной просьбѣ помѣщицы, императоръ Николай приказалъ водворить ссыльныхъ на прежнее мѣсто жительства. Это переселеніе не обошлось, кажется, безъ нѣкоторыхъ драматическихъ столкновеній. Долговременное отсутствіе мужей и непредвидимое появленіе ихъ къ домашнему очагу разстроиваетъ иногда семейную обстановку женъ, покорившихся условіямъ невольнаго вдовства своего. По словамъ Татьяны Борисовны, особенно одна изъ крестьянокъ, которая не послѣдовала за мужемъ своимъ въ Сибирь и голосистѣе другихъ оплакивала свое разставаніе съ нимъ, нынѣ вовсе не рада возвращенію его. Брачная эта реставрація ежедневно празднуется домашними ссорами и драками. Впрочемъ бывшіе ссыльные ведутъ себя исправно и тихо. При новой помѣщицѣ, еще при императорѣ Александрѣ, заведена была въ Гостилицахъ Ланкастерская школа. Смотрителемъ надъ нею былъ назначенъ крѣпостной человѣкъ, также вышедшій изъ острога, куда посаженъ онъ былъ—вѣроятно во времена Фотія и Шишкова—по обвиненію въ какомъ-то евангельскомъ сообществѣ. Чего не бы-

ваетъ на Руси? Потемкина добилась освобожденія этого человѣка изъ тюрьмы, выкупила его у прежняго помѣщика и либерально произвела бывшаго арестанта въ учителя и надзирателя Ланкастерской школы.

Во время посѣщенія императоромъ Николаемъ помѣстья Гостилицъ, Т. Б. Потемкина спросила Государя, не смотритъ ли онъ неодобрительно на существованіе въ селѣ ея Ланкастерской школы. Извѣстно, что въ послѣдніе годы прежняго царствованія эти школы подвергались строгимъ правительственнымъ мѣрамъ.—„Нисколько, отвѣчалъ императоръ Николай, и мнѣ жаль, что вы можете быть обо мнѣ такого худого мнѣнія“.

Въ Гостилицахъ былъ священникъ, котораго Потемкина очень уважала. Выпросивъ у Государя позволеніе представить пастыря его величеству, на что изъявлено было согласіе, она предувѣдомила о томъ священника. Онъ съ радости, или со страха чрезъ чуръ *подкуражилъ* себя и предсталъ предъ царскія очи не совсѣмъ на тощакъ. Князь А. Н. Голицынъ, который былъ свидѣтелемъ этой сцены, очень забавлялся ею и долго трунилъ надъ пріятельницею своею Потемкиною за неудачное представленіе ея.

Потемкина была вообще, очень можетъ быть, слишкомъ доступна ко всѣмъ искательствамъ и просьбамъ меньшей братіи, да и середней, особенно духовнаго званія. Она никому не отказывала въ посредничествѣ и ходатайствѣ своемъ; неутомимо, безъ оглядки и смѣло, обращалась она ко всѣмъ предержащимъ властямъ и щедро передавала имъ памятныя и докладныя записки. Нѣсколько подобныхъ записокъ вручила она и покойному митрополиту ***. Однажды была она у него въ гостяхъ; въ разговорѣ, между прочимъ, сказалъ онъ ей: „А вы, матушка Татьяна Борисовна, не извольте безпокоиться о просьбахъ, что́ вы мнѣ дали: онѣ всѣ порѣшены“.—Не знаю, какъ и благодарить ваше высокопреосвященство за милостивое вниманіе ваше. — „Благодарить нечего, продолжалъ онъ: всѣмъ отказано“.

Когда журналистъ *** оскорбилъ въ журналѣ своемъ старика кн. Ю....., кто-то сказалъ: „Того и смотри, что онъ велитъ при-

слугѣ своей расправиться съ нимъ; это будетъ совершенно по-европейски и по-азіатски“. За Европейскими примѣрами дѣло не станетъ: молодой Вольтеръ былъ-же, въ подобномъ случаѣ, побитъ лакеями Шевалье-де-Рогана и посаженъ еще въ Бастилью за полученные побои.

Повиновеніе не внушается разомъ: не нужно пояснять, что мы говоримъ о законномъ повиновеніи предъ закономъ. Нужно благовременно, постепенно и постоянно, возвращать и развивать его въ понятіяхъ, нравахъ и привычкахъ народа. Это своего рода нравственное образованіе. Вотъ отъ чего внутреннее устройство Англіи такъ сильно и благонадежно. Стотысячныя прогулки народа по Лондонскимъ улицамъ, съ развѣвающимися хоругвями протеста въ рукахъ противъ того или другого политическаго положенія или съ требованіемъ такого или другого измѣненія въ существующемъ порядкѣ, совершаются почти мирно и не угрожаютъ обществу волненіемъ и бѣдствіемъ, перейдя границы дозволеннаго; стоитъ только констабелямъ выставить на видъ свои *жезлики*, и протестующее возмущеніе расходится, и городъ приходитъ въ свой прежній и обыкновенный порядокъ. Не всѣ города и не всѣ народонаселенія способны выдерживать подобные болѣзненные припадки и пароксизмы. Тутъ надобно имѣть крѣпкую конституцію не только на бумагѣ, но и личную, внутренно-нравственную конституцію, что̀ гораздо благонадежнѣе и вѣрнѣе. Въ Парижѣ, напримѣръ, подобная уличная прогулка, вдвое, втрое малочисленнѣе, не разъ бурнымъ потокомъ своимъ увлекала, ниспровергала цѣлыя династіи и затопляла общество и весь государственный строй.

Мнѣ часто приходило на умъ написать свою Россіяду, не героическую, не въ подрывъ Херасковской, „не попранную власть Татаръ и гордость низложенну“, Боже упаси, а Россіяду домашнюю, обиходную, сборникъ, энциклопедическій словарь всѣхъ возможныхъ *руссицизмовъ*, не только словесныхъ, но и умственныхъ и нравныхъ, то есть относящихся къ нравамъ; однимъ словомъ, собрать, по возможности, все, что̀ удобно производитъ исключительно-русская почва, какъ была она подготовлена и разработана

временемъ, исторіею, обычаями, повѣрьями и нравами исключительно-русскими.

Въ этотъ сборникъ вошли бы всѣ поговорки, пословицы, туземныя черты, анекдоты, изреченія, опять-таки исключительно-русскіе, не поддѣльные, не заимствованные, не благо или злопріобрѣтенные, а родовые, почвенные и невозможные ни на какой другой почвѣ, кромѣ нашей: Тутъ такъ бы Русью и пахло, хотя до угара и до ошиба, хотя до выноса всѣхъ святыхъ! Много нашлось бы матеріаловъ для подобной кормчей книги, для подобнаго зеркала, въ которомъ отразились бы Русскій складъ, Русская жизнь до хряща, до подноготной. А у насъ нѣтъ пока порядочнаго словаря и Русскихъ анекдотовъ.

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько пробныхъ намѣтокъ, которыя вошли бы въ составъ нашей Россіяды. Пословицы: „Хоть не радъ, да будь готовъ“.—„Безъ вины виноватъ“.—„Все Божіе да государево“. — „Казенное на водѣ не тонетъ и въ огнѣ не горитъ“. Въ этихъ пословицахъ, въ этихъ завѣтахъ народной мудрости, мало либеральности, мало *гуманности*, еще менѣе пресловутаго self-government. Но дѣло въ томъ, что старая Русь не заботилась о томъ и въ томъ не нуждалась. Подъ вліяніемъ силы вещей и какого-то внутренняго голоса, она чувствовала потаенную потребность сложиться, окрѣпнуть: безропотно, безъ отвлеченныхъ умствованій, она поддавалась опекѣ власти, и можетъ быть и даже вѣроятно, благодаря этой опекѣ, разрослась она и возмужала. Всему есть свое время. — А „недосолъ на столѣ, пересолъ на спинѣ!“ Въ этой поваренной поговоркѣ слышна и гастрономическая истина, и чисто-практическая истина, выражающая Русское крѣпостное состояніе. Je ne sais si le cuisinier est bon, mais je sais qu'il est mon *), говорилъ одинъ провинціальный хлѣбосолъ и душевладѣлецъ на своемъ Нижегородскомъ-Французскомъ языкѣ. У насъ есть старинная поговорка: „щей горшокъ да самъ большой“. Осмѣливаемся думать, что это нѣсколько искаженная редакція. Не правильнѣе и не скорѣе-ли: щей горшокъ да самый большой?

---

*) Я не знаю, хорошъ ли поваръ; но знаю, что онъ мой.

Далѣе. Вскорѣ послѣ бѣдственнаго пожара въ балаганѣ на Адмиралтейской площади въ 1838 году, кто-то сказалъ: „Слышно, что при этомъ несчастіи довольно много народа сгорѣло“.

— Чего много народа, вмѣшался въ разговоръ департаментскій чиновникъ, даже сгорѣлъ чиновникъ шестого класса.—Сюда относится иностранная шутка, но выросшая на Русской почвѣ. Лордъ Ярмутъ былъ въ Петербургѣ въ началѣ двадцатыхъ годовъ; говоря о пріятностяхъ Петербургскаго пребыванія своего, замѣчалъ онъ, что часто бывалъ у любезной дамы шестого класса, которая жила въ шестнадцатой линіи.

А вотъ кстати и характеристическая Англійская черта. Извѣстно, какъ Англичане дома съ упорною строгостью соблюдаютъ свѣтскій этикетъ и по туалетной части. На твердой землѣ они любятъ *эмансипировать* себя. Умный и образованный лордъ Ярмутъ, въ Москвѣ, на большой балъ къ Екатеринѣ Владиміровнѣ Апраксиной явился въ цвѣтномъ галстухѣ.

Въ Варшаву прибылъ звѣринецъ съ разными дикими и заморскими звѣрями. Большое раскрашенное полотно съ изображеніемъ животныхъ красовалось на стѣнѣ балагана. Народъ, ротозѣи, толпились предъ нимъ. Счастливые, имѣвшіе злотый въ карманѣ, получали билетъ и входили въ балаганъ. Неимущіе ротозѣи посматривали на нихъ съ завистью. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Русскій солдатъ. Онъ съ отмѣннымъ любопытствомъ разсматривалъ живописную вывѣску и въ то же время грустно косился на конторку, въ которой продавались билеты и на дверь, въ которую пропускались покупатели. Въ немъ разыгрывалась цѣлая внутренняя драма. Наконецъ смѣлымъ движеніемъ бросился онъ къ сидѣльцу при кассѣ и повелительнымъ голосомъ спросилъ его: что это казенные звѣри, что-ли? На лицѣ его такъ и выражалось сознаніе, что если получитъ онъ въ отвѣтъ: *казенные*, то и онъ, какъ человѣкъ казенный, имѣетъ полное право, во имя Всероссійскаго оружія, побѣдоносно ворваться въ желанный звѣринецъ. Въ выраженіи этого лица былъ полный *натурный этюдъ* для живописца, физіолога, психолога, а особенно руссолога.

Здѣсь же въ Варшавѣ, не помнится по какому именно случаю, сдѣлано было распоряженіе В. К. Константиномъ Павловичемъ, чтобы въ такой-то день на службу въ дворцовую Русскую церковь были допускаемы одни Русскіе и православные, за рѣшительнымъ исключеніемъ должностныхъ и чиновныхъ Поляковъ, которые обыкновенно бывали по праздникамъ при богослуженіи. Наблюденіе за этимъ порядкомъ было поручено генералу В. Онъ сталъ въ дверяхъ и для безошибочнаго исполненія возложенной на него обязанности началъ слѣдующимъ образомъ допрашивать каждое сомнительное лицо: Позвольте мнѣ спросить васъ: вы не Русскій?— Нѣтъ. — Вы не православнаго вѣроисповѣданія? — Нѣтъ. — Стало быть вы Полякъ? — Да. — Стало быть вы католикъ? — Да. — Ну, такъ пошелъ-же вонъ!

Въ отсутствіе князя Паскевича изъ Варшавы, умеръ въ ней какой-то генералъ, и князь былъ недоволенъ распоряженіями, сдѣланными при погребеніи. Онъ сдѣлалъ за то выговоръ Варшавскому генералъ-губернатору, который временно замѣщалъ его. Не желая подвергнуть себя новой непріятности, осторожный и предусмотрительный генералъ-губернаторъ пишетъ однажды князю Паскевичу, также тогда отсутствующему: „Долгомъ считаю испросить разрѣшенія вашей свѣтлости, какъ, на случай смерти Жабоклицкаго (одного изъ чиновъ Польскаго двора) прикажете вы хоронить его“. Жабоклицкій въ то время вовсе не былъ боленъ, а только старъ и замѣчательно худощавъ.

Итальянецъ Тончи, живописецъ, особенно извѣстный портретомъ Державина, былъ еще замѣчательный поэтъ и философъ. Философическое ученіе его заключалось въ томъ, что все въ жизни и въ мірѣ призрачно, что ничего нѣтъ положительнаго и существенно-дѣйствительнаго. По системѣ его, человѣкъ ни что иное какъ тѣнь, какъ призракъ, которому все что-то грезится и мерещится; однимъ словомъ, онъ преподавалъ, что все что́ есть не что́ иное какъ ничего. Съ итальянскою живостью своею, поэтическимъ настроеніемъ и особеннымъ даромъ слова, излагалъ и развивалъ онъ свое ученіе довольно увлекательно, и во всякомъ случаѣ занима-

тельно. Были у него и адепты, между прочими, помнится, генералъ Саблуковъ, а положительно и Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ. Онъ говаривалъ на своемъ смѣломъ языкѣ, что система его сближаетъ человѣка съ Создателемъ съ глазу на глазъ (nez à nez avec Dieu).

Разумѣется, эта мнимая жизнь, мнимая радость, мнимое страданіе, все это вѣчно кажущееся относительно всего и всѣхъ давало поводъ къ различнымъ шуткамъ со стороны невѣровавшихъ. Объ этомъ и шла рѣчь въ одномъ Петербургскомъ салонѣ. Кто-то изъ дипломатовъ замѣтилъ, что хорошо бы, если во время преподаванія системы своей философомъ, кто нибудь порядкомъ ущипнулъ бы его, или впустилъ иголку въ икры ему. — Да, подхватилъ тутъ одинъ изъ собесѣдниковъ (довольно крупная личность изъ Русскаго чиноначалія), любопытно было-бы провѣрить, что скажетъ Тончи, если влѣпить ему пятьсотъ палокъ.

Вотъ дѣло такъ дѣло! Это чисто по-русски: аргументъ прямо ad hominem. Мелкопомѣстный, мелкотравчатый дипломатъ думаетъ, что достаточно пощипать и уколоть допросимое лицо. Нашему брату это кажется смѣшно и даже малодушно. Большому кораблю большое и плаванье. Богатырю Ильѣ Муромцу дай въ руку палицу, или по крайней мѣрѣ дубинку батюшки Петра Алексѣевича, а не булавку. Булавкой не зачѣмъ и руку себѣ марать.

Вотъ пока что пришло мнѣ на память изъ матеріаловъ, которыми хотѣлъ я соорудить свою Россіяду. Это только закладка зданія. Можетъ быть со временемъ выведу еще кос-что. Во всякомъ случаѣ предоставляю усерднымъ зодчимъ и этнографамъ докончить начатое мною; за собою оставляю одну честь почина. А, мимоходомъ будь сказано, не мало починовъ моихъ даромъ пропало, то есть въ отношеніи ко мнѣ. Кое-какія издѣлія и товары мои пошли въ потребленіе и въ расходъ подъ чужими фирмами. Богъ дастъ, когда нибудь соберусь съ духомъ и силами и выведу на чистую воду разсчеты мои и укажу на должниковъ своихъ, которые даже не признаютъ меня заимодавцемъ своимъ, хотя поживились моими грошами.

Мы упомянули о портретѣ Державина, писанномъ Тончи. Извѣстно, что поэтъ изображенъ въ зимней картинѣ: онъ въ шубѣ,

и мѣховая шапка на головѣ. На вопросъ Державина Дмитріеву, что онъ думаетъ объ этой картинѣ, тотъ отвѣчалъ ему: „Думаю, что вы въ дорогѣ, зимою, и ожидаете у станціи, когда запрягутъ лошадей въ вашу кибитку“.

Поэтъ Милоновъ подражалъ Горацію и, за неимѣніемъ Фалернскаго вина его, переводилъ и Римское вино на Русскіе нравы или Русскій хмель. Бросить ли въ него камень за эту слабость? Кто же молодъ не бывалъ? Къ тому же, въ его время не заводили еще обществъ трезвости, да и едва-ли такія общества завербуютъ много поэтовъ: поэты боятся провиниться водяными стихами, а потому любятъ вспрыскивать ихъ виномъ. Право и по совѣсти, не въ укоръ будь сказано, а мы можемъ насчитывать у себя нѣсколько поэтовъ, которые писали подъ двойнымъ упоеніемъ Аполлона и Вакха.

Милоновъ имѣлъ блестящее начало въ жизни своей. Онъ вышелъ однимъ изъ отличныхъ воспитанниковъ благороднаго Московскаго пансіона, состоящаго при университетѣ. Этотъ пансіонъ былъ долго разсадникомъ многихъ дарованій, по разнымъ отраслямъ общественнаго преуспѣянія. Жаль, что у насъ нерѣдко уничтожаются хорошія и полезныя заведенія, въ надеждѣ замѣнить ихъ лучшими. Но такія надежды не всегда сбываются. Милоновъ рано обратилъ общее вниманіе на свои поэтическіе опыты. Къ сожалѣнію, впослѣдствіи времени, эти удачные опыты недостаточно разростались и созрѣвали. Что виною тому: свойство-ли таланта его, или обстоятельства? Рѣшить трудно. Фактура стиха его была всегда правильна и художественна, языкъ всегда изящный. Но, кажется, въ Милоновѣ было мало поэтическаго увлеченія, мало de diable au corps, какъ говорилъ Вольтеръ; не доставало и творчества. Но стихотворецъ былъ онъ замѣчательный, особенно въ сатирическомъ родѣ. Въ одной изъ сатиръ своихъ задѣлъ онъ зло миролюбиваго и простодушнаго Василія Львовича Пушкина. Ошеломленный неожиданнымъ нападеніемъ и чувствительно уязвленный, онъ долго не могъ опомниться, сѣтовалъ на человѣческую неблагодарность и жалобно говорилъ: „Да что же я ему сдѣлалъ худого? Не позже

какъ на той недѣлѣ Милоновъ вечеромъ пилъ у меня чай. Никакъ не могъ я подозрѣвать въ немъ такого коварства“.

Не знаемъ за что, но Милоновъ не любилъ и Козодавлева, министра внутреннихъ дѣлъ и задѣвалъ его въ переводахъ своихъ изъ классическихъ поэтовъ, въ лицѣ Рубеллія.

Дашковъ, бывшій нѣкогда сослуживцемъ его въ министерствѣ Дмитріева, не любилъ Милонова. Житія строгаго и характера нѣсколько непреклоннаго, Дашковъ не могъ мирволить съ обычаями, частью распущенными, бывшаго сослуживца своего. Онъ даже сердился на пріятелей своихъ, которые менѣе взыскательно оставались съ нимъ въ прежнихъ отношеніяхъ. Есть напечатанное посланіе Воейкова къ Дашкову; тутъ находятся сильные стихи противъ Милонова, едва ли не самые укорительные и безпощадные изъ всѣхъ, вылившихся послѣ изъ пера автора *Дома Сумасшедшихъ.*

Въ какой-то торжественный день Петербургъ былъ вечеромъ освѣщенъ праздничными огнями. Проходя мимо памятника Петра Великаго, остававшагося во тмѣ, Милоновъ воскликнулъ:

Нѣтъ благодарности въ Россіянахъ ни крошки:
Петръ стоитъ алтарей, а нѣтъ предъ нимъ и плошки.

Дмитріевъ, какъ извѣстно, не только отличалъ, ободрялъ молодыя дарованія, но когда могъ старался и давать имъ ходъ. Въ теченіе министерства своего, онъ многихъ изъ нихъ призрѣлъ и зачислилъ по вѣдомству своему. Онъ говаривалъ, что во всякомъ случаѣ они грамотнѣй другихъ и могутъ правильнѣе написать дѣловую бумагу. Литераторъ такъ уживался въ немъ съ министромъ, что онъ назначилъ Кокошкина на должность губернскаго прокурора въ Москву, преимущественно потому, что переводчикъ Мизантропа, передавшій вѣрно и хорошо характеръ Альцеста, долженъ быть и самъ человѣкъ добросовѣстный и правдивый. Подобное соображеніе, подобный взглядъ, не общепринятые въ министерскихъ нравахъ и обычаяхъ, достойны, что ни говори, почетнаго упоминанія; но дружба дружбою, а служба службою. Нерѣдко и министръ одолѣвалъ литератора. Послѣдній былъ всегда внимателенъ и доброжелателенъ. Первый часто строгъ, взыскателенъ и сухъ. Милоновъ былъ однажды дежурнымъ при немъ, и слѣдовательно долженъ былъ, какъ часовой, пробыть на мѣстѣ свои срочные

часы. Въ этотъ день Дмитріевъ отправился гулять пѣшкомъ по городу. Гдѣ-то на перекресткѣ встрѣчаетъ онъ Милонова. Весь служебный педантизмъ его пораженъ былъ такимъ уклоненіемъ отъ чиновническаго порядка. Онъ приказываетъ ему слѣдовать за нимъ. Милоновъ пошелъ рядомъ. „Я сказалъ вамъ, говоритъ Дмитріевъ, идти за мною, а не со мною“.

Въ первыхъ годахъ своей стихотворческой дѣятельности, Милоновъ перевелъ очень удачно одну изъ одъ Горація. За этотъ переводъ былъ онъ привѣтствованъ слѣдующими стихами (Это листокъ изъ современной литтературной эпохи, помнится, 1811 года).

Тогда, какъ уши намъ терзаютъ
Несносны крики совъ, гагаръ,
И Музы въ наши дни страдаютъ,
Какъ предки наши отъ Татаръ;
Когда Хвостовъ, Анастасевичъ,
Захаровъ, Шаховской, Станевичъ,
И вся Батыева орда
Выходитъ на Парнассъ войною,—
Ты, въ эти темные года,
Другъ вдохновенья и труда,
Съ своею лирой золотою
И юной Музою вдвоемъ,
Невѣждъ рой дикій оставляешь
И славу по пути встрѣчаешь,
Съ которой мало кто знакомъ.
Будь вѣренъ службѣ Музъ и Грацій,
Будь ихъ возлюбленнымъ жрецомъ,
И пусть наставникъ твой Горацій
Съ тобой подѣлится вѣнкомъ.

Добрый адмиралъ Рикордъ, завидя однажды на Невскомъ проспектѣ N. N., началъ издалека кричать ему: „Спасибо, большое спасибо за славную статью вашу, которую сейчасъ прочелъ я въ журналѣ: нечего сказать, мастерски написана! Но признаться надо, славная статья и этой бестіи“... Есть же люди, которые страннымъ образомъ умѣютъ приправлять похвалы свои.

Вотъ еще примѣръ подобнаго нелицепріятія и вмѣстѣ съ тѣмъ образчикъ нашихъ литтературныхъ нравовъ. Одинъ извѣстный литтературный дѣятель и дѣлецъ говорилъ Ив. Ив. Дмитріеву о своемъ пріятелѣ и сотрудникѣ: „Вы, ваше высокопревосходительство,

не судите о немъ по нѣкоторымъ выходкамъ его; онъ, спора нѣтъ, часто негодяй и подлецъ, но онъ добрѣйшая душа. Конечно, никому не посовѣтую класть палецъ въ ротъ ему, непремѣнно укуситъ; не дорого возьметъ онъ, чтобы при случаѣ предать и продать тебя: такая ужъ у него и натура. Но совсѣмъ тѣмъ онъ прекрасный человѣкъ, и нельзя не любить его". Въ продолженіи вечера, онъ не разъ принимался такимъ образомъ обрисовывать и честить пріятеля своего.

Тотъ-же о томъ-же сказалъ: „Утверждать, что онъ служитъ въ тайной полиціи, сущая клевета! Никогда этого не было. Правда, что онъ просился въ нее, но ему было въ томъ отказано".

Старикъ Сумароковъ сказалъ: „Въ прекрасной быть должна прекрасная душа". Этотъ хорошій стихъ относится къ Елис. Васил. Херасковой, супругѣ извѣстнаго поэта. А вотъ и остроумный стихъ его, изъ эпиграммы на Клавику, *которая и въ старости все еще хотѣла слыть красавицею:* „И Новъ-городъ ужъ старъ, а Новъ-городъ слыветъ". При подражаніи пріемамъ западной, такъ называемой классической литтературы, личная своеобразность Сумарокова часто пробивается. Въ немъ бьетъ Русская струя. Въ этомъ отношеніи онъ если не выше, то живѣе Ломоносова. Въ стихахъ не рѣдко, въ прозѣ почти всегда онъ оригиналенъ; часто онъ не пишетъ, не сочиняетъ, а говоритъ. Оригинальность, свое произношеніе, свой выговоръ, свой запѣвъ (intonation) — свойства у насъ рѣдкія: ими должно дорожить. Необходимо *реставрировать* Сумарокова, выбрать изъ него два, три тома прозы и стиховъ, преимущественно прозы. Но это дѣло не книгопродавческой спекуляціи, а дѣло Русской Академіи, или Московскаго общества любителей словесности.

Вотъ четверостишіе, хотя позднѣйшаго производства, но напоминающее эпиграмму Сумарокова, о которой выше упомянуто:

Она—прекрасная минувшихъ дней медаль.
Довольно-бъ, кажется, съ нея и славы этой;
Но ей на старости проказъ сердечныхъ жаль,
И хочется быть вновь ходячею монетой.

Въ чернилахъ есть хмель, зарождающій запой. Сколько людей, если бы не вкусили этого зелья, оставались бы на всю жизнь порядочными личностями! Но отъ перваго глотка запумѣло у нихъ въ головѣ, и пошло писать! И пьяному чернилами море по колѣно. А на дѣлѣ выходитъ, что и малая толика здраваго смысла, данная человѣку, захлебывается и утопаетъ въ чернильницѣ.

Одно изъ удачнѣйшихъ словъ Талейрана, который мастеръ былъ этого дѣла, есть слѣдующее. Когда Наполеонъ произвелъ статсъ-секретаря своего Маре (Maret) въ герцога Бассанскаго (duc de Bassano): „Теперь есть во Франціи человѣкъ, который глупѣе Маре; а именно герцогъ Бассанскій“. Тоже можно сказать о нѣкоторыхъ нашихъ литературныхъ псевдонимахъ. На лицо они глупы, подъ загадкою еще глупѣе. И охота многимъ изъ нихъ прятаться подъ маскою! И въ полнолуніи лица своего, и въ полномъ азбучномъ облаченіи имени своего, они все-таки остаются неизвѣстными, благородными инкогнито. Они родились спрятанными.

Императрица Екатерина II-я строго преслѣдовала такъ называемыя *азартныя игры* (какъ будто не всѣ картежныя игры болѣе или менѣе азартны?). Дошло до свѣдѣнія ея, что одинъ изъ приближенныхъ ко двору, а именно Левашевъ, ведетъ сильную азартную игру. Однажды говоритъ она ему съ выраженіемъ неудовольствія: „А вы все-таки продолжаете играть!“—„Виноватъ, Ваше Величество: играю иногда и въ коммерческія игры“. Ловкій и двусмысленный отвѣтъ обезоружилъ гнѣвъ Императрицы. Она улыбнулась: тѣмъ дѣло и кончилось.

Мы замѣтили, что всякая игра болѣе или менѣе азартна, т. е. болѣе или менѣе подвержена случайности. Трудно даже въ точности опредѣлить, какая игра азартная, какая нѣтъ. Обыкновенно называютъ азартными играми игры безкозырныя. И то не вѣрно: въ пикетѣ нѣтъ козыря, а пикетъ считается коммерческою игрою. Въ

экарте есть козырь, а эта игра признается азартною и запрещена. Пожалуй, такъ называемыя коммерческія игры еще иногда опаснѣе неопытнымъ новичкамъ: противъ нихъ могутъ дѣйствовать умѣніе противника и случайность въ сдачѣ ему хорошихъ картъ, не говоря уже о нѣкоторыхъ соображеніяхъ, при которыхъ хорошія карты непремѣнно очутятся въ рукахъ его. Въ старое время общепринятая игра была *бостонъ*. Кто-то сказалъ, что въ ней неминуемо имѣешь дѣло съ двумя непріятелями и однимъ предателемъ, который идетъ тебѣ въ вистъ. Всякая игра бой: умѣніе умѣніемъ, но есть и доля счастія и несчастія, то есть случайности, слѣдовательно *азарта*. Вообще игра, можетъ быть, и зло, но зло неизбѣжное и законами неуловимое. Можно проиграть въ фараонъ сто рублей и даже пять, въ вистъ можно проигрывать десятки тысячъ рублей въ каждый вечеръ. Едва ли еще не благоразумнѣе допустить публичныя азартныя игры подъ строгимъ и добросовѣстнымъ наблюденіемъ полиціи и при нѣкоторыхъ оберегательныхъ и ограничивающихъ условіяхъ: такимъ образомъ скорѣе будутъ и волки сыты, и овцы цѣлы, не рѣдко вплоть остриженныя (это такъ), но по крайней мѣрѣ шкура ихъ будетъ удобнѣе спасена, нежели въ потаенныхъ игрецкихъ трущобахъ. Есть люди предопредѣленные роковою силою неминуемому проигрышу. Американецъ Толстой говорилъ объ одномъ изъ таковыхъ обреченныхъ, что, начни онъ играть въ карты самъ съ собою, то и тутъ найдетъ средство проиграться. Одинъ безпристрастный и нелицепріятный сынъ разсказалъ мнѣ, какъ покойный отецъ его, въ концѣ прошлаго столѣтія, выигралъ у пріятеля своего двадцать тысячъ рублей — на клюквѣ. Вотъ какъ это происходило. Онъ предложилъ добродушному пріятелю своему угадывать, въ которой рукѣ его цѣльная клюковка, въ которой раздавленная. Разумѣется, закладъ былъ опредѣленъ въ извѣстную сумму. Игра продолжалась около двухъ часовъ. Нужно ли добавить для простодушнаго читателя, что вызванный на игру окончательно назначалъ всегда не въ попадъ? Что-же послѣ, не приписать-ли и клюкву къ азартнымъ играмъ? Законъ упустилъ это изъ виду.

Бѣдную старушку больно приколотили. Приколотившій ее былъ присужденъ заплатить ей 25 рублей за побои и безчестье. Она любила припоминать и разсказывать этотъ случай, разсказъ-же свой заключала всегда слѣдующими словами, которыя произносила съ умиленіемъ и съ крестнымъ знаменіемъ: „Вотъ какъ не угадаешь, съ какой стороны взыщетъ тебя Божье милосердіе“.

Въ 1806 или 1807 году одинъ изъ извѣстнѣйшихъ Московскихъ книгопродавцевъ разсказывалъ слѣдующее приходящимъ въ лавку его: „Ну, ужъ надо признаться, вспыльчивъ авторъ такой-то. Вотъ что со мною было. Приходитъ онъ на дняхъ ко мнѣ и, ни съ того, ни съ другого, начинаетъ меня позорить и ругать; я молчу и смотрю что будетъ. Наругавшись вдоволь, кинулся онъ на меня и сталъ тузить и таскать за бороду. Я все молчу и смотрю что будетъ. Наконецъ плюнулъ онъ на меня и вышелъ изъ лавки, не объяснивъ въ чемъ дѣло. Я все молчу и жду, не воротится ли онъ для объясненія. Нѣтъ, не возвратился: такъ и остался я не при чемъ!“

Отцу Алексѣя Михайловича Пушкина, пострадавшему въ царствованіе Екатерины II, кто-то, кажется какой-то князь Волконскій, сказалъ: „Не понимаю, почему такъ много говорятъ о книгѣ Гельвеція *de l'esprit;* я прочелъ ее отъ доски до доски и ничего особеннаго въ ней не нашелъ“.— „Вѣрю, отвѣчалъ Пушкинъ; но тутъ, можетъ быть, не одинъ Гельвецій виноватъ“.

Во время маневровъ, императоръ Александръ Павловичъ посылаетъ одного изъ флигель-адъютантовъ своихъ съ приказаніемъ въ какой-то отрядъ. Спустя нѣсколько времени, Государь видитъ, что отрядъ дѣлаетъ движеніе, совершенно несогласное съ даннымъ приказаніемъ. Онъ спрашиваетъ флигель-адъютанта: „что вы отъ меня передали?“ Выходитъ, что приказаніе передано было совершенно навыворотъ. „Впрочемъ, сказалъ Государь, пожимая плечами, и я дуракъ, что васъ послалъ“.

На Каменномъ острову Александръ Павловичъ замѣтилъ на деревѣ лимонъ необычайной величины. Онъ приказалъ принести его къ нему, какъ скоро онъ спадетъ съ дерева. Разумѣется, по излишнему усердію приставили къ нему особый надзоръ, и наблюденіе за лимономъ перешло на долю и на отвѣтственность дежурному офицеру при караулѣ. Нечего и говорить, что Государь ничего не зналъ объ устройствѣ этого обсерваціоннаго отряда. Наконецъ роковой часъ пробилъ: лимонъ свалился. Приносятъ его къ дежурному офицеру. Это было далеко за полночь. Офицеръ, вѣрный долгу и присягѣ своей, идетъ прямо въ комнаты Государя. Государь уже почивалъ въ постели своей. Офицеръ приказываетъ камердинеру разбудить его. Офицера призываютъ въ спальню.—„Что случилось? спрашиваетъ Государь. Не пожаръ-ли?“—„Нѣтъ, благодаря Бога, о пожарѣ ничего не слыхать. А я принесъ Вашему Величеству лимонъ“. „Какой лимонъ?“—„Да тотъ, за которымъ Ваше Величество повелѣли имѣть особое и строжайшее наблюденіе“. Тутъ Государь вспомнилъ и понялъ, въ чемъ дѣло. Александръ Павловичъ былъ отмѣнно вѣжливъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ иногда очень нетерпѣливъ и вспыльчивъ. Можно предположить, какъ онъ съ просонья отблагодарилъ усерднаго офицера, который долго послѣ того извѣстенъ былъ между товарищами подъ прозвищемъ лимонъ.

Въ Варшавѣ разсказывали, что въ одномъ сраженіи Польскій офицеръ (не припомню имени его) былъ на ординарцахъ у Наполеона I. Онъ посылаетъ его съ приказаніемъ къ начальнику отдѣльнаго корпуса, стоящаго въ сторонѣ. Офицеръ пришпорилъ лошадь свою и поскакалъ; но, отъѣхавъ нѣсколько саженей, возвращается онъ къ императору и спрашиваетъ: „А гдѣ найти мнѣ ваше величество, когда исполню порученіе?“ — „Хоть ростомъ я и невеликъ, отвѣчалъ Наполеонъ, улыбаясь, но все-таки вы, вѣроятно, отыщете меня. Поѣзжайте только скорѣе“. Другой случай. Императрица Жозефина подарила часы также одному изъ Польскихъ офицеровъ, находившемуся при особѣ Наполеона. Послѣ расторженія брака съ Жозефиною, Наполеонъ вспомнилъ про эти часы и спросилъ офицера, сохранилъ-ли онъ подарокъ императрицы.

„Нѣтъ, Ваше Величество, отвѣчалъ онъ: Son heure a sonné (часъ ея пробилъ)“.

Съ той самой поры офицеръ пересталъ пользоваться прежнимъ благоволеніемъ Наполеона.

Во время парада на Саксонской площади, великій князь Константинъ Павловичъ подзываетъ Польскаго генерала, извѣстнаго стихотворца и, показывая на выстроившійся полкъ, говоритъ ему: „Что вы на это скажете? Это получше вашихъ стиховъ!“ — „Sans aucun doute, monseigneur, mais aussi ce sont des vers Alexandrins, т.-е. нѣтъ сомнѣнія, Ваше Высочество, но за то они и Александрійскіе стихи (шестистопные). Кажется, не за чѣмъ добавлять, что это было сказано въ царствованіе Александра Павловича.

Байковъ, лицо извѣстное въ Варшавѣ, былъ въ началѣ столѣтія причисленъ къ неудавшемуся, или не дошедшему до мѣста назначенія своего, посольству графа Головкина въ Китай. Передъ тѣмъ состоялъ онъ на службѣ при посольствѣ графа Маркова въ Парижѣ. Позднѣе былъ онъ главнымъ чиновникомъ, если не совершенно правителемъ дѣлъ, въ канцеляріи Новосильцова въ Варшавѣ. Въ этой должности и умеръ онъ скоропостижно въ каретѣ, недалеко отъ Вильны, когда онъ, помнится, ѣхалъ въ загородный домъ къ невѣстѣ своей. Мицкевичъ, въ сатирической драмѣ по поводу Виленско-университетскихъ дѣлъ, не упустилъ случая нарисовать и его портретъ. По моему убѣжденію, Байковъ много вредилъ Новосильцову; съ этой точки зрѣнія, постараюсь и я въ нѣсколькихъ чертахъ опредѣлить эту личность. Онъ былъ человѣкъ способный, особенно сметливый, вообще умный, очень занимательный и забавный въ разговорѣ. Нельзя назвать его добрымъ человѣкомъ, но нельзя назвать и злымъ. Онъ былъ добръ равнодушно, золъ не всегда неумышленно. Когда поживешь на свѣтѣ и долго потрешься около людей, бываешь радъ и человѣку, который не постоянно готовъ напакостить ближнему изъ одной чистой любви къ искусству пакостить, а пускается на эту охоту только въ извѣстныхъ слу-

чаяхъ и по особенно-личнымъ обстоятельствамъ. Отъ первыхъ никуда не уйдешь: они вездѣ отыщутъ тебя, какъ охотникъ отыскиваетъ звѣря. Въ отношеніи къ другимъ стóитъ только не выбѣгать къ нимъ на встрѣчу и посторониться съ дороги ихъ, когда они неуклоннымъ и безпрепятственнымъ шагомъ идутъ къ цѣли своей.

Въ обращеніи своемъ Байковъ былъ нѣсколько наступателенъ и дерзокъ. Съ нимъ, то-есть противъ него, должно было всегда держаться въ позиціи оборонительной. Горе тому, кто захотѣлъ бы завести съ нимъ равныя и братскія сношенія: простодушный и несчастный Авель сдѣлался-бы неминуемо жертвою Каина. Каинъ уничтожилъ-бы, задушилъ-бы его своею властолюбивою натурою. Онъ не былъ ни любимъ, ни уважаемъ въ Варшавскомъ обществѣ, ни въ Польскомъ, ни въ Русскомъ кругу. А чтó всего хуже и прискорбнѣе, это нерасположеніе къ нему скоро отозвалось на самомъ Новосильцовѣ. Новосильцовъ любилъ его, т.-е. онъ забавлялъ Новосильцова; вслѣдствіе того онъ баловалъ Байкова и давалъ ему волю. Новосильцовъ былъ отмѣнно мягкаго характера; имъ легко было овладѣть. Байкову не нужно было прибѣгать для достиженія этой цѣли къ изысканнымъ ухищреніямъ и тактическимъ обходамъ. Онъ отчасти владѣлъ Новосильцовымъ, потому что былъ на лицо. Можно сказать, что онъ имъ владѣлъ силою какого-то *пассивнаго магнетизма,* не давая себѣ труда и магнетизировать его. Байковъ былъ самъ натуры довольно беззаботной, тучной и лѣнивой, даже сонливой. Онъ нерѣдко засыпалъ на людяхъ, въ салонахъ и въ театрѣ, гдѣ иногда, съ просонья, обращался на сцену къ актерамъ и особенно къ актрисамъ съ шуткою не всегда приличною. Рѣзкія, высокомѣрныя замашки его, можетъ быть ему и прирожденныя, вѣроятно еще болѣе развились въ дипломатической школѣ графа Маркова, который также нѣкогда славился своимъ бритвеннымъ языкомъ и обращеніемъ часто до заносчивости невѣжливымъ. Какъ-бы тó ни было, но подобное обращеніе не могло нравиться тогдашнему аристократическому Варшавскому обществу. Поляки считали Байкова недостаточно благовоспитаннымъ и отъ него уклонялись, хотя по оффиціальному положенію его и не могли совершенно чуждаться его. Чтó ни говори о политической несостоятельности Поляковъ и вслѣдствіе того о нѣкоторыхъ нравственныхъ недостат-

кахъ ихъ, но нельзя не признать, что Поляки, мужчины и женщины аристократическаго круга, всегда обращавшіеся въ высшихъ и лучшихъ обществахъ Европейскихъ столицъ, сохранили и послѣ переворотовъ, обезсиливших ъ національное значеніе ихъ, всѣ преданія, обычаи, повѣрія и, пожалуй, и суевѣрія золотаго вѣка Европейскаго общежитія. Въ Польшѣ не было уже матеріальнаго, средневѣковаго барства, но изящное салонное барство, основанное на наслѣдственной образованности, было еще силою и прелестью общества. Въ первыя времена возрожденнаго Царства Польскаго, въ эти медовые мѣсяцы брачнаго сожительства между Варшавскою Польшею и Русскимъ правительствомъ, сношенія завоеванныхъ съ завоевателями были не только миролюбивы, но вѣроятно и дружелюбны со стороны первыхъ. Разумѣется, могли быть и даже были исключенія; но большинство довольствовалось тѣмъ что́ есть: упованія на лучшее или на бо́льшее были нока еще потаенныя pia desideria *). Но послѣ того обнаружилась какая-то incompatibilité d'humeur **); далѣе раздраженіе и окончательно разрывъ. До этого кризиса, во время перемежающейся лихорадки, осторожность, политическая сдержанность, при твердости всѣмъ явной и всѣми признаваемой, даже нѣкоторая терпимость, были-бы на то время не излишнею уступчивостью, не слабостью, а лучшимъ средствомъ къ полному, по возможности, сближенію и къ устроенію равновѣсія. Новосильцовъ былъ нѣкоторое время тѣмъ, что́ называется l'homme de la situation, т.-е. человѣкомъ соотвѣтствующимъ настоящему положенію. Онъ не поддавался Полякамъ, но и не унижалъ, не дразнилъ ихъ. Онъ тоже принадлежалъ избранному кругу людей благовоспитанныхъ и отличающихся изяществомъ, блескомъ и, такъ сказать, благоуханіемъ образованности. Въ этомъ отношеніи высшія аристократическія лица сочувствовали ему. Байковъ, съ самаго начала, былъ часто какою-то разноголосицею, рѣзкою, грубою нотою въ этой только-что улаживающейся гармоніи.

Въ числѣ смѣшныхъ слабостей его была и та, что онъ сбивался на мѣстоименіяхъ. Новосильцова *онъ* на языкѣ его всегда сходилъ на *мы*. *Мы* сдѣлаемъ, *мы* рѣшили, *нашъ* поваръ, *мы* даемъ

*) Добрыя пожеланія.
**) Несходство въ нравѣ.

балъ и такъ далѣе. Однажды, приглашая Полѣка на обѣдъ къ Новосильцову, сказалъ онъ: „Приходите къ намъ сегодня за-просто отобѣдать“.—„Къ сожалѣнію не могу (отвѣчалъ тотъ съ лукавою вѣжливостью): я уже отозванъ къ его превосходительству сенатору Новосильцову“.

Послѣ всего сказаннаго, спрашиваю себя, не грѣшно-ли, и во всякомъ случаѣ не совѣстно-ли, выносить соръ изъ старины, соръ замогильный. Римская поговорка извѣстна; но, если говорить о мертвыхъ только хорошее, то изъ исторіи выйдетъ одно похвальное слово, а не безпристрастный и вѣрный синодикъ. Одно условіе: въ разсказахъ о минувшемъ, въ характеристикѣ людей, болѣе или менѣе замѣчательныхъ дѣятелей, уже сошедшихъ съ почвы дѣйствія, должны соблюдаться педантически осмотрительность и строгость: не повторять на обумъ то, что̀ мелькомъ слышалъ отъ стоустной молвы, а еще болѣе отъ тысячеустной сплетни. Нѣтъ, тутъ должно передавать только то, что видѣлъ собственными глазами, слышалъ собственными ушами, въ чемъ убѣдился не чужимъ, а собственнымъ убѣжденіемъ. А и тогда еще можешь промахнуться: и глаза иногда обманываютъ, и убѣжденіе оказывается легковѣрнымъ и погрѣшительнымъ. Но по крайней мѣрѣ въ такомъ прискорбномъ случаѣ не нарушаешь спокойствія совѣсти и не кладешь пятна на нее. Отъ живописца современной эпохи болѣе требовать нельзя.

Байковъ былъ далеко не историческое лицо и не историческій дѣятель; исторія не замѣтитъ его и не догадается о немъ; но положеніемъ своимъ въ обществѣ, прикосновеніемъ къ лицамъ, которыхъ голоса и руки имѣли болѣе или менѣе вліяніе на совершавшіяся событія, и онъ не совершенно чуждъ исторіи, и если будущій дѣписатель помянутой эпохи могъ бы вооружиться всеизслѣдующимъ микроскопомъ, то онъ отыскалъ бы и затерянное имя Байкова въ средѣ дѣйствующихъ лицъ, которыя заслонили его ростомъ своимъ и подавили значительностью своею. Не должно придавать людямъ болѣе важности, чѣмъ они заслуживаютъ; но нельзя, по крайней мѣрѣ, очевидцу не пристроить каждое второстепенное и пятистепенное лицо къ мѣсту, которое принадлежитъ ему. Байковъ не былъ недугомъ Новосильцова, но онъ былъ болячкою его.

Вообще должно сознаться, что, за весьма рѣдкими исключеніями, приливъ офиціальныхъ Русскихъ лицъ въ то время не могъ смѣшаться съ Варшавскимъ обществомъ. Уровень ихъ былъ значительно ниже Варшавскаго. Это была большая ошибка. Государь, Новосильцовъ, самъ великій князь Константинъ Павловичъ, не смотря на неровности характера и припадки своей вспыльчивости, нѣкоторые изъ адъютантовъ его, еще три или четыре гражданскія лица, могли конечно дать отрадное понятіе о Русской образованности; но за то, что сказать о вліяющемъ большинствѣ, о массѣ? Лучше ничего не говорить. Генералъ Курута, напримѣръ, былъ главнымъ лицомъ при дворѣ Цесаревича. Онъ былъ человѣкъ умный и не злой; во все время нахожденія своего при Великомъ Князѣ, онъ вѣроятно никому вреда умышленно не сдѣлалъ, а можетъ быть, часто укрощалъ вспышки, готовыя разразиться. Онъ былъ хитрый Грекъ: но признаться должно, что аттицизма было въ немъ немного, и онъ не смотрѣлъ Грекомъ временъ Периклеса. Какого же можно было ожидать отъ него благопріятнаго Русскаго преобразовательнаго вліянія на Польское общество, въ которомъ находились еще живыя преданія, свидѣтели и участники изящныхъ и блестящихъ увеселеній Тріанона или родныхъ Лазенокъ и великолѣпныхъ празднествъ Сенъ-Клу и Фонтенебло?

Многіе изъ насъ думаютъ, что достаточно матеріальной силы для преобладанія въ чужой сторонѣ. Оно не всегда такъ. Нечего и говорить, лестно и пріятно чувствовать за собою дубинку Петра Алексѣевича: она хорошее вспомогательное средство и даже въ своемъ родѣ назидательное. Сила силою, и пренебрегать ею нельзя; но не худо имѣть при ней и нравственную указку для благонадежнаго и окончательнаго преподаванія. Многіе изъ насъ того мнѣнія, что правительственныя лица, въ области болѣе или менѣе чужой, должны, если они хорошіе патріоты, ненавидѣть людей подчиненныхъ власти ихъ и равномѣрно быть ими ненавидимы; не дай Боже, чтобы администраторъ полюбилъ находящихся въ управленіи его, а они его полюбили: тутъ тотчасъ наши публицисты заподозрятъ измѣну! Нужно отвращать и побѣждать враждебныя побужденія, но самому не допускать въ себѣ вражды: вражда одну вражду и родить способна. Императоръ Николай это хорошо со-

знавалъ и чувствовалъ. Отпуская графа Гурьева въ Кіевъ на генералъ-губернаторство, онъ сказалъ ему слѣдующія достопамятныя и великодушныя слова: „Ты знаешь, что я, послѣ Польскаго возмущенія, до Поляковъ небольшой охотникъ; но если, по предубѣжденіямъ и по страсти, я увлеченъ буду на принятіе какихъ-нибудь мѣръ несправедливыхъ противъ нихъ, то обязанность твоя немедленно предостерегать меня“.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

1.

NN. Что ты такъ горячо рекомендуешь мнѣ К.? Развѣ ты хорошо знаешь его?

Р. Нѣтъ, но Х. ручается за честность его.

NN. А кто ручается за честность Х.?

2.

Начальникъ департамента. Мнѣ кажется, я васъ гдѣ-то встрѣчалъ.

Молодой проситель, желающій получить мѣсто въ департаментѣ. Такъ точно, ваше превосходительство: я иногда тамъ бываю.

3.

Молодой офицеръ пріѣхавшій въ Москву. Сдѣлай одолженіе, Неѣловъ: сыщи мнѣ невѣсту. Смерть хочется жениться.

Неѣловъ. Охотно, у меня есть невѣста на примѣтѣ.

Офицеръ. А что за нею приданаго?

Неѣловъ. Двѣ тысячи стерлядей, которыя на волѣ ходятъ въ Волгѣ.

Въ Москвѣ (не знаю, какъ теперь) долго патріархально и свято сохранялись родственныя связи и соблюдалось родственное чинъ-чинопочитаніе. Разумѣется, во всѣхъ странахъ, во всѣхъ городахъ есть и бабушки, и дядюшки, и троюродныя тетушки, и внучатные

братья и сестры; но вездѣ эти дядюшки и тетушки болѣе или менѣе имена нарицательныя, въ одной Москвѣ уцѣлѣло ихъ существенное значеніе. Это не умозрительныя числа, а плоть и кровь. Ужъ если тетушка, то настоящая тетушка; ужъ если дядя, то дядя съ ногъ до головы; племянникъ, за версту его узнаешь. Кругъ родства не ограничивается ближайшими родственниками; въ Москвѣ родство простирается до едва замѣтныхъ отростковъ, ужъ не до десятой, а развѣ до двадцатой воды на киселѣ. Нужно прилежное и глубокое изученіе по части генеалогіи, чтобы вполнѣ усвоить себѣ эти тарабарскія грамоты родословія. А есть такіе профессора, а особенно профессорши, которыя по щепкѣ и по листочку переберутъ любое Московское генеалогическое дерево. Въ тридцатыхъ годахъ пріѣхалъ въ Москву одинъ баринъ, уже за нѣсколько лѣтъ изъ нея выѣхавшій. На вечеринкѣ онъ встрѣчается нечаянно съ однимъ изъ многочисленныхъ дядюшекъ своихъ. Тотъ, обиженный, что племянникъ еще не былъ у него съ визитомъ, начинаетъ длинную нотацію и рацею противъ ослабленія семейныхъ связей и упадка семейной дисциплины. Племянникъ кидается ему на шею и говоритъ: „Ахъ, дядюшка, какъ я радъ видѣть васъ. А мнѣ сказали, что вы уже давно умерли“. Дядюшка былъ нѣсколько суевѣренъ и не радъ былъ, что накликалъ на себя такое привѣтствіе.

Пришло же въ голову чудаку вывести такую ариѳметическую табличку:

Изъ пошлыхъ риѳмачей у насъ онъ не 1;
Хоть родомъ онъ Москвичъ, а пишетъ какъ Мор 2.
Его стихами ты себѣ хоть носъ у 3.
Ему докажешь-ли, какъ дважды два 4,
Что вретъ онъ. Ничего! онъ врать начнетъ о 5.
У всѣхъ людей пять чувствъ: въ немъ съ глупостью ихъ 6.
Досель на землѣ чудесъ считали 7;
Но чудо вѣдь и онъ, такъ смѣло ставьте 8.
Ему подобнаго, иди хоть за три 9
Земель, не сыщешь: онъ безъ единицы 10.

А вотъ и другая шалость, найденная въ той же тетрадкѣ:

Какъ?
Лука Лукичъ ужъ не дуракъ?
Что-жъ?
На человѣка онъ похожъ?
Ба!
И знаетъ онъ, что б-а-ба?
Ой,
И сталъ онъ малой дѣловой?
Ну,
И онъ нашелъ себѣ жену?
Эй,
И онъ отецъ своихъ дѣтей?
—
Вотъ полоса такъ полоса:
Теперь я вѣрю въ чудеса.

Кстати помянуть здѣсь и Неѣлова. Онъ, между прочимъ, любилъ писать амфигури, и нѣкоторые изъ нихъ очень удачны и забавны. Это послѣднее свойство отличительная черта, если не таланта, то способности Неѣлова. Забавность, истинная и сообщительная веселость очень рѣдко встрѣчаются въ нашей литературѣ. А между тѣмъ въ Русскомъ умѣ есть жилка шутливости: мы болѣе насмѣшливы, чѣмъ смѣшливы, преимущественно на письмѣ. Чернила какъ-то остужаютъ у насъ вспышки веселости. На Русской сценѣ мало смѣются и мало смѣшатъ. Мы почти можемъ сказать, что Русской комедіи не до смѣха. У Французовъ называются *амфигури* куплеты, положенные обыкновенно на всѣмъ знакомый напѣвъ: куплеты составлены изъ стиховъ, не имѣющихъ связи между собою, но отмѣченныхъ шутливостью и часто неожиданными риѳмами. Иногда это пародіи на извѣстныя сочиненія, легкіе намеки на личности и такъ далѣе. Вотъ нѣкоторыя выписки изъ Неѣлова:

Пускай Тардивъ *)
Въ компотъ изъ сливъ
Мадеру подливаетъ;
А Жанъ Расинъ,
Какъ въ маслѣ блинъ,
Въ безсмертьи утопаетъ.
—

*) Петербургскій рестораторъ.

Андрей Сушковъ
Лишь пять вершковъ
Въ природѣ занимаетъ;
А Бонапартъ
Съ колодой картъ
Одинъ въ *пасьянсѣ* играетъ.

Это было писано въ 1813 году. Тутъ былъ забавный куплетъ о Французскихъ маршалахъ Давустъ (риѳма была кустъ) и Удино, но этой риѳмы не скажу. Въ это время все содѣйствовало патріотизму поражать врага: и лубочныя народныя каррикатуры, и, пожалуй, лубочные стихи, которые на этотъ разъ съ большею мѣткостью попадали въ цѣль, чѣмъ оды Державина.

Въ то самое время Неѣловъ имѣлъ тяжбу, которая разсматривалась въ Правительствующемъ Сенатѣ. Дѣло длилось. Неѣловъ излилъ меланхолическія чувства свои въ заключительномъ куплетѣ своего амфигури:

Мой геморой,
Иной порой,
Вертитъ меня, ломаетъ;
Но ахъ, Сенатъ
Мнѣ во сто кратъ
Жить болѣе мѣшаетъ.

Неѣловъ, истинный поэтъ въ своемъ родѣ, имѣлъ потребность перекладывать экспромтомъ на стихи всѣ свои чувства, впечатлѣнія, замѣтки. Онъ былъ русская Эолова арфа, то-есть народная игривая балалайка. Неѣловъ два раза былъ женатъ, но дѣтей не имѣлъ; а сердце à priori было очень чадолюбивое. Вотъ какъ эта любовь выразилась однажды:

Дай, судьба, ты мнѣ ребенка;
Тѣмъ утѣшь ты жребій мой:
Хоть щенка, хоть жеребёнка,
Лишь-бы былъ мнѣ сынъ родной.

Этотъ поэтъ, по вольности дворянства и по вольности поэзіи, не всегда былъ разгульнымъ циникомъ. Онъ иногда надѣвалъ и перчатку на правую руку и мадригальничалъ въ альбомахъ Московскихъ барышень. Вотъ что написалъ онъ во время грозы:

Я грома не боюся;
Онъ прогремитъ, пройдетъ.
Но равнодушья твоего страшуся:
Оно меня убьетъ.

Я говорилъ о балалайкѣ: это напомнило мнѣ разсказъ Американца Толстаго. Высаженный на берегъ Крузенштерномъ, онъ возвращался домой пѣшеходнымъ туристомъ. Гдѣ-то въ отдаленной Сибири, напалъ онъ на старика, вѣроятно сосланнаго: онъ утѣшалъ горе свое родными сивухою и балалайкою. Толстой говорилъ, что онъ пилъ хорошо, но еще лучше игралъ на своемъ доморощенномъ инструментѣ. Голосъ его, хотя и пьяный и нѣсколько дребезжащій отъ старости, былъ отмѣнно выразителенъ. Толстой помнилъ, между прочимъ, куплетъ изъ одной пѣсни его:

Не тужи, не плачь, дѣтинка;
Въ ротъ попала кофейника,
Авось проглочу.

И на этомъ *авось проглочу* голосъ старика разрывался рыданіемъ, самъ онъ обливался слезами и говорилъ, утирая слезы свои: „Понимаете-ли, ваше сіятельство, всю силу этого: авось проглочу!“ Толстой добавлялъ, что рѣдко на сценѣ и въ концертахъ бывалъ онъ болѣе растроганъ, чѣмъ при этой дикой и нелѣпой пѣснѣ Сибирскаго рапсода.

Кто-то говорилъ, что вообще наши *статистики* скорѣе *статисты*, которые, по опредѣленію нашего академическаго словаря, суть актеры безъ рѣчей на сценѣ. И отъ нашихъ статистиковъ большихъ рѣчей и чиселъ ожидать нельзя. Въ статистику приходится вѣрить болѣе на слово. Хорошо еще въ маленькомъ государствѣ; но у насъ, съ нашими пространствами, безграмотностью и недостаткомъ правильнаго счетоводства, какъ услѣдить за всѣми дѣлами природы и дѣлами рукъ человѣческихъ? Прошу покорно вычислить, хотя приблизительно, хотя съ нѣкоторою вѣроятностью, число курицъ и коровъ, и такъ далѣе, которыя родятся, здравствуютъ и умираютъ

отъ хладныхъ Финскихъ скалъ до пламенной Колхиды.

Въ началѣ столѣтія и собиранія статистическихъ свѣдѣній, одна мѣстная власть обратилась въ одинъ уѣздъ съ требованіемъ доставить таковыя свѣдѣнія. Исправникъ отвѣчалъ: „Въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, то-есть съ самаго времени назначенія моего на

занимаемое мною мѣсто, ни о какихъ статистическихъ происшествіяхъ, благодаря Бога, въ уѣздѣ не слышно. А если таковые слухи до начальства дошли, то единственно по недоброжелательству моихъ завистниковъ и враговъ, которые хотятъ мнѣ повредить въ глазахъ начальства, и я нижайше прошу защитить меня отъ подобной статистической напраслины“.

Жена генерала Л., слывшаго острякомъ, была, говорятъ, особенно глупа. При людяхъ, боясь какой нибудь чудовищной обмолвки, мужъ держалъ языкъ ея на привязи. Напримѣръ, онъ не позволялъ ей открывать ротъ, пока не дастъ онъ условленнаго знака. Однажды, на многочисленномъ вечерѣ, генералъ, по обыкновенію своему, краснобаялъ, разсказывалъ анекдоты, разсыпался шутками, острыми словами. Въ пылу витійства своего онъ необдуманно и нечаянно сдѣлалъ головою условленный съ женою знакъ.—„Ну, наконецъ, слава Богу (вскрикнула она), вотъ уже полчаса что́ мигаю тебѣ: жажда меня замучила. Смерть хочется выпить. Человѣкъ, подай мнѣ стаканъ воды“.

Въ другой разъ генералъ ожидалъ какого-то почетнаго гостя; между тѣмъ необходимо было ему нужно отлучиться изъ дома. Онъ приказываетъ женѣ принять гостя и сказать, что онъ тотчасъ возвратится; вмѣстѣ съ тѣмъ строго наказываетъ ей не пускаться въ дальніе разговоры, а говорить только о самыхъ близкихъ и домашнихъ предметахъ. Гость пріѣзжаетъ.—„Что это за панталоны на васъ?“ обращается она къ пріѣзжему. „У моего мужа платье совсѣмъ не такъ сшито“. Призываетъ она камердинера мужа и приказываетъ ему принести жилеты и панталоны барина. Приносятъ. Генералъ возвращается домой и застаетъ выставку. Вотъ картина! (Разсказано В. Л. Пушкинымъ, современникомъ этихъ событій).

N. N. говоритъ, что сочиненія К.—недвижимое имущество его: никто не беретъ ихъ въ руки и не двигаетъ съ полки въ книжныхъ лавкахъ.

Двоюродные братья, князья Гагарины, оба красавцы въ свое время, встрѣтились послѣ двадцати-лѣтней разлуки въ посторонемъ домѣ. Они, разумѣется, постарѣли и другъ друга не узнали. Хозяинъ долженъ былъ назвать ихъ по имени. Тутъ бросились они во взаимныя объятія. „Грустно, князь Григорій, сказалъ одинъ изъ нихъ, но судя по впечатлѣнію, которое ты на меня производишь, долженъ я казаться тебѣ очень гадокъ“.

Обыкновенное дѣйствіе чтеній романиста X..., когда онъ читаетъ вслухъ пріятелямъ новыя повѣсти свои, есть то, что многіе изъ слушателей засыпаютъ. „Это натурально, говоритъ N. N., а вотъ что мудрено: какъ самъ авторъ не засыпаетъ, перечитывая ихъ, или какъ не засыпалъ онъ, когда ихъ писалъ!“

Впрочемъ, Карамзинъ разсказывалъ, что когда (вѣроятно въ угоду какой нибудь дамѣ) писалъ онъ Меланхолію, подражаніе Делилю, съ нимъ было тоже. Онъ писалъ эти стихи ночью, въ постелѣ, съ карандашемъ въ рукѣ. Было уже поздно, сонъ клонилъ его, и онъ часто засыпалъ надъ недоконченнымъ стихомъ: встрепенется и бодро примется опять за дѣло, и опять задремлетъ. Такъ продолжалось до утра; но побѣда осталась за нимъ, и вышло одно изъ лучшихъ стихотвореній его и того времени. Писано оно въ 1800 году.

О меланхолія, нѣжнѣйшій переливъ
Отъ скорби и тоски къ утѣхамъ наслажденья!
Веселья нѣтъ еще, и нѣтъ уже мученья....

—

Безмолвіе любя, ты слушаешь унылый
Шумъ листьевъ, горныхъ водъ, шумъ вѣтровъ и морей;
Тебѣ пріятенъ лѣсъ, тебѣ пустыни милы;
Въ уединеніи ты болѣе съ собой.

Ни съ того, ни съ сего N. N. говоритъ сосѣдкѣ своей за ужиномъ, княгинѣ Т.: „Понимаю, что оно продолжается, но не понимаю, какъ могло оно начаться“... — „А я, улыбаясь, отвѣчаетъ княгиня, напротивъ, понимаю, что оно началось, но сама не понимаю, какъ оно продолжается“. Княгиня съ догадливостью, прирожденною женщинѣ, особенно въ подобныхъ случаяхъ, уразумѣла на-лету, что рѣчь идетъ о связи ея съ молодымъ ***.

Разсказываютъ, что извѣстный Копьевъ, чтобы убѣдить крестьянъ своихъ внести разомъ ему годовой оброкъ, говорилъ имъ, что такой взносъ будетъ послѣдній, а что съ будущаго года станутъ они уплачивать всѣ повинности и отбывать воинскую одною поставкою клюквы.

ГАСТРОНОМИЧЕСКІЯ И ЗАСТОЛЬНЫЯ ОТМѢТКИ, А ТАКЖЕ И ПО ЧАСТИ ПИТЕЙНОЙ.

К. Г. былъ очень бережливъ, чтобы не сказать скупъ; между тѣмъ имѣлъ онъ притязанія на нѣкоторую гастрономическую изысканность. Однажды, силою какихъ-то обстоятельствъ, былъ онъ вынужденъ дать обѣдъ пріятелямъ своимъ. Въ числѣ ихъ находились два-три гастронома ex professo. Нельзя было пристыдить себя предъ ними. Обѣдъ былъ, какъ говорится, ничего, то есть приличенъ. Доходила очередь до Шампанскаго, а Шампанское въ то время продавалось дорого въ Москвѣ. По водвореніи жителей послѣ Французовъ, цѣна на бутылку Шампанскаго доходила до 25 рублей, разумѣется, на ассигнаціи. Но такая цѣна никого не пугала: незлопамятные Москвичи запивали горе свое, что Французы были въ Москвѣ и радость, что ихъ изъ Москвы прогнали, и совершали всѣ эти тризны и поминки по Французамъ ихъ же Французскимъ виномъ. Разсказывали, что въ предсмертные дни Москвы до пришествія Французовъ, С. Н. Глинка, добродушный и добросовѣстный отечестволюбецъ, разъѣзжалъ по улицамъ, стоя на дрожкахъ, и кричалъ: „Бросьте Французскія вина и пейте народную сивуху! Она лучше поможетъ вамъ“. Разсказъ можетъ быть и выдуманный, но не лишенный красокъ мѣстности, современности и личности. Пора однакоже возвратиться къ нашему Амфитріону. Когда подали Шампанское, онъ сказалъ: „Je ne vous réponds pas de la qualité de mon vin de Champagne; mais je puis vous promettre ce qu'il est suffisamment frappé (не отвѣчаю вамъ за качество Шампанскаго, но могу обѣщать, что оно достаточно заморожено). Должно замѣтить при томъ, что это было зимою, и недостатка во льду и въ снѣгѣ не было.

Л., тоже родъ гастронома и вполнѣ поклонникъ Вакха, но вмѣстѣ съ тѣмъ *сребролюбія недугомъ отяченный и казны рачитель*, говорилъ въ 30-хъ годахъ: „Какъ времена перемѣнчивы! Давно-ли нельзя было порядочному человѣку отобѣдать безъ бутылки дорогаго Лафита или Бургонскаго вина? Теперь вошли въ моду и въ общее употребленіе Хересъ и Портъ-вейнъ“. Такъ и слышенъ былъ въ этихъ словахъ переводъ потаенной мысли: оно и дешевле, и крѣпче.

Около того-же времени Пушкинъ, встрѣтившись съ товарищемъ юныхъ лѣтъ, который только что возвратился въ Петербургъ изъ-за границы, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ, спрашивалъ о впечатлѣніяхъ его и о томъ, какъ находитъ онъ Петербургъ и общество послѣ долгаго отсутствія. — „Не могу надивиться, отвѣчалъ тотъ, какъ все измѣнилось: бывало за обѣдомъ и у лучшихъ людей ставили на столъ хорошій Медокъ, да и полно; теперь, гдѣ ни обѣдаешь, вездѣ видишь Лафитъ, по шести и семи рублей бутылка“.—Статистическія данныя разнорѣчивы между Л. и новымъ наблюдателемъ; но первое наблюденіе выражено человѣкомъ, принадлежащимъ школѣ *позитивизма*, другое гастрономическому туристу, который изучаетъ страну и народные нравы по столовой статистикѣ. „Скажи мнѣ, что́ ты ѣшь и пьешь, и я скажу тебѣ, что́ ты за человѣкъ“, замѣтилъ извѣстный гастрономъ.

Дашковъ, который долго жилъ на Востокѣ, разсказывалъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, что одно служебное лицо, ѣхавшее въ тѣ края, просило у него свиданія, чтобы воспользоваться указаніями и совѣтами его для руководства своего въ незнакомой сторонѣ и на новомъ поприщѣ. Свиданіе было назначено. Первый вопросъ предусмотрительнаго неофита былъ слѣдующій: „А какъ вы полагаете, не лучше-ли будетъ мнѣ закупить въ Одессѣ нѣсколько боченковъ Французскихъ винъ, и какого именно болѣе, краснаго или бѣлаго; или и тамъ на мѣстѣ могу составить погребъ свой?“ Прочіе вопросы вертѣлись около предметовъ такой-же политической экономіи.

Ѳ. П. Лубяновскій, пріятель и единовѣрецъ Лопухина (Ивана Владиміровича), разсказывалъ мнѣ, что императоръ Александръ Павловичъ имѣлъ однажды намѣреніе назначить послѣдняго министромъ народнаго просвѣщенія. Для этой цѣли выписали Лопухина изъ Москвы, гдѣ былъ онъ сенаторомъ. Желая ближе съ нимъ ознакомиться, Государь велѣлъ пригласить его къ обѣду. Лопухинъ вовсе не былъ питу́хъ; но, необдуманно соблазнясь лакомыми винами, которыя подавали за царскимъ столомъ, онъ ничего не отказывалъ, охотно выпивалъ все предлагаемое, а иногда въ промежуткахъ подливалъ себѣ еще вино изъ бутылокъ, которыя стояли на столѣ. Къ тому-же, на бѣду, его лицо, краснокожее и расцвѣтающее почками багровосиними, напоминало стихи Княжнина:

....лице
Одѣто въ красненькій сафьянный переплетъ;
Не вѣрю я тому, а кажется онъ пьетъ.

Императоръ держался самой строгой трезвости и былъ вообще склоненъ къ подозрѣнію. Возліянія и вліянія недогадливаго Лопухина не могли ускользнуть отъ наблюдательнаго и пытливаго взгляда Императора. Ему не только *казалось*, но онъ убѣдился, что Лопухинъ пьетъ. „Нѣтъ, сказалъ онъ приближеннымъ своимъ, вставъ изъ-за стола, этотъ не годится мнѣ въ министры“. Тѣмъ министерство его и кончилось: онъ возвратился сенаторомъ въ Москву, какъ и выѣхалъ сенаторомъ.

Ю. А. Нелединскій въ молодости своей могъ много съѣсть и много выпить. И онъ охотно пользовался этими способностями. Я узналъ его, когда онъ былъ уже зрѣлыхъ лѣтъ, а я еще ребенкомъ. Помню, съ какою завистью смотрѣлъ я на почетъ, оказываемый ему за обѣдомъ у отца моего. Къ нему возвращалось блюдо съ пирожками послѣ супа, и всѣ оставшіеся пирожки переходили на тарелку его и вскорѣ съ тарелки въ его желудокъ. Вечеромъ, когда подавали чай и, послѣ первой или второй чашки, слуга спрашивалъ его, желаетъ-ли онъ еще чаю, онъ отвѣчалъ: желаю, пока вода будетъ въ самоварѣ. О питейныхъ подвигахъ его по части другихъ жидкостей слыхалъ я разсказы, но самъ засталъ я его въ

порѣ совершенной трезвости. О съѣдобной способности своей разсказывалъ онъ забавный случай. Въ молодости зашелъ онъ въ Петербургѣ въ одинъ *ресторанъ* позавтракать (впрочемъ, въ прошломъ столѣтіи *ресторановъ*, restaurant, еще не было, не только у насъ, но и въ Парижѣ; а какъ назывались подобныя благородныя харчевни, не знаю). Дѣло въ томъ, что онъ заказалъ себѣ каплуна и всего съѣлъ его до косточки. Каплунъ понравился ему, и на другой день является онъ туда-же и совершаетъ тотъ-же подвигъ. Такъ было въ теченіи нѣсколькихъ дней. Наконецъ, замѣчаетъ онъ, что столовая, въ первый день посѣщенія его совершенно пустая, наполняется съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. По разглашенію хозяина, публика стала собираться смотрѣть, какъ нѣкоторый баринъ уничтожаетъ въ одиночку цѣлаго и жирнаго каплуна. Нелединскому надоѣло давать зрителямъ даровой спектакль, и хозяинъ гостинницы былъ наказанъ за нескромность свою.

Однажды обѣдали мы съ Плетневымъ у Гнѣдича на дачѣ. За обѣдомъ понадобилась соль Плетневу; глядь, а соли нѣтъ. „Что-же это, Николай Ивановичъ, столъ у тебя кривой“, сказалъ онъ (извѣстная Русская поговорка: безъ соли столъ кривой). Плетневъ вспомнилъ Русскую, но забылъ Французскую поговорку: не надобно говорить о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго (Гнѣдичъ былъ кривъ).

Оссинскій, Польскій поэтъ и директоръ Варшавскаго театра, забавно разсказывалъ объ одномъ Польскомъ хлѣбосолѣ, отличавшемся худыми винами, которыя подавались за столомъ его. Я думаю, говорилъ Оссинскій, что нашъ милый хозяинъ раззорится на ви́на свои: иначе нельзя, какъ за большія деньги отыскивать и покупать подобныя въ своемъ родѣ рѣдкости.

Николая Николаевича Новосильцова зазвалъ однажды къ себѣ обѣдать братъ его Иванъ Николаевичъ, большой чудакъ и нерасточительнаго десятка. Николай Николаевичъ былъ тонкій гастрономъ и *виноном*ъ. Въ концѣ обѣда хозяинъ говоритъ ему: „Я тебя бра-

тецъ, Шампанскимъ подчивать не стану: это вино производитъ кислоту въ желудкѣ“.

Графъ Вьельгорскій спрашивалъ провинціала, пріѣхавшаго въ первый разъ въ Петербургъ и обѣдавшаго у одного сановника, какъ показался ему обѣдъ?—„Великолѣпенъ, отвѣчалъ онъ, только въ концѣ обѣда поданный пуншъ былъ ужасно слабъ“. Дѣло въ томъ, что провинціалъ выпилъ залпомъ теплую воду съ ломтикомъ лимона, которую поднесли для полосканія рта.

Одна барыня стараго времени имѣла въ домѣ Француза повара и Француза дворецкаго. Однажды за обѣдомъ подаютъ ей дичь съ душкомъ. Она посылаетъ дворецкаго сдѣлать выговоръ повару. Дворецкій возвращается и докладываетъ, что *шефъ кухни* (le chef de cuisine) объясняетъ, que c'est de la viande mortifiée (мясо нѣсколько *замореное*). Dites lui et *peredites* lui (скажите и перескажите ему) говоритъ княгиня, que je n'aime pas les mortifications (что я не люблю замариваній).

У степнаго хлѣбосола обѣдаетъ иностранецъ, находитъ, что обѣдъ очень хорошъ и спрашиваетъ хозяина: Французъ-ли поваръ его, или Русскій?—Je ne sais pas, отвѣчаетъ онъ съ нѣкоторою гордостью, si le cuisinier est bon, mais je sais qu'il est *mon*. (Я не знаю, хорошъ ли поваръ; но знаю, что онъ мой). Вотъ Русскій гастрономъ на законномъ основаніи крѣпостнаго права.

Въ старые годы Московскихъ порядковъ, жила богатая барыня и давала балы, то есть балы давалъ мужъ, гостепріимный и пиршестволюбивый Москвичъ, жена-же была очень скупа и косилась на эти балы. За ужиномъ садилась она обыкновенно особнякомъ у дверей, чрезъ которыя вносились и уносились кушанья. Этотъ *обсерваціонный постъ* имѣлъ двѣ цѣли: она наблюдала за слугами, чтобы они какъ нибудь не присвоили себѣ часть кушаній; а къ

тому-же должны были они сваливать ей на тарелку все что оставалось на блюдахъ послѣ разноски по гостямъ, и все это уплетала она, чтобы остатки не пропадали даромъ. Эта барыня приходилась сродни Американцу Толстому. Онъ прозвалъ ее: тетушка *сливная лохань*.

Иванъ Петровичъ Архаровъ, послѣдній бургграфъ (burgrave) Московскаго барства и гостепріимства, сгорѣвшихъ вмѣстѣ съ Москвою въ 1812 году, имѣлъ своего рода угощеніе. Встрѣчая почетныхъ или любимѣйшихъ гостей, говорилъ онъ: „Чѣмъ почтить мнѣ дорогого гостя? Прикажи только, и я для тебя зажарю любую дочь мою“.

Одинъ очень близкій мнѣ человѣкъ съѣлъ однажды разомъ на тысячу двѣсти рублей земляники. Это покажется баснею, а между тѣмъ оно быль, и самая достовѣрная. Вотъ какъ это случилось. Послѣ довольно долгаго отсутствія изъ Москвы, пріѣхалъ онъ въ свою подмосковную. Это было въ началѣ лѣта. За обѣдомъ угощаютъ его глубокою тарелкою ранней, но очень крупной и вкусной земляники. Онъ ѣстъ ее съ удовольствіемъ и съ чувствомъ признательности къ заботливому и усердному садовнику; онъ думаетъ дать ему за вѣрную службу приличное награжденіе. Но наступаетъ, что́ называется le quart d'heure de Rabelais, то есть пора расплаты. Помѣщикъ спрашиваетъ садовника, много-ли продалъ онъ плодовъ и много-ли надѣется еще продать?—Всѣ деревья въ грунтовыхъ сараяхъ побиты морозомъ, отвѣчаетъ тотъ, а черви поѣли всѣ плоды на оранжерейныхъ деревьяхъ. Выручки никакой быть не можетъ.—А что́ стоитъ содержаніе оранжерей и грунтовыхъ сараевъ? спрашиваетъ помѣщикъ. Отвѣтъ: ежегодно тысячу двѣсти рублей. — „Прекрасно! возражаетъ баринъ, стало, по твоему расчету, съѣлъ я сегодня земляники на тысячу двѣсти рублей. Слуга покорный! Спасибо за угощеніе. А между тѣмъ вели написать въ конторѣ себѣ отпускную, и чтобы и духа твоего здѣсь не было“. Управителю велѣлъ онъ тотчасъ-же упразднить оран-

жерею и прекратить всѣ садовые расходы. Забавно, что, пріѣхавъ въ Москву, узнаетъ онъ, что разносчики особенно хвастаются фруктами, добытыми изъ оранжерей именно подмосковной его.

Извѣстно, что въ старые годы, въ концѣ прошлаго столѣтія, гостепріимство нашихъ баръ доходило до баснословныхъ предѣловъ. Ежедневный открытый столъ на 30, на 50 человѣкъ было дѣло обыкновенное. Садились за этотъ столъ кто хотѣлъ: не только родные и близкіе знакомые, но и малознакомые, а иногда и вовсе незнакомые хозяину. Таковыми столами были преимущественно въ Петербургѣ столы графа Шереметева и графа Разумовскаго. Крыловъ разсказывалъ, что къ одному изъ нихъ повадился постоянно ходить одинъ скромный искатель обѣдовъ и чуть-ли не изъ *сочинителей*. Разумѣется, онъ садился въ концѣ стола, и также, разумѣется, слуги обходили блюдами его какъ можно чаще. Однажды понесчастливилось ему пуще обыкновеннаго: онъ почти голодный всталъ со стола. Въ этотъ день именно такъ случилось, что хозяинъ послѣ обѣда, проходя мимо его, въ первый разъ заговорилъ съ нимъ и спросилъ: доволенъ-ли ты?—Доволенъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ онъ съ низкимъ поклономъ: все было мнѣ видно.

А самъ Крыловъ! Можно-ли не помянуть его въ застольной лѣтописи? Однажды приглашенъ онъ былъ на обѣдъ къ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ въ Павловскѣ. Гостей за столомъ было немного. Жуковскій сидѣлъ возлѣ него. Крыловъ не отказывался ни отъ одного блюда. — Да, откажись хоть разъ, Иванъ Андреевичъ, шепнулъ ему Жуковскій: дай Императрицѣ возможность потчивать тебя.—Ну, а какъ не попотчуетъ! отвѣчалъ онъ и продолжалъ накладывать себѣ на тарелку. Крыловъ говорилъ, что за столъ надобно такъ садиться, чтобы, какъ скрипачу, свободно дѣйствовать правою рукою. Такъ и старался онъ всегда садиться. Онъ очень любилъ ботвинью и однажды забавно преподавалъ онъ исторію ея и чрезъ какія постепенныя усовершенствованія должна была

она проходить, чтобы достигнуть до того, чѣмъ она нынѣ является, хорошо и со всѣми удобствами приготовленная.

Нельзя пропустить и Пушкина въ этомъ съѣстномъ очеркѣ. Онъ вовсе не былъ лакомка. Онъ даже, думаю, не цѣнилъ и не хорошо постигалъ тайнъ повареннаго искусства; но на иныя вещи былъ онъ ужасный прожора. Помню, какъ въ дорогѣ съѣлъ онъ почти однимъ духомъ двадцать персиковъ, купленныхъ въ Торжкѣ. Моченымъ яблокамъ также доставалось отъ него нерѣдко.

Карамзинъ былъ очень воздержанъ въ ѣдѣ и въ питіи. Впрочемъ, таковымъ былъ онъ и во всемъ, въ жизни матеріальной и умственной: онъ ни въ какія крайности не вдавался; у него была во всемъ своя прирожденная и благопріобрѣтеиная діететика. Онъ вставалъ довольно рано, на тощакъ ходилъ гулять пѣшкомъ, или ѣздилъ верхомъ, въ какую пору года ни было-бы и въ какую-бы ни было погоду. Возвратясь выпивалъ двѣ чашки кофе, за ними выкуривалъ трубку табаку (кажется обыкновеннаго кнастера) и садился вплоть до обѣда за работу, которая для него была также пища и духовная и насущный хлѣбъ. За обѣдомъ начиналъ онъ съ варенаго риса, котораго тарелка стояла всегда у прибора его, и часто смѣшивалъ онъ рисъ съ супомъ. За обѣдомъ выпивалъ рюмку портъ-вейна и стаканъ пива, а стаканъ этотъ былъ выдѣланъ изъ дерева горькой квассіи. Вечеромъ, около 12-ти часовъ, съѣдалъ онъ непремѣнно два печеныя яблока. Весь этотъ порядокъ соблюдался строго и нерушимо, и преимущественно съ гигіеническою цѣлью: онъ берегъ здоровье свое и наблюдалъ за нимъ, не изъ одного опасенія болѣзней и страданій, а какъ за орудіемъ, необходимымъ для безпрепятственнаго и свободнаго труда. Кажется, въ послѣдніе годы жизни его, вседневный порядокъ былъ нѣсколько измѣненъ; но въ Москвѣ держался онъ его постоянно въ теченіи нѣсколькихъ годовъ. Мы сказали, что онъ былъ въ пищѣ воздержанъ. Былъ онъ вовсе и не прихотливъ. Но какъ никогда не писалъ онъ наобумъ, такъ и ѣсть наобумъ не любилъ. Въ этомъ

отношеніи былъ онъ взыскателенъ. У него былъ свой слогъ и въ пищѣ: нужны были припасы свѣжіе, здоровые, какъ можно болѣе естественно изготовленные. Неопрятности, неряшества, безвкусія не терпѣлъ онъ ни въ чемъ. Обѣдъ его былъ всегда сытный, хорошо приготовленный и не въ обрѣзъ, не смотря на общіе экономическіе порядки дома. Въ Петербургѣ два-три пріятеля могли всегда свободно являться къ обѣду его и не возвращались домой голодными. Въ 1816 году обѣдалъ онъ у Державина. Обѣдъ былъ очень плохой. Карамзинъ ничего ѣсть не могъ. Наконецъ къ какому-то кушанью подаютъ горчицу; онъ обрадовался, думая, что на ней отыграться можно и что она отобьетъ дурной вкусъ: вышло, что и горчица была невозможна. — Державинъ былъ болѣе гастрономъ въ поэзіи, нежели на домашнемъ очагѣ. У него встрѣчаются лакомые стихи, отъ которыхъ слюнки по губамъ такъ и текутъ. Напримѣръ:

Тамъ славный окорокъ *Вестфальской*,
Тамъ звѣнья рыбы *Астраханской*,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ.
Шампанскимъ вафли запиваю.

Въ двухъ первыхъ стихахъ риѳма довольно тощая, но содержаніе стиховъ сытное. — Или:

Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ,
Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны.

Тутъ есть и *янтарь-икра*, и щука *съ голубымъ пером*. А эта прелесть:

Младыя дѣвы угощаютъ,
Подносятъ вина чередой:
И Аліатико съ Шампанскимъ,
И пиво Русское съ Британскимъ,
И Мозель съ Зельцерской водой.

Одно лицо, довольно значительное въ городѣ, имѣло обыкновеніе забирать чрезъ посланнаго въ *Ренскихъ* погребахъ съ дюжину бутылокъ разныхъ винъ, *дескать на пробу*. Эти постоянно-пробныя вина служили украшеніемъ стола въ дни тезоименитства хозяина, или въ другіе торжественные семейные дни. Дома срывалъ онъ ярлыки съ бутылокъ и, для вящаго эффекта, импрови-

зировалъ свои, которые и записывались крупными буквами рукою канцелярскаго служителя, напримѣръ: *Дрей-лафитъ, Шато-малага, настоящее англійское Шампанское перваго сорта*, и такъ далѣе.

По возвращеніи нашихъ войскъ изъ Парижа, ходило въ обществѣ много забавныхъ анекдотовъ о неожиданныхъ приключеніяхъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ офицеровъ, не знавшихъ Французскаго языка. Напримѣръ, входитъ офицеръ въ ресторанъ и проситъ *dîner*, по заученному имъ слову. Ему подаютъ карту и карандашъ. Онъ ничего разобрать не можетъ и смѣло отхватываетъ карандашемъ первыя четыре кушанья, означенныя на картѣ. „Странный обѣдъ у этихъ Французовъ, говорилъ онъ послѣ: мнѣ подали четыре тарелки разныхъ суповъ“. Дѣло въ томъ, что по незнанію Французской грамоты, онъ размахнулся карандашемъ по графѣ *potages*. Другой, немножко маракующій по-французски, но не вполнѣ обладающій языкомъ, говорилъ: „Какіе шарлатаны и обманщики эти Французы! Захожу я въ ресторанъ; обѣдаю; *гарсонъ* предлагаетъ мнѣ, не хочу-ли я свѣжія *пети-пуа*. Я думаю, почему не попробовать, что̀ такія за *пети-пуа*, и велѣлъ подать. Что̀-же вышло? Подали мнѣ простой горошекъ (petit pois)“.

Денисъ Давыдовъ вывезъ изъ похода много такихъ анекдотовъ и уморительно забавно разсказывалъ ихъ.

Хозяинъ дома, подливая себѣ рому въ чашку чая и будто невольнымъ вздрагиваніемъ руки переполнившій мѣру, вскрикнулъ: *ухъ!* Потомъ предлагаетъ онъ гостю подлить ему *адвокатца* (выраженіе, употребляемое въ среднемъ кругу и означающее ромъ или коньякъ, то есть *адвокатецъ*, развязывающій языкъ), но подливаетъ очень осторожно и воздержно. „Нѣтъ, говоритъ гость: сдѣлайте милость, *ухните* уже и мнѣ“.

Въ началѣ 20-хъ годовъ, Московская молодежь была приглашена на Замоскворецкій балъ къ одному вице-адмиралу, состоявшему

болѣе по части прѣсной воды. За ужиномъ подходитъ онъ къ столу, который заняли молодые люди. Онъ спрашиваетъ ихъ: „Не нужно-ли вамъ чего?“—Очень нужно, отвѣчаютъ они: пить нечего.—„Степашка!“ кричитъ хозяинъ: „подай сейчасъ этимъ господамъ нѣсколько бутылокъ кислыхъ щей“. Вотъ картина! Сначала общее остолбенѣніе, а потомъ дружный хохотъ.

Была пріятельская и помѣщичья попойка въ деревнѣ ** губерніи. Во время пиршества домъ загорѣлся. Кто могъ, опрометью выбѣжалъ. Достопочтенный А. выбѣжать не могъ: его вынесли и положили на-земь на дворѣ. Послышались встревоженные крики: воды, воды! Съ просонья А. услышалъ ихъ и нѣсколько сиповатымъ голосомъ сказалъ: „кому воды, а мнѣ водки!“ (разсказано свидѣтелемъ).

За обѣдомъ, на которомъ гостямъ удобно было пѣть съ Фигаро изъ оперы Россини:

Cito, cito, piano, piano (то есть *сыто, сыто, пьяно, пьяно*).

Американецъ Толстой могъ быть, разумѣется, не изъ послѣднихъ запѣвальщиковъ. Въ концѣ обѣда подаютъ какую-то закуску или прикуску. Толстой отказывается. Хозяинъ настаиваетъ, чтобы онъ попробовалъ предлагаемое и говоритъ: „Возьми, Толстой; ты увидишь, какъ это хорошо; тотчасъ отобьетъ весь хмель“.—„Ахъ Боже мой!“, воскликнулъ тотъ, перекрестясь, „да за что-же я два часа трудился? Нѣтъ, слуга покорный; хочу оставаться при своемъ“.

Онъ же одно время, не знаю по какимъ причинамъ, наложилъ на себя эпитимію и мѣсяцевъ шесть не бралъ въ ротъ ничего хмельнаго. Въ самое то время совершались въ Москвѣ проводы пріятеля, который отъѣзжалъ на долго. Проводы эти продолжались недѣли двѣ. Что день, то прощальный обѣдъ или прощальный ужинъ. Всѣ эти прощанія оставались, разумѣется, не сухими. Толстой на нихъ присутствовалъ, но не нарушалъ обѣта, несмотря на всѣ приманки и увѣщанія пріятелей, несмотря, вѣроятно, и на собственное желаніе. Наконецъ назначены окончательные про-

воды въ гостинницѣ, помнится, въ селѣ Всесвятскомъ. Дружно выпитъ прощальный кубокъ, уже дорожная повозка у крыльца. Отъѣзжающій пріятель сѣлъ въ кибитку и пустился въ путь. Гости отправились обратно въ городъ. Толстой сѣлъ въ сани съ Денисомъ Давыдовымъ, который (замѣтимъ мимоходомъ) не давалъ обѣта въ трезвости. Ночь морозная и свѣтлая. Глубокое молчаніе. Толстой вдругъ кричитъ кучеру: стой! Сани остановились. Онъ обращается къ попутчику и говоритъ: „Голубчикъ Денисъ, дохни на меня!“

Воля ваша, а въ этомъ *дохни* много поэзіи. Это цѣлая элегія! Оно можетъ служить содержаніемъ и картинѣ; былъ-бы только живописецъ, который бы постигъ всю истину и прелесть этой сцены и умѣлъ выразить типическія личности Дениса Давыдова и Американца Толстого.

Заключимъ длинную нашу застольную хронику разсказомъ о столовомъ приключеніи, которое могло кончиться и трагически и комически. Однажды проѣзжалъ изъ-за границы въ Россію чрезъ Варшаву Петръ Михайловичъ Лунинъ. Съ начала столѣтія и ранѣе, былъ онъ очень извѣстенъ обществамъ Петербургскому и Московскому. Его любили, а часто и забавлялись слабостями его. Въ числѣ ихъ была страсть вышивать основу разсказовъ своихъ разными фантастическими красками и несбыточными узорами. Но все это было безобидно. Давно знакомый съ Н. Н. Новосильцовымъ, Лунинъ заѣхалъ къ нему. Тотъ пригласилъ его на обѣдъ. „Охотно, отвѣчалъ Лунинъ, но подъ однимъ условіемъ: со мною ѣздитъ пріятель мой и дядька (Лунинъ былъ тогда уже очень старъ), позволь мнѣ и его привезти“. Оказалось, что это былъ старый Французскій поваръ, кажется по имени Aimé, который долго практиковался въ Петербургѣ и не безъ достоинства. Новосильцовъ посмѣялся при такой странной просьбѣ; но, разумѣется, согласился на нее. За обѣдомъ было только нѣсколько Русскихъ, въ числѣ ихъ князь Александръ Сергѣевичъ Голицынъ (одинъ изъ младшихъ сыновей извѣстнаго князя Сергѣя Ѳедоровича), полковникъ гвардейскаго уланскаго полка. По волосамъ слылъ онъ *рыжимъ Голи-*

цынымъ. Онъ былъ любимъ въ Варшавѣ и Поляками, и земляками. Отличался онъ нѣкоторымъ Русскимъ удальствомъ и остроумiемъ, могъ много выпить, но никогда не напивался; а только, по словамъ *дорогихъ собутыльниковъ* видно было, какъ паръ подымается изъ рыжей головы его. Этотъ Голицынъ за обѣдомъ у Новосильцова отпустилъ какую-то шутку, направленную на Людовика XVIII-го. Это происходило въ первые года реставрацiи. Сотрапезникъ-поваръ встаетъ со стула и громко говоритъ: „Тотъ негодяй (такъ переводимъ мы крѣпкое Французское выраженiе, употребленное поваромъ), кто осмѣливается оскорбить священную особу короля. Я готовъ подтвердить слова свои, гдѣ и какъ угодно. Не первую рану получу я за короля своего“. И тутъ-же снимаетъ онъ свой фракъ, засучиваетъ рукавъ рубашки и указываетъ на руку. Была-ли получена эта рана отъ кухоннаго ножа, или отъ шпаги, въ достовѣрности неизвѣстно; но вызовъ былъ сдѣланъ въ формальномъ порядкѣ. Можно вообразить себѣ общее удивленiе и смущенiе. Голицынъ принимаетъ вызовъ. Много стоило труда Новосильцову и нѣкоторымъ изъ присутствующихъ, чтобы умирить эту бурю и уладить дѣло безъ кровопролитiя. Нечего и говорить, какъ много было-бы несообразнаго и дикаго въ поединкѣ Русскаго князя, Русскаго полковника съ Французскимъ кухмистеромъ. Въ началѣ было не до смѣха; но послѣ много и долго смѣялись этой застольной стычкѣ.

Профессоръ Московскаго университета, Шлёцеръ, сынъ знаменитаго нашего Несторiанца, пользовался въ Москвѣ извѣстностью и уваженiемъ, едва-ли не въ лучшую пору процвѣтанiя Московскаго университета. Въ то время выписываемы были для преподаванiя нѣкоторыя Европейскiя знаменитости. Они нисколько не давили и не заслоняли развитiя отечественныхъ дарованiй; напротивъ, отсюда выходило полезное соревнованiе. — Говорятъ о вредѣ замкнутыхъ учебныхъ заведенiй для успѣшнаго образованiя юношества; но можно многое сказать и о вредѣ *замкнутаго* и односторонняго преподаванiя. Свѣжiе и навѣваемые извнѣ притоки воздуха очищаютъ внутреннюю температуру и придаютъ ей гигiени-

ческую силу. Мечты о какой-то народной, доморощенной наукѣ и требованія на посѣвъ и обработку ея—ничто иное какъ ребячество и прихоть узкаго патріотизма. Когда наука раздробится на пограничные и чрезполосные участки, тогда науки не будетъ, а останутся одни учебники.

Шлёцеръ былъ притомъ красивый и плотный мужчина. Онъ давалъ уроки въ домѣ К., молодому сыну. Ему показалось, что во время уроковъ мать ученика очень часто приходитъ въ учебную комнату и нѣжно, и вызывательно заглядывается на учителя. Цѣломудренная натура Нѣмецкаго Іосифа содрогнулась отъ покушеній новой Потифаровой жены. Вскорѣ затѣмъ, пишетъ онъ мужу, что не можетъ продолжать давать уроки сыну, потому что подмѣтилъ, что г-жа К. влюблена въ него.

Подъ пару цѣломудренному Іосифу-Шлёцеру выведемъ еще ученаго, и не менѣе благочестиваго Нѣмца. До имени его дѣла нѣтъ. Онъ былъ, однажды, за вечернимъ чаемъ у Карамзиныхъ въ Царскомъ Селѣ. Пріѣзжаетъ туда же княгиня Г-а, которой онъ не зналъ. Зашла рѣчь о Жуковскомъ и сочиненіяхъ его. Княгиня говоритъ, что его обожаетъ. Нѣмецъ перебиваетъ ее и спрашиваетъ: „А позвольте узнать, милостивая государыня, вы дѣвица, или замужняя?“—„Замужняя“.—„Въ такомъ случаѣ, осмѣлюсь замѣтить, что замужняя женщина никого и ничего обожать не должна, за исключеніемъ мужа“. Понятно, какъ подобная назидательная выходка позабавила все общество, начиная отъ самой княгини. Не лишнимъ будетъ притомъ вспомнить, что княгиня лѣтъ пятнадцать и болѣе жила уже врозь съ мужемъ. Вопросъ и нравоученіе Нѣмца были тѣмъ смѣшнѣе.

Княгиня Г-на была въ свое время замѣчательная и своеобразная личность въ Петербургскомъ обществѣ. Она была очень красива, и въ красотѣ ея выражалась своя особенность. Она долго пользовалась этимъ преимуществомъ. Не знаю, какова была она въ первой своей молодости; но и вторая, и третья молодость ея

плѣняли какою-то свѣжестью и цѣломудріемъ дѣвственности. Черные выразительные глаза, густые темные волосы, падающіе на плеча извивистыми локонами, южный матовый колоритъ лица, улыбка добродушная и граціозная: придайте къ тому голосъ, произношеніе необыкновенно-мягкіе и благозвучные — и вы составите себѣ приблизительное понятіе о внѣшности ея. Вообще, красота ея отзывалась чѣмъ-то пластическимъ, напоминавшимъ древнее Греческое изваяніе. Въ ней ничто не обнаруживало обдуманной озабоченности, житейской женской изворотливости и суетливости. Напротивъ, въ ней было что-то ясное, спокойное, скорѣе лѣнивое, безстрастное. По обезпеченному состоянію своему, по обоюдно-согласному разрыву брачныхъ отношеній, она была совершенно независима. Вслѣдствіе того устроила она жизнь свою, не очень справляясь съ уставомъ свѣтскаго благочинія, которому подчинилъ себя нѣсколько чопорный и боязливый Петербургъ. Но эта независимость, это свѣтское отщепенство держались въ строгихъ границахъ чистѣйшей нравственности и существеннаго благоприличія. Никогда ни малѣйшая тѣнь подозрѣнія, даже злословія, не отемняли чистой и свѣтлой свободы ея. Можетъ быть, старожилы, укоренившіеся на почвѣ прежнихъ порядковъ и старовѣры осуждали нѣкоторыя странности этой жизни, освободившейся отъ крѣпостной зависимости; другіе, можетъ быть, изподтишка и смѣялись надъ подобными *эксцентричностями:* общество назидательно обсуждаетъ, или себялюбиво предаетъ осмѣянію все, что̀ осмѣливается перешагнуть на сторону со столбовой дороги, которую проложило оно себѣ. Все это въ порядкѣ вещей. Все это могло выпасть, и вѣроятно, пало на долю княгини; но, повторимъ еще, доброе имя ея, и при этой общественной цензурѣ, осталось безупречно-неприкосновеннымъ. При всемъ этомъ, не могла-же такая личность проходить безслѣдно и не пробуждать нѣжныхъ сочувствій въ томъ или другомъ сердцѣ. Такъ и было. Она, на молодомъ вѣку своемъ, внушила нѣсколько глубокихъ и продолжительныхъ привержен-ностей, почти поклоненій. До какой степени сердце ея, въ чистотѣ своей, отвѣчало на эти жертвоприношенія, и отвѣчало-ли оно, или только благосклонно слушало, все это остается тайною. Да и во всякомъ случаѣ, для свѣтскаго любопытства мало приманчивости

и пищи въ разгадкѣ романа платоническаго. Большая часть читателей не зачитывается романа, въ которомъ съ первыхъ страницъ не угадывается, что́ будетъ *продолженіе впредь*. Этого обыкновеннаго и неминуемаго *впредь* и ожидаютъ нетерпѣливые читатели, а услужливые романисты считаютъ обязанностью не томить терпѣнія продолжительчымъ ожиданіемъ.

Въ числѣ извѣстныхъ поклонниковъ княгини назовемъ двухъ, особенно отличавшихся умственными и нравственными достоинствами. Одинъ изъ нихъ—М. Ѳ. Орловъ, рыцарь любви и чести, который не былъ-бы неумѣстнымъ и лишнимъ въ той исторической порѣ, когда рыцарство почиталось призваніемъ и удѣломъ возвышенныхъ натуръ. Другой — князь Михаилъ Петровичъ Долгоруковъ, одна изъ блестящихъ, но рано угасшая надежда царствованія императора Александра I-го. Говорили, что въ отношеніи къ послѣднему со стороны княгини были попытки и домогательства освободить себя путемъ законнаго развода; но упрямый мужъ не соглашался на расторженіе брака. Какъ-бы то ни было, смерть доблестнаго князя Долгорукова неожиданно разорвала недописанные листы этого романа

Домъ ея, на Большой Милліонной, былъ артистически украшенъ кистью и рѣзцомъ лучшихъ изъ современныхъ Русскихъ художниковъ. Хозяйка сама хорошо гармонировала съ такою обстановкою дома. Тутъ не было ничего изъ роскошныхъ принадлежностей и прихотей своенравной и скороизмѣнчивой моды. Во всемъ отражалось что-то изящное и строгое. По вечерамъ, немногочисленное, но избранное общество собиралось въ этомъ салонѣ: хотѣлось-бы сказать въ этой храминѣ, тѣмъ болѣе, что и хозяйку можно было признать не обыкновенною свѣтскою барынею, а жрицею какого-то чистаго и высокаго служенія. Вся постановка ея, вообще туалетъ ея, болѣе живописный, нежели подчиненный современному образцу, все это придавало ей и кружку, у нея собиравшемуся, что-то не скажу таинственное, но и не обыденное, не завсегдашнее. Можно было-бы думать, что тутъ собирались не просто гости, а и посвященные. Выше сказали мы: *собирались по вечерамъ* Найдется и тутъ поправка: можно было-бы сказать — собирались *médianoche*, въ полночь. Княгиню прозвали въ Петербургѣ *La Princesse*

Nocturne (княгиня ночная). Впрочемъ, собирались къ ней не поздно, но долго засиживались. Княгиня не любила рано спать ложиться, и бесѣды длились обыкновенно до трехъ и четырехъ часовъ утра. Лѣтомъ живала она на дачи своей на Невѣ. Прозрачныя и свѣтлыя Невскія ночи еще болѣе благопріятствовали этимъ продолжительнымъ всенощнымъ. Даже свирѣпствовавшая холера не мѣшала этимъ сходкамъ вѣрныхъ избранныхъ. Едва-ли не одновременно похитила она двухъ-трехъ изъ нихъ. Кажется, въ числѣ ихъ былъ и графъ Ланжеронъ.

Событія 1812 г. живо расшевелили патріотическую струну княгини. Помнится, вскорѣ по окончаніи войны, явилась она въ Москвѣ, на обыкновенный балъ Благороднаго Собранія, въ сарафанѣ и кокошникѣ, оплетенномъ лаврами. Невозмутимо и съ нѣкоторою храбростью прохаживалась она по залѣ и посреди дамъ въ обыкновенныхъ бальныхъ платьяхъ; съ недоумѣніемъ, а можетъ быть, и съ насмѣшливымъ любопытствомъ, смотрѣли онѣ на эту возрожденную Марѳу Посадницу. Во всякомъ случаѣ эти барыни худо понимали, что̀ это значитъ. Славянофильства и напряженныхъ народолюбивыхъ помышленій тогда и въ поминѣ не было: всѣ довольствовались тѣмъ, что просто по-русски выпроводили незваныхъ гостей изъ Россіи, и съ почетомъ проводили ихъ до Парижа. Каждому дню довлѣетъ злоба его.

Была-ли княгиня очень умна или нѣтъ? Знавъ ее довольно коротко, мы не безъ нѣкотораго смущенія задаемъ себѣ сей затруднительный и щекотливый вопросъ. Но положительный отвѣтъ дать на него не беремся. Во-первыхъ, по мнѣнію нашему, умъ такая неуловимая и улетучивающаяся составная часть, что измѣрить ее, взвѣсить и положительно опредѣлить невозможно. Кажется, въ Испаніи не говорятъ о человѣкѣ: онъ храбръ, а говорятъ: онъ былъ храбръ въ такой-то день, въ такомъ-то дѣлѣ. Можно примѣнить эту осторожность и къ умнымъ людямъ. Особенно женскій умъ не поддается положительной оцѣнкѣ. Умъ женщины иногда тѣмъ и ограничивается, но тѣмъ и обольщаетъ и господствуетъ, что онъ отмѣнно чутокъ на чужой умъ. Женскій умъ часто гостепріименъ; онъ охотно зазываетъ и привѣтствуетъ умныхъ гостей, заботливо и ловко устроивая ихъ у себя: такъ, проницательная и

опытная хозяйка дома не выдвигается впередъ передъ гостями, не перечитъ имъ, не спѣшитъ перебить у нихъ дорогу, а напротивъ, какъ будто прячется, чтобы только имъ было и просторно, и вольно. Женщина, одаренная этимъ свойствомъ, едва-ли не перетягиваетъ на свою сторону владычество женщины, надѣленной способностями болѣе рѣзкими и властолюбивыми. Эта *пассивность* женскаго ума есть нерѣдко увлекательная прелесть и сила. Кажется (сколько можемъ судить по позднему знакомству) этою силою должна была въ высшей степени обладать извѣстная г-жа Рекамье. Блистательная, и въ нѣкоторомъ отношеніи геніальная пріятельница ея, г-жа Сталь, должна была уступать ей первенствующее мѣсто въ состязаніи поклонниковъ, которые толпились предъ тою и другою. Извѣстенъ отвѣтъ Талейрана. Г-жа Сталь, въ присутствіи г-жи Рекамье, спросила его: „Если мы обѣ тонули-бы, которую изъ насъ бросились-бы вы сперва спасать?“ — „О, я увѣренъ, отвѣчалъ лукавый дипломатъ, что вы отлично плавать умѣете“. Бенжаменъ Констанъ былъ въ связи съ г-жею Сталь, но до безумія влюбленъ былъ въ г-жу Рекамье.

Сравнивать Парижскіе салоны того времени съ салономъ Большой Милліонной было-бы слишкомъ смѣло; подводить подъ одинъ знаменатель личности, которыя встрѣчались тамъ, и тѣ, которыя могли встрѣчаться у насъ, было-бы неловко. Ограничимся тѣмъ, что́ мы сказали, не принимая на себя отвѣтственности рѣшать вопросъ ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи: умъ вообще и женскій умъ въ особенности остаются пока еще открытымъ вопросомъ.

Съ своихъ чисто-умозрительныхъ и эстетическихъ вершинъ княгиня сходила иногда на почву и прозаическихъ общественныхъ обсужденій. Въ доказательство тому упомянемъ о *противо-картофельномъ* походѣ, который предприняла она противъ графа Киселева, когда новый министръ государственныхъ имуществъ заботился объ успѣшномъ разведеніи картофеля въ сельскихъ общинахъ. Ей казалось, что это нововведеніе есть посягательство на Русскую національность, что картофель испортитъ и желудки, и благочестивые нравы нашихъ искони и богохранимыхъ хлѣбо- и кашеѣдовъ. Съ упорствомъ и страстью отстаивала она свой протестъ, которымъ довольно забавлялись въ обществѣ.

Еще позднѣе и въ послѣдніе годы жизни своей, княгиня пустилась въ высшую математику, соединенную съ еще высшею метафизикою. Эти занятія признавала она какимъ-то наитіемъ свыше. Она никогда къ нимъ не готовилась и разрѣшала многотрудныя задачи, такъ сказать, безсознательно и невѣдомо отъ себя. Таковы были собственныя оцѣнки трудовъ ея. Забывая свой прежній сарафанъ, переѣхала она на время въ Парижъ, лучшій и удобнѣйшій городъ для подобныхъ упражненій. Разумѣется, Русская княгиня, къ тому-же богатая, легко отыскала въ ученой Парижской братіи усердныхъ приверженцевъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ. Она въ это время издала на Французскомъ языкѣ нѣсколько брошюрокъ по этимъ темнымъ и головоломнымъ предметамъ. Но Русская струя, но Русскій духъ и тутъ были ей не совершенно чужды: при ней, въ качествѣ секретаря или *компаньонки* (почему не сказать *барской барышни?*) находилась дочь Сергѣя Николаевича Глинки. Это былъ родъ Русской ладонки отъ окончательнаго вражьяго, иноземнаго соблазна.

Не знаю, продолжала-ли княгиня, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, заниматься опытами умозрительнаго сновидѣнія своего; но мнѣ жаль, что разстаюсь съ ней на этомъ поворотѣ жизни ея. Въ прежнихъ видахъ и обстановкахъ было болѣе поэзіи, самобытности и правды. Quand le diable devint vieux, il se fit ermite *), говоритъ Французская поговорка. Напрасно! Бѣсу лучше оставаться бѣсомъ до конца, а женщинѣ женщиною, даже когда уже нѣтъ молодости. Метафизика для нея удушливое убѣжище. Хуже ея развѣ одна политика. Кажется, когда настаетъ для женщины пора *линянія* и отрезвленія, и нужно ей какъ нибудь порѣшить съ собою, то лучше уже откровенно и съ самоотверженіемъ приняться ей за нюханіе табаку: табакерка въ рукахъ женщины есть знаменіе отреченія отъ владычества своего и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его. Впрочемъ, все это не касается до нашей княгини. При всей женственности, которою была она проникнута, она, кажется, по натурѣ-ли своей или по обѣту, никогда не прибѣгала къ обольстительнымъ пріемамъ, въ которые невольно во-

*) Когда чортъ старѣетъ, то дѣлается отшельникомъ.

влекается женщина, одаренная внѣшними и внутренними приманками. Однимъ словомъ, нельзя представить себѣ, чтобы княгиня, когда-бы и въ какихъ обстоятельствахъ то ни было, могла, если смѣемъ сказать, промышлять обыкновенными уловками прирожденнаго болѣе или менѣе каждой женщинѣ, такъ называемаго кокетства.

Со всѣмъ тѣмъ и Пушкинъ, въ медовые мѣсяцы вступленія своего въ свѣтъ, былъ маленько приворожень ею. На долго-ли, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ, неправдоподобно. Въ сочиненіяхъ его встрѣчаются стихи, на имя ея написанные, если не страстные, то довольно воодушевленные. Правда, въ тѣхъ-же сочиненіяхъ есть и оборотная сторона медали. Едва-ли не къ княгинѣ относится слѣдующая замѣтка, по поводу появленія въ свѣтъ первыхъ 8-ми томовъ Исторіи Государства Россійскаго: „Одна дама, впрочемъ весьма почтенная (въ первоначальномъ текстѣ сказано *милая*) при мнѣ, открывъ 2-ю часть (Исторіи), прочла вслухъ: *Владиміръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его*... „Однако! зачѣмъ не *но?* Однако! Какъ это глупо! Чувствуете-ли вы всю ничтожность вашего Карамзина?“

Какъ ни странна эта критика, но я ею радуюсь. Во-первыхъ доказываетъ она, что и въ высшемъ обществѣ, осужденномъ за безграмотность многими не высшими судіями нашими, всякая замѣчательная, хотя-бы и Русская, книга не ускользаетъ отъ вниманія даже и великосвѣтскихъ барынь. Далѣе радуетъ меня сродство критики княгини съ критикою многихъ нашихъ журнальныхъ борзописцевъ. Замѣчаніе княгини такъ-бы и улеглось въ любомъ Русскомъ журналѣ. Слѣдовательно нѣтъ этого вопіющаго разрыва между литературою нашею и нашимъ обществомъ,—разрыва, о которомъ у насъ сѣтуютъ и противъ котораго такъ негодуютъ.

Между тѣмъ нелишнимъ допустить здѣсь предположеніе, что княгиня находилась тогда подъ вліяніемъ всеславянскаго генерала Костенецкаго, усерднаго посѣтителя и отчасти оракула этого капища. Впрочемъ, другой приверженецъ княгини, умный и образованный Михаилъ Орловъ, былъ также недоволенъ трудомъ Карамзина: патріотизмъ его оскорблялся и страдалъ въ виду прозаическаго и мѣщанскаго происхожденія Русскаго народа, которое выводилъ историкъ.

Вотъ еще замѣтка Пушкина: „Онъ (т. е. Орловъ) пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ Исторіи не помѣстилъ онъ какой нибудь *блестящей гипотезы о происхожденіи Славянъ*, то есть требовалъ романа въ Исторіи".

Не дожилъ Орловъ до исполненія патріотическихъ требованій и прихотей своихъ. Позднѣе возникла цѣлая школа *гипотезъ*, болѣе или менѣе блестящихъ: выбирай любую. Семь Греческихъ городовъ спорили о мѣсторожденіи слѣпаго Омира; наберется, вѣроятно, столько же изыскателей колыбели Русскаго народа. До окончательнаго рѣшенія спора приходится тысячелѣтнему младенцу быть безъ глазу у семи нянекъ или кормилицъ своихъ.

Но скажемъ съ поэтомъ:

И все то благо, все добро!

Можетъ быть, иному скептику и позитивисту покажется довольно суетною и празднословною та упорная тяжба о происхожденіи нашемъ, — тяжба, за многими и многими столѣтними давностями слѣдующая на покой въ архивъ. Но если, напримѣръ, кому нибудь захотѣлось-бы досконально изслѣдовать, какого цвѣта волосъ была кормилица его, давнымъ давно умершая, была-ли она бѣлокурая, рыжая, или скорѣе *шандре*, какъ говоритъ городничиха въ Ревизорѣ, то почему не предоставить ему волю тѣшиться надъ этою невинною и никому не мѣшающею задачею? Нѣтъ сомнѣнія, что каждому соблазнительна и лестна попытка доказать, что столѣтія и ученые авторитеты ошибались и врали чепуху, а что онъ одинъ нашелъ слово истины. Во всякомъ случаѣ, можетъ быть дѣло и не совсѣмъ безполезное. Истина историческая, какъ и многія другія истины, не рождается въ наше время въ полномъ облаченіи, какъ родилась мудрость изъ больной головы Юпитера. Нынѣ истина добывается не такъ легко: она часто многотрудная переработка, *переплавка* очищенныхъ заблужденій, устарѣвшихъ ошибокъ, предубѣжденій, суевѣрныхъ предразсудковъ. А чтобы кончить съ симъ вопросомъ, позволимъ себѣ еще одно замѣчаніе: большой прибыли намъ не будетъ, ежели даже откроются новые источники, новыя достовѣрныя и неопровержимыя справки — чего теперь нѣтъ — по коимъ докажется какъ дважды два четыре, что Несторъ ошибался, или худо былъ понятъ, что ошибались и Шлё-

церъ, и Карамзинъ. Мы теперь живемъ не младенческою жизнью, а жизнью уже взрослою и закаленною на огнѣ событій. Какъ-бы то ни было, мы столѣтіями и подвигами завоевали право называться Русскими. И это право давно признано Европою, не безъизвѣстно и Азіи. Что-же касается до утвержденія отечественнаго прозвища нашего по восходящей линіи вплоть до безъимянныхъ и баснословныхъ праотцевъ нашихъ, то въ этомъ нѣтъ насущной и неотлагаемой потребности. Признаюсь, по мнѣ, тутъ кстати сказать: кто ни попъ, тотъ и батька; или кто ни батька, тотъ и попъ. Былъ-бы только приходъ цѣлъ и богохранимъ: вотъ это главное.

Незамѣтнымъ для себя образомъ и увлекаясь теченіемъ мыслей нашихъ, мы немного, и даже много, удалились отъ задачи, первоначально себѣ поставленной. Мы хотѣли вставить въ опредѣленную раму уголокъ изъ нашей общественной жизни и олицетворить его изображеніемъ личности, которая въ свое время занимала не послѣднее мѣсто на сценѣ общежитія нашего. Оказывается, что мы въ очеркѣ своемъ значительно перешли объемъ этой рамы. Въ извиненіе себѣ за подобное своеволіе, мы прикрываемъ археографическое отступленіе свое (пожалуй, настоящій hors d'oeuvre) знаменитымъ сарафаномъ княгини на балѣ Московскаго дворянскаго собранія. Подъ этимъ нарядомъ и знаменіемъ, она безъ большого труда можетъ вмѣститься въ раздвижную раму нашу. Болѣе того: мы даже увѣрены, что любезная тѣнь ея не посѣтуетъ на насъ за то, что мы помянули о ней добрымъ словомъ въ такой не-женской и полемической обстановкѣ.

Приписка. Когда въ памяти нашей пробуждаются очерки личностей, съ которыми мы, на вѣку своемъ, встрѣчались, живали и бывали въ отношеніяхъ болѣе или менѣе близкихъ, мы всегда чувствуемъ желаніе, болѣе того, потребность, уловить эти мелькающіе призраки, эти въ насъ еще живыя преданія минувшаго: мы хотимъ прикрѣпить ихъ къ бумагѣ. Успѣваемъ-ли въ попыткахъ своихъ, этотъ вопросъ рѣшить не намъ. Но намъ сдается, что на насъ какъ будто лежитъ обязанность быть однимъ изъ хранителей и кустодовъ дѣлъ давно-минувшихъ лѣтъ и преданій *старины глубокой,* но еще свѣжей и не онѣмѣвшей въ воспоминаніяхъ нашихъ.

За неимѣніемъ кисти Ванъ-Дейка, мы вырѣзываемъ на скорую руку силуэтки, которыя со временемъ могутъ и пригодиться. Успѣлъ-же знаменитый естествоиспытатель Кювье, наблюденіями своими, воссоздать по мелкимъ обломкамъ остововъ цѣлыя поколѣнія существъ, уже съ незапамятнаго времени сошедшихъ съ лица земли и раздѣлить ихъ въ методическомъ и стройномъ порядкѣ. Почему не надѣяться, что и будущій Русскій Кювье-романистъ, или историкъ нашего общежитія, не прослѣдуетъ, по разбросаннымъ очеркамъ нашимъ, ходъ, правдивыя положенія и обстановку Русскаго общества въ періодѣ, который мы бѣглымъ взглядомъ окидываемъ? На будущее всегда позволительно уповать; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ настоящемъ зарождается въ насъ грустное чувство и сѣтованіе, что романисты наши, драматурги, такъ называемые нравоиспытательные публицисты наши, вообще, столь мало знакомы съ достовѣрными и, такъ сказать, олицетворенными преданіями Русскаго общества. Вслѣдствіе невольнаго невѣдѣнія (не хотимъ и думать о вольномъ и предумышленномъ) они безсознательно и неправдиво изображаютъ это общество съ самыхъ неблаговидныхъ сторонъ: они размалевываютъ картину свою рѣзкими, непріятными и къ тому-же фантастическими красками. Однимъ словомъ, они клеплятъ на общество наше, чтобы не сказать клевещутъ. Подъ ихъ очерками оказывается, будто наше общество (разумѣется и съ ихъ стороны и съ нашей рѣчь идетъ о высшемъ обществѣ) было, если не есть и по-нынѣ, до крайности безцвѣтно, тщедушно, худосочно, малокровно. Если вѣрить имъ, мышцы его дряблы: въ немъ нѣтъ ни твердости воли, ни способности дѣйствія. Существа, образующія это общество, не люди, а какія-то раскрашенныя и нарядныя куклы. Едва-ли оно такъ. Не споримъ, что можно подсмотрѣть въ немъ многіе недостатки; напримѣръ, недостатокъ зрѣлой *серьезности*, упирающейся на почву, воздѣланную и обработанную постоянными и долговременными трудами. Просвѣщеніе наше, образованность наша, то-есть цивилизація, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, нѣсколько поверхностны: они не вошли въ нашу кровь и въ нашу плоть, а болѣе въ привычки наши. Но спасибо и за это. Мы довольствуемся энциклопедическими свѣдѣніями; въ насъ мало спеціальности, потому что въ насъ нѣтъ долготерпѣнія. Съ удивитель-

нымъ чутьемъ, съ тонкимъ и возвышеннымъ сочувствіемъ, съ быстротою и ловкостью мы много хорошаго и прекраснаго уловляемъ на-лету, а мало что добываемъ въ потѣ лица, труда и науки. Но едва-ли всѣ эти недостатки не окажутся, при ближайшемъ изслѣдованіи, первородными грѣхами нашими, то есть свойствами и условіями Исторіи нашей.

„И мимоидый видѣ человѣка слѣпа отъ рождества; и вопросиша его ученицы его, глаголюще: Равви, кто согрѣши, сей-ли, или родители его, яко слѣпъ родися. Отвѣща Іисусъ: Ни сей согрѣши, ни родители его, но да явятся дѣла Божія на немъ“.

Исторія народа есть истинно гласъ Божій надъ нимъ.

Такъ или сякъ, куда и откуда не пересаживай генеалогическое дерево наше, но все-же мы Славяне, Славянами родившіеся, или въ Славянъ переродившіеся. Какъ ни увертывайся, а есть въ насъ доля благородной, добродушной и милой беззатѣйливости, прирожденной Славянской натурѣ. Громъ не грянетъ, мужикъ (Русскій человѣкъ) не перекрестится. Эту поговорку выдумали не мы, и не грамотѣи, а мы подслушали ее опять-таки изъ устъ самой Исторіи. Намъ не тягаться съ доками-Германцами. Пожалуй, мы иногда и перегонимъ ихъ; но все-же не догонимъ. Не должно также терять изъ виду еще одно историческое обстоятельство. Провидѣніе въ одно прекрасное утро послало намъ на должность воеводы, дядьки и учителя—богатыря, который былъ маленько-горячъ и скоръ и крѣпокъ на руку. Почву свою онъ не обсѣменялъ въ ожиданіи будущихъ благъ. Онъ ждать не любилъ и не умѣлъ. Жолуди были не по немъ: давай ему сейчасъ дубнякъ. Вотъ онъ и сталъ цѣликомъ и живьемъ пересаживать его на обширныхъ пространствахъ своей возлюбленной вотчины. И мы всѣ, большіе и малые, особенно большіе, и старые, и молодые, вольные и невольные, возрасли и обжились подъ этимъ импровизированнымъ дубнякомъ. Кажется, князь Циціановъ, извѣстный поэзіею разсказовъ, говорилъ, что въ деревнѣ его одна крестьянка разрѣшилась отъ долгаго бремени семилѣтнимъ мальчикомъ, и первое слово его, въ часъ рожденія, было: дай мнѣ водки! Можетъ быть, и мы начали пропитаніе свое не съ молока матери, а прямо съ водки.

Какъ-бы то ни было, но если упрекать высшее общество наше

въ недостаткѣ, скажемъ опять, *серьезности* (за неимѣніемъ другаго слова подъ перомъ), усидчивости, духовной возмужалости, то въ какихъ другихъ общественныхъ слояхъ нашихъ найдемъ мы живыя и поразительныя улики въ свойствахъ и качествахъ, которыя могли-бы пристыдить это высшее общество въ легкомыслiи его, недозрѣлости и въ умственной, и нравственной несостоятельности? Скажемъ безпристрастно и по совѣсти, что всѣ эти нарекания и междоусобныя непріязненныя притязанія, оглашаемыя нѣкоторою частью печати нашей, неосновательны, несправедливы и неблаговидны. Высшее общество наше имѣетъ въ такомъ случаѣ полное право сказать нашей печати: не вамъ-бы говорить, не мнѣбы слушать.

Когда К. Я. Булгаковъ былъ переведенъ изъ директоровъ Московскаго почтамта въ Петербургъ на таковую-же должность, на мѣсто его назначенъ былъ Рушковскій, съ незапамятныхъ временъ служившій по Московскому почтовому вѣдомству. Никто никогда не зналъ ни происхожденія, ни родства его. Онъ точно родился на почтѣ: почта была мать его, семейство, родина. Извѣстная жизнь его начиналась съ почты и почтою кончилась она. Онъ былъ какой-то почтовой самородокъ. По нѣкоторымъ слухамъ, примѣтамъ и по выговору его, можно было приписать его къ Бѣлоруссамъ, съ отпечаткомъ iезуитскаго образованія. Онъ былъ большой оригиналъ, умный, со свѣдѣніями и, по крайней мѣрѣ, повидимому, простосердечный, скромный, даже когда судьба возвела его на почтъ-директорское мѣсто, мѣсто вездѣ и всегда значительное, а въ Москвѣ, небогатой представительными должностями, и подавно. Всегда оживленный, веселый, гостепріимный домъ К. Я. Булгакова претворялся со дня на день въ домъ пустынный, отшельническій, въ келью. Въ первый разъ, что я навѣстилъ Рушковскаго въ новомъ жительствѣ его, онъ вышелъ ко мнѣ на-встрѣчу съ подсвѣчникомъ, въ которомъ тускло горѣла сальная свѣча. Я тогда отправлялся въ Петербургъ и шутя спросилъ его, не дастъ ли онъ мнѣ писемъ, чтобы избавиться отъ любопытства и нескромности почты. Надобно было видѣть, съ какимъ страннымъ и словно

испуганнымъ выраженіемъ въ лицѣ принялъ онъ предложеніе мое. —„Нѣтъ“, сказалъ онъ, „благодарю, но и вамъ не совѣтую писать никогда съ отъѣзжающими: это ненадежнѣе, а часто и опаснѣе, нежели писать прямо по почтѣ“. Булгаковъ очень любилъ и уважалъ его. Вѣроятно, онъ и указалъ начальству на него, какъ на преемника себѣ; преемника, но вовсе не наслѣдника. При Булгаковыхъ, т.-е. при Константинѣ Яковлевичѣ, а послѣ кончины Рушковскаго, при Александрѣ Яковлевичѣ, почтамтъ отличался любезною угодливостью всѣмъ невиннымъ ходатайствамъ Московскихъ барынь, особенно молоденькихъ и пригоженькихъ, по части писемъ и вообще почтовыхъ сношеній и удобствъ. Съ Рушковскимъ ничего этого не было. Почтамтъ сдѣлался заповѣднымъ монастыремъ и недоступною крѣпостью: съ нимъ существовали одни официальныя сношенія. Въ Москвѣ Рушковскаго никто не зналъ; онъ былъ нелюдимъ и не общителенъ. Кажется, и милый нашъ всеобщій корреспондентъ и общій почтовой приживалка, Тургеневъ, не бывалъ въ перепискѣ съ нимъ: эта черта обрисовываетъ Рушковскаго. Во время бытности императора Александра въ Москвѣ, Рушковскій представлялся ему въ кабинетѣ его. Государь, отпуская его, когда онъ приблизился къ дверямъ, сказалъ ему: Il y a là une marche, prenez garde de tomber *). Еще не договорены были слова Государя, а Рушковскій задѣлъ за ступеньку и повалился. Падая, говоритъ онъ: C'est déja fait, votre majesté **).

А вотъ и другой почтовой анекдотъ довольно историческій и характеристическій.

И. Б. Пестель, въ званіи Петербургскаго почтъ-директора и президента главнаго почтоваго правленія при императорѣ Павлѣ, пользовался особеннымъ благоволеніемъ его и довѣренностью. Графъ Ростопчинъ, родъ перваго министра, въ то время, былъ недоволенъ этимъ. Не любилъ-ли онъ Пестеля, имѣлъ-ли причину не любить, забывался-ли предъ нимъ Пестель при счастіи своемъ и можетъ быть, въ ожиданіи и надеждѣ на счастіе еще болѣе воз-

*) Тутъ ступенька; смотрите, не упадите.
**) Я уже упалъ, ваше величество.

вышенное, опасался-ли его Ростопчинъ, какъ соперника, который рано или поздно можетъ побѣдить его, или просто не довѣрялъ онъ искренности, преданности его къ Государю? Все это остается неразъясненною тайною. Но вотъ какую западню устроилъ Ростопчинъ противъ Пестеля. Онъ написалъ письмо отъ неизвѣстнаго, который увѣдомляетъ пріятеля своего за границею о заговорѣ противъ Императора и входитъ въ разныя подробности по этому предмету; въ заключеніе говоритъ онъ: „Не удивляйтесь, что пишу вамъ по почтѣ; нашъ почтъ-директоръ Пестель съ нами“. Ростопчинъ приказалъ отдать письмо на почту, но такъ (неизвѣстно, какимъ способомъ), что письмо должно было непремѣнно возбудить вниманіе почтоваго начальства и быть передано главноуправляющему для перлюстраціи. Графъ Ростопчинъ хорошо зналъ характеръ императора Павла, но хорошо зналъ его и Пестель. Онъ не рѣшился показать письмо Императору, который, по мнительности и вспыльчивости своей, не далъ-бы себѣ времени порядочно изслѣдовать достовѣрность этого письма, а тутъ-же уволилъ-бы его, или сослалъ. Графъ Ростопчинъ также все это сообразилъ и съ большою надеждою на удачу. Нѣсколько дней спустя, видя, что Пестель утаиваетъ письмо, доложилъ онъ Государю о ходѣ всего дѣла, объясняя, разумѣется, что единственнымъ побужденіемъ его было испытать вѣрность Пестеля, и что во всякомъ случаѣ повергаетъ онъ повинную голову свою предъ его величествомъ. Государь поблагодарилъ его за прозорливое усердіе къ нему. Участь Пестеля рѣшена: прекращены дальнѣйшіе успѣхи его, по крайней мѣрѣ, на все настоящее царствованіе; онъ уволенъ отъ занимаемаго имъ мѣста. Но этимъ не довольствуется торжество Ростопчина. Онъ былъ ума насмѣшливаго, и ему захотѣлось еще пошутить надъ жертвою своею, такъ сказать, подурачить ее. До сообщенія Пестелю именнаго повелѣнія, онъ приглашаетъ его къ себѣ на обѣдъ. Тотъ, обольщенный успѣхами своими, является къ обѣду въ попыхахъ и съ нѣкоторою самоувѣренностью. Хозяинъ расточается предъ гостемъ своимъ въ особенныхъ вѣжливостяхъ и ласкахъ. Пестель при этомъ думаетъ, что Ростопчинъ начинаетъ опасаться его и хочетъ задобрить. Онъ проговаривается и двусмысленными словами указываетъ на виды свои въ будущемъ. Возвратившись до-

мой отъ обѣда, находитъ онъ офиціальную бумагу, вовсе не согласную съ розовыми мечтаніями честолюбія его. (Слышано отъ Карамзина).

Вотъ какіе разыгрываются водевили, а иногда и драмы на скользкой сценѣ честолюбивыхъ замысловъ и столкновеній. Графъ Ростопчинъ былъ человѣкъ страстный, самовластный. При всей образованности своей, которая должна-бы укрощать своевольные порывы, онъ часто бывалъ необузданъ въ увлеченіяхъ и дѣйствіяхъ своихъ. Но онъ не былъ золъ, хотя, можетъ быть, былъ нѣсколько злопамятенъ. Дружба его съ доблестнымъ княземъ Ціціановымъ, уваженіе къ Суворову, позднѣе постоянно пріятельскія сношенія съ Карамзинымъ, благоговѣйная признательность къ памяти императора Павла, благодѣтеля своего, а во время служенія при немъ, искренность въ изложеніи мнѣній своихъ, искренность доходившая иногда до неустрашимости и гражданскаго геройства, все это доказываетъ, что онъ способенъ былъ питать въ себѣ благородныя и возвышенныя чувства.

И. Б. Пестель — одно изъ воспоминаній дѣтства моего. Онъ часто бывалъ въ домѣ нашемъ въ Москвѣ. Мой отецъ, довольно строгій и исключительный въ пріязняхъ своихъ, былъ, сколько мнѣ извѣстно, дружески расположенъ къ нему. Эти пріятельскія отношенія сохранились до кончины отца моего. Когда привезъ онъ меня въ Петербургъ для помѣщенія въ пансіонъ, онъ часто видѣлся съ Пестелемъ. До поступленія моего въ училище я также часто видался съ сыновьями его, почти одного возраста со мною. Вѣроятно товарищемъ въ играхъ моихъ былъ и несчастный, столь горестно кончившій свое политическое и земное поприще. Жена Пестеля, какъ узналъ я изъ семейныхъ преданій, была очень умная и любезная женщина. Мои родители очень любили и уважали ее; а сколько мнѣ извѣстно, моя мать была также довольно разборчива съ связяхъ своихъ. Съ нею ѣзжали къ намъ мать ея, Крокъ, съ ея дочерью незамужнею. Салонъ отца моего былъ салономъ разговора: слѣдовательно посѣщавшіе его должны были вносить, кто болѣе, кто менѣе, свою долю ума и любезности. Въ ма-

ленькой комнатной библіотекѣ отца моего, въ одномъ шкапѣ съ книгами, за стеклами хранился маленькій, очень маленькій, бѣлой шолковой матеріи, башмачекъ. Послѣ узналъ я, что этотъ сандрильоновскій башмачекъ обувалъ маленькую ножку г-жи Пестель. Honny soit qui mal y pense.

Князь Бѣлосельскій (отецъ милой и образованной княгини Зинаиды Волконской) былъ, какъ извѣстно, любезный и просвѣщенный вельможа, но бѣдовый поэтъ. Его поэтическія вольности (licences poëtiques) были безграничны до невозможности. Однажды въ Москвѣ написалъ онъ оперетку, кажется, подъ заглавіемъ *Олинька*. Ее давали на домашнемъ и крѣпостномъ театрѣ Алексѣя Аѳонасьевича Столыпина. Не придворная, а просто дворовая труппа его, отличалась нѣкоторыми художественными актерами, которые послѣ заняли почетныя мѣста въ императорскомъ Московскомъ театрѣ. Помню между прочими одного изъ нихъ, Лисицына: онъ былъ очень забавенъ въ комическихъ роляхъ простачковъ и долго смѣшилъ Московскую публику. Оперетка князя Бѣлосельскаго была приправлена пряностями самаго соблазнительнаго свойства. Хозяинъ дома, въ своемъ нелитературномъ простосердечіи, а можетъ быть и вслѣдствіе общаго вкуса стариковъ къ крупнымъ шуткамъ, которыя кажутся имъ тѣмъ болѣе забавны, что они не очень цѣломудренны, созвалъ Московскую публику къ представленію оперы князя Бѣлосельскаго. Сначала все было чинно и шло благополучно.

Благопристойности ничто не нарушало.
Но Бѣлосельскій былъ *не разъ бѣдамъ* начало.

Вдругъ посыпались шутки даже и недвусмысленно-прозрачныя, а прямо на-бѣло и на-голо. Въ публикѣ удивленіе и смущеніе. Дамы, многія вѣроятно по чутью, чувствуютъ что-то неловко и неладно. Дѣйствіе переходитъ со сцены на публику: сперва слышенъ шопотъ, потомъ ропотъ. Однимъ словомъ, театральный скандалъ въ полномъ разгарѣ. Нѣкоторые мужья, не дождавшись конца спектакля, поспѣшно съ женами и дочерьми выходятъ изъ залы. Дамы, присутствующія тутъ безъ мужей, молодыя вдовы, чинныя

старухи слѣдуютъ этому движенію. Зала пустѣетъ. Слухи объ этомъ представленіи доходятъ до Петербурга и до правительства. Спустя недѣли двѣ (тогда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ), князь Бѣлосельскій тревожно вбѣгаетъ къ Карамзину и говоритъ ему: „Спаси меня: императоръ (Павелъ Петровичъ) повелѣлъ, чтобы немедленно прислали ему рукопись моей оперы. Сдѣлай милость, исправь въ ней всѣ подозрительныя мѣста; очисти ее, какъ можешь и какъ умѣешь“. Карамзинъ тутъ-же исполнилъ желаніе его. Очищенная рукопись отсылается въ Петербургъ. Немедленно въ такомъ видѣ, исправленную и очищенную, предаютъ ее, на взякій случай, печати. Все кончилось благополучно: ни автору, ни хозяину домашняго спектакля не пришлось быть въ отвѣтственности.

Для статистическаго и топографическаго опредѣленія прибавимъ еще нѣсколько словъ: домъ Столыпина, въ Знаменскомъ переулкѣ, близъ Арбатскихъ воротъ, не горѣлъ въ пожаръ 1812 года и существуетъ донынѣ. Въ старину, то есть при владѣльцѣ Столыпинѣ, былъ онъ, какъ мы видимъ, сборнымъ мѣстомъ увеселеній и драматическихъ зрѣлищъ. Старая Москва славилась не однимъ этимъ театральнымъ барскимъ домомъ. Были домашніе, дворовые и даровые спектакли у князя Шаховскаго, бригадира Дурасова, Познякова. Комикъ князь Шаховскій, въ забавной комедіи, осмѣялъ эти *полубарскія затѣи* родственника своего или однофамильца. Но мы опять скажемъ: эти *затѣи* были не худшая сторона Русскаго крѣпостничества. Напротивъ, они имѣли и свое хорошее значеніе. Домъ Столыпина перешелъ послѣ во владѣніе князя Хованскаго, а отъ него купленъ былъ княземъ Трубецкимъ, и вотъ по какому случаю. По сосѣдству съ нимъ былъ домъ князя Андрея Ивановича Вяземскаго, у Колымажнаго двора *). Когда князь скончался, на отпѣваніе приглашенъ былъ Московскій викарій. По ошибкѣ пріѣхалъ онъ въ домъ Хованскаго и, увидѣвъ князя, сказалъ онъ ему: „Какъ я радъ, князь, что встрѣчаю васъ; а я думалъ, что приглашенъ въ домъ вашъ для печальнаго обряда“. Хованскій былъ очень суевѣренъ и вовсе не располагался умирать. Онъ невзлюбилъ дома своего и поспѣшилъ продать его при первомъ удобномъ случаѣ.

*) Нынѣ княгини Натальи Владиміровны Долгорукой.

Длинный, многословный разсказчикъ имѣлъ привычку поминутно вставлять въ рѣчь свою: *короче сказать*. — „Да, попробуй хоть разъ сказать *длиннѣе сказать*“, прервалъ его N. N., „авось будетъ короче“.

Умному К. совѣтовали жениться на умной и любезной дѣвицѣ Б. И она, и онъ были рябые. — „Что-же“, отвѣчалъ онъ, „вы хотите, чтобы дѣти наши были вафли“.

Говорили объ *интересномъ* и нѣсколько двусмысленномъ положеніи молодой ***... „А мужъ ея“, сказала одна изъ ея пріятельницъ, „такъ глупъ, что онъ даже не слыхалъ, что жена его беременна“.

Нѣкоторые драматическіе писатели — зачѣмъ называть ихъ поименно? — отвергли три классическія драматическія единства: времени, мѣста и содержанія, или интереса. Они замѣнили ихъ единымъ единствомъ: единствомъ скуки.

Въ походахъ своихъ на драматическихъ Французскихъ классическихъ писателей, А. М. Пушкинъ перевелъ, между прочимъ, и комедію Реньяра *Игрокъ* и, помнится, удачнѣе другихъ попытокъ своихъ. Ее должны были разыгрывать любители въ подмосковной Екатерины Владиміровны Апраксиной. Сама хозяйка принимала въ ней участіе, равно какъ и самъ переводчикъ, княгиня Вяземская, Василій Львовичъ Пушкинъ и другіе. Роль слуги передана была Б., видному мужчинѣ, который держалъ себя особенно благопристойно. Пушкинъ находилъ, что онъ и въ роли своей немного чопоренъ, и замѣтилъ это ему, какъ чадолюбивый родитель дѣтища, которое должно было явиться въ свѣтъ, какъ режиссеръ домашняго спектакля и какъ самъ отличный актеръ. — „А позвольте спросить“, возразилъ Б., „благородный-ли спектакль у насъ, или нѣтъ?“ — „Разумѣется, благородный“. — „Такъ предо-

ставьте же мнѣ разыгрывать роль свою благородно, а не по-лакейски“.

Совмѣстникъ А. М. Пушкина по части драматическихъ переводовъ былъ Дмитрій Евгеніевичъ Кашкинъ, братъ извѣстнаго и любимаго въ Москвѣ бригадира, а потомъ сенатора Николая Евгеніевича. Но этотъ нападалъ болѣе на новѣйшихъ Французскихъ трагиковъ: классиковъ оставлялъ онъ въ покоѣ. Такимъ образомъ смастерилъ онъ съ полъ-дюжины трагедій. Пушкинъ, встрѣтясь съ нимъ, спрашиваетъ: „Нѣтъ-ли у васъ новой трагедіи?“ — „Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ, „я трагедіи оставилъ; мнѣ показалось, что это не мой родъ: я принялся за комедіи“.

Въ Константинополѣ спросилъ я одного извѣстнаго и знаменитаго Греческаго поэта, многіе-ли нынѣ занимаются поэзіею въ Греціи? — „Кому-же теперь заниматься?“ отвѣчалъ онъ. „Мы съ братомъ захватили всю поэзію: я драматическую, а онъ лирическую. Другимъ тутъ мѣста нѣтъ“. — Вотъ семейный и братскій миролюбивый раздѣлъ.

А. М. Пушкинъ, по сходству фамилій, величалъ всегда графомъ одного барина, который никакого графства за собой не имѣлъ. Кто-то замѣтилъ Пушкину ошибку его. — „А, теперь понимаю“, сказалъ онъ, „почему, когда случается мнѣ заговорить съ нимъ, онъ поспѣшно отводитъ меня въ уголъ комнаты, чтобы подальше отъ людей и безпрепятственно насладиться, когда я *сіятельствую его*“.

Одна милая, умная, молодая женщина, въ откровенной исповѣди, сказала мнѣ... но какъ пересказать то, что она мнѣ сказала? Впрочемъ попробуемъ, но съ слѣдующею оговоркою, въ видѣ предостереженія:

La mère en défendra la lecture à sa fille;

а особенно:

L'époux en défendra la lecture à sa femme *)

Вотъ сущность словъ моей своеобразной собесѣдницы: „Женщина, которая себя уважаетъ и не совсѣмъ заглушила совѣсть свою, ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ увлеченіяхъ страсти, не позволитъ себѣ подвергнуться опасенію водворить въ семью свою дѣтей, которыя не принадлежали бы мужу ея. Но разъ мужемъ *застрахованная* на извѣстный срокъ (ея собственное выраженіе), это дѣло другое: тогда она не такъ безусловно обязана бороться съ наступающимъ искушеніемъ. Такимъ образомъ уравниваются брачныя права и отвѣтственность между супругами. Въ устройствѣ нашего общества, главное преимущество мужа предъ женою заключается въ томъ, что проступокъ, что грѣхъ его не позоритъ семьи, не вводитъ въ нее беззаконныхъ наслѣдниковъ и наслѣдницъ: семья остается ненарушимою твердынею, святынею, по крайней мѣрѣ, фактически непоруганною и незатронутою. Вы мужчины счастливы: даже и преступленіе ваше имѣетъ въ пользу свою облегчающія вину обстоятельства“. Вотъ новыя соображенія для любопытной главы философіи и физіологіи брака.

Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, узнавъ о болѣзни одного изъ нашихъ государственныхъ людей, посѣтилъ его. Ему показалось, что больной очень задумчивъ и мраченъ. Приписывая это опасенію за исходъ болѣзни, началъ онъ утѣшать его, говоря, что онъ вовсе не такъ боленъ и скоро непремѣнно оправится. — „Вовсе не за себя безпокоюсь“, отвѣчалъ тотъ, „а мнѣ жаль бѣдной Россіи: что будетъ съ нею, когда я умру“. Вотъ человѣкъ, который, при всемъ обширномъ умѣ и большихъ способностяхъ своихъ, имѣлъ простодушіе думать, что онъ *необходимъ*.

А на что-же Провидѣніе? Оно не воплощается въ одномъ человѣкѣ. Иногда оно какъ будто выдаетъ полномочіе ему; но все

---

*) Мать запретитъ читать объ этомъ своей дочери. — Мужъ запретитъ читать объ этомъ своей женѣ.

это на извѣстное время, и къ тому-же на извѣстныхъ условіяхъ. У Провидѣнія есть всегда въ запасѣ свои калифы на часъ.

На бѣломъ свѣтѣ лишнихъ людей много, нужныхъ мало, необходимыхъ вовсе нѣтъ.

Князь Андрей Кириловичъ Разумовскій былъ въ молодости очень красивый мужчина и славился своими счастливыми любовными похожденіями, то есть *благородными интригами*, какъ говорится у насъ въ провинціи, и какъ говорилось еще и недавно въ нашихъ столицахъ. Онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Неаполь. Въ то время Неаполитанскою королевою была Каролина, извѣстная красавица и не менѣе извѣстная своими благородными, а можетъ быть, и инородными интригами. Долгое время фаворитомъ ея былъ Ирландецъ Актонъ, а фавориткою леди Гамильтонъ, тоже извѣстная въ хроникѣ любовныхъ происшествій. Послѣ офиціальнаго представленія королевѣ, графъ Разумовскій распустилъ по городу слухъ, что удивляется общей молвѣ о красотѣ ея, что онъ не видитъ ничего въ ней особеннаго. Этотъ слухъ, разумѣется, дошелъ до королевы: онъ задралъ за живое женское и царское самолюбіе. Опытный и въ сердечной женской дипломатикѣ, Разумовскій на это и разсчитывалъ. Чрезъ мѣсяцъ онъ былъ счастливъ. (Разсказано графомъ Косаковскимъ).

Графъ Разумовскій былъ очень гордъ. Однажды, на эрмитажномъ спектаклѣ, Павелъ Петровичъ подзываетъ Ростопчина и говоритъ ему: „Поздравь меня; сегодня мнѣ везетъ: Разумовскій первый поклонился мнѣ“ (Слышано отъ графа Ростопчина).

Я познакомился съ Разумовскимъ (уже княземъ) въ Вѣнѣ въ 1835 г. Онъ былъ уже старъ, но видны были еще слѣды красивости его. Онъ показался мнѣ очень привѣтливъ и обхожденія простого и добродушнаго, что впрочемъ замѣтилъ я, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, и въ братѣ его графѣ Алексѣѣ Кириловичѣ, который также слылъ нѣкогда гордецомъ. J'étais jeune et superbe *).

*) Я былъ молодъ и гордъ.

могли сказать они съ поэтомъ. Но жизнь присмирила ихъ. Можно еще постигнуть молодого гордеца: тутъ есть чѣмъ похвастаться, когда есть молодость прекрасная, цвѣтущая и къ тому-же еще одаренная разными преимуществами. Но что можетъ быть жалче и глупѣе стараго гордеца? Старость не порокъ, а хуже: она немощь и недугъ. Пожалуй, стыдиться ея не для чего, но и похвалиться нечѣмъ. Графъ Разумовскій имѣлъ свой собственный великолѣпный домъ въ Вѣнѣ и жилъ въ немъ барски. Городъ этотъ былъ совершенно по немъ, и въ немъ оставался онъ до самой кончины своей, уважаемый и любимый Вѣнскимъ аристократическимъ обществомъ, что дѣло не легкое и не всякому удается. Вѣнское общество славилось всегда блескомъ своимъ, общежительствомъ, но болѣе между собою, и было довольно исключительно и недоступно для иностранцевъ и разночинцевъ, своихъ и чужеземныхъ. Царскій конгресъ 1814 г., родъ политическаго вселенскаго собора, не могъ выбрать въ Европѣ лучше сцены для своихъ лицедѣевъ и дѣйствій. Утромъ занимались дѣлами, ворочали и переворачивали Европу; вечеромъ присутствовали на великолѣпныхъ праздникахъ и балахъ. Старый принцъ де-Линь, любезный и любимый собесѣдникъ и попутчикъ Екатерины Великой, дожившій до конгреса, говорилъ: „Конгресъ пляшетъ, но не подвигается впередъ“. Императоръ Александръ и министръ его Разумовскій достойно разыгрывали роли свои на этомъ театрѣ, собравшемъ въ одну группу все, что Европа имѣла блестящаго и высокопоставленнаго. Вѣнскій конгресъ могъ въ своихъ переговорахъ и преніяхъ обмолвиться не одною ошибкою; но все-же онъ былъ важное и занимательное историческое событіе въ Европейскихъ лѣтописяхъ. Наши политическіе недоброжелатели, чтобы не сказать враги, остались недовольны этимъ конгресомъ, и въ продолженіи многихъ лѣтъ они напрягали всѣ свои силы и козни, чтобы ослабить и уничтожить послѣдствія его. Равно вооружались они, изъ непріязни къ намъ, и противъ Священнаго Союза. Всѣ эти враждебныя усилія и постоянныя, такъ сказать, злоумышленія не доказываютъ-ли, что въ сущности, за исключеніемъ частныхъ промаховъ и ошибокъ, была въ этой политикѣ и въ основѣ ея, положенной Александромъ I-мъ, и своя доля пользы и первен-

ствующей власти для Россіи? Не изъ любви же къ намъ недоброжелатели наши такъ усердно, упорно и горячо работали, чтобы потрясти и окончательно ниспровергнуть созданіе рукъ императора Александра. А наши недальновидные, невинные журнальные политиканы туда-же лѣзутъ за Европейскими крикунами и съ негодованіемъ и ужасомъ порицаютъ политику Александра I-го. Легко пересуживать заднимъ числомъ попытки, дѣйствія и событія минувшаго! Не должно забывать, что Провидѣніе, что Исторія имѣютъ свои неожиданные, крутые повороты, свои coups d'état и coups de théâtre, которые озадачиваютъ и сбиваютъ съ панталыку всякую человѣческую мудрость. То, что казалось полезнымъ и нужнымъ въ извѣстное время, можетъ, въ силу непредвидимыхъ и неподлежащихъ человѣческой видимости обстоятельствъ, принять въ другое время совершенно противоположный оборотъ.

Въ проѣздъ мой чрезъ Вѣну, жила у деверя своего графиня Марія Григорьевна Разумовская, вдова брата его графа Льва Кириловича. Она меня и представила хозяину дома. На прощаньи графъ посовѣтовалъ мнѣ ѣхать на Прагу. „Она напомнитъ вамъ нашу Москву“, сказалъ онъ.

Графъ Левъ Кириловичъ былъ также замѣчательная и особенно сочувственная личность. Онъ не оставилъ по себѣ слѣдовъ и воспоминаній ни на одномъ государственномъ поприщѣ, но много въ памяти знавшихъ его. Отставной генералъ-маіоръ, онъ долго жилъ въ допотопной или допожарной Москвѣ, забавлялъ ее своими праздниками, спектаклями, концертами и балами, какъ въ домѣ своемъ на Тверской, такъ и въ прекрасномъ своемъ загородномъ Петровскомъ. Онъ былъ человѣкъ высокообразованный: любилъ книги, науки, художества, музыку, картины, ваяніе. Едва-ли не у него перваго въ Москвѣ былъ зимній садъ въ домѣ. Это смѣшеніе природы съ искусствомъ придавало еще новую прелесть и разнообразіе праздникамъ его. Братъ его графъ Алексѣй Кириловичъ имѣлъ въ то время въ Горенкахъ замѣчательный и богатый ботаническій садъ, извѣстный въ Европѣ, и при немъ равно извѣстнаго и ученаго ботаника Фишера. Москва въ то время славилась не однимъ барствомъ, а барство славилось не одною Азіатскою пышностью. Графъ Левъ Кириловичъ былъ истинный баринъ въ пол-

номъ и настоящемъ значеніи этого слова: добродушно и утонченно вѣжливый, любилъ онъ давать блестящіе праздники, чтобы угощать и веселить другихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дорожилъ онъ ежедневными отношеніями съ нѣкоторыми избранными: графомъ Ростопчинымъ, Карамзинымъ, княземъ Андреемъ Ивановичемъ Вяземскимъ, княземъ Андреемъ Петровичемъ Оболенскимъ, графомъ Михаиломъ Юрьевичемъ Вьельгорскимъ и другими. Сверхъ того, у него были тѣсныя связи съ передовыми и старостами масонства. Въ молодости былъ онъ большой сердечкинъ и волокита. Дмитріевъ разсказывалъ, что на дежурства на Петербургскихъ гауптвахтахъ ему то и дѣло приносили, на тонкой надушеной бумагѣ, записки, видимо написанныя женскими руками. Спѣшилъ онъ отвѣчать на нихъ на заготовленной у него также красивой и щегольской бумагѣ. Такимъ образомъ упражнялся онъ и утѣшалъ себя въ душныхъ и скучныхъ стѣнахъ не всегда опрятной караульни. Позднѣе влюбился онъ въ княгиню Голицыну, жену богача, котораго прозвали въ Москвѣ cosa гага. Она развелась съ мужемъ и обвѣнчалась съ графомъ Разумовскимъ. Онъ страстно любилъ ее до самой кончины своей. Бракъ, разумѣется, не былъ признанъ законнымъ, то есть не былъ официально признанъ; но семействомъ графа, то есть Разумовскими, графомъ Кочубеемъ, Наталіей Кириловной Загряжской, Марія Григорьевна была принята радушно и съ любовью. Дядя графа, фельдмаршалъ графъ Гудовичъ, былъ въ Москвѣ генералъ-губернаторомъ. Въ одинъ изъ пріѣздовъ императора Александра, дядя, вѣроятно, ходатайствовалъ предъ его величествомъ за племянника и племянницу. На одномъ балѣ въ намѣстническомъ домѣ, Государь подошелъ къ Марьѣ Григорьевнѣ и громко сказалъ: Madame la comtesse, voulez-vous me faire l'honneur de danser une polonaise avec moi? *) Съ той минуты она вступила во всѣ права и законной жены, и графскаго достоинства. Впрочемъ общество, какъ Московское, такъ и Петербургское, по любви и уваженію къ графу и по сочувствію къ любезнымъ качествамъ жены, никогда не оспаривали у нея этихъ правъ.

Графъ Левъ Кириловичъ, или какъ обыкновенно звали его въ об-

*) Графиня, не угодно ли вамъ сдѣлать мнѣ честь протанцовать со мною польскій?

ществѣ, le comte Léon, былъ въ высшей степени характера благороднаго, чистѣйшей и рыцарской чести, прямодушенъ и простодушенъ вмѣстѣ. Хозяинъ очень значительнаго имѣнія, былъ онъ, разумѣется, плохой хозяинъ, какъ и подобаетъ или подобало Русскому барству. Вопреки изреченію Евангелія, у насъ кому много дано, у того много и отпадаетъ. Тѣ, у кого мало, имѣютъ еще надежду, да и къ тому-же умѣніе, округлить это малое. Графъ былъ любезный говорунъ. При серьезномъ выраженіи лица и вообще покойной осанкѣ (какъ иначе перевести выразительное слово tenue?), онъ часто отпускалъ живое, мѣткое, забавное слово. Онъ нѣсколько картавилъ. Даже вѣчный насморкъ придавалъ рѣчи его особенный и привлекательный діапазонъ: по крайней мѣрѣ таково мое дѣтское впечатлѣніе, уцѣлѣвшее и понынѣ. Я лѣтъ десятя особенно и внимательно вслушивался въ разговоръ его, когда онъ навѣщалъ отца моего, съ которымъ былъ очень друженъ. Дѣтство воспріимчиво и впечатлительно. Помню, какъ будто видѣлъ это вчера, сани его, запряженныя парою красивыхъ коней и свѣтлой бѣлизны покрывало, которымъ былъ обтянутъ передокъ саней. Малороссійскій гайдукъ въ большой мѣховой шапкѣ стоялъ на запяткахъ. Графъ, войдя въ первую комнату, бросалъ ловко и даже граціозно большую мѣховую муфту свою. Проходя мимо, онъ всегда привѣтствовалъ меня привѣтливымъ и веселымъ словомъ. Позднѣе удостоивался я и пріязни его. Большое счастіе для сына быть обязаннымъ отцу своему доброжелателями, такъ сказать по наслѣдству, которые сохраняютъ прежнія связи свои съ умершими, въ лицѣ ихъ дѣтей.

Въ воспоминаніяхъ дѣтства моего встрѣчаюсь и съ графинею Разумовскою, въ то время еще княгинею Голицыною. Съ чуткою и безсознательною догадливостью *бѣдовыхъ дѣтей* (enfants terribles), скоро подмѣтилъ я, что за муфтою графа не замѣшкаетъ явиться и княгиня, или за княгинею немедленно покажется и муфта. Я всегда такъ и караулилъ эти неминуемыя, одно за другимъ послѣдовательныя явленія. Она въ молодости своей пѣла очень мило; впрочемъ и до конца была любительницею и цѣнительницею хорошей музыки. Однажды задрала она за-живо стихотворческое и Русское самолюбіе Нелединскаго. Пропѣвъ романсъ Ханыкова: Quand

sur les ailes des plaisirs и пр. *), графиня сказала Нелединскому: „Вотъ никакъ не передать этихъ словъ на Русскій языкъ“. На другой день привезъ онъ ей свой прелестный переводъ.—Помню, какъ она меня, ребенка, учила пѣть слѣдующій куплетъ:

Enfant chéri des dames,
Je fus en tout pays,
Fort bien avec les femmes,
Mal avec les maris **).

Есть имена, которыя, разъ попавшись подъ перо, невольно вовлекаютъ его въ дальнѣйшія подробности. Имя гр. Разумовской принадлежитъ этому разряду. Она, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, едва-ли имѣла много себѣ подобныхъ. Во-первыхъ, знавшіе ее съ молодыхъ лѣтъ говорили, что она хорошѣла съ годами, то-есть, разумѣется, до извѣстнаго возраста. Въ лѣтахъ полной зрѣлости, и даже въ лѣтахъ глубокой старости, она могла дать о себѣ понятіе, что была нѣкогда писаной красавицей, чего, говорятъ, никогда не было. Во-вторыхъ, позднѣе, пережила она всѣхъ сверстниковъ и свое современное поколѣніе; пережила многихъ и изъ новаго, такъ что Маѳусаиловскіе года ея оставались головоломною задачею для охотниковъ до лѣтосчисленія. Долго по кончинѣ графа, мужа своего, предавалась она искренней и глубокой скорби. Глаза ея были буквально двумя источниками непрерывныхъ и неистощимыхъ слезъ. Для здоровья ея, сильно пострадавшаго отъ безутѣшной печали, присовѣтовали ей съѣздить на время въ чужіе края. Тамъ, міръ новыхъ явленій и впечатлѣній, новая природа, разнообразіе предметовъ, а вѣроятно болѣе всего счастливое сложеніе натуры и характера ея, взяли свое. Она въ глубинѣ души осталась вѣрна любви и воспоминаніямъ своимъ, но источникъ слезъ изсякъ: трауръ жизни и одѣяній перемѣнился на болѣе свѣтлые оттѣнки. Она не забыла прежней жизни своей, но переродилась на новую. Парижъ, Вѣна, приняли ее радушно: домъ ея сдѣлался опять гостепріимнымъ. Русскіе, особенно богатые, имѣютъ даръ привлекать иностранцевъ; къ тому же иностранцы умѣютъ цѣнить благовоспитан-

*) Когда, на крыльяхъ удовольствія.

**) Любимое дитя дамъ, я во всѣхъ странахъ былъ очень хорошъ съ женами, нехорошъ съ мужьями.

ность и дорожать ею. А должно признаться, что Русскія дамы высшаго общества, въ немъ рожденныя, въ немъ взросшія, чуждающіяся излишней *эмансипаціи* и не гоняющіяся за *эксентричностью* (два слова и два понятія нерусскаго происхожденія) умѣютъ поставить себя вездѣ въ отношенія благопріятныя и внушающія уваженіе. Г-жа Жирарденъ, въ извѣстныхъ остроумныхъ Парижскихъ письмахъ своихъ, печатаемыхъ за подписью Виконта де Лоне, упоминаетъ о графинѣ Разумовской и о ея Парижскомъ салонѣ. Благодарный Карлсбадъ посвятилъ ей памятникъ: она была на водахъ душою общества и хороводицею посѣтителей и посѣтительницъ этого цѣлительнаго уголка. Починъ прогулокъ, веселій, праздниковъ, ей принадлежалъ. Такую власть иначе пріобрѣсти нельзя какъ образованностью, навыкомъ утонченнаго общежитія, вѣжливыми пріемами и привычками, которыя дѣлаются второю натурою.

По возвращеніи своемъ въ Россію, она тотчасъ устроила положеніе свое въ Петербургѣ и заняла въ обществѣ подобающее ей мѣсто. Домъ ея сдѣлался однимъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ. Обѣды, вечеринки, балы зимою въ городѣ, лѣтомъ на дачѣ, слѣдовали непрерывно другъ за другомъ. Не одно городское общество, но и царская фамилія были къ ней благопріятно расположены. Императоръ Николай и Государыня Александра Ѳеодоровна были къ ней особенно милостивы и удостоивали праздники ея присутствіемъ своимъ. И ее принимали они запросто въ свои и немноголюдныя собранія. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, который любилъ шутить и умѣлъ вести непринужденный и веселый разговоръ, охотно предавался ему съ графинею. Все это, разумѣется, утѣшало и услаждало ея свѣтскія наклонности. Но, при всей любви своей къ обществу, соблазнамъ и суетнымъ развлеченіямъ его, она хранила въ себѣ непочатый и, такъ сказать, освященный уголокъ, предѣлъ преданій и памяти минувшаго. Рядомъ съ ея салонами и большою залою было завѣтное, домашнее, сердечное для нея убѣжище. Тамъ была молельня съ семейными образами, мраморнымъ бюстомъ Спасителя, работы знаменитаго Итальянскаго художника, съ неугасающими лампадами и портретомъ покойнаго графа. Кто знаетъ, какія думы, какія чувства сосредоточивались въ ней, когда входила она въ эту домашнюю святыню и пребывала въ ней въ молитвѣ и съ

глазу на глазъ съ сердечною памятью своею? Она не любила рисоваться, не любила облекать себя въ назидательную наружность: въ ней не было и тѣни притворства; не было ни желанія, ни умѣнія прикрывать свои и невинныя слабости личиною умышленной и обдуманной внѣшности. Напротивъ, она скорѣе была склонна какъ-бы хвалиться своими слабостями: не по лѣтамъ моложавостью нрава своего, нарядовъ, обычаевъ, жадностью (доходившей до слабодушія) свѣтскихъ развлеченій, веселій и вѣчно суетнаго движенія. Но нѣтъ, она и тутъ не хвалилась: она ничѣмъ не хвалилась, а была таковою безсознательно, непримѣтно для себя самой, единственно потому, что натура таковою создала ее. Она была правдивая, чистосердечная личность. Общественное строгое сужденіе, насмѣшливое злорѣчіе обезоруживались и нѣмѣли предъ нею. То, что могло-бы казаться смѣшнымъ въ другой, находило вездѣ не только снисхожденіе, но и сочувствіе. Всѣ были довольны, что она была довольна: всѣ тому радовались, что ей было радостно и весело. Личности, одаренныя такими свойствами и способностями, бываютъ въ обществѣ столь рѣдкія исключенія, такъ много встрѣчаешь людей скучающихъ жизнью, не умѣющихъ ужиться съ нею, жалующихся на нее, что невольно отдохнешь, когда попадается на глаза свѣтлое изъятіе изъ этой почти поголовной неуживчивости и брюзгливости.

Говоря о слабостяхъ ея, нельзя не указать особенно на одну изъ нихъ, совершенно женскую: а именно на страсть ея къ нарядамъ. Когда въ 1835 году въ Вѣнѣ собиралась она возвратиться въ Россію, просила она проѣзжавшаго чрезъ Вѣну пріятеля своего, который служилъ въ Петербургѣ по таможенному вѣдомству, облегчить ей затрудненія, ожидавшія ее въ провозѣ туалетныхъ пожитковъ. — Да что-же намѣрены вы провезти съ собою? спросилъ онъ. — „Бездѣлицу“, отвѣчала она, „триста платьевъ“. Она была неутомительна въ исправленіи визитовъ: лошади ея не пользовались синекурою, а заработывали свой овесъ въ трудѣ и потѣ. Разсказывали въ городѣ, что у нея была соперница по этой части, и когда кучера той и другой съѣзжались гдѣ нибудь, то они, одинъ предъ другимъ, высчитывали и хвастались, сколько въ теченіи утра сдѣлали они визитовъ съ своими барынями.

На этомъ фотографическомъ снимкѣ не можемъ мы и не хотимъ кончить наше памятованіе о графинѣ Разумовской. Прибавимъ еще нѣсколько очерковъ. Она была отмѣнно добра, не только пассивно, но и дѣятельно. Всѣ домашніе и близкіе любили ее преданною любовью. Много добра и милостей совершала она, безъ малѣйшаго притязанія на огласку. Она была примѣрная родственница и охотно дѣлила богатство свое съ родственниками и дальними, нуждающимися въ пособіи. Брату своему, князю Николаю Григорьевичу Вяземскому, подарила она свой великолѣпный домъ на Тверской, обратившійся послѣ въ помѣщеніе Англійскаго клуба. Свойство, а можетъ быть и погрѣшность, аристократическаго круга есть ограниченіе, съуживаніе этого круга до самой тѣсной исключительности. Этого правила и обычая не держалась она: на балахъ и раутахъ ея въ Петербургѣ встрѣчались лица, часто совершенно незнакомыя высшему Петербургскому обществу. Въ присутствіи царскихъ особъ, въ наплывѣ всѣхъ блестящихъ личностей тузем-ныхъ и дипломатическихъ, были ласково принимаемы ею и дальніе родственники, пріѣзжіе изъ провинцій. На это нужна была нѣкоторая независимость и смѣлость, и сердечная доброта ея выказывала открыто эту независимость и смѣлость. Ей очень хотѣлось ѣхать въ Парижъ на выставку 1861 года. Она, не слишкомъ бережливая на расходы, скопила и отдѣлила нужную сумму на совершеніе этой поѣздки, не теряя вѣроятно изъ виду освѣжить и пополнить свой туалетный пакгаузъ, если не въ численности Вѣнскаго счета, нами выше упомянутаго, то все-же въ почтенномъ размѣрѣ. Срокъ отъѣзда приблизился, а она не ѣхала. Я спросилъ ее: когда-же она ѣдетъ? Она отвѣчала неопредѣленно. Что-же оказалось? Сбереженнымъ ею деньгамъ для увеселительной прогулки дала она другое назначеніе: узнавъ, что одинъ изъ молодыхъ родственниковъ ея много задолжалъ и находится въ нуждѣ, она, долго не думая, употребила эти деньги на уплату долговъ его. Такая черта была-бы замѣчательна и прекрасна въ каждомъ; но со стороны ея, которую обыкновенно почитали женщиною легкомысленною и безпредѣльно преданною развлеченіямъ и соблазнамъ свѣтскимъ и которая въ самомъ дѣлѣ была такова, этотъ поступокъ имѣетъ всѣ свойства жертвы благочестивой и почти героической.

Вотъ чѣмъ довершу памятную записку свою о графинѣ Маріи Григорьевнѣ Разумовской, которую всѣ любили, но не всѣ знали. Подъ радужными отблесками свѣтской жизни, подъ пестрою оболочкою нарядовъ Парижскихъ, нерѣдко таятся въ Русской женщинѣ сокровища благодушія, добра и сердоболія. Надобно только имѣть случай подмѣтить ихъ и сочувственное расположеніе, чтобы ихъ оцѣнить и воздать имъ должную признательность.

Въ заключеніе свѣтлыхъ воспоминаній о семействѣ графовъ Разумовскихъ приведемъ одно довольно мрачное воспоминаніе. Одинъ изъ сыновей графа Алексѣя Кириловича былъ въ первыхъ годахъ столѣтія заключенъ въ Суздальскій Спасо-Ефиміевъ монастырь. Монастырь этотъ, не знаю съ котораго времени и по какому поводу, былъ и обителью благочестивыхъ иноковъ, и какою-то Русскою Бастиліею, въ которую административными мѣрами ссылали преступниковъ или провинившихся особеннаго разряда. Молодой графъ былъ, безъ сомнѣнія, не въ нормальномъ умственномъ положеніи. Говорили, что ученіе Иллюминатовъ вскружило ему голову за-границею, что вслѣдствіе этого онъ предавался иногда увлеченію дикихъ страстей и совершалъ поступки, нарушающіе законное и общественное благочиніе. Замѣчательно, что самъ отецъ слылъ усерднымъ, высокопоставленнымъ членомъ въ іерархіи Мартинистовъ. Примѣръ его, можетъ быть, пагубно подѣйствовалъ на сына. Разсказывали, что молодой графъ, ѣхавшій по большой дорогѣ въ Россіи, выстрѣлилъ въ коляскѣ изъ пистолета въ ямщика, сидѣвшаго на козлахъ. Все это слухи, за достовѣрность коихъ не ручаемся; но дѣло въ томъ, что онъ сидѣлъ въ монастырѣ и вовсе не по благочестивому призванію и не по доброй волѣ. Въ 1809 году, или около того, сенаторъ Петръ Алексѣевичъ Обрѣзковъ ревизовалъ Владимірскую губернію. Былъ онъ и въ Суздалѣ съ чиновниками своими, былъ и въ помянутомъ монастырѣ (въ числѣ этихъ чиновниковъ былъ и Алексѣй Перовскій, будущій авторъ Монастырскій). Это было въ воскресный день. Архимандритъ, послѣ обѣдни, пригласилъ насъ всѣхъ на завтракъ или на закуску. Въ кельѣ его нашли мы еще довольно молодого человѣка, прекрасной,

но нѣсколько суровой наружности: лицо смуглое, глаза очень выразительные, но выраженіе ихъ имѣло что-то странное и тревожное, волоса черные и густые. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатъ, обшитый, кажется, мерлушкою; на рукѣ пальцы обвиты были толстою проволокою, вмѣсто кольцевъ. Это былъ графъ Разумовскій, отрасль знатной фамиліи, рожденный быть наслѣдникомъ значительнаго имѣнія, по рожденію своему и по обстоятельствамъ призванный и самъ занять въ обществѣ блистательное и почетное мѣсто. Когда приступили мы къ завтраку, графъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ и съ жадностью бросился на рюмку водки, которую поднесли ему. Архимандритъ говорилъ, что затворникъ всегда ждалъ съ нетерпѣніемъ этой минуты, которая повторялась только по Воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ. Не помню, по какому поводу, зашла рѣчь объ адѣ и о наказаніяхъ, которымъ грѣшники въ немъ подвержены. Графъ вмѣшался въ разговоръ и сказалъ, что наказаніе ихъ будетъ въ томъ состоять, что каждый грѣшникъ будетъ видѣть, безпрерывно и на вѣки вѣковъ, всѣ благопріятные случаи, въ которые могъ-бы онъ согрѣшить невидимо и безнаказанно, и которые пропустилъ онъ по оплошности своей. Мысль довольно замысловатая. Не помню, есть-ли что подобное ей въ *Божественной Комедіи* Данте; но эта кара могла-бы занять не послѣднее мѣсто въ адовой уголовной статистикѣ великаго поэта.

Вотъ еще просится подъ перо одно воспоминаніе изъ того-же времени, изъ той-же поѣздки и также по монастырской части. При выѣздѣ изъ Казани сенатора Обрѣзкова и жены его, Елисаветы Семеновны (которая была прославлена и обезсмертена прекрасными стихами Нелединскаго), большая часть избраннаго Казанскаго общества провожала насъ до города Свіяжска. Тамъ ожидалъ насъ напутственный завтракъ. Въ числѣ встрѣчавшихъ насъ былъ и архимандритъ. И вотъ какая встрѣча тутъ случилась. Архимандритъ вглядывается въ молодого человѣка изъ провожателей: тотъ пристально вглядывается въ архимандрита. Наконецъ архимандритъ узнаетъ въ молодомъ человѣкѣ Чемесова (сына богатаго Казанскаго домовладѣльца и помѣщика), котораго онъ, во время служенія своего квартальнымъ въ царствованіе императора Павла, по

повелѣнію его, вывезъ изъ Петербурга. Эта драматическая, водевильная встрѣча очень насъ всѣхъ позабавила.

Казанское общество въ то время, въ 1809 году, было очень пріятно, и даже блистательно. Губернаторомъ былъ Мансуровъ, женатый на красавицѣ княжнѣ Баратаевой; домъ его былъ гостепріимный. Семейство Юшковыхъ, Чемесовыхъ, Дебосборъ (?) и многія другія вносили каждое свою посильную лепту въ казну общежитія и пріятныхъ развлеченій. Были даже тутъ и поэты, которые воспѣвали прекрасную сенаторшу. Театръ былъ очень порядочный; одинъ изъ актеровъ, по имени Грузинцевъ, съ большимъ искусствомъ и воодушевленіемъ передавалъ роль разбойника въ драмѣ Шиллера.

Вообще эта официальная и ревизіонная поѣздка отъ Москвы до Перми представляла рядъ любопытныхъ впечатлѣній. Не лишена была она и нѣкоторыхъ поэтическихъ оттѣнковъ, по крайней мѣрѣ для канцелярской молодежи. Незнакомая намъ, при-волжская и при-камская природа съ разнообразными картинами своими была для насъ новымъ зрѣлищемъ. Провинціальная жизнь и обстановка, хотя иногда и странная, выкупала свои областныя и мѣстныя особенности добродушнымъ гостепріимствомъ и желаніемъ угодить и угостить, какъ можно лучше, своихъ столичныхъ посѣтителей. Къ тому-же вездѣ встрѣчались нѣсколько людей и не лишенныхъ образованности. Они вынесли изъ прежней жизни въ столицахъ привычки общежитія и вѣжливости. Эти привычки, перенесенныя на провинціальную почву и нѣсколько приспособленныя къ этой почвѣ, имѣли для насъ особенный вкусъ новинки. О женщинахъ и говорить нечего. Женская натура носитъ въ себѣ самой родникъ богатыхъ задатковъ и успѣшнаго развитія. Ей не нужно ни университетовъ, ни гимназій, чтобы образовать себя. Женская натура угадываетъ то, что́ мужчина постигаетъ цѣною напряженнаго труда. Она сама себѣ своя школа, своя наука. Кому не случалось встрѣчать и въ отдаленныхъ областяхъ Россіи женщинъ, къ которымъ можно примѣнить стихи Жуковскаго:

Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокровенный,
Въ бездонной пропасти сіяетъ красотой;
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ губернскомъ воздухѣ теряя запахъ свой *).

Перенесите этотъ перлъ въ роскошное ожерелье, перенесите эту лилію въ садъ, и они будутъ предметами общаго удивленія и общей привлекательности. По крайней мѣрѣ таковы были наши тогдашнія путевыя впечатлѣнія. Каждый изъ насъ оставлялъ по себѣ на память частичку сердца своего въ томъ и другомъ городѣ. Особенно памятно довольно долгое пребываніе въ Перми. Пермскимъ генералъ-губернаторомъ былъ Модерахъ, человѣкъ очень умный, очень дѣятельный, можетъ быть нѣсколько самоуправный въ своихъ административныхъ дѣйствіяхъ, но принесшій краю много пользы. Онъ завелъ въ Пермской губерніи первыя въ Россіи шоссе. Въ 1809 году мы безпрепятственно и покойно катились по этому дорожному полотну. Въ Перми, родинѣ поэта Мерзлякова, въ числѣ чиновниковъ, нашли мы дядю его того же имени, и помнится печатный экземпляръ первой оды, которую онъ написалъ, бывши еще школьнымъ ученикомъ. Семейство Модераха заключалось въ нѣсколькихъ дочеряхъ. Казалось, видишь семью изъ романа Августа Лафонтена, перенесенную на берега Камы и подъ свинцовое небо, въ преддверіе Уральскихъ горъ. Между тѣмъ эти переселенки совершенно обрусѣли, слѣдили за Русскою литературою и жили общею Русскою жизнью, на которую повѣяло благоуханіемъ Рейнской природы. Одна изъ дочерей, жена генерала Пѣвцова, бывшаго Гатчинца, была необыкновенной красоты и очень образованная и любезная женщина. Одинъ изъ канцелярскихъ чиновниковъ, находившихся въ свитѣ сенатора, сказалъ ей въ саняхъ, во время поѣздки въ какой-то мѣдноплавильный заводъ:

Природа здѣсь печальна и сурова,
Но душу ей придать умѣла ты.
Ты здѣсь живешь, прекрасная Пѣвцова,
И Пермь тобой есть царство красоты.

Если мы разъ уже вступили въ канцелярскія и сердечныя нескромности и сплетни, то пойдемъ еще далѣе. Эти нескромности прикрыты многими давностями; эти нескромности чуть не допо-

---

*) У Жуковскаго: въ пустынномъ воздухѣ.

топныя и не замогильныя: не грѣшно ихъ разглашать. Этотъ-же чиновникъ, лѣтъ семнадцати съ небольшимъ, на балѣ, танцуя съ Пѣвцовой, открылся ей въ любви и предложилъ жениться на ней, если разведется она съ своимъ Гатчинскимъ мужемъ. Comment pouvez-vous croire, отвѣчала она, que j'aille me compromettre pour un enfant? (какъ можете вы думать, что я скомпрометирую себя для ребенка). Тутъ чиновникъ доказалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ ребенокъ: онъ публично расплакался на генералъ-губернаторскомъ балѣ. Впрочемъ, послѣ дѣло приняло болѣе спокойный оборотъ: на безвременную и несовершеннолѣтнюю любовь его отвѣчали добродушною и нѣжною дружбою. Взаимныя отношенія установились мирныя и правильныя.

А вотъ еще маленькій эпизодъ изъ этой же домашней, канцелярской и негласной драмы. Сенаторъ отправился въ Екатеринбургъ съ своею свитою. Влюбленный чиновникъ не могъ выносить разлуку съ кумиромъ своимъ. На дорогѣ, въ городѣ Кунгурѣ, въ которомъ назначенъ былъ первый ночлегъ, онъ наклепалъ на себя боль въ глазахъ и выпросилъ позволеніе возвратиться въ Пермь. По пріѣздѣ въ городъ, онъ на другой день былъ пораженъ сильнымъ воспаленіемъ глазъ. Во все время отсутствія сенатора, то есть около трехъ недѣль, просидѣлъ онъ одинъ въ темной комнатѣ. Подите, не вѣрьте послѣ того, что каждая ложь, каждый грѣхъ не несутъ, рано или поздно, имъ подобающей кары на землѣ. Какъ-бы то не было, молодой влюбленный чиновникъ *сглазилъ* себя поклепомъ на глаза свои.

Въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія, Французская труппа при Петербургскомъ театрѣ отличалась многими первостепенными дарованіями. Что ни говори, а хорошій иностранный театръ въ столицѣ есть роскошь не только позволительная, но и полезная и просвѣтительная. Подобная роскошь не можетъ подавлять развитіе туземнаго театра; напротивъ. А если и подавляетъ, то развѣ въ томъ случаѣ, когда туземнаго настоящаго, самобытнаго театра нѣтъ. Есть театральная дирекція, есть и актеры, есть и драматическіе писатели, пожалуй есть и публика; но все же нѣтъ театра,

а есть что-то въ родѣ полубарскихъ затѣй. Въ числѣ отличныхъ Французскихъ актеровъ, особенно выдѣлялся комикъ необыкновеннаго дарованія, Фрожеръ. Онъ былъ любимъ дворомъ и обществомъ: забавлялъ ихъ и смѣшилъ. Кромѣ сценическихъ успѣховъ, цѣнили въ немъ и дарованіе искуснаго и оригинальнаго разсказчика. Былъ онъ къ тому-же и отличный мистификаторъ. Между прочими разсказами былъ одинъ очень забавный. Какой-то несчастный, за продѣлки свои, былъ осужденъ на повѣшаніе; но онъ съ висѣлицы сорвался живой, изъ благодарности сдѣлался палачемъ, и впослѣдствіи пришлось ему повѣсить палача своего, который—на грѣхъ мастера нѣтъ—самъ провинился и осужденъ былъ правосудіемъ. Разсказъ заключался слѣдующимъ нравоученіемъ:

Heureux celui qui peut rendre
Un bienfait à lui rendu;
Mais plus heureux qui peut pendre
Le beurreau qui l'a pendu.

Это нравоученіе можно, кажется, такъ передать по-русски:

Тотъ можетъ быть несказанно-утѣшенъ,
Кто за услугу самъ воздать услугой могъ;
Но счастливѣй еще, кого сподобитъ Богъ
Повѣсить палача, которымъ былъ повѣшенъ.

Замѣтимъ мимоходомъ, что по свойству нашего языка, трудно, если не вовсе не можно, перевести короткіе Французскіе стихи такими-же короткими Русскими стихами. Нашъ Великороссійскій языкъ богатъ и великороссійскими, или длинно-россійскими словами, которыхъ не скоро упрячешь въ стихъ. Да и обороты Французскихъ выраженій легче и поворотливѣе, чѣмъ наши.

Мы сказали, что Фрожеръ былъ искусный мистификаторъ. Этому слову нѣтъ соотвѣтственнаго у насъ. Мистификація не просто *одураченіе*, какъ значится въ нашихъ словаряхъ. Это, въ своемъ родѣ, разыгрываніе маленькой домашней драматической шутки. Въ старину, особенно во Франціи—а слѣдовательно и къ намъ перешло—были, такъ сказать, присяжные мистификаторы, которые упражнялись и забавлялись надъ простодушіемъ и легковѣріемъ простяковъ и добряковъ. Такъ напримѣръ, Фрожеръ, мастеръ *гримироваться* и переряжаться, не только предъ лампами и освѣще-

ніемъ сцены, но и днемъ и за-просто въ комнатѣ, бывалъ представляемъ въ разные салоны подъ видомъ то врачебной Европейской знаменитости, пріѣхавшей въ Петербургъ, то подъ извѣстнымъ именемъ какого нибудь Англичанина или Нѣмца, и такъ далѣе. До конца вечера разыгрывалъ онъ невозмутимо принятую на себя роль. Въ обществѣ находились довѣрчивые простачки. Легко вообразить, какія выходили тутъ забавныя недоразумѣнія и qui pro quo (прошу покорнѣйше и это слово перевести по-русски).

Въ Парижѣ былъ литераторъ *Поансине* (Poinsinet). По необыкновенной довѣрчивости своей былъ онъ мишенью всѣхъ возможныхъ мистификацій. Однажды увѣрили его, что король хочетъ приблизить его ко двору и назначить *придворнымъ экраномъ* (ширмы, щитъ передъ каминомъ). Поансине поддался на эту ловушку, нѣсколько дней сряду стоялъ близехонько передъ пылающимъ каминомъ и безъ милосердія жарилъ себѣ икры, чтобы пріучить себя къ новой должности своей. Милый и незабвенный нашъ Василій Львовичъ Пушкинъ былъ въ своемъ родѣ нашъ Поансине. Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, Дмитріевъ, Дашковъ, Блудовъ и другіе пріятели его не щадили довѣрчивости добраго поэта. Однажды, не смотря на долготерпѣніе свое, онъ рѣшился, если смѣемъ сказать, *огрызться* прекраснымъ, полнымъ горечи стихомъ:

„Ихъ дружество почти на ненависть похоже“.

Алексѣй Перовскій (Погорѣльскій) былъ позднѣе удачный мистификаторъ. Онъ однажды увѣрилъ сослуживца своего (который послѣ сдѣлался извѣстенъ нѣсколькими историческими сочиненіями), что онъ великій мастеръ какой-то масонской ложи и властью своею сопричисляетъ его къ членамъ ея. Тутъ выдумывалъ онъ разныя смѣшныя испытанія, чрезъ которыя новообращенный покорно и охотно проходилъ. Наконецъ заставилъ онъ его росписаться въ томъ, что онъ *бобра не убилъ*.

Перовскій написалъ *амфигури* (amphigouri), шуточную, веселую чепуху. Вотъ нѣкоторые стихи изъ нея:

Авдулъ-визирь
На лбу пузырь
И холитъ и лелѣетъ;
А Папій сынъ,
Взявъ апельсинъ,

ужъ не помню, что изъ него дѣлаетъ. Но такими стихами написано было около дюжины куплетовъ. Онъ приноситъ ихъ къ Антонскому, тогдашнему ректору университета и предсѣдателю общества любителей словесности, знакомитъ его съ произведеніемъ своимъ и говоритъ, что желаетъ прочесть стихи свои въ первомъ публичномъ засѣданіи общества. Не должно забывать, что въ то время графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій былъ попечителемъ Московскаго университета, или уже министромъ народнаго просвѣщенія. Можно вообразить себѣ смущеніе робкаго Антонскаго. Онъ, краснѣя и запинаясь, говоритъ: „Стишки-то ваши очень-то милы и замысловаты-то; но, кажется, не у мѣста читать ихъ въ ученомъ собраніи-то“ *). Перовскій настаиваетъ, что хочетъ прочесть ихъ, увѣряя, что въ нихъ ничего противуцензурнаго нѣтъ. Объясненія и пререканія продолжались съ полчаса. Бѣдный Антонскій блѣднѣлъ, краснѣлъ, изнемогалъ чуть не до обморока.

А вотъ еще проказа Перовскаго. Пріятель его былъ женихомъ. Вотчимъ невѣсты былъ человѣкъ такъ-себѣ. Перовскій увѣрилъ его, что и онъ страстно влюбленъ въ невѣсту пріятеля своего, что онъ за себя не отвѣчаетъ и готовъ на всякую отчаянную продѣлку. Вотчимъ, растроганный и перепуганный такимъ признаніемъ, увѣщеваетъ его образумиться, одолѣть себя. Перовскій пуще предается своимъ сѣтованіямъ и страстнымъ разглагольствіямъ. Вотчимъ не отходитъ отъ него, сторожитъ, не спускаетъ его съ глазъ, чтобы во-время предупредить какую нибудь бѣду. Это продолжается съ недѣлю и болѣе. Разъ все семейство гуляетъ въ саду. Вотчимъ идетъ рука подъ руку съ Перовскимъ, который продолжаетъ нашептывать ему свои жалобы и отчаянныя признанія; наконецъ вырывается изъ рукъ его и бросается въ прудъ, мимо котораго они шли. Перовскій зналъ, что этотъ прудъ былъ не глубокъ и не боялся утонуть; но прудъ былъ грязный и покрытый зеленою тиною. Надобно было видѣть, какъ вылѣзъ онъ изъ него зеленою русалкою и какъ Ментеръ ухаживалъ за своимъ злополучнымъ Телемакомъ: одѣлъ его своимъ халатомъ, поилъ теплою ромашкою и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Другой проказникъ-мистификаторъ читаетъ въ Петербургскихъ

*) Антонскій имѣлъ привычку прилагать къ словамъ частичку: *то*.

Вѣдомостяхъ, что такой-то баринъ объявилъ о желаніи имѣть на общихъ издержкахъ попутчика въ Казань. На другой день, въ четыре часа поутру, нашъ мистификаторъ отправляется по означенному адресу и велитъ разбудить барина. Тотъ выходитъ къ нему и спрашиваетъ что ему угодно. „А я, пришелъ, отвѣчаетъ онъ, чтобы извиниться и доложить вамъ, что я на вызовъ вашъ собирался предложить вамъ товарищество свое, но теперь, по непредвидимымъ обстоятельствамъ, раздумалъ ѣхать съ вами и остаюсь въ Петербургѣ. Прощайте: желаю вамъ счастливаго пути!“

Кажется, этотъ мистификаторъ чуть не былъ-ли сродни Перовскому.

Когда образовалось Арзамаское общество, пригласили и В. Л. Пушкина принять въ немъ участіе. При томъ его увѣрили, что это общество родъ литтературнаго масонства и что при вступленіи въ ложу нужно подвергнуться нѣкоторымъ испытаніямъ довольно тяжелымъ. Пушкинъ, который уже давно былъ настоящимъ масономъ, легко и охотно согласился на всѣ предстоящія искушенія. Тутъ воображеніе Жуковскаго разыгралось. Онъ былъ не только гробовыхъ дѣлъ мастеръ, какъ мы прозвали его по балладамъ, но и шуточныхъ и шутовскихъ дѣлъ мастеръ. Странное физіологическое и психическое совпаденіе! При натурѣ идеальной, мечтательной, нѣсколько мистической, въ немъ были и сокровища веселости, смѣшливости: въ немъ были зародыши и залоги каррикатуры и пародіи, отличающіеся нерѣдко острою замысловатостью. Пріемъ Пушкина вдохновилъ его. Онъ придумалъ и устроилъ разныя мытарства, чрезъ которыя новобранецъ долженъ былъ пройти. Тутъ пошли въ дѣло и въ символъ и Липецкія Воды Шаховскаго, и Расхищенныя Шубы его, и еще Богъ вѣсть что. Барыня-Арзамасъ требуетъ весь тулалетъ: вотъ вся Славянофильская Бесѣда заочно всполошилась, вспрыгнула съ усыпительныхъ креселъ и прибѣжала, или притащилась на крестины новорожденнаго Арзамасца. Приводимъ здѣсь рѣчи, которыя были произнесены при этомъ торжественномъ обрядѣ. Онѣ познакомятъ непосвященныхъ и невѣдующихъ съ Арзамаскими порядками. Много было тутъ шалости и,

пожалуй, частью и вздорнаго; но не мало было и ума и веселости. Въ старой Италіи было множество подобныхъ академій, шуточныхъ, по названію и нѣкоторымъ обрядамъ своимъ, но не менѣе того обратившихся на пользу языка и литтературы. Можетъ быть, и Арзамасъ, хотя не долго просуществовавшій принесъ свою долю литтературной пользы. Во-первыхъ, это было новое скрѣпленіе литтературныхъ и дружескихъ связей, уже существовавшихъ прежде между пріятелями. Далѣе, это была школа взаимнаго литтературнаго обученія, литтераторскаго товарищества. А главное, засѣданія Арзамаса были сборнымъ мѣстомъ, куда люди разныхъ возрастовъ, иногда даже и разныхъ воззрѣній и мнѣній по другимъ посторонниимъ вопросамъ, сходились потолковать о литтературѣ, сообщить другъ другу свои труды и опыты и остроумно повеселиться и подурачиться.

РѢЧИ ЧИТАННЫЯ ПРИ ПРІЕМѢ ВЪ АРЗАМАСКОЕ ОБЩЕСТВО ВАСИЛЬЯ ЛЬВОВИЧА ПУШКИНА.

Какое зрѣлище предъ очами моими? Кто сей, обремененный толикими шубами страдалецъ? Сердце мое говоритъ, что это почтенный В. Л. Пушкинъ, тотъ Василій Львовичъ, который снисшелъ съ своею Музою, чистою дѣвою Парнасса, въ обитель нечистыхъ барышень покушенія, и вынелъ ее изъ сего вертепа не осрамленною, хотя и *близокъ былъ сундукъ* *); тотъ Василій Львовичъ, который видѣлъ въ Парижѣ не одни переулки **), но г. Фонтаня и г. Делиля; тотъ В. Л., который могуществомъ генія обратилъ дороднаго Крылова въ легкокрылую малиновку. Все это говоритъ мнѣ мое сердце. Но что же говорятъ мнѣ мои очи? Увы! Я вижу предъ собою одну только груду шубъ. Подъ сею грудою существо друга моего, орошенное хладнымъ потомъ. И другу моему не жарко. И не будетъ жарко, хотя бы груда сія возвысилась до Олимпа и давила его какъ Этна Энцелада. Такъ точно! Сей В. Л. есть Энцеладъ: онъ славно вооружился противъ Зевеса-Шутовскаго и пустилъ въ него утесистый стихъ, раздавившій ему чрево. Но

*) Поэма Пушкина: Опасный Сосѣдъ.

**) Шишковъ гдѣ-то намекалъ, что Пушкинъ таскался только по Парижскимъ улицамъ и переулкамъ.

что же? Сей издыхающій Зевесъ наслалъ на него, смиренно пѣшествующаго къ Арзамасу, мятель Расхищенныхъ Шубъ. И не спасла его дѣвственная Муза, матерь Буянова. И лежитъ онъ подъ страшнымъ сугробомъ шубъ прохладительныхъ *). Очи его постигла куричья слѣпота Бесѣды; тѣло его покрыто проказою сотрудничества, и въ членахъ его пакость Академическихъ Извѣстій, издаваемыхъ г. Шишковымъ. О другъ нашъ! Скажу тебѣ просто твоимъ же непорочнымъ стихомъ: *терпѣніе, любезный*! Сіе испытаніе конечно есть мзда справедливая за нѣкіе тайные грѣхи твои. Когда бы ты имѣлъ совершенную чистоту Арзамаскаго гуся, тогда бы прямо и безпрепятственно вступилъ въ святилище Арзамаса; но ты еще скверенъ; еще короста Бесѣды, покрывающая тебя, не совсѣмъ облупилась. Подъ сими шубами испытанія она отдѣлится отъ твоего состава. Потерпи, потерпи, Василій Львовичъ. Прикасаюсь рукою дружбы къ мученической главѣ твоей. Да погибнетъ ветхій В. Л.! Да воскреснетъ другъ нашъ возрожденный *Вотъ!* Разсыптесь шубы! Возстань другъ нашъ! Гряди къ Арзамасу! Путь твой труденъ. Ожидаетъ тебя испытаніе. *Чудище обло, озорно, трезвѣно* и *лаяй* ожидаетъ тебя за сими дверями. Но ты низложи сего Пиѳона, облобызай сову правды, прикоснись къ лирѣ мщенія, умойся водою потока и будешь достоинъ вкусить за трапезою отъ Арзамаскаго гуся, и онъ войдетъ въ святилище желудка твоего безъ перхоты и изыдетъ изъ онаго безъ натуги.

Не страшись, любезный странникъ, и смѣлыми шагами путь свой продолжай. Твоему-ли чистому сердцу опасаться испытаній? Тебѣ ли трепетать при видѣ пораженнаго непріятеля? Мужайся! Уже ты освобожденъ отъ прохладительнаго удушья чудотворныхъ шубъ, и переходъ твой изъ одного круга подлунныхъ храминъ очищенія въ другой уже ознаменованъ великимъ событіемъ. Ты пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ, и совѣсть твоя, не смотря на изможденный ликъ растерзаннаго врага Арзамаса, спокойна Такъ, любезный странствователь и будущій согражданинъ! Я нахожу на

---

*) Намекъ на острословіе графа Д. Н. Блудова: Ты въ „Шубахъ“ Шутовскій холодный; въ „Водахъ“ ты Шутовскій—сухой.

лицѣ твоемъ всѣ признаки тишины, всегда украшающей величавую осанку живаго Арзамаскаго знака! Какое сходство въ судьбахъ любимыхъ сыновъ Аполона! Ты напоминаешь намъ о путешествіи предка твоего Данта. Ведомый божественнымъ Виргиліемъ въ подземныхъ подвалахъ царства Плутона и Прозерпины, онъ презиралъ возрождавшіяся препятствія на пути его, грознымъ взоромъ убивалъ порокъ и глупость, съ умиленіемъ смотрѣлъ на несчастныхъ жертвъ страстей необузданныхъ и наконецъ, по трудномъ испытаніи, достигъ земли обѣтованной, гдѣ ждали его вѣнецъ и Беата. Гряди подобно Данту, повинуйся спутнику твоему; рази безъ милосердія тѣни Мѣшковыхъ и Шутовскихъ и помни, что „прямой талантъ вездѣ защитниковъ найдетъ“. Уже звѣзда восточная на высотѣ играетъ; стремись къ лучезарному свѣтилу; тамъ при его сіяніи ты вмѣсто Беаты услышишь пѣніе Соловья и Малиновки *), и чувства твои наполнятся пріятнѣйшими воспоминаніями.

Принимая съ сердечнымъ умиленіемъ тебя, любезный товарищъ, въ нѣдро отечественнаго Арзамаса, можемъ ли мы отъ тебя сокрыть таинственное значеніе обрядовъ и символовъ нашихъ? Можемъ-ли оставить на глазахъ твоихъ мрачную завѣсу невѣжества бесѣднаго? Намъ-ли слѣдовать примѣру Бесѣдъ, сихъ рыкающихъ Сциллъ и Харибдъ, между коими ты донынѣ плавалъ и, подобно клевретамъ, тщательно прятать отъ слушателей и сочленовъ, даже отъ самихъ себя, здравый, обыкновенный смыслъ и самыя обыкновенныя познанія? Что намъ до Бесѣдъ? Арзамасъ далекъ отъ нихъ, какъ Востокъ отъ Запада, какъ водяный Шутовской далекъ отъ Моліера, а дѣдъ сѣдой отъ Лагарпа. Нѣтъ! Сердца и таинства наши равно открыты новому нашему собрату, защитнику вкуса, врагу Славянскаго варварства.

Вступая въ сіе святилище, ты на каждомъ шагу видишь цѣль и бытописанія нашего общества. Ты переносишься въ трудныя времена, предшествовавшія обновленію благословеннаго Арзамаса, когда мы скитались въ странѣ чуждой, дикой, между гіеннами и онаграми, между Халдеями Бесѣды и Академіи. На каждомъ шагу видишь слѣды претерпѣнныхъ нами бурь и преодолѣнныхъ опасно-

*) Басня, сочиненіе В. Л. Пушкина, которую онъ особенно любилъ читать.

стей, прежде нежели мы соорудили ковчегъ Арзамаса, дабы спастись въ немъ отъ потопа Липецкаго. — Съ непроницаемою повязкою на глазахъ блуждалъ ты по опустѣвшимъ чертогамъ; такъ и бѣдные читатели блуждаютъ въ мрачномъ лабиринтѣ Славенскихъ періодовъ, отъ страницы до страницы вялые свои члены простирающихъ. Ты ниспускался въ глубокія пропасти: такъ и досточудные внуки сѣдой Славены добровольно ниспускаются въ бездны безвкусія и безсмыслицы. Ты мучился подъ символическими шубами, и обильный потъ разливался по тѣлу твоему, какъ-бы при видѣ огромной мелко исписанной тетради въ рукахъ чтеца бесѣднаго. Можетъ быть ропталъ ты на излишнюю теплоту сего покрова; но гдѣ же было взять шубъ холодныхъ? Онѣ остались всѣ въ поэмѣ Шутовскаго! Потомъ у священныхъ вратъ представился взорамъ твоимъ блѣдный, изсохшій ликъ Славенофила: глубокія морщины, собранныя тщательно съ лицъ всѣхъ усопшихъ прабабушекъ, украшали чело его; *глаза не зря смотрѣли* на новаго витязя Арзамаса, а изъ недвижныхъ устъ, казалось, исходилъ грозящій голосъ: „Чадо! возвратися вспять въ Бесѣду вторую, изъ нея же исшелъ еси!“ Но тебѣ ли устрашиться суетнаго гласа? Ты извлекъ свой лукъ, который подобно луку Іонаѳана *отъ крове язвеныхъ и отъ тука силныхъ не возвратися тощъ вспять*, наложилъ вмѣсто стрѣлы губительный стихъ: *Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье...*, и призракъ упалъ, извергая изъ устъ безвредный свой пламень. Не такъ ли упалъ передъ тобою и самъ Славенофилъ, тщетно твердя о Парижскихъ переулкахъ! Наконецъ, совершены всѣ испытанія. Уста твои прикоснулись къ таинственнымъ символамъ: къ Лирѣ, конечно не Хлыстова и не Барабанова, и къ Совѣ сей вѣрной подругѣ Арзамаскаго Гуся, въ которой истинные Арзамасцы чтятъ изображеніе сокровенной мудрости. Не Бесѣдѣ принадлежитъ сія посланница Аѳинъ, хотя сѣдой Славенофилъ и желалъ себѣ присвоить ее въ слѣдующей пѣснѣ, достойной бесѣдныхъ Анакреоновъ:

Сидитъ сова на печи,
Крылышками треплючи;
Очеиьками лопъ, лопъ,
Ноженьками, топъ, топъ.

Нѣтъ, не благородная Сова, но безобразный нетопырь служитъ ему изображеніемъ, ему и всѣмъ его клевретамъ.

Настала минута откровеній. Приближься, почтенный „Вотъ“, новый любезный собратъ нашъ! Прими же изъ рукъ моихъ истинный символъ Арзамаса, сего благолѣпнаго Гуся, и съ нимъ стремись къ совершенному очищенію. Въ потокѣ Липецкомъ омой остатки бесѣдныя скверны, сей грубой коры, которую никогда не могутъ проникнуть лучи здраваго разсудка; и потомъ, съ Гусемъ въ рукахъ и сердцѣ, займи мѣсто, давно тебя ожидающее. Таинственный Гусь сей да будетъ отнынѣ всегдашнимъ твоимъ путеводителемъ. Не ищи его происхожденія въ новѣйшихъ баснях: въ нихъ Гуси едва ли опрятнѣе свиней собственныхъ! Гусь нашъ достоинъ предковъ своихъ. Тѣ спасли Капитолій отъ внезапнаго нападенія Галловъ, а сей бодрственно охраняетъ Арзамасъ отъ нападеній бесѣдныхъ Халдеевъ и щиплетъ ихъ побѣдоноснымъ своимъ клювомъ. И ты, любезный собратъ, будешь, подобно ему, нашимъ стражемъ, *бойцемъ* Арзамаса, смѣло сразишься съ гидрою Бесѣды и съ симъ нелѣпымъ чудовищемъ, столь краснорѣчиво предсказанномъ въ извѣстномъ стихѣ патріарха Славенофиловъ:

Чудище обло, озорно, огромно, трезѣвно и лаяй.

Пусть лаетъ сіе чудище, пусть присоединятся къ нему и всѣ другіе Церберы, по образу и по подобію его сотворенные; но пусть лаютъ они издали, не смѣя вредить дарованіямъ, возбуждающимъ зависть и злобу ихъ.

Такъ, добрый Вотъ, ты разсказывалъ о древнихъ грѣхахъ твоихъ и, слыша въ памяти вой и крикъ полицейскихъ, ты проливалъ слезы раскаянія... О несчастный, сіи слезы были безплодныя: ты готовъ на грѣхъ новый, ужасный, сказать ли? На любодѣйство души! И вотъ роковая минута. Меркнетъ въ глазахъ твоихъ свѣтъ Московской Бесѣды, и близокъ сундукъ Арзамаса. Ты погибалъ, поэтъ легковѣрный! Для тебя запираются врата Бесѣды старшей, и навсегда исчезаютъ жетоны Академіи. Но судьба еще жалѣетъ тебя; она вѣщаетъ: „Ты добрый человѣкъ, мнѣ твой пріятенъ видъ“. Есть средство спасенія. Такъ, мой другъ, есть средство. Оно въ этой лахани. Взгляни — тутъ *Липецкія воды*: въ нихъ очистились

многіе. Творецъ сей влаги, лишь вздумалъ опрыскать публику, и все перемѣнилось. Баллады сдѣлались грѣхомъ и посмѣшищемъ; достоинство стиховъ стали опредѣлять по сходству ихъ съ прозой, а достоинство комедій по лишнимъ ролямъ. Что говорю я? Одинъли вкусъ перемѣнился? Всѣ глупцы сдѣлались умными, и въ честныхъ людяхъ мы узнали изверговъ. Тоже будетъ съ тобою. Окунись въ эти воды и осмотрись: увидишь себя на краю пропасти. О пилигримъ блуждающій, о пилигримъ блудливый! Знаешь ли, гдѣ ты? Но разслѣпленный сухою водою узнаешь, узнаешь, что Арзамасъ есть пристань убійцъ, разбойниковъ, чудовищъ. Вотъ здѣсь они вокругъ стола сидятъ

И объ убійствахъ говорятъ,
Готовясь на злодѣйства новы.

Тамъ на первомъ мѣстѣ привидѣніе, исчадіе Тартара, съ щетинистой брадой, съ хвостомъ, съ когтями, лишь только не съ рогами; но вмѣсто роговъ торчитъ нѣкое перо. Смотри, на немъ, какъ на ружьѣ охотника, навѣшана дичина, и гдѣ-жъ она настрѣляна? И въ лѣсу университетскомъ, и въ бесѣдныхъ степяхъ, и въ театральномъ болотѣ. Увы! и въ Московскомъ обществѣ. Съ нимъ рядомъ старушка, нарушительница мертвыхъ: она взрывала могилы, сосетъ кровь изъ неопытной Музы, и подъ ней черный котъ „Сынъ Отечества“. За нею сидитъ съ полуобритой бородой красная дѣвушка; она проводитъ дни во снѣ, и ночи безъ сна передъ волшебнымъ зеркаломъ, и въ зеркалѣ мелькаютъ скоты и Хвостовъ. И вотъ твое чудное зрѣлище. Ты видишь и не знаешь что́ видишь, гора-ли это, или туча, или бездна, или эхо. Чу! тамъ кто-то стонетъ и мычитъ по-славянски. Но одни-ли Славяне гибнутъ въ сей безднѣ? Въ ней погрязли и Макаровъ Московскій, и Анастасевичъ Польскій, и сей Хвостовъ не-славянскій и не-русскій. Надъ пропастію треножникъ, на немъ тѣнь Кассандры. Ей хочется трепетать, и предсказывать, и воздымать свои волосы; но пророчества не сбываются, и въ волосахъ недостатокъ. Вдали плыветъ челнокъ ещё пустой. Увы! онъ скоро нагрузится тѣлами. Изъ него выпрыгнулъ Котъ и для забавы гложетъ не-русскаго сына Русской отчизны. А тамъ Журавль съ другимъ Хвостовымъ на носу. А тамъ единственная, вѣтреная Арфа, безъ злодѣйствъ и безъ струнъ и, на-

конецъ, тамъ Громобой-самоубійца: онъ перомъ прокололъ сердце, въ коемъ былъ образъ Бесѣды. Какое скопище безумныхъ злодѣевъ! Бѣдный Вотъ! Ты увидишь и ужаснешься; но берегись, берегись полотенца. Есть ли оно сотретъ воду прозрѣнія, ты ослѣпъ навсегда: злодѣи будутъ твоими друзьями, безумцы твоими братьями. Избирай: тьма или свѣтъ? Вертепъ или Бесѣда?

Непостижимы приговоры Провидѣнія! Я, юный ратникъ на полѣ жизни, младшій на поляхъ Арзамаса, пріемлю кого? Героя, посѣдѣвшаго въ буряхъ житейскихъ, прославившагося давно подъ знаменами вкуса, ума и Арзамаса! Того, который первый водрузилъ хоругвь независимости на башняхъ Халдейскихъ, первый прервалъ безмолвіе робости, первый вырвалъ перо изъ крыла безвѣстнаго еще тогда Арзамаскаго Гуся, и пламенными чертами написалъ манифестъ о войнѣ съ противниками подъ именемъ посланія въ Свѣтланѣ, и продолжалъ послѣ вызывать враговъ на частыя битвы, битвы трудныя, но навсегда увѣнчавшія сына Арзамаской крѣпости новою славою, новыми трофеями, новыми залогами побѣды. Не смѣю толковать приговоровъ судьбы, благоговѣю предъ нею и съ признательностію исполняю обязанность возложенную на меня. Приди, о мой отче! О мой сынъ, ты, побѣдившій всѣ испытанія, переплывшій бурныя пучины водъ на плоту, построенномъ изъ деревянныхъ стиховъ угрюмаго пѣвца, съ торжественнымъ флагомъ, развѣвающимъ по воздуху безсмертныя слова:

Прямой талантъ вездѣ защитниковъ найдетъ!

Ты, вѣрною рукою поразившій урода Халдейскаго прямо въ чело! Приди, ты, безбѣдно, но не безъ славы приставшій къ Арзамаскому брегу! Посвяти мокрую одежду свою коварному богу Липецкихъ Водъ и займи мѣсто свое между нами. Оно давно призывало тебя. Давно трапеза Арзамаская тосковала по собесѣдникѣ знаменитомъ, давно кладбище Халдейское требовало священныхъ остатковъ сего пѣвца угрюмаго, сего Филина-великана, прокричавшаго на гробахъ цѣлую ночь, возмутившаго сонъ усопшихъ и погрузившаго въ сонъ живущихъ. Насталъ часъ удовлетворенія. Почтеннѣйшія собратія! Онъ здѣсь, сей мужъ опыта, онъ засѣдаетъ съ нами; на открытомъ челѣ его читаю зрѣлыя надежды и

вѣчную славу Арзамаса. Еще рука его дымится чернилами; еще взоръ его, упоенный благороднымъ тщеславіемъ, указываетъ намъ на трупъ распростертый, хладный какъ Пожарскій, Мининъ и Гермогенъ, бездушный какъ Петръ Великій или, по словамъ одного Арзамасца, *Петръ долгой*, безобразный, какъ оды читанныя въ Бесѣдѣ *).

Излишне и дерзновенно было бы хотѣть мнѣ руководствовать тебя моими совѣтами. Сѣмена Арзамаскихъ правилъ давно таились въ душѣ твоей, и уже нѣкоторые изъ противниковъ Арзамаса подавились ранними плодами, взращенными отъ нихъ усердіемъ твоимъ, угадавшимъ, что нѣкогда перенесутся они на почву благословенную, на землю обѣтованную. Судьба, отворившая тебѣ двери святилища послѣ всѣхъ и, такъ сказать, замыкающая тобою торжественный рядъ Арзамаскихъ Гусей, хотѣла оправдать знаменитое предсказаніе, что нѣкогда первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми. Сердце мое и разсудокъ удостовѣряютъ меня въ справедливости моей догадки. Такъ! Ты будешь Староста Арзамаса. Благодарность и осторожность вручатъ тебѣ патріархальный посохъ. Арзамаскій Гусь пріосѣнитъ чело твое покровительствующимъ крыломъ и охранитъ его отъ коварнаго крыла времени — сего алчнаго ястреба, „скалящаго *зубы*“ **) на все, что носитъ на себѣ печать дарованія, вкуса и красоты. Но если пророчество мое одна мечта, то по крайней мѣрѣ современники мои и потомство скажутъ о немъ вздохнувши: Жаль, что не исполнился сонъ добраго человѣка.

Правила почтеннѣйшаго нашего сословія повелѣваютъ мнѣ, любезнѣйшіе Арзамасцы, совершить себѣ самому надгробное отпѣваніе, но я не почитаю себя умершимъ. Напротивъ того, я воскресъ: ибо нахожусь посреди васъ; я воскресъ, ибо навсегда оставляю мертвыхъ умомъ и чувствами. Не мертвъ-ли духомъ и умомъ тотъ, который почитаетъ Омира и Виргилія скотами, который не позволяетъ переводить Тасса и въ публичномъ, такъ-называемомъ ученомъ, собраніи ругаетъ Горація? Не мертвъ-ли чувствами и тотъ, который прекрасныя баллады почитаетъ твореніемъ уродливымъ, а

*) Намеки на поэмы князя Шихматова.

**) Хвостовъ въ одной баснѣ своей придалъ зубы голубю.

самъ пишетъ уродливыя оды и не понимаетъ того, что ему предстоятъ не рукоплесканія, но свистки и Мидасовы уши.

Нынѣ, говоря объ ушахъ Мидасовыхъ, долгомъ почитаю обратиться къ пресловутой Петербургской Бесѣдѣ. О сколько тутъ длинныхъ ушей находится! Сколько мы въ ней встрѣчаемъ старыхъ, юныхъ, сухихъ, чреватыхъ, блѣдныхъ и румяныхъ Мидасовъ! Бесѣда Петербургская ни въ чемъ конечно Московской не уступаетъ, но, по моему мнѣнію, во всемъ ее превосходитъ.

Къ сожалѣнію моему я исполню сердца любезныхъ Арзамасцевъ чувствительною горестію. Я возвѣщу вамъ кончину юноши, въ дѣтствѣ ума и дѣтствѣ тѣлесномъ пребывающаго, юноши достойнѣйшаго, питомца великаго патріарха Халдеевъ, утверждающаго, что *тротуары* должны называться *пѣшниками*, а жареный гусь *печениною;* юноши, которому кортикъ *) не препятствовалъ держать въ рукѣ перо на безславіе литературы, но во славу досточестной Бесѣды.

Тщетно я силюсь, чувствомъ гнетомый (позвольте мнѣ употребить собственныя слова умершаго), тщетно я силюсь изобразить все происходящее въ Бесѣдѣ. Она лишается наилучшихъ усастыхъ сочленовъ своихъ.

Тучей надъ ними гибель виситъ.
Туча обрушась варваровъ губитъ,
Губитъ ихъ глупость, губитъ безстыдство,
Губитъ ихъ уши, губитъ языкъ.
Тысяща поприщъ тѣлами полны,
Множеству тѣней тѣсенъ сталъ адъ.

Такъ точно! Они валятся какъ мухи отъ мухоморовъ, и мы здѣсь, въ почтеннѣйшемъ нашемъ собраніи, отпѣваемъ ихъ, превозносимъ и удивляемся ихъ дарованіямъ. Наприм., какъ не дивиться творцу лирическаго пѣснопѣнія! Сотворить поэму, въ которой находится неисчетное множество строфъ, и нѣтъ поэмы; отказаться навсегда отъ Аполона и Музъ, и не смотря на то заниматься поэзіей? Не ему-ли одному сіе предстояло? Не онъ-ли воспѣлъ, какъ отъ грознаго взора патріарха Халдейскаго, Гальское

*) Говорится про моряка князя Шихматова. — Напомнимъ читателю, что въ Арзамасѣ въ каждомъ засѣданіи отпѣвали и хоронили кого-нибудь изъ членовъ Бесѣды.

слово умираетъ на устахъ каждаго. Не ему-ли надлежало на такой предметъ сочинить оду? Изящный талантъ превозмогалъ всѣ трудности, и вмѣстѣ съ талантомъ возрастали и уши лирикопѣснопѣвца. Нѣтъ болѣе невиннаго умомъ и тѣломъ. Онъ лежитъ бездыханенъ.

Обратимся, слушатели, къ плачевному сему зрѣлищу. Слѣдуйте за мною въ мрачную храмину, обитую академическими сочиненіями! Горящія свѣщи, обернутыя въ Письма Схимника, освѣщаютъ воздвигнутый усопшему катафалкъ. Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ служитъ ему возглавіемъ, разсужденіе объ одахъ въ десницѣ его, Бдѣнія Тассовы, похвальныя слова и переводы Андромахи, Ифигеніи, Гамлета и Китайской Сироты лежатъ у подножія гроба. Патріархъ Халдеевъ изрыгаетъ корни словъ въ ужасной горести своей. Онъ, уныло преклонивъ сѣдожелтую главу свою, машетъ надъ лежащимъ въ гробѣ Извѣстіями Академическими и кадитъ въ него прибавленіемъ къ прибавленіямъ Онъ не чувствуетъ, что тѣмъ лишь умножаются печаль, скука и угрюмость друзей, хладный трупъ окружающихъ. Плодовитый творецъ безчисленныхъ и безсмысленныхъ одъ, палачъ Депрео и Расина, стоитъ смиренно надъ гробомъ и, осыпая умершаго грязью и табакомъ, бормочетъ стихи въ похвалу его. Увы! Онъ еще сплелъ ихъ до кончины несчастнаго, успѣлъ напечатать, ибо любитъ „*писать стихи и отдавать въ печать*“, раздаетъ ихъ сотоварищамъ своимъ, и сотоварищи его не читаютъ ихъ. Секретарь Бесѣды, ничего никогда не сочинившій и едва знающій грамотѣ, бѣснуясь топаетъ ногами и стучитъ крючковатою тростію. Толсточреватый сочинитель Липецкихъ Водъ кропитъ ими въ умершаго и тщится согрѣть его овчинными шубами своими. Но все тщетно: онъ лежитъ бездыханенъ! Давно-ли я дерзновенный воспѣвалъ невиннаго юношу, именуя его Варягороссомъ и кумомъ Славенофила? И се успе! Длинныя уши его повисли, уста охладѣли, ноги протянулись. Стихотворенія пѣснопѣвца, въ которыхъ столь мало глаголовъ и столь много пустоглаголенія, останутся навсегда въ подвалахъ Глазунова и Заикина, останутся на съѣденіе стихожаднымъ крысамъ, и даже самъ патріархъ Халдейскій забудетъ о нихъ!

O vanitas vanitatum omnia vanitas.

Почтеннѣйшіе сограждане Арзамаса! Я не буду исчислять подвиговъ вашихъ. Они всѣмъ извѣстны. Я скажу только, что каждый изъ васъ приводитъ сочлена Бесѣды въ содроганіе, точно такъ какъ каждый изъ нихъ производитъ въ собраніи нашемъ смѣхъ и забаву. Да вѣчно сіе продолжится! Чтó съ нами будетъ, если не будетъ, если не будетъ Извѣстій Академическихъ? Что намъ останется дѣлать, если патріархъ Халдейскій престанетъ безумствовать въ разборѣ происхожденія словъ и принимать черное за бѣлое? Куда сокроемъ мы, если толсточреватый комикъ догадается, что комедіи его ничто иное суть какъ печать глупости, злобы и невѣжества? Какая намъ будетъ польза въ томъ, если неутомимый рифмоткачъ узнаетъ наконецъ, что у козла нѣтъ свиной туши, а у голубей зубовъ, точно такъ какъ нѣтъ здраваго разсудка въ стихахъ его; не совершенная-ли бѣда для насъ будетъ если Мидасы, оглянувшись другъ на друга, примѣтятъ, что уши ихъ еще длиннѣе похвальныхъ словъ, читаемыхъ въ пресловутой ихъ Бесѣдѣ? Да сохранитъ насъ отъ того златовласый Фебъ и Музы. Пусть сычи вѣчно останутся сычами: мы вѣчно будемъ удивляться многоплоднымъ ихъ произведеніямъ, вѣчно отпѣвать ихъ, вѣчно забавляться ихъ трагедіями, плакать и зѣвать отъ ихъ комедій, любоваться нѣжностію ихъ сатиръ и колкостію ихъ мадригаловъ. Вотъ чего я желаю, и чего вы, любезнѣйшіе товарищи, должны желать непрестанно для утѣшенія и чести Арзамаса.

„Меня насильно обвѣнчали“, жаловался пріятелю своему одинъ мужъ, недовольный своимъ брачнымъ положеніемъ. — „Да какъ же такъ?“ возразилъ ему пріятель; „вѣдь священникъ спрашивалъ же тебя: имаши ли благое и непринужденное произволеніе пояти себѣ въ жену юже предъ собою видѣши?“—Да, теперь помнится, у меня что-то такое спрашивали; да тогда я не спохватился отвѣчать, а нынче уже поздно: не воротишь! Вотъ мы недавно отпраздновали и серебряную свадьбу у тещи въ деревнѣ. Богъ съ нею совсѣмъ!“

А иногда и серебряныя свадьбы развязываются. Карамзинъ разсказывалъ про одну знакомую ему чету. Были имянины мужа; заботливая жена заготовила ему съ полдюжины сюрпризовъ, разные подарки, обѣдъ на славу, пиръ на весь міръ, вечеромъ спектакль и балъ; однимъ словомъ, торжество на цѣлые сутки. Мужъ былъ не въ духѣ и все это принялъ брюзгливо. Когда кончился день и гости разъѣхались, онъ пенялъ женѣ, что она сдѣлала большія издержки, что все это одна суетность, и такъ далѣе, и такъ далѣе. На слѣдующій годъ, въ день совершившагося двадцатипятилѣтняго брачнаго счастья, жена, помня прошлогоднее головомытье, ничего не готовитъ для празднованія этого дня. Она молчитъ, и мужъ молчитъ. День прошелъ ничѣмъ не отмѣченный. Недовольный супругъ пеняетъ женѣ своей за невниманіе ея, за равнодушіе, за холодность. Она сердито отвѣчаетъ, что худо была прошлаго года вознаграждена за всѣ свои сердечныя заботы и за желаніе угодить ему. Мужъ пуще сердится; разговоръ обращается въ крупный споръ, споръ въ ссору, ссора чуть ли не въ драку. На другой день двадцатипятилѣтніе супруги навсегда разъѣхались.

Умный, образованный графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ пенялъ Дмитріеву, что онъ излишне строгъ къ графу Хвостову: „А воля ваша, Иванъ Ивановичъ“, продолжалъ онъ: „Хвостовъ уже тѣмъ заслуживаетъ уваженіе, что часто для своихъ пѣснопѣній избираетъ предметы особенно высокіе и важные“. Въ этомъ случаѣ графъ Румянцовъ сбивается немножко на Нѣмца.

Баратынскій какъ-то не цѣнилъ ума и любезности Дмитріева. Онъ говаривалъ, что уходя, послѣ вечера у него проведеннаго, ему всегда кажется, что онъ былъ у всенощной. Трудно разгадать эту странность. Между тѣмъ онъ высоко ставилъ дарованіе поэта. Пушкинъ, обратно, нерѣдко бывалъ строгъ и несправедливъ къ поэту, но всегда увлекался остроумною и любезною рѣчью его.

Нѣкто, очень свѣтскій, былъ по службѣ своей близокъ къ министру далеко несвѣтскому. Вслѣдствіе положенія своего, обязанъ онъ былъ являться иногда на обѣды и вечеринки его.—„Что же онъ тамъ дѣлаетъ?“ спрашиваютъ Ѳ. И. Тютчева.—„Ведетъ себя очень прилично“, отвѣчаетъ онъ: „какъ маркизъ-помѣщикъ въ старыхъ Французскихъ опереткахъ, когда случается попасть ему на деревенскій праздникъ, онъ ко всѣмъ благопривѣтливъ, каждому скажетъ любезное, ласковое слово, а тамъ, при первомъ удобномъ случаѣ, сдѣлаетъ пируетъ и исчезаетъ“.

Неправильная разстановка буквъ *е* и *ъ* еще небольшая бѣда: по крайней мѣрѣ, мы успѣли уже къ ней привыкнуть частыми примѣрами. Я видѣлъ собственноручное писаніе одного литтератора: онъ благодаритъ кого-то за *лъстныя* выраженія письма его (лестныя). Одно правительственное лицо писало всегда своею рукою черновые проэкты по дѣламъ особенной важности Этотъ грамотѣй, для облегченія себя, совершенно выкинулъ изъ Русской азбуки неугомонное *ъ* и употреблялъ вездѣ одно *е*. Въ концѣ бумаги выставлялъ онъ съ дюжину *ъ* и, отдавая бумагу для переписыванья, говорилъ чиновнику: „Распоряжайтесь ими, какъ знаете“. Но вотъ что можетъ быть названо nec plus ultra пренебреженія къ правописанію. Мнѣ также случилось имѣть въ рукахъ письмо нѣжнаго родителя: въ немъ извѣщаетъ онъ родственника, что *Богъ* даровалъ ему дочку. Подобное самоуправство подлежитъ не только уголовному вѣдѣнію грамматики, но едва ли и не наложенію эпитиміи духовникомъ.

Въ какомъ-то уѣздѣ врачъ занимался, между прочимъ, и переводами романовъ. Землякъ его по уѣзду написалъ по этому поводу:

Уѣздный врачъ, Пахомъ, въ часы свободы
Отъ должности убійственной своей,
Съ недавнихъ поръ пустился въ переводы.
Дивлюсь, Пахомъ, упорности твоей:
Иль мало *перевелъ* въ уѣздѣ ты людей?

Вотъ едва-ли не лучшее опредѣленіе просвѣщенія, слышанное мною отъ крѣпостнаго крестьянина, впрочемъ уже бурмистра въ селѣ своемъ и занимавшагося довольно обширною хлѣбною торговлею. Въ одинъ изъ пріѣздовъ моихъ въ деревню, былъ я приглашенъ имъ вечеромъ на чай. Чай, разумѣется, съ Нижегородской ярмарки, и очень хорошій. Въ продолженіе разговора обратился онъ ко мнѣ со слѣдующими словами: „А позвольте доложить вамъ: батюшка вашъ былъ къ намъ очень благоволителенъ; но вы, кажется, еще благоволительнѣе; вѣдь это, я думаю, должно отнести къ успѣхамъ просвѣщенія“. Я прогостилъ недѣли двѣ въ его домѣ. На прощаніи спросилъ я, какой гостинецъ прислать ему изъ Москвы за постой. „Если милость ваша будетъ, отвѣчалъ онъ, пришлите мнѣ Исторію Россіи, написанную г-номъ Карамзинымъ“. Это все происходило въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Вотъ, стало быть, не все же было черство и дикообразно въ сношеніяхъ помѣщика и крѣпостнаго. Были проблески и свѣтлые и отрадные. Зачѣмъ о нихъ умалчивать?

Есть на языкѣ нашемъ оборотъ рѣчи совершенно *нигилистическій*, хотя находившійся въ употребленіи еще до изобрѣтенія нигилизма и употребляемый донынѣ вовсе не нигилистами. „Какова погода сегодня? — Ничего. — „Какъ нравится вамъ эта книга?“ — Ничего. — „Красива ли женщина, о которой вы говорите?“ — Ничего. — „Довольны ли вы своимъ губернаторомъ“ — Ничего. – И такъ далѣе. Въ этомъ оборотѣ есть какая-то Русская, лукавая сдержанность, боязнь проговориться, какое-то совершенно Русское *себѣ на умѣ*.

N. N. говоритъ о Нѣмцахъ: въ числѣ ихъ хорошихъ качествъ и свойствъ, которыя могутъ почти вмѣниться въ добродѣтель, есть и то, что они не знаютъ или, по крайней мѣрѣ не сознаютъ, скуки. Этотъ общій недугъ, эта костоѣда новѣйшихъ поколѣній не заразила ихъ. Въ другихъ мѣстахъ скука доводитъ людей часто до совершенія дурачества, а иногда и преступленія: Нѣмца (говоримъ

здѣсь вообще о среднемъ состояніи, о бюргершафтѣ) если паче чаянія, и дотронется скука, то онъ выпьетъ развѣ одну или двѣ липпія кружки пива молча, съ толкомъ и съ разстановкой; но вообще скука для Нѣмца (если уже быть скукѣ) не въ тягость, не въ томленіе; нѣтъ, она для него родъ священнодѣйствія. Онъ скучаетъ, какъ другіе священнодѣйствуютъ, съ самозабвеніемъ, съ благоговѣйною важностію. Такъ покорные и преданные племянники слушаютъ, въ Москвѣ, у старой тетки, мефимоны и длинную всенощную. На то и постъ, и племянники стоятъ у тетки, не давая замѣчать въ себѣ ни усталости, ни нетерпѣнія, ни ропота. Въ этомъ отношеніи у Нѣмцевъ вѣчный постъ. Посмотрите на нихъ, когда соберутся они послушать Vorlesung какого нибудь преподавателя, закаленнаго въ учености и скукѣ. Скука, крупнымъ потомъ, такъ и пробивается на лбу чтеца и слушателей; но ничего: никто не осмѣлится, никому не придется зѣвнуть, или охнуть, или уйти до окончанія длинной рацеи. Тоже и съ слушателями какой нибудь глубоко-ученой и головоломной симфоніи. Развѣ два-три человѣка изъ слушателей способны понять въ этихъ музыкальныхъ и громкихъ алгебраическихъ задачъ, а прочимъ это тарабарская грамота. Но они и не пришли веселиться: дѣло въ томъ, что музыка изъ важныхъ; вотъ они и сошлись соборно посвященнодѣйствовать.

Французъ и въ тяжелые и трудные дни живетъ припѣваючи; Нѣмецъ и веселится надсѣдаючись.

Вопросъ. Что́ можетъ быть глупѣе журнала *такого-то?*
Отвѣтъ. Подписчики на него.

N. N. говорилъ о комъ-то: „онъ удушливо глупъ; глупость его такъ и хватаетъ насъ за горло“.

Въ скукѣ, которую иные навѣваютъ на васъ, есть точно что-то и физическое, и болѣзненно-наступательное.

Не помню въ какой-то газетѣ была забавная опечатка: вмѣсто банкирская контора, было напечатано— башкирская контора.

Недавно – вмѣсто литтературный – *мануфактурный* вечеръ.

Въ Казани, около 1815 или 1816 года, пріѣзжій иностранный живописецъ печатно объявлялъ о себѣ: „пишетъ портреты въ постелѣ и очень на себя похожіе“. (Разумѣется, рѣчь идетъ о *пастельныхъ краскахъ*).

А какова эта вывѣска, которую можно было видѣть въ 1820-хъ годахъ, въ Москвѣ, на Арбатѣ или Поварской! Большими золочеными буквами красовалось: Гремиславъ, портной изъ Парижа.

„Почему не пишите вы Записокъ своихъ?“ спрашивали N. N.— „А потому“, отвѣчалъ онъ, „что судьба издала въ свѣтъ жизнь мою отрывками, на отдѣльныхъ летучихъ листкахъ. Жизнь моя не цѣльная переплетенная тетрадь, а потому и можно читать ее только урывками“.

Въ пріемной комнатѣ одного министра (подобныя комнаты могли-бы часто, по Французскому выраженію, быть называемы salle des pas perdus — сколько утрачено и въ нихъ безполезныхъ шаговъ?) было много просителей, чающихъ движенія воды и министерскихъ милостей. Одинъ изъ этихъ просителей особенно суетился, бѣгалъ къ запертымъ дверямъ министерскаго кабинета, прислушивался, распрашивалъ дежурнаго чиновника: скоро-ли выйдетъ министръ? Между тѣмъ часы шли своимъ порядкомъ, и утро было на исходѣ, а нашъ проситель все волновался и кидался во всѣ стороны. Кто-то изъ присутствующихъ вспомнилъ стихи Лермонтова и, передѣлывая ихъ, сказалъ ему:

Отдохни немного,
Подождешь и ты.

На Германскихъ водахъ молодой Французъ ухаживалъ за пригоженькою Русской барынею; казалось, и она не была совершенно

равнодушна къ заискиваніямъ его. Провинціальный мужъ ея не догадывался о ,томъ, что́ завязывалось подъ его глазами. Пріятель его былъ прозорливѣе: онъ часто уговаривалъ его, не теряя времени, уѣхать съ женою въ деревню и напоминалъ, что пришло уже время охотиться. Онъ прибавлялъ:

Пора, пора, рога трубять!

Жуковскій, въ пѣвцѣ во станѣ Русскихъ воиновъ, сказалъ между прочимъ:

И мчитъ грозу ударовъ,
Сквозь дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ,
Въ среду враговъ, Кайсаровъ.

Батюшковъ говорилъ, что эти стихи можно объяснить только стихомъ изъ того-же Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ:

Для дружбы—все что́ въ мірѣ есть.

Вотъ еще одно довольно удачное примѣненіе стиха старика Майкова изъ поэмы „Елисей“. N. N. говоритъ, что если кому вздумалось-бы собрать большую часть нашихъ журнально-полемическихъ статей, то онъ предлагаетъ къ услугамъ его и стихъ для эпиграфа:

Мараемъ и разимъ другъ друга безъ пощады.

Только вѣрнѣе было-бы допустить маленькую варіанту и сказать:

Мараемъ и клеймимъ другъ друга безъ пощады.

Въ нашихъ полемическихъ схваткахъ рѣдко доходитъ до смертныхъ случаевъ: потому что и дерутся обыкновенно уже заблаговременно убитые и мертвые. Двухъ смертей не бывать.

Глупый либералъ непремѣнно глупѣе глупаго консерватора. Сей послѣдній остается тѣмъ, при чемъ Богъ создалъ его: его не трогай, и онъ никого и ничего не тронетъ. Другой заносчиво лѣзетъ на все и на всѣхъ. Одинъ просто и безобидно глупъ; другой изъ глупости дѣлаетъ глупости, не только предосудительныя, но часто враждебныя и преступныя.

Русскій Нѣмецъ, который любитъ щеголять Русскими пословицами, говоритъ между прочимъ: *потливой* коровѣ Богъ рогъ не даетъ.

N. N. говоритъ про дочь одного архитектора: elle est assez mal bâtie pour la fille d'un architecte (она довольно нестройна для дочери строителя).

Въ Римѣ были двѣ статуи: одна древняя Марфоріо, другая новѣйшая Пасквино. Стояли онѣ другъ противъ друга. Долго служили онѣ для разныхъ вывѣсокъ и выходокъ сатирическихъ. Статуя Марфоріо задавала вопросъ, на который другая отвѣчала остротою и пасквиладою. Лѣтъ сорокъ тому или болѣе, Марфоріо спрашиваетъ сосѣда своего, что̀ думаетъ онъ о святѣйшемъ отцѣ? Пасквино отвѣчаетъ: padre si; ma sancto, no.

Въ игрѣ *секретарь* заданъ былъ вопросъ: что можетъ быть непріятнѣе полученной пощечины?—Двѣ, сказано въ отвѣтъ.

„Жаль, что я не *выпивши*, а то далъ-бы оплеуху этому мерзавцу“, говорилъ одинъ оскорбленный, но трезвый мудрецъ.

Жуковскій припоминалъ стихи Мерзлякова изъ одной оперы Италіянской, которую тотъ, для бенефиса какого-то актера, перевелъ въ ранней молодости своей:

Пощечину Испанцу Титу
Во всю ланиту!

Онъ, то есть Жуковскій (на ловца и звѣрь бѣжитъ) подмѣтилъ въ оперѣ Херубини слѣдующій стихъ. Водовозъ, во Французской оперѣ, спасаетъ въ бочкѣ, во время Парижскихъ смутъ, несчастнаго, приговореннаго къ смерти и прикрывавшаго себя плащемъ и

поетъ: Il est sauvé, l'homme au manteau. Въ Русскомъ переводѣ, отличный и превосходный актеръ Зловъ долженъ былъ пѣть:

Спасенъ, спасенъ мой другъ въ плащѣ.

Этотъ стихъ долго былъ у насъ поговоркою.

Странно, какъ подобныя поговорки, прибаутки непримѣтно и невольно вкрадываются, а иногда вторгаются въ рѣчь. Часто сами по себѣ онѣ не имѣютъ никакого опредѣленнаго смысла, но при частомъ употребленіи кончаютъ тѣмъ, что получаютъ условное и обыкновенно забавное значеніе въ примѣненіи къ лицу, или событію. Въ Парижѣ безпрестанно *бѣгаютъ по улицамъ* подобныя выходки, клички. Москва также отличалась ими. Напримѣръ, въ 1810-мъ и 1811-мъ годахъ можно было слышать въ высшемъ Московскомъ обществѣ слова: *comme ça брусника*. Дѣло въ томъ, что кто-то подслушалъ, какъ кучеръ, разговаривая на дворѣ съ товарищами, сказалъ: *комса брусника*. И самъ расхохотался онъ, и слушатели расхохотались. Подслушавшій присвоилъ себѣ это выраженіе и перенесъ его шуткою въ нѣкоторые салоны; оно тамъ принялось и разошлось. Вошло оно въ употребленіе и по стихотворной части. Кто-то написалъ:

Пускай Сперанскій образуетъ,
Пускай на вкусъ Бесѣда плюетъ
И хлещетъ умъ въ бока хвостомъ:
Я не собьюся съ панталыка!
Нѣтъ, мое дѣло только пить,
И на нихъ глядя говорить:
Comme ça брусника!

Съ этимъ припѣвомъ написано было нѣсколько куплетовъ. Вьельгорскій положилъ ихъ на музыку, и они весело и шумно распѣвались на пріятельскихъ ужинахъ.

Забавный чудакъ, служившій когда-то при Московской театральной дирекціи, былъ между прочимъ, какъ и слѣдуетъ Русскому человѣку, а тѣмъ паче Русскому чиновнику, охваченъ повальною болѣзнью чинолюбія и крестолюбія. Онъ безпрестанно говорилъ и писалъ кому слѣдуетъ: „я не прошу кавалеріи чрезъ плечо, или на шею, а только маленькаго *анкураже* (encouragé) въ петличку“.

Пушкинъ подхватилъ это слово и примѣнилъ его къ любовнымъ похожденіямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ обращеніи не капиталъ любви, а мелкая монета ея: то есть съ одной стороны ухаживаніе, а съ другой снисходительное и ободрительное кокетство. Такимъ образомъ, въ извѣстномъ кругу и слово *анкураже* пользовалось нѣкоторое время правомъ гражданства въ Московской рѣчи.

А вотъ еще жемчужина, отысканная Жуковскимъ, который съ удивительнымъ чутьемъ нападалъ на слѣдъ всякой печатной глупости. Въ романѣ *Вертеръ* есть милая сцена: молодежь забавляется, пляшетъ, играетъ въ фанты, и между прочими фантами, раздаются легкія пощечины, и Вертеръ замѣчаетъ съ удовольствіемъ, что Шарлота ударила его крѣпче, нежели другихъ. Между тѣмъ на небѣ и въ воздухѣ гремитъ ужасная гроза. Всѣ немножко перепугались. Подъ впечатлѣніемъ грозы Шарлота съ Вертеромъ подходятъ къ окну. Еще слышатся вдали перекаты грома. Испаренія земли, послѣ дождя, благоуханны и упоительны. Шарлота, со слезами на глазахъ, смотритъ на небо *и на меня*, говоритъ Вертеръ, и восклицаетъ: Клопштокъ! — такъ говоритъ Гёте, намекая на одну оду Германскаго поэта. Но въ старомъ Русскомъ переводѣ романа, Клопштокъ превращается въ слѣдующее: „Пойдемъ играть въ короли“ (старая игра). Что-же это можетъ значить? Какой тутъ смыслъ? спрашиваете вы. Послушайте Жуковскаго. Онъ вамъ все разъяснитъ, а именно: переводчикъ никогда не слыхалъ о Клопштокѣ и принимаетъ это слово за опечатку. Въ началѣ было говорено о разныхъ играхъ: Шарлота, вѣроятно, предлагаетъ новую игру. *Клапштосъ* выраженіе извѣстное въ игрѣ на билліардѣ: переводчикъ заключаетъ, что Шарлота вызываетъ Вертера сыграть партійку на билліардѣ. Но по понятіямъ благовоспитаннаго переводчика такая игра не подобаетъ порядочной дамѣ. Вотъ изо всего этого и вышло: пойдемъ играть въ короли.

Жуковскій очень радовался своему комментарію и гордился имъ.

Мы, кажется, упоминали уже о Павлѣ Николаевичѣ Каверинѣ, умномъ, веселомъ и неистощимомъ говорунѣ. Онъ самъ сознавался въ словоохотливости своей. Вотъ что я слышалъ отъ него. Однажды заѣхалъ онъ къ старику, больному и умирающему Офросимову,

мужу извѣстной въ Московскихъ лѣтописяхъ Настасіи Дмитріевны. Желая развлечь больного, да и себя потѣшить, онъ цѣлый битый часъ не умолкалъ. Наконецъ простился и вышелъ. Въ передней догоняетъ его слуга и говоритъ ему: „Баринъ приказалъ спросить васъ, не угодно ли вамъ будетъ взять кого-нибудь къ себѣ въ карету, чтобъ было вамъ съ кѣмъ поговорить?“

Сынъ его, Петръ Павловичъ, бывшій Гетингенскій студентъ и гусарскій офицеръ, въ томъ и другомъ званіи извѣстенъ былъ проказами своими и Скиѳскою жаждою. Но былъ онъ въ свое время извѣстенъ и благородствомъ характера, и любезнымъ обхожденіемъ. Онъ былъ любимъ и уважаемъ сослуживцами своими: между прочими Хомутовымъ, впослѣдствіи казацкимъ атаманомъ. Русская литература не должна забывать, что Каверинъ былъ товарищемъ и застольникомъ Евгенія Онѣгина, который съ нимъ заливалъ шампанскимъ горячій жиръ котлетъ.

Въ началѣ нынѣшнаго столѣтія еще замѣтно было въ обществѣ напемъ, а особенно въ военной молодежи, нѣкоторое разгульное удальство. Англичане говорятъ: время деньги. Русскіе говорили: жизнь копейка. Историко-политическіе перевороты, перевороты довольно часто повторявшіеся и легко удававшіеся, оставили въ умахъ слѣды отваги и какого-то почти своевольнаго казачества въ понятіяхъ и нравахъ. Разумѣется, таково было не общее настроеніе; но привычки произвола не повсюду и неохотно подчинялись условіямъ и законамъ новаго порядка. Съ первыми годами царствованія императора Александра I, волненіе умовъ начало улегаться. Небо очищалось и прояснялось, но старыя дрожжи еще кое-гдѣ бродили. Политическихъ Орловыхъ на сценѣ уже не было; но Орловское молодечество, хотя уже отрекшееся отъ кулачныхъ боевъ, еще проглядывало въ нравахъ и обычаяхъ. Проказы гвардейскихъ офицеровъ въ Новой Деревнѣ и въ другихъ окрестностяхъ столицы пугали дамъ, проѣзжавшихъ по этимъ мѣстностямъ. Много забавныхъ, но немного-*скабрезныхъ* случаевъ и встрѣчъ бывало въ то время. Лучшіе по рожденію и по положенію своему въ полку и въ обществѣ офицеры отличались подобными похожденіями. Время шло, молодость перебѣсилась, и многіе изъ этихъ

шалуновъ сдѣлались не только порядочными, но нѣкоторые и полезными людьми на поприщѣ гражданской и государственной дѣятельности. А все-таки благочиніе цѣломудренной печати не позволяетъ, и по минованіи многихъ десятилѣтнихъ давностей, представить читателю, а тѣмъ паче читательницѣ, нѣкоторыя изъ этихъ проказъ во всей ихъ естественной и буквальной наготѣ. Выберемъ изъ этой эпохи другой примѣръ, болѣе удобный для разсказа, но все-же подкрѣпляющій вышеприведенныя соображенія наши.

Въ 1808 или 1809-мъ году, часть блестящей Московской молодежи, сливки тогдашняго отборнаго общества, собралась на обѣдъ пикникомъ въ Царицыно. Въ ожиданіи обѣда гуляли по саду. Въ числѣ прочихъ былъ Новосильцовъ (Сергѣй Сергѣевичъ). Онъ имѣлъ при себѣ ружье. Пролетѣла птица. Новосильцовъ готовился выстрѣлить въ нее. Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гагаринъ (оба были военные) остановилъ его и говоритъ ему: „Что за важность стрѣлять въ птицу! Попробуй выстрѣлить въ человѣка.“ — „Охотно, отвѣчаетъ тотъ, хоть въ тебя“.— „Изволь, я готовъ. Стрѣляй!“ И Гагаринъ становится въ позицію. Новосильцовъ цѣлитъ; но ружье осѣклось. Валуевъ, Александръ Петровичъ, кидается, вырываетъ ружье изъ рукъ Новосильцова, стрѣляетъ изъ ружья, и выстрѣлъ раздался. Можно представить себя смущеніе и ужасъ зрителей этой сцены. Они думали сначала, что все это шутка и мало обращали на нее вниманіе. Но есть еще продолженіе этой сценѣ. Гагаринъ говоритъ Новосильцову: „Ты въ меня цѣлилъ: это хорошо. Но теперь будемъ цѣлить другъ въ друга; увидимъ, кто въ кого попадетъ. Вызываю тебя на поединокъ“. Разумѣется, Новосильцовъ не отнѣкивается. Но тутъ пріятели вмѣшались въ наѣздничество двухъ отчаянныхъ сорванцевъ и на силу могли прекратить дѣло миролюбивымъ образомъ. Сѣли за столъ, весело пообѣдали, и вся честная компанія возвратилась въ городъ благополучно и въ полномъ составѣ. Бойцы, готовившіеся совершить убійство другъ надъ другомъ, остались по прежнему добрыми товарищами, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Разсказъ, приведенный нами, разумѣется, случай частный и отдѣльный, но и въ немъ можно подмѣтить духъ и знаменіе времени.

Спрашивали ребенка: „Зачѣмъ ты солгалъ? Тебѣ никакой не было выгоды лгать.“ — „Боялся, что не повѣрятъ мнѣ, если правду скажу“.

Когда бываю въ Русскомъ театрѣ (этому давно) припоминаю отзывъ одного слуги. Баринъ, узнавъ, что онъ никогда не видалъ спектакля, отпустилъ его въ театръ. Любопытствуя провѣдать, какія вынесъ онъ впечатлѣнія, баринъ спросилъ его на другой день:

— Ну, какъ понравился тебѣ театръ?

— Очень понравился, отвѣчалъ слуга.

— А что́ именно и болѣе понравилось?

— Да все: тепло, свѣтло, люстра пребогатѣйшая, такъ и горитъ, народу много, ложи наполнены знатными господами и барынями, музыка играетъ. Праздникъ, да и только.

— Ну, а далѣе, какъ понравились тебѣ комедія и актеры?

— Да, признаться, когда занавѣсъ подняли и начали актеры разговаривать между собою про дѣла свои, я и слушать ихъ не сталъ.

Этотъ простосердечный слуга едва-ли не вѣрнѣйшій и лучшій критикъ нашей драматургіи.

Издатель журнала долженъ былъ Баратынскому довольно крупную сумму. Изъ деревни писалъ онъ должнику своему нѣсколько разъ о высылкѣ денегъ. Тотъ оставлялъ всѣ письма безъ отвѣта. Наконецъ Баратынскій написалъ ему такое, что могло назваться ножемъ къ горлу. Журналистъ пишетъ ему: „Какъ вамъ не совѣстно сердиться за молчаніе мое? Вы сами литераторъ и знаете, что мы народъ безпечный и на переписку лѣнивый“. — „Да я вовсе и не хлопочу, отвѣчаетъ Баратынскій, о пріятности переписки съ вами; держите письма свои при себѣ: они мнѣ не нужны, а нужны деньги, и прошу и требую ихъ немедленно“.

Кто-то спрашиваетъ должника: „Когда-же заплатите вы мнѣ свой долгъ?“ — „Я и не зналъ, что вы такъ любопытны“, отвѣчаетъ тотъ.

Чиновникъ Р. славился въ канцеляріи министерства красивымъ почеркомъ и надписываніемъ особенно важныхъ письменныхъ пакетовъ. N. N. говорилъ, что слѣдовало-бы предложить его въ Парижскую академію des inscriptions et belles lettres.

Спрашивали паломника, недавно возвратившагося изъ Палестины, какъ доволенъ онъ путешествіемъ своимъ? „Очень доволенъ, отвѣчалъ онъ: но непріятно, что вообще на Востокѣ нѣтъ порядочныхъ сливокъ, а особенно въ Іерусалимѣ. Послѣ многихъ поисковъ и трудовъ, нашелъ я наконецъ кое-какія сливки на Англійскомъ подворьѣ; да и тѣ, отъ дневнаго жара и отъ неимѣнія льда, совершенно скисались къ вечернему чаю. Такое лишеніе въ насущной потребности имѣетъ большое вліяніе на общее настроеніе духа. За то нельзя не отдать справедливости Виѳлеему и голубямъ его. Они необычайно вкусны. А что всего удивительнѣе, очень порядочно изготовляютъ ихъ на монастырскихъ кухняхъ. Вообще, я очень радъ, что сподобился посѣтить святыя мѣста“.

Между тѣмъ, другой паломникъ—а можетъ быть и тотъ-же—стоялъ однажды въ Виѳлеемѣ на плоской кровлѣ монастырскаго дома и любовался великолѣпною мѣсячною ночью, ночью, поистинѣ, восточною. Мѣсяцъ и звѣзды были невыразимо-свѣтлы, небо и воздухъ синевы необычайной. Все кругомъ было тихо до святости, до благоговѣнія. Въ воздухѣ и въ умѣ мелькали и слышались одни таинственные голоса неумолкаемыхъ преданій. Паломникъ представлялъ себѣ, что можетъ быть на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ, стоялъ за 1850 лѣтъ тому и любовался также подобною ночью современникъ, почти зритель событія, которое озарило благодатнымъ сіяніемъ одну изъ страницъ лѣтописи міра и человѣчества. Паломникъ говорилъ себѣ, что стоитъ при скромномъ родникѣ, изъ котораго разлились потоки свѣта и любви на грядущія поколѣнія, потоки, преобразившіе судьбы міра, еще до нынѣ не изсякшіе и благотворно разливающіеся. Посѣтителю этихъ мѣстъ не нужно особенной набожности, особеннаго вѣрующаго настроенія, чтобы увле-

кательно, почти безсознательно, подчинить себя всемогуществу преданій, которыя здѣсь струятся въ воздухѣ и всего тебя обхватываютъ, какъ этотъ тихій, теплый и глубоко-проникающій воздухъ. Даже невѣрующій въ чудеса долженъ сознаться, что эта земля сокровищница и прорицательница чудесныхъ преданій. Здѣсь вѣковыя событія не смѣняются, не стираются съ лица земли и съ исторіи новыми событіями мимотекущаго дня; здѣсь какъ по глаголу Іисуса Навина, солнце остановилось въ теченіи своемъ, но солнце не единаго дня, а столѣтій. Здѣсь читаешь Евангеліе съ тѣмъ же любопытствомъ и вниманіемъ, какъ въ другихъ странахъ читаешь мѣстный дневникъ текущихъ происшествій и новостей. Все возбуждаетъ любознательность и отражается въ душѣ свѣжимъ, глубокимъ впечатлѣніемъ. Все здѣсь отзывается древностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ все постоянно, все вѣковѣчно и ново.

Съ людскою злобою еще какъ-нибудь справишься, по крайней мѣрѣ на время; съ людскою глупостью невозможно. Она носитъ на лбу своемъ надпись Данта: оставь всякую надежду, если имѣешь дѣло до меня. Злоба ухищреніе; можно перехитрить ее. Глупость—сила самородная и неодолимая. Злоба—крѣпость; но есть возможность и надежда сдѣлать въ ней проломъ. Глупость—голая, плѣшивая, большущая скала; нѣтъ къ ней приступа, не за что уцѣпиться. Попробуй взлѣзть на нее: неминуемо скатишься внизъ послѣ первой попытки.

М. Ѳ. Орловъ былъ прикомандированъ императоромъ Александромъ къ знаменитому генералу Моро, когда онъ изъ Америки пріѣхалъ въ нашу главную квартиру. Однажды утромъ Орловъ сидитъ передъ зеркаломъ и брѣется. Входитъ Моро, смотритъ на Орлова и говоря ему: „Да вы совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ держите бритву!“, вырываетъ ее изъ руки Орлова и начинаетъ брить его. Ошеломленный Орловъ не зналъ, что и думать, и какъ объяснить эту выходку. Послѣ спрашиваетъ онъ адъютанта Моро, что это можетъ значить? Тотъ разсмѣялся и говоритъ: „Генералъ очень любитъ брить и полагаетъ, что никто лучше его не брѣетъ“.

(Разсказано мнѣ Орловымъ).

Бываютъ же такіе странные вкусы въ человѣческой натурѣ! Зналъ я одного барина, который по любви къ искусству и изъ чести выучился рвать зубы. Онъ никогда не выходилъ изъ дому безъ футляра съ зубными инструментами въ карманѣ, какъ другой безъ сигарочницы. Ко всѣмъ онъ въ зубы такъ и заглядывалъ. Бѣда тому, кто при немъ заикнется, что у него зубъ болитъ или болѣлъ: онъ такъ на него сейчасъ и кинется и съ инструментомъ въ ротъ залѣзетъ.

А царь Ѳедоръ, который любилъ звонить въ колокола? Одинъ нашъ поэтъ обезсмертилъ эту любовь въ поэмѣ своей и сказалъ:

Ѳедоръ
Звонилъ въ колокола:
Его любимая охота въ томъ была.

Кажется, въ этой же поэмѣ, Полякъ старается совратить Русскаго боярина съ пути чести и вѣрности и увлечь его на свою сторону. Тотъ отговаривается и выставляетъ обязанности свои предъ Отечествомъ.

Отечество! Увы, что̀ можетъ быть глупѣй?

возражаетъ Полякъ. NN. говоритъ, что Гречу слѣдовало бы взять этотъ стихъ въ эпиграфъ для журнала своего Сынъ Отечества.

Кто-то привѣтствовалъ вышепомянутую поэму слѣдующимъ четверостишіемъ:

Пожарскимъ, Мининымъ и взрывомъ силъ народныхъ
Отъ козней вражескихъ Россія спасена;
Но отъ стиховъ твоихъ эпически-негодныхъ
Ахъ, не спаслась она!

Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ разсказываетъ, что изъ дома воспитательницы его Мелиссино старый слуга былъ отпущенъ на волю. Нѣсколько лѣтъ спустя, встрѣчаетъ онъ Пушкина и говоритъ: „Что же вы, баринъ, никогда къ намъ не пожалуете?“ Пушкинъ, воображая, что онъ при мѣстѣ въ какомъ-нибудь клубѣ или въ гостинницѣ, спрашиваетъ его: „Да гдѣ же ты теперь находишься?“ — „Какъ же, ваше превосходительство, отвѣчалъ онъ: вотъ уже третій годъ, что служу при Иверской“.

Онъ же разсказывалъ, что у какой-то провинціальной барыни убѣжала крѣпостная дѣвушка. Спустя нѣсколько лѣтъ, барыня проѣзжаетъ чрезъ какой-то уѣздный городъ и отправляется въ церковь къ обѣднѣ. По окончаніи службы, дьячекъ подноситъ ей просвиру. Барыня вглядывается въ него и вдругъ вскрикиваетъ: „ахъ, каналья, Палашка, да это ты?“ Дьячекъ въ ноги: „Не погубите, матушка! Вотъ уже четыре года, что служу здѣсь церковникомъ. Буду за ваше здравіе вѣчно Бога молить“.

Дельвига зналъ я мало. Болѣе зналъ я его по Пушкину, который нѣжно любилъ его и уважалъ. Едва-ли не Дельвигъ былъ, между пріятелями, ближайшая и постояннѣйшая привязанность его. А посмотрѣть на нихъ: мало было въ нихъ общаго, за исключеніемъ школьнаго товарищества и любви къ поэзіи. Пушкинъ искренно вѣровалъ въ глубокое поэтическое чувство Дельвига. Впрочемъ, не было мнѣ и случая короче сблизиться съ нимъ. Онъ постоянно жилъ въ Петербургѣ, я постоянно жилъ въ Москвѣ. Когда пріѣзжалъ я на время въ Петербургъ, были мы съ нимъ, что называется, въ хорошихъ отношеніяхъ, встрѣчаясь нерѣдко на пріятельскихъ литераторскихъ обѣдахъ, вечеринкахъ. Но и тутъ казался онъ мнѣ мало доступенъ. Была-ли это въ немъ застѣнчивость, или нѣкоторая нелюдимость, объяснить я себѣ не могъ; но короткаго сближенія между нами не было. На сходкахъ нашихъ онъ мало вмѣшивался въ разговоръ, мало даже вмѣшивался въ нашу веселость. Во всякомъ случаѣ былъ онъ мало разговорчивъ: рѣчь его никогда не пѣнилась и не искрилась вмѣстѣ съ шампанскимъ виномъ, которое у всѣхъ насъ развязывало языкъ. Спрашивали одного Англичанина, любитъ-ли онъ танцовать? — „Очень люблю, отвѣчалъ онъ, но не въ обществѣ и не на балѣ (jamais en société), а дома одинъ, или съ сестрою. Дельвигъ походилъ на этого Англичанина. Однажды убѣдился я въ томъ и имѣлъ возможность оцѣнить его и понять нѣжное сочувствіе къ нему Пушкина. Мы случайно провели съ нимъ съ глазу на глазъ около трехъ часовъ. Мы ѣздили къ общему знакомому нашему обѣдать на дачу, верстъ за пятнадцать отъ Петербурга. Тутъ разговорился

онъ. Я отыскалъ въ немъ человѣка мыслящаго, здраво и самобытно обдумавшаго многое въ жизни. Я удивился и обрадовался находкѣ моей. Между прочимъ разсказалъ онъ мнѣ планъ повѣсти, которую собирался писать. Планъ былъ очень оригинальный и совершенно новый, а именно разсказъ о домашней драмѣ, подмѣченной съ улицы. Лица, имена, происхожденіе ихъ оставались тайною, какъ для читателей, такъ и для самого автора; но при этой тайнѣ выказывалась истина и подлинная, живая жизнь со всѣми своими переворотами, треволненіями, радостями и скорбью. Какъ мы уже замѣтили, авторъ не вводилъ читателей въ домъ дѣйствующихъ лицъ, и самъ не входилъ въ него, но все сквозь окна подсмотрѣлъ съ улицы, и вышелъ полный разсказъ, создалась полная повѣсть.

Вотъ какъ это было. Кто-то, пожалуй самъ авторъ, нанялъ себѣ двѣ-три комнаты въ домѣ на Петербургской Сторонѣ. Онъ былъ человѣкъ, озабоченный разными занятіями, часто долженъ былъ выходить изъ дому и домой возвращаться. Куда бы онъ ни шелъ, онъ долженъ былъ проходить мимо одноэтажнаго низенькаго домика съ садикомъ. Домикъ не имѣлъ ничего замѣчательнаго, но какъ-то обратилъ на себя вниманіе сосѣда. Каждый разъ, что онъ проходилъ мимо, а это случалось часто, онъ заглядывалъ въ окна; а какъ окна были низки, онъ могъ читать въ комнатахъ и въ томъ, что въ нихъ дѣлается, какъ въ открытой книгѣ. Жилецъ домика долженъ былъ быть и хозяинъ его, холостой, одинокой. Судя по первымъ впечатлѣніямъ, по усамъ его, по архалуку, по чапраку, прибитому къ стѣнѣ и по саблѣ на немъ повѣшенной, вообще по ухваткамъ его, можно было заключить достовѣрно, что онъ отставной кавалерійскій офицеръ, можетъ быть, бывшій Кавказецъ. Казался онъ уже не молодъ, но и не старъ: походка бодрая, движенія свободныя, развязныя; лицо свѣтлое, еще довольно свѣжее и выражающее много простоты и добродушія. Сосѣдъ задалъ себѣ какъ будто задачу изучить его. Каждый разъ, что проходилъ мимо, онъ пристально вглядывался въ окошко. Замѣчаетъ онъ, что незнакомый хозяинъ началъ какъ-то опрятнѣе и щеголеватѣе одѣваться. Спустя нѣсколько дней, замѣтилъ онъ большое движеніе въ домикѣ: его обчищаютъ снаружи и внутри, обиваютъ стѣны новыми свѣт-

лыми бумажками, изукрашенными яркими гирляндами и какими-то фигурочками, чуть-ли не амурчиками съ крыльями и со стрѣлами. Изъ Гостиннаго Двора приносятся коврики, столовые часы, приносятся маленькіе клавикорды, различная мебель, и между прочимъ большая, краснаго дерева двуспальная кровать. Загадка начинаетъ разгадываться. Недѣли чрезъ двѣ въ домикѣ справляется свадебный пиръ. Сосѣдъ нашъ еще медленнѣе, чѣмъ прежде, проходитъ мимо домика, еще съ бо́льшимъ любопытствомъ, даже съ нескромностью, проникаетъ глазами во внутренность комнатъ. Никакой добросовѣстный и хорошо оплаченный шпіонъ не могъ бы слѣдить за лицомъ, на которое указало ему начальство, какъ онъ сторожитъ, донытываетъ этотъ домикъ и совершенно неизвѣстныхъ ему жильцовъ его. Да онъ и не хочетъ знать, кто они; а съ какимъ-то темнымъ предугадываніемъ ожидаетъ удобнаго случая, чтобы сами событія, сама жизнь открыли ему, кто и что они и что будетъ съ ними. Какъ читатель, пристрастившійся къ чтенію романа, онъ не хочетъ, чтобы авторъ намекалъ ему заранѣе на дѣйствія и положеніе героевъ; онъ даже боится, что авторъ какъ-нибудь проговорится и слишкомъ скоро укажетъ на развязку романа. Молодая хозяйка красива, стройна, одѣта всегда просто, но всегда со вкусомъ. Выраженіе лица ея живое, безпечное, веселое. На глаза она годами, по крайней мѣрѣ, пятнадцатью моложе мужа; но и мужъ какъ будто помолодѣлъ, еще выпрямился и вторично разцвѣлъ. Медовые мѣсяцы проходятъ благополучно, во всей сладости, во всемъ благоуханіи своемъ. Супруги неразлучны; они милуются, цѣлуются; мужъ жену въ щеки и въ губы; она обыкновенно цалуетъ его въ лобъ: знакъ нѣжности и вмѣстѣ почтительности. Она разливаетъ чай и подноситъ чашку ему, прихлебнувъ ее немножко, чтобы знать, довольно-ли чай крѣпокъ и подслащенъ сахаромъ. Она оправляетъ трубку и подаетъ ему курить. Иногда садится она за клавикорды, играетъ и поетъ. Онъ, облокотясь на стулъ, слушаетъ со вниманіемъ, кажется умилительнымъ: переворачиваетъ листы нотной тетрадки. Часто по вечерамъ, поздней осенью и зимою, сидятъ они предъ каминомъ: онъ въ широкихъ креслахъ, она на стулѣ, почти не опираясь на спинку его. Она вслухъ читаетъ ему газеты или книгу. Сосѣдъ все это видитъ. Онъ жалѣетъ, что

еще не послѣдовалъ примѣру сосѣда своего и не обзавелся женкою и домикомъ. Между тѣмъ смутно ожидаетъ, что будетъ впереди. Ожидалъ онъ недолго, то-есть съ годъ, не болѣе. Къ двумъ дѣйствующимъ лицамъ присоединяется третье: молодой офицеръ, наружности очень красивой. Бытъ и порядки въ домѣ не измѣнились: все идетъ по прежнему, только часто и все чаще и чаще пріемная комната оживляется присутствіемъ новаго лица. Гость и мужъ за чайнымъ столомъ бесѣдуютъ и покуриваютъ вмѣстѣ: одинъ трубку, другой сигару. Гость съ каждымъ разомъ засиживается долѣе и позднѣе, часовъ до одиннадцати, однажды даже до половины двѣнадцатаго. Мужъ начинаетъ зѣвать; женѣ, повидимому, спать вовсе не хочется. Такъ тянулись дни довольно однообразно, въ теченіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ. Наконецъ, соглядатай нашъ замѣчаетъ, что въ домѣ идетъ какъ-то неладно. Мужъ нахмуренъ, въ лицѣ какъ будто похудѣлъ и пожелтѣлъ. У жены нерѣдко заплаканные глаза. Офицеръ все-таки еще является, а иногда и по утрамъ; хозяйка и онъ сидятъ вдвоемъ; мужа, вѣроятно, нѣтъ дома. Вечеромъ всѣ три на лицо, но уже какъ будто не вмѣстѣ: хозяйка съ гостемъ въ одномъ углу комнаты; въ другомъ мужъ сидитъ за столомъ и раскладываетъ *пасьянсъ*, а можетъ быть и гадаетъ. Чего тутъ загадывать? Тутъ шпіону нашему пришла необходимость выѣхать изъ Петербурга. Больно было ему оставить обсерваторію свою; больно было прервать чтеніе романа, который живо заинтересовалъ его. Мѣсяцевъ чрезъ семь возвращается онъ на свое жительство. Нечего и говорить, что только отряхнувшись съ дороги, побѣжалъ онъ къ своей сторожкѣ. Смотритъ: хозяинъ дома такъ же и тутъ же, съ знакомою трубкою во рту. Но онъ, въ это короткое время, постарѣлъ десятью годами: осунулось лицо, изнуренное и скорбное. Видно, что большое горе прошло по этому лицу и по этой жизни. Вдругъ изъ дверей показывается кормилица съ грудянымъ ребенкомъ на рукахъ и проходитъ по комнатѣ. Хозяинъ, озлобленно взглянувъ на нихъ, что-то пробормоталъ сквозь зубы; по выраженію, по сморщившимся чертамъ лица, можно было догадаться, что слова были недобрыя: онъ скорыми шагами вышелъ изъ комнаты и сердито хлопнулъ дверью за собою.

Не помню, какъ намѣревался Дельвигъ кончить свою семейную

и келейную драму. Кажется, преждевременною смертью молодой женщины.

Разумѣется, въ этомъ бѣгломъ разсказѣ, въ этомъ сколкѣ, не упоминается о многихъ подробностяхъ и частныхъ случаяхъ, которые связывали эти сцены, наметанныя на живую нитку и пополняли накинутый рисунокъ. Не знаю, какъ вышла-бы повѣсть изъ подъ пера Дельвига; неизвѣстно и вышла-ли бы она, потому что Дельвигъ былъ, кажется, тугъ на работу; но въ первоначальной смѣтѣ своей, повѣсть очень естественна и вмѣстѣ съ тѣмъ очень занимательна и замысловата. Много тутъ жизни и движенія; подъ покровомъ тайны много истины. Все проходитъ тихомолкомъ, а слышишь голоса живые. Дельвигъ разсказалъ мнѣ свой планъ ясно, отчетливо и съ большимъ одушевленіемъ. Видно было, что эта повѣсть крѣпко въ умѣ его засѣла. Въ эту же поѣздку, рѣчь наша какъ-то коснулась смерти. Я удивился, съ какою ясною и спокойною философіею говорилъ онъ о ней: казалось, онъ ея ожидалъ. Въ словахъ его было какое-то предчувствіе, чуждое отвращенія и страха; напротивъ, отзывалось чувство не только покорное, но благопривѣтливое. Для меня, по крайней мѣрѣ, этотъ разговоръ былъ лебединая пѣсня Дельвига: я выѣхалъ изъ Петербурга и болѣе не видалъ его, а онъ скоро затѣмъ умеръ.

Вспоминаю, что у меня было еще два подобные, предсмертные разговора, тоже съ людьми мнѣ не особенно близкими. Это было, кажется, въ 1838 году. Во Франкфуртѣ на Майнѣ встрѣтился я съ Н., который возвращался въ Россію. Опять не знаю, какъ рѣчь зашла о смерти. Онъ говорилъ мнѣ, что смерти не боится, а боится одного: быть за живо погребеннымъ, и потому, не желалъ бы умереть въ деревнѣ, въ отсутствіи домашнихъ своихъ. А чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ затѣмъ онъ именно такъ и умеръ: въ деревнѣ, и кажется никого изъ семейства его не было при немъ. Во Франкфуртѣ было мое послѣднее свиданіе съ нимъ, а мысли его о смерти—послѣднія слова, которыя слышалъ я отъ него.

Гораздо позднѣе, былъ у меня еще и третій разговоръ въ такой-же обстановкѣ. Въ какой-то праздничный, торжественный день,

при многолюдномъ стеченіи разныхъ лицъ во дворцѣ, встрѣчаю С., только что возвратившагося изъ за-границы. С. любилъ жизнь и, по своему, умѣлъ пользоваться ею. Онъ былъ богатъ, занималъ въ обществѣ довольно видное мѣсто, не тревожился загадочными задачами жизни, а скорѣе радѣлъ о житейскихъ задачахъ ея и рѣшалъ ихъ всегда удовлетворительно для себя. Мы тутъ обмѣнялись съ нимъ нѣсколькими *шляпочными* словами. Но ни съ того, ни съ другаго—видно лице мое какое-то memento mori—разговоръ круто повернулъ на смерть. „Въ жизни и въ свѣтѣ, сказалъ онъ мнѣ, все довольно хорошо придумано и устроено; одно не хорошо: срокъ жизни слишкомъ коротокъ. Нужно было бы дать человѣку прожить по крайней мѣрѣ лѣтъ двѣсти“. Спустя нѣсколько дней узнаю, что С. умеръ скоропостижно. Вотъ такъ кончилась и третья моя упокойная бесѣда.

Былъ въ Москвѣ всѣмъ извѣстный и во многихъ домахъ очень хорошо принятый Итальянецъ Осипъ Негри. N. N. говорилъ ему, что онъ и безъ спиртуозныхъ напитковъ всегда подъ хмелькомъ.— Какъ-же такъ?—Да, разумѣется: *vous êtes né gris* *).

Онъ-же ему: „Тебѣ никакъ нельзя пѣть дуэтъ съ красавицею твоею“. (Онъ былъ влюбленъ въ пѣвицу изъ Итальянской оперы).— А почему-же?—„Потому, что ты вѣчно *Осипъ*“.

Есть у насъ пріятель; онъ, съ нѣкоторымъ заиканіемъ, говоритъ скороговоркою, а воображеніе его еще и языка скороговорчивѣе. Спрашиваютъ его: есть-ли лѣсъ въ купленной имъ подмосковной?—Какъ-же, отвѣчаетъ онъ: сорокъ четыреста четыре тысячи сорокъ тысячъ десятинъ строеваго лѣса.'— Мы думали, что онъ дойдетъ до четырехъ сотъ тысячъ десятинъ: да, какъ-то духу у него не хватило, и онъ остановился. Замѣтка для читающаго или для повторяющаго этотъ разсказъ: не надобно ставить запя-

---

*) Непереводимая игра звуковъ: вы рождены пьянымъ.

тыхъ между цыфрами ни письменно, ни устно; иначе пропадетъ вся прелесть этого crescendo.

Въ этомъ-же родѣ разсказывалъ Алексѣй Перовскій. Былъ ему хорошо знакóмъ одинъ зубной врачъ, не опровергавшій Французской поговорки: mèntir comme un arracheur de dents (лгать какъ зубодёргъ). Однажды говоритъ онъ Перовскому: „На прошлой недѣлѣ вырвалъ я зубъ у стараго князя ***. Какъ думаете, что́ онъ далъ мнѣ за операцію?“ — Перовскій, зная хорошо пріятеля своего, отвѣчаетъ ему: тысячу рублей. — Мало. — Три тысячи? — Мало. — Десять тысячъ? — Ошеломленный зубной врачъ не посмѣлъ идти далѣе и сказалъ: да, именно десять тысячъ рублей, вы угадали. Но, одумавшись немножко, добавилъ: и еще подарилъ мнѣ славнаго рысака.

Къ празднику свѣтлаго воскресенія обыкновенно раздаются чины, ленты, награды лицамъ, находящимся на службѣ. Въ это время происходитъ оживленная мѣна поздравленій. Кто-то изъ подобныхъ поздравителей подходитъ къ Жуковскому во дворцѣ и говоритъ ему: нельзя-ли поздравить и ваше превосходительство? — Какъ-же, отвѣчаетъ онъ, и очень можно. — А съ чѣмъ именно, позвольте спросить? — Да со днемъ Святой Пасхи.

Жуковскій не имѣлъ опредѣленнаго званія по службѣ при дворѣ. Онъ говорилъ, что въ торжественно-праздничные дни и дни придворныхъ выходовъ онъ былъ *знатною особою обоего пола* (извѣстное выраженіе въ официальныхъ повѣсткахъ).

Кривой К., послѣ долгаго разговора съ кривымъ О., сказалъ: Я очень люблю бесѣдовать съ нимъ съ глазу на̀ глазъ.

Замѣтка о N. N. Не знаю, проститъ-ли Богъ ему грѣхи его, но онъ не прощаетъ Богу ни малѣйшаго насморка своего.

Добрая старушка, довольная участью своею, говорила съ умиленіемъ: „Да будетъ Господь Богъ вознагражденъ за всѣ милости Его ко мнѣ“.

Прогрессивные провинціалы — а есть такіе провинціалы и въ столицахъ—говорятъ съ ужасомъ, съ ожесточеніемъ, о нравахъ и обычаяхъ стараго времени, особенно проявлявшихся въ помѣщичьемъ быту. Боже сохрани защищать и оправдывать всѣ эти нравы и обычаи; но за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли на себѣ неблаговидные и предосудительные оттѣнки, почему предавать анаѳемѣ и тѣ обычаи, которые были чисто-комическаго свойства и невинно-забавны? Если все доводить до правильнаго и благочиннаго однообразія и благообразія, если хотѣть всю жизнь подчинить законамъ и условіямъ платонической академіи и платонической республики, то куда-же дѣнемъ мы смѣхъ, который также есть радостная и животворящая принадлежность жизни и человѣка? Не дай Боже заглушить, задушить въ насъ это физіологическое явленіе, которое служитъ намъ отдыхомъ и отрадою за слезы, проливаемыя нами тоже по законамъ натуры нашей и жизни. Я, по крайней мѣрѣ, не вхожу въ изступленіе при картинахъ, имѣющихъ болѣе забавный, нежели порочный характеръ. Если умѣлъ бы я писать комедіи или романы, я дорожилъ бы преданіями нашей старины: безъ озлобленія, безъ напыщеннаго декламаторства, выводилъ бы я на сцену нѣкоторыхъ чудаковъ, жившихъ въ удовольствіе свое, но впрочемъ не въ обиду другимъ. Старый бытъ нашъ имѣлъ свое драматическое олицетвореніе, свое движеніе, свои разнообразныя краски. Имѣй я нужное на то дарованіе, я обмакивалъ-бы кисть свою не въ желчь; не съ пѣною во рту, а съ насмѣшливою улыбкою, растиралъ бы я для картинъ своихъ свѣжія и яркія краски простосердечной шутки. Я возбуждалъ-бы въ читателяхъ и зрителяхъ симпатическій смѣхъ, потому что самъ давалъ бы я имъ примѣръ не злостнаго, а искренняго и необиднаго смѣха. Я бѣгалъ бы, чуровался бы отъ всякаго *тенденціоннаго* направленія, какъ отъ злаго наитія. Такъ, кажется, вообще поступалъ и Гоголь. Гдѣ въ художествахъ, въ литературѣ, въ живописи является *тенденція*, съ притязаніями на учительство, тамъ

уже нѣтъ ни натуры, ни искусства. Реальная правда въ созданіяхъ мысли и воображенія не можетъ быть живою правдою: она уже охолодѣвшій трупъ подъ лекарскимъ ножемъ, не въ театрѣ живыхъ людей, а въ *театрѣ анатомическомъ* по Французскому выраженію.

Напримѣръ, былъ одинъ помѣщикъ, принадлежавшій довольно знатному роду, по воспитанію своему образованный. Когда бывалъ въ столицахъ, жилъ и дѣйствовалъ онъ какъ другіе въ средѣ ему подобающей; но столичная жизнь стѣсняла его.

Мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу,—

то есть въ село свое, говорилъ онъ про себя. И тамъ въ деревнѣ, на свѣжемъ воздухѣ, на просторѣ, разыгрывались прирожденныя и таившіяся въ немъ наклонности, причуды и странности. Онъ любилъ, ему, по натурѣ его, нужно было чудачить, и онъ чудачествовалъ себѣ въ свое удовольствіе. По преданіямъ стараго барчества, которыя могли быть ему не чужды, онъ дома завелъ обряды и этикетъ на подобіе любаго Нѣмецкаго курфиршества. Онъ составилъ свой дворъ изъ дворни своей. До учрежденія мундира онъ достигнуть не осмѣлился; но завелъ въ прислугѣ офиціальные жилеты разнаго цвѣта и покроя, которые, по домашнему значенію, равнялись мундирамъ. Жилеты были распредѣлены на разныя степени, по цвѣту и пуговицамъ. Онъ жаловалъ, производилъ, повышалъ, напримѣръ, Никифора въ такой-то жилетъ высшаго достоинства. Панкратій, за пьянство или за другой поступокъ, былъ разжалованъ въ жилетъ низшаго достоинства, со внесеніемъ въ формулярный списокъ. Когда, по воскресеньямъ и другимъ праздничнымъ днямъ, баринъ отправлялся въ церковь, дворовой штатъ его, по старшинству жилетовъ, становился въ двѣ шеренги на пути, по которому онъ изволилъ шествовать. Были дни, въ которые всѣ жилеты и всѣ находящіеся при нихъ юбки имѣли счастіе лобызать барскую ручку. Все дома и въ домашнемъ быту подходило къ таковому порядку. Дни и часы были распредѣлены, какъ восхожденіе и захожденіе солнца, по календарю. *Хозяинъ музыку любилъ*, особенно Итальянскую. Это музыкальное дарованіе было родовымъ свойствомъ въ семействѣ его. Изъ крѣпостныхъ и взятыхъ во дворъ голосовъ избирались всѣвозможные сопрано, контральто, теноры,

баритоны, басы, всѣ ступени со всѣми извилинами музыкальной лѣстницы. Изъ нихъ составлялись концерты, которые можно было слушать съ удовольствіемъ. Здѣсь, по уравненію званій, аристократическіе голоса барскихъ дѣтей сливались съ плебейными голосами челядинцевъ. Здѣсь баринъ былъ уже не баринъ, а подпѣвающій отецъ поющаго семейства. Въ селѣ своемъ подмѣтилъ онъ однажды попадью, которую можно было завербовать съ успѣхомъ въ вокальное общество. Началъ онъ и ее итальянизировать и заставлялъ пѣть аріи и дуэты изъ разныхъ итальянскихъ оперъ-буффъ. Разумѣется, притомъ и принаряжалъ онъ ее въ приличные тому костюмы: шелковыя платья съ длинными шлейфами. Выписывалъ онъ для нея изъ Москвы тѳки со всѣми возможными и невозможными перьями. Показалось ему, что она должна быть забавна верхомъ. И вотъ заказалъ онъ ей амазонское платье и шляпку съ вздернутымъ вверхъ козыркомъ, посадилъ ее на коня и разъѣзжалъ съ ней по полямъ и по лѣсамъ. Слухи обо всемъ этомъ дошли до мѣстнаго архіерея. Онъ возъимѣлъ подозрѣніе, что тутъ кроется что-то недоброе. Онъ послалъ за попадьею. Явилась она. При видѣ ея, подозрѣніе разсѣялось. Онъ говоритъ ей: „Извини меня, матушка, что я тебя напрасно потревожилъ; мнѣ не такъ доложили. Ты такъ стара и некрасива, что грѣху поживиться тутъ нечѣмъ. Возвращайся съ Богомъ домой. Счастливый путь!“

Все это не просится-ли подъ кисть Русскаго Теньера, подъ перо Русскаго Лесажа (автора Жиль-Блаза), Русскаго Дикенса? Тутъ *стульевъ ломать* не нужно. Не нужно стучать и перомъ о бумагу, какъ кулакомъ. Пиши съ натуры; не черни ея, не клепли на нее, и выйдутъ картины, очерки забавные, но миловидные, и съ сатирическими оттѣнками. Литература, ни въ какомъ случаѣ, не должна быть учрежденіемъ паралельнымъ уголовной палатѣ. А наша литература все любитъ карать. Правда, что кому охота есть, легче быть подмастерьемъ палача, нежели талантливымъ живописцемъ.

Баронъ Мальтицъ *), Нѣмецкій поэтъ и Русскій дипломатъ, впослѣдствіи времени нашъ повѣренный въ дѣлахъ при Веймар-

*) Братъ его, нѣкогда посланникъ нашъ въ Гагѣ, былъ также Нѣмецкимъ поэтомъ, и между прочимъ дописалъ неконченную трагедію Шиллера: Димитрій Самозванецъ.

скомъ дворѣ, зять и другъ Ѳ. И. Тютчева, забавно разсказываетъ, при какой обстановкѣ получилъ онъ, въ молодыхъ еще лѣтахъ, первый знакъ отличія. Онъ былъ тогда секретаремъ при нашей миссіи въ Берлинѣ, посланникомъ былъ Алопеусъ. Министръ призываетъ его въ свой кабинетъ и торжественно обращается къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Милостивый государь, нашъ августѣйшій властитель (notre auguste maître), всемилостивѣйшій государь Всероссійскій (empereur de tout·s les Russies), въ непрестанной заботливости о благѣ подданныхъ и въ великодушномъ вниманіи къ заслугамъ усердныхъ служителей своихъ, благоволилъ пожаловать васъ, милостивый государь, кавалеромъ ордена святаго равноапостольнаго великаго князя Владиміра четвертой степени: это послѣдняя“ (l'ordre du grand-duc, Saint Wladimir, égal aux apôtres, de la quatrième classe: c'est la dernière). Все это, разумѣется, было сказано на французскомъ языкѣ.

Князь Гагаринъ, принадлежащій нынѣ къ ордену іезуитовъ, говорилъ объ N. N: „Съ нимъ бываютъ всегда такія радости, что какъ-то совѣстно поздравлять его съ ними. То поздно пожалованъ онъ знакомъ отличія, который давно ему слѣдовалъ; то, рожденіемъ внучки, рано пожалованъ онъ въ дѣдушки.

Въ старину говорили: въ Станиславѣ — мало славы; молись Богу за матушку Анну. (Слышано отъ Дмитрія Павловича Татищева).

Одинъ департаментскій чиновникъ никакъ свыкнуться не могъ съ выраженіемъ: „написать записку въ третьемъ лицѣ“. Въ такихъ случаяхъ онъ докладывалъ начальству: „Не прикажете-ли написать записку отъ вашего превосходительства въ трехъ лицахъ?“

„Какъ это такъ дѣлается, спрашивали N. N., что ты постоянно жалуешься на здоровье свое, вѣчно скучаешь и говоришь, что ничего отъ жизни не ждешь, а вмѣстѣ съ тѣмъ умирать не

хочешь, и какъ будто смерти боишься?“ — „Я никогда, отвѣчалъ онъ, и ни въ какомъ случаѣ не любилъ переѣзжать“ (Je n'ai jamais aimé à déménager).

Крыловъ какъ членъ старой Россійской Академіи, былъ недоволенъ хозяйственными и экономическими распоряженіями ея. Капиталъ, которымъ она владѣла, не употребляла она на пользу Русской словесности, не печатала полезныхъ и дешевыхъ книгъ, не изготовляла новыхъ, улучшенныхъ изданій нашихъ классическихъ писателей, не помогала молодымъ талантамъ. „Куда копите вы деньги свои? спрашивалъ онъ академическое правленіе. Развѣ на приданое Академіи, чтобы выдать ее замужъ за Московскій Университетъ?“ Свадьба не состоялась; но послѣ смерти Шишкова, значительный академическій капиталъ былъ отобранъ. Богатая невѣста замужъ не вышла, и какъ сиротка пристроена была къ другому мѣсту и подъ другимъ именемъ. Для старыхъ академиковъ это былъ жестокій ударъ. Министра Уварова осуждали за эту реформу. Въ лирическомъ негодованіи своемъ, иные даже утверждали, что онъ этимъ преобразованіемъ оскорбляетъ память Екатерины Великой: она была основательницей Академіи, въ лицѣ княгини Дашковой была сама почти членомъ Академіи. Довольно долго раздавались жалобы, сѣтованія и упреки. Конечно, кажется, лучше было-бы не трогать Академіи, не нарушать личныхъ преимуществъ ея. Она уже пользовалась правомъ гражданства въ составѣ государства; принесла не столько пользы, сколько могла принести, но все-же не совсѣмъ праздно просуществовала. Нѣкоторыми нововведеніями и улучшеніями можно было еще возвысить вліяніе ея на любознательную и просвѣщенную публику. Въ Парижѣ избраніе новаго академика, пріемное засѣданіе ему, рѣчи при этомъ читанныя, составляютъ еще и нынѣ событіе для города, который въ событіяхъ не нуждается, а скорѣе подавленъ разнородными событіями. У насъ далеко не то, особенно въ явленіяхъ умственной и литтературной дѣятельности. Впрочемъ, наша Академія тоже записала событіе въ лѣтописяхъ своихъ: когда Карамзинъ читалъ въ ней рѣчь и отрывки изъ Исторіи Государства Россійскаго и полу-

чилъ золотую медаль изъ рукъ незлопамятнаго Шишкова. Въ лицѣ его *старый слогъ* не только примирился *съ новымъ*, но воздалъ ему подобающую честь. Это академическое торжество было и общественнымъ и городскимъ событіемъ. Никогда академическая зала не видала въ стѣнахъ своихъ такого многолюднаго и блестящаго собранія лицъ обоего пола. Чтеніе академика-Пушкина могло бы также быть академическимъ праздникомъ. Подобные праздники полезны и нужны для разнообразія и пробужденія посреди обихода будничныхъ, голословныхъ дней. Можно еще замѣтить, что не каждый членъ чисто-литтературной Академіи можетъ быть и членомъ Академіи Наукъ. Фонъ-Визинъ, Княжнинъ, Дмитріевъ и другіе имъ подобные были совершенно на мѣстѣ своемъ въ Россійской Академіи; въ Академіи Наукъ были бы они не жильцы, а развѣ гости. И то выходило бы тогда смѣшеніе понятій и произвольная классификація.

Послѣ Крылова, какъ-то вспомнилось о Гнѣдичѣ. Впрочемъ, они были пріятели и друзья. Дружба ихъ была, вѣроятно, основана болѣе на уваженіи другъ друга въ литтературномъ отношеніи, хотя дарованіе каждаго изъ нихъ было совершенно противоположно дарованію другаго: они пѣли не на одинъ ладъ. А вѣроятнѣе еще, короткая ихъ связь закрѣпилась общимъ сожительствомъ въ домѣ Императорской Библіотеки. Во всемъ быту, какъ и въ свойствѣ дарованія ихъ, выказывалась такая-же рознь. Крыловъ былъ неряха, хомякъ. Онъ мало заботился о внѣшности своей. Гнѣдичъ, испаханный, изрытый оспою, не слѣпой, какъ поэтъ, котораго избралъ онъ подлинникомъ себѣ, а кривой, былъ усерднымъ данникомъ моды: онъ всегда одѣвался по послѣдней картинкѣ. Волоса были завиты, шея повязана платкомъ, котораго стало бы на три шеи. Не смотря на непригожество свое — прости мнѣ тѣнь его мою нескромность — онъ придавалъ себѣ всѣ притязанія и прихоти красавца: иначе не сталъ бы онъ выказывать свое безобразіе, вставляя его въ изысканную нарядную раму. Впрочемъ, театральная хроника стараго времени гласитъ, что и онъ имѣлъ дни своихъ любовныхъ успѣховъ и счастія. Во внутреннемъ бытѣ своемъ

соотвѣтствовалъ онъ внѣшнему. Онъ былъ нѣсколько чопоренъ, величавъ; рѣчь его звучала нѣсколько декламаторски. Онъ какъ-то говорилъ гекзаметрами. Впрочемъ, это не мѣшало ему быть иногда забавнымъ разсказчикомъ и мѣткимъ на острое слово. Онъ слылъ хорошимъ чтецомъ; но въ чтеніи его, какъ и во всемъ прочемъ, было мало простоты и натуральности. Крыловъ, напротивъ, читалъ, по крайней мѣрѣ басни свои, безъ малѣйшаго напряженія: онѣ выливались изъ устъ его, какъ должны были выливаться изъ пера его, спроста, сами собою. Голосъ, дикція Гнѣдича были какъ будто подавлены платкомъ, который въ нѣсколько разъ обвивалъ шею его и горловые органы. Любезный и во многихъ отношеніяхъ почтенный Гнѣдичъ былъ короче знакомъ съ языкомъ Иліады, нежели съ языкомъ Петербургскихъ салоновъ, то есть съ французскимъ. Но одѣтый по модѣ, хотѣлъ онъ и говорить по модѣ. И тутъ французская рѣчь его была не только съ грѣхомъ пополамъ, но и до невозможности забавна. Однажды гдѣ-то хвалили красоту какой-то дѣвицы. Онъ вмѣшался въ разговоръ и густымъ голосомъ своимъ, сказалъ: Pour moi, ce n'est pas un bel visage, mais comme disent les Français, c'est une jolie figurlette.

Жуковскій жилъ одно время въ верхнемъ этажѣ Шепелевскаго дворца. Гнѣдичъ пришелъ къ нему. „Ты, кажется мой Гнѣдко, (Жуковскій всегда такъ называлъ его) запыхался?“—Oui, отвѣчалъ онъ, j'ai *courmonté* votre escalier (вбѣжалъ на лѣстницу вашу).

Заключимъ свои нѣсколько грѣшныя сплетни словомъ истины, которое должно перевѣсить все, что можетъ, показаться насмѣшкою въ очеркѣ нашемъ. Гнѣдичъ въ общежитіи былъ честный человѣкъ; въ литературѣ былъ онъ честный литераторъ. Да и въ литературѣ есть своя честность, свое праводушіе. Гнѣдичъ въ ней держался всегда безъ страха и безъ укоризны. Онъ высоко дорожилъ своимъ званіемъ литератора и носилъ его съ благородною независимостью. Онъ былъ чуждъ всѣхъ продѣлокъ, всѣхъ мелкихъ страстей и промышленностей, которыя иногда понижаютъ уровень, съ котораго писатель никогда не долженъ бы сходить. Онъ былъ въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ Крыловымъ, Батюшковымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, Баратынскимъ, Дельвигомъ, Плетневымъ, Тургеневымъ. Онъ былъ свой человѣкъ въ гостепріимномъ и лит-

тературномъ домѣ А. Н. Оленина. Въ литературѣ оставилъ онъ по себѣ трудъ и памятникъ капитальный. Его переводъ Иліады и Жуковскаго переводъ Одиссеи ничего равнаго себѣ не имѣютъ въ литературѣ нашей. Они хотя нѣсколько восполнили классическій пробѣлъ, которымъ наша литература прискорбно отличалась и отличается отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ Европейскихъ литературъ.

Когда князь Шаликовъ въ первый разъ представлялся Дмитріеву, онъ, входя въ комнату, сказалъ ему: mon général. Это тѣмъ было забавнѣе, что въ обстановкѣ Дмитріева не было ничего военно-генеральскаго, что тутъ являлся онъ не по дѣламъ службы, а по литературнымъ, младшій къ старшему, и наконецъ, что Дмитріевъ не говорилъ иначе, какъ по-русски, хотя зналъ хорошо французскій языкъ; а Шаликовъ, хотя и говорилъ на немъ, но довольно плохо. Въ старое время и въ началѣ столѣтія, въ нѣкоторыхъ слояхъ общества считалось какъ-то почтительнѣе и вѣжливѣе обращаться съ рѣчью на французскомъ діалектѣ. Заговаривать по-русски казалось слишкомъ запросто и фамиліарно. Зато какіе часто забавные промахи отпускались! Къ ошибкамъ на отечественномъ языкѣ оказывалось вообще болѣе терпимости. Свои люди сочтемся, или рука руку, а пожалуй языкъ моетъ. Высшая образованность въ обществѣ была воспитана на иностранной выдержкѣ. Въ старое время говорили по-русски болѣе самоучкою. Да иначе и быть не могло. Учителей не было; Русскихъ воспитателей не было. Въ книгахъ для чтенія былъ большой недостатокъ. Хорошихъ словарей, общедоступной грамматики на лицо также не оказывалось. Есть-ли они теперь въ удовлетворительномъ составѣ и видѣ? Право, сказать не умѣю. Лучшіе писатели наши прежняго времени сами воскормлены были на чужихъ хлѣбахъ. Но они чужой хлѣбъ перепекали въ своей родной печи, прибавляли къ ней муки своей, и мало по малу пошли въ ходъ и вошли въ славу Московскіе калачи и разныя сдобныя печенья.

Въ старое время была цѣлая устная литература, литература анекдотическая забавно-искаженной Французской рѣчи. — Чьи это портреты?— По серединѣ ma femme, а по бокамъ père d'elle и mère d'elle. А историческій и знаменитый *je* Ѳедора Петровича Уварова? Наполеонъ I, въ которомъ-то изъ сраженій, любовался Русскою кавалерійскою аттакою и, какъ разсказываютъ, воскликнулъ: браво! браво! Вырвавшійся крикъ изъ груди художника. Позднѣе, когда Уваровъ представлялся ему, Наполеонъ, вспомнивъ впечатлѣніе свое, спросилъ его: кто командовалъ Русскою кавалеріею въ такомъ-то дѣлѣ? — Je, Sire.

Тономъ пониже, но его-же. Въ сѣняхъ театра, при выкличкѣ каретъ полицейскимъ солдатомъ, онъ повторялъ: Pas ma, pas ma. Наконецъ провозгласили карету его: ma, ma, ma, воскликнулъ онъ и выбѣжалъ изъ сѣней.

Барыня, довольно высокоименитая, была въ Римѣ и представлялась папѣ. Не знаю, цѣловала-ли она туфлю его святѣйшества; но извѣстно, что на какой-то вопросъ его, отвѣчала она: oui, mon pape.

Другая Русская путешественница, на представленіи Нѣмецкой королевѣ, говорила ей: Sirène, на томъ основаніи, что королю говорятъ: Sire.— Вольно-же Французскому языку не быть логически-послѣдовательнымъ!

Чрезъ какой-то губернскій городъ проѣзжалъ ученый путешественникъ, сильно рекомендованный изъ Петербурга мѣстному начальству. Губернаторъ рѣшился дать въ честь его обѣдъ; но на бѣду, онъ никакого иностраннаго языка не зналъ. Для того, чтобы помочь этому горю, выписали уѣзднаго предводителя, который былъ въ числѣ военныхъ гостей, посѣтившихъ Парижъ въ 1814 году и поэтому прозванъ былъ въ уѣздѣ Парижаниномъ. Губернаторъ просилъ его заняться во время обѣда разговоромъ съ путешественникомъ и сказать нѣсколько приличныхъ словъ, когда будутъ пить за здравіе его. Нашъ Парижанинъ охулки на языкъ не положилъ. Въ витіеватой рѣчи онъ нѣсколько разъ выхвалялъ достоинства de l'illustre coupable du triomphe d'aujourd'hui (знаменитаго виновника нынѣшняго торжества).

Въ дѣтствѣ моемъ зналъ я барина, который въ Русскую

рѣчь — а онъ иначе какъ по-русски не говорилъ — вклеивалъ поминутно слово, или вѣрнѣе звуки *мунштръ*. Кто-то спросилъ у него истолкованія этой странности.—„Въ молодости моей я совершенно владѣлъ Французскимъ языкомъ, но прожилъ двадцать лѣтъ въ деревнѣ и совершенно потерялъ навыкъ говорить на немъ. Одно только это слово осталось у меня въ памяти и невольно навертывается на языкъ“. Кто-то предполагалъ, что вѣроятно когда-нибудь жена, или одна изъ пріятельницъ назвала его *monstre*, и эта кличка однажды навсегда такъ и врѣзалась въ него.

Нѣмцы также произношеніемъ своимъ дѣлаютъ забавныя промолвки. Въ Москвѣ, на одной вечеринкѣ, хозяйка дома пригласила барона *** сѣсть за ужинъ; онъ извинялся и просилъ позволенія de *roter* au tour de la table (roder).

Дипломатъ, родомъ Венеціанецъ, въ Русской службѣ, чуть-ли не Мочениго, въ концѣ донесенія своего императрицѣ Екатеринѣ II, говорилъ: j'ai le bonheur d'être jusqu'à la mort attaché a la grande *potence* do votre majesté (potenza—держава).

Можно-бы собрать цѣлый фоліантъ подобныхъ археологическихъ и архаическихъ рѣдкостей. Эти промахи языка тѣмъ были забавнѣе, что Французскія слова вообще очень поддаются на двусмысленное значеніе. Нынѣ что-то и этого смѣха нѣтъ. Уста, чтобы не сказать губы, разучились смѣяться; они надулись и нахмурились. Одни щеголеватые фельетонисты и модные повѣствователи великосвѣтскихъ событій пробуждаютъ улыбку нашу, когда они, съ грѣхомъ пополамъ, испещряютъ Французскою мозаикою свой Русскій текстъ.

Мы сказали: *губы нахмурились*. Выраженіе совершенно правильное. На Польскомъ языкѣ сохранилось Славянское слово *хмура*, то есть облако, туча. Напрасно нѣтъ этого слова въ нашемъ академическомъ словарѣ. Вообще было-бы не худо пересмотрѣть повнимательнѣе лексиконы Польскаго языка. Въ нихъ, нѣтъ сомнѣнія, нашлось бы довольно словъ, которыя ускользнули изъ нашихъ, а на дѣлѣ принадлежатъ обоимъ языкамъ. Поляки могли-бы сдѣлать и у насъ подобный повальный обыскъ. Тутъ политическихъ

перекоровъ бояться нечего. Никому не было бы въ обиду: всѣ были бы въ барышахъ.

Брюловъ говорилъ мнѣ однажды о комъ-то: „Онъ очень слезливъ, но когда и плачетъ, то кажется, что изъ глазъ слюнки текутъ“.

Мы съ нимъ прогуливались въ Римѣ и вышли за городскія стѣны, въ такъ называемую la campagna di Roma, Римскую равнину, Римскую степь. Ее воспѣвали поэты, живописцы старались воспроизводить ее въ картинахъ своихъ; путешественники любуются ея величавою и грустною прелестью. День тогда былъ пасмурный; а въ Римѣ нужны переливы сіянія. „Жаль, что нѣтъ солнца, сказалъ Брюловъ; будь оно, и все это предъ нами такъ бы и запѣло“. Замѣчательно, что онъ свое поэтическое выраженіе заимствовалъ не изъ живописи, а изъ музыки.

Но вотъ слово его же, которое такъ и носитъ отпечатокъ великаго живописца. Въ Петербургъ пріѣзжала Англичанка, извѣстная портретистка. Спрашивали Брюлова, что онъ думаетъ о ней.

— Талантъ есть, сказалъ онъ, но въ портретахъ ея нѣтъ костей: все одно мясо.

Извѣстный П. И. Кутузовъ не всегда былъ сенаторъ и кураторъ. Было время, когда, въ молодости, былъ онъ кирасирскій маіоръ, или подполковникъ въ полку, квартирующемъ въ Москвѣ. У кого-то за городомъ былъ домашній спектакль. Кутузовъ участвовалъ въ немъ въ роли арлекина. Послѣ представленія спѣшитъ онъ въ городъ и какъ до него было только версты двѣ или три, онъ не переодѣвшись, а закутавшись въ шинель, сѣлъ въ карету и поскакалъ въ Москву. Въ торопяхъ забылъ онъ одно: что передъ городомъ есть застава, и при ней неминуемая гауптвахта. Кажется, это было въ царствованіе императора Павла. Онъ подъѣзжаетъ; надобно выходить и записаться. Дѣло сдѣлано; шинель благополучно прикрыла всѣ грѣхи; но вотъ, какимъ-то неосторожнымъ движеніемъ проѣзжающаго, шинель распахнулась, и кара-

ульный видитъ въ кирасирѣ пестраго арлекина. Можно представить себѣ, что за coup de théâtre! Какъ бы то ни было, кирасиръ-арлекинъ провелъ ночь на гауптвахтѣ, а утромъ, съ поличнымъ подъ карауломъ, препровожденъ былъ къ начальству. Помню, какъ этотъ разсказъ, слышанный мною въ дѣтствѣ, забавлялъ меня.

Одно время проказники сговорились проѣзжать часто чрезъ Петербургскія заставы и записываться тамъ самыми причудливыми и смѣшными именами и фамиліями. Этотъ именной маскарадъ обратилъ вниманіе начальства. Приказано было задержать перваго, кто подастъ поводъ къ подозрѣнію въ подобной шуткѣ. Дня два послѣ таковаго распоряженія, проѣзжаетъ чрезъ заставу государственный контролеръ Балтазаръ Балтазаровичъ Кампенгаузенъ и рѣчисто, во всеуслышаніе, провозглашаетъ имя и званіе свое.— „Не кстати вздумали вы шутить, говоритъ ему караульный: знаемъ вашу братью; извольте-ка здѣсь посидѣть и мы отправимъ васъ къ г-ну коменданту“. Такъ и было сдѣлано.

Въ старину, проѣздъ черезъ заставу былъ дѣломъ государственной важности не только у насъ, но и въ другихъ государствахъ: во Франціи и въ Германіи этотъ порядокъ соблюдался, можетъ быть, еще строже и докучливѣе, нежели у насъ. Такъ было и при императорѣ Александрѣ I. Волковъ (Александръ Александровичъ), хорошо знакомый Москвѣ, какъ полицмейстеръ, оберъ-полицмейстеръ, комендантъ и окончательно, какъ начальникъ Московскаго жандармскаго управленія — и во всѣхъ этихъ званіяхъ, равно любимый Москвичами и молодыми Московскими барынями— говорилъ мнѣ, что онъ нерѣдко имѣлъ личные доклады у Государя, и всегда все сходило съ рукъ благополучно. Одни представленія (въ званіи коменданта) рапортовъ императору Александру, во времена пребываній его въ Москвѣ, о военныхъ чинахъ, пріѣзжихъ и отъѣзжихъ, озабочивали его: не рѣдко бывали они поводомъ къ высочайшимъ замѣчаніямъ и выговорамъ. Государь имѣлъ необыкновенную память и смѣтливость. Казалось, что онъ знаетъ на-

изустъ фамиліи всего Россійскаго войска, кто въ какомъ полку и какого чина. Малѣйшая описка въ рапортѣ разомъ и прямо кидалась ему въ глаза. „Не подумай, Волковъ, сказалъ онъ однажды, что я придираюсь къ тебѣ“. При этихъ словахъ подошелъ онъ къ столу, выдвинулъ ящикъ и показалъ ему, въ какомъ порядкѣ лежатъ у него подобные рапорты. „Изъ трехъ моихъ столицъ, прибавилъ онъ, изъ Петербурга, Москвы и Варшавы“.

А сколько головоломнаго труда стоило Нѣмцамъ записываніе фамилій нѣкоторыхъ Русскихъ путешественниковъ! Ни понятіе ихъ, ни азбука, ни ухо, ни перо, не могли поддѣлаться подъ своенравную терминологію нашихъ родословныхъ грамотъ и календарныхъ именъ. Послѣ многихъ, долгихъ и тщетныхъ усилій правильно записать въ книгѣ одну изъ такихъ тарабарскихъ для Нѣмца фамилій: Aber probiren sie noch ein Mal mit S. C. H., сказалъ писарю раздосадованный и выбившійся изъ силъ начальникъ.

Лучше всѣхъ отдѣлался въ подобномъ случаѣ Американецъ Толстой. Гдѣ-то въ Германіи официально спрашиваютъ его: Ihr Character?—Lustig, отвѣчаетъ онъ.

ХАРАКТЕРИСТИКИ.

I.

N. N. можетъ казаться гордымъ, но онъ не гордъ, а скорѣе не всегда и не со всѣхъ сторонъ общедоступенъ. У него на лбу не написано: *очень радъ познакомиться съ вами*, подобно вывѣскѣ на гостинницѣ. Онъ не заѣзжій домъ, открытый для всѣхъ проѣзжающихъ и проходящихъ. Онъ не бѣжитъ на встрѣчу къ каждому съ распростертыми объятіями. Объятія его не гибки; они рѣдко настежъ растворяются. Къ нему не входишь большими воротами, а потаенною, завѣтною калиткою. Если покажется ему, что кто-нибудь заискиваетъ его и обращается къ нему привѣтливымъ лицемъ, онъ готовъ на двадцать шаговъ предупредить его; но если кто какъ будто сторонится и ожидаетъ отъ него заявленія и задатка, онъ на пятьдесятъ шаговъ отступаетъ. И тогда дѣло кончено: никакому сближенію во вѣки вѣковъ не бывать. Онъ въ

людяхъ вообще держится побдаль, не въ наступательномъ, а въ оборонительномъ положеніи. Тутъ есть, быть можетъ, доля гордости, но есть и доля смиренія. Онъ не ставитъ себя выше другихъ, но въ немъ развилось ревнивое чувство охраненія своего достоинства; разумѣется, достоинства не личнаго, не условнаго, а просто достоинства, присущаго каждому нравственному и по чувствамъ своимъ независимому человѣку.

Это достоинство для него сокровище. Онъ охраняетъ его, какъ приставленный часовой оберегаетъ царскія регаліи, ввѣренныя ему подъ отвѣтственность его, какъ кустодія охраняетъ святыню.

Между тѣмъ, по какому-то разнорѣчію въ натурѣ его, онъ въ одно время и необщедоступенъ, и общежителенъ. По различнымъ обстоятельствамъ внѣшнимъ и прирожденнымъ, по движенію и переворотамъ жизни N. N. — такая личность, которую почти всѣ знаютъ. Назови по одному крестному имени его, и всѣ догадаются, что говорятъ именно о немъ, а не о комъ другомъ. Онъ человѣкъ улицы, толпы, всякаго сборища. Но ни онъ толпою не поглощается, ни толпа не отражается въ немъ. Кто-то изъ пріятелей его сказалъ, что онъ одна изъ плошекъ, которыя зажигаются на улицахъ по праздничнымъ днямъ. Но вообще ничего нѣтъ праздничнаго въ немъ. Онъ существо самое будничное. Когда онъ и въ средѣ своей, между равными, онъ все смотритъ какимъ-то постороннимъ: и они какъ будто не признаютъ его своимъ, и онъ какъ будто не признаетъ ихъ своими. Есть какая-то коренная разнородность между ними. Въ этомъ и сила и слабость его. Но онъ на эту слабость не жалуется: скорѣе онъ ею утѣшается и ею дорожитъ. Вотъ здѣсь, можетъ статься, и гнѣздится червякъ гордости. Еще нѣтъ на землѣ человѣка, который такъ или иначе не носилъ бы въ себѣ зародыша этой гадины. Еще одна черта: не смотря на свое *особничество*, N. N. бывалъ въ пріятельскихъ связяхъ своихъ мало разборчивъ. Бывали пріятелями ему не рѣдко люди очень посредственные, дюжинные, даже, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не безупречные, пожалуй, частью, и предосудительные. Въ этомъ отношеніи натура его была снослива. Одно натура его не могла вынести: соприкосновеніе съ натурами низкопробными, низкопоклонными, низкодушными.

II.

А вотъ, напримѣръ Х. Х.—Совершенная противоположность съ N..N. Онъ его антиподъ, онъ отрицаніе его. Нельзя и представить себѣ, чтобы они были созданы изъ одной и той же персти, изъ одного и того же духа. У него на лбу отчеканено крупными буквами: *я вашъ*, не то уже, что *познакомился*. На какую и на чью сторону онъ ни повернись, все прочтешь: *я вашъ*. Ему мало знакомиться, онъ отдаетъ себя, предаетъ себя; если не продаетъ себя, то развѣ единственно потому, что никто не купитъ его. Да и зачѣмъ покупать, когда онъ даромъ весь тутъ на лицо? Только берите! Для него нужнѣе всего, пуще всего не быть собою, а быть чьею нибудь собственностью. Онъ томится тоскою, сгораетъ жаждою зависимости, кидается на все и на всѣхъ, чтобы къ чему нибудь прицѣпиться; гдѣ кидаться нельзя, онъ ползкомъ ползетъ, чтобы къ кому нибудь или къ чему нибудь прилипнуть, и прилипнетъ. N. N. боится популярности, какъ болѣзни заразительной и повсемѣстно господствующей въ воздухѣ: Х. Х всячески прививаетъ себѣ эту болѣзнь. Онъ охотно, страстно записывается въ лазареты популярности, то есть въ журналы. Пьетъ съ больными изъ одного стакана, ѣстъ съ одной тарелки, ложится на кровать больнаго, дышетъ дыханіемъ его; согрѣвается, увлажается его испариною. Такимъ образомъ онъ проникнутъ, пропитанъ, промазанъ, промозгнутъ, прошпигованъ популярностью.—Что онъ за человѣкъ? спросите вы хорошо знающихъ его, близкихъ ему. Онъ очень популяренъ, скажутъ они вамъ, и болѣе ничего сказать о немъ не съумѣютъ и не могутъ. Онъ вѣшалка всѣхъ возможныхъ дипломовъ, всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ обществъ по всѣмъ отраслямъ науки, промышленности, художествъ, техники, благотворительности, усыпительности, говорительности, уморительности, собако и кошко-любивой попечительности и, такъ далѣе, и такъ далѣе. Онъ запѣвало, онъ юла, непремѣнный *Спичинскій* всѣхъ юбилейныхъ обѣдовъ и годовщинъ. Какъ выходецъ изъ Полинезіи, онъ словно *татуированъ* всѣми печатями и подписями президентскими, комитетскими, духовными и свѣтскими. Взглянешь на него, ажъ въ глазахъ зарябитъ. Если, паче чаянія, имя его не встрѣтилось бы въ какомъ нибудь обществѣ, хотя въ числѣ почетныхъ членовъ,

сотрудниковъ, или иногородныхъ корреспондентовъ, — то подобное общество походило бы на человѣка, который родился безъ мизинца на лѣвой рукѣ.

III.

Имя-рекъ былъ въ свое время не дѣйствительный тайный, а просто дѣйствительно тайный совѣтникъ, котораго совѣты ни единой душѣ на землѣ не были извѣстны. Онъ не чванился и не тяготился званіемъ своимъ. Казалось, что онъ такъ и рожденъ тайнымъ совѣтникомъ. О жизни его сказать много не для чего и нечего. Но слѣдуетъ припомнить здѣсь поговорку: *смерть животы покажетъ*. Онъ умеръ именно своею натуральною смертью: за карточнымъ столомъ въ Англійскомъ клубѣ. Роднымъ и пріятелямъ его остается утѣшеніе сказать себѣ, что онъ до самой кончины сохранилъ всю ясность, бодрость и свѣжесть своихъ внутреннихъ и духовныхъ силъ: за двѣ минуты до смерти упрекалъ онъ партнера своего за то, что тотъ вышелъ съ бубновой десятки, когда нужно было выходить съ червоннаго валета.

РАЗГОВОРЪ ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЙ.

№ 1. *(внушительно и нѣсколько сурово)*. — А ты, голубчикъ, начинаешь опять шалить! Если такъ пойдетъ, то не мудрено, что и выключимъ тебя изъ своихъ.

№ 2. *(робко и съ нѣкоторою запинкою)*. - А что́ же я такое сдѣлалъ?

№ 1. Какъ что! Ты вчера обѣдалъ у графа З., а дня за два предъ тѣмъ у генерала Ю.

№ 2. Это вовсе не отступленіе съ моей стороны, а просто лакомство. Каюсь, люблю пріятно и вкусно поѣсть и попить; а у этихъ господъ отличные повара и отличныя вина. Послѣ обѣда подаютъ великолѣпныя настоящія Гаванскія сигары! Бери сколько хочешь. Мамонъ свой потѣшилъ я: грѣха не таю. Но впрочемъ велъ я себя съ приличнымъ достоинствомъ; святости принципа не измѣнилъ; ни разу не сказалъ я графу: ваше сіятельство, а генералу: ваше превосходительство.

№ 1. Это похвально. А когда опять будешь тамъ, захвати три-четыре сигары и принеси мнѣ на пробу.

Кто-то, въ довольно зрѣлыхъ лѣтахъ, увѣрялъ молодую барыню, что онъ безъ ума влюбленъ въ нее. Какъ можете вы думать, отвѣчала она, что я повѣрю такой нелѣпости (absurdité)?—Тутъ-то и вѣрить, возразилъ онъ: припомните слова блаженнаго Августина: credo, quia absurdum. — Я по-латынѣ не знаю, отвѣчала красавица. — Si c'est ainsi, j'y perdrai mon latin, mais je ne vous en aimerai pas moins.

Неизвѣстно чѣмъ кончился разговоръ и какія были послѣдствія его.

Молодая дѣвица общипывала розу и клала листочки въ ротъ.— Я и не зналъ, что вы изъ самоѣдокъ, сказалъ ей старый волокита.

А если пошло на старину, такъ вотъ старосвѣтскіе мадригалы, найденные въ одномъ *разрозненномъ томѣ изъ библіотеки чертей*, какъ сказалъ Пушкинъ, то есть въ Московскомъ альбомѣ. Эти мадригалы написаны, можетъ быть, княземъ Шаликовымъ; а можетъ быть и не имъ:

1.

Что написать мнѣ вамъ въ альбомъ?
У васъ есть близъ аптеки домъ;
Но гдѣ найти лекарства
Отъ вашихъ прелестей и вашего коварства?

2.

Кто старшая изъ нихъ? вопросъ сей не рѣшенъ:
Онѣ и красотой и свѣжестью двойчатки;
И какъ ни мучусь я, не разрѣшу загадки:
Влюбленъ-ли въ матушку, иль въ дочку я влюбленъ.

3.

Быль и мечтательность, поэзія и проза.
Вдоль дома вашего, въ день лютаго мороза,

Я шелъ,—и страсти пылъ горѣлъ въ груди моей:
Вашъ милый образъ мнѣ мечтался все живѣй.
Въ окнѣ за стеклами у васъ алѣла роза.
Я думалъ, это вы, и поклонился ей.

При старушкѣ читали оду Петрова къ графу Григорію Григорьевичу Орлову:

Блюститель строгаго Зенонова закона
И стоикъ посреди великолѣпій трона.

При первомъ стихѣ старая барыня прервала чтеца: Какой вздоръ! Совсѣмъ не *Зенонова*: законная жена графа Орлова была *Зиновьева*; я очень хорошо знавала ее.

Робкой, по крайней мѣрѣ на словахъ, молодой человѣкъ, не смѣя выразить устно, пытался подъ столомъ выразить ногами любовь свою сосѣдкѣ, уже испытанной въ дѣлѣ любви. Если вы любите меня, сказала она, то говорите просто, а не давите мнѣ ногъ, тѣмъ болѣе, что у меня на пальцахъ мозоли (исторически-вѣрно).

Въ Москвѣ до-пожарной жили три старыя дѣвицы, три сестрицы Лев. *** Ихъ прозвали тремя Парками. Но эти Парки никого не пугали, а разъѣзжали по Москвѣ и были непремѣнными посѣтительницами всѣхъ баловъ, всѣхъ съѣздовъ и собраній. Какъ всѣ онѣ ни были стары, но все-же третья была меньшая изъ нихъ. На ней сосредоточились любовь и заботливость старшихъ сестеръ. Онѣ ея съ глазъ не спускали, берегли съ какимъ-то материнскимъ чувствомъ и не позволяли ей выѣзжать изъ дома одной. Бывало, пріѣдутъ онѣ на балъ первыя и уѣзжаютъ послѣднія. Кто-то однажды говоритъ старшей: „Какъ это вы, въ ваши лѣта, можете выдерживать такую трудную жизнь? Неужели вамъ весело на балахъ?“ — „Чего тутъ весело, батюшка, отвѣчала она. Но надобно иногда и потѣшить нашу шалунью“. А этой шалуньѣ было уже 62 года.

Москва была всегда обильна дѣвицами. Въ Москвѣ также проживали три или четыре сестрицы. Домъ ихъ былъ на улицѣ — нѣтъ, не скажу на какой улицѣ. Всякій день каждая изъ нихъ сидѣла у особеннаго окна и смотрѣла на проѣзжающихъ и на проходящихъ, можетъ быть выглядывая суженаго. Какой-то злой шутникъ—можетъ быть Копьевъ—сказалъ о нихъ: на каждомъ окошкѣ по лепёшкѣ. Такъ и помню, что въ дѣтствѣ моемъ слыхалъ я о княжнахъ-Лепешкахъ. Другаго имени имъ и не было.

Москва всегда славилась прозвищами и кличками своими. Впрочемъ, кажется, этотъ обычай встрѣчался и въ древней Руси. Въ новѣйшее время онъ обыкновенно выражается насмѣшкою, что также совершенно въ Русскомъ духѣ. Помню въ Москвѣ одного Раевскаго, лѣтъ уже довольно пожилыхъ, котораго не звали иначе какъ *Зефиръ* Раевскій, потому что онъ вѣчно порхалъ изъ дома въ домъ. Порхалъ онъ и въ разговорѣ своемъ, ни на чемъ серьезно не останавливаясь. Одного Василія Петровича звали Василисой Петровной. Былъ король Неапольской, генералъ Бороздинъ, который ходилъ съ войскомъ въ Неаполь и имѣлъ тамъ много успѣховъ по женской части. Онъ былъ очень строенъ и красивъ. Одного изъ временщиковъ царствованія императрицы Екатерины, Ив. Ник. Корсакова, прозвали Польскимъ королемъ, потому что онъ всегда, по жилету, носилъ ленту Бѣлаго Орла.

Былъ князь Долгоруковъ *балконъ*, такъ прозванный по сложенію губъ его. Былъ князь Долгоруковъ *каламбуръ*, потому что онъ каламбурами такъ и сыпалъ. Былъ князь Долгоруковъ l'enfant prodigue, который, въ теченіи немногихъ лѣтъ, спустилъ богатое наслѣдство, полученное отъ отца. Дочь его была прозвана:

Киргизкайсацкая царевна,
Владычица златой орды,

потому что въ лицѣ ея, оживленномъ и возбудительномъ, было что-то восточное, и что имѣла она много поклонниковъ. Была красавица, княгиня Масальская (домъ на Мясницкой), la belle sauvage — прекрасная дикарка — потому что она никуда не показывалась. Мужъ ея, *князь мощи*, потому что онъ былъ очень худощавъ. Всѣхъ кличекъ и прилагательныхъ не припомнишь. Въ Москвѣ и домá носили клички. На Покровкѣ домъ князя Трубецкаго,

по странной архитектурѣ своей, слылъ *домъ-комодъ*. А по дому и семейство князя называли: *Трубецкіе-комодъ*. Домъ, кажется, не сгорѣлъ въ пожарѣ 1812 года, и въ оффиціальномъ донесеніи о пожарѣ упоминался онъ *домъ-комодъ*. Какъ другой князь Трубецкій извѣстенъ былъ въ обществѣ и по полицейскимъ спискамъ подъ именемъ князь-*тарарà*, потому что это была любимая и обыкновенная прибаутка его. Между прочимъ онъ прозвалъ престарѣлаго отца своего, когда и самъ былъ уже старъ: le père éternel.

А домъ Пашкова на Моховой? Не знаю, носилъ-ли онъ въ народѣ особую кличку, но дѣти прозвали его волшебнымъ замкомъ. На горѣ, отличающійся самобытною архитектурою, красивый и величавый, съ бельведеромъ, съ садомъ на улицу, а въ саду фонтаны, пруды, лебеди, павлины и заморскія птицы; по праздникамъ игралъ въ саду домашній оркестръ. Какъ бывало ни идешь мимо дома, такъ и прильнешь къ желѣзной рѣшеткѣ; глазѣешь и любуешься; и всегда рѣшетка унизана дѣтьми и простымъ народомъ.

То же въ старое время была въ Петербургѣ графиня Головкина. Ее прозвали *мигушей*, потому что она безпрестанно мигала и моргала глазами. Другаго имени въ обществѣ ей не было. Пріѣзжій иностранный посланникъ, наслышавшись этого имени и однажды имѣя нужду къ ней писать, преспокойно и прямо надписалъ письмо: à madame, madame la comtesse migoushe.

Тоже старина. Въ кавалергардскомъ полку (почему не говорится кавалергвардъ, какъ конногвардеецъ?) одного офицера прозвали *супъ*. Онъ былъ большой хлѣбосолъ и встрѣчнаго и поперечнаго приглашалъ de venir manger la soupe chez lui, то есть по-русски щей похлебать. Между тѣмъ онъ былъ очень щекотливъ, взыскателенъ, раздражителенъ. Бѣдовой онъ человѣкъ, съ приглашеніями своими, говаривалъ Денисъ Давыдовъ; такъ и слышишь въ приглашеніи его: покорнѣйше прошу васъ пожаловать ко мнѣ отобѣдать, а не то извольте драться со мною на шести шагахъ разстоянія. Этотъ оригиналъ и пригласитель съ пистолетомъ, приставленнымъ къ горлу, былъ впрочемъ образованный человѣкъ и пользовавшійся уваженіемъ. Около тридцатыхъ годовъ, онъ, изъ среды общества,

изъ среды семейства, со дня на день, пропалъ безъ вѣсти. Никто не зналъ, кажется, и нынѣ не знаетъ, куда дѣвался онъ, какъ кончилъ и покончилъ-ли съ жизнью своею. Объяснительной причины къ исчезновенію его также никто придумать не могъ.

Года два-три спустя, на дѣтскомъ балѣ замѣтилъ я малолѣтняго сына его, танцовавшаго съ маленькою дочкою отца, который года два предъ тѣмъ зарѣзался. Разумѣется, эта встрѣча была дѣло случая, и, вѣроятно, дѣти и не знали о злополучной участи родителей своихъ, но и въ самомъ случаѣ бываетъ иногда много трагическаго драматизма.

Умъ и талантъ не всегда близнецы, не всегда сросшіеся братья-Сіамцы. Напротивъ, они не рѣдко разрозненные члены. Умъ самъ по себѣ, талантъ самъ по себѣ. Такая разрозненность обыкновенно встрѣчается въ литературѣ: есть умъ, особенно въ поэзіи, въ стихотворствѣ, то-есть внутренность; но нѣтъ приличной и красивой оболочки, чтобы облечь сырую внутренность. Есть талантъ, то есть нарядная блестящая оболочка; но подъ нею нѣтъ никакого ядра, нѣтъ никакой сердцевины. Можно быть отличнымъ скрипачемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ ума весьма посредственнаго. Перо тотъ-же смычекъ.

Нѣкоторые, такъ называемые, свѣтскіе романы богаты блестящими и тонко обдѣланными принадлежностями. Комната красиво убрана, все въ ней разставлено въ изящномъ и щегольскомъ порядкѣ, много искусства и мастерства и вкуса въ разбросанныхъ здѣсь и тамъ издѣліяхъ, побрякушкахъ; есть и цѣнныя картины вдоль стѣнъ, есть и замѣчательныя произведенія ваянія. Одна бѣда: комната пуста. Читаешь романъ и все ждешь, чтобы въ комнату вошелъ хозяинъ, чтобы въ комнату вошла жизнь; но ни онъ, ни она не входятъ. Прекрасное женское платье, прекрасные женскіе наряды висятъ на вѣшалкѣ и лежатъ на туалетномъ столѣ. Такъ и ждешь, вотъ придетъ красавица и придастъ жизнь и значеніе этимъ блестящимъ прелестямъ. Она облечется ими; и она ими укра-

сится, и онѣ украсятся ею. Читаешь романъ, а все красавица не является.

Памятный Москвѣ оригиналъ, Василій Петровичъ Титовъ, ѣхалъ въ Хамовническія казармы къ князю Хованскому, начальствующему надъ войсками, расположенными въ Москвѣ. Ѣхалъ туда-же и въ то же время князь Долгоруковъ, не помню какъ звали его. Онъ нѣсколько разъ обгонялъ карету Титова. Наконецъ сей послѣдній, высунувшись въ окно, кричитъ ему: куда спѣшишь? Всѣ тамъ будемъ. Когда доѣхали до подъѣзда казармъ, князя Долгорукаго вытащили мертваго изъ кареты.

Около того времени умеръ въ Москвѣ Ст. Степан. Апраксинъ. Вотъ какія слухи ходили въ городѣ по поводу смерти его. Приближенные къ нему передавали, что онъ не одинъ разъ разсказывалъ бывшій съ нимъ въ молодости случай. Онъ былъ въ пріятельскихъ связяхъ, опять не упомню съ кѣмъ именно. По какимъ-то служебнымъ непріятностямъ, этотъ пріятель вынужденъ былъ выдти изъ военной службы. Онъ поселился въ Москвѣ. Это было въ царствованіе Екатерины II и, кажется, во время управленія Москвою князя Прозоровскаго. Увольненіе отъ службы дѣлало положеніе его въ Москвѣ нѣсколько сомнительнымъ. Онъ умираетъ. По распоряженію градоначальника, отмѣняются военныя почести, обыкновенно оказываемыя при погребеніи бывшаго военнаго лица. Апраксину показался такой отказъ неблаговиднымъ и несправедливымъ. Онъ тогда командовалъ полкомъ въ Москвѣ и прямо отъ себя и, такъ сказать, частнымъ образомъ воздалъ покойнику подобающія ему почести. Въ ночь, слѣдующую за погребеньемъ, является ему умершій, благодаритъ его за дружескій и благородный поступокъ и исчезаетъ, говоря ему: до свиданія. Гораздо позднѣе вторично является онъ ему, и въ этотъ разъ, сказалъ онъ: „Теперь приду къ тебѣ, когда мнѣ суждено будетъ увѣдомить тебя, что ты долженъ готовиться къ смерти“. Прошли многіе годы. Апраксинъ успѣлъ устарѣть. Вѣроятно онъ болѣе не думалъ о являвшемся ему привидѣніи; по крайней мѣрѣ, изгладились первыя впечатлѣнія. Ничего мрачнаго и напуганнаго въ немъ не замѣчалось. Напро-

тивъ, онъ пользовался и наслаждался жизнью, любилъ свѣтскія развлеченія и самъ въ теченіи многихъ лѣтъ угощалъ Москву разными увеселеніями и празднествами: зимою въ городскомъ домѣ, лѣтомъ въ подмосковной. Наконецъ онъ легко занемогаетъ; ни докторъ его, ни домашніе не обращаютъ особеннаго вниманія на легкую простуду. Но онъ самъ, впрочемъ нрава немнительнаго, озабоченъ нездоровьемъ своимъ, часто задумчивъ и мраченъ. Нѣсколько дней спустя, онъ, къ удивленію врача своего, почти безъ видимой болѣзни и причины, угасаетъ. Эту неожиданную смерть объясняли третьимъ видѣніемъ, или сновидѣніемъ, котораго былъ онъ жертвою.

По кончинѣ Апраксина Москва уже не видала подобнаго барскаго и гостепріимнаго дома.

Чтобы дать понятіе о широкомъ размѣрѣ хлѣбосольства его, скажемъ, что вскорѣ послѣ возрожденія Москвы онъ, не помню по какому случаю, далъ въ одинъ и тотъ же день обѣдъ въ залѣ Благороднаго Собранія на стопятьдесятъ человѣкъ, а вечеромъ въ домѣ своемъ балъ и ужинъ на пятьсотъ. Это что-то Гомерическое, или просто бѣлокаменное, Московское. Впрочемъ, не слыхать было, чтобы хозяйство и дѣла его были разстроены вслѣдствіе подобныхъ Балтазарскихъ пиршествъ. Но не одними плотоядными пиршествами отличался этотъ Московскій барски-увеселительный домъ. Болѣе возвышенныя и утонченныя развлеченія и празднества также не были забыты. Бывали въ немъ литтературные вечера и чтенія, концерты, такъ называемые благородные или любительскіе спектакли. Въ городскомъ домѣ была обширная театральная зала. Въ числѣ близкихъ Апраксину пріятелей назовемъ Ѳед. Ѳед. Кокошкина, кажется, нѣсколько и родственника ему, и Алексѣя Михайловича Пушкина. Это были два соперника-impresario. Первый завѣдывалъ Русскою сценою, другой Французскою. Оба и сами были отличные актеры, каждый въ своемъ родѣ. Но преимущество было, разумѣется, на сторонѣ послѣдняго, именно отъ того, что онъ игралъ по-французски, могъ пользоваться разнообразнымъ выборомъ въ богатой сценической литературѣ; другой же долженъ былъ долго искать въ очень скудной драматической библіотекѣ и рѣдко могъ что найдти. Нашъ театръ держится вообще переводами и подражаніями, подъ какою то фабричною передѣлкою *на Русскіе*

нравы. И обыкновенно выходитъ, что нравы перестали быть Французскими, но въ Русскую плоть не облеклись. Старыя наши комедіи, какъ напримѣръ Недоросль Фонъ-Визина или Хвастунъ Княжнина, слишкомъ устарѣли по формѣ и пріемамъ своимъ для нашей публики. За неимѣніемъ комедій, Кокошкинъ любилъ обуваться въ трагическій котурнъ. Онъ хорошо зналъ театръ, изучилъ сценическое искусство; но наружность и средства его были не трагическія. Нельзя было сказать о немъ: qu'il avait le physique de son emploi. Именно физика измѣняла ему. Онъ былъ малаго роста, лицемъ очень некрасивъ. Ничего героическаго и энергическаго въ немъ не было. Трагическій шлемъ вовсе не былъ къ лицу ему; вязаное нижнее платье, тѣлеснаго цвѣта, также было не кстати. Голосомъ владѣлъ онъ довольно хорошо, стихъ произносилъ толково и правильно; но въ голосѣ было что-то слишкомъ зычное и напыщенное, что́ часто встрѣчается на театрѣ нашемъ. Роль свою понималъ онъ хорошо. Вообще былъ онъ актеръ не безъ дарованія, классикъ по убѣжденію и до мозга костей своихъ: онъ держался старинныхъ сценическихъ преданій и обычаевъ, до суевѣрія, до язычества. Но самъ-то на сценѣ никакъ быть не могъ классическимъ героемъ.

Помню въ домѣ Апраксина представленіе трагедіи Вольтера, *Альзира*, въ старинномъ переводѣ Карабанова, впрочемъ, довольно близкомъ и не́ лишенномъ достоинства. Тутъ подвизались Кокошкинъ, двоюродный братъ его, тоже Кокошкинъ съ женою своею и поэтъ Ивановъ. Если Θед. Θед. былъ довольно сухощавъ, то два другіе дородствомъ своимъ занимали на сценѣ достаточно видное мѣсто. Это представленіе имѣло, разумѣется, свою восторженную и до ломанія рукъ хлопающую публику. И тогда уже были патріотическіе театралы, почитавшіе почти государственною измѣною болѣе любить хорошее драматическое представленіе Французское, нежели плохое отечественное. Но и тутъ въ числѣ зрителей были, хотя и въ меньшинствѣ, нѣкоторые изъ такихъ государственныхъ преступниковъ и неблагодарныхъ сыновъ Россіи: они изподтишка улыбались, глядя на трагическія усилія усердныхъ лицедѣевъ. Вас. Львов. Пушкинъ былъ въ числѣ такихъ злоумышленниковъ. По до-

брымъ свойствамъ своимъ, не очень задирчивый въ эпиграмахъ, онъ, выходя изъ театра, сказалъ довольно забавно:

Гусмана видѣлъ я, Альзиру и Замора.
Умора!

Былъ еще памятный спектакль въ лѣтописяхъ Апраксинскаго театра. Разыгрывали Цивильскаго Цырюльника. А. М. Пушкинъ былъ учредителемъ и дѣйствующимъ лицемъ представленія. Онъ тоже былъ большой любитель и большой знатокъ сценическаго искусства. На театральныхъ подмосткахъ былъ онъ какъ въ комнатѣ, какъ дома. Вообще онъ не легко смущался и никогда не рисовался. Публика для него не существовала. Онъ игралъ роль свою, какъ чувствовалъ и какъ понималъ ее, и всегда чувствовалъ и понималъ ее вѣрно: выражался непринужденно. Игра въ лицѣ его была мимическая и внѣ сцены. Разумѣется, въ комедіи Бомарше, по всѣмъ правамъ, принадлежала ему роль Фигаро. Никогда Французскій авторъ не могъ придумать себѣ лучшаго Фигаро и лучшей Розины, какъ тѣхъ, которые дала ему Москва. Молодая дѣвица Шишкина (впослѣдствіи г-жа Гедеонова) была прелестная Розина. Собою миловидная, красивая, она, игрою натуральною и смышленою, милою смѣсью дѣвической простоты и дѣвичьяго лукавства, совершенно вѣрно и превосходно выразила созданіе, вымышленное Бомарше. Къ тому-же была она отличная пѣвица: голосъ свѣжій, чистый, свѣтлый, звонкій. Вставленныя въ комедію аріи, пропѣтыя ею, довершили торжество ея. Домъ Апраксина (который, впослѣдствіи, кажется, былъ домомъ призрѣнія сиротъ, оставшихся послѣ родителей умершихъ отъ холеры — вотъ какъ судьба распоряжается, не только людьми, но и домами!) былъ предназначенъ быть храмомъ искусства. Много лѣтъ играли на его театрѣ императорскіе актеры и опера Итальянская, выписанная и учрежденная также при содѣйствіи Апраксина.

Тузы, которые въ Москвѣ *живали и умирали*, право, были не липніе: каждый городъ могъ бы пожелать имѣть ихъ въ своей игрѣ.

Подмосковная *Льгово* была достойною пристройкою къ городскому дому, и тутъ посѣтители слѣдовали за посѣтителями, праздники за праздниками, спектакли за спектаклями. Въ послѣднемъ отношеніи не довольствовались легкими комедіями и водевилями:

изъ стараго Французскаго репертуара выбирали комедіи пятиактныя и перваго разряда; напримѣръ: La Coquette Corrigée. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, Пушкинъ явился маркизомъ самаго Версальскаго чекана; въ другой піесѣ настоящимъ Французскимъ слугой, наглымъ и плутоватымъ; а подъ конецъ Русскимъ старостою. Въ деревенской картинѣ, запросто написанной, пѣли куплеты въ честь хозяйкѣ, то есть Екатеринѣ Владиміровнѣ, которую, за нѣсколько строгую красоту ея, прозвали въ Парижѣ: la Vénus en courroux. На долю Пушкина палъ слѣдующій куплетъ:

Былъ я щеголемъ Французскимъ,
Былъ обманщикомъ слугой,
Я теперь красавцемъ Русскимъ,
При усахъ и съ бородой.
Малой я во всемъ послушной
И съ другими на подхватъ,
Для хозяйки добродушной,
Я въ огонь и въ воду радъ.

Предъ самымъ спектаклемъ, пріѣхалъ изъ Петербурга князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Голицынъ. Сейчасъ завербовали и его, и онъ пропѣлъ куплетъ тутъ же написанный. Для незнавшихъ его нужно замѣтить, что онъ былъ очень толстъ.

Изъ Санктъ-Питера на праздникъ,
Я нарочно прилетѣлъ.
Балагуръ я и проказникъ,
И пострѣлъ вездѣ поспѣлъ.
Оцѣнить меня глазами,
Я кажусь пудовикомъ;
Но попраздновать съ друзьями
Нетяжелъ я на подъёмъ.

ШАРАДЫ.—КНЯЗЬ И. М. ДОЛГОРУКОВЪ.—ОТЗЫВЪ БАТЮШКОВА О СТИХАХЪ СВОИХЪ.

Вотъ еще нѣкоторыя упражненія подмосковнаго деревенскаго общества, во время холеры.

Шарады.

1.

Читатель доброй мой, охотникъ до новинки,
Раздѣлишь-ли меня ты на двѣ половинки,
Вотъ что во мнѣ найдешь, когда догадка есть:
Одна—есть Божій даръ; ему хвала и честь!

Душистъ онъ и душа обѣда, вечеринки,
Годится для крестинъ, для свадьбы, на поминки;
Онъ освѣжаетъ умъ и сердце веселитъ.
Другая—тѣло въ насъ отъ холода хранитъ.
А, если скажешь ты: шарада плоховата!
Она тебѣ въ отвѣтъ: какъ быть? Я виновата.

2.

Извѣстно, климатъ нашъ большихъ похвалъ не стóитъ.
Здѣсь слогу *первому второй* онъ часто строитъ.
А цѣлое мое: поэтъ и весельчакъ.
Теперь забвеніе, въ гробу, его покоитъ,
Но въ старину и онъ былъ славенъ кое-какъ.
Онъ насъ въ кулачный бой заводитъ и въ кабакъ,
И боекъ стихъ его, и много въ немъ размаху;
Живописуетъ намъ онъ красную рубаху
И православный нашъ кулакъ.

3.

Есть шаръ земной; но есть, быть можетъ, шаръ и ада,
Какъ-бы то ни было, а все таки шарада.

4.

Возьмите Турку вы, возьмите Нѣмца вы,
И каждому изъ нихъ по трубкѣ въ ротъ воткните;
Потомъ тѣ два лица̀ въ одно лицо сложите,
И выльется Русакъ отъ ногъ до головы.

5.

Во мнѣ вы встрѣтите Чухонца и Француза;
И, если Русская трагическая Муза
Не совершенно вамъ чужда,
Вы мой и весь составъ найдете безъ труда

6.

Загадка.

Напоминаю вамъ я пѣсни Оссіана,
Страну и зимнихъ вьюгъ, и бардовъ, и тумана.
Приставьте букву мнѣ у самой головы,
Быть можетъ, ключницу свою найдете вы.
Вамъ мало-ли того? Свой узелъ вновь затянемъ
И въ географію Россійскую заглянемъ.
Вотъ здѣсь: не то село, не то что городокъ,
А такъ ни то ни её, заштатный уголокъ.
Не нравится онъ вамъ?—По щучьему велѣнью
И почеркомъ пера, во слѣдъ воображенью,
На Югъ, роскошный Югъ стремглавъ перелетимъ.
Вотъ, славная рѣка, съ преданьемъ вѣковымъ;
Вотъ царство розъ, и здѣсь ихъ вѣчно свѣжъ румянецъ;

Душисто здѣсь цвѣтутъ лимонъ и померанецъ,
Неувядаемой здѣсь блещетъ красотой
Земля цвѣтущая подъ твердью голубой;
Здѣсь круглый годъ веснѣ и солнцу новоселье.
Вотъ городъ, южнаго поморья ожерелье!
Но, можетъ быть, хотите заглянуть
Въ вѣка минувшіе? Я вамъ открою путь.
Изъ всѣхъ частей теперь разбросанныхъ предъ вами
Составьте вы лицо одно:
Мужское-ль, женское-ль? Вы разгадайте сами.
Да, вамъ и разгадать, я чай, немудрено.
Въ немъ видѣнъ крѣпкій умъ и пылъ любви свободной,
Оно съ лица земли сошло давнымъ давно;
Но въ Русскихъ хартіяхъ еще живетъ оно,
Живетъ и въ памяти народной.

7.

Гордится дѣвушка, что съ головы до ногъ
Мой первый слогъ ее на первый балъ одѣлъ;
Полякъ гордится тѣмъ, что онъ второй мой слогъ;
Голландецъ тѣмъ, что я въ саду его разцвѣлъ.

Если Державинъ Русскій Горацій, какъ его часто называютъ, то князь И. М. Долгоруковъ, въ такомъ же значеніи, не есть-ли Русскій Державинъ? Въ Державинѣ есть мѣстами что-то Гораціянское; въ Долгоруковомъ есть что-то Державинское. Все это, слѣдуя по нисходящей линіи. Державинъ кое-гдѣ и кое-какъ *обрусилъ* Горація. Долгорукову удавалось *еще обрусить*, или *перерусить* Русскаго Державина, опопуляризировать его. Державинъ не вездѣ и не всегда каждому Русскому въ пору. Долгорукова каждый пойметъ. Не знаю въ точности почему, а можетъ быть, просто и ошибаюсь, но читая Долгорукова, я невольно припоминалъ Державина: разумѣется не того, который паритъ, а того, который легко и счастливо скользитъ по землѣ и мѣтко дотрогивается до всего житейскаго. Впрочемъ, не думаю, чтобы Долгоруковъ именно и умышленно подражалъ Державину. Онъ не искалъ его, а просто сходился съ нимъ на нѣкоторыхъ проселкахъ. По большимъ дорогамъ поэзіи онъ не пускался. Въ томъ и другомъ много житейской философіи: въ Долгоруковѣ болѣе потому, что онъ не увлекался въ сторону и на высоты. Въ томъ и другомъ есть поэзія личная, такъ сказать, автобіографическая; но въ Долгоруковѣ даже ея болѣе не-

жели у Державина; она, можетъ быть, даже живѣе и разнообразнѣе. Онъ болѣе держится около себя, менѣе обращая вниманія на событія, а болѣе на впечатлѣнія и ощущенія свои. Какъ ни своенравенъ пѣвецъ Фелицы, какъ ни далекъ онъ отъ такъ называемой классической поэзіи, но все же подмѣчаются въ немъ нѣкоторые классическіе пріемы. Видно, что и ему хочется быть академикомъ и показать, что онъ чему нибудь учился. Въ другомъ никакъ не отыщешь этихъ изволеній, этихъ притязаній. Читая его, нельзя не убѣдиться, что въ поэтахъ онъ болѣе охотникъ, чѣмъ присяжный и отвѣтственный поэтъ. Онъ писалъ стихами потому, что такъ пришлось, потому, что риѳмы довольно легко и послушно ложились подъ перо его. Еще — и здѣсь отдѣляется онъ отъ Державина — бывалъ онъ поэтомъ, когда бывалъ влюбленъ; а влюбленъ бывалъ онъ очень часто. Это раскрываетъ онъ намъ въ первомъ выпускѣ стиховъ своихъ: *Бытіе сердца моего*. Это *бытіе* раздѣляется на многія, маленькія отдѣленія. Могъ бы онъ назвать книгу свою: Лѣтописью о сердечныхъ мятежахъ. Но междуцарствія въ сердцѣ его не бывало; только часто смѣнялись цари, то есть царицы. Кто-же изъ влюбленныхъ не бывалъ въ свой часъ поэтомъ? Не у каждаго выливались стихи на бумагу, но поэтическая нота, хотя и глухо, а звучала въ груди каждаго. И каждый могъ сказать:

Auch ich bin in Arkadien geboren.

А Долгоруковъ не только родился въ этой Аркадіи, но исходилъ ее изъ края въ край, вдоль и поперекъ и постучался у каждаго женскаго сердца. Онъ влюбчивый поэтъ. Онъ поэтъ-сердечкинъ, но не въ родѣ князя Шаликова. Въ немъ была искренность, была нерѣдко глубина чувства. Вотъ начало одной пѣсни его:

Безъ тебя, моя Глафира,
Безъ тебя, какъ безъ души,
Никакія царства міра
Для меня не хороши.

Разумѣется, это не изъ лучшихъ стиховъ его. Здѣсь ничего нѣтъ особеннаго; ничего нѣтъ художественнаго ни въ выраженіи, ни въ отдѣлкѣ, ни въ фактурѣ стиха; но есть замѣчательное движеніе въ приступѣ. Это невольное, сердечное восклицаніе. Такъ и слышится, что оно вырвалось изъ груди и высказано прежде, чѣмъ

было оно написано. Опять можетъ быть, ошибаюсь, и обманываютъ меня первоначальныя впечатлѣнія мои; но эти четыре стиха какъ-то особенно пріятно и нѣжно звучатъ въ памяти моей.

Умъ поэта нашего былъ преимущественно Русскаго склада. Этимъ складомъ и выразилъ онъ себя. Русскія поговорки такъ имъ и расточаются и почти всегда съ толкомъ и удачно. Онъ вовсе не ищетъ блеснуть мужиковатостью своею; онъ употребляетъ простонародную поговорку потому, что она сподручна мысли его. Этотъ Русскій складъ, съ поговорками или безъ поговорокъ, особенно замѣтенъ въ немъ, Державинѣ и въ Крыловѣ. Въ Пушкинѣ болѣе обозначалась народность историческая; въ тѣхъ трехъ—народность житейская. Немного парадоксируя, Пушкинъ говаривалъ, что Русскому языку слѣдуетъ учиться у просвиренъ и у лабазниковъ; но, кажется, самъ онъ мало прислушивался къ нимъ и въ рѣчи своей рѣдко простонародничалъ. Странное дѣло, и нельзя кстати здѣсь не замѣтить: рожденіемъ простолюдинъ и Холмогорецъ, Ломоносовъ, едва-ли изъ нашихъ писателей не наименѣе Русскій въ томъ значеніи, которое присвоиваемъ опредѣленію нашему. Даже Сумароковъ, который изо всей мочи подражалъ Французамъ и выдавалъ себя за прямаго питомца Расина и Вольтера, имѣлъ въ жилахъ своихъ болѣе Русской крови: онъ болѣе глядитъ Русскимъ, нежели Ломоносовъ. Этотъ Нѣмцевъ ненавидѣлъ, но умъ свой одѣлъ въ Нѣмецкое платье.

Въ Долгоруковѣ, можетъ быть, отыщешь еще болѣе кореннаго Русскаго языка, всѣмъ общедоступнаго, болѣе *руссицизма*, нежели у самаго Крылова. Но у Крылова эти *руссицизмы* очищеннѣе и въ самой простотѣ своей художественнѣе. Отъ Долгорукова художества не жди: онъ не родился художникомъ, художникомъ и не сдѣлался. Ему некогда было воспитывать дарованіе свое. Онъ самъ вамъ говоритъ:

Угоденъ, пусть меня читаютъ;
Противенъ, пусть въ огонь бросаютъ:
Трубы похвальной не ищу.

И это въ немъ не уловка смиренія. У него была своя публика, разукрашенная разными Глафирами, Парашами, Людмилами, Раидами и многими другими, которыя, всѣ вмѣстѣ и каждая въ свою

очередь, одаряли поэта вдохновеніемъ. Въ предисловіи къ третьему изданію сочиненій своихъ онъ прямо говоритъ: „Первое изданіе моихъ стиховъ, вышедшее въ 1802 году и второе въ 1808-мъ, были посвящены женскому полу“. И чистосердечно, и похвально! Критикѣ нечего тутъ совать свой носъ и перо свое. Это не по ея части.

Любопытно также и то, что́, въ предисловіи своемъ, говоритъ онъ о новомъ изданіи сочиненій своихъ. „Я очень мало поправлялъ мои стихотворенія, и въ 3-мъ изданіи также много стараго вздору оставилъ, какъ и въ прежнихъ двухъ, да еще и много новаго прибавилъ: потому что я въ стихахъ моихъ хотѣлъ сохранить всѣ оттѣнки чувствъ своихъ, видѣть въ нихъ, какъ на картинѣ, всю исторію моего сердца, его волненія, перемѣну въ образѣ мыслей“. „Я ни одной бездѣлки, ни одного стиха не вымаралъ, потому что всякой напоминаетъ мнѣ какое-либо происшествіе, или мысль, или чувство, которое на меня дѣйствовало тогда и тогда“.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ изданныхъ четырехъ частяхъ Долгорукова не все изящный товаръ, а довольно есть и балласта. Читатели, конечно, не могутъ раздѣлить съ авторомъ пріятное чувство собственности, съ которымъ онъ, такъ сказать, любуется каждымъ стихомъ, напоминающимъ ему день, часъ, минуту протекшей жизни его. Но мы можемъ выбирать изъ жизни и сочиненій его то, въ чемъ способны сочувствовать ему, то что́ не исключительно личное и для насъ постороннее: съ нимъ во многомъ можно не только встрѣтиться, но и сойтись. Во всякомъ случаѣ, полагаемъ, что́ сокращенное, выборное, дешевое изданіе Долгорукова могло-бы найти читателей и сочувствіе между грамотными простолюдинами нашими. Простонародная литература наша очень бѣдна. Даже басни Крылова не совершенно общедоступное чтеніе. Не думаю, чтобы басня могла встрѣтить большой успѣхъ въ простомъ народѣ. Онъ такъ сжился, свыкся съ животною и прозябаемою натурою, что мудрено увлекаться ему художественнымъ воспроизведеніемъ этой натуры. Онъ знаетъ, что дубъ, заяцъ, лошадь не говорятъ, и не станетъ слушать ихъ рѣчей, когда со стороны заставятъ ихъ говорить. Воображеніе этихъ людей мало развито, мало изощрено. Имъ нужны не иносказанія, а сказанія простыя, живыя, слѣдова-

тельно дѣйствительныя. Міръ басни заманчивъ и хорошъ для насъ, разрозненныхъ съ натурою. За отсутствіемъ настоящей, мы любуемся очерками ея въ художественныхъ картинахъ; насъ плѣняетъ простота въ хорошей баснѣ потому, что въ насъ самихъ простоты уже нѣтъ; попавъ нечаянно въ деревню, мы лакомимся ломтемъ оржанаго хлѣба и крынкою свѣжаго молока, потому что въ городѣ пресытились бѣлымъ хлѣбомъ и разными пряными приправами.

Вотъ разговорился я о Долгоруковомъ, какъ покойникъ о покойникѣ. Но для кого разговорился я? Кто знаетъ Долгорукова? Кто читаетъ его? Кому до него теперь дѣло? Правда, Пушкинъ еще зналъ наизустъ нѣсколько десятковъ стиховъ его; но едва ли и Пушкинъ не смотритъ покойникомъ. Пока еще хорошо бальзамированнымъ покойникомъ, почетнымъ. Все это такъ, но все-же за живого выдавать его нельзя. Посмотрите на живыхъ: они совсѣмъ другіе!

Вотъ видите-ли, я думаю, въ чемъ дѣло и отъ чего на Долгорукова нѣтъ нынѣ потребителей. Въ немъ вовсе нѣтъ *гражданскихъ мотивовъ*, скажутъ многіе. Не знаю, есть-ли такіе мотивы въ немъ и какъ-то худо понимаю сродство гражданскихъ мотивовъ съ поэзіею. Поэзія сама по себѣ, гражданство само по себѣ. На это есть у васъ журналы, газеты. Неужели мало съ васъ? Но за неимѣніемъ гражданскихъ, въ Долгоруковѣ встрѣчаются человѣческіе мотивы. Въ нихъ звучитъ своя грудная, а не головная нота; напѣвы здѣсь не поддѣльные, не напускные; здѣсь слышится отголосокъ теплаго, любящаго чувства. Въ поэзіи нѣтъ ничего суше, противнѣе тенденціозности политической, соціальной, обличительно-полицейской, уголовно-карательной. Неужели весело вамъ видѣть рабочій вопросъ въ стихахъ? Долгорукова нельзя читать, языкъ его такъ устарѣлъ, говорятъ другіе. — Нѣтъ, устарѣлъ не языкъ: языки не старѣютъ. Старѣютъ, то есть видоизмѣняются, нѣкоторыя формы языка, выраженія, пріемы и оттѣнки, иногда къ лучшему, иногда къ худшему. Нынѣшнія формы естественнѣе, свободнѣе, развязнѣе, изящнѣе. Стихъ Жуковскаго и Пушкина побѣдилъ старый стихъ. Это неоспоримо. Но никого и не принуждаютъ держаться стараго почерка, когда усовершенствованная каллиграфія ввела новые образцы. Изъ того не слѣдуетъ, что не надобно читать и хо-

рошее, когда писано оно старымъ почеркомъ, почеркомъ своего времени. Милости просимъ, пишите Пушкинскими стихами, если кто изъ васъ умѣетъ ими писать; но, что мы такіе за деспотическіе щеголи, что не только сами носимъ платье по самому новѣйшему покрою и повязываемъ шейный платокъ такимъ узломъ, что старинѣ и присниться-бы онъ не могъ, но не пускаемъ на глаза свои и несчастныхъ стариковъ, которые не одѣты, не приглажены и не причесаны какъ мы?

Это напоминаетъ гробовщика, который объявлялъ въ газетахъ, что онъ для желающихъ изготовляетъ гроба въ новѣйшемъ вкусѣ и совершенно новаго фасона.

Болѣзнь Батюшкова уже начинала развиваться. Онъ тогда жилъ въ Петербургѣ, лѣтомъ. на дачѣ близь Карповки. Пріѣзжій пріятель его, давно съ нимъ не видавшійся, посѣтилъ его. Онъ ему обрадовался и оказалъ ему ласковый и нѣжный пріемъ. Но вскорѣ болѣзненное и мрачное настроеніе пересилило минутное свѣтлое впечатлѣніе. Желая отвлечь его и пробудить, пріятель обратилъ разговоръ на поэзію и спросилъ его, не написалъ ли онъ чего новаго? „Что писать мнѣ и что говорить о стихахъ моихъ! отвѣчалъ онъ; я похожъ на человѣка, который не дошелъ до цѣли своей, а несъ онъ на головѣ красивый сосудъ, чѣмъ-то наполненный. Сосудъ сорвался съ головы, упалъ и разбился въ дребезги. Поди, узнай теперь, что въ немъ было!“

Пушкинъ (А. С.) отыскалъ въ какой-то старой книгѣ разсказъ Французскаго путешественника о Русской банѣ. Французу захотѣлось попробовать ее, и отдался онъ любознательно и покорно въ руки баньщику. Тотъ и угостилъ его. Подробно описываетъ путешественникъ всѣ мытарства, чрезъ которыя прошелъ и кончаетъ этими словами: „Жара такая нестерпимая, что даже, когда обвѣваютъ тебя березовыми вѣтками, то никакой свѣжести не ощущаешь, а кажется, напротивъ, бываетъ еще жарче“. Несчастнаго парили на полкѣ горячими вѣниками, а онъ принималъ ихъ за освѣжительныя опахала.

Хорошъ и другой путешественникъ! Видѣлъ онъ, что зимою грѣться кучерамъ зажигаютъ огни на театральной площади, а кажется, бывало и предъ дворцомъ, во время вечернихъ съѣздовъ. Вотъ и записываетъ онъ въ свои путевыя записки: „Стужа зимою въ Петербургѣ бываетъ такъ велика, что попечительное городское управленіе пробуетъ отапливать улицы; но это ничему не помогаетъ: топка нисколько не согрѣваетъ воздуха“.

За границею изъ двадцати человѣкъ, узнавшихъ, что вы Русскій, пятнадцать спросятъ васъ, правда ли, что въ Россіи замораживаютъ себѣ носы? Дальше этого любознательность ихъ не идетъ.

N. N. увѣрялъ одного изъ подобныхъ вопросителей, что въ сильные морозы отъ колесъ подъ каретою по снѣгу происходитъ скрипъ и что ловкіе кучера такъ повертываютъ каретою, чтобы наигрывать или наскрипывать мелодіи изъ разныхъ народныхъ пѣсней.—Это должно быть очень забавно, замѣтилъ тотъ, выпуча удивленные глаза.

Тютчевъ утверждаетъ, что единственная заповѣдь, которой Французы крѣпко держатся, есть третья: „не пріемли имени Господа Бога твоего всуе“. Для большей вѣрности, они вовсе не произносятъ его.

N. N. говоритъ, что онъ не можетъ признать себя совершенно безупречнымъ относительно всѣхъ заповѣдей, но по крайней мѣрѣ соблюдалъ нѣкоторыя изъ нихъ; напримѣръ: никогда не желалъ дома ближняго своего, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота; а изъ прочей собственности его дѣло бывало всяческое, смотря по обстоятельствамъ.

Спрашивали стараго Француза, что дѣлалъ онъ въ Парижѣ, во время такъ-называемаго *царствованія террора* (1793—1794).

J'ai vécu, отвѣчалъ онъ. Въ глубокой старости, на вопросъ, что подѣлываешь? можно также отвѣчать: *живу*. Старость, пожалуй, и не совершенно эпоха *террора*, но еще менѣе того золотой вѣкъ и медовой мѣсяцъ жизни. Ложка меду давно проглочена: остается бочка дегтю, который приходится глотать.

Въ провинціи, лѣтъ сорокъ тому, если не болѣе, женѣ откупщика прислана была въ подарокъ изъ Петербурга разная мебель. Между прочимъ было и такое издѣліе,—а какое?—Да такое, которое, также уже очень давно, одинъ изъ Московскихъ полицмейстеровъ, на описи у кого-то движимаго имущества, велѣлъ, по недоумѣнію на что послужить оно можетъ, писарю наименовать: скрипичный футляръ о четырехъ ножкахъ. Но откупщица на скрипкѣ не играла и не могла даже и такимъ образомъ изъяснить эту диковинку. Наконецъ придумала она, что фаянсовая лахань, заключающаяся въ этой диковинкѣ, должна служить на поданіе рыбы за столомъ. Такъ и было сдѣлано. На имянинномъ обѣдѣ разварная стерлядь явилась въ такомъ помѣщеніи. Это не выдумка, а разсказано мнѣ полковникомъ, который съ полкомъ своимъ стоялъ въ этомъ городѣ и былъ на обѣдѣ.

Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ могъ быть чѣмъ хотите, но уже отнюдь не Славянофиломъ. Впрочемъ, при немъ славянофильства ни въ поминѣ, ни въ виду еще не было. Славянофильство Шишкова было своего рода славянофильство кабинетное, литературное, а еще болѣе голословное, корнесловное, буквальное. Онъ въ міръ историческій, гражданскій и политическій не заглядывалъ. Тогда политическая литература сосредоточивалась въ одной галлофобіи. Французовъ ненавидѣли, и только Ростопчинъ съ краснаго крыльца (гораздо ранѣе 12-го года), Шишковъ въ своихъ полемическихъ статьяхъ, Сергѣй Глинка въ своемъ Русскомъ Вѣстникѣ были проповѣдателями и апостолами этой священной вражды. А жаль, что Пушкинъ не дожилъ до рожденія ценакла молодыхъ Славянофиловъ въ Москвѣ. Любопытно и забавно было бы посмотрѣть на сшибки

его съ Хомяковымъ и Кирѣевскимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и онъ не чуждался бы ихъ, ни они не чуждались бы его. Вѣроятно, пренія эти кончались бы остроумною шуткою Хомякова, или нѣсколько циническою шуткою Пушкина: бойцы миролюбиво расходились бы до новаго боя, при дружескомъ и громкомъ хохотѣ самихъ состязателей и зрителей этого побоища. Пушкинъ не могъ быть приверженцемъ ни кваснаго, ни всякаго другаго пересоленаго патріотизма: Французскій умъ его, и Французскій желудокъ не способны были переваривать ихъ. При каждой выходкѣ немного старорусской или саморусской, его коробило. Тогда, нагибая, по обыкновенію своему, голову на лѣвую сторону до плеча, онъ вскрикивалъ: „Ахъ! вы блондосы! блондосы!“ Блондосы было у него выраженіе, равносильное слову Бухарцы, что, по понятію его, равнялось бы съ нынѣшнимъ значеніемъ Славянофилы. Блондасъ, blond, бѣловолосый, бѣлобрысый, чуть-ли не Эскимосъ, не Альбиносъ. Все это сливалось у него въ одно забавное и укорительное выраженіе.

Какъ есть умъ и умничанье: такъ есть либерализмъ и либеральничанье. Дай намъ Богъ поболѣе ума и поменѣе либеральничанья.

Гдѣ-то прочелъ я:

Скажи, какъ могъ попасть ты въ либералы?
— Да такъ пришлось: судьбы не побѣдить.
Нѣтъ ни гроша, къ тому-жъ и чинъ мой малый:
Такъ чѣмъ-же вы прикажете мнѣ быть?

Одинъ пріятель мой, докторъ, говоритъ про зятя своего: „Онъ такъ плохо учился и вообще такъ плохъ, что я всегда совѣтую ему сдѣлаться гомеопатомъ“.

Т*** говоритъ про начальника своего Б***: „Я такъ увѣренъ, что онъ говоритъ противное тому, что́ думаетъ, что когда скажетъ мнѣ: садитесь, я сейчасъ за шляпу и ухожу“.

Александръ Булгаковъ разсказывалъ, что въ молодости, когда онъ служилъ въ Неаполѣ, одинъ Англичанинъ спросилъ его: есть-ли глупые люди въ Россіи? — Нѣсколько озадаченный такимъ вопросомъ, онъ отвѣчалъ: Вѣроятно есть, и не менѣе, полагаю, нежели въ Англіи.—Не въ томъ дѣло, возразилъ Англичанинъ. Вы меня, кажется не поняли; а мнѣ хотѣлось узнать, почему правительство ваше употребляетъ на службу чужеземныхъ глупцовъ, когда имѣетъ своихъ?

Вопросъ, во всякомъ случаѣ, не лестный для того, кто занималъ посланническое мѣсто въ Неаполѣ.

Когда М*** говоритъ о томъ, что быть бы могло, когда онъ фантазируетъ и романизируетъ, у него нѣтъ и тѣни воображенія. Воображеніе его пробуждается только тогда, когда онъ заговоритъ о томъ, что было и что есть. Тутъ вымыслы такъ и вспыхиваютъ, такъ и разсыпаются разноцвѣтными звѣздами и блестками. Со всемъ тѣмъ, лжецомъ назвать его нельзя, хотя и лжетъ онъ безмилосердно, но безсознательно. Онъ просто сухой романистъ и мечтательный лѣтописецъ.

Лермонтовъ сказалъ:

Люблю отчизну я, но странною любовью,

и свою любовь выразилъ въ милой и свѣжей картинѣ. Но есть у насъ и такіе любители или любовники, изъ которыхъ каждый, въ минуту чистосердечія, могъ бы сказать:

Россію я люблю, но странною любовью;
Все хочется сильнѣй мнѣ обругать ее.

И это, можетъ быть, своего рода патріотизмъ. Но любовь эта уже черезъ чуръ героическая. Мы очень любимъ бичевать себя. Дѣло хорошее видѣть ошибки и погрѣшности свои: покаяніе—дѣло похвальное. Но не надобно забывать при томъ пословицу про того, который лобъ себѣ расшибетъ, если заставить его Богу молиться. Во всемъ нужна мѣра. Многіе любятъ Россію не такою, какова она есть, а такою, которою хотѣлось-бы имъ, чтобы она была. То есть, любовникъ влюбленъ въ красавицу, но сердится, что она бѣ-

локура и что у нея голубые глаза, а что она не черноволосая и не черноокая и каждый день преслѣдуетъ ее за то, что она такою родилась.

Хомяковъ, безъ сомнѣнія, любилъ Россію чистою, возвышенною и просвѣщенною любовью; но и онъ, однажды, въ лирическомъ увлеченіи, черезъ-чуръ понатужилъ ноту и вышелъ изъ надлежащаго діапазона, когда говорилъ Россіи, что она

„Безбожной лести, лжи тлетворной
И всякой мерзости полна“.

Послѣдній стихъ рѣшительно неумѣстный и лишній. Такимъ укорительнымъ и грознымъ языкомъ могли говорить боговдохновенные пророки. Но въ наше время, простому смертному, хотя-бы и поэту, подобаетъ быть почтительнѣе и вѣжливѣе съ матерью своею. Добрый сынъ Ноя прикрылъ плащемъ слабость и стыдъ отца.

Послѣ долгаго спора о равенствѣ, о коммунизмѣ и о другихъ *матеріяхъ важныхъ*, кто-то резюмировалъ пренія слѣдующими стихами:

„Всѣ смертные равны: таковъ законъ природы“.
Есть правда въ этомъ, но отыщется и ложь.
И лошади равны, какъ люди: отъ чего-жъ
И въ нихъ есть низшія и высшія породы?
Есть кляча въ пять рублей, есть лошадь тысячъ въ шесть.
И въ людяхъ былъ Вольтеръ, да и Добчинскій есть.
Нѣтъ, на одинъ аршинъ нельзя творенья мѣрить,
Хоть будь они о двухъ иль четырехъ ногахъ.
Нѣтъ, милый краснобай, тебѣ насъ не увѣрить,
Какъ тамъ ни горячись въ напыщенныхъ словахъ,
Что наша матушка природа коммунистка:
Нѣтъ, есть и у нея свой выборъ и очистка.
Единство видимъ въ ней, но равенства въ ней нѣтъ.
Таковъ былъ искони и есть и будетъ свѣтъ.
Какъ почву ни ровняй насильственной лопаткой,
Природа кое-гдѣ гладитъ аристократкой.

Вотъ что Жуковскій пишетъ въ одномъ письмѣ:

Un homme instruit, mais immoral sera pernicieux: car il employera pour le mal les moyens qu'il possède. Un homme moral, mais ignorant, sera pernicieux: car avec les meilleures intentions,

dépourvu de moyens, il agira de travers et gâtera la bonne cause *).

Еще говоря вообще о воспитаніи наслѣдниковъ престола, выражается онъ слѣдующимъ образомъ:

Son instruction doit être plutôt compléte, que détaillée. Ses idées doivent être grandes, mais pratiques. Il doit connaître les hommes tels qu'ils sont, et les choses telles qu'elles sont. Mais un *beau idéal* doit vivre en son âme: s'est celui de son rôle et de sa destination. Deux choses peuvent surtout enflammer et nourrir cet idéal, sans l'entraîner dans le pays des fictions, si dangereux pour un Souverain. C'est la religion et l'histoire. La religion pour le Souverain est la grande science de sa responsabilité devant Dieu **).

Какой сильный и выразительный языкъ и какія вѣрныя и возвышенныя мысли! Жуковскій, за нѣкоторыми, невольными руссицизмами, прекрасно выражался на Французскомъ языкѣ. Съ нимъ, вѣроятно, свыкся онъ и овладѣлъ имъ прилежнымъ чтеніемъ образцовыхъ и классическихъ Французскихъ писателей. Не въ Благородномъ-же Пансіонѣ при Московскомъ Университетѣ, не отъ Антонскаго, не изъ Бѣлева могъ онъ позаимствовать это знаніе. Замѣчательно, что три наши правильнѣйшіе и лучшіе прозаики, Карамзинъ, Жуковскій и Пушкинъ, писали почти также свободно на Французскомъ, какъ и на своемъ языкѣ. Слѣдовательно, галлолюбіе или французоманія не враждебны правильному развитію Русской рѣчи. Французскій языкъ, своею точностью, ясностью, логическими оборотами рѣчи, можетъ служить хорошимъ курсомъ и преподаваніемъ для правильнаго образованія слога и на другомъ языкѣ. Разумѣется, говоримъ здѣсь о Французскомъ языкѣ, обработанномъ

---

*) Человѣкъ просвѣщенный, но безнравственный будетъ вреденъ: потому что употребитъ на зло средства, коими онъ обладаетъ. Человѣкъ нравственный, но ума необразованнаго, будетъ вреденъ: потому что, не смотря на благія намѣренія, поступать будетъ онъ криво и испортитъ доброе дѣло.

**) Обученіе его должно быть скорѣе всеобъемлющее, чѣмъ дробное. Понятія его должны быть обширны и возвышенны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и практическія. Онъ долженъ знать людей, каковыми они бываютъ и вещи, каковы они на дѣлѣ. Но *идеалъ красоты* долженъ храниться въ душѣ его: это идеалъ званія его и предназначенія его. Два предмета могутъ особенно воспламенять и питать этотъ идеалъ, не увлекая его въ область мечтательностей, столь пагубную для Государя. Эти два предмета: религія и исторія. Религія для царя есть великая наука отвѣтственности его предъ Богомъ.

великими писателями истекшаго столѣтія; а не о нынѣшнемъ Французскомъ литературномъ нарѣчіи. Вліяніе Нѣмецкаго языка и Нѣмецкой фразеологіи, тамъ, гдѣ оно у насъ встрѣчается, оказывается вреднымъ. Нѣмцы любятъ бродить и отыскивать себѣ дорогу въ туманѣ и въ извилинахъ перепутаннаго лабиринта. Темная фраза для Нѣмца находка, головоломная гимнастика вообще Нѣмцу по нутру. Французы любятъ или любили ясный день и прямую, большую дорогу. Русской рѣчи также нужны ясность и ровная столбовая дорога. Карамзинъ, въ письмѣ изъ Женевы 1789 г., пишетъ: „Здѣшняя жизнь моя довольно единообразна. Прогуливаюсь и читаю Французскихъ авторовъ, и старыхъ, и новыхъ, чтобы имѣть полное понятіе о Французской литературѣ“. (Нѣмецкая и Англійская были ему уже знакомы). Онъ могъ бы прибавить, что читаетъ Французскихъ авторовъ, чтобы научиться писать по-русски такъ, какъ онъ послѣ писалъ.

Въ предъобѣденный часъ кто-то засидѣлся долго у Талейрана, вѣроятно въ надеждѣ, что хозяинъ пригласитъ его съ собою отобѣдать. Наконецъ, Талейранъ позвонилъ и вошедшему дворецкому сказалъ: „когда господинъ (называя его по имени) уйдетъ, подавать тотчасъ обѣдать“.

Дав. (П. Л.) былъ рыцарь вѣжливости и джентельменъ въ полномъ значеніи слова; но не выгодно было чѣмъ нибудь раздосадовать его. Я*** рѣчами и сужденіями своими привелъ однажды желчь его въ движеніе: „А какъ думаешь, Денисъ, спросилъ онъ Давыдова, указывая на Я***: у него на головѣ свои волоса, или парикъ?“

Однажды Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ распустилъ слухъ, что наконецъ однофамилецъ его, Василій Львовичъ, написалъ очень милые стихи. Это дошло до него и, по неожиданности, очень польстило его довѣрчивому самолюбію. Наконецъ, въ кружкѣ общихъ пріятелей, обрадованный поэтъ спрашиваетъ вѣчнаго про-

тивника своего: какіе это стихи, которые имѣли счастіе заслужить благоволеніе твое? А вотъ эти, говоритъ Пушкинъ:

Charmante Récamier,
Que tu me sembles belle!
Que n'es-tu tourterelle?
Que ne suis-je ramier?

Разумѣется, что онъ же самъ написалъ на-смѣхъ эти стихи. Но шутка удалась, и общій хохотъ увѣнчалъ ее. Но хохоталъ-ли Василій Львовичъ? Объ этомъ исторія молчитъ.

Впрочемъ, кстати замѣтить, что онъ равно правильно и свободно писалъ и Французскіе стихи. Онъ мастеръ былъ обтачивать куплеты и въ Парижѣ былъ извѣстенъ пѣснями своими. Почему-же не имѣть разнозвучные струны на своей лирѣ? Бѣды и стыда тутъ нѣтъ. Одно время жилъ онъ на Васильевскомъ острову и захваченъ былъ Невскимъ ледоходомъ. Изъ заточенія своего написалъ онъ пріятелямъ своимъ и княгинѣ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Долгоруковой очень милые и остроумные стихи:

Habitant d'un autre hémisphère,
Je porte envie à votre sort:
Dans mon réduit pauvre insulaire,
Quoique vivant, je suis un mort.

Всѣхъ стиховъ не помню, но вотъ очснь удачный куплетъ:

J'ai pour voisins un architecte,
Un graveur, artistes fameux.
Pour leurs talents, je les respecte,
Mais je n'ai guère besoin d'eux.
C'est dans le coeur de ma compagne,
Que je suis gravé tout de bon,
Et pour des châteaux en Espagne
Dois-je envoyer chercher Thomon *)?

Не худо было-бы, въ память стараго времени, издать родъ поэтическаго сборника и собрать въ немъ Французскіе стихи Русскихъ дилеттанте, напримѣръ, подъ заглавіемъ: Французская Муза въ Россіи. А именно: графа Шувалова, царедворца временъ Екатерины, князя Бѣлосельскаго, Ханыкова, В. Л. Пушкина, Окунева (бывшаго кавалергардскаго офицера), князя Бориса Влад. Голицына, сначала Французскаго поэта, а позднѣе члена Шишковской

*) Извѣстный въ свое время архитекторъ.

Бесѣды. Въ минувшемъ столѣтіи напечаталъ онъ, между прочимъ, во Французскомъ Календарѣ Музъ (Almanach des Muses) двоестишіе. Ривароль, въ своемъ *Маленькомъ календарѣ великихъ людей*, сказалъ о немъ: двоестишіе хорошо, но нужно-бы сократить его (il y a des longueur dans ce distique). Уваровъ (графъ Серг. Сем.) занялъ-бы не послѣднее мѣсто въ этомъ сборникѣ. Въ 1806 или 1807-мъ году ходили по рукамъ и съ жадностью читались Французскіе стихи его о счастіи умереть въ молодости, Epître à celle que je ne connais pas, и другіе. Даже и гораздо позднѣе, когда былъ онъ министромъ, припоминалъ онъ молодость свою и, посѣтивъ въ первый разъ Италію, воспѣлъ ее въ стихахъ, которые такъ начинались:

Je te salue enfin, o ma belle Italie!
Pélerin fatigué des ronces de la vie.

Рубини сказалъ мнѣ: „Бѣда наша (т. е. пѣвцовъ) заключается въ томъ, что мы зачинаемъ пѣть хорошо, когда уже голосъ теряемъ“.

Оно такъ и быть должно. Пока голосъ свѣжъ, звученъ, послушенъ и силенъ, пѣвецъ на него надѣется и не учится пѣть. Тоже бываетъ и съ жизнью. Молодая жизнь распѣваетъ и наслаждается. Она надѣется на себя, на силы свои. Что̀ ни предпринимай, какія трудности и препятствія ни загораживай дороги: ничего, жизнь вывезетъ! Наука жизни является позднѣе, когда живыя силы уже измѣняютъ: потокъ обмелѣлъ, пламень угасаетъ. Все та же старая исторія: возъ орѣховъ дается бѣлкѣ, когда

Давно зубовъ у бѣлки нѣтъ,

какъ сказалъ Крыловъ.

Жуковскій однажды меня очень позабавилъ. Проѣздомъ черезъ Москву жилъ онъ у меня въ домѣ. Утромъ приходитъ къ нему баринъ, кажется товарищъ его по школѣ или въ года первой молодости. Повидимому, баринъ очень скучный, до невозможности скучный. Разговоръ съ нимъ мается, заминается, процѣживается капля за каплею, слово за словомъ, съ длинными промежутками.

Я не вытерпѣлъ и выхожу изъ комнаты. Спустя нѣсколько времени, возвращаюсь: баринъ все еще сидитъ, а разговоръ съ мѣста не подвигается. Бѣдный Жуковскій видимо похудѣлъ. Внутренняя зѣвота першитъ въ горлѣ его; она давитъ его и отчеканилась на блѣдномъ и изможденномъ лицѣ. Наконецъ баринъ встаетъ и собирается уйти. Жуковскій, по движенію добросердечія, можетъ быть совѣстливости за недостаточно-дружескій пріемъ, и вообще радости отъ освобожденія, прощаясь съ нимъ, цѣлуетъ его въ лобъ и говоритъ ему: прости душка!

Въ этомъ поцѣлуѣ и въ этой *душкѣ* выглядываетъ весь Жуковскій.

Онъ же разсказывалъ Пушкину, что однажды вытолкалъ онъ кого-то вонъ изъ кабинета своего.—„Ну, а тотъ что?“ спрашиваетъ Пушкинъ.—„А онъ, каналья, еще вздумалъ обороняться костылемъ своимъ“.

У графа Блудова была задорная собаченка, которая кидалась на каждаго, кто входилъ въ кабинетъ его. Когда, бывало, придешь къ нему, первыя минуты свиданія, вмѣсто обмѣна обычныхъ привѣтствій, проходили въ отступленіи гостя на нѣсколько шаговъ и въ бѣготнѣ хозяина по комнатѣ, чтобы отогнать и усмирить негостепріимную собаченку. Жуковскій не любилъ этихъ эволюцій и уговаривалъ графа Блудова держать забіяку на привязи. Какъ-то долго не видать было его. Графъ пишетъ ему записочку и пеняетъ за продолжительное отсутствіе. Жуковскій отвѣчаетъ, что заказанное имъ платье еще не готово и что, безъ этой одежды съ принадлежностями, онъ явиться не можетъ. При письмѣ собственноручный рисунокъ: Жуковскій одѣтъ рыцаремъ, въ шишакѣ и съ забраломъ, весь въ латахъ и съ большимъ копьемъ въ рукѣ. Все это, чтобы защищать себя отъ нападеній заносчиваго врага.

Спрашивали графа Блудова, какого онъ мнѣнія объ извѣстной личности. C'est toujours une bête, отвѣчалъ онъ, mais souvent une bête féroce (всегда животное, но часто звѣрское).

Денисъ Давыдовъ, въ молодости своей, сказалъ о комъ-то:

Возврату твоему съ похода всякъ дивится:
Какъ безъ носу пойти, а съ носомъ возвратиться?

А вотъ еще чье-то старое четверостишіе:

Онъ рыцарь, онъ поэтъ, къ томужъ любовникъ пылкой;
Но дѣлаетъ онъ все и вкось и не впопадъ:
Онъ рябчикъ ложкой ѣстъ, онъ супъ хлѣбаетъ вилкой;
Не вѣритъ въ Бога онъ, а въ чорта вѣрить радъ.

У насъ слова: *ораторъ, ораторствовать* вовсе не Латинскаго происхожденія, а чисто Русскаго, — отъ слова *орать*. Послушайте нашихъ застольныхъ и при торжественныхъ случаяхъ витій!

Одинъ женатый этимологъ увѣрялъ, что въ Русскомъ языкѣ много сходства и созвучій съ Итальянскимъ. Напримѣръ, Итальянецъ называетъ жену свою: mia cara; а я, про свою, говорю: моя кара.

Въ концѣ минувшаго столѣтія было въ Петербургѣ вовсе не тайное, а дружеское и нѣсколько разгульное общество, подъ именемъ *Галера*. Между прочими были въ немъ два Пушкина: Алексѣй Михайловичъ и Василій Львовичъ и Хитровъ, въ свое время ловкій и счастливый волокита. Сей послѣдній былъ что-то въ родѣ Донъ-Джовани. Любовныя похожденія были въ то время въ чести и придавали человѣку извѣстность и нѣкоторый блескъ. Нравы регентства были не чужды намъ, и знаменитый по этой части Ришелье могъ бы найти въ Россіи совмѣстниковъ себѣ, а можетъ быть у кого-бы нибудь и поучиться. Разсказывали про Хитрова, что онъ, на разныя продѣлки въ этомъ родѣ, былъ не очень совѣстливъ. Не удастся ему, напримѣръ, достигнуть гдѣ-нибудь цѣли въ своихъ любовныхъ поискахъ, онъ вымещалъ неудачу, высылая карету свою, которая часть ночи стоитъ не подалеку отъ жительства непокорившейся красавицы. Иные подмѣчали это, выводили изъ того заключенія свои; а съ него было довольно. Впрочемъ, онъ

былъ уменъ, блистателенъ и любезенъ; товарищи и молодежь очень любили его. Онъ былъ образованъ и въ своемъ родѣ литтературенъ. Алексѣй Пушкинъ разсказывалъ, что однажды, на военной сходкѣ, замѣтилъ онъ книжку въ гусарской сумкѣ его: это были элегіи Парни, только что изданныя въ Парижѣ. Хитровъ бросился къ Пушкину и говоритъ ему: „Ради Бога, молчи и не губи меня! Товарищи въ полку любятъ меня потому, что считаютъ меня служакой и гулякой и чуть-ли не безграмотнымъ. Какъ скоро провѣдаютъ они, что занимаюсь чтеніемъ Французскихъ книгъ, я человѣкъ пропадшій, и мнѣ въ полку житья не будетъ“. Хитровъ былъ очень любимъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, который умѣлъ цѣнить умъ и свѣтскую любезность. Пользовался онъ и благоволеніемъ императора Александра. Умеръ онъ въ царствованіе его, кажется, во Флоренціи, посланникомъ при Тосканскомъ дворѣ. Былъ онъ женатъ на дочери князя Кутузова-Смоленскаго, вдовѣ графа Тизенгаузена, незабвенной въ Петербургскихъ преданіяхъ Елизаветѣ Михайловнѣ.

Вотъ еще любезная личность, которую миновать не можетъ сочувственное воспоминаніе. Въ лѣтописяхъ Петербургскаго общежитья имя ея осталось также незамѣнимо, какъ было оно привлекательно въ теченіи многихъ лѣтъ. Утра ея (впрочемъ продолжавшіяся отъ часу до четырехъ по полудни) и вечера дочери ея, графини Фикельмонтъ, неизгладимо врѣзаны въ памяти тѣхъ, которые имѣли счастіе въ нихъ участвовать. Вся животрепещущая жизнь Европейская и Русская, политическая, литературная и общественная имѣла вѣрные отголоски въ этихъ двухъ родственныхъ салонахъ. Не нужно было читать газеты, какъ у Аѳинянъ, которые также не нуждались въ газетахъ, а жили, учились, мудрствовали и умственно наслаждались въ портикахъ и на площади. Такъ и въ двухъ этихъ салонахъ можно было запастись свѣдѣніями о всѣхъ вопросахъ дня, начиная отъ политической брошюры и парламентской рѣчи Французскаго или Англійскаго оратора и кончая романомъ или драматическимъ твореніемъ одного изъ любимцевъ той литературной эпохи. Было тутъ обозрѣніе и текущихъ событій; былъ и premier Pétersbourg съ сужденіями своими, а иногда и осужденіями, былъ и легкій фельетонъ, нравоописательный и жи-

вописный. А что всего лучше, эта всемірная, изустная разговорная газета издавалась по направленію и подъ редакціей двухъ любезныхъ и милыхъ женщинъ. Подобныхъ издателей не скоро найдешь. А какая была непринужденность, терпимость, вѣжливая и себя и другихъ уважающая свобода въ этихъ разнообразныхъ и разнорѣчивыхъ разговорахъ! Даже при выраженіи спорныхъ мнѣній не было и слишкомъ кипучихъ преній: это былъ мирный обмѣнъ мыслей, воззрѣній, оцѣнокъ, система: free trade, приложенная къ разговору. Не то, что въ другихъ обществахъ, въ которыхъ задирчиво и стѣснительно господствуетъ запретительная система: прежде, чѣмъ выпустить свой товаръ, свою мысль, справляешься съ тарифомъ; вездѣ заставы и таможни.

Въ числѣ сердечныхъ качествъ, отличавшихъ Елизавету Михайловну Хитрову, едва-ли не первое мѣсто должно занять, что она была неизмѣнный, твердый, безусловный другъ друзей своихъ. Друзей своихъ любить немудрено; но въ ней дружба возвышалась до степени доблести. Гдѣ и когда нужно было, она за нихъ ратовала, отстаивала ихъ, не жалѣя себя, не опасаясь за себя неблагопріятныхъ послѣдствій, личныхъ пожертвованій отъ этой битвы не за себя, а за другаго. Несчастная смерть Пушкина, окруженная печальною и загадочною обстановкою, породила много толковъ въ Петербургскомъ обществѣ; она сдѣлалась какимъ-то интернаціональнымъ вопросомъ. Вообще жалѣли о жертвѣ; но были и такіе, которые прибѣгали къ обстоятельствамъ, облегчающимъ вину виновника этой смерти и, если не совершенно оправдывали его (или, правильнѣе, ихъ), то были за нихъ ходатаями. Извѣстно, что тутъ замѣшано было и дипломатическое лицо. Тайна безъимянныхъ писемъ, этого пролога трагической катастрофы, еще недостаточно разъяснена. Есть подозрѣнія, почти неопровержимыя, но нѣтъ положительныхъ юридическихъ уликъ. Хотя Елизавета Михайловна, по семейнымъ связямъ своимъ, и примыкала къ дипломатической средѣ, но здѣсь она безусловно и исключительно была на Русской сторонѣ. Въ Пушкинѣ глубоко оплакивала она друга и славу Россіи. Помню, что при возвращеніи изъ за-границы въ Петербургъ, при выходѣ моемъ съ парохода на берегъ, узналъ я о недавней кончинѣ Елизаветы Михайловны. Грустно было первое впечатлѣ-

ніе, привѣтствовавшее меня на родинѣ: не стало у меня внимательной, доброй пріятельницы; вырвано главное звено, которымъ держалась золотая цѣпь, связывающая сочувственный и дружескій кружокъ; опустѣлъ, замеръ одинъ изъ Петербургскихъ салоновъ, и такъ уже рѣдкихъ въ то время.

Великій князь Михаилъ Павловичъ, однажды, указывая на лицо, которое отправлялось въ Америку съ дипломатическимъ назначеніемъ, сказалъ мнѣ: Jamais le comte Nesselrode n'a montré plus de perspicacité et de tact, que dans cette nomination: c'est bien là une figure de l'autre monde (никогда графъ Нессельроде не выказывалъ столько проницательности и такта, какъ въ этомъ назначеніи: вотъ поистинѣ фигура съ того свѣта).

Много толкуютъ вездѣ, слѣдовательно и у насъ, *о печати* (la presse), о силѣ, о всемогуществѣ ея, объ ея обязанностяхъ и правахъ, вліяніи и о прочихъ свойствахъ и принадлежностяхъ ея. Оно такъ, но и не такъ. Печать не есть самобытная и нераздѣльная власть; напротивъ, она на дѣлѣ многосложна, многообразна. Это не самородный слитокъ, а наборная—безъ каламбура—штучная, мозаическая работа. Печать—орудіе, машина сама по себѣ бездѣйственная и приводимая въ движеніе и дѣйствіе только мыслію и рукою двигателя; слѣдовательно, все дѣло въ двигателѣ. Какова мысль, какова рука, такова и печать. Печать равнодушно, равно послушно и машинально печатаетъ истину и ложь, мудрость и нелѣпость. Печать ничто иное, какъ устное слово, переложенное на бумагу и закрѣпленное ей: изобрѣтеніе великое, едва-ли не высшее изъ всѣхъ человѣческихъ изобрѣтеній. Порохъ, паровая сила, электричество ей въ подметки не годятся. Она даетъ улетучивающемуся слову осѣдлость вѣковѣчную. Но все же, въ сущности своей, она то же устное слово, застывшее, хотя оно и „тверже металловъ и выше пирамидъ“ (Державинъ). А кажется — повторимъ мысль свою—никто спорить не будетъ, что какъ бываютъ умныя слова, такъ могутъ быть и глупыя, какъ бываютъ полезныя и назидательныя, такъ бываютъ вредныя и

разрушительныя. Слѣдовательно, печати обобщать нельзя. Она не отвѣтственное, единичное лицо. Она цифра милліонъ. Имя ея легіонъ. Бѣда или недоумѣніе въ томъ, что каждый газетчикъ, каждый фельетонистъ, каждый борзописецъ говоритъ именемъ печати, какъ будто вся печать въ рукахъ его, какъ будто весь міръ печати лежитъ на плечахъ его. Онъ забываетъ, что чрезъ улицу отъ него есть другой журналистъ, другая печать, которые также носятъ на плечахъ своихъ міръ печати, но что эта печать говоритъ совсѣмъ другое, нежели та; не только совсѣмъ другое, но и діаметрально противорѣчащее ей. Эти два міра, и не два, а десять и двадцать, борятся между собою, силятся подорвать другъ друга, а если не подорвать, то осмѣять, обхаять, часто опозорить; и все во имя той-же печати, во славу и въ охраненіе достоинства ея. Журналистика въ наше время, какъ у насъ, такъ и вездѣ, является одною изъ богатѣйшихъ, многоплоднѣйшихъ вѣтвей того дерева познанія блага и зла, дерева, которое широко разрослось и глубоко укоренилось подъ именемъ печати А потрудитесь внимательно и ближе посмотрѣть: вы увидите, что на этой вѣтви нѣтъ двухъ листьевъ совершенно другъ съ другомъ сходныхъ ни тканью, ни краскою, ни запахомъ. Вѣтвь эта полосатая, пестрая, арлекинская. Можно представить себѣ, какъ зарябитъ въ глазахъ и въ умѣ, если прилежно вглядѣться въ эту разноцвѣтность и пестроту. Печать, особенно журнальная, бдительная, боевая, выдаетъ себя въ своемъ разнообразіи за уполномоченнаго присяжнаго повѣреннаго отъ лица общественнаго мнѣнія, что́ впрочемъ не мѣшаетъ ей выдавать себя и за опекуна, за предводителя этого же общественнаго мнѣнія; а между тѣмъ у каждой газеты есть свое доморощенное, крѣпостное, къ газетѣ, какъ къ землѣ, приписное общественное мнѣніе. Что городъ, то норовъ; что газета, то мнѣніе. Этимъ мнѣніемъ она преподаетъ, проповѣдуетъ, устрашаетъ, обнадеживаетъ, пророчитъ, законодательствуетъ, казнитъ, милуетъ. Все это дѣйствуетъ на толпу: она увлекается печатью, идолопоклонствуетъ предъ нею, вѣруетъ въ нее или боится ея; а все потому, что кажется ей, что печать власть, воплощенная въ одно живоначальное и нераздѣльное цѣлое. Да, помилуйте, господа, успокойтесь и отрезвитесь; всмотритесь въ эту всемогущую, таинственную, роковую печать, и вы увидите, что здѣсь и тамъ стоятъ за нею все знакомые вамъ люди:

Сидоръ Сидоровичъ, Пафнутій Пафнутьевичъ, а можетъ быть и Петръ Ивановичъ Бобчинскій.— Какъ Бобчинскій? Какой Бобчинскій?— Да все тотъ же, который въ уѣздномъ городкѣ своемъ тѣмъ извѣстенъ, что онъ пѣтушкомъ, пѣтушкомъ, пѣтушкомъ бѣгаетъ за дрожками городничаго. Нынѣ онъ издаетъ газету—и почему не издавать бы ему газеты? И онъ сдѣлался частичкою печати, той всемірной и громадной паровой машины, которая завѣдываетъ и ворочаетъ судьбами частныхъ лицъ и народовъ. Пока вы не были подписчиками этихъ господъ, пока не платили имъ абонементнаго оброка, вѣдь вы мнѣніями ихъ не дорожили, не совѣтовались съ ними, не признавали за ними всевѣдѣнія и всемогущества, даже, можетъ статься, считали ихъ людьми довольно посредственными; а теперь, что́ они пріютились за волшебными ширмами и кулисами печати, вы съ трепетомъ, съ идолопоклонствомъ внимаете голосу ихъ, какъ голосу оракула. Право, за васъ смѣшно. Въ самообольщеніи своемъ вы забываете, что не боги горшки обжигаютъ, не они обжигаютъ и газеты и журналы, а все тѣ же люди; въ людяхъ же есть всячина: человѣкъ человѣку рознь. Есть люди, которые и горшковъ не умѣютъ обжигать, не только что журналы. Но пора однакоже мнѣ оговорить себя. Я, можетъ быть, слишкомъ далеко зашелъ. Пожалуй, добрые люди подхватятъ и Богъ вѣсть какую напраслину на меня наклеплятъ: обзовутъ меня дикаремъ, ненавистникомъ просвѣщенія и проч. и проч. Напротивъ, люблю печать вообще, и журналистику въ особенности, не менѣе каждаго порицателя моего и уважаю ихъ вѣроятно болѣе, нежели многіе, но именно потому, что уважаю, то я и взыскателенъ, и разборчивъ, и мнителенъ. Отъ всей души желаю журналамъ здравствовать; молю Провидѣніе о благоденствіи и долгоденствіи ихъ. Но изъ того не слѣдуетъ, чтобы находилъ я, что всѣ журналы хороши. Не слѣдуетъ и то, что я врагъ журналистики, когда говорю, что такой-то журналистъ взялся не за свое дѣло; а если за свое, то жаль, что это дѣло не литературное и не общеполезное. Вполнѣ признаю заслуги и благодѣянія, которыя можетъ оказать обществу печать и въ особенности періодическая, когда она честно и добросовѣстно направлена и съ умѣлостію ведена. Да къ тому же въ любви и въ уваженіи моемъ нѣтъ безкорыстія. Есть тутъ и расчетъ: хорошо или худо, я самъ принадлежу къ этой силѣ; радуюсь и гор-

жусь тѣмъ, что ей принадлежу. Лично обязанъ я ей многими свѣтлыми радостями, можетъ быть, и нѣкоторыми сочувствіями со стороны благосклоннаго ближняго. Но признаемся, мы ни въ чемъ не любимъ крайностей и преувеличенія: скажемъ прямо, не любимъ надувательства ни свыше, ни снизу, ни съ боку. Не любимъ, когда словами отвлеченными, абстрактными, эластическими опутываютъ и съ толку сбиваютъ мысль и маскируютъ правду. Пускай печать остается тѣмъ, чѣмъ она есть, чѣмъ быть должна. Призваніе и значеніе ея достаточно велики и въ границахъ болѣе умѣренныхъ и узаконенныхъ. Не зачѣмъ выбѣгать ей за границы съ контрабандою. Она большая, необходимая, незамѣнимая пособница въ умственномъ развитіи и дѣятельности человѣчества; но эта дѣятельность опять же въ ней одной зарождается и сосредоточивается. Печать не жизнь, а отголосокъ жизни, самый звучный и продолжительный изъ всѣхъ отголосковъ. Для лучшаго упроченія и оправданія силы, выпавшей на долю ея, въ виду собственной пользы своей, своего собственнаго достоинства, печать, особенно періодическая, должна отказаться отъ притязаній самовластія и самозванства; не должна она ни себя обманывать, ни морочить другихъ. Пусть она свое повелительное *я* или *мы* спуститъ нѣсколькими градусами пониже; голосъ ея этимъ окрѣпнетъ и просвѣтлѣетъ. Много чувствуемъ мы ея благодѣянія и много благодарны ей, но она слишкомъ часто сама провозглашаетъ себя благодѣтельницею и спасительницею человѣчества. Это по крайней мѣрѣ неловко. Еще одно: не слѣдуетъ каждому журналу, каждой газетѣ преподавать мнѣнія и приговоры свои отъ имени коллективной печати; таковой печати нѣтъ. Есть ихъ много, и каждая отвѣчай за себя. Не лучше ли будетъ, когда окажется въ томъ надобность, сказать наприм., вотъ такъ: „высокія обязанности и права, возложенныя на такую-то типографію (назвать ее по имени) даютъ намъ смѣлость сказать то-то и то-то“. Оно будетъ скромнѣе, но вѣрнѣе; каждая типографія— часть печати, а не обсолютная печать. А теперь выходитъ, что каждый командующій взводомъ, каждый газетчикъ, говоритъ какъ будто Наполеонъ I, отъ имени всего побѣдоноснаго войска и, какъ онъ въ Египтѣ, возглашаетъ: „Воины, не забывайте, что съ высоты сихъ пирамидъ сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ!“

„Какъ это тебѣ никогда не вздумалось жениться?“ спрашивалъ посланника Шредера императоръ Николай, въ одинъ изъ проѣздовъ своихъ чрезъ Дрезденъ. — „А потому, отвѣчалъ онъ, что я никогда не могъ бы дозволить себѣ ослушаться Вашего Величества“. — „Какъ же такъ?“ — „Ваше Величество строго запрещаете азартныя игры, а изъ всѣхъ азартныхъ игръ женитьба самая азартная“.

Онъ не только оставался до конца старымъ холостякомъ, но и секретарей своихъ присуждалъ на схимническую холостую жизнь. Имѣть при себѣ женатаго секретаря казалось ему дипломатическою неблагопристойностью, чуть ли не преступленіемъ. Онъ былъ совершенный образецъ дипломата стараго покроя, старыхъ вѣрованій и обычаевъ. Въ числѣ хорошихъ его оффиціальныхъ качествъ было убѣжденіе, что хорошій дипломатъ долженъ имѣть хорошаго повара. Обѣды его славились въ Европѣ. Онъ умѣлъ кормить, но и любилъ кормить; умѣлъ придавать предлагаемому особый колоритъ, особенную смачность. За столомъ его вкусное блюдо было вдвое вкуснѣе, чѣмъ за другимъ столомъ. Дѣло мастера боится. Le style c'est l'homme. Онъ долго былъ въ царствованіе Александра I второстепенною пружиною въ нашей дипломатической администраціи: много лѣтъ совѣтникомъ при Парижскомъ посольствѣ, еще болѣе лѣтъ посланникомъ при Саксонскомъ дворѣ. Онъ такого былъ сложенія и строя, что не могъ не быть долго на томъ мѣстѣ, куда его сажали судьба и начальство. Подвижности никакой въ немъ не было, даже матеріальной. Онъ не признавалъ законности желѣзныхъ дорогъ и совершалъ поѣздки свои въ уютной и покойной дормезѣ, запряженной лошадьми. Онъ былъ человѣкъ образованный и пріятнаго разговора, многое и многихъ зналъ; но, разумѣется, сочныхъ и жирныхъ нескромностей ждать отъ него было нельзя, а все же было что послушать и чѣмъ поживиться. Какъ въ политикѣ держался онъ преданій и узаконенныхъ авторитетовъ, такъ равно и въ общежитіи, въ искусствѣ и литературѣ. Въ драматическомъ отношеніи, вкусъ и сочувствія его долгимъ пребываніемъ въ Парижѣ были воспитаны такими знаменитостями, какъ актрисы Жоржъ, Марсъ, какъ трагикъ Тальма. Онъ не признавалъ, не могъ и не хотѣлъ признавать, что искусство способно идти иначе и

дальше. Когда явилась Рашель, онъ смотрѣлъ на нее, какъ на мятежницу, на самозванку; онъ не признавалъ за нею права, какъ отрицалъ право желѣзной дороги. Однажды въ Дрезденѣ, за обѣдомъ у него, говорили о Рашели. Всѣ превозносили дарованіе ея; онъ одинъ оставался непреклоннымъ Сикамбромъ. Наконецъ кто-то сказалъ: „Конечно, нужно прислушаться, привыкнуть къ новой дикціи ея“.—„Вы говорите, привыкнуть“, прервалъ съ живостію Шредеръ, „но привыкнуть можно ко всему. Дерите каждый день кошку за хвостъ, и вы тѣмъ кончите, что привыкнете къ ея жалобному мяуканію и визгу“. Вы видите, онъ до смѣлой оригинальности доводилъ независимость мнѣній своихъ. — Личнымъ врагомъ его въ жизни и въ міросозданіи былъ вѣтеръ сѣверо-восточный (Nord-Ost). Онъ не выносилъ его, не могъ равнодушно и спокойно говорить о немъ. Надобно было видѣть, какъ въ большомъ Дрезденскомъ саду онъ защищался отъ него, лавировалъ и боролся съ нимъ. Кажется у него были особенныя платья, сюртуки, бекеши, шляпы именно на то приспособленные, чтобы выходить на бой съ противникомъ своимъ. Само собою разумѣется, что онъ ненавидѣлъ сигары, какъ предосудительное нововведеніе въ Европейскіе нравы. Но за то съ сапогами обращался онъ, какъ лакомый куритель обращается съ сигарами. Онъ, прежде чѣмъ обновить сапоги, давалъ имъ годъ и два хорошенько выстояться и высохнуть; и все это въ виду сохраненія здоровья.

Безсемейный, одинокій, всѣ домашнія заботы устремилъ онъ на сбереженіе себя. И что же? Оно довольно благоразумно и никому не обидно. Кончина его представляетъ психическое явленіе, довольно странное. У него часто обѣдали два Дрезденскіе пріятеля его. Въ теченіи времени, одинъ изъ нихъ умеръ, другой заболѣлъ. Занемогъ легко и Шредеръ, но онъ былъ на ногахъ и, казалось, соблюдалъ порядокъ дня своего по обыкновенному. Однимъ утромъ, приказываетъ онъ дворецкому накрыть столъ къ обѣду на три прибора, прибавляя, что два поименованные пріятеля будутъ съ нимъ обѣдать. Дворецкій удивился, но не осмѣлился сдѣлать возраженіе. Въ урочный часъ Шредеръ садится за столъ одинъ; во все время обѣда живо говоритъ онъ, то направо, то налѣво, какъ будто съ сидящими около него пріятелями. Къ вечеру обнаружилась въ немъ

сильная воспалительная болѣзнь. Кажется, на другой день его уже не стало. Это было мнѣ разсказано его и моимъ докторомъ, знаменитымъ въ Дрезденѣ Геденусомъ. Кажется, очень скоро затѣмъ умеръ и третій заочный и таинственный собесѣдникъ.

Казалось бы, либерализмъ долженъ раскрывать умъ и понятія. На меня дѣйствуетъ онъ совершенно противоположно: онъ съеживаетъ и съуживаетъ ихъ. NN говоритъ про X., что онъ весь замуровленъ въ своихъ либеральныхъ мысляхъ.

Странное сближеніе словъ: *замуровиться* и se claquemurer. Неужели и наше слово происходитъ отъ Латинскаго murus, стѣна? Родства его съ глаголомъ замуравливать (посуду) искать нечего.

Про одну даму, богато и гористо надѣленную природою, NN говоритъ, что когда онъ смотритъ на нее, она всегда напоминаетъ ему извѣстную надпись: сіи огромные сфинксы.

Нѣмцевичъ, Польскій поэтъ, сказалъ про одну Варшавскую худощавую даму, что у нея не лицо, а два профиля; а о немъ сказано было въ сатирическомъ каталогѣ, который ходилъ по городу: Niemcewicz, auteur d'une étude sur les plantations en Amérique, où il a planté sa femme.

По выходѣ изъ Петропавловской крѣпости съ генераломъ своимъ Косціюшкой, отправился онъ въ Америку, тамъ женился на туземкѣ и, при возвращеніи своемъ въ Европу, тамъ ее и оставилъ. По крайней мѣрѣ, таковы были Варшавскіе слухи.

Это напоминаетъ мнѣ, что въ старые годы и Москва промышляла подобными сатирическими продѣлками, напримѣръ подъ заглавіемъ: Тверской бульваръ, Прѣсненскіе пруды и такъ далѣе. Обыкновенно и стихи, и шутки, хотя и съ притязаніями на злостность, были довольно прѣсны. Вотъ образчики этого остроумія, за-

лежавшіеся въ памяти моей. Были въ Москвѣ двѣ сестрицы, о нихъ сказано:

Кривобокія, косыя,
Точно рвотный порошокъ.

Былъ тогда молодой человѣкъ, вышедшій изъ купечества въ гусарскіе офицеры, собою очень красивый, на примѣтѣ у многихъ дамъ, извѣстный долголѣтнею связью съ одною изъ милѣйшихъ Московскихъ барынь, любезный, вѣжливый, принятый въ лучшіе дома. Бульварный или Прѣсненскій пѣснопѣвецъ рисуетъ его слѣдующими стихами:

А Гусятниковъ, купчишка,
Въ униформѣ золотой,
Крадется онъ изъ-подтишка
Въ кругъ блестящій и большой.

Надобно же имѣть такую несчастную память, какъ я имѣю, чтобы удержать въ ней, за многими десятками лѣтъ, подобную дрянь. А между тѣмъ, какъ ни пошлы, ни безграмотны эти стихи, они жадно переписывались сотнями рукъ, какъ позднѣе стихи Пушкина и Грибоѣдова. Злость и ругательства имѣютъ всегда соблазнительную прелесть въ глазахъ почтеннѣйшей публики.

Бывали, впрочемъ, въ этомъ родѣ попытки болѣе удачныя и замысловатыя. Напримѣръ, ходила по рукамъ программа министерскаго концерта, въ началѣ царствованія Александра I. Каждый сановникъ пѣлъ какую нибудь извѣстную пѣсню. Одинъ:

Винятъ меня въ народѣ.

Другой, угрожаемый отставкою:

Я въ пустыню удаляюсь
Изъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.

Третій, который неоднократно мѣнялъ мѣсто служенія:

Мнѣ моркотно молоденькѣ,
Нигдѣ мѣста не найду.

Военный министръ:

Всякъ въ своихъ желаньяхъ воленъ.
Лавры, васъ я не ищу!

Морской:

Выйду я на рѣченьку,
Посмотрю на быструю.

Унеси ты мое горе,
Быстра рѣченька съ собой.

Министръ финансовъ:

Доволенъ я судьбою
И милою богатъ:
О, Лиза, кто съ тобою
И бѣдности не радъ?

Министръ просвѣщенія:

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Всѣ люди для покою
Сомкнули ужъ глаза.

И такъ далѣе. Все это было забавно, а не грубо и не обидчиво. Сами осмѣянные, если были они умны (въ чемъ грѣшно было бы сомнѣваться) могли смѣяться вмѣстѣ съ насмѣшниками и публикою.

Когда Дмитріевъ былъ назначенъ министромъ юстиціи, какой-то забавникъ, ссылаясь на стихъ одной изъ басней его:

И выбралъ добрыхъ псовъ,

выпустилъ стихотвореніе, къ нему обращенное и кончающееся стихомъ:

Такъ будь же добръ и ты, когда попалъ въ собаки.

Помнится мнѣ также пѣснь, слышанная мною въ дѣтствѣ, о Шведскомъ адмиралѣ, который въ царствованіе императрицы Екатерины былъ взятъ въ плѣнъ и присланъ въ Москву. Онъ является на балъ въ воксалѣ, котораго содержатель, или тогдашній Иванъ Ивановичъ Излеръ, былъ Медоксъ. Около плѣнника вьются Московскія барыни и, сколько помнится, они довольно остроумно и забавно обрисованы.

Бывали шутки и въ прозѣ, и въ дѣйствіи. Въ первыхъ годахъ столѣтія, на гуляньѣ 1-го Мая, въ Сокольникахъ, появилась лошадь въ очкахъ, съ надписью крупными буквами на лбу: *только трехъ лѣтъ*. Это насмѣшка надъ тогдашнею модою, которая и молодыхъ людей наряжала въ очки: до того времени они были принадлежностью однихъ стариковъ. Карамзинъ, еще въ 1796 году, выставляетъ волокиту, жертву любви:

Взгляните на меня: я въ двадцать лѣтъ старикъ;
Смотрю въ очки, ношу парикъ.

Теперь это никого бы не удивило. Въ наше время близорукость и плѣшивость очень распространились и сдѣлались популярны.

Память—клубокъ, который, только что до него дотронешься, разматывается самъ собою. Очки пробудили во мнѣ воспоминаніе о двоестишіи, которое нашелъ я, когда рылся въ Русскихъ старыхъ книгахъ. Напалъ я на собраніе стихотвореній какого-то князя Голицына: имени его не припомню; но былъ онъ, вѣроятно, очень курносъ, и вотъ тому поличное. Изъ всего тома, довольно объемистаго, отмѣтилъ я только два слѣдующіе стиха:

И радъ бы я очки имѣть,
Да не на что надѣть.

Позднѣе, видалъ я въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ князя Голицына, который подходилъ подъ эту примѣту: носа у него почти совсѣмъ не было. Часто порывался я спросить его, не онъ ли авторъ двухъ помянутыхъ стиховъ; но совѣстливость удерживала меня отъ нескромнаго вопроса. Онъ, повидимому, держался стараго благочинія. Когда пудра была уже въ изгнаніи, сохранившійся остатокъ волосъ его (отчего нѣтъ у насъ слова chevelure?) былъ всегда тщательно и на бѣло напудренъ. Панталоны и сапоги давно уже выгнали коротенькіе штаны и башмаки съ пряжками; но его не переувѣрили они, и даже въ клубѣ являлся онъ маркизомъ прошлаго столѣтія. Странное дѣло, никогда въ клубѣ не видалъ я его ни за обѣденнымъ столомъ, ни за карточнымъ; никогда не видалъ я, чтобы онъ съ кѣмъ нибудь разговаривалъ. Зачѣмъ же ѣздилъ онъ въ клубъ? Какъ теперь рисуется онъ мнѣ, въ задней комнатѣ, одинъ, грѣющійся зимою у печки. Мимо его многіе проходили; но имъ было не до него. Довершить ли мои слѣдственныя справки? Не тѣмъ будь онъ помянутъ, а прозвище его было: князь-моська; а такое прозвище, говорили, было дано ему потому, что онъ любилъ кушать жареныя моськи.

Что же, тутъ грѣха и безчестія нѣтъ: были бы только моськи по вкусу. Разсказывали, что во время кругосвѣтнаго плаванія, командиръ корабля, на которомъ находился графъ Толстой, приказалъ бросить въ море обезьяну, которую тотъ держалъ при себѣ.

Но Толстой протестовалъ и просилъ командира позволить ему зажарить ее и съѣсть. Впрочемъ, Толстой всегда отвергалъ правдивость этого разсказа.

Встрѣчались у насъ, хотя и рѣдко, сатирическія объявленія и въ газетахъ. Кажется, М. Ѳ. Орловъ, въ ранней молодости, гдѣ-то на балѣ танцовалъ не въ тактъ. Вскорѣ затѣмъ явилось въ газетѣ, что въ такой-то вечеръ былъ *потерянъ тактъ* и что приглашаютъ отыскавшаго его доставить, за приличное награжденіе, въ такую-то улицу и въ такой-то домъ. Послѣдствіемъ этой шутки былъ поединокъ и, какъ помнится, именно съ княземъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Голицынымъ.

А вотъ жемчугъ печатныхъ проказъ и злости. Былъ когда-то молодой литераторъ, который очень тяготился малымъ чиномъ своимъ и всячески скрывалъ его. Хитрый и лукавый Воейковъ подмѣтилъ эту слабость. Въ одной изъ издаваемыхъ имъ газетъ печатаетъ онъ объявленіе, что у такого-то дѣйствительнаго статскаго совѣтника, называя его полнымъ именемъ, пропала собака, что просятъ возвратить ее и такъ далѣе, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ объявленіяхъ. Въ слѣдующемъ № является исправленіе допущенной опечатки. Такой-то — опять полнымъ именемъ — не дѣйствительный статскій совѣтникъ, а *губернскій секретарь*. Пушкинъ восхищался это продѣлкою и называлъ ее лучшимъ и геніальнымъ сатирическимъ произведеніемъ Воейкова.

Мы говорили выше о веселомъ обществѣ *Галера* *). Василій Львовичъ Пушкинъ былъ въ немъ запѣваломъ. Вотъ, отысканный въ старыхъ бумагахъ, первый куплетъ пѣсни, пропѣтой имъ въ послѣдній день масляницы:

Плыви, Галера! веселися,
Къ Ліону въ маскарадъ пустися.
Одинъ остался вечеръ намъ!
Тамъ ждутъ насъ фрау-баронесса,
И сумасшедшая повѣса,
И Лиза Карловна ужъ тамъ.

---

*) См. Р. Архивъ 1877, I, стр. 512.

Веселое, молодое время! Любезный поэтъ *Опаснаго Сосѣда* тогда не говорилъ: „Охъ, дайте отдохнуть и съ силами собраться“.

Тогда онъ не думалъ и не хотѣлъ отдыхать, а съ нимъ и все поколѣніе его. Съ силами собираться было нечего: силы были всѣ на лицо—свѣжія, кипучія. Вносимъ все это въ поминки свои, въ грѣшныя поминки! Но въ свое время все это было, жило, двигалось, вертѣлось, радовалось, любило, пѣло, наслаждалось; иногда, вѣроятно, грустило и плакало. Всѣ эти люди, весельчаки, имѣли утро свое, полдень свой и вечеръ; теперь всѣ поглощены одною ночью. Почему ночному караульщику не освѣтить мимоходомъ эту ночь, не помянуть живымъ словомъ почившихъ на ея темномъ и молчаливомъ лонѣ? Почему мелькомъ, на минуту, не собрать эти давно забытыя, изглаженныя черты? Не расцвѣтить ихъ, не дать имъ хотя призракъ прежняго облика и выраженія? Почему не перелить въ одинъ строй, въ одинъ напѣвъ, эти разлетѣвшіеся звуки и отголоски, давно умолкнувшіе? Но отъ нихъ никакой пользы и прибыли не будетъ. Не спорю. Но и отъ сновидѣнія ничего не дождешься; а все же, какъ-то пріятно проснуться подъ впечатлѣніемъ приснившагося отраднаго и улыбчиваго сна. Почему, наконецъ, не помянуть и неизвѣстную намъ Лизу Карловну, puisque Лиза Карловна il y a ou il y a eu! Шиллеръ обезсмертилъ же въ своемъ Wallensteins Lager красавицу изъ пригородка, близь Дрездена: Was! der Blitz! Das ist die Gustel aus Blasewitz.

Въ пятидесятыхъ годахъ еще показывали путешественникамъ эту Gustel, которая въ молодости тронула сердце поэта, но безъ успѣха для него, такъ что, по инымъ разсказамъ, онъ упряталъ ее въ стихъ болѣе съ сердцовъ и злопамятства. Василій Львовичъ, разумѣется, далеко не Шиллеръ; но за то, можно заключить изъ доброты его, что если онъ упомянулъ о Лизѣ Карловнѣ, то, навѣрное, изъ благодарности.

Всѣ эти выше разбросанныя замѣтки, куплеты, газетныя объявленія и такъ далѣе, сами по себѣ малозначительны, взятыя отдѣльно; но въ совокупности они имѣютъ свой смыслъ и внутреннее содержаніе. Все это отголоски когда-то живой рѣчи, указатели, нравственно-статистическія таблицы и цыфры, которыя знать не худо, чтобы провѣрить итоги минувшаго. Мы все держимся круп-

ныхъ чиселъ, крупныхъ событій, крупныхъ личностей: дроби жизни мы откидываемъ; но надобно и ихъ принимать въ разсчетъ.

Французы изобилуютъ сборниками подобныхъ мелочей. Историки ихъ пользуются ими; а потому исторія ихъ оживленнѣе, люднѣе, нежели другія. Они не пренебрегаютъ ссылаться на современныя пѣсни, сатиры, эпиграммы. Одинъ подобный рукописный сборникъ, извѣстный подъ именемъ Maurepas, хранится бережно въ государственномъ архивѣ, въ многотомныхъ фоліантахъ. Можно сказать, что все царствованіе Людовика XV-го переложено на пѣсенникъ. Извѣстный Храповицкій оставилъ послѣ себя большую рукопись, въ которой собраны были многія любопытныя и неудобопечатаемыя, по крайней мѣрѣ въ то время, случайныя и карманныя, болѣе или менѣе сатирическія стихотворенія. Тутъ и важный Ломоносовъ былъ вкладчикомъ съ одою къ бородѣ, или о бородѣ (одою, вовсе непохожею на другія торжественныя и офиціальныя оды его). Были тутъ и сатиры и куплеты князя Дмитрія Горчакова, сказки довольно скоромныя Александра Семеновича Хвостова и, помнится, Карабанова, переводчика Вольтеровой Альзиры. Находилось и стихотвореніе, которое можно было, по складу и блеску, приписать Державину. Помню изъ него два стиха, и то не вполнѣ.

Когда Таврическая ночь
Брала себѣ... на лоно...

Было тутъ нѣсколько историческихъ эпиграммъ, бойкихъ и ѣдкихъ. Являлся тутъ со стихами своими и какой-то Панцербитеръ — имя, кажется, не поддѣльное, а настоящее. Кто теперь знаетъ, что былъ у насъ поэтъ Панцербитеръ? Гдѣ эта рукопись? Вѣроятно, сгорѣла она въ Московскомъ пожарѣ 12-го года. По крайней мѣрѣ, всѣ попытки отыскать ее оказались напрасными. На всякій случай здѣсь изложена явочная помѣтка о пропавшей безъ вѣсти. Въ „Вѣстникѣ Европы“, изданіи Жуковскаго, было напечатано нѣсколько эпиграммъ, взятыхъ изъ этого сборника и, разумѣется, позволительныхъ и цѣломудренныхъ.

Кажется, можно, безъ зазрѣнія совѣсти, сказать, что Русскій народъ, вообще: поющій и пьющій. Нашъ простолюдинъ поетъ и

пьетъ съ радости и съ горя; поетъ и пьетъ за работою и отъ нечего дѣлать, въ дорогѣ и дома, въ праздникъ и будни. Въ Германіи, напримѣръ, рѣдко услышишь отдѣльную и одинокую пѣсню. Но за то въ каждомъ городкѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ, есть общество, братство пѣнія; а иногда два-три ремесленника, цѣховые, сбираются, учатся пѣть, спѣваются, иногда очень ладно и стройно; потомъ сходятся въ пивную и, за кружками пива, даютъ вокальные концерты, что́ любо послушать. Нѣмцы и Французы имѣютъ цѣлую литературу застольныхъ пѣсней. А мы, охотно поющіе и охотно пьющіе, ничего такого не имѣемъ.

Въ старыхъ Московскихъ бумагахъ отыскалась подобная исключительная, застольная пѣснь, которую сюда и заносимъ:

Веселый шумъ, пѣнье и смѣхи,
Обмѣнъ бутылокъ и рѣчей:
Такъ празднуетъ свои потѣхи
Семья пирующихъ друзей.
Все искрится, вино и шутки!
Глаза горятъ, свѣтлѣетъ лобъ,
И въ зачастую, въ промежутки,
За пробкой пробка хлопъ да хлопъ!

Хоръ.

Подобно, древле, Ганимеду,
Возьмемся дружно за одно.
И наливай сосѣдъ сосѣду:
Сосѣдъ вѣдь любитъ пить вино!

Денисъ! Тебѣ почетъ съ поклономъ,
Первоприсутствующій нашъ!
Командуй нашимъ эскадровомъ
И батареей крупныхъ чашъ.
Правь и бесѣдой, и попойкой:
Въ бояхъ наѣздникъ на враговъ,
Ты партизанъ не меньше бойкой
Въ горячей стычкѣ острыхъ словъ.

Хоръ.

Подобно, древле, Ганимеду и проч.

А вотъ и нашъ Американецъ!
Въ день славный, подъ Бородинымъ,

Ты храбро несъ солдатской ранецъ
И щеголялъ штыкомъ своимъ.
На память дня того, Георгій
Украсилъ боевую грудь:
Средь нашихъ мирныхъ, братскихъ оргій,
Вторымъ ты по Денисѣ будь!

Хоръ.
Подобно, древле, Ганимеду и проч.

И ты, нашъ меланхоликъ милый,
Пѣвецъ кладбища, Русскій Грей!
Въ вѣнкѣ изъ свѣжихъ розъ съ могилы,
Виномъ хандру ты обогрѣй!
Но не одной струной печальной
Звучатъ душа твоя и рѣчь.
Ты мастеръ искрой геніальной
И шутку пошлую поджечь.

Хоръ.
Подобно, древле, Ганимеду и проч.

Ключа Кастальскаго питомецъ,
И классикъ съ головы до ногъ!
Плохой ты Вакху богомолецъ,
И нашу вѣру превебрегъ
По части рюмокъ и стакановъ;
Хоть между нами ты профанъ,
Но у тебя есть твой Буяновъ:
Онъ за тебя напьется пьянъ.

Хоръ.
Подобно, древле. Ганимеду и проч.

Законамъ древнихъ Музъ подвластный,
Тибулла нѣжный ученикъ!
Ты Юга негой сладострастной
Смягчилъ нашъ сѣверный языкъ.
Приди и чокнемся съ тобою,
Бокалъ съ бокаломъ, стихъ съ стихомъ,
Какъ ужъ давно душа съ душою,
Мы побратался родствомъ.

Хоръ.
Подобно, древле, Ганимеду и проч.

Насъ дружба всѣхъ усыновила,
Мы всѣ свои, мы всѣ родня,
Лучи мы одного свѣтила,
Мы искры одного огня.
А дни летятъ, и безъ возврата!
Какъ знать? быть можетъ, близокъ часъ,
Когда того-ль, другаго-ль брата,
Не досчитаемся средь насъ.

Хоръ.

Пока, подобно Ганимеду,
Возьмемся дружно за одно.
Чтожъ? Наливай сосѣдъ сосѣду:
Сосѣдъ вѣдь любитъ пить вино.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

Аблесимовъ, писатель, 258.
Августинъ, епископъ Дмитровскій, 394.
Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ, 289.
Аксаковъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ, 289—290.
Актонъ, ирландецъ, 398.
Александра Ѳеодоровна, императрица, 404.
Александръ I, императоръ. Ланжеронъ 56—58; кончина его, 63; неблаговолилъ къ Кутузову, 49, 120, 122, 123; 1812 годъ, 70; преобразователи 73; похороны Ѳ. П. Уварова, 74; военныя поселенія, 75; Чичаговъ, 81—82; Андріе, 95; разсказы о немъ, 97; характеристика его, 193—195, 197—200, 202—207; зналъ стихи Востокова, 236; Зайончекъ, 108; частыя путешествія, 112; Карамзинъ, 113—114; Дмитріевъ, 120, 121; слова его о Наполеонѣ, 123; разсказы о немъ, 246; первое свиданіе съ Наполеономъ, 254—255; упом. 256; благоволилъ къ Кривцову, 265; Остерманъ Толстой, 300, 303; воцареніе 310; свѣдѣніе о немъ, 319, 351—352, 353, 357, 367, 399—400, 401, 436, 460—461, 493, 502.
Альфіери, 39.
Анакреонъ, 9, 38.
Англія и **Англичане**, 99—101.
Андріе, актеръ, 1, 95.
Андріе, Филиса, актриса, 1, 95, 162.
Антонскій-Прокоповичъ, Антонъ Антоновичъ. Свѣдѣнія о немъ, 323—324, 414.
Апраксина, (рожд. княжна Голицына), Екатерина Владиміровна, 342, 395, 474.
Апраксинъ, графъ Василій. Его остроты, 22, 23, 52, 67—68, 144.
Апраксинъ, Степанъ Степановичъ. Свѣдѣнія о немъ, 470—474.
Аракчеевъ. Свѣдѣнія о немъ, 74—75, 77—78, 205—207; козелъ отпущенія, 112.
Арендтъ, Николай Ѳедоровичъ, докторъ. Свѣдѣнія о немъ, 241.
Арзамасъ, общество, 226, 415—426.
Армфельдтъ, графъ, Густавъ-Маврикій, 193.
Архаровъ, Иванъ Петровичъ, 370.
Архаровъ, Николай Петровичъ, 21.

Багратіонъ, князь Петръ Ивановичъ, 117, 170—171, 270.
Багратіонъ (рожденная графиня Скавронская), княгиня. Свѣдѣнія о ней, 171—172.
Байковъ, чиновникъ Новосильцова, 67; свѣдѣнія о немъ, 353.
Байронъ. Свѣдѣнія о немъ, 76.
Балашовъ, Александръ Дмитріевичъ, 193.
Балкъ-Полевъ, посланникъ Бразильскій. Свѣдѣнія о немъ, 138.
Баратынскіе, 266.
Баратынскій. Замѣчаніе его о Нѣмцахъ, 37—38; житье съ Львомъ Пушкинымъ, 238, 239; свѣдѣнія о немъ, 290—291, 427, 438, 455.
Барріеръ, издатель записокъ Ломени, 36.

Барятинскій, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ, гофмаршалъ, 84—85.
Басни, 479—480.
Батте, 9, 38.
Батюшковъ. Отзывъ объ А. С. Хвостовѣ, 240; о Жуковскомъ, 432; дружба съ Гнѣдичемъ, 455; болѣзнь его 481.
Вегровъ, литографъ, 261.
Бебородко, князь Александръ Андреевичъ, 162.
Беклешовъ, Александръ Андреевичъ. Отзывъ его о госуд. людяхъ, 73
Бенжаменъ-Констанъ, 95, 382.
Бенкендорфъ, графъ Александръ Христофоровичъ, 143.
Бенкендорфъ, Христоферъ. Свѣдѣнія о немъ, 90—91, 151, 306.
Бернадотъ, 117; свѣдѣнія о немъ, 269, 270.
Бертоме, камеръ-юнфера, 151.
Бибиковъ, Дмитрій Гавриловичъ, 397.
Бирономъ, 55; свѣдѣнія о немъ, 207—212.
Біеврѣ, маркизъ, 9.
Блудовъ, графъ Дмитрій Николаевичъ. Воспоминанія о немъ, 53, 125, 267, 274—275, 279, 491.
Богдановичъ. Его **Душенька**, 23—24.
Болтинъ, критикъ. Свѣдѣнія о немъ, 25—26.
Бороздинъ, ген., 298, 467.
Борщова, фрейлина, 151.
Бранницкій, 106.
Брюловъ, 459.
Брюнеттъ, 151.
Буало, 90.
Будбергъ, баронъ, Эстляндскій губернаторъ, 306.
Булгаковъ, Александръ Яковлевичъ, 279, 390, 485.
Булгаковъ, Константинъ Яковлевичъ, 190, 284, 389—390.
Булгаринъ, 90.
Бунсенъ, 243—244.
Бутурлинъ, Дмитрій Петровичъ, 121, 122, 175, 312.
Бутурлинъ, графъ Дмитрій Петровичъ, библіоманъ. Свѣдѣнія о немъ, 166.
Бѣлинскій, 139, 328.
Бѣлосельскій, князь Александръ Михайловичъ. Его разсказы, 132—133, 270—271; свѣдѣнія о немъ, 393—394, 489.
В., 395.
В., 484.

Вадковскій, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, 151.
Валуевъ, Александръ Петровичъ, 437.
Валуевъ, Петръ Степановичъ, 75.
Вальтеръ-Скотъ, 33—35, 232, 276.
Варнекъ, живописецъ, 90.
Веллингтонъ, 76—77.
Веревкинъ, генералъ, 8.
Веревкинъ, писатель. Свѣдѣнія о немъ, 7.
Веронъ, франц. писатель, 260.
Взяточничество, 241—242.
Викторъ Гюго, его романъ Han d'Islande, 40; драма Эрнани, 233.
Вилье, докторъ, 73—74.
Вилла Медина, графъ, 36.
Вителлій. Слова его о тѣлѣ убитаго врага, 7.
Виттъ, 167.
Вовенаргъ, 11.
Воейковъ, Александръ Ѳедоровичъ, 80. 505.
Волкова, Маргарита Александровна, 79.
Волковъ, Александръ Александровичъ, 460—461.
Волковъ, актеръ, 173.
Волконскій, князь Петръ Михайловичъ, 112, 199.
Вольтеръ. По поводу пустыхъ вопросовъ, 1; отзывъ о немъ, 2; замѣчаніе о Шекспирѣ, 19—20; о французскомъ языкѣ, 26—27 и французахъ, 37; упом. 227, 340.
Востоковъ. Поэтическія его произведенія, 233, 235, 236.
Вронченко, министръ финансовъ, 297.
Вьельгорскій, графъ Михаилъ Юрьевичъ, 92, 231, 369, 401, 434.
Вѣнскій конгрессъ, 399—400.
Вяземская (рожденная княжна Гагарина), Вѣра Ѳедоровна, 395.
Вяземская, княгиня Евгенія Ивановна, 392.

Вяземскій, князь Андрей Ивановичъ, 392—393, 394, 401, 402.
Вяземскій, князь Николай Григорьевичъ, 406.
Вяземскій, князь Петръ Андреевичъ. Подъ литерами *NN*. 29, 51, 53, 64, 68, 74, 90, 117, 129, 131, 137, 159, 160, 171, 174, 183, 184, 213, 214, 218, 221, 231, 239, 240, 241, 242, 246, 247, 259, 272, 296, 316—320, 330, 347, 363, 364, 395, 429—432, 433, 439, 441, 447, 448, 452, 461—462, 482, 501.
В., ген., 343.

Габріели, пѣвица, 129.
Гагарина, (рожденная кн. Лопухина), кн. Анна Петровна, 307.
Гагаринъ, князь Василій, 117.
Гагаринъ, князь Павелъ Гавриловичъ 307.
Гагаринъ, Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ. 437.
Гагаринъ, князь, принадлежащій къ Ордену Іезуитовъ, 452.
Гагарины, князья, 364.
Галера, разгульное общество, 492, 505.
Галкинъ, 2.
Гамильтонъ, леди, 398.
Ганъ, ген., 40.
Геденусъ, докт., 501.
Гельвецій, 351.
Гельгудъ, генералъ Польскій, 144.
Герценъ, 244, 328.
Глинка, Сергѣй Николаевичъ, 365, 383, 483.
Гнѣдичъ, 116, 368; свѣдѣнія о немъ 454—456.
Гобъ-Гузъ, пріятель Байрона, 76.
Гоголь. Ревизоръ, 318; замѣчаніе о немъ 449.
Голенищевъ-Кутузовъ, князь Смоленскій. Свѣдѣнія о немъ, 49, 120, 122—123.
Голенищевъ-Кутузовъ, Павелъ Ивановичъ, 459—460.
Голицина (Princesse Nocturne), рожденная Измайлова, Евдокія Ивановна. Свѣдѣнія о ней 378—386.
Голицынъ, князь Александръ Николаевичъ, 157, 272, 339.
Голицынъ (Cosa rara), князь Александръ Николаевичъ, 401.
Голицынъ (Рыжій), князь Александръ Сергѣевичъ. Свѣдѣнія о немъ, 63; 376—377.
Голицынъ, князь Борисъ Владиміровичъ. Свѣдѣнія о немъ 489—490.
Голицынъ, князь Владиміръ 261—262.
Голицынъ, князь Григорій Сергѣевичъ, 266.
Голицынъ, князь Дмитрій Владиміровичъ. Свѣдѣнія о немъ, 80—81, 147—148, 190.
Голицынъ, князь Егоръ Алексѣевичъ. Свѣдѣнія о немъ, 315—116.
Голицынъ, князь Сергѣй Сергѣевичъ, 505.
Голицынъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ, 474.
Голицынъ (Jean de Paris), князь. Свѣдѣнія о немъ, 65—67, 172, 173.
Голицынъ, князь. Его стихи. 504
Головина (рожденная княжна Голицына) графиня Варвава Николаевна (Зап. Энгельгардта. Изд. Русск. Архива. М. 1867, стр. 105). Ея разсказы объ Екатеринѣ и Потемкинѣ, 84—88.
Головкина, графиня 468.
Головкинъ, графъ, 157.
Горацій, 9, 28, 38.
Горенки, 400.
Горчаковъ. князь Дмитрій, писатель, 507.
Гостилицы, село, близъ Петергофа, 338.
Грабовскій, 50.
Гречъ, 90, 214, 441.
Грибоѣдовъ. Горе отъ ума 161, 289.
Гримм, баронъ, 273.
Грузинцевъ, актеръ, 409.
Гудовичъ, графъ Иванъ Васильевичъ, главнокомандующій Московскій. Свѣдѣнія о немъ, 189, 401.
Гурьева (рожденная графиня Салтыкова), графиня Прасковья Николаевна, 214, 215.
Гурьевъ, графъ Александръ Дмитріевичъ, ген.-губернаторъ Кіевскій, 358.
Гусятниковъ. Свѣдѣнія о немъ, 162, 502.

Даву, 329, 361.
Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ. Свѣдѣнія о немъ, 59, 82, 84, 117, 167, 178, 214, 226, 238, 239 257, 374, 376, 468, 492.
Даламберъ, 1—2, 335.
Дашкова, княгиня Екатерина Романовна. Бар. Жерамбе, 62—63; 366.
Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ, 183, 278, 346.
Дашковъ, князь Павелъ Михайловичъ. Свѣдѣнія о немъ 62, 117.
Дебосборъ, 409.
Делаферте, дюкъ, 36—37.
Делиль, принцъ, 399.
Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновичъ, 130. Свѣдѣнія о немъ 442—446, 455.
Де-Местръ, 286.
Державинъ. Дружба съ Веревкинымъ, 8; ода Ключъ, 15; свѣдѣнія о немъ 24—25, 28, 92, 303, 332, 344—345, 361, 373, 476—478. 507.
Дидеротъ, 15, 54, 132, 203.
Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ. О Костровѣ, 10; его стихотворенія 41—42; Шишковъ, 43; разсказы его 56, 58, 71 72, 97, 125, 165, 174, 190, 236; Молчановъ 120 — 121; Мамоновъ, 134—135; скопидомъ на книги, 165; свѣдѣнія о немъ, 273, 279, 310, 324, 326, 333, 334, 345—347, 401, 427, 456, 503.
Долгорукова (рожденная княжна Барятинская), княгиня Екатерина Ѳедоровна, 87, 489.
Долгорукова, княгиня Наталія Владиміровна, 394.
Долгорукова (рожденная графиня Сенъ-При), княгиня Ольга Карловна, 315.
Долгоруковъ, князь Василій Андреевичъ, 315.
Долгоруковъ, князь Василій Васильевичъ, 298.
Долгоруковъ, князь Иванъ Михайловичъ. Свѣдѣнія о немъ; 476—480.
Долгоруковъ, князь Илья Андреевичъ, 77—78.
Долгоруковъ, князь Михаилъ Петровичъ, 380.
Долгоруковъ, князь (Петръ Петровичъ.) Его каламбуры, 49, 467.
Долгоруковъ, князь Юрій Владиміровичъ, 79—80, 256.
Долгоруковъ, князь Яковъ Ѳедоровичъ. Соч. Тыртова, 29—31; Бороздина, 31.
Долгоруковы, князья, 467, 470.
Донъ-Кихотъ. Замѣчаніе о немъ, 223.
Дружининъ, Я. А. 130—131.
Дубровицы, село, 136.
Дурасовъ, бригадиръ, 394.
Дюкло, 132.
Дюксель, маршалъ, 36.
Дюноръ, 240.
Дав., П. Л., 488.
Д, секретарь при гр. Марковѣ, въ Стокгольмѣ, 82—83.

Екатерина Великая. Веревкинъ, 7— 8; по поводу ея кончины, 23; письма къ кн. Долгорукову-Крымскому 31; Дидеро 54; уважала Сюлли, 54; замѣчаніе о ней, 68, 77, 197. Разсказы о ней Головиной 84—87; кн. П. С. Мещерскій, 88—89; Станиславъ Понятовскій, 106—107, 109, 110; разсказы о ней, 118—119, 129, 146, 168—169, 172 173; Суворовъ, 292; ея редакція, 187—188; упом. 256; преслѣдуетъ азартныя игры, 349.
Екатерина Павловна, в. кн.. 70, 77, 193.
Елизавета Петровна, императрица. Награждаетъ Веревкина, 7; дарить Гостилицы Разумовскому, 338.
Эммануэль, генер., 167.
Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ. Отзывъ его объ одномъ генералѣ, 54; Меншиковъ, 78; остроты, 124; свѣдѣнія о немъ, 170—171, 225—226, 244.

Жабоклацкій, 343.
Жерамбе, баронъ. Свѣдѣнія о немъ 62—63.
Живопись. Замѣчанія о ней, 11—14.
Жирарденъ, 404.
Жихаревъ, Степанъ Петровичъ, 121.

Жозефина, императр., 352.
Жолковскій, комическій актеръ Варшавскаго театра, 3, 142.
Жоржъ, актриса. Свѣдѣнія о ней, 252—254.
Жофре. О Екатеринѣ, 168.
Жуковскій. Свѣдѣнія о немъ, 253, 269, 271, 274, 275, 278, 307, 324, 337 371, 378, 432, 433, 435, 448, 455, 480, 486—487, 490—491, 507.

Загоскинъ, 53.
Загряжская (урожденная графиня Разумовская), Наталія Кириловна. Свѣдѣнія о ней, 184—186, 401.
Зайончикъ, намѣстникъ Царства Польскаго, 108.
Заіончикъ, княгиня, 61.
Закревскій, графъ Арсеній Андреевичъ, 220.
Западники, 284—286.
Зловъ, актеръ, 434.
Зубовъ, князь Платонъ Александровичъ, 172.

Ивановъ день. Празднованіе его въ Ревелѣ, 18.
Измайловъ, баснописецъ. Замѣчанія о немъ, 25.
Измайловъ, помѣщикъ Рязанскій, 34.

Іосифъ II, императоръ, 150.

Каверинъ, Павелъ Никитичъ. О Сумароковѣ, 21.
Каверинъ, Павелъ Николаевичъ, 435, 436.
Каверинъ, Петръ Павловичъ, 436.
Каменскій, графъ Николай Михайловичъ, 57.
Канкринъ, графъ, Министръ Финансовъ, 183, 244, 245, 298.
Каменгаузенъ, Балтазаръ Балтазаровичъ, 460.
Каннистъ, писатель, 334.
Карабановъ, переводчикъ Альзиры, 472, 507.
Карамзинъ. Знакомство съ Костровымъ, 10; вводилъ иностр. слова, 26; разсказы его, 55 — 56, 244. Исторія 60; Ростопчинъ, 83; знакомство съ Платовымъ, 84; Русскій языкъ, 89; свѣдѣнія о немъ, 113—115, 193, 273, 278, 315 — 316, 326, 328. 331, 332, 364, 372—373, 384 — 385, 386, 392, 394, 401, 427, 429, 453—454, 487, 503.
Карамзины, 378.
Карнъ. Его стихотворенія, 41.
Карповка, близъ Петербурга, 481.
Карточная игра, 95—96.
Карцева, содержательница французскаго театра въ Москвѣ, 224—225.
Катенинъ, 148.
Кашкинъ, Дмитрій Евгеніевичъ, 396.
Кашкинъ, Николай Евгеніевичъ, 396.
Квасной патріотизмъ, 138—139.
Кейзерлингъ, 106, 107, 109.
Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ, 290, 484.
Киселевъ, Николай Дмитріевичъ, 181, 182.
Киселевъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ, 118, 199, 200, 382.
Киселевъ, Ѳедоръ Ивановичъ, 58, 118.
Кларн, принцъ, 149.
Клейнмихель, графъ Петръ Андреевичъ, 218—219.
Княжнинъ, 27.
Кобенцель, графъ, 85.
Козловскій, князь Петръ Борисовичъ, 264.
Ководавлевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ. Четверостишіе на него князя Салтыкова, 41; остроты надъ нимъ, 53, 346.
Кокошкинъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, 80, 222, 346, 471—472.
Кокошкинъ, 472.
Комаровскій, графъ Евграфъ Ѳедотовичъ, 122.
Комедіи. Замѣчаніе о Русскихъ, 27.
Конде, принцъ, 130—131.
Константинъ Павловичъ, в. князь Воспоминанія о немъ, 52 — 54, 63, 65 - 67, 72, 78, 86, 87, 139—143, 204, 295, 343, 353, 357, 493.
Контю, принцъ, 216.
Коньевъ, свѣдѣнія о немъ, 157, 325, 365, 467.

Корнель, 9.
Каролина, королева Неаполитанская, 398.
Корсакова (Римская), Марія Ива-
Корсаковъ (Римскій), Григорій Александровичъ, 138.
Корсаковъ, Иванъ Николаевичъ, 467.
новна, 221.
Косаковскій, графъ, 398.
Костенецкій, генер., 129, 384.
Костровъ, Ермилъ Ивановичъ. Свѣдѣнія о немъ, 10.
Кочубей, князь Викторъ Павловичъ, 202, 401.
Краковское Судилище, 3.
Красинскій, графъ. Свѣдѣнія о немъ, 146—147.
Кривцовъ, Николай Ивановичъ. Свѣдѣнія о немъ, 265—268.
Кривцовъ, Павелъ Ивановичъ, 268.
Кротковъ, вотчимъ критика Болтина, 25—26.
Крузе, докторъ, 151.
Крыловъ, 18, 25; его **Проказники** 27; басни,53; эпиграмма на Хвостова, 90; замѣчаніе гр. Сакена по поводу его кончины, 112; отзывъ о немъ Катенина, 148; отзывъ его о Шишковѣ, 197; свѣдѣнія о немъ, 371—372, 454—455, 478—479, 490.
Куперъ Его романъ **Красный Корсаръ**, 34—35.
Куракинъ, князь Александръ Борисовичъ, 151.
Курута, генералъ, 63, 66, 78, 144, 357.
Кутайсовъ, графъ Иванъ Павловичъ, 158.
К., Московскій Чудакъ, 83.
К., сочинитель, 363.
К., г-жа, 378.

Лавальеръ, дѣвица, 36.
Лагарпъ, наставникъ Александра I, 203, 205, 207.
Лагарпъ, критикъ, 165.
Лазаревъ, Иванъ Іоакимовичъ. Свѣдѣнія о немъ, 81.
Лазаревъ, свойственникъ Талейрана, 218.
Ламетъ, Александръ, ген., 39.
Ланжеронъ, графъ Александръ Ѳедоровичъ. Свѣдѣнія о немъ, 56 — 58, 121, 381.
Ланкастерская школа, 338—339.
Лафонтенъ, 18.
Левашовъ, Василій Ивановичъ, 298, 349.
Левашовъ. Свѣдѣнія о немъ, 71.
Левицкій, комендантъ Варшавскій, 67.
Лемьеръ, писатель, 9.
Лермонтовъ, 485.
Ливенъ, княгиня. Ея салонъ, 172.
Лисицынъ, актеръ, 393.
Литта, графъ, 261.
Лобановъ-Ростовскій, князь Яковъ Ивановичъ, 86, 139.
Лодоиска, опера, 51.
Ложечниковъ, писатель, 303—304.
Ломени, Генрихъ. Его записки, 35—37.
Ломоносовъ. Замѣчаніе о немъ, 17, 20, 37, 43—48, 321, 348, 478, 507.
Лопухинъ, Иванъ Владиміровичъ. Свѣдѣнія о немъ, 176, 367.
Лубинскій, ген., 61.
Лубяновскій, Ѳедоръ Петровичъ, 367.
Лун-Филинъ, король французскій, 165.
Лунинъ, Петръ Михайловичъ, 147—148, 376.
Лунинъ, 161—162.
Льгово, подмосковная Апраксиныхъ, 473—474,
Любичи, Тамбовская деревня Кривцова, 266, 268.
Любомирскій, князь Марцелинъ, 70.
Людовикъ XIV, король, 36, 319.
Людовикъ XVIII, 377.
Лев., дѣвицы, 466.
Л., графъ 259—260.
Л., графъ, 260.
Л., ген., 363.
Л., 366.

Магницкій. Свѣдѣнія о немъ, 69, 191 194, 200—202.
Мадатовъ, князь, 226.
Мазарини, кардиналъ, 35, 216.
Майковъ, Василій Ивановичъ, 432.
Мальтицъ, баронъ, посланникъ въ Гагѣ, 451.

Мальтицъ, баронъ, дипломатъ, 451—452.
Мамоновъ, графъ Матвѣй Александровичъ. Свѣдѣнія о немъ, 134—136.
Манзони. Его романъ **Обрученный**, 32—34.
Мансуровы, 409.
Маре, герцогъ Бассанскій, 349.
Маринъ, Сергѣй Никифоровичъ. Свѣдѣнія о немъ, 115—116.
Марія Павловна, в. княгиня, 123.
Марія Ѳеодоровна, (имп.), 91. Свѣдѣнія о ней, 149—154, 306, 371.
Марковъ, графъ Аркадій Ивановичъ, 54; свѣдѣнія о немъ, 82, 93—94, 174, 353, 354.
Марковъ, графъ Ираклій Ивановичъ, 80.
Маркусъ, докторъ, 80—81.
Масальская, княгиня. Ея домъ на Мясницкой, 467.
Медоксъ, 503.
Мельницы, 258.
Меншиковъ, князь Александръ Даниловичъ. Картина его жизни, 31—32
Меншиковъ, князь Александръ Сергѣевичъ, адмиралъ. Свѣдѣнія о немъ, 40, 78, 214, 218—219, 245.
Мере, французскій комикъ, 141, 142.
Мерзляковъ. Отзывъ объ его критикѣ, 164—165; неумытный, 190; его родина 410; его стихи 433.
Мериме, 173.
Меттерних, 94.
Мещерскій, князь Платонъ Степановичъ. Свѣдѣнія о немъ, 88—89.
Милоновъ, писатель. Свѣдѣнія о немъ 345—347.
Милорадовичъ, графъ Михаилъ Андреевичъ, 58, 127, 171, 172, 280.
Мирабо. Въ Запискахъ Ламета, 39—40.
Михайловскій-Данилевскій, военный историкъ, 112.
Михаилъ Павловичъ, в. кн., 404, 495.
Мицкевичъ, 127, 353.
Мицѣльскій, адъютантъ в. кн. Константина Павловича, 143.
Модерахъ, генер. губ Пермскій, 410.
Молчановъ, Петръ Степановичъ. Разсказы его, 89, 98; свѣдѣнія о немъ 119—121.
Мольеръ, 15; его **Мизантропъ** 24.
Мордвиновъ, Николай Семеновичъ, 328.
Моро, 9, 440.
Москва, 358—359, 365, 369, 370, 374—375, 394, 400, 431, 434, 437, 467, 471, 501—502.
Мостовскій, графъ, 50.
Мочениго, 458.
Музыка. Замѣчаніе о ней, 11—14.
Мусинъ-Пушкинъ, графъ Алексѣй Ивановичъ, 77.
Мятлевъ, писатель, 244, 245.
М., 485.

Наполеонъ I, 9; замѣчаніе о немъ Румянцова, 22, 61—62; 1812-й годъ, 50; Поляки, 50—51; свѣдѣнія о немъ, 75—76, 93, 94, 123, 254—256, 349, 352—353, 457; записка его, 243
Наполеонъ III, имп., 270.
Народъ, 173—174.
Нарышкинъ, А. А., 169.
Нарышкинъ, Александръ Львовичъ, 72, 73, 130, 137.
Нарышкинъ, Дмитрій Львовичъ, 72.
Негри, Оспинъ, 447.
Неккеръ, 325.
Нелединскій-Мелецкій, Юрій Александровичъ. Замѣчаніе о **Душенькѣ**, 24; свѣдѣнія о немъ, 70, 73, 157, 158, 176, 201, 300, 304, 305, 367—368, 402—403, 408.
Нелидова, Екатерина Ивановна, фрейлина, 151.
Нессельроде, графъ, канцлеръ, 495.
Нейловъ. Свѣдѣнія о немъ, 158—159, 177, 360—361.
Николай I, императоръ, 302, 303, 338—339, 357—358, 404, 499.
Новиковъ, Николай Ивановичъ. Свѣдѣнія о немъ, 175.
Новосильцовъ, Иванъ Николаевичъ, 368—369.
Новосильцовъ, Николай Николаевичъ. Свѣдѣнія о немъ 61, 64—65, 67, 202, 203, 353—354, 356—357, 367—368, 376—377.
Новосильцовъ, пріятель графа Ростопчина. Свѣдѣнія о немъ, 225.

Новосильцовъ, Сергѣй Сергѣевичъ, 437.
Ностицъ, камергеръ, 105—106.
Нувель, 338.
Нѣмецкій языкъ, 488.
Нѣмцевичъ, польскій писатель, 64, 501.
Нѣмцы, 429—430.
Н., 446.

Оболенскій, князь Андрей Петровичъ. 401.
Обольянинова, Петръ Хрисанѳовичъ, 123, 124.
Обрѣзкова, Елизавета Семеновна, 408.
Обрѣзковъ, Петръ Александровичъ, сенаторъ, 407, 40[illegible], 410, 411.
Огаревъ, Н. И., 133—134.
Окуневъ, 489.
Оленинъ, Алексѣй Николаевичъ, 90, 456.
Опочининъ, Ѳедоръ Петровичъ. Свѣдѣнія о немъ, 293—295.
Оргонъ, 1.
Орлова (рожденная Зиновьева), княгиня Екатерина Николаевна, 466.
Орлова-Чесменская, графиня Анна Алексѣевна, 171.
Орловъ, (князь) Алексѣй Ѳеодоровичъ. Свѣдѣнія о немъ, 74—75, 179—180.
Орловъ, князь Григорій Григорьевичъ, 466.
Орловъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, 136, 239, 289, 380, 384, 385, 440, 441, 505.
Оскаръ, шведскій принцъ, 268.
Остейнъ, графъ, 55.
Остенъ-Сакенъ, графъ, фельдмаршалъ, 112, 113.
Остерманъ, графъ Иванъ Андреевичъ, ице-канцлеръ. Свѣдѣнія о немъ, 84.
Остерманъ, графъ Ѳедоръ Андреевичъ, 91, 92.
Остерманъ-Толстой, графъ Александръ Ивановичъ. Свѣдѣнія о немъ, 51, 298—305.
Офросимова, Настасья Дмитрієвна. Свѣдѣнія о ней, 219—220.
Офросимовъ, Александръ Павловичъ. Свѣдѣнія о немъ, 220—222, 435—436.

Павелъ I, импер. Свѣдѣнія о немъ 73, 74, 89, 91, 111, 130—131, 149—157, 169, 173, 256, 306—307, 390—392, 394, 398.
Павловъ, Николай Филипповичъ, 74, 80, 289, 290.
Паленъ, графъ Петръ Алексѣевичъ. Спб. воен. ген. губерн., 130.
Паленъ, графъ Петръ Петровичъ, 130.
Пальменштерна, Шведскій посланникъ въ Петербургѣ. Свѣдѣнія о немъ, 214—215.
Пальмерстонъ, 243.
Панина, (дѣвица при Екатеринѣ, Анна Васильевна?), 84.
Паninъ, графъ Никита Ивановичъ, 109, 207.
Паninъ, графъ Петръ Ивановичъ, 54.
Панцербитеръ, 41, 507.
Паскевичъ, князь Варшавскій. Замѣчаніе его о Польшѣ, 105. Свѣдѣнія о немъ, 264, 343.
Паулучи, маркизъ, 51.
Пашкова домъ, въ Москвѣ, 468.
Перовскій, Алексѣй Алексѣевичъ, 413—414, 448.
Пестель, Иванъ Борсовичъ. Свѣдѣнія о немъ, 390—393.
Пестель, (рожденная Крокъ), 392—393.
Пестель, декабристъ, 392.
Петровъ, Василій Петровичъ, писатель. Его не любилъ Костровъ, 10; ода Орлову, 466.
Петръ Великій. Долгоруковъ, 30; Меншиковъ 31—32; замѣчаніе о немъ, 35, 68, 321; памятникъ его въ Петербургѣ, 120.
Петръ III, императоръ. Награждаетъ Веревкина, 7.
Печать (la presse), 495—498.
Платовъ, атаманъ. Знакомство съ Карамзинымъ, 84; разсказы о немъ 257.
Плетневъ, Петръ Александровичъ, 368, 455.
Плещевъ, маіоръ, 151.
Плонкетъ, танцовщица, 260.
Плятеръ, 50.
Позняковъ. Свѣдѣнія о немъ, 160—162, 394.
Полненне, литераторъ, 413.

Полевой, Николай Алексѣевичъ, 173, 190, 191, 328.
Полетика, Петръ Ивановичъ, 81.
Полятковскій. Его стихи, 40—41.
Польша и Поляки, 50—51, 61, 63, 105, 110, 111, 300, 354—358.
Понятовскій, князь 50.
Попъ, 19.
Пословицы. Замѣчаніе на „Овцы цѣлы и волки сыты“. 16.
Потемкина, (рожденная княжна Голицына), Татьяна Борисовна, 337—339.
Потемкинъ, князь Таврическій. Разсказы о немъ 87—88, 298; получаетъ тубу отъ Екатерины, 146.
Потемкинъ, графъ, 225.
Потоцкая (рожденная Виттъ), графиня Софія, 87.
Потоцкая, графиня, 280.
Поццо-ди-Борго Свѣдѣнія, о немъ 75, 180—182, 261.
Прага, городъ, 400.
Прадонъ, 8.
Прадтъ, 9, 76.
Приклонскій. Свѣдѣнія о немъ 223.
Пушкина, (рожденная Ганнибалъ), Надежда Осиповна, 238.
Пушкина, Ольга Сергѣевна, 238.
Пушкинъ, Алексѣй Михайловичъ. Свѣдѣнія о немъ, 52, 75, 116, 167, 176, 177, 178, 217, 255—256, 344, 351, 395, 396, 413, 471, 473, 474, 483, 484, 488—489, 491, 492, 493.
Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, кн. Юсуповъ предлагалъ ему подновить языкъ трагедій Сумарокова, 39; разсказы о немъ, 55, 176; Лапжеронъ, 58; замѣчаніе объ одной элегіи, 82; карточная игра, 95; отношенія къ родителямъ, 148; не бывалъ въ чужихъ краяхъ, 168; разсказы Загряжской, 185; одинъ разговоръ, 231; отношенія къ брату, 236—239. Свѣдѣнія о немъ. 304, 310, 322, 331, 333, 366, 372, 384, 385, 427 435, 442, 454, 455, 465, 478, 480, 481, 487, 494, 505.
Пушкинъ, Василій Львовичъ, 40. Кн. Дашковъ, 62. Свѣдѣнія о немъ, 71, 72, 174, 176, 261, 271, 363, 395, 413, 415—426, 472—473, 488—489, 506.
Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ, 148—149; свѣдѣнія о немъ, 236—239.
Пушкинъ, Сергѣй Львовичъ, 148—149. 157, 238.
Пѣвцова (рожденная Модерахъ), 410—411.

Радолинская, графиня 239—240.
Раевскій, полковой командиръ. Свѣдѣнія о немъ, 139—140.
Раевскій, (Зифиръ), 467.
Разговорщики, разскащики, 131—132.
Разумовская (рожденная княжна Вяземская), графиня Марія Григорьевна. Свѣдѣнія о ней, 400—407.
Разумовскіе, 371.
Разумовскій, графъ Алексѣй Григорьевичъ, 338.
Разумовскій, графъ Алексѣй Кириловичъ, 42, 398, 400, 414.
Разумовскій, князь Андрей Кириловичъ. Свѣдѣнія о немъ, 398—400,
Разумовскій, графъ Левъ Кирилловичъ. Свѣдѣнія о немъ, 400—404.
Разумовскій, графъ Петръ Кирилловичъ, 338.
Разумовскій, графъ, узникъ Спасо-Евѳимьева монастыря 407—408.
Раллянъ, 321.
Расинъ, 8, 15, 20, 37.
Рашель, 500.
Рекамье, 382.
Ржевусская, графиня Розалія, 53—54.
Ржевусскій, маршалъ, 106.
Ржевусскій, графъ Гейнрихъ. Свѣдѣніе о немъ, 262—265.
Риваролъ, 14.
Рикордъ, адмиралъ, 347.
Ришелье, герцогъ, Новороссійскій генералъ-губернаторъ, 314—315.
Роганъ, 340.
Рожнецкій, генералъ Польскій. Разсказы его о 1812 годѣ, 50.
Розенъ, баронъ, генер., 226.
Розмарино, ген., 226.
Романы, 469—470.
Россійская Академія, 453, 454.
Россійскій Театръ, 232.

Ростопчинъ, графъ. Ѳедоръ Васильевичъ. Свѣдѣнія о немъ, 15, 77, 79—80, 83, 123—125, 154—156, 162, 189, 193, 257, 390, 391, 392, 398, 483.
Рубини, 218, 490.
Румянцовъ, графъ Николай Петровичъ. О Наполеонѣ, 22, 61, 62; Нарышкинъ, 72; кн. Мещерскій, 89, 245—246.
Румянцовъ-Задунайскій, гр. Петръ Александровичъ, 140—141.
Румянцовъ, графъ Сергѣй Петровичъ, 95, 245, 427.
Русскій языкъ, 38—39, 129, 134, 478.
Руссо, Ж. Б., 37.
Руссо, Ж. Ж., 203, 204, 242.
Рушковскій, Московской Почтъ—директоръ. Свѣдѣнія о немъ 389—390,
Рѣпнинъ, князь Николай Васильевичъ, 87.
Рюльеръ, 8.

Саблуковъ, ген., 344.
Сабуровъ, 244—245.
Салтыковъ, князь Александръ Николаевичъ. Его четверостишіе на Козодавлева, 41.
Салтыковъ, 151.
Сальваторе, докторъ, 189.
Сандунова (рожденная Уранова), Елизавета Семеновна, 162.
Сандуновъ, Николай Николаевичъ профессоръ, 163.
Сандуновъ, Сила Николаевичъ актеръ, 163.
Сапѣга, князь, 51.
Свѣчина (рожденная Соймонова), Софія Петровна. О Польшѣ, 51; ея салонъ, 172; замѣчанія, 240.
Сегюръ, графъ, 85.
Селимена, 1.
Сенъ-Жри, гр. семейство, 316.
Сенъ-При, графъ Алексѣй Карловичъ, перъ Франціи, 315.
Сенъ-При, графъ Карлъ Францовичъ, Херсонскій губернаторъ, 314—315.
Сенъ-При (рожденная княжна Голицина), графиня Софія Алексѣевна, 314.
Сенъ-При, графъ Эммануилъ Карловичъ; свѣдѣнія, о немъ 314—315.
Сенъ-При, графъ Эммануилъ Францовичъ, генералъ, 314.
Сентъ-Эленъ, графъ, 85.
Сибилевъ, дворянинъ. Свѣдѣніе о немъ, 223—225.
Синягинъ, ген. У него хранился альбомъ Апраксина, 68.
Славянофилы, 284—286, 483—484.
Славянскій языкъ, 39.
Слова. Замѣчаніе, 4—5.
Смирнова (Donna Sol.), Александра Осиповна. Свѣдѣнія о ней, 233—235.
Солнцевъ, родственникъ Пушкина, 62, 159.
Спасо-Евѳимьевъ монастырь, 407.
Сперанскій, 69, 123—124, 188; свѣдѣнія о немъ, 191—200.
Стакельбергъ, графъ Отто-Магнусъ, 94.
Сталь, 382.
Станиславъ Понятовскій, король Польскій, 73; записки его, 102—112.
Старынкевичъ, 264.
Статистика, 362—363.
Статфордъ (Канингъ). Пріѣздъ въ Москву, 75—77.
Столыпинъ, Алексѣй Аѳанасьевичъ. Его театръ, 393—394.
Строганова, графиня Софія Владиміровна, 203.
Строгановъ, графъ Павелъ Александровичъ, 202.
Стюартъ, лордъ, 94.
Стюрмеръ, графъ, Австрійскій посолъ при Отоманской Портѣ, 163, 164.
Суворовъ. Осмѣянъ Веревкинымъ, 8; его эпиграммы, 22; **Кутузовъ**, 49; **письмо къ Потемкину**, 55; слова его Каменскому, 292; замѣчаніе о немъ, 322.
Сумароковъ, Александръ Петровичъ. Свѣдѣнія о немъ, 6, 20—21, 37, 39, 48, 348, 478.
Сумароковъ, Панкратій, 3, 272.
Сюаръ, французскій писатель, 99, 165.
С., генералъ, 302.
С., 447.

Талейранъ, 95, 132, 194, 243, 313, 325, 349, 382.

Татищевъ, Дмитрій Павловичъ, посолъ въ Вѣнѣ. Отзывъ о **Жизни за Царя**, 182 183, 452.
Театръ, 471—474.
Терре, аббатъ, 241.
Тимирязевъ, Астраханскій губернат. 261.
Тимковскій, Василій Ѳедоровичъ, 131.
Титовъ, Василій Петровичъ, 470.
Толбухинъ, офицеръ, 135.
Толмачевъ, свѣдѣнія о немъ, 311—313
Толстая (рожденная Протасова), графиня. Свѣдѣнія о ней, 125 126.
Толстой, графъ Варѳоломей Васильевичъ, 126. 127.
Толстой (Американецъ), графъ, 37. Свѣдѣнія о немъ, 58, 59, 60, 137, 227, 267, 350, 362, 370, 375 376, 461, 504—505.
Тончи, живописецъ, 343, 345.
Тредьяковскій, 89—90.
Трубецкіе, кн. 468.
Трубецкихъ домъ въ Москвѣ, 394, 467—468.
Тургенева, мать извѣстныхъ Тургеневыхъ, 176.
Тургеневъ, Александръ Ивановичъ. Свѣдѣнія о немъ, 69, 168, 245, 273—292, 390, 455.
Тургеневъ, Николай Ивановичъ, 275, 278.
Тыртовъ, Евдокимъ. О кн. Я. Ѳ. Долгоруковѣ, 29—31.
Тверь, 165, 194, 301, 313.
Тютчевъ, Ѳедоръ Ивановичъ, 288, 428, 452, 482.
Тюфякинъ, князь (Иванъ Петровичъ). Свѣдѣнія о немъ, 260—261.
Т., 484.
Т., княгиня, 364.

Уваровъ, графъ Сергѣй Семеновичъ. 453, 490.
Уваровъ, Ѳедоръ Петровичъ, ген , 58, 74, 136, 157, 457.
Удино, 361.
Университетскій пансіонъ, въ Москвѣ, 345, 487.
У., генералъ, 52.

Фикельмонъ, графъ, 144, 180, 269.
Фикельмонъ, графиня, 493—494.
Филаретъ, митр. Московскій и Коломенскій, 71, 152, 279 280.
Фитингофъ, графиня, 84.
Фишеръ, ботаникъ, 400.
Фонъ-Визинъ, 3; дружба съ Веревкинымъ, 8; его комедіи, 27.
Французскій языкъ, 92—93, 487.
Фридрихъ Великій, 1—2.
Фрежеръ, актеръ, 412.
Ф., 323.

Ханыковъ, 402, 489.
Хвостовъ, Александръ Семеновичъ, 240, 507.
Хвостовъ, графъ Дмитрій Ивановичъ, 90, 125, 240, 332, 427.
Хемницеръ, 18.
Хераскова (рожденная Неронова), Елисавета Васильевна, 348.
Херасковъ. Замѣчанія о немъ, 11, 15, 17—18, 27—29.
Хитрово, (рожденная княгиня Кутузова Смоленская, по 1-му мужу графиня Тизенгаузенъ), Елизавета Михайловна, 493—495.
Хитрово, Николай Федоровичъ, 492—493.
Хованскій. князь (Василій Алексѣевичъ), 83, 394.
Хованскій, князь (Григорій ?), Его пѣсни 326.
Хованскій, князь, ген., 470.
Хомутовъ, атаманъ, 436.
Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ, 289, 484, 486.
Хотекъ, графиня. Записки ея, 149—154.
Храновицкій, Александръ Васильевичъ. Его сборникъ стихотвореній, 41, 507; исправлялъ редакцію Екатерины, 187.
Х., 160.

Царицыно, подъ Москвой, 437.
Ц., князь, 146.

Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ, 287—289.
Чаплицъ, генералъ. 52.

Чарторижскіе, кн. 60—61, 106—108.
Чемесовы, 408—409.
Чернышовъ, графъ Иванъ Григорьевичъ, 207.
Чертковъ (Василій Алексѣевичъ), 84—85.
Чертовъ, повѣренный по тяжебному дѣлу Сумарокова, 21.
Чичаговъ, Павелъ Васильевичъ, адмиралъ. Свѣдѣнія о немъ, 81—82.
Чичерины, 266.

Шаликовъ, князь Петръ Ивановичъ, 456, 465.
Шанфоръ, 1, 8, 129, 132.
Шатобріанъ, 274.
Шатровъ. Стихотвореніе на смерть Екатерины, 23.
Шаховской, князь Александръ Александровичъ. Отзывъ о немъ, 4; упом., 394.
Шаховской, князь. Его спектакли въ Москвѣ, 394.
Шекспиръ, 19. Замѣчаніе о немъ Вольтера, 19—20.
Шепелевъ, Дмитрій Дмитріевичъ, 60.
Шереметевъ, графъ Николай Петровичъ, 371.
Шишкина, впослѣдствіи г-жа Гедеонова, 483.
Шишковъ, Александръ Семеновичъ. Его **Тассовы Вдѣнія**, 24; статья о взятіи Москвы, 42—43; чистота русскаго языка, 81, 129; отзывъ о нем. Крылова, 197; Россійск. Академія, 453—454; славянофильство, 483.
Шлегель, 8, 37, 38.
Шлецеръ, несторіанецъ, 385—386.
Шлецеръ, проф. Московскаго университета, 377—378.
Шмидтъ, 106.
Шнаубертъ, докторъ, 83.
Шредеръ, дипломатъ. Свѣдѣніе о немъ, 499—501.
Шуваловъ, графъ Андрей Петровичъ. Свѣдѣнія о немъ, 186—188, 489.
Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ, 7; въ его домѣ жилъ Костревъ, 10; свѣдѣнія о немъ, 85—86, 87.
Шульгинъ, оберъ-полиціймейстеръ московскій, 190.
Ш., 298.

Эртель, ген., 135.

Юсупова, княгиня Татьяна Васильевна, 337—338.
Юсуповъ, князь Николай Борисовичъ, 39, 54, 86, 151, 159, 324.
Юшковы, 489.
Ю., князь, 339—340

Яблоновска, княгиня Тереза. Свѣдѣнія о ней, 300.
Ярмутъ, лордъ, 342.

Ѳеодоръ Іоанновичъ, царь, 441.